А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 66

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1958 ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 66

ТРУДЫ ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР,
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АН ТАДЖИКСКОЙ ССР
И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

ТОМ III

1951—1953 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1958 ЛЕНИНГРАД

t.me/archeotajik

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ИТОГИ РАБОТ ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЗА 1951—1953 гг.

Настоящий выпуск «Материалов и исследований по археологии СССР», являющийся третьим томом Трудов Таджикской археологической экспедиции, посвящен итогам ее работ за 1951—1953 гг. В него включены, как и в первые два тома, по преимуществу отчеты о полевых работах отдельных отрядов, входивших в состав ТАЭ. В эти годы экспедиция продолжала свои работы под руководством члена-корреспондента АН СССР А. Ю. Якубовского и его заместителя доктора исторических наук М. М. Дьяконова. Безвременная кончина в расцвете творческих сил А. Ю. Якубовского в 1953 (21 III) и М. М. Дьяконова в следующем году (8 VI), оборвавшая их плодотворную научную деятельность, явилась тяжелой утратой для экспедиции. Однако коллектив сотрудников ТАЭ, сплоченный А. Ю. Якубовским и М. М. Дьяконовым, продолжал вести полевые исследования по намеченному ими плану. В последних работах, написанных незадолго до кончины А. Ю. Якубовским и М. М. Дьяконовым, были учтены отчасти и результаты археологических работ за отчетные годы. Таковы их статьи, посвященные пенджикентской живописи,[1] а также работа М. М. Дьяконова по вопросу о сложении классового общества в Средней Азии.[2]

[1] А. Ю. Якубовский. Вопросы изучения пянджикентской живописи. Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954; М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Там же.

[2] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, XIX, 1954, стр. 121—140.

I

Предлагаемый вниманию читателя сборник открывается статьей А. П. Окладникова «Исследования памятников каменного века Таджикистана». Настоятельная необходимость изучения каменного века на территории Таджикистана хорошо осознавалась с первых же лет работы ТАЭ.

А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов приложили много усилий для организации в составе ТАЭ соответствующего отряда. В 1948 г. такой отряд во главе с А. П. Окладниковым начал свои исследования, которые после перерыва (с 1949 по 1951 г.) возобновились в 1952 г.

Уже первые итоги исследований, носивших разведывательный характер, убедительно говорят о больших перспективах работ в этой области. Отрядом исследован ряд районов как северного, так и южного Таджикистана. Очень важно установление наличия на территории Таджикистана памятников каменного века, начиная от ашельской эпохи и до появления металла. Тем самым подводится база для воссоздания истории древнейших эпох жизни человека в Таджикистане.

Не меньшее значение приобретает сделанный А. П. Окладниковым вывод, что культуры древнего каменного века Таджикистана находились в тесной связи с современными им культурами Присредиземноморья и северных приледниковых районов Европы и северной Азии. Чрезвычайно важна отмечаемая им при этом устойчивость этих связей, которые прослеживаются

и в мезолите и неолите. Обстоятельство это бесспорно должно быть учтено при изучении первобытно-общинного строя и ранних этапов классового общества как на территории Таджикистана, так Средней Азии в целом.

Уже сказанного достаточно, для того чтобы вполне согласиться с А. П. Окладниковым о необходимости продолжения исследований, которые должны полнее и глубже показать каменный век Таджикистана.

II

За отчетные годы исследования в северных районах Таджикистана проводились тремя отрядами: Исфаринским, Верхнезеравшанским и Пенджикентским. Первый из этих отрядов — Исфаринский — организован в 1952 г. (начальник Б. А. Литвинский).

Одним из основных объектов работ этого отряда являются курганные могильники вблизи Варухского ущелья, привлекавшие к себе внимание исследователей уже и ранее.[1] Раскопки этих могильников еще не завершены; но уже в первые сезоны добыт весьма интересный материал, позволяющий, в частности, отвергнуть высказанное в печати мнение о принадлежности курганных могильников у Варуха гуннам.

Другим объектом исследований Исфаринского отряда было небольшое укрепление типа замка, расположенное вблизи Исфары и известное под именем Калаи-Боло. Работы эти велись в 1951—1952 гг. Е. А. Давидович, отчет которой помещен в настоящем сборнике.

Тщательно проведенные исследования замка позволили Е. А. Давидович проследить основные этапы истории этого сооружения на протяжении почти двух тысячелетий — с первых веков н. э. до последнего периода его существования в начале XIX в. Особое внимание уделено при исследовании этого объекта вопросу об эволюции системы фортификации. Попытку восстановить облик этой крепости в VI—VIII и XI—XII вв. следует признать удавшейся.

Значительный интерес представляют и те комплексы разнообразных вещественных памятников, которые были обнаружены при раскопках.

В 1952 г. после перерыва были возобновлены работы Верхнезеравшанского отряда (начальник А. М. Мандельштам), которые продолжались и в следующем 1953 г. Наиболее интересным объектом исследования явился могильник в Зосуне, в котором открыты захоронения домусульманского и раннемусульманского времени. Отрядом обнаружены наскальные изображения, а также значительное количество эпиграфических памятников средневековья.

Большое место в работах ТАЭ занимают систематически ведущиеся раскопки городища древнего Пенджикента. За отчетные три года получен обильный материал, существенно обогащающий наши знания о материальной и духовной культуре Согда в предшествующее арабскому завоеванию время.

Новые данные позволяют уточнить историю запустения города. Так, изучение монетных находок,[1] и в частности монет с арабской легендой, показывает, что полное запустение города нельзя связывать, как это казалось раньше, непосредственно с арабским нашествием, с военными событиями первой половины VIII в. Найденные в ряде помещений монеты, датируемые второй половиной этого века, дают право связывать катастрофу, постигшую город, с другими событиями этого времени. Возможно, ее следует связать с большими антиарабскими народными движениями, как например восстанием «людей в белых одеждах» в 772 г., которое было жестоко подавлено арабскими властями. Впрочем, жизнь окончательно не замерла и во второй половине VIII в. Получены данные о том, что в последующий век или даже, возможно, в течение двух столетий люди продолжали жить на городище, однако пребывание их в этот период носило временный, случайный характер.

При указанных уточнениях, сделанных на основании вновь добытых материалов, остается незыблемым основное положение, установленное всеми предшествующими работами, что Пенджикентское городище — памятник культуры, целиком относящийся к доарабскому времени, и соответственно не затронут сколько-нибудь значительно так называемой мусульманской культурой.

[1] В 1934 г. Б. А. Латынин, а в 1936 г. Т. Г. Оболдуева производили раскопки этих курганов. К сожалению, до сих пор результаты этих работ не опубликованы.

[1] См. статью О. И. Смирновой в настоящем томе, стр. 216.

В настоящем введении мы отметим лишь наиболее существенные достижения и открытия, сделанные за отчетные годы раскопками на этом городище. К ним относятся прежде всего результаты, полученные при исследовании пригородного поселения (см. ниже отчет О. Г. Большакова и Н. Негматова). В этом поселении следует, несомненно, видеть предшественника тех городских посадов-рабадов, которые в последующие века стали основными центрами торгово-ремесленной деятельности городского населения Средней Азии.

Социально-экономическая природа этого поселения хорошо характеризуется открытой здесь мастерской по выработке стеклянных изделий и крупной винодельней. Это — поселение, жители которого были заняты ремеслом и сельским хозяйством. При этом и то и другое имело товарный характер.

В результате раскопок пригородного поселения хорошо выявлен тип жилого дома. Дома пригорода представляют собой сравнительно небольшие по размеру постройки, говорящие о том, что и проживающие в них семьи были относительно небольшими. Мнение о том, что в это время существовала большесемейная патриархальная семья, не находит, таким образом, подтверждения. Несомненные следы благоустройства этих домов, выявленные раскопками, могут свидетельствовать о том, что в них проживали свободные, сравнительно зажиточные люди.

Раскопки отчетных лет были весьма плодотворными и на шахристане. Открытие следов ремесленного производства, в том числе и мастерской по обработке металла, раскопки дома (объект IX), по всей вероятности принадлежавшего купцу, свидетельствуют о более сложной социальной структуре городского населения, чем об этом можно судить по раскопкам прошлых лет. Новые обильные материалы и наблюдения получены для характеристики многих сторон материальной и духовной культуры населения.

В специальной работе В. Л. Ворониной обобщены наблюдения, сделанные в области архитектуры.

Исключительными по своему научному значению являются монетные находки, благодаря которым сейчас фактически создана новая отрасль среднеазиатской нумизматики — согдийская (см. ниже статью О. И. Смирновой).

В отчетные годы были сделаны выдающиеся открытия в области изобразительного искусства. Оценку памятников пенджикентской живописи, в том числе открытых и в первом отчетном году (1951 г.), которая дана в упомянутом выше сборнике «Живопись древнего Пенджикента», сейчас нет необходимости пересматривать. Находки новых образцов живописи в 1952—1953 гг. несомненно лишь подтверждают их общее большое художественное и историко-культурное значение.

Новой страницей в истории изобразительного искусства Согда является открытие в 1952 г. памятников монументальной глиняной скульптуры. Оригинальная по своему содержанию, глиняная скульптура Пенджикента раскрывает новые, до сих пор мало известные стороны мифологии народов Средней Азии. В ней впервые мы встречаем изображения фантастических существ, образы которых, несомненно, возникли в связи с обожествлением водной стихии. Открытая скульптура представляет незаурядный интерес и по своим художественным достоинствам.

В 1952 г. были открыты и первые образцы деревянных архитектурных деталей с резным орнаментом. Наиболее ранние из известных до сих пор памятников резного дерева Средней Азии датируются не ранее X—XI вв. н. э.[1] С открытием в Пенджикенте памятников художественной деревянной резьбы история этого замечательного, народного искусства отодвигается, по крайней мере, на два-три века вглубь истории.

III

Большое значение имеют исследования, проводимые ТАЭ на территории южного Таджикистана.

Можно без преувеличения утверждать, что древнейшие периоды исторического прошлого этих районов, входивших в состав прославленной, но очень мало изученной Бактрии, получили реальное освещение лишь в самое последнее время благодаря и в связи с археологическими работами ТАЭ. Во втором томе трудов ТАЭ были подведены итоги археологических работ на юге Таджикистана до 1951 г. включительно.

[1] В. Л. Воронина. Резное дерево Зарафшанской долины. Труды СТАЭ, т. I, МИА, № 15, 1950.

В 1952—1953 гг. работы на этой территории проводились двумя отрядами Кафирниганским и Хуттальским.

Кафирниганский отряд (см. ниже отчет А. М. Мандельштама и С. Б. Певзнера) продолжал исследования, начатые в предыдущие годы в Кобадианском оазисе. Основное внимание было уделено раскопкам городища Кей-кобад-шах и Мунчак-тепе. На первом из них археологические работы проводились в течение обоих раскопочных сезонов 1952—1953 гг. Значительный интерес представляет прежде всего раскрытый здесь раскопками большой участок крепостной стены с башней. В устройстве стены отражаются элементы эллинистической фортификационной практики, но прослеживаются и особенности местной строительной традиции. Последняя особенно проявилась, на наш взгляд, в сооружении фундамента под крепостными стенами, представляющего собой своеобразную подушку из битой глины, очевидно антисейсмического назначения. Местной традицией следует объяснить и наличие так называемого «межстенного» коридора с внутренней стороны стены, который, очевидно, служил ходом сообщения во время осады между отдельными участками обороны крепости. На территории собственно городища возможности производства раскопок были весьма ограничены, так как она занята под посевы. Раскопки здесь были проведены на сравнительно небольшой, оказавшейся незасеянной площади. Открытые остатки жилых построек позволяют сделать вывод, что характер застройки и направление городских улиц отличались прямолинейностью и регулярностью. Наблюдение это может также служить показателем знакомства с принципами градостроительства эллинистического мира.

Раскопки дали значительное количество вещественных памятников, представляющих незаурядный интерес. Такова, в частности, коллекция разнообразной глиняной посуды.

Впервые на юге Таджикистана в стратиграфически определенном слое обнаружены весьма интересные терракоты. Они представляют собой плитки с оттиском штампом изображений женского божества, отличающихся иконографически четко выраженными атрибутами. Эти атрибуты позволяют видеть в данных изображениях божество вод и плодородия Анахит, образ которой очень широко представлен в коропластике других районов Средней Азии, в частности в Согде и Хорезме.

Монеты представлены хотя и немногочисленными, но интересными экземплярами, например монетой «Герая», впервые найденной непосредственно в слое во время раскопок.

Работы этих лет на городище позволяют уточнить датировку нижнего слоя городища, а именно вместо III в. слой этот следует датировать II в. до н. э. Как бы то ни было крепость Кей-Кобад-Шах следует признать наиболее ранним поселением данного типа на территории Среднеазиатского междуречья.

Кафирниганский отряд продолжал также разведки в низовьях Кафирнигана. Обследована, в частности, северная половина Бишкендской долины, где обнаружен ряд городищ и курганные могильники.

В 1952 г., после длительного перерыва (с 1947 г.), были возобновлены археологические работы в долине Вахша и в Кулябской области Хуттальским отрядом (начальник Б. А. Литвинский).[1] В течение первого года работа отряда носила разведывательный характер и охватила южные районы Кулябской области. Здесь было зарегистрировано около 80 разнообразных памятников древности. Одним из наиболее интересных оказалось громадное городище (ок. 70 га), расположенное вблизи кишлака Курбан-Шаид, носящее название «Хишт-Тепе» («Кирпичное тепе»). Городище это идентифицируется с хорошо известной по письменным источникам столицей Хутталя — Хульбуком. В 1953 г. на городище были проведены раскопки, давшие яркий и обильный вещественный материал, прекрасно иллюстрирующий сообщения письменных источников о расцвете города в эпоху развитых феодальных отношений. В XI—XII вв. здесь получило широкое распространение строительство из жженого кирпича, из которого возводились не только общественные, но и частные постройки. Степень общего благоустройства города, как это устанавливается раскопками, была также весьма высокая. Прослеживается разветвленная водопроводная сеть из обожженных глиняных труб (кубуров), а также и специальное канализационное устройство для отвода нечистот.

[1] Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). АН Тадж. ССР, Институт истории, археологии и этнографии, Труды, т. XXVI, Сталинабад, 1954. Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954, стр. 39—52; Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. Там же, стр. 53—60.

В этом же году Хуттальский отряд приступил к изучению очень интересного, но загадочного городища, расположенного вблизи Ворошиловабада в долине Вахша. Городище это, получившее название «Ворошиловабадское», примечательно прежде всего своим четким микрорельефом, свидетельствующим о регулярной его застройке. Это наблюдение позволило отнести его к античному времени. Проведенные на нем в 1953 г. раскопки подтвердили эту датировку. Наиболее интересные наблюдения получены при исследовании крепостной стены. Замечательной особенностью ее устройства является чрезвычайно своеобразное оформление внешнего фасада. По всей поверхности стен, включая и башни, выдаются вертикальные выступы-лопатки, расположенные на незначительном расстоянии друг от друга. Массивность этих выступов (квадратных в плане, со стороной в 1.5 м) исключает возможность видеть в них лишь декоративные элементы.

Вскрытый раскопками комплекс помещений внутри городища, по словам авторов отчета, «производил впечатление недостроенного или необжитого». Полностью отсутствовали следы полов и перекрытий, а также какие-либо предметы материальной культуры.

Исключение составляет лишь одно помещение, в котором оказалось скопление человеческих костей, лежавших вперемежку с различными предметами. Среди находок, обнаруженных в этом помещении, имеются и монеты кушанских царей, которые дают отправную точку конкретной датировки городища (I—II вв. н. э.).

IV

Помимо вышеперечисленных отчетных работ, отражающих результаты полевых исследований за 1951—1953 гг., в настоящий том включена статья, которая связана с исследованиями ТАЭ в предшествующие годы: она посвящена одному из наиболее замечательных памятников средневекового зодчества, сохранившихся на территории Таджикистана, — мавзолею Мохаммеда Бошшаро.

Памятник этот был обследован А. Ю. Якубовским в 1947 г., и предварительная характеристика его была помещена в первом томе «Трудов СТАЭ».[1] По предложению А. Ю. Якубовского, в 1949 г. архитектурными обмерами и общим его изучением занялся принимавший участие в работах ТАЭ кандидат архитектуры Л. С. Бретаницкий. В публикуемой статье Л. С. Бретаницкого впервые дается подробное научно-архитектурное описание памятника. Несомненный интерес представляет и ряд выводов, сделанных Л. С. Бретаницким, об истории сооружения мавзолея и месте, которое он занимает в истории среднеазиатского зодчества. Выводы автора в достаточной степени обоснованы, однако, как он сам отмечает, для окончательного суждения по поднятым вопросам требуются дополнительные исследования.

Совершенно очевидна необходимость продолжать изучение этого замечательного памятника и по другим линиям. Так, например, скорейшего опубликования требует имеющийся на этом памятнике эпиграфический материал, в том числе надписи на портале, а также на надгробиях. Последние представляют собой к тому же замечательные памятники керамического искусства средневековья.

V

Подводя общий итог вышеизложенному, следует признать, что ТАЭ в отчетные годы добилась значительных достижений в археологическом изучении Таджикистана. Полевые работы интенсивно велись как в северных, так и южных районах республики. Исследовались памятники, относящиеся к основным историческим эпохам, начиная от эпохи первобытнообщинного строя и вплоть до эпохи развития феодальных отношений. Добыт обильный вещественный материал, позволяющий сделать необходимые общеисторические выводы. Вполне объективным свидетелем достижений ТАЭ яв-

[1] А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. Труды СТАЭ, т. I, МИА, № 15, стр. 41.

ляются многочисленные опубликованные за последние годы работы. Библиография этих работ приводится в виде приложения к данному тому трудов. Здесь достаточно отметить лишь выход в свет сборника «Живопись древнего Пянджикента», а также издание отдельными выпусками предварительных отчетов ТАЭ за 1953 и 1954 гг., осуществленное Сектором археологии Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Нельзя также не отметить и того, что на основе археологических материалов, полученных ТАЭ, написаны и успешно защищены две кандидатские диссертации.[1]

Но признавая несомненные достижения ТАЭ, следует указать и на те имеющиеся недостатки, которые должны быть устранены в ближайшее время. При планировании работы экспедиции далеко не всегда учитываются основные задачи, стоящие перед исторической наукой в целом. Несомненно, до сих пор отстает исследование эпохи первобытнообщинного строя. Начатые работы в этой области следует систематически проводить. Особенно необходимо усилить поиски и исследования памятников эпохи бронзы.[1] Необходимо и в дальнейшем не ослаблять усилий по исследованию памятников времени становления классовых отношений и появления государственности. Опыт прошлых лет работы ТАЭ показывает, что для разрешения этих большой важности проблем наиболее перспективным является исследование памятников южных районов Таджикистана.

Хотя в результате раскопок Калаи-Боло в северном Таджикистане и Хишт-Тепе в южном Таджикистане получен значительный материал для характеристики культуры эпохи феодализма, тем не менее этого еще далеко не достаточно. До сих пор, в частности, археологическими исследованиями не затронуты памятники монгольского и послемонгольского времени.

Устранить указанные недочеты вполне в силах коллектива сотрудников ТАЭ, который, надо надеяться, справится и в будущем со стоящими перед ним задачами.

[1] См. библиографию трудов экспедиции в настоящем томе, стр. 388.

[1] Пробел этот можно считать отчасти заполненным работами 1955—1956 гг. в Кайрак-кумах, давшими чрезвычайно интересные материалы по каменному веку и эпохе бронзы.

t.me/archeotajik

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 66

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА ТАДЖИКИСТАНА

Предварительное сообщение о работах 1948, 1952—1954 гг.

Изучение каменного века Таджикистана представляет большой интерес для историков, так как без ясного представления о культурах каменного века не может быть достаточно полной и законченной общая картина прошлого населения этой страны; не могут быть полностью раскрыты истоки той яркой и своеобразной культуры, которая развивалась здесь с таким блеском в античное время и на протяжении последующих веков.[1] Изучение каменного века Таджикистана имеет, вместе с тем, важное значение и для истории соседних с Таджикистаном территорий.

Уже по их географическому положению памятники каменного века Таджикистана и представленные ими древние культуры должны быть своего рода связующим звеном между одновременными им памятниками северной Индии и Афганистана, с одной стороны, Средней и Центральной Азии — с другой. В Таджикистане должны были так или иначе отражаться события, происходившие в этих соседних странах; с другой стороны, то, что происходило в данный период на территории современного Таджикистана, могло находить отражение и за его пределами.

Не меньший интерес для истории человечества в каменном веке должны представлять и черты своеобразия в развитии местных культур, которые могут быть прослежены при внимательном исследовании древнейших археологических памятников Таджикистана.

При всем том до недавнего времени в литературе имелись только очень немногочисленные и неопределенные указания на отдельные находки, которые так или иначе могут быть отнесены к каменному веку Таджикистана. Почти столь же неизученным на данной территории остается и бронзовый век. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться со специальной сводной статьей В. Ранова, посвященной истории изучения каменного века в Таджикистане,[1] и с обстоятельным обзором историко-археологического изучения Таджикистана, составленным Б. А. Литвинским.[2]

Первой специальной попыткой поисков памятников каменного века на территории Таджикистана явилась поездка С. Н. Замятнина и М. З. Паничкиной, которые побывали в Орджоникидзеабадском, Варзобском и Гиссарском районах. С. Н. Замятнин и М. З. Паничкина осмотрели около тридцати пещер и гротов в известняках, песчанике, конгломерате и лёссе. В восьми гротах и

[1] Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении. Том первый. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. Издание 2-е, Госполитиздат, М.—Л., 1952.

[1] В. А. Ранов. Изучение каменного века Таджикистана. Доклады АН Таджикской ССР, вып. 9, Сталинабад, 1953.

[2] Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т. XXVI, Сталинабад, 1954.

пещерах были заложены шурфы, но только в одной пещере у кишлака Тачак Гиссарского района были обнаружены предметы, которые напоминали изделия людей каменного века. Это были, по словам С. Н. Замятнина, осколки «белой просвечивающей породы (хрупкой во влажном состоянии), имеющие уплощенную форму и в нескольких случаях очертания, близкие к характерным, хорошо известным в образцах из камня очертаниям палеолитических орудий».[1] С. Н. Замятнин, однако, не решился признать эти предметы бесспорными изделиями человека.

В 1948, 1952, 1953 и 1954 гг. по инициативе А. А. Семенова, А. Я. Якубовского и М. М. Дьяконова поиски памятников каменного века на территории Таджикистана были продолжены автором настоящей работы и его сотрудниками.

В 1948 г. Согдийско-Таджикской экспедицией был выделен отряд по изучению памятников каменного века в составе А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской. В сентябре 1948 г. этот отряд обследовал район Сталинабада, Гиссара, местность при слиянии р. Хонако с Кафирниганом и берега Кафирнигана у кишлаков Чинари-Сухта, Джетыкер и в других местах. Затем работы отряда были продолжены в Варзобском районе и по дороге Сталинабад—Курган-Тюбе, вплоть до поселка Оби-Киик.

Во время работ 1948 г. был осмотрен ряд пещер и навесов (вблизи кишлаков Лохур и Такоб в Варзобском районе, у кишлаков Дагана-Киик и Ганджина в Яванской долине), но никаких бесспорных следов деятельности людей каменного века в них найдено не было. Поэтому основное внимание было уделено поискам поселений открытого типа, и поиски эти сразу же дали положительные результаты. Как оказалось, в 14 пунктах на древних террасах были обнаружены поселения людей каменного и раннего бронзового веков.

В 1952 г. во время поездки в Пенджикент мною совместно с Д. Н. Левом была обследована возвышенность Чопан-Ата у Самарканда на левом берегу Зеравшана, причем обнаружены каменные изделия в виде отщепов, пластин и одного нуклеуса конической формы. Затем каменные изделия, близкие к найденным в Гиссарской долине, были найдены мною неподалеку от мазара Мухаммада Бошшаро около Пенджикента.

Весной 1953 г. (май—июнь) работы по поискам памятников каменного века были снова продолжены отрядом Таджикской археологической экспедиции в составе А. П. Окладникова и В. А. Ранова. Наиболее богатые находки получены при осмотре правого и левого берегов р. Лучоб в районе г. Сталинабада. В обследовании р. Лучоб принимали участие М. М. Дьяконов, а также Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Затем были произведены разведки в предгорьях Гиссарского хребта, на территориях Регарского и Шахринауского районов. Здесь был осмотрен ряд навесов и гротов по ущелью речки Ширкент-Дарья, а также у кишлаков Ходжи и Санги-Миля. В пещерах снова ничего не оказалось, но был обнаружен ряд местонахождений открытого типа, в том числе поселение на террасе, где в обнажениях культурного слоя содержались каменные изделия и керамика in situ.

После завершения разведочных работ вблизи Сталинабада отряд направился на юг Таджикистана, в Микоянабад, оттуда в Шаартузский район и в Айвадж. При этом был обнаружен ряд новых местонахождений каменных изделий. Обследована была также пещера Кара-Камар на Кафирнигане, но безрезультатно. Были осмотрены наскальные рисунки в местности Питтык-Чашма, обнаруженные сотрудниками Термезского музея, и имеющиеся в этом районе поселения открытого типа.

В 1954 г. специальным отрядом Кайрак-кумской археологической экспедиции в составе А. П. Окладникова и В. А. Ранова были начаты поиски поселений каменного века в долине р. Сыр-Дарьи, в Кайрак-Кумах, а также в долине р. Исфары. В результате этих исследований были обнаружены памятники каменного века в районе г. Ленинабада, а также в Кайрак-Кумах и у кишлака Чарку в долине р. Исфары.

Таким образом, в настоящее время наличие памятников каменного века констатировано во всех трех частях Таджикистана, подвергнутых специальному обследованию в 1948—1954 гг.: 1) на юге в приамударьинской части страны, 2) в центральной части — в Гиссарской долине и 3) на севере, в бассейне р. Сыр-Дарьи. Ниже рассматриваются

[1] С. Н. Замятнин. Разведки пещер в Таджикистане осенью 1943 г. Труды Тадж. филиала АН СССР, т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 49—50.

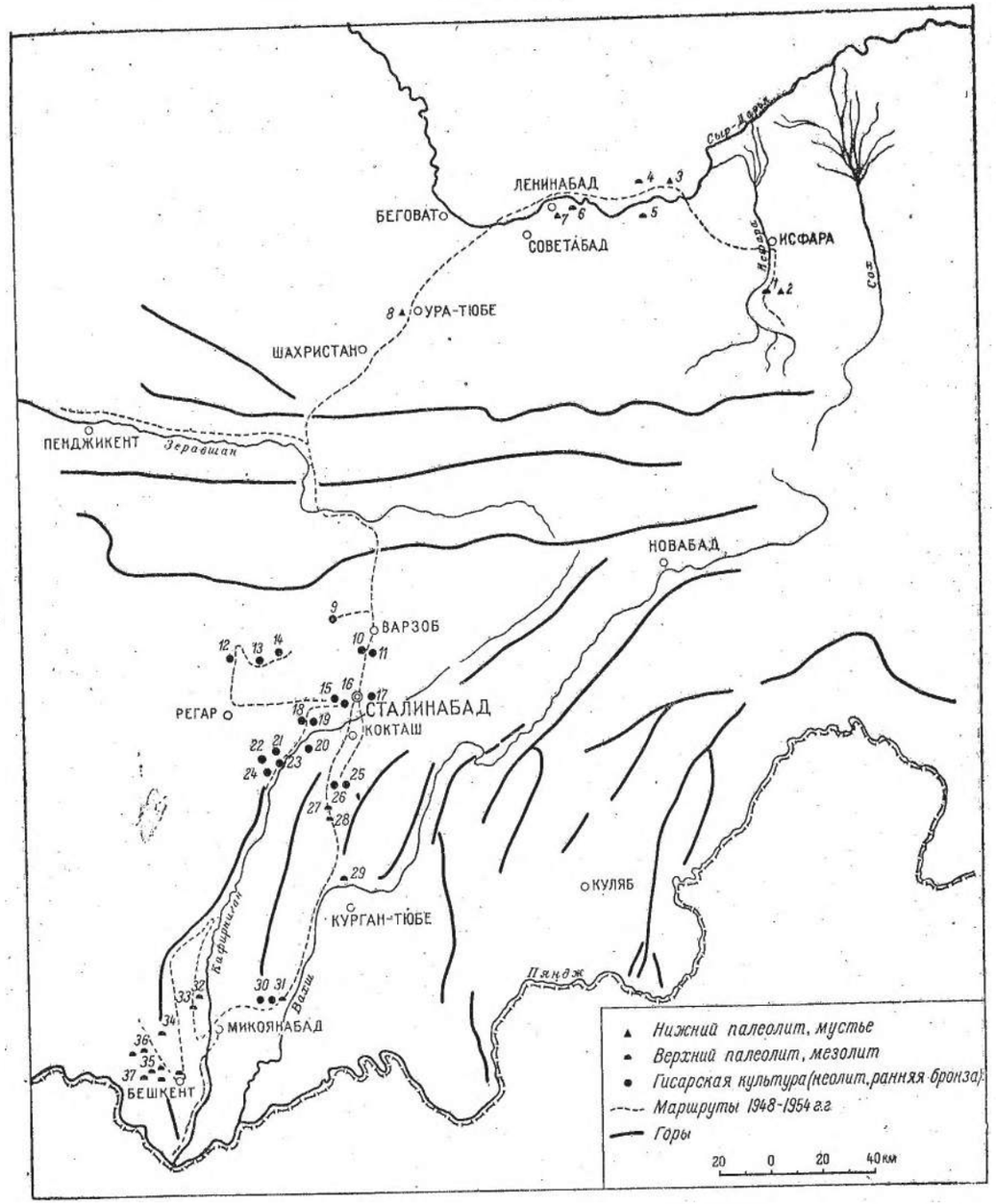


Рис. 1. Карта памятников каменного века Таджикистана (по работам 1948, 1952, 1953, 1954 гг.).

1, 2 — Ходжи Гор, поселение палеолитического времени (мустье и эпипалеолит); *3* — Ходжи-Ягона, мустье; *4* — Кайрак-Кум, против колхоза им. Калинина, верхний палеолит; *5* — мавар Ходжа-Гокравуд, верхний палеолит или неолит; *6* — кишлак Унжи, верхний палеолит; *7* — кишлак Кайрагач, нижний палеолит; *8* — Ура-Тюбе, мустье; *9* — Ходжа-Оби-Гарм, неолит; *10—11* — Такоб, неолит; *12* — Киргизон, неолит; *13* — Санги-Миля, неолит; *14* — кишлак Ходжи, неолит; *15, 16* — Лучоб, неолит; *17* — Гюлистон, неолит; *18, 19* — Тепе-и-Гавион, неолит; *20* — Джетыкер, неолит; *21—24* — Кунчи, Джар-тепе, Чинари-Сухта, Сасык-Вудак, неолит; *25, 26* — Караманды, палеолит, неолит; *27* — Дагана, неолит; *28* — Дагана-Киик, неолит; *29* — Джиликульская переправа, мезолит; *30, 31* — Кизил-кала, нижний палеолит, мезолит; *32* — Чакмак-Кия, мезолит; *33* — Кара-Камар, неолит; *34* — Питтык-Чашма; *35* — Чильучор-Чашма, мезолит; *36* — Туван-Сай, мезолит; *37* — Хан-Кудук.

находки в каждом из этих больших районов, начиная с Гиссарской долины (рис. 1).

Описания памятников приводятся здесь в кратком виде, так как более развернутое монографическое изложение результатов исследований некоторых важнейших местонахождений, таких как поселение в местности Тепеи-Газион в Гиссарской долине или поселения Хаджи-Гор в долине р. Исфары, можно будет дать лишь после специальных раскопок.

РАБОТЫ В ГИССАРСКОЙ ДОЛИНЕ И ВБЛИЗИ Г. СТАЛИНАБАДА

Памятники каменного века в Гиссарской долине и в окрестностях г. Сталинабада связаны не с пещерами, где их тщетно искал С. Н. Замятнин, а вслед за ним и мы, а с древними террасами. В связи с этим следует привести общие сведения о террасах Гиссарской долины. По словам М. А. Гиляровой, на протяжении Гиссарской долины можно наблюдать 4 аллювиальные галечниковые террасы — «первая, пойменная, терраса, сложенная современными аллювиальными галечниками, достигает в местах расширения 2—3 км; местами она заболочена и покрыта густыми зарослями тростников, местами разбивается рукавами р. Кафирниган на отдельные галечниковые острова, почти не прикрытые почвенным слоем, а местами, где имеются налицо благоприятные условия увлажнения и почвообразования, занята посевами риса. Вторая терраса (надпойменная), высотою 6—8 м, очень широка, сложена суглинками или аллювиальными галечниками с прослоями суглинка и сверху прикрыта лёссовидным покровом; она занята посевами преимущественно риса и хлопка. Третья терраса резко отделена от поверхности 2-й террасы фестончатым краем обрыва, приблизительно до 40—50 м высотою, и достигает значительной ширины в районе г. Сталинабада; она прикрыта мощным лёссовым плащом. Там, где отсутствует четвертая терраса, третья терраса переходит непосредственно в волнистую поверхность предгорий.

Четвертая терраса, поднимающаяся на 30—40 м над предыдущей, хорошо выражена западнее Янги-Базара; ее наклонная поверхность постепенно сливается с конусами выноса и предгорными покатостями, сложенными пролювиальными наносами».[1]

[1] М. А. Гилярова. Гиссарская долина. Устройство поверхности, геология. Сб. «Таджикистан, физико-географический очерк», Труды Таджикско-Памирской экспедиции, 1933 г., вып. XXIII, Материалы экспедиции, Л., 1936, стр. 286.

1. Тепеи-Газион

Самый обильный находками памятник расположен в местности Тепеи-Газион, неподалеку от старой Гиссарской крепости, на высоком террасовидном останце, у подножия которого протекает речка Хонако (Хонакинка).

«Река Кафирниган, разветвляясь здесь на несколько русел, образует ряд террасовых останцев до 50 м и более относительной высоты, сложенных галечниками, например у Янги-Базара, в устье р. Хонако и проч.».[1] Один из таких останцев четвертой террасы, наиболее обширный по размерам, уже издали выделяющийся на фоне Гиссарской равнины, и представляет собой Тепеи-Газион, названное так по большому мусульманскому кладбищу, состоящему из сотен могил. Вдоль всей этой возвышенности, ограниченной с севера крутым обрывом и руслом речки Хонако, на наиболее высокой ее части, в выбросах из могил, на размытых участках склонов и, в особенности, на распаханной площади, — всюду встречаются отбросы от производства каменных орудий, а также сравнительно немногочисленные, но достаточно характерные изделия из камня. Территория распространения обработанного человеком камня равна нескольким квадратным километрам.

Это поселение является, таким образом, наиболее обширным и самым богатым находками среди всех других поселений такого рода, известных сейчас в Гиссарской долине.

Зачисткой края обрывов и шурфовкой установлено, что культурный слой древнего поселения прослеживается начиная с поверхности почвы и глубже — до 0.4—0.5 м. Он представляет собою светложелтый и достаточно рыхлый суглинок, в котором рассеяны довольно обильные, местами обработанные человеком, камни.

[1] Там же, стр. 285, 286.

Эти находки рисуют характерную картину первичной обработки камня, производившейся в относительно широких масштабах и на протяжении многих поколений.

Основным материалом были хорошо окатанные водой гальки черной кремнистой породы. Оббитые рядом последовательно нанесенных ударов, обычно с одного края, но нетронутые с другой стороны, такие гальки служили нуклеусами (рис. 2, *1*; 3, *1*, *2*, *5*), от которых и отделялись каменные отщепы, употреблявшиеся для изготовления мелких орудий (рис. 2, *3*, *7*; 3, *3*, *4*).

Есть и типичные нуклеусы призматического типа, от которых отделялись узкие и правильные по форме ножевидные пластинки неолитического облика (рис. 2, *2*, *5*; 4, *5*, *6*, *8*). Обломки таких пластинок тоже имеются среди находок.

Ряд обнаруженных здесь изделий может быть отнесен к числу грубых или незаконченных скребловидных орудий (рис. 2, *4*, *6*; 3, *3*, *4*). Имеются также своеобразные грубые остроконечники. Это простые отщепы треугольных очертаний, слегка подправленные ретушью вдоль краев. Один такой остроконечник изготовлен из длинной и сравнительно широкой в основании пластины кремнистой породы черного цвета. Пластина эта резко суживается к верхнему острому концу. Со стороны брюшка на ней имеется выпуклый ударный бугорок и хорошо выраженная метка от удара. Характерно при этом, что ударный бугорок расположен наискось по отношению к длинной оси отщепа, как у отщепов нижнепалеолитического типа. В основании изделие вдоль краев подправлено резкой и сравнительно крутой ретушью, тогда как острый конец его остается неоформленным ретушью. Длина изделия 7 см, наибольшая ширина его в основании 4.3 см (рис. 2, *8*).

Второй остроконечник изготовлен из массивного и широкого отщепа треугольных очертаний. Материал отщепа — такая же темно-серая кремнистая порода, как и на описанном выше изделии. На брюшке отщепа имеется еще более резко выраженный ударный бугорок, тоже расположенный наискось по отношению к длинной оси отщепа. На противоположной стороне отщепа — две продольных грани, разделенных острым ребром. Оба длинных края изделия подправлены довольно тщательно и умело выполненной ретушью. Длина остроконечника равна 7.5 см, ширина 5 см (рис. 4, *1*).

Особо выделяется один незаконченный обработкой, но вполне характерный по форме предмет. Это — заготовка плоского и широкого клинка лавролистной формы, обработанная с обеих сторон широкими плоскими сколами солютрейского типа. Клинок в зависимости от того, какой была его рукоятка, мог служить как наконечником дротика, так и ножом, обычным в культурах неолитического облика (рис. 4, *2*, *7*).

Орудия для обработки камня представлены в сборах с Тепеи-Газион характерными изделиями в виде небольших гладко отшлифованных водой галек, концы которых покрыты многочисленными звездчатыми выбоинами, а иногда сглажены и затерты. Возможно, что они служили также пестами для растирания съедобных кореньев, зерен или минеральных красок.

Среди подъемных находок с поселения имеются фрагменты глиняных сосудов, изготовленных от руки, без применения гончарного круга. Цвет черепков желтовато-бурый или красный различных оттенков, тесто грубое. Характерной особенностью их являются нередко весьма четкие оттиски простой грубой ткани типа дерюги. Горшки такого рода, следовательно, формовались от руки на твердой основе обложенной тканью.

Находки на поселении Тепеи-Газион дают, таким образом, новый материал для характеристики выявленной нашими работами предшествующих лет, ранее неизвестной культуры, самой древней из всех изученных до сих пор в Гиссарской долине.

По уровню обработки камня культура эта, несомненно предшествующая самым древним памятникам античной эпохи, не может быть датирована позже ранней поры бронзового века и в то же самое время она, конечно, не старше развитого неолита. Об этом свидетельствуют хорошо выраженные приемы изготовления призматических пластин и тип нуклеусов, соответствующий этим приемам, а также каменный наконечник, или нож, характерный по форме и ретуши для неолитических культур.

Очень вероятно, поэтому, что жители данного поселения, в полной мере владевшие неолитическими приемами обработки камня, выделывали и ту керамику с оттисками ткани, остатки которой обнаружены здесь вместе с каменными изделиями. В таком

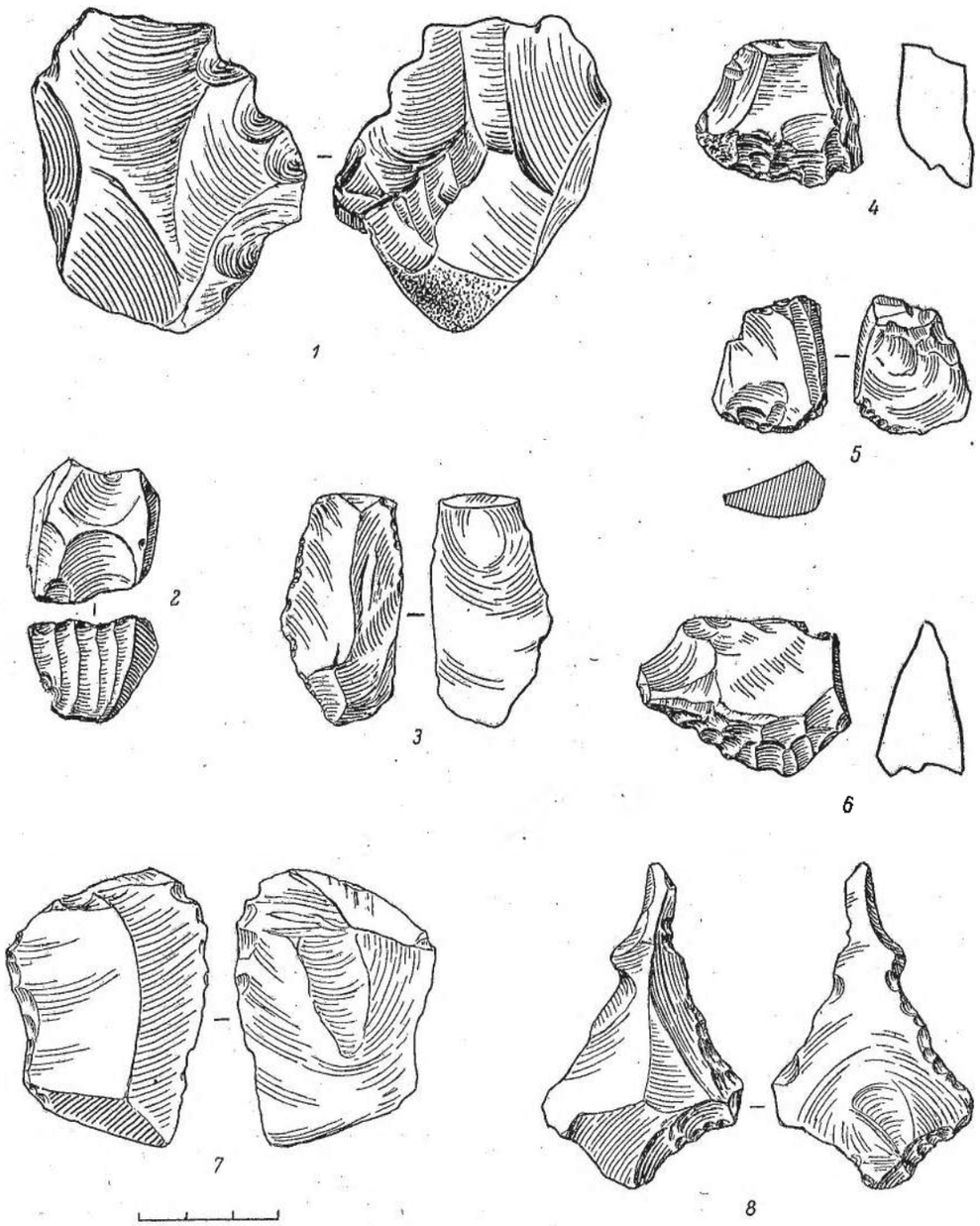


Рис. 2.

1 — нуклеус дисковидного типа; *2*, *5* — нуклеусы призматического типа; *3*, *7* — пластинчатые отщепы; *4*, *6* — скребловидные изделия; *8* — грубый остроконечник. Тепеи-Газион.

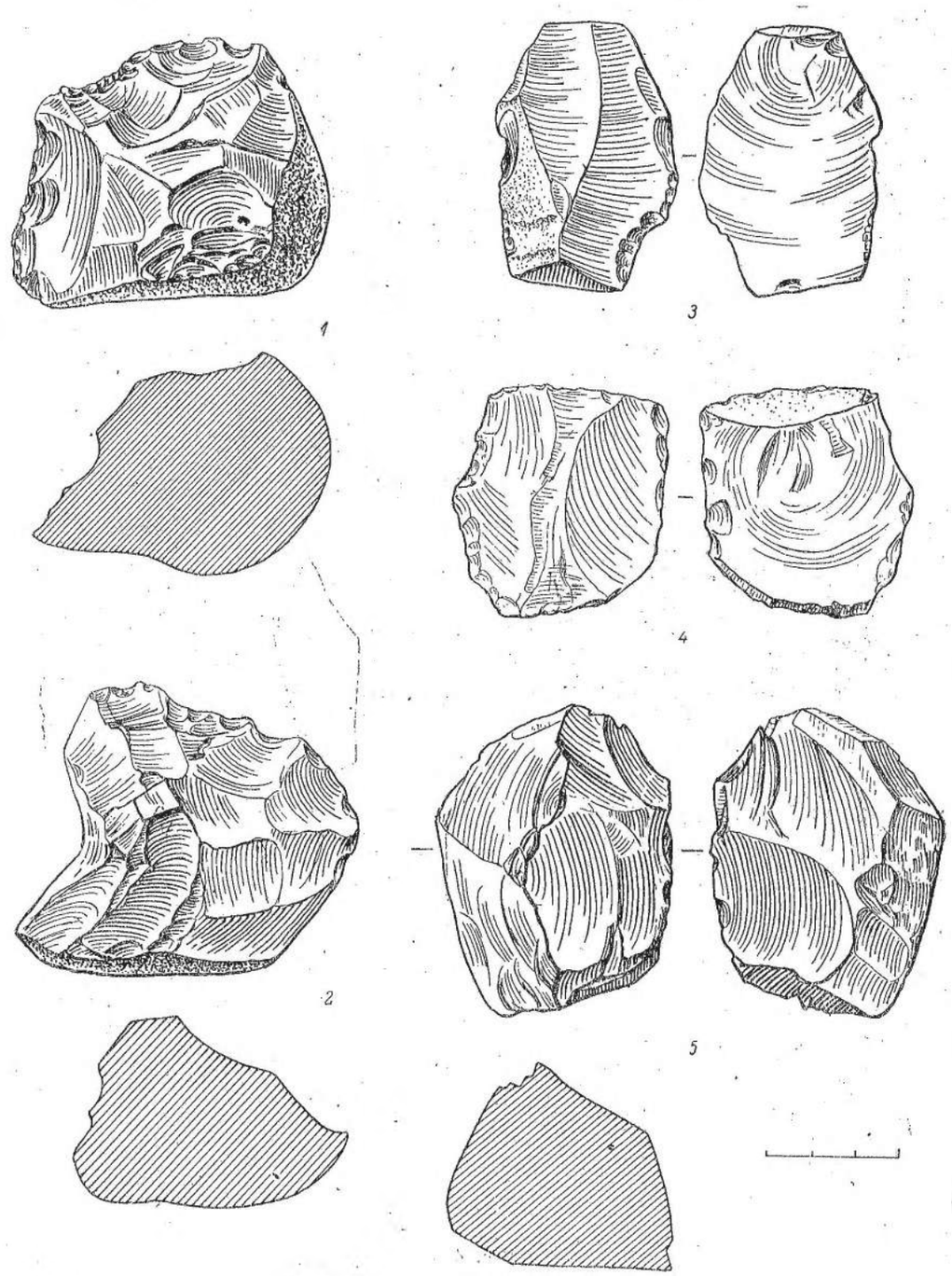


Рис. 3.

1, *2*, *5* — нуклеусы дисковидного типа; *3*, *4* — отщепы с частично ретушированными краями. Тепеи-Газион.

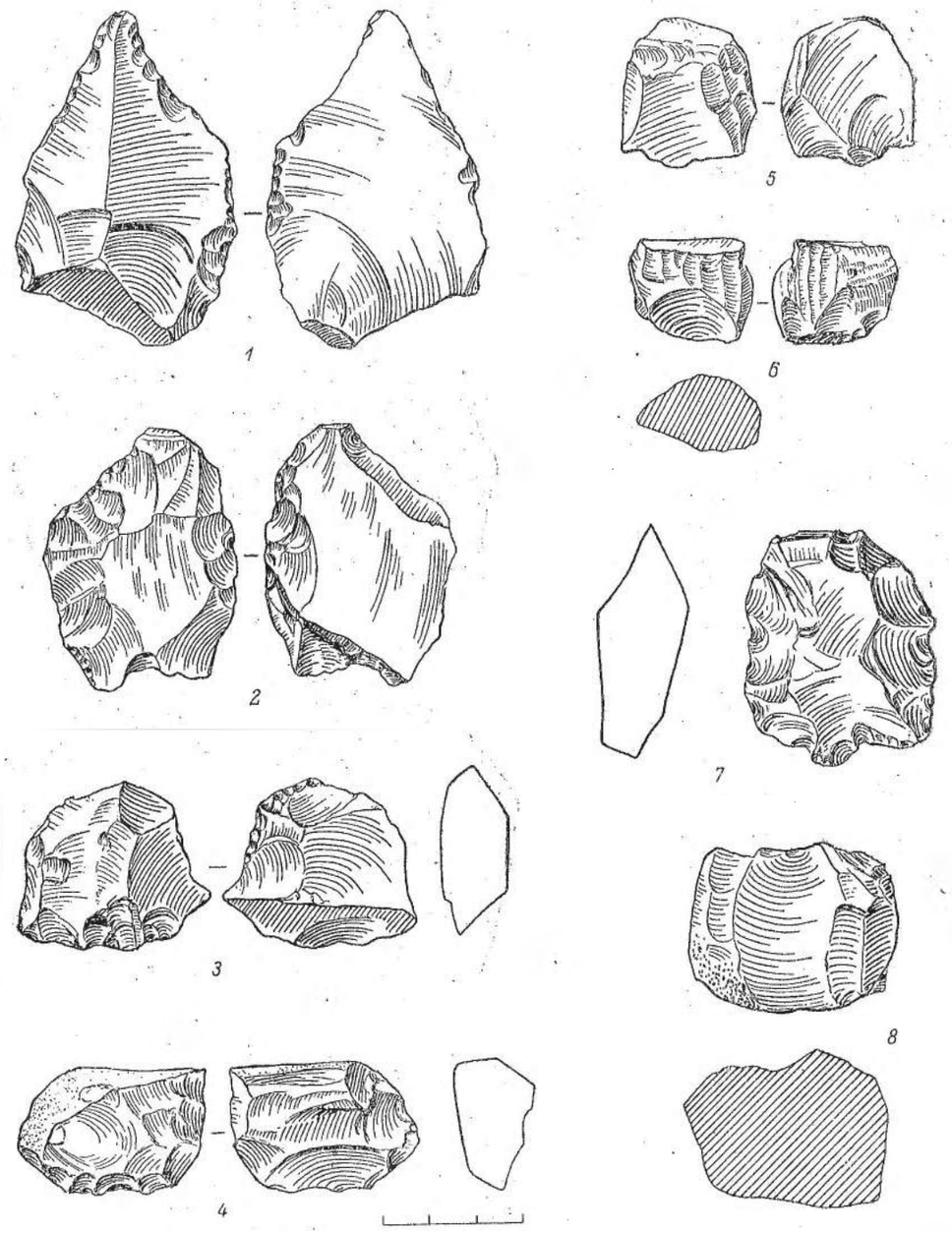


Рис. 4.

1 — остроконечник; *2, 7* — заготовка листовидного наконечника; *3, 4* — скребловидные изделия; *5, 6, 8* — нуклеусы. Тепеи-Газион.

случае это будет древнейшая, известная сейчас керамика древнего Таджикистана.

По общему характеру поселения и обнаруженных находок следует сделать вывод, что обитатели его занимались скотоводством и земледелием. Не исключено также, что эти древнейшие, известные нам сейчас земледельцы и скотоводы Гиссарской долины, несмотря на то, что по общему впечатлению их культура оставалась неолитической и камень все еще занимал в их жизни место весьма важного материала для изготовления орудий труда и вооружения, были уже знакомы и с металлом, с медью или даже бронзой.

При обследовании окрестностей Тепеи-Газион в 1 км к юго-западу от него на террасовидном уступе противоположной возвышенности, подвергающемся размыву склона вдоль арыка, обнаружены разбитые и расколотые гальки, а также массивные отщепы.

Здесь шла в дело галька черного и зеленовато-серого цвета. Одно изделие, из черной гальки, представляет собой миниатюрный, «остаточный», нуклеус дисковидного типа. Изделие это интересно тем, что оформлено сколами с обеих сторон, т. е. не только со спинки и с площадки, но и с обратной стороны. Судя по характеру этих сколов, площадка нуклеуса тоже затесывалась широкими сколами, что облегчило снятие отщепов правильной формы и требуемой толщины. Диаметр нуклеуса 3.5 и 3 см.

2. Кишлак Кунчи

Следы второго поселения, давшего находки, аналогичные обнаруженным на Тепеи-Газион, открыты поблизости от последнего, но дальше вниз по течению р. Хонакинки при впадении ее в р. Кафирниган у кишлака Кунчи. В этом месте хорошо выражена серия террасовидных уступов, разрезанных местами глубокими древними оврагами. На поверхности террасы, достигающей в высоту 30—40 м над уровнем Кафирнигана, было собрано большое количество обработанного камня, выпаханного и вымытого из поверхностного слоя лёссовидного суглинка (рис. 5).

Материалом для обработки и здесь служила кремнистая речная галька зеленоватого, черного или темно-серого цвета. Лишь изредка встречаются куски обработанного известняка белого цвета. Так же как на поселении Тепеи-Газион, подавляющую массу находок составляют грубые отщепы и пластины, нередко крупных размеров — до 9 или 10 см длиной (рис. 6, *1, 3, 4, 5*; 11, *2*). На многих из них — остатки гладкой валунной корки. Некоторые отщепы имеют на ударной площадке следы предшествующей подтески камня, служившего нуклеусом. Но очень часто площадка сохраняет валунную корку, показывающую, что отщеп был снят прямо с гальки сильным ударом, нанесенным по ее естественной гладкой поверхности (рис. 6, *5*).

Такие гальки-нуклеусы, аналогичные найденным на Тепеи-Газион, составляют вторую по численности группу находок на поселении после отщепов. Так же, как и на Тепеи-Газион, один конец этих галек сохраняет валунную корку, в то время как другой подвергался последовательному скалыванию отщепов (рис. *6*, *6*; 7, *1*, *4*). Скалывание отщепов производилось при этом в одном и том же направлении, вертикально или почти вертикально, т. е. перпендикулярно той поверхности гальки, которая служила отбивной площадкой. Для таких нуклеусов обычно специально подбирались галька с естественной ровной поверхностью наиболее удобной для скалывания отщепов, тогда как противоположная сторона гальки была выпуклой. Иногда же были пущены с этой целью в дело и такие гальки, обе противоположные поверхности которых были плоскими.

Одним из наиболее характерных образцов галек-нуклеусов такого рода является крупная массивная галька, изображенная на рис. 8. Это массивный и тяжелый камень зеленовато-серого цвета, превосходно окатанный рекой. Одна сторона его совершенно плоская. Противоположная сторона у одного края плоская, а затем выпуклая. Длина камня 15 см, ширина 12 см, толщина 8 см. Обработкой снята, примерно, $^1/_3$ камня. Обработанная, или вернее, сработанная часть его представляет собою крутую, слегка наклонную, плоскость, на которой имеются широкие фасетки, следы ряда сколов. Фасетки эти расположены в характерном ступенчатом порядке, как бы двумя ярусами. Как и во всех других аналогичных случаях, сколы производились без какой-либо подправки ретушью галечной поверхности камня.

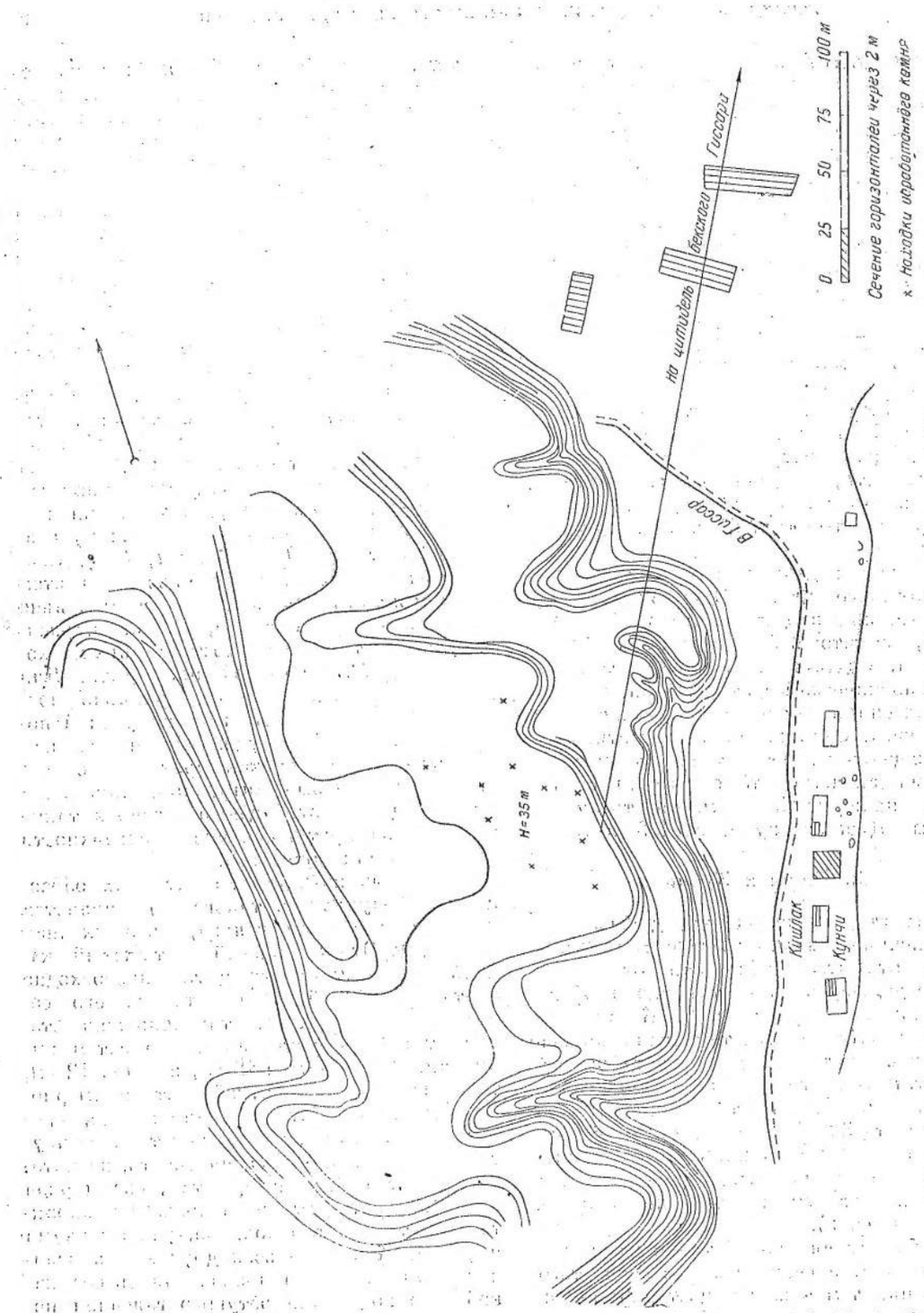


Рис. 5. План района находок обработанного камня у киплака Кунчи (составил Б. А. Литвинский).

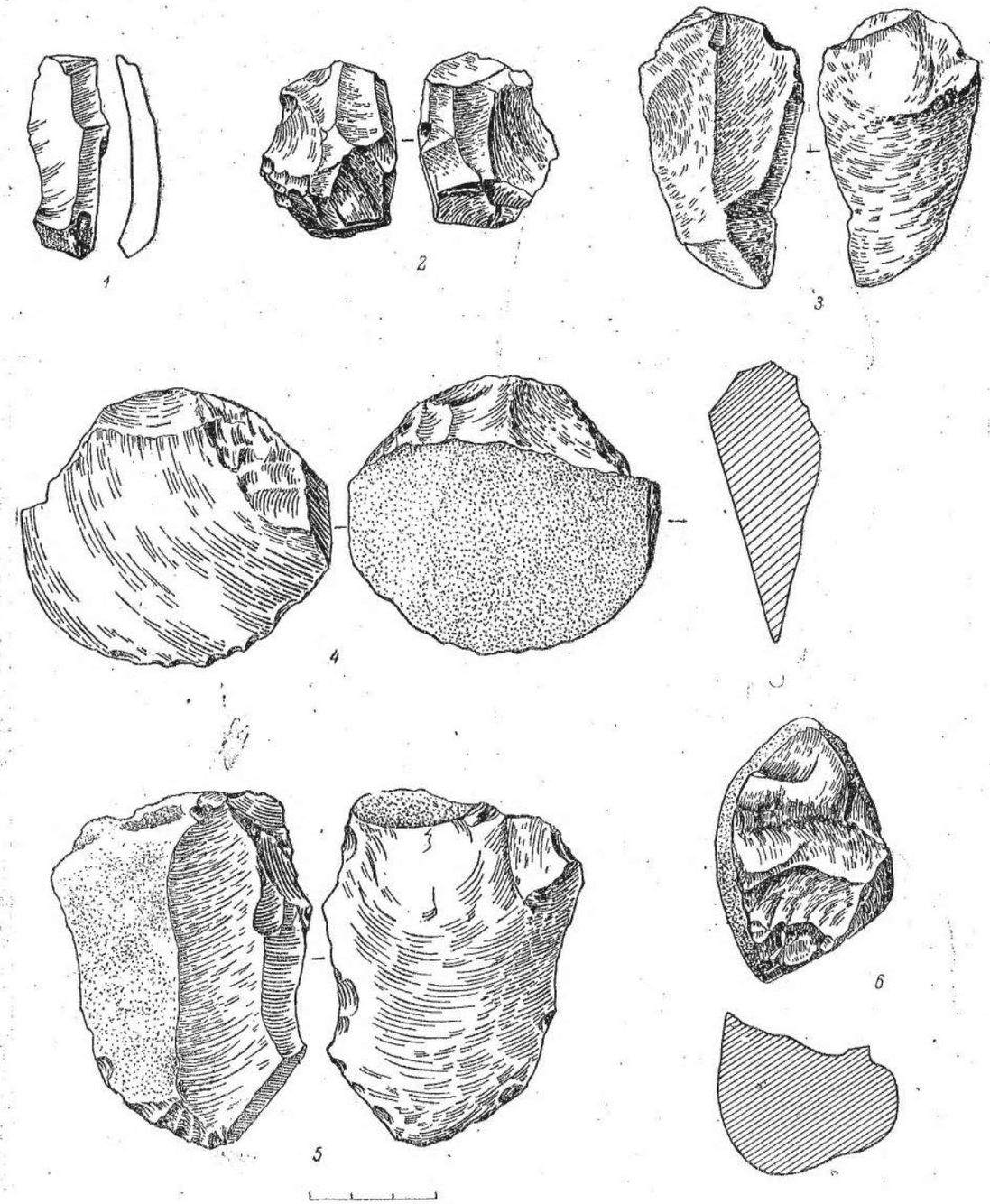


Рис. 6.

1, 3, 4, 5 — пластинчатые отщепы; *2* — нуклеус-скребло; *6* — нуклеус. Киплак Кунчи.

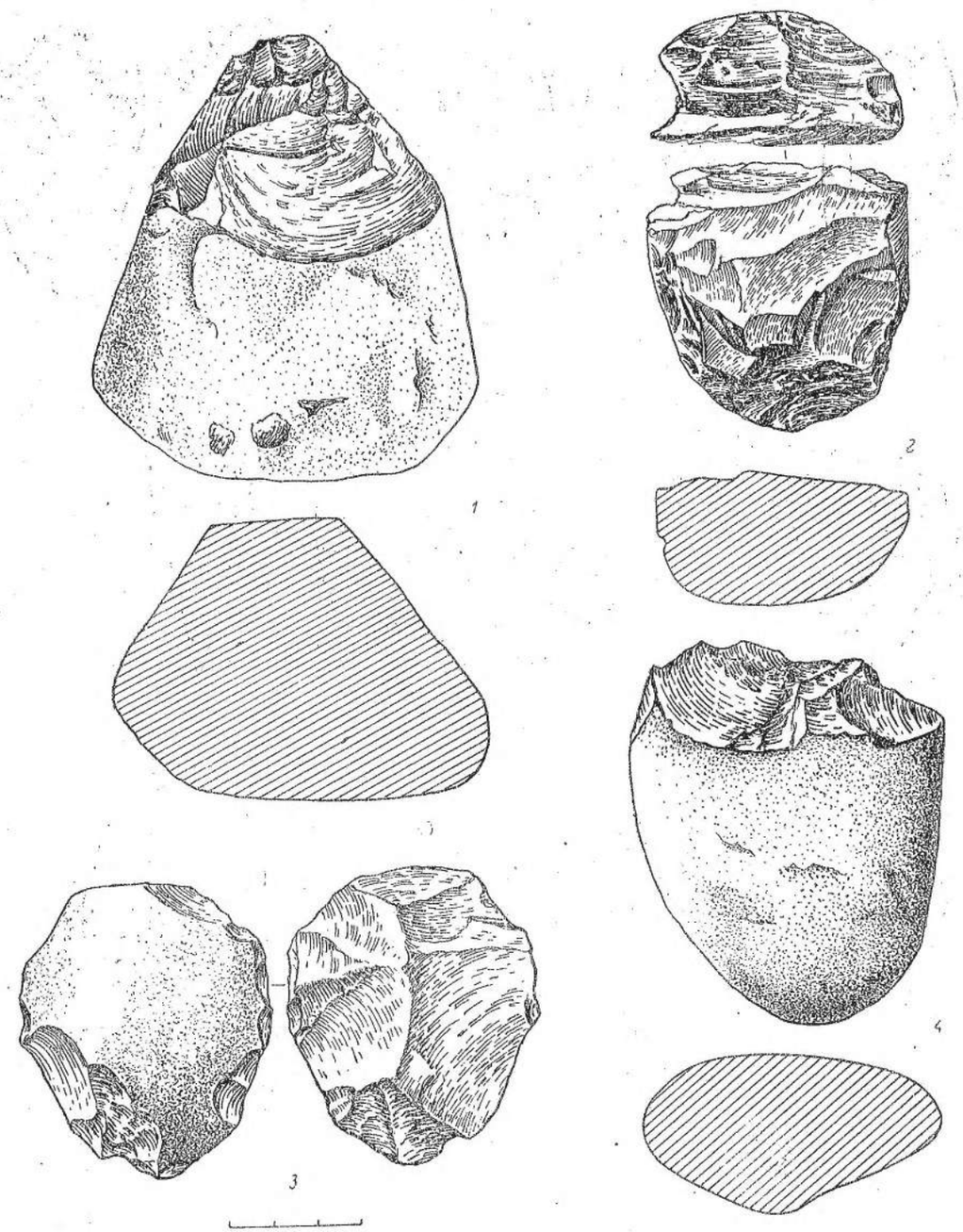


Рис. 7.

1—4 — нуклеусы из галек. Кишлак Кунчи.

В целом, при первом взгляде на этот предмет, он напоминает как бы огромный скребловидный инструмент типа так называемых чопперов или скребел, обычных в позднем палеолите Сибири. Но сходство это исчерпывается общим внешним видом, так как здесь отсутствуют следы вторичной подправки ретушью лезвия, обычной у сибирских скребел и настоящих «чопперов».

От этих «галечных нуклеусов», сохраняющих один конец нетронутым, отличаются другие, чрезвычайно близкие в ряде случаев к дисковидным мустьерским нуклеусам. У них тоже сохраняется нетронутая галечная корка на стороне, служившей отбивной площадкой. Но форма их округлая, дисковидная, и соответственно этому отделение отщепов шло со всех сторон — от краев к центру, как на настоящем дисковидном нуклеусе (рис. 6, *2*, *6*; 7, *2*, *3*; 9, *1*, *3*). У одного из таких нуклеусов имеется один очень крутой широкий край, образующий как бы вогнутое лезвие типа лезвия желобчатого тесла или долота. Такой же вогнутый край имеется и на противоположном конце, но только меньшего размера. Не исключено, что эти выемки, образовавшиеся при снятии отщепов, а затем усиленные специальными сколами, могли быть предназначены для каких-то грубых рабочих операций (рис. 7, *2*).

Исключительным является в данной коллекции один нуклеус такого дисковидного типа, у которого сильным ударом сколота выпуклая поверхность; этим приемом образована широкая отбивная поверхность — площадка (рис 9, *1*).

Специальные орудия для обработки камня представлены одним отбойником в виде массивной и тяжелой гальки из мелкокристаллической породы зеленовато-серого цвета. Галька эта, широкая на одном конце и узкая на противоположном, имеет ясные следы применения ее в качестве ударного инструмента для обработки камня. Оба конца ее сбиты многочисленными ударами по твердому материалу и имеют поэтому вид небольших площадок. В результате особенно сильных ударов от этих концов отлетали также и небольшие отщепы, следы которых сохранились в виде характерных углублений — раковин скалывания. Длина гальки 11.5 см, ширина ее 7 см (рис. 10, *2*).

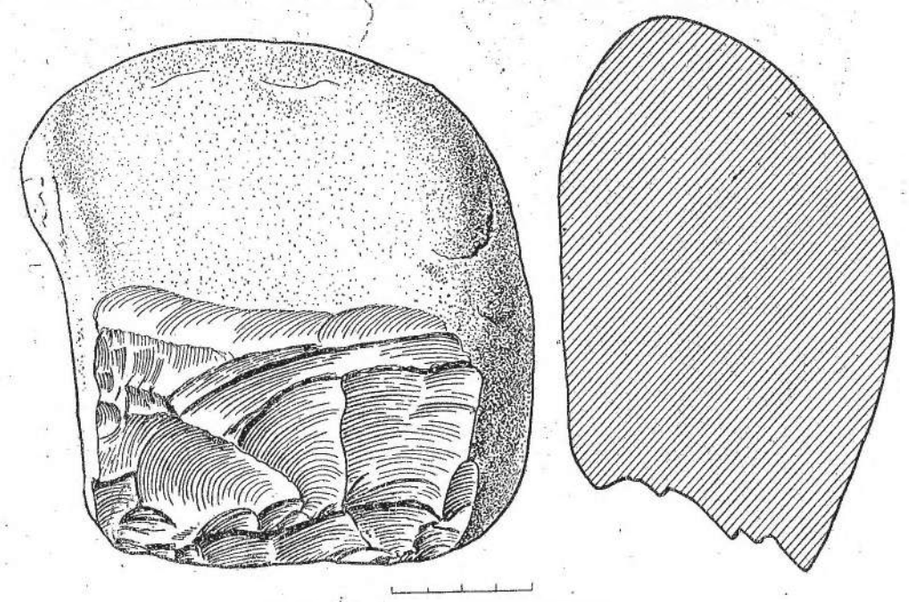


Рис. 8. Крупный галечный нуклеус. Кишлак Кунчи.

Кроме описанного отбойника, на поселении обнаружены оригинальные орудия в виде пестов-курантов, изготовленных из небольших массивных галек зеленовато-се-

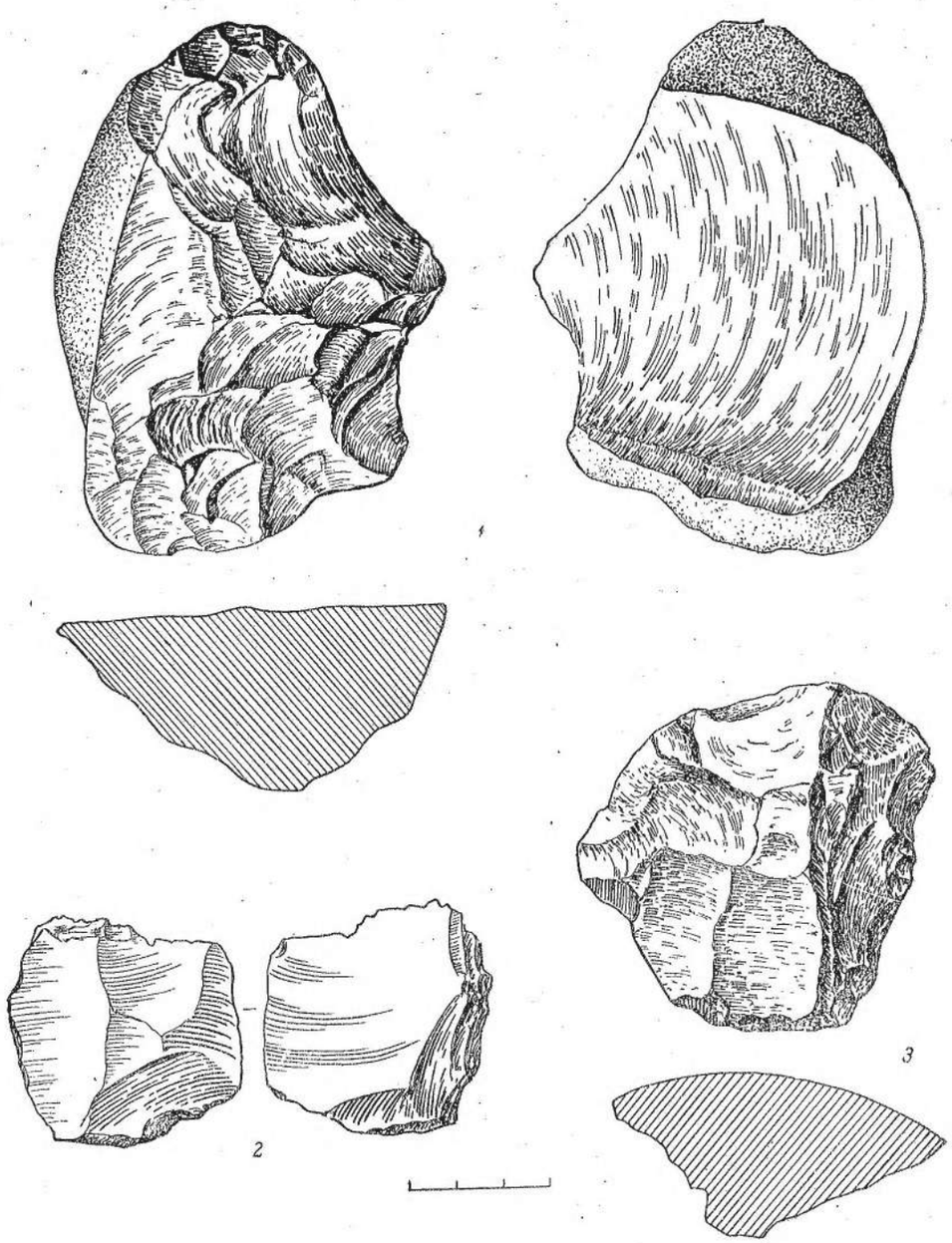


Рис. 9.

1, 3 — нуклеусы, *2* — скребловидное изделие. Кишлак Кунчи.

рого камня. Первый пестик сделан из плоской гальки, по очертаниям близкой к треугольнику. Галька хорошо отшлифована водой. Все три выступающих угла ее имеют

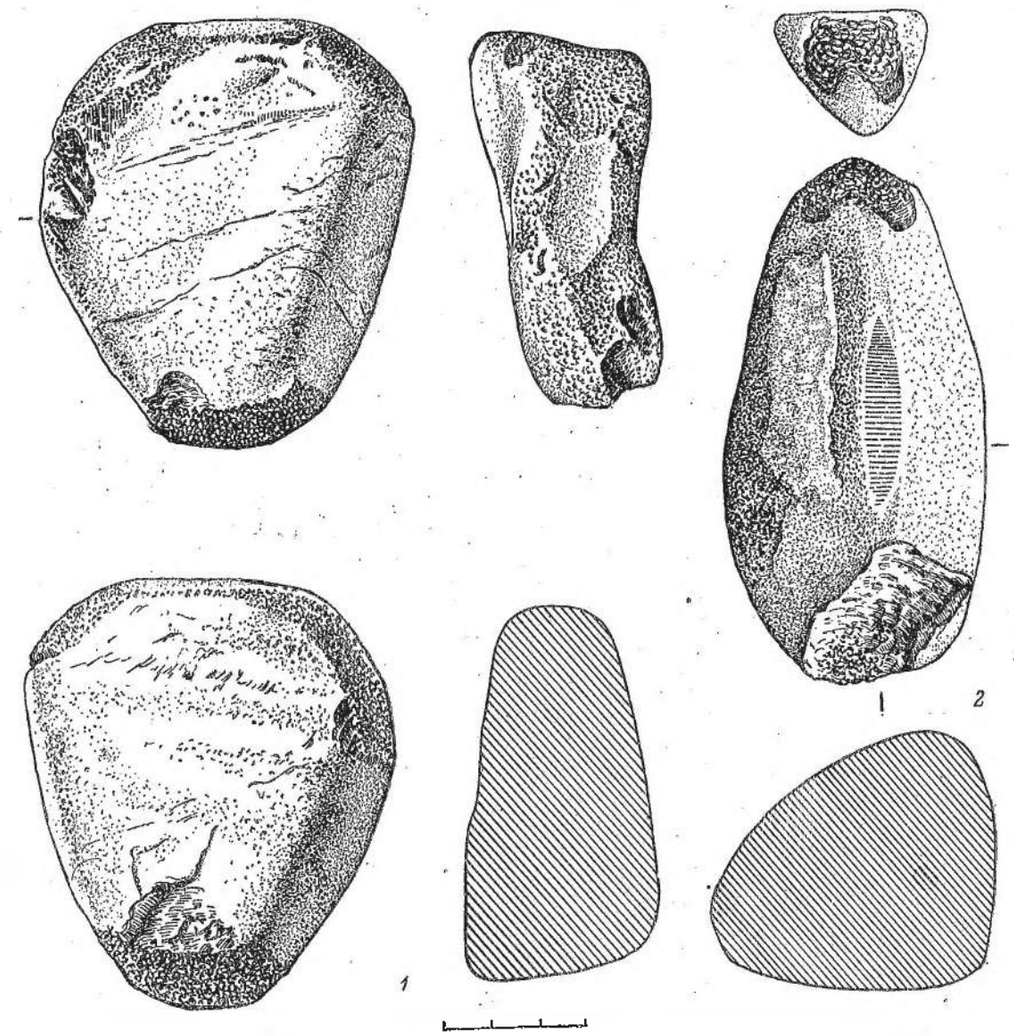


Рис. 10.

1 — пест-отбойник; *2* — галька-отбойник. Кишлак Кунчи.

следы употребления. Они покрыты мельчайшими точечными выбоинами-крапинками, слившимися в сплошное пятно. Поверхность этих пятен не плоская, а выпуклая. На одной такой площадке заметна грань, разделяющая ее на два ската. Длина гальки 8 см, ширина 7.5, толщина 4 см (рис. 10, *1*).

Вторая галька массивнее первой и по форме близка к четырехгранной призме. Она шире к одному концу и уже к другому. Оба ее конца имеют следы сработанности, аналогичные таким же следам на описанном выше орудии. На расширенном конце изделия площадка тоже не плоская, как у песта

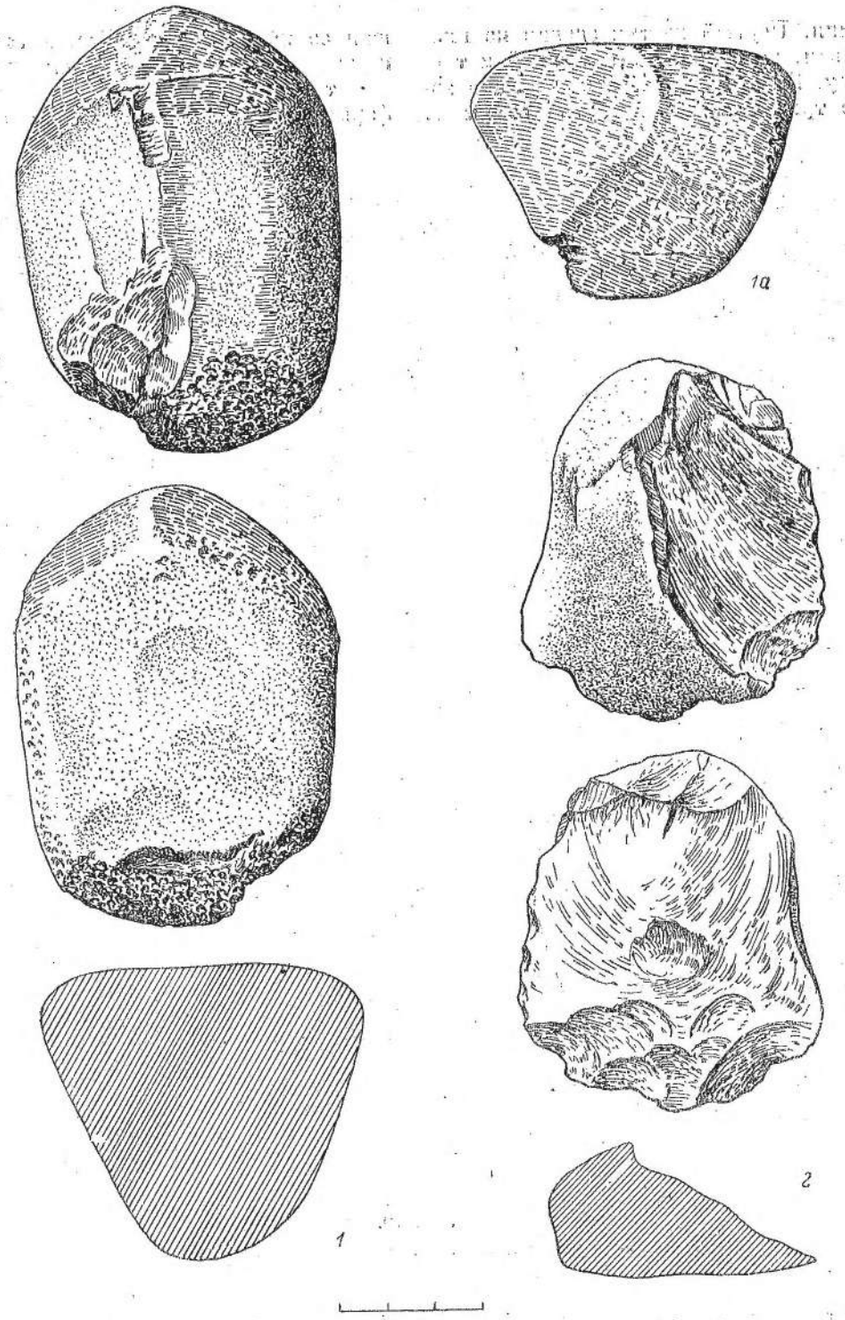


Рис. 11.

1, 1а — пест; *2* — массивный отщеп. Кишлак Кунчи.

обычного рода, а выпуклая и разделена отчетливо видными гранями на четыре поверхности, сходящимися друг с другом так, что образуется нечто вроде пирамидального завершения. Длина изделия 9 см, ширина 6.5 см (рис. 11, *1*).

Характер сработанности, т. е. следов употребления, и форма рабочих площадок со свойственными им гранями не позволяет видеть в этих орудиях обычные песты. Этими вещами, несомненно, обрабатывали какой-то твердый материал, нажимая на него рабочей поверхностью, в результате чего образовались все эти мельчайшие точечные углубления и шероховатая поверхность рабочей площадки. Можно предположить, что ими могли растирать минеральную краску или даже руду.

Интересно, что совершенно такие же изделия типа грубых пестов-терочников из речных галек с аналогичными следами употребления на их рабочих поверхностях были в большом количестве найдены на верхнепалеолитическом поселении Костенки IV в верхнем его горизонте, где они, всего вероятнее, служили терочниками для размельчения охры, густо насыщающей культурный слой жилищ этого поселения. С. А. Семенов, однако, полагает, что орудия такого рода в Костенках IV могли употребляться в качестве ретушеров.[1]

Призматических нуклеусов и снятых с них настоящих ножевидных пластин на этом поселении не встречено, но есть довольно узкие, хотя и грубые, пластины, приближающиеся к ним по общим очертаниям. Обычных в каменном веке изделий типа скребков, скребел и т. п. на поселении не найдено, однако имеются вещи, которые

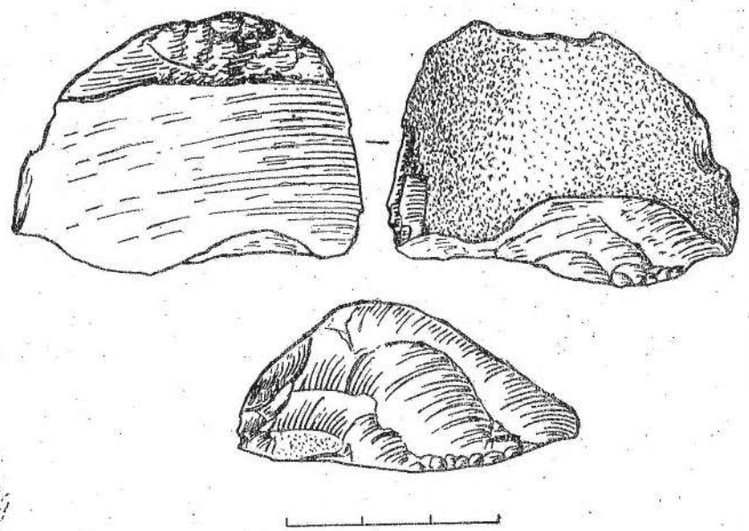


Рис. 12. Скребловидное изделие. Кишлак Кунчи.

могут быть условно отнесены к числу своеобразных вариантов грубых скребков.

Одно из них представляет собой массивный скол с гальки, с одной стороны выпуклый, сохранивший галечную корку, а с другой гладкий — поверхность скола. Вдоль одного края изделие это оформлено узкими вертикальными фасетками сколов, образующими крутое, слегка вогнутое, лезвие. Лезвие это подправлено мелкой вторичной ретушью. Выемка аналогичного характера, только менее тщательно обработанная, имеется и на противоположном конце изделия. В общем здесь на лицо те же приемы оформления лезвия, как и на галечных

[1] С. А. Семенов. Каменные ретушеры позднего палеолита. МИА, № 39, 1953, стр. 446—454, рис. 2, 3, 4 и 7; А. Н. Рогачев. Костенки IV. МИА, № 45, 1955, стр. 68—72.

нуклеусах, но наличие вторичной ретуши и небольшие размеры снятых отщепов дают возможность видеть в этом предмете орудие типа скребка. Длина его 5 см, ширина 3 см (рис. 12).

Второе изделие — тоже нуклевидное, но на этот раз имеющее форму миниатюрного лезвие. Ретушь необычная, крутая, с заломами, отчасти похожая на мустьерскую (рис. 9, *2*).

Последний предмет, который заслуживает особого упоминания,—своеобразный грубый остроконечник весьма архаического облика. Очертания остроконечника миндалевидные.

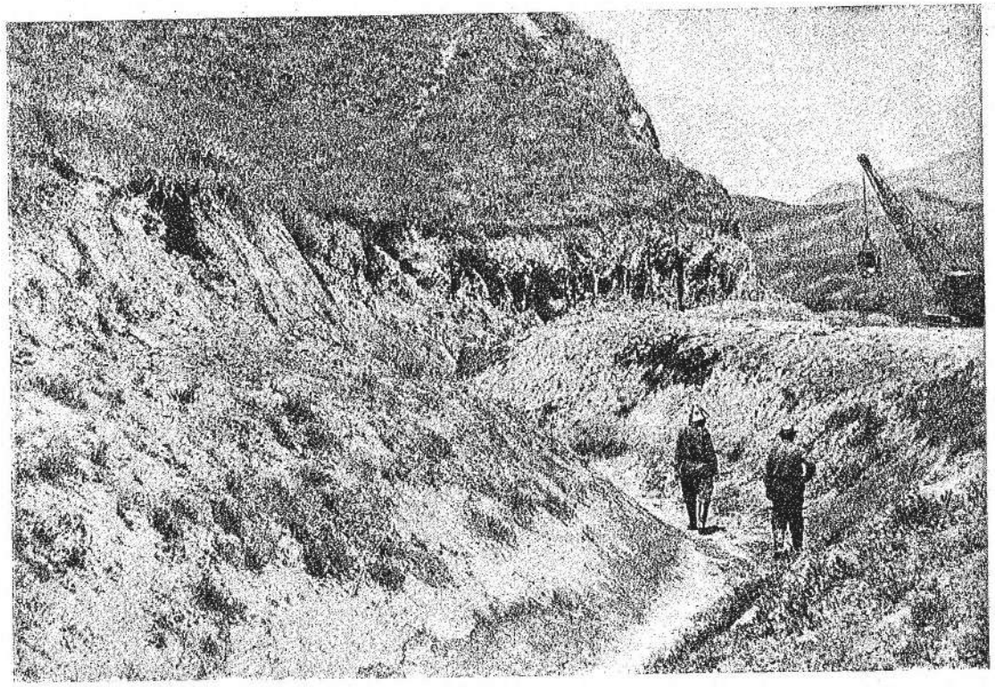


Рис. 13. Канал Янги-Чойра на р. Лучоб. Общий вид.

диска, обработанного сколами, сходящимися от краев к центру со всех сторон. Нижняя сторона его также обработна широкими плоскими сколами. Вдоль края изделия имеются следы легкой вторичной подправки ретушью. Длина изделия 4 см, ширина 3.5 см (рис. 6, *2*).

Третье изделие — довольно плоский и широкий отщеп трапециевидных очертаний. С одной стороны, он имеет часть уцелевшей валунной корки — площадки и несет ряд сколов, перекрывающих друг друга. С другой стороны, поверхность отщепа представляет собою плоскость скола, которым отщеп был отделен от гальки нуклеуса. С этой стороны один край отщепа был превращен ретушью в широкое дугообразно выпуклое Одна сторона его гладкая и плоская. На ней имеются следы широких плоских сколов, очевидно это была поверхность обычного для таких поселений нуклеуса дисковидного типа. Противоположная сторона выпуклая и вдоль одного длинного края обработана довольно крутыми поперечными сколами. Длина изделия 7.4 см, ширина 4.8 см (рис. 15, *1*).

Следующая группа поселений такого рода обнаружена в районе г. Сталинабада на берегах р. Лучоб, впадающей в р. Варзоб. На Лучобе поселения эти обнаружены как по правому, так и по левому берегам этой реки (рис. 13).

Оба поселения, как левого, так и правого берега, связаны с древними террасами высотою около 15—20 м.

3. Лучоб, канал Янги-Чойра.

На левом берегу культурные остатки обнаружены были при осмотре естественного разреза рыхлых толщ, образовавшегося в результате прорытия здесь оросительного канала Янги-Чойра. Повсюду вдоль канала в выбросах земли оказались хотя и немногочисленные, но достаточно выразительные и характерные изделия из камня. Материалом для них служила, как и на ранее описанных местонахождениях, речная кремнистая галька темно-серого и зеленовато-голубого цвета. Исключением является единственное изделие — небольшой отщеп, изготовленный из кремня голубовато-серого цвета.

Галечные отщепы, собранные на канале Янги-Чойра, обычного рода (рис. 14, *5*; 15, *4*). Среди них выделяется один очень широкий и плоский отщеп с тремя широкими параллельными фасетками на внешней поверхности, снятый, очевидно, с очень крупного нуклеуса, по-видимому, дисковидного типа. Характерной особенностью данного отщепа является ровная площадка, расположенная, как это обычно для отщепов, сколотых с дисковидного нуклеуса, под углом по отношению к длинной оси изделия (рис. 14, *4*). На двух отщепах имеется краевая ретушь, однако очень грубая и слабо выраженная. На одном отщепе эта ретушь оформляет длинный боковой край изделия, на другом — поперечный.

Имеется также одна довольно правильная, но все же грубая пластина (рис. 14, *3*).

Нуклеусы представлены всего тремя, но весьма характерными экземплярами. Все они небольшого размера, «остаточные». Первый может быть отнесен к числу галечных нуклеусов, сохраняющих часть валунной корки, которая и служила ударной площадкой. Интересно при этом, однако, что самый край гальки был слегка подтесан несколькими сколами для удобства нанесения ударов, которыми отделялись отщепы (рис. 15, *3*).

Второй нуклеус представляет собой собственно обломок более крупного изделия такого рода; на нем ясно видны следы предшествующих сколов. Третий нуклеус замечателен тем, что имеет довольно хорошо и тщательно оформленную несколькими широкими уплощающими сколами площадку, от которой и отделялись затем небольшие узкие отщепы. Не исключено, что это был даже не нуклеус в собственном смысле слова, а заготовка скребла «высокой формы» с полукруглым скобелеобразным лезвием (рис 14, *2*).

Орудий для обработки камня два. Первое из них — крупный массивный отбойник из зеленовато-черного камня, грубо оббитого широкими сколами. Общие очертания орудия приближаются к овальным. Следы употребления в виде характерной сбитости и затупленности его ребер имеются как на обоих концах, так и вдоль одного, выпуклого края. Определеннее они выражены на более узком конце, служившем, очевидно, главным рабочим участком. Длина отбойника 10, ширина 7 см (рис. 15, *2*).

Второе орудие для обработки камня имеет вид небольшой гальки, прямоугольной в поперечном сечении, которая сначала была расщеплена продольно, по-видимому, с целью превратить ее в нуклеус или в какое-то орудие. Затем, однако, ее использовали как ретушер. О таком ее употреблении можно судить по характерным следам сработанности вдоль одного, слегка вогнутого, края. Следы эти обычные: ребро камня как бы смято и покрыто многочисленными точечными углублениями, сливающимися в одну сплошную узкую полосу. Действовали этим орудием, очевидно, зажав его в ладони, а затем с силой нажимая слегка вогнутым ребром, обращенным наружу, на обрабатываемый предмет.

Последнее изделие с канала Янги-Чойра, заслуживающее упоминания, — грубый массивный остроконечник треугольных очертаний из зеленокаменной породы. Одна сторона его плоская, оформленная широкими сколами, расположенными от краев к середине. На противоположной стороне его грубыми крутыми сколами оформлены прямые лезвия, сходящиеся в острие. Основание изделия плоское, с легкой продольной вогнутостью. По общим очертаниям и технике изготовления этот предмет напоминает мустьерские остроконечники, но значительно грубее их. Длина его 6.5 см, ширина основания 6.8 см (рис. 14, *1*).

Вместе с отщепами в выбросах земли из канала Янги-Чойра и на его дне, вскрытом земляными работами, встречались обломки глиняных сосудов. Обломки эти принадлежат сосудам ручной работы, изготовленным без применения гончарного круга. Глиняная масса, из которой вылеплены эти сосуды, грубая, отличается обилием крупных зерен

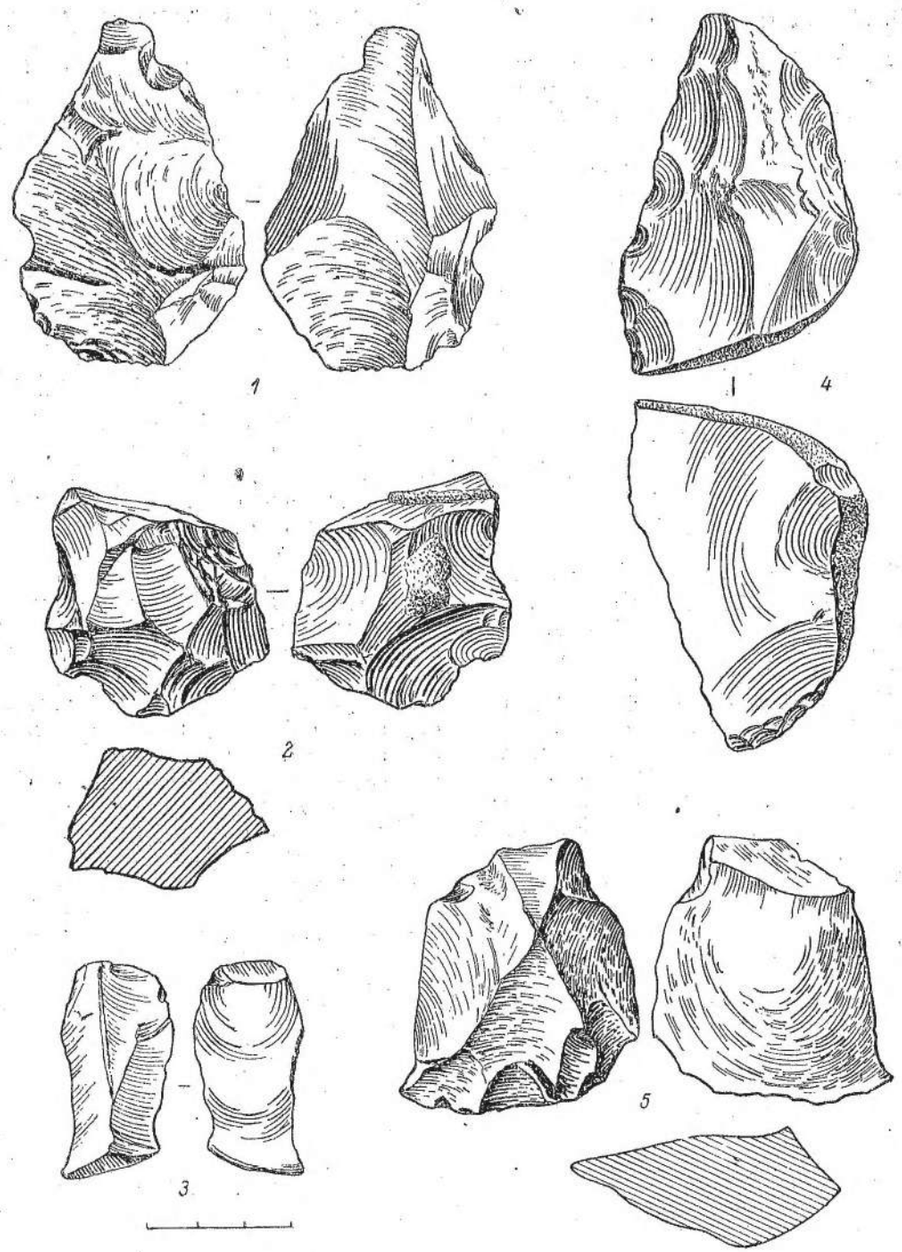


Рис. 14.

1 — грубый остроконечник; *2* — нуклеус дисковидного типа; *3* — пластинчатый отщеп; *4, 5* — отщепы. Лучоб, канал Янги-Чойра.

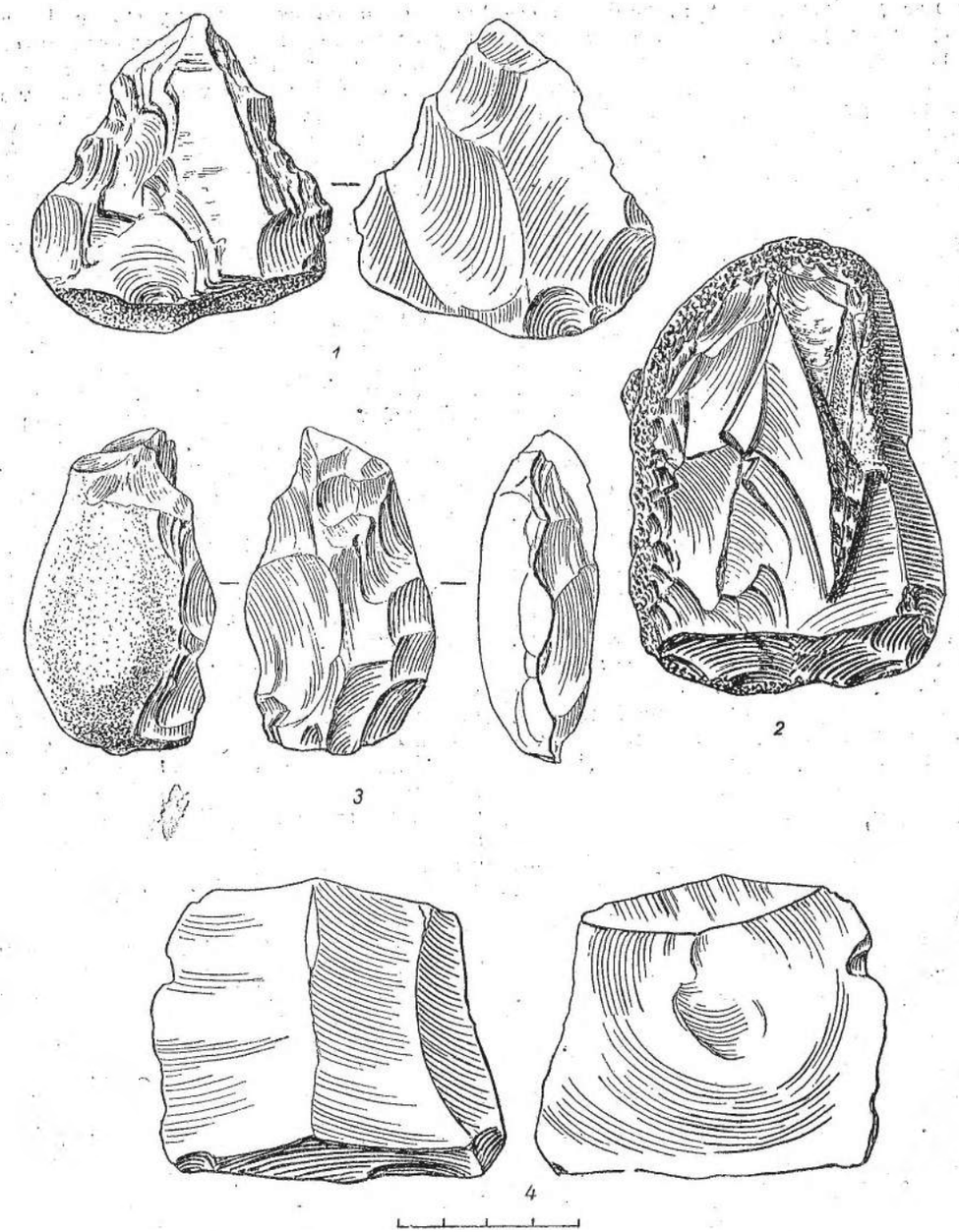


Рис. 15.

1 — грубый остроконечник; *2* — отбойник; *3* — нуклеус; *4* — отщеп с ретушированным краем *1* — кишлак Кунчи; *2, 3, 4* — Лучоб, канал Янги-Чойра.

песка или дробленого камня. О форме сосудов судить трудно, но ясно одно — они были плоскодонными. У некоторых сосудов замечается на фрагментах днищ вдоль их края легкое утолщение, как бы валик. Поверхность сосудов шероховатая.

М. М. Дьяконов, вместе с которым мы осматривали это местонахождение и собирали эти черепки, решительно высказался за то, что они резко отличны от керамики античного и средневекового времени и относятся к более примитивной культуре. Можно поэтому высказать предположение, что эта керамика одновременна отщепам и другим изделиям из камня, собранным на канале Янги-Чойра, хотя in situ изделия из камня и черепки в культурном слое здесь встречены не были.

Особо следует отметить куски хорошо обожженной глины, имеющие вид обломков необкновенно толстых глиняных сосудов. Толщина их более 3 см. В глиняной массе этих кусков очень много крупной дресвы и, по-видимому, шамота. Это были, должно быть, какие-то чаны-хранилища из грубой глины, замешанной на дробленом камне. Первое, что они напоминают, — не обычные среднеазиатские хумы, а те загадочные сосуды «бассейны» из «необожженной глины», которые найдены на древнейшем неолитическом поселении Джармо в Ираке.[1]

4. Лучоб, у подсобного хозяйства

Находки на левом берегу р. Лучоб связаны с мысовидным выступом высокой древней террасы «стрелкой» между сливающимися здесь в одно русло реками Лучоб и Варзоб. Мыс в плане имеет почти геометрически правильные очертания треугольника. Поверхность мыса ровная, лишь на самом его конце имеется глубокая поперечная рытвина, напоминающая на первый взгляд искусственный ров, но в действительности естественного происхождения. Ровная вначале поверхность мыса плавно повышается затем к северу, где начинаются предгорья. Мыс ограничен со стороны Лучоба и Варзоба крутыми склонами и даже отвесными обнажениями, в которых видны рыхлые напластования. Сверху залегает мощный пласт лёссовидного желтого суглинка, пористого, пылеватой структуры, совершенно однородной на всю его глубину. По краям эта лёссовидная толща изъедена воронками и расщелинами. Мощность суглинка достигает 4—6 м. Глубже в обнажениях выступает пласт хорошо окатанной гальки. При обследовании склонов террасы на них и выше, в пахотном слое, обнаружено много обработанного камня — почти исключительно отщепов. Они рассеяны на весьма значительной площади мыса, затронутой распашкой. Больше всего найдено отщепов вдоль западного края мыса, обращенного к р. Лучоб.

Вдоль самого края террасы встречается преимущественно грубый материал: расколотые гальки и их обломки, а также массивные отщепы. Далее вглубь террасы, по направлению к ее восточному краю, преобладают малые отщепы. В обрыве одной промоины прослежено зольное пятно, рядом с ним отщеп.

Интересно, что материал, из которого изготовлены найденные здесь отщепы и прочие изделия, значительно разнообразнее, чем в других, описанных выше местонахождениях. Наряду с обычной кремнистой галькой темносерого или зеленоватого цвета обитатели этого поселения широко использовали для обработки яшмовидную породу темно-зеленого цвета, превосходно поддающуюся раскалыванию и обработке ретушью. Они довольно широко применяли и полупрозрачный дымчатый кремень розового оттенка. Встречаются также изделия из яшмовидной породы светло-коричневого цвета.

Находки состоят преимущественно из многочисленных отщепов и расколотых галек. Имеется восемь нуклеусов. Все они миниатюрные и принадлежат к числу «остаточных», использованных до предела. Характерно, что нуклеусы галечного типа, т. е. из галек, расщепленных поперек или затесываемых с одного конца, здесь отсутствуют. Все найденные на левом берегу Лучоба нуклеусы имеют форму, так или иначе приближающуюся к дисковидной. Все они массивны и покрыты фасетками сколов, располагающихся от краев к центру. Из них следует особо отметить три наиболее характерных нуклеуса.

[1] R. J. Braidwood. The Near East and the Foundations for Civilisation. Oregon, 1952; Linda S. Braidwood. Early food producers (excavations in Iraqi Kurdistan). Archaeology, vol. 5, № 3, 1952; R. J. Braidwood. A village of early Farmers in Iraq. Antiquity, № 96, 1950. Такие же «сосуды» известны из неолитической толщи в Иерихоне, где они найдены Гарстангом (Иерихон 9).

Первый изготовлен из зеленокаменной яшмовидной породы. Вдоль края его имеется со стороны площадки довольно тщательно нанесенная ретушь. Не исключено, что она объясняется не столько подправкой края площадки (ибо дальнейшее снятие отщепов было уже нецелесообразно), сколько использованием этого изделия в качестве орудия какого-то специального назначения. Длина изделия 4 см, ширина 4 см.

Второй нуклеус, из черной гальки, массивный, имеет округлые очертания и покрыт со всех сторон фасетками узких мелких сколов. Длина его 4 см, ширина 3.8 см.

Третий нуклеус, из светло-коричневой породы, типа порфирита, имеет очертания близкие к овалу. Одна сторона его плоская, обтесанная широкими плоскими сколами. Противоположная сторона, с которой скалывались отщепы, выпуклая. Сколы располагались, как обычно, от краев к центру. Длина изделия 6 см, ширина 4 см.

Среди каменных изделий, собранных на поселении, есть и одна явная заготовка для призматического нуклеуса. Она удлиненно-треугольных очертаний, треугольная в поперечнике; две грани ее оформлены крутыми поперечными сколами, третья — длинным продольным сколом, на ней сохранилась также и часть валунной корки. Длина заготовки 4.6 см. Возможно, что заготовкой для такого же нуклеуса является и второе изделие близкой формы и почти такого же размера (длина 5.5 см) (рис. 16, *3*).

Отбойников найдено два. Оба они имеют вид небольших овальных галек, у которых один конец оставлен нетронутым, а противоположный носит следы ударов. На одном из этих отбойников, помимо того, видны еще и мелкие выбоины, расположенные полосками по ребрам и на одной из широких поверхностей. Выбоины эти могли происходить от употребления камня в качестве отжимника. Длина отбойников 8 и 9 см.

Среди найденных здесь отщепов есть и такие, которые имеют следы подправки весьма грубой ретушью; она обычно нанесена по одному длинному боковому краю отщепа.

Вместе с каменными изделиями на склонах террасы и на распаханной ее поверхности встречаются такие же, как на противоположном берегу Лучоба, черепки грубой глиняной посуды.

Следующая группа следов поселений такого рода зарегистрирована в области предгорий к западу от Сталинабада, на территории Шахристанского района.

5. Гюлистон

Вблизи Сталинабада в районе кишлака Гюлистон у дороги имеется устье небольшого сая, прорезающего высокую террасу (около 20 м высотой над окружающей ее низменностью). Через тальвег сая переброшен мост. По правую сторону моста на хорошо выраженной площадке террасы повсюду встречаются, хотя и не очень часто, оббитые камни, грубые отщепы и сколы с галек.

6. Джетыкер

В районе кишлака Джетыкер, расположенного на левом берегу Кафирнигана, к северу от кишлака, на террасовидном уступе высотою около 20 м, собраны отщепы из речных галек, в том числе, несмотря на грубость материала, со всеми хорошо выраженными признаками искусственной обработки. Был найден и отщеп из кремня.

Имеется также два интересных изделия, напоминающих галечные нуклеусы, а вместе с тем и массивные скребловидные орудия. Одно такое орудие изготовлено из плоской массивной гальки. Один край гальки сохранил гладкую естественную поверхность, другой круто оббит уступчатой, с защепами ретушью. Длина изделия 6.3 см, ширина 4 см (рис. 16, *2*).

Второе изделие тоже сделано из обломка гальки. У него два рабочих края, один выпуклый и почти отвесный, другой прямой, острый и скошенный. Длина изделия 6 см, ширина 6.5 см. Назначение этих предметов остается загадочным.

Джар-Тепе. В районе кишлака Джар-тепе встречаются такие же, как в районе Джетыкера, оббитые гальки и снятые с них отщепы. Условия находок в геоморфологическом отношении — такие же.

7. Чинари-Сухта

Поселок Чинари-Сухта расположен на правом берегу Кафирнигана. К востоку от поселка имеется останец высокой древней террасы, сложенный в основании конгломератом и галечниками. Выше залегает толща лёссовидных глин с прослойками гальки

и местами довольно крупных валунов. Поверхность террасы распахана в значительной части. Кроме того, на ней имеется мусульманское кладбище. Высота террасы около 15—20 м над уровнем р. Кафирниган.

В основании террасы, в конгломерате, водой вымыт ряд пещер. Пещеры эти заливаются водой, а пол их перекрыт галькой. Очевидно, человек здесь в древности не жил.

На террасе повсюду встречаются оббитые гальки («нуклеусы»), изредка кремневые отщепы, хорошие длинные пластины из кремня с ретушью; найден также небольшой кремневый нуклеус.

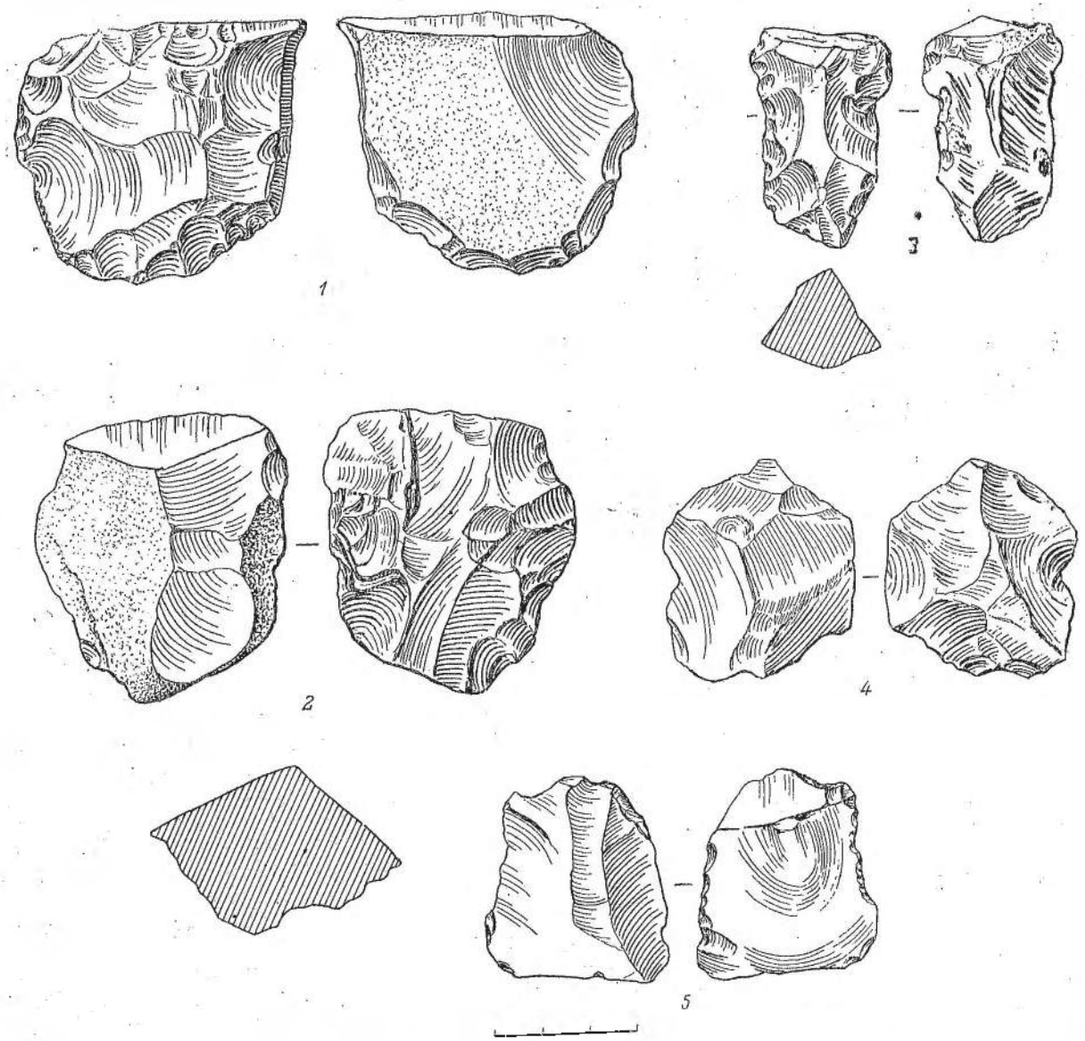


Рис. 16.

1 — скребловидный инструмент; 2 — галечный нуклеус; 3 — двусторонний дисковидный нуклеус; 4, 5 — отщеп (1, 4, 5 — Калаи-Солим; 2 — Джетыкер; 3 — Лучоб, у подсобного хозяйства).

Среди отщепов выделяются два со следами дополнительной намеренной обработки. У одного отщепа своеобразной «чешуйчатой подтеской» оформлено прямое острое лезвие. На другом довольно тщательной мелкой ретушью выделено клювовидное острие-проколка.

Судя по преимущественному употреблению кремня, высокой технике отделения ножевидных пластин и их значительной величине, а также по наличию изделий типа проколок, поселение это может быть отнесено к сравнительно раннему, возможно даже мезолитическому времени.

Находки отщепов, а также оббитых галек отмечены и в районе кишлаков Джар-Тепе, в 1,5—2 км ниже по направлению к Чинари-Сухта (около развалин старинного укрепления) и к северу от кишлака Джетыкер на левом берегу р. Кафирнигана.

8. Кишлак Киргизон

Кишлак Киргизон — крайний населенный пункт в верховьях р. Ширкент-Дарьи. В 0,5 км южнее этого кишлака на левом берегу Ширкент-Дарьи, имеется террасовидный выступ, сложенный рыхлыми лёссовидными отложениями. Выступ этот ступенчатый, трехярусный, что объясняется, вероятно, оползнями, и представляет собой в основании, по-видимому, конус выноса, перекрытый сверху лёссовидной толщей. С юго-запада выступ ограничен глубоким овражком, в котором находится родник с чистой и прозрачной водой. На поверхности всех трех уступов, начиная с самого верхнего, встречается обработанный камень в виде расколотых галек и отщепов. Последние in situ в слое не обнаружены, но более или менее равномерно рассеяны на поверхности на размытых участках. Материалом для их изготовления служил, преимущественно, зеленый яшмовидный сланец, превосходно поддающийся обработке раскалыванием и ретушью. Такой сланец в изобилии встречается в галечнике Ширкент-Дарьи. Была в ходу также грубая зеленовато-серая порода, напоминающая диорит. Изредка употреблялся дымчатый желтоватый кремень. Находки представлены, преимущественно, отщепами, иногда довольно крупными. Есть грубые заготовки, вероятно для призматических нуклеусов.

Поселение имело, по-видимому, характер временного лагеря или места, где периодически останавливались люди, оставившие эти изделия. Наличие отмеченных находок на всех трех площадках-ступенях выступа можно объяснить тем, что обработанные камни были смыты и сползли сверху вниз или же тем, что люди эти останавливались на всех трех площадках. Высота верхнего уступа над уровнем реки 15—20 м.

9. Сасык-булак

Глубоко в зоне предгорий, в местности Сасык-Булак, к юго-западу от Гиссара, в ближайшем соседстве с сероводородным источником (откуда и происходит название местности: буквально — «вонючий источник») обнаружено местонахождение каменных изделий обычного рода в виде отщепов и грубых пластин. Все отщепы, найденные здесь, имеют характерные признаки искусственной обработки. На одном пластинчатом отщепе имеются следы грубой ретуши по краю. Материалом для обработки служили обычная кремнистая галька, окременелый известняк и темно-серый непрозрачный кремень невысокого качества. Отщепы встречались на террасовидных уступах между котловиной источника и глубоко врезанным сухим руслом соседнего с запада сая. Интересно то, что поблизости имеется выход скалы, на горизонтальной плоскости которой выбиты многочисленные углубления в виде ступок. Ступки эти, очевидно, служили для размола зерна и принадлежат к числу широко распространенных в странах древнего земледелия «чашечных камней», которым посвящена обширная археологическая литература. Не исключено, что как эти ступки, так и найденные поблизости каменные отщепы, оставлены одними и теми же людьми — древними земледельцами эпохи неолита или ранней поры бронзового века.

10. Санги-Миля

Вблизи кишлака Санги-Миля, к западу от него, в ущелье сая Калаи-Солим имеется небольшая пещера, известная местным жителям под тем же названием. Около пещеры оказались многочисленные обломки глиняных сосудов и других изделий, показывающих, что здесь существовало средневековое поселение. Выше пещеры, на сильно размытом глинистом склоне горного уступа, господствующего над речкой, вместе с обломками необработанного камня обнаружены многочисленные отщепы из кремнистого черного сланца. Все эти находки встречены на

небольшом участке у края узкой террасовидной площадки, «горба» уступа. Здесь, по-видимому, только заготовляли сырье для каменных изделий.

Отщепы как крупные, так и мелкие, все с хорошо выраженными признаками намеренной обработки и умелой специальной техники расщепления кремня (рис. 16, *5*). Среди изделий имеются три предельно использованных нуклеуса. Судя по их виду, отделение отщепов производилось со всех сторон, ударами, направленными от краев к центру, т. е. по принципу отделения отщепов с нуклеусов дисковидного типа.

Особенно характерен в этом отношении один нуклеус, у которого плоскими широкими фасетками выравнена и ударная площадка — пример крайне редкий в памятниках этого рода, где обычно площадкой служит нетронутая гладкая поверхность гальки. Диаметр этого нуклеуса равен 5 см (рис. 16, *4*).

По существу к той же категории должно быть причислено и еще одно изделие. Это плоский кусок кремнистого сланца, сохранивший на одной стороне естественную гладкую поверхность, которая, однако, была снята с края довольно тщательной мелкой ретушью, оформляющей как бы выпуклое, почти дисковидное по очертаниям, лезвие. Но эта подправка явно имела целью только лишь подготовку для снятия отщепов с обратной стороны изделия. Последняя сплошь покрыта следами широких уплощающих сколов, сходящихся в центре. Интересно, однако, что с этой стороны вдоль края изделия имеются небольшие фасетки вторичных сколов, оформляющих рабочий край. Отсюда видно, что после того как этот предмет отслужил свою роль нуклеуса, его хотели использовать в качестве скребла (рис. 16, *1*). Длина изделия 5.5 см, ширина 5 см.

Среди находок в Калаи-Солим имеется также широкая массивная пластина, конец которой, противоположный ударному бугорку, превращен рядом сколов в долотовидное выпуклое лезвие. Длина пластины 6 см, ширина 3.5 см.

11. Кишлак Ходжи

Около кишлака Ходжи (Шахринауского района) в долине р. Танги при обследовании правого берега последней между берегом реки и постройками кишлака, расположенными вдоль прекрасного источника, вытекающего из пещерообразной впадины в известняковой скале, было собрано значительное количество обработанного камня (рис. 17). Это более или менее массивные, а также тонкие и пластинчатые отщепы (рис. 18, *3*, *4*) и расколотые гальки, служившие своего рода нуклеусами (рис. 18, *2*). Имеются также четыре широких пластины или, скорее, пластинчатых отщепа. Два из них имеют следы ретуши (рис. 18, *1*, *5*).

Один из этих отщепов (длина его 6.4 см, ширина 2.8 см) трехгранный в поперечном сечении, тщательно обработан ретушью с брюшка вдоль одного края, превращенного таким способом в широкое режущее лезвие. Конец пластины, противоположный ударному бугорку, тоже ретуширован и имеет характер рабочего края концевого скребка. Интересно, однако, что ретушированные участки этого изделия резко отличны по характеру поверхности от неретушированной части. Неретушированная поверхность сплошь покрыта с обеих сторон густой светло-коричневой патиной, тогда как на ретушированных участках обнажается зеленый цвет яшмовидного камня, из которого сделано это изделие. Очевидно, пластина, изготовленная в более раннее время, была затем подобрана, заново обработана и пущена в дело (рис. 18, *1*).

Особенно важно, что при тщательном осмотре правого берега р. Танги на высоте около 10—12 м над руслом речки в обнажении лёссовидной толщи был обнаружен крупный отщеп. При вертикальной зачистке обнажения была установлена следующая картина.

На глубину до 1 м прослеживался слой лёссовидной глины, пронизанный корнями растений. Глубже залегала такая же лёссовидная глина, но уже более плотная, палево-желтого цвета в сухом виде. На глубине около 2 м от поверхности в ней встречались обработанные человеком камни, рассеянные более или менее равномерно, но редко.

На глубине 2.5 м встречен был фрагмент глиняного сосуда очень грубой лепной работы. Вместе с ним оказались два куска крупнозернистого песчаника, явно доставленных сюда человеком.

В основании этой толщи залегала тонкая углистая прослойка, возможно являющаяся остатком очага. Глубже идет слой плотной

лёссовидной глины, изобилующей известковыми стяжениями. В нем тоже встречен один черепок, такой же как найденный выше. Слой этот был насыщен мелкой щебенкой. Можно думать, что он явился результатом смыва с лежащих выше участков, причем сюда был снесен и черепок глиняного сосуда.

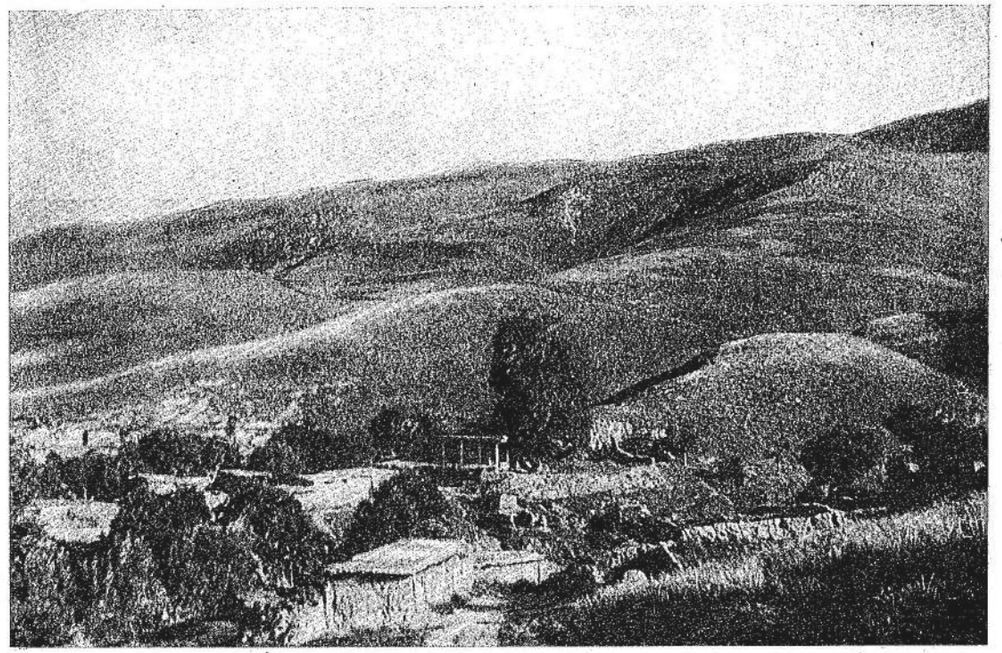


Рис. 17. Общий вид кишлака Санги-Миля и источника около него.

В целом общая картина этого разреза остается недостаточно ясной, но принципиально-важное значение имеет наличие керамики, залегающей в одном горизонте с расщепленным человеком камнем. Цвет черепков красно-бурый, поверхность их неровная, шероховатая. В их глиняной массе много мелких угловатых кусочков шамота, имеются также включения какого-то хрупкого белого вещества, напоминающего по виду алебастр, мел или жженый известняк.

12. Такоб

На правом берегу р. Варзоб, неподалеку от впадения в нее р. Такоб, в двух местах на хорошо выраженных террасовидных площадках встречены оббитые гальки, сколотые с них отщепы, а также отщепы из зеленой яшмовидной породы хорошего качества и реже из кварца и кремнистого известняка.

Среди обнаруженных здесь изделий имеются заготовки нуклеусов, галечные нуклеусы, грубые скребла. Из этих вещей заслуживают описания шесть предметов.

1. Галечный нуклеус дисковидной формы. Площадкой служит выпуклая поверхность гальки, оставленная без какой-либо обработки. Отщепы снимались с двух противоположных концов нуклеуса и притом так, что получились как бы два желобчато-вогнутых лезвия. Ширина площадки 5.6 см (рис. 19, *3*).

2. Галька типа галечного нуклеуса, расколотая пополам. Один конец ее, узкий, покрыт галечной коркой и удобен для держания в руке. Другой конец гальки обработан крутой ретушью вдоль края и имеет вид почти отвесного округлого лезвия скребла. Длина гальки 5.7 см, ширина 4.5 см. Изделие это очень близко напоминает галечные скребла из рассеченных пополам

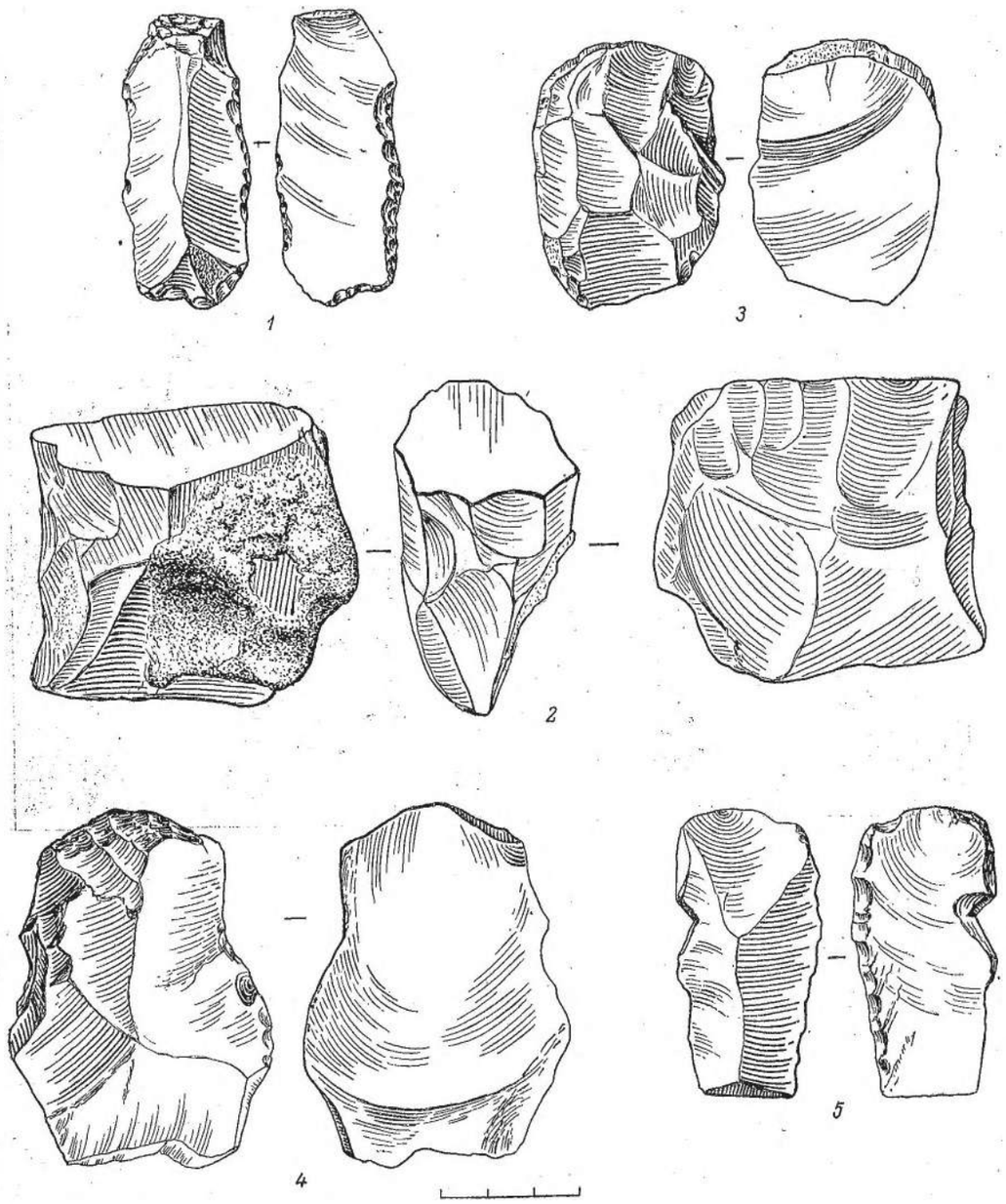


Рис. 18.

1, 5 — пластины с ретушью; *2* — нуклеус; *3, 4* — отщепы. Кишлак Ходжи.

галек, известные в инвентаре палеолитических поселений Восточной Сибири — Прибайкалья и Забайкалья (рис. 19, *2*).

3. Изделие типа массивного дисковидного скребла. Изготовлено из речной гальки зеленовато-серого цвета. На одной, нижней, стороне изделия сохранилась галечная корка. Другая сторона его сверху затесана двумя широкими сколами, а края оббиты довольно крупными, но короткими сколами, оформляющими крупнозубчатое острое лезвие. Длина изделия 3.8 см (рис. 19, *4*).

4. Скребло из зеленокаменной яшмовидной породы. Изготовлено из массивного отщепа, снятого с крупной гальки или плитки камня. Рабочий край, дугообразно-выпуклый, оббит довольно широкими наклонными сколами и подправлен вдоль лезвия мелкой вторичной ретушью. По форме и технике обработки, а также по материалу

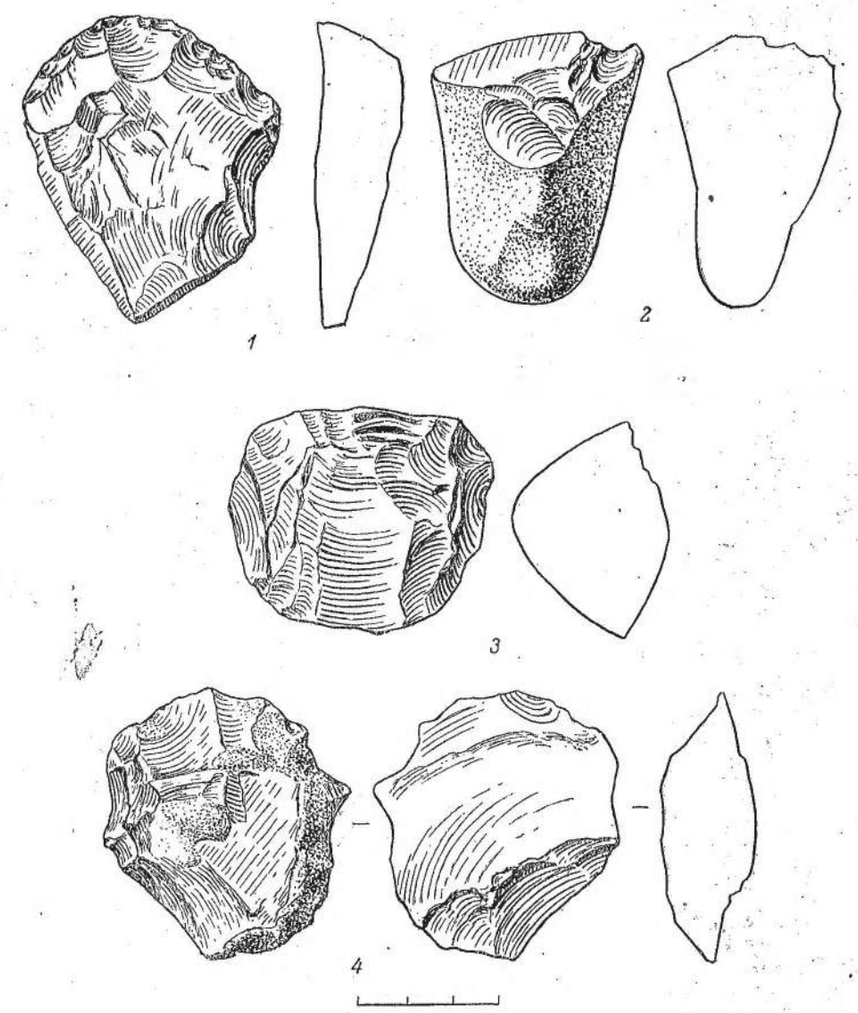


Рис. 19.

1, 4 — скребла; *2* — галечный нуклеус; *3* — нуклеус дисковидного типа. Такоб.

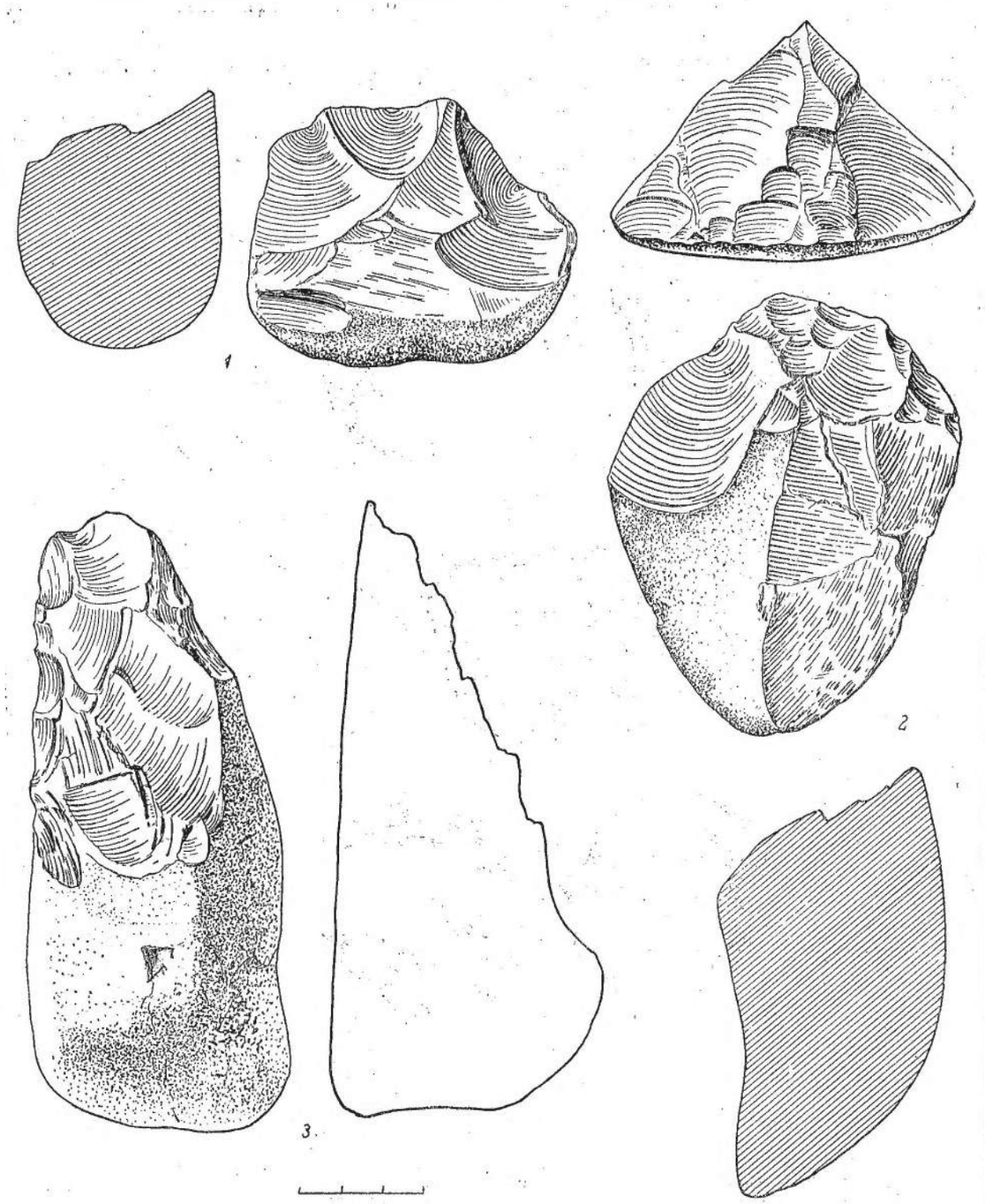


Рис. 20.

1 — галечный нуклеус; *2* — рубилообразное изделие из гальки; *3* — скребловидный инструмент «сибирского типа» (*1*, *2* — кишлак Караманды; *3* — Такоб).

изделие это очень близко напоминает позднепалеолитические сибирские скребла с таких поселений, как Верхоленская Гора, Афонтова Гора, Ошурково на Селенге и т. п. Длина изделия 6 см, ширина 5 см (рис. 19, *1*).

5. Крупная галька зеленовато-серого цвета, оббитая таким образом, что вдоль одного края ее получилось прямое и очень крутое лезвие, оформленное широкими сколами и частично подправленное по самому краю мелкими сколами-защепами. Один конец гальки заострен, другой оставлен без обработки и образует как бы пятку или рукоять. В общем это изделие напоминает ручной ударник. Длина его 14 см (рис. 20, *3*).

6. Массивный длинный отщеп зеленовато-серой породы. Один край его слегка обработан ретушью.

13. Ходжа-Обн-Гарм

В районе курорта, известного своими горячими источниками, на соседней с юга возвышенности при поисках пещер на высоком и ровном плато, поверхность которого распахана для богарных посевов, было обнаружено несколько хорошо выраженных отщепов. Найдены также расколотые гальки.

Все отщепы имеют признаки искусственной обработки и сняты с галек, доставленных на плато, очевидно снизу, из русла речки. Изделий сколько-нибудь определенной формы среди них не оказалось.

Следует заметить, что стоянка эта расположена выше всех остальных, известных в настоящее время в Центральном Таджикистане, на высоте около 3000 м абсолютной высоты.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЮГЕ ТАДЖИКИСТАНА

1. Кишлак Караманды

Кишлак этот расположен на правой стороне небольшого ручья с солоноватой водой, который течет по направлению к Шаар-Шару. На господствующей над селением Караманды возвышенности высотою около 80 м над уровнем ручья находится старинное мусульманское кладбище. Вблизи последнего, на склонах возвышенности, обнаружены три крупных каменных изделия, материалом для которых послужила черная галька.

Первое изделие удивительно похоже на сибирские палеолитические «скребла», изготовленные из расколотых пополам галек. У него точно так же, как у сибирских орудий такого рода, сохранилась значительная часть галечной корки (на нижней стороне и сбоку на верхней). Спереди край гальки затесан рядом сильных ударов и образует хорошо выраженное полукруглое высокое лезвие, отличающееся своеобразным ступенчатым профилем, так как остатки более ранних сколов выступают над более поздними фасетками, являющимися результатом дальнейшей подправки лезвия. Напоминая сибирские скребла, это изделие, вместе с тем, сходно и с галечными нуклеусами поселений Гиссарской долины. Длина его 10.5 см, ширина 8 см, толщина (высота) 6 см (рис. 20, *2*).

Второе изделие — типичный галечный нуклеус гиссарского типа. Один конец его круглый и гладкий с полностью сохранившейся галечной коркой. Противоположный конец гальки обколот отвесными сколами, которыми были сняты отщепы; после них сохранились широкие раковистые фасетки. Длина нуклеуса 8 см, ширина 6 см (рис. 20, *1*).

Третье изделие — крупный осколок гальки треугольных очертаний, напоминающий остроконечник. На конце, противоположном острию, сохранилась валунная корка, позволяющая удобно держать изделие зажатым в ладони. Один длинный боковой край его сохраняет следы широкого скола и подправлен краевой ретушью. Другой край имеет следы такого же скола. Орудием этим можно было пользоваться как остроконечником, но вместе с тем обращают внимание и следы специфической сработанности по его рукояти, имеющие характер сбитости и затупленности вследствие ударов о какой-то твердый материал. Такие следы типичны, как известно, для отбойников и отжимников. Длина изделия 13 см, ширина 6.5 см.

Вблизи кишлака Караманды, в одном из оврагов в лёссовидной толще, на глубине 2.5—3 м от поверхности почвы в непотревоженном слое обнаружены обломки расщепленных галек и галек очажного типа, а также несколько отщепов, изготовленных

из весьма хорошего кремня. Найден и массивный обломок кремня с намеренно сделанной ретушью выемкой.

2. Кишлак Дагана

Кишлак Дагана находится в 3 км к северу от районного центра, в ущелье, при слиянии двух ручьев. Около здания школы, на левом мысу имеется довольно хорошо выраженный террасовидный уступ, над которым выступают выходы скал. На уступе сверху виден нетолстый дерновый покров, подстилаемый глинистыми лёссовидными отложениями делювиального характера, изобилующими обломками камня и остроугольной щебенкой. Глубже залегает камень скалы.

В гумусном горизонте и глубже, но без четкой стратиграфической последовательности, залегают каменные изделия в виде отщепов, пластин и нуклеусов.

Материал, из которого изготовлены эти предметы, довольно разнообразный, что резко отличает это поселение от обычных стоянок Гиссарской долины.

Обитатели его тоже нередко пользовались для изготовления своих орудий обыкновенной речной галькой темно-серого или зеленого цвета. Об этом свидетельствуют единичные находки расколотых галек и снятые с них отщепы. У них были в ходу и кварцитовые гальки белого цвета. Но основным материалом для изготовления орудий здесь было уже не это грубое сырье, а кремень сравнительно высокого качества. Цвет кремня различный, как различна и степень его патинизации. Преобладает кремень темно-серого и светло-серого цвета, но нередко встречается темно-коричневый и черный кремень, а также голубоватый и розоватый с серыми прожилками.

Больше всего найдено, естественно, отщепов. Отщепы в большинстве небольшие, но есть и сравнительно крупные и грубые, по характеру представляющие собою обломки расколотых кремневых желваков.

Пластины представлены всего пятью образцами. Три из них — обломки узких, хорошо ограненных пластинок, с тремя гранями на спинке, снятых с обычного призматического нуклеуса, одна пластина — широкая и плоская, с продольным боковым сколом, напоминающим резцовый скол, но, по-видимому, случайным; одна пластина узкая, трехгранная в сечении (рис. 21, *4*).

Нуклеусов и их обломков найдено 13. Целых нуклеусов — четыре. Первый из них представляет собой грубоконический нуклеус, оформленный широкими сколами. Изготовлен он из сильно патинизированного светло-серого кремня. Высота его 2.8 см, ширина площади 3 и 2 см (форма ее близка к овальной).

Второй нуклеус, из розоватого кремня, миниатюрен по своим размерам (длина его 2.6 см, ширина площадки 1 см) (рис. 21, *2*). Это явно остаточный, до предела использованный экземпляр.

Третий нуклеус, из светло-серого кремня, относится к числу односторонних экземпляров; у него одна сторона покрыта чрезвычайно узкими, строго параллельными друг другу фасетками сколов, другая же является поверхностью скола. Площадка нуклеуса овальная, затесана широкими уплощающими сколами. Длина нуклеуса всего 3 см, длина площадки 2.6 см; ширина ее 7.3 см (рис. 21, *1*).

Четвертый нуклеус, из розоватого кремня, уплощенно-конической формы, тоже остаточный, использованный до предела. Вся поверхность его покрыта узкими фасетками, следами настоящих «микросколов». Длина его 2.6 см, ширина площадки 1.3 см.

Кроме того, в коллекции представлены фрагменты таких же нуклеусов призматического типа, расколотых продольно одним сильным ударом. Они сохраняют остатки площадки, затесанной характерными уплощающими сколами, и узкие продольные фасетки — следы сколов, которыми были сняты с них ножевидные пластины. Таких фрагментов нуклеусов имеется шесть экземпляров.

Пятью экземплярами представлены фрагменты призматических нуклеусов, рассеченных боковым или поперечным ударом. Удары эти имели, очевидно, целью «оживление» испорченной в результате длительного употребления площадки нуклеуса, однако нуклеусы были или слишком малы, или удары неудачны по силе и направлению. Следует добавить, что сами нуклеусы были миниатюрными по размеру и не исключено, что их просто хотели расщепить для того, чтобы пустить в дело куски как материал для изготовления каких-то небольших орудьиц (рис. 21, 7).

Отдельно следует упомянуть два отщепа с ретушью. Один, из черного кремня, имеет небольшую, но отчетливо выраженную боковую выемку, оформленную крутой, типично

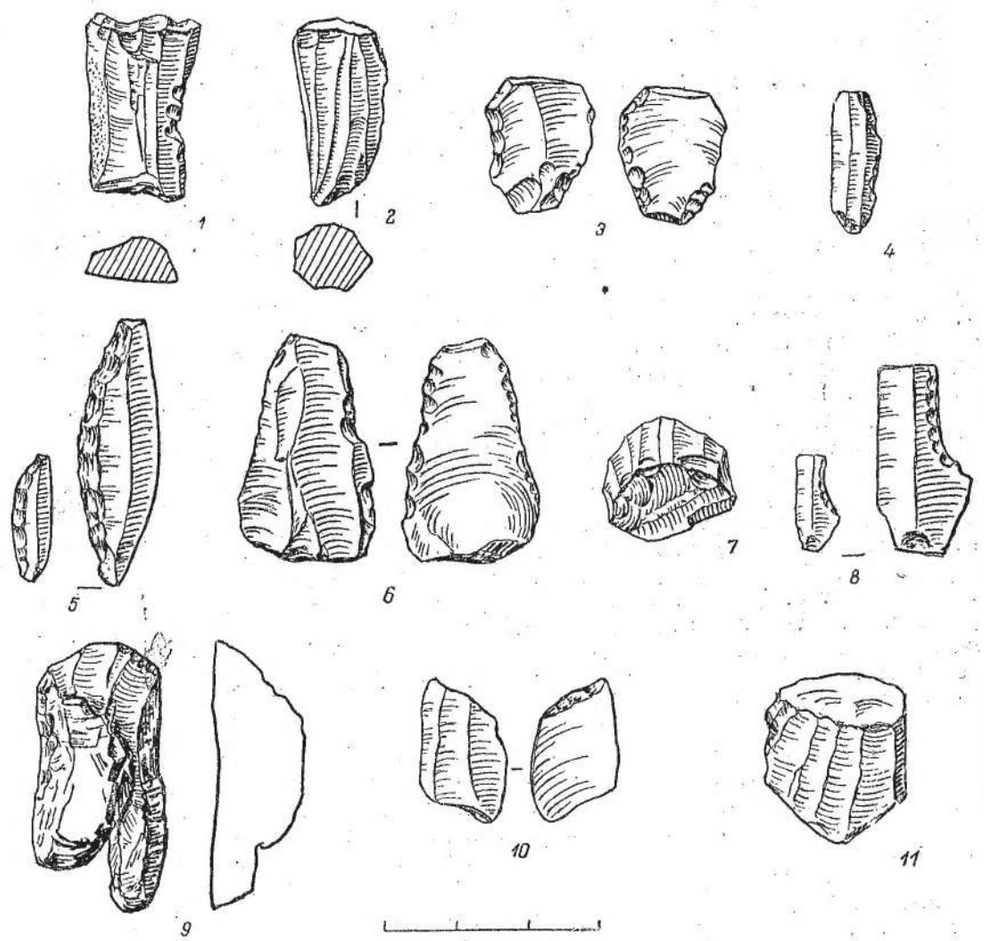


Рис. 21.

1, 2, 7, 11 — нуклеусы призматического типа; *3, 6* — отщепы с ретушью; *4* — пластинка; *5* — сегментовидное изделие (слева в натуральную величину, справа увеличение в два раза); *8* — пластинка с выемкой; *9* — скребок; *10* — микролитическое изделие в виде паределлограмма (*1—4, 7* — Дагана; *5, 6, 8—11* — Дагана-Кишк).

микролитической ретушью (рис. 21, *3*). Второй отщеп более массивный и крутой, из полосчатого серого с розоватыми прожилками кремня. Со стороны ударного бугорка выпуклый край его затесан рядом крутых и глубоких раковистых фасеток с последующей частичной подправкой лезвия мельчайшей ретушью. На противоположной стороне противолежащей ретушью оформлено желобчато-вогнутое тонкое лезвие. Это, несомненно, было какое-то орудие специального назначения, скорее всего, типа скобеля для обработки твердого материала, может быть дерева. Размеры его: длина 3.2 см, ширина 2.6 см (рис. 21, *6*).

3. Дагана-Киик

Примерно в 0.5 км от школы в кишлаке Дагана-Киик на террасовидном уступе предгорий, спускающемся несколько наклонно к дороге Сталинабад—Курган-тюбе найдено довольно много отщепов, а также обломки жженой кости и несколько каменных изделий.

Так же, как на описанном выше поселении Дагана, здесь имеется несколько грубых крупных отщепов из галек серого и зеленоватого цвета, но основная масса находок состоит из кремневых отщепов различного цвета и разных оттенков. Кремень и здесь шел в дело преимущественно серый, а также голубоватый и белый, иногда розоватого оттенка. Иногда употреблялись беловато-серый кварцит и белый кварц.

Среди изделий имеется оббитый со всех сторон желвак кремня неправильно шаровидной формы. Возможно, это была заготовка для нуклеуса. Настоящие нуклеусы представлены двумя предметами. Первый из них — это боковой широкий скол, образовавшийся в результате продольного раскалывания нуклеуса сильным ударом, нанесенным со стороны площадки. На сохранившейся части поверхности нуклеуса имеются остатки ряда строго параллельных друг другу фасеток, соответствующих отделенным от нуклеуса ножевидным пластинам. Изделие это изготовлено из черного кремня. Второй такой же предмет — скол с одностороннего нуклеуса, о чем свидетельствует наличие остатков желвачной корки на одной стороне и длинных продольных фасеток — на другой. Материал изделия — розовато-серый полосчатый кремень. Длина его 3.8 см (рис. 21, *11*).

Отщепов с ретушью найдено четыре; все они кремневые. На двух из них ретушь типично микролитическая, крутая, с характерными мелкими заломами, оформляющими острые выступы-зубцы.

Скребок один. Он изготовлен из массивного длинного отщепа. Рабочий край его выпуклый и затесан длинными узкими сколами. Длина изделия 4 см, ширина 1.8 см, материал — серый кремень (рис. 21, *9*).

К числу скребков может быть отнесен отщеп серого кремня прямоугольных очертаний, у которого ретушированы два соседних края. Один имеет вид прямого лезвия, другой вогнут и оформлен крутой ретушью. Исключительно интересны три следующих изделия. Первое — миниатюрное изделие из светло-серого кремня, имеющее правильные геометрические очертания в виде сегмента. Сегмент этот узкий и массивный, изготовлен из ножевидной пластины, о чем свидетельствуют параллельные грани на спинке. Со стороны спинки крутой, почти отвесной и очень мелкой ретушью микролитического характера оформлено выпуклое лезвие, типичное для изделий такого рода. Длина орудьица 2 см, ширина 0.7 см (рис. 21, *5*).

Второе изделие — фрагмент миниатюрной пластинки из розоватого кремня, имеющей сбоку глубокую полукруглую выемку. Такого рода пластинки с выемками обычны для инвентаря поселений с микролитическим инвентарем. Длина фрагмента пластинки 1.3 см, ширина 0.4 см (рис. 21, *8*).

Третье изделие — фрагмент широкой и тонкой ножевидной пластины, имеющей форму параллелограмма. Противоположные скошенные края пластины, соответствующие усеченным ее концам, оформлены тонкой и крутой типично микролитической ретушью, образующей слегка вогнутые лезвия. Длина изделия 2.1 см, ширина 1.2 см. Материал изделия — светло-серый кремень. По своей геометрически правильной форме и технике ретуши это изделие так же, как и описанный выше сегмент, относится к числу типичных для поселений с микролитическим инвентарем (рис. 21, *10*).

4. Кизил-Кала

В районе поселка Кизил-Кала, в 0.5 км выше его по течению р. Вахш, воды реки подмыли высокую древнюю террасу, достигающую высоты около 20—25 м над уровнем реки. В обнажениях этой террасы хорошо видны слагающие ее отложения. Сверху залегает сильно расчлененная эрозией лёссовидная толща светло-желтого цвета, с характерной для нее столбчатой трещиноватостью. Мощность ее достигает у края террасы 1.5—2 м. Глубже залегает слой хорошо окатанных известняковых валунов и галек, причем наиболее крупные валуны лежат в основании этой толщи. Мощность валунно-галечного слоя достигает 3—3.5 м (рис. 22 и 23).

Валунно-галечный слой подстилается плотной слоистой супесью с прослойками чистого речного песка зеленовато-серого

цвета, крупнозернистого. Под супесью лежит толща плотной красной глины.

При осмотре поверхности террасы на размытых участках лёссовой толщи были собраны немногочисленные, но весьма хорошо выраженные отщепы, и в том числе узкие пластинчатые отщепы, изготовленные из беловатого пятнистого, светло-серого и желтоватого кремня высокого качества. На некоторых из них имеется ретушь, но не специально нанесенная, а скорее появившаяся вследствие употребления отщепов как орудий. Там же есть и грубые отщепы, снятые с расщепленных галек, такие же как в Гиссарской долине.

Еще интереснее находка обработанного человеком кремня in situ в толще валунов и галек, залегающих под лёссом. Это — комбинированное нуклевидное изделие из черного непрозрачного кремня. На одном конце оно представляет собой скребок высокой формы с рабочим краем правильных дугообразных очертаний, оформленным рядом узких и крупных, почти вертикальных, фасеток. На другом конце орудия, сбоку, имеется столь же хорошо выраженный рабочий край, но иного, скобелевидного, характера, узкий, в виде круто выступающего вперед носика. Этот рабочий конец тоже оформлен рядом крутых узких сколов и имеет еще более отчетливо выраженный нуклевидный характер (рис. 24, *3*).

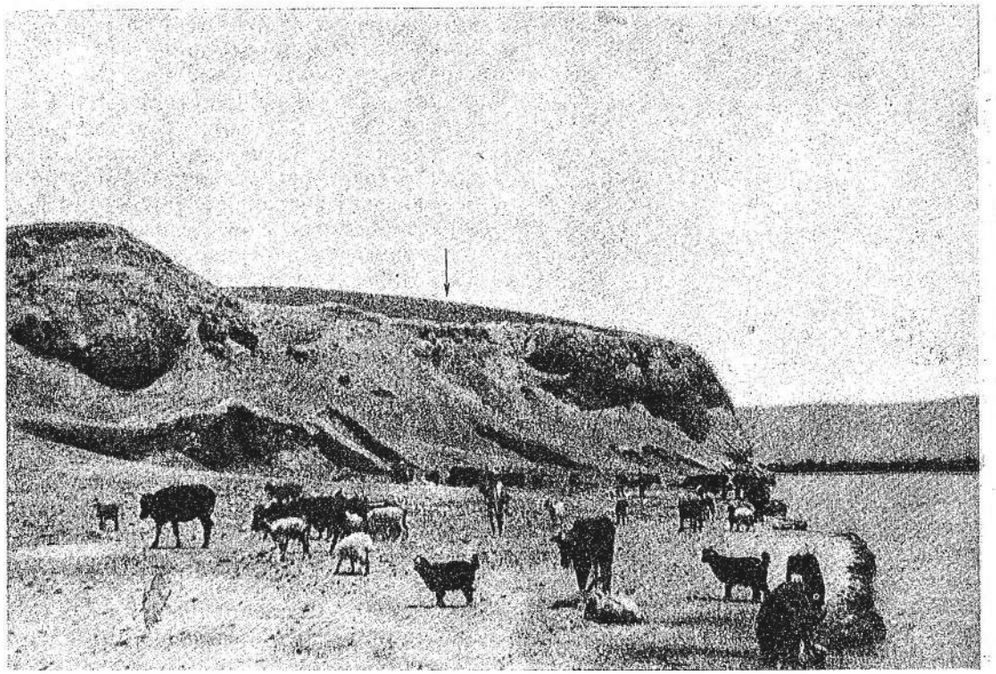


Рис. 22. Обнажение древней террасы р. Вахш в месте, где найдены каменные изделия. Кизил-Кала.

Нуклевидные скобели и высокие скребки такого рода являются характерной особенностью ориньякских комплексов Западной и Восточной Европы. Они столь же характерны для верхнего палеолита Кавказа, Палестины и соседних с ней стран, где составляют нередко большую часть всего набора каменных орудий.[1] На территории

[1] D. A. E. Garrod and D. M. A. Bate. The Stone Age of Mount Carmel. Excavations at wady el-Myghara, vol. I, Oxford. 1937; R. Neville. Le paléolithique et le mésolithique du desert de Judée. Paris, 1951.

Средней Азии такие нуклевидные орудия обнаружены мною в большом числе на верхнепалеолитической мастерской около Красноводска.

Таким образом, если отложения лёсса на 20—25-метровой террасе датируются неолитическим или мезолитическим временем, то валунно-галечная толща относится к верхнему палеолиту. Что касается последнего, то он, судя по этому, пока единственному, но в высшей степени характерному изделию, должен быть отнесен к кругу верхнепалеолитических культур южных внеледниковых районов.

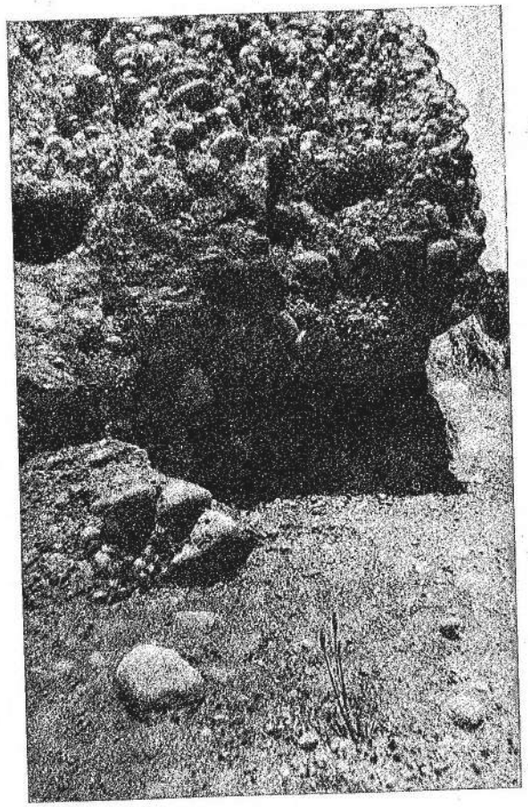


Рис. 23. Обнажение древней террасы р. Вахш. Место находки орудий верхнепалеолитического времени.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что описанное нуклевидное орудие оказалось в толще галечника под лёссом. По-видимому, эта толща галечников имеет пролювиальное происхождение и связана с выносом валунов и гальки из устьев саев, спускающихся к Вахшу со склонов гор Арук-Тау. Очевидно, о ней пишет П. А. Керзум: «В крупных саях, верховья которых уходят к горным склонам, суглинисто-супесчаный материал переслаивается или перемешивается с очень плохо окатанным крупнообломочным отложением. Как сами саи, так и их конуса выноса носят характер пролювиальных, с крупными неокатанными валунами. Галька и валуны исключительно известняковые, принесенные с близлежащих гор. Подобные отложения наблюдаются только по правому берегу, по саям, сбегающим со склонов Арук-Тау. Наиболее характерным в этом отношении является отмеченный выше участок у села Кзыл-Кала. Здесь по высоким обнажениям ясно видно, как слоистые суглинисто-супесчаные с прослоями пылеватого песка аллювиальные отложения прерываются на протяжении около 3 км пролювиальными отложениями с крупными известняковыми валунами».[1] П. А. Керзум полагает при этом, что вся толща отложений по берегу р. Вахш у с. Кизыл-Кала представляет собой обширный древний конус выноса.

Следует заметить также, что отмеченное здесь четкое чередование лёссовидных отложений с валунным галечником и залегающими ниже рыхлыми толщами, имеет, по-видимому, связь с определенными крупными по масштабу изменениями общих климатических условий в четвертичное время на юге Таджикистана, о чем речь будет дальше.

Накопление лёссовидных пород всего вероятнее связывать с сухим климатическим периодом, тогда как мощные отложения галечника должны относиться к времени значительного увлажнения и увеличения сноса реками обломочного материала с гор, т. е. к какому-то плювиальному этапу. Не исключено, следовательно, что верхний палеолит в долине р. Вахша в таком случае может совпадать по времени с вюрмской ледниковой эпохой в ледниковой зоне.

Тем интереснее, что при осмотре нижней части террасы, в выемке из которой брали

[1] П. А. Керзум. Геологическое строение, рельеф поверхности и грунтовые воды Вахшской долины. Сб. «Почвы Вахшской долины и их мелиорация», Сталинабад, 1947, стр. 39.

гальку и супесь, были подняты два обработанных человеком камня.

Первый из них массивный кусок полупрозрачного желтоватого кремня треугольных очертаний, оббитый с обеих сторон широкими сколами. Сбитая намеренно нанесенными ударами верхушка его представляет как бы пятку-рукоять изделия. Оба длинных края изделия острые, на одном из них видна как бы подправка. Ясно видны и следы целесообразных сколов, имевших целью заострить верхний конец, противоположный рукояти. В общем это изделие напоминает грубый двусторонне-обработанный остроконечник. Длина его 5 см, ширина основания 3.5 см (рис. 24, *1*).

Второе изделие похоже на очень примитивное ручное рубило раннешелльского типа. Оно имеет очертания, близкие к треугольным, массивную пятку, затесанную рядом ударов, но сохранившую остаток желвачной корки и острие на конце. Широкие поверхности изделия оформлены крупными грубыми сколами, по лезвиям заметна как бы вторичная грубая подправка мелкими сколами. Длина изделия 9.5 см, максимальная ширина его (посредине) 9 см. Материал, из которого изготовлено это изделие, по-ви-

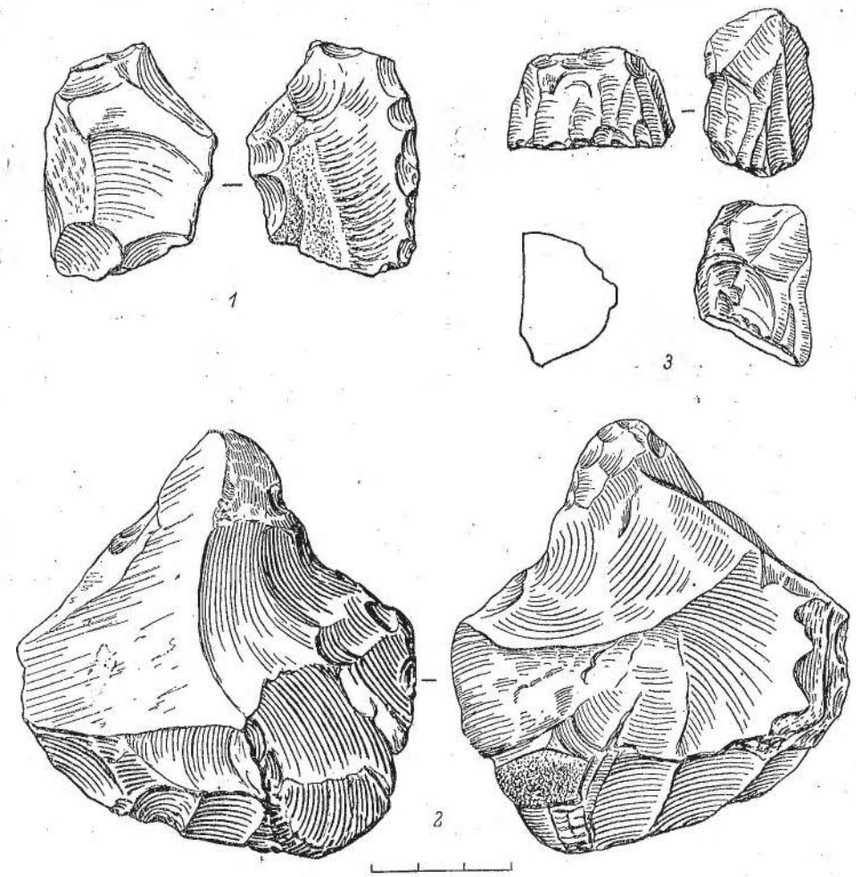


Рис. 24.

1 — двусторонне оббитое орудие — остроконечник; *2* — грубое рубило; *3* — скребок двусторонний высокой формы. Кизил-Кала.

димому, окременелое дерево, о чем свидетельствует характерная слоистость — перемежающиеся слои темного кремня и более светлой породы (рис. 24, *2*).

Следует особо отметить, что в галечнике террасы нет ни кремня, ни окременелого дерева. Породы эти, явно, были доставлены человеком для изготовления орудий.

В стенке карьера, в котором были подобраны два описанных изделия, оказался крупный фрагмент челюсти быка небольшого размера. По определению Н. К. Верещагина, это челюсть, по-видимому, яка. В целом следует предположительно датировать эти находки нижнепалеолитическим и, может быть, весьма ранним временем.

Но для более точного определения возраста этих интереснейших находок необходимы дальнейшие специальные исследования с участием геологов-специалистов в области изучения четвертичной истории Средней Азии.

5. Чакмак-Кия

В 30—35 км выше Микоянабада, на расстоянии 5 км от северной оконечности гор Арук-Тау в местности Чакмак-Кия, хорошо прослеживается серия террас Кафирнигана (не менее четырех).

Самая верхняя из них (высотою примерно 40 м) имеет в основании цоколь из красного песчаника, поверх которого залегает почти совсем разрушенный и смытый пласт галечника или конгломерата.

На поверхности этой террасы, особенно по краю ее, были собраны кремневые отщепы и несколько пластин мезолитического типа — крупных, с широкими неправильными гранями на спинке.

Всего у Чакмак-Кия собрано 56 отщепов, пластин, заготовок из белого непрозрачного кремня, кварцита и расколотых галек черной породы (рис. 25, *1—4*).

Один массивный обломок дымчатого полупрозрачного кремня имеет по краям зазубрены и смятость, очевидно образовавшиеся в результате употребления.

Большая часть материала не носит следов сильной патинизации и окатанности и, очевидно, вымыта недавно.

На более низком террасовидном уступе поднята была плоская галька круглой формы, с обеих сторон которой боковыми ударами были сняты отщепы. Галька эта должна была, очевидно, служить своеобразным нуклеусом дисковидного типа. Диаметр ее 9.5 см.

6. Кара-Камар

При обследовании района пещеры Кара-Камар, расположенной на правом берегу р. Кафирниган, на северной оконечности хребта Арук-Тау, на террасовидных уступах возвышенности около русел сухих ныне ручьев было собрано несколько кремневых отщепов с вполне отчетливо выраженными признаками намеренного изготовления их человеком и высокого уровня обработки камня отжимной техникой. Там же оказались обломок нуклеуса и обломок довольно крупного изделия в виде массивной трехгранной в сечении пластины, лезвия которой носят следы вторичной подправки и использования (рис. 25, *5*, *6*). Находки показывают, что эти места, почти пустынные и безжизненные в настоящее время, посещались бродячими охотниками каменного века. Вполне возможно поэтому, что в те времена по сухим ныне руслам ручьев струилась вода.

7. Джиликульская переправа

На высокой 20—25 метровой террасе р. Вахш у Джиликульской переправы и у подножия этой террасы были обнаружены довольно многочисленные мелкие отщепы из кремня. Отщепы эти по технике обработки камня и материалу аналогичны найденным в Чильучор-Чашма, в Дагана и Дагана-Киике. Зачисткой ям, имеющихся на террасе, установлено, что обработанный человеком камень связан здесь с поверхностным слоем глинистой (лёссовидной) толщи террасы.

8. Чильучор-Чашма

Пункт № 1. Около источника Чильучор-Чашма, находящегося в Микоянабадском районе, к западу от районного центра пос. Шаартуз (рис. 26). Здесь обнаружены местонахождения обработанного человеком камня. Больше всего таких изделий найдено на правой, вниз по течению, стороне источника, где прежде стояли постройки небольшого кишлака. Изредка кремни встречаются и на противоположной стороне около мечети. Кремни рассеяны на выдувах в небольших котловинах отдельными группами. Поэтому подъемный материал разделяется по пунктам.

Первый пункт находится к северо-западу от развалин кишлака. Материалом для изделий служил хороший по качеству кремень. Цвет кремня — преимущественно голубовато-серый и серый с розовым оттенком. Изредка встречается кремень желтовато-серого цвета, а также темно-серый и даже черный и светло-коричневый. Кремень, как правило, в той или иной степени патинизирован, но есть отдельные кремни без патины. Очень редко встречаются куски обработанного кремнистого известняка. Среди отщепов имеются фрагменты расколотых окаменелых раковин. Источником, откуда добывался кремень, очевидно, служили известняки Арук-Тау.

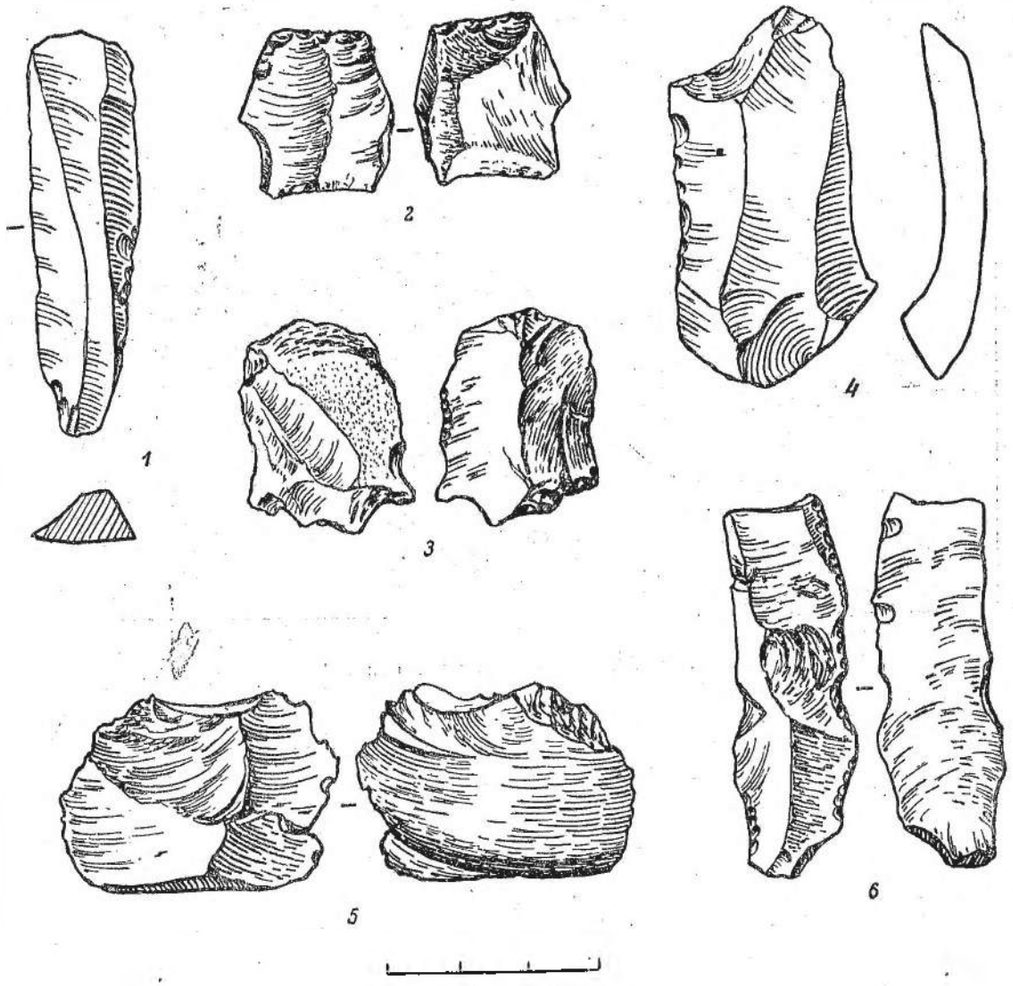


Рис. 25.

1, 4, 6 — пластины; *2, 3, 5* — отщепы (*1—4* — Чакмак-Кия; *5, 6* — Кара-Камар).

Основная масса находок состоит из отщепов, в большинстве мелких по размеру и тонких. Отщепы длиной до 4 см и более встречаются очень редко.

Нуклеусов имеется 9. Из них 4 представляют собой грубые заготовки, отесанные лишь «вчерне», широкими сколами. Два из

них должны были быть коническими, а один односторонним, о чем свидетельствует его уплощенная форма и характер одной широкой поверхности, затесанной посредине широким плоским сколом и тремя краевыми сколами (рис. 27, *9*, *10*).

4 экземпляра являются массивными сколами с нуклеусов; 2 продольные и 2 поперечные. Один из поперечных сколов интересен тем, что имеет довольно правильную коническую форму и мог быть использован как скребловидный инструмент. Из числа нуклеусов один типично-призматический по характеру, но односторонний; с него снимались очень узкие и короткие пластинки. Длина его 2.3 см. Площадки находятся на обоих противоположных концах (рис. 27, *11*).

Два нуклеуса тоже использовались только с одной стороны. У обоих этих изделий край площадки выпуклый и, помимо коротких широких фасеток, оформляющих его дугу, подправлен мелкой вторичной ретушью. Другая характерная черта этих двух нуклеусов заключается в том, что их площадка образует острый угол по отношению к поверхности, с которой снимались ножевидные пластинки, и, таким образом, получалось клиновидное широкое лезвие. Их можно поэтому отнести к числу скобленидных изделий.

Ножевидных пластин и их обломков имеется 30. В большинстве пластины сравнительно широкие и неправильные по очертаниям. Среди них, однако, есть и узкие правильные пластинки с тремя или двумя строго параллельными гранями на спинке (рис. 27, *7*).

Пластин с ретушью — 10. Ретушь на них мелкая и тщательная. На двух пластинах ретушь противолежащая, т. е. обработке были подвергнуты один край с брюшка, а другой со спинки. На остальных пластинах края ретушированы только со спинки (рис. 27, *8*; 29, *3*).

Из ножевидных пластин, сравнительно узких, но массивных, изготовлены обычные пластинки с затупленным краем и острия с таким же затупленным краем. Имеется 18 изделий этой группы. Это пластинки, один край которых обработан специфической мелкой и крутой перпендикулярной или почти перпендикулярной по отношению к плоскости брюшка пластины ретушью. Противоположный край этих пластин остается необработанным и представляет со-

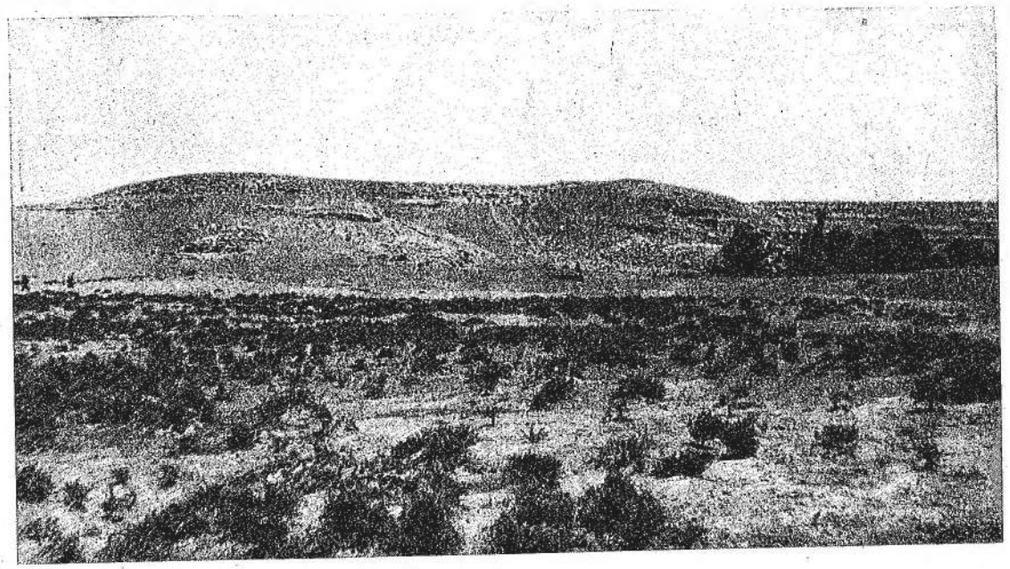


Рис. 26. Чильучор-Чашма, пункт 1.

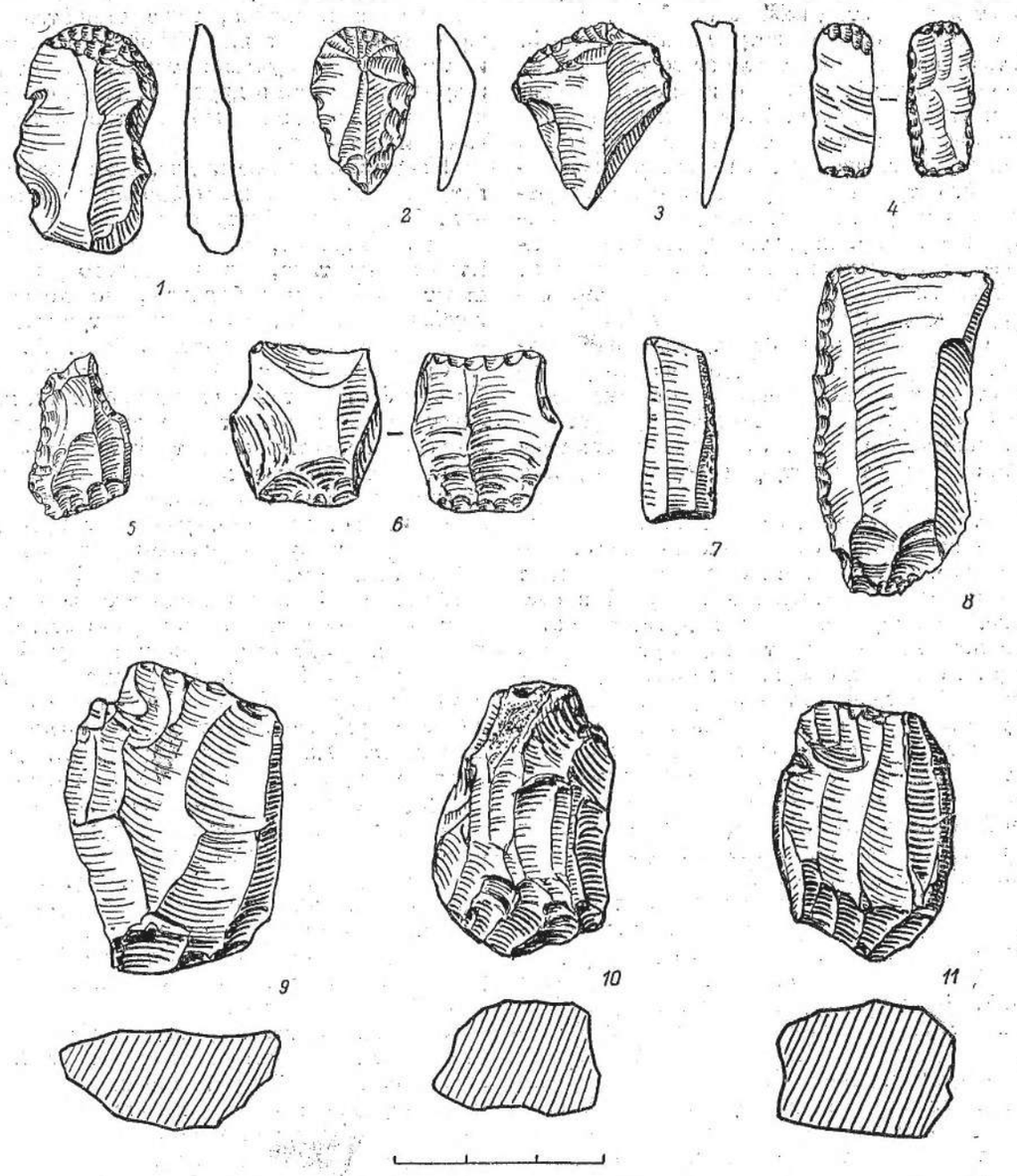


Рис. 27.

1, 2, 3, 6 — скребки; *4* — пластина-вкладыш; *5* — проколка; *7, 8* — пластины; *9—11* — нуклеусы призматического типа. Чильучор-Чашма.

бою грань продольного скола на нуклеусе. Иногда, впрочем, на остриях легкая ретушь имеется и на этом их крае.

Обломков острий с затупленным краем—5. Четыре из них представляют собой верхние кончики острий, один же является основанием такого изделия. Этот последний предмет интересен тем, что основание его не прямое, а скошенное. Это было, следовательно, острие в виде удлиненного асимметричного треугольника, обычное для инвентаря поселений, характеризуемых микролитическими изделиями геометрических форм.

Проколок и проколковидных острий обнаружено 8. Все они различны по форме и потому заслуживают отдельного описания. Одна проколка изготовлена из узкого пластинчатого отщепа розового оттенка. Один край ее дугообразно выпуклый, противоположный — прямой. Оба края оформлены мелкой и крутой ретушью. Длина изделия 3.7 см.

Вторая проколка сделана из массивного небольшого отщепа светло-коричневого, «кофейного», цвета кремня. Один край ее имеет вид неправильной, слегка вогнутой в средине, но выпуклой в целом дуги, а противоположный образует выемку. Сходясь вместе, оба края оформляют небольшое клювовидное острие. Ретушь крутая, довольно грубая. Длина проколки 2.5 см.

Третья проколка изготовлена из пластинчатого отщепа серого, сильно патинизированного кремня. Один край ее прямой, противоположный на конце слегка вогнут и образует массивное острие. Длина изделия 2.2 см (рис. 28, *1*).

Две проколки, четвертая и пятая, сделаны из небольших отщепов, у которых ретуширован характерной затупливающей микролитической ретушью один прямой край, противоположный край выпуклый и лишь слегка подправлен мельчайшей ретушью. Длина их 2.1 и 2.3 см (рис. 28, *6*).

Шестая проколка изготовлена из обломка довольно широкой ножевидной пластины с тремя гранями на спинке. На конце пластины характерной микролитической ретушью оформлено миниатюрное, слегка искривленное вбок, острие в виде клюва. Длина проколки 2 см. Материал — желтоватый кремень (рис. 27, *5*).

Седьмая проколка, из пластинчатого небольшого отщепа треугольной формы розоватого кремня, имеет на конце посредине миниатюрное острие. Длина ее 1.8 см, ширина 1.6 см.

Восьмая проколка, тоже миниатюрная, из обломка пластинки беловатого кремня, имеет один выпуклый, тонкий и слегка зазубренный край и другой прямой, с двумя выемками, оформленный крутой затупливающей ретушью.

Пластин с выемками две. Одна, из беловато-розового кремня, широкая и массивная. Оба края ее ретушированы, на одном имеется широкая, но неглубокая выемка. Вторая пластина, из розоватого кремня, имеет по краям небольшие, но довольно глубокие выемки, сделанные ретушью, нанесенной с брюшка пластины (рис. 28, *15*).

Скребков и их обломков имеется 17. Из них 8 относятся к числу концевых, т. е. изготовленных из относительно широких и плоских пластин и пластинчатых отщепов, у которых ретушью, нанесенной со стороны брюшка к спинке, один конец, противоположный, как правило, ударному бугорку, превращен в дугообразно-выпуклое широкое лезвие. Самый крупный такой скребок, изготовленный из превосходного дымчатого светло-коричневого кремня (покрытого белой густой патиной), имеет длину 4 см, ширину около 2—8 см. Следует особо отметить наличие очень короткого скребка, сделанного из массивного отщепа серого кремня. Длина его 1.8 см, ширина 2 см. Даем краткое описание некоторых экземпляров.

Скребок из обломка пластины серого кремня, у которой крутой ретушью вдоль одного длинного края оформлено дугообразное выпуклое лезвие (рис. 28, *13*). У другого такого же изделия лезвие прямое, причем следует отметить, что ретушь была здесь нанесена на густо патинизированный уже до этого кремень и выделяется своей свежей поверхностью.

Скребок из небольшого, но массивного отщепа темно-серого кремня имеет дугообразный высокий край, слегка скошенный к одному боку. Это — единственный скребок «высокой формы» во всей коллекции. Длина его 2 см (рис. 28, *9*).

Скребок, сделанный очень тщательно из отщепа хорошего кремня розоватого оттенка, имеет правильную миндалевидную форму. Рабочий край его выпуклый, насад в виде острия. Ретушь тщательная, она оформляет лезвие и один длинный край орудия, второй, противоположный, край его лишь

слегка зазубрен. Длина скребка 1.8 см, ширина 1.5 см (рис. 27, *2*).

Массивный и грубой работы скребок, сделанный из толстого пластинчатого отщепа; рабочий край его прямой. Форма близка к прямоугольной. Длина его 2.3 см, ширина 2.3 см.

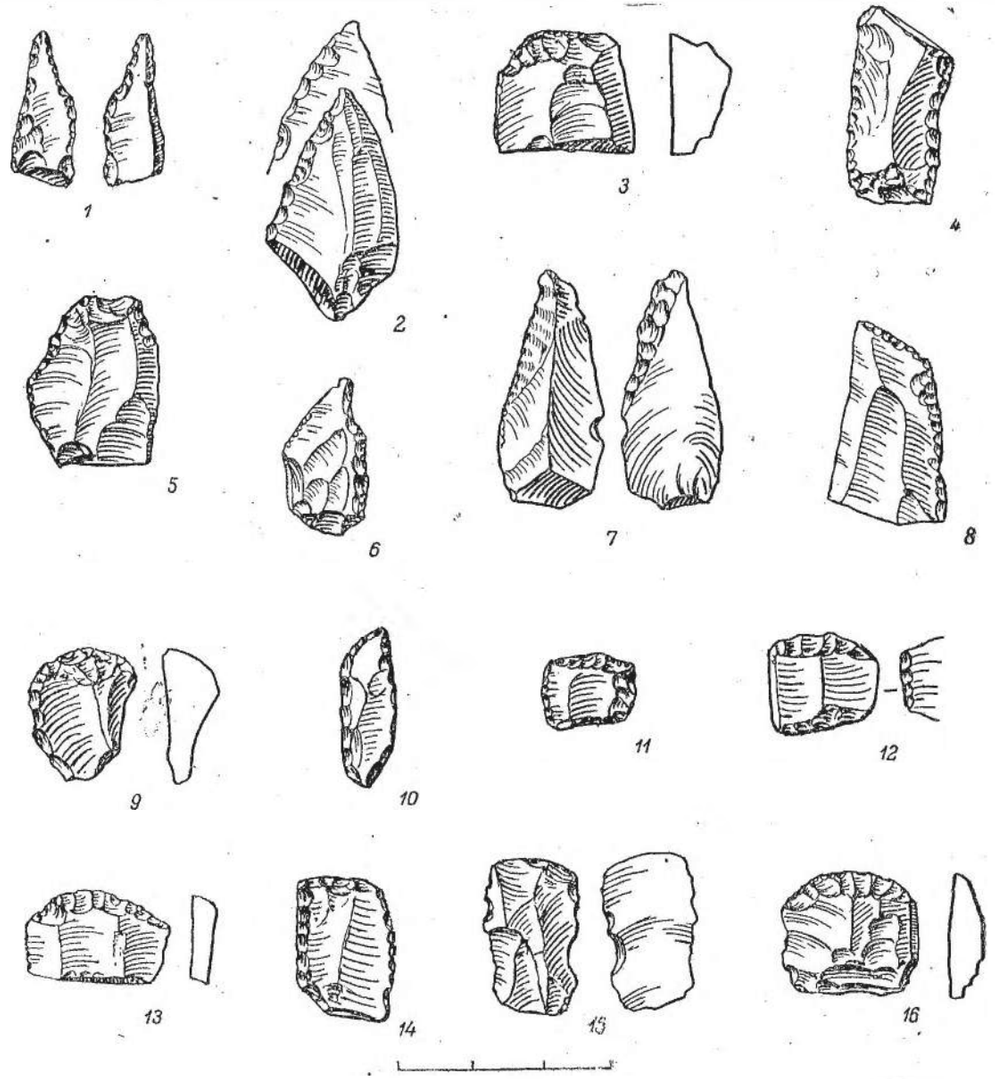


Рис. 28.

1, 6 — проколки; *2, 7* — острия; *3, 13, 16* — скребки концевого типа из коротких отщепов и пластин; *4* — пластина с боковой выемкой; *5, 9* — скребки; *8* — изделие типа параллелограмма; *10* — сегмент; *11, 12, 14, 15* — трапеции. Чильучор-Чашма.

Миниатюрный скребок, треугольных очертаний. Длина его равна всего лишь 1.2 см, ширина 1.3 см. Материал — черный кремень. Несмотря на миниатюрные размеры этого изделия, оно оформлено весьма тщательной мельчайшей крутой ретушью.

Последний скребок относится к числу концевых, но отличается от всех ранее

отмеченных своими миниатюрными размерами. Его длина 1.5 см, ширина 0.9 см, изготовлен он из розоватого кремня (рис. 28, *11*). Остальные скребки изготовлены из отщепов (рис. 27, *3*, *6*; 28, *3*, *4*, *5*, *14*, *16*; 29, *12*).

Крупные массивные скребки представлены одним экземпляром из светло-серого кремня. Рабочий край его выпуклый, крутой и высокий (рис. 27, *1*).

Крупные острия представлены тремя экземплярами. Первое острие, сделанное из отщепа зеленовато-голубого камня, по-видимому окременелого известняка, имеет удлиненно-треугольную форму. Ретушь на нем противолежащая, т. е. один край ретуширован с брюшка, а противоположный со спинки. Кончик острия массивный в виде клюва. Длина 3.4 см, ширина в основании его 1.6 см (рис. 28, *7*).

Второе острие, из темно-серого, слегка желтоватого кремня, тоже удлиненно-треугольной формы, но несколько иных, более широких, пропорций: длина его 3.3 см, ширина 2 см. Ретушь и здесь противолежащая, затупливающая, тщательная на спинке и легкая, плоская на брюшке. Материалом для этого изделия послужил, очевидно, продольный скол с призматического нуклеуса (рис. 28, *2*).

Третье острие, из обломка широкой пластины розоватого кремня, с тремя гранями на спинке. Ретуширован только один дугообразно выпуклый край изделия, другой, противоположный, край его оставлен без обработки. Ретушь нанесена со спинки. Длина 2.8 см, ширина 1.8 см (рис. 28, *8*).

Миниатюрных изделий геометрических форм, т. е. микролитов в собственном смысле этого слова, найдено 5.

Трапеций найдено 2. Обе трапеции принадлежат по своим пропорциям к числу высоких, с очень слабо скошенными длинными сторонами, оформленными крутой, почти вертикальной ретушью. Изготовлены они из обломков ножевидных пластин. Размеры их таковы: высота первой, сделанной из розоватого кремня, 1.6 см; ширина ее 1.5 см; высота второй, из беловатого кремня, 1.4 см, ширина 1 см (рис. 28, *12*).

Сегмент найден один. Он узкий и длинный, сильно пострадал от выпадов чешуек кремня, но имеет достаточно характерные удлиненно-полулунные очертания. Выпуклый край его был тщательно обработан характерной затупливающей ретушью со спинки. Следы очень тонкой ретуши, может быть являющейся результатом употребления, заметны и на прямом крае изделия. Длина его 2.2 см, ширина 0.8 см (рис. 28, *10*).

Изделие, изготовленное из обломка широкой ножевидной пластины, напоминает неправильный прямоугольник. Один длинный и один поперечный края его обработаны крутой ретушью. Второй, обломанный, поперечный край оформлен грубее и только частично. Длина изделия 2.1 см, ширина его 1.5 см (рис. 29, *1*).

О том, что это изделие не является чем-то исключительным, показывает другой предмет, тоже в виде прямоугольника, изготовленный из сравнительно тонкой и узкой пластинки желтоватого дымчатого кремня. Один продольный и оба поперечных края его оформлены мелкой тщательной ретушью. Длина изделия 2.2 см, ширина 1 см (рис. 27, *4*).

Пункт № 2 находится к юго-востоку от источника и мечети за древним мусульманским кладбищем у подножия возвышенности, из которой бьют ключи. Кремни, обработанные человеком, рассеяны здесь на сравнительно большой площади вдоль склона возвышенности, но только лишь на возвышенной части, а не в низине. Они сосредоточены отдельными группами — «пятнами» в котловинах выдувания и на местах, размытых дождевыми водами. Кремень здесь употреблялся такой же, как в пункте № 1. Больше всего кремня нежно-розоватого цвета, есть белый, светло-серый и светло-зеленый кремень, а также желтоватый.

Нуклеусы представлены только грубыми небольшими обломками (3 экземпляра).

Ножевидных пластинок, снятых с нуклеусов призматического типа, 7. Самая широкая из них имеет ширину 1.5 см, наиболее узкая 0.7 см. Пластины с выемками представлены двумя обломками. Выемки на них неглубокие и широкие, ретушь крутая, микролитическая.

В употреблении находились также пластины с ретушью и пластины с затупленным краем (4 экземпляра).

Имеется три обломка верхних концов острий с затупленным краем. У одного из них крутой затупливающей ретушью был оформлен только с одной стороны изделия самый кончик пластинки. У другого острия

ретушью частично оформлен на кончике и второй край (рис. 29, *6*, *11*).

Одним экземпляром представлены изделия типа асимметричных треугольников. От него уцелело только скошенное характерным

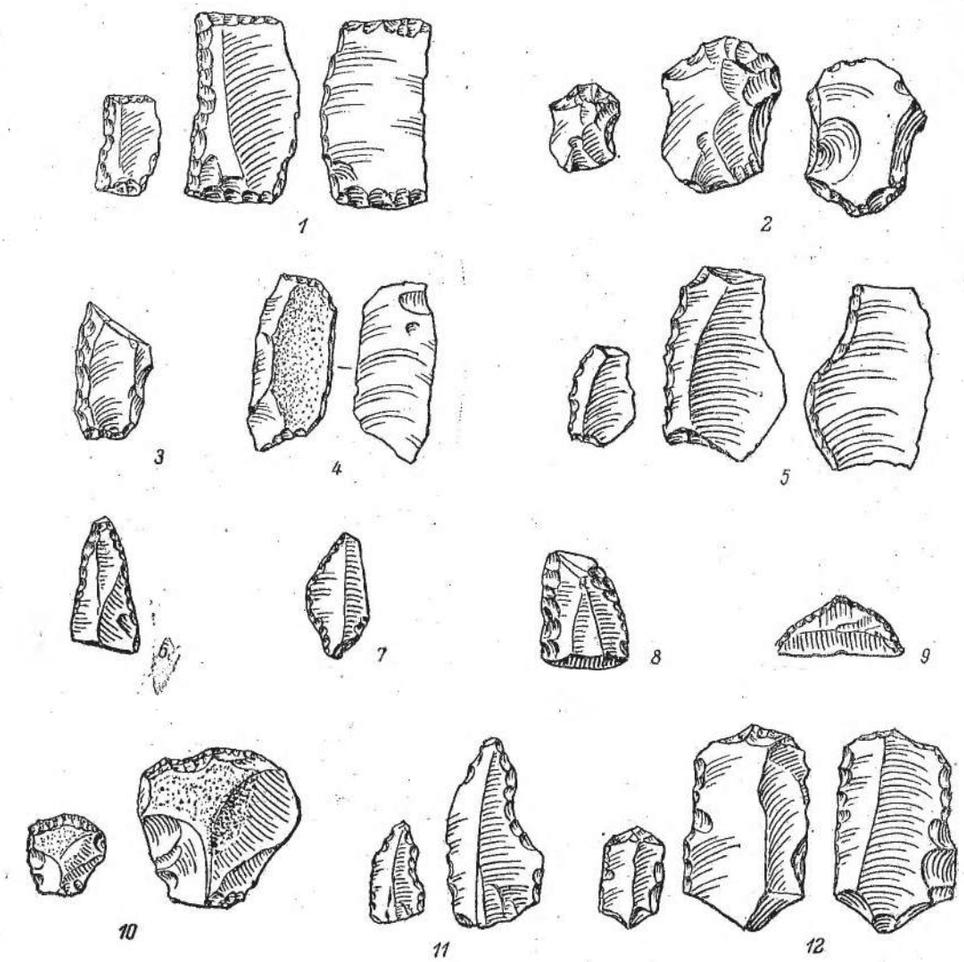


Рис. 29.

1 — микролитическое изделие в виде прямоугольника; *2*, *8*, *10*, *12* — скребки; *3* — пластинка с затупленным краем; *4* — изделие типа трапеции; *5* — пластинка с выемкой; *6* — острие с затупленным краем; *7* — микролитическое двойное острие; *9* — микролитическое изделие в виде треугольника; *11* — проколка. *1*, *2*, *5*, *10*—*12* — увеличены в два раза. Чильучор-Чашма.

образом основание. Один край треугольника был обработан тончайшей микролитической ретушью, другой оставлен без обработки. Материалом для этого изделия послужила тонкая ножевидная пластина из дымчатого кремня.

Имеется также одно изделие в виде широкого равнобедренного треугольника, изготовленное из обломка небольшой пластинки серого кремня. Ретушь мелкая, затупливающая со стороны спинки. Основание треугольника оставлено без обработки. Размеры изделия: основание треугольника — 1.9, см, высота 0.8 см (рис. 29, *9*).

Скребки концевого типа — 4 экземпляра. Первый изготовлен из массивного пластинчатого отщепа беловато-розового кремня.

Лезвие его выпуклое, полукруглое. Длина скребка 3.2 см, ширина 1.9 см. Второй скребок, из обломка широкой пластины розоватого кремня, с тремя гранями на спинке, имеет прямой, слегка вогнутый в середине, рабочий край. Длина скребка 1.4 см, ширина 1.6 см. Третий скребок, от которого сохранилась только верхняя часть, имеет выпуклое, суживающееся к концу лезвие. Отличительная черта его — обработка ретушью одного бокового края (рис. 29, *8*). Четвертый скребок из узкой, но сравнительно массивной пластинки черного кремня, с тремя гранями на спинке. Рабочий край его прямой, оформленный крутой мелкой ретушью. Длина скребка 2.2 см, ширина 1.2 см.

Три единичных изделия выделяются оригинальностью своей формы. Первое изделие представляет собой миниатюрную проколку, изготовленную из пластинки белого кремня. У этой проколки тончайшей ретушью на конце, противоположном ударному бугорку, оформлена выемка и выделены два острия, выступающие по ее краям в виде шипов. Острия эти подчеркнуты двумя специально сделанными с этой целью миниатюрными выемками по углам пластинки. Длина проколки 1.5 см, ширина 1 см (рис. 29, *4*).

Второе изделие оригинальной формы имеет вид короткого острия с одним выпуклым и другим прямым краем, сделанного из массивной пластины темно-серого кремня. Длинный прямой край изделия, его основание и кончик острия оформлены крутой затупливающей ретушью. Длина изделия 1.7 см, ширина 1.2 см.

Третье изделие представляет собой миниатюрное острие ромбических очертаний, изготовленное из пластины розоватого кремня. Основание его и один край на кончике оформлены крутой затупливающей ретушью, другой край на кончике оставлен без обработки. Длина изделия 1.8 см, ширина 1 см (рис. 29, 7).

Последнее изделие, которое следует упомянуть, — довольно крупный отщеп, снятый с желвака кремня и сохранивший остатки шероховатой желвачной корки. На конце с ударным бугорком со стороны спинки на нем имеется ретушь. Ретушью оформлено слегка выпуклое лезвие. Характерная смятость лезвия и защепы вдоль его края показывают, что этим изделием пользовались для каких-то грубых работ, может быть оно служило отжимником при изготовлении каменных орудий.

Пункт № 3. Расположен к юго-западу от пункта № 2, в 100—150 м ниже его, по правой стороне речки. Собранный здесь кремень по цвету и качеству такой же, как в пункте № 1. Орудия из кремня, собранные на этом местонахождении немногочисленны, но весьма характерны по форме и технике изготовления; нуклеусы представлены здесь только небольшими обломками в количестве 4.

Ножевидных пластин — 4 (обломки), одна из них с зазубренными от употребления лезвиями.

Пластинок с затупленным краем — 2. Обе пластинки представлены обломками.

Острие с затупленным краем — 1. То же представлено обломком кончика.

Проколка — 1. Сохранился только кончик изделия, заготовленного из широкого пластинчатого отщепа. Острие проколки короткое, клювовидное.

Острие со скошенным краем — 1. Острие изготовлено из пластинчатого скола с желвака голубовато-серого кремня. Скошенный край его оформлен мелкой ретушью и слегка вогнут. Противоположный прямо срезанный конец пластины тоже ретуширован. Длина изделия 2.5 см.

Прямоугольник — 1. Изготовлен из пластинки светло-серого, слегка розоватого кремня. Типичной затупливающей ретушью со спинки оформлены два поперечных конца изделия и один продольный. Противоположный удлиненный край изделия слегка зазубрен, но, по-видимому, не преднамеренно, а вследствие употребления. Интересно, что ударный бугорок пластинки был снят рядом тщательно нанесенных плоских сколов. Длина прямоугольника 1.2 см, ширина его 0.7 см.

Микропроколка — 1. Она изготовлена из обломка пластины дымчатого кремня. Острие ее расположено вдоль длинной оси изделия и оформлено мелкой ретушью. Длина проколки 1.2 см.

Одинаково поражают своими миниатюрными размерами два изделия типа скребочков. Один из них, изготовленный из обломка довольно массивной пластинки или пластинчатого отщепа светло-серого кремня, имеет превосходно сделанное крутое выпуклое лезвие. Длина скребочка всего лишь 1.2 см, ширина 1.1 см. Второе такое изделие сделано из того же материала, но отличается от него наличием дугообразно-выемчатого рабочего края. Ширина его 1 см, длина 1 см (рис. 29, *2*).

Не менее любопытно еще одно миниатюрное изделие из тонкого пластинчатого отщепа желтоватого дымчатого кремня. Один край его имеет мелкие острые зубчики, напоминающие лезвие пилы. На противоположном крае затупливающей ретушью оформлена боковая выемка. Основание изделия также ретушировано. Длина 1.3 см, ширина 0.9 см (рис. 29, *5*). Пункт № 5 расположен в 100—120 м к северо-востоку от источника. На обширных песчаных выдувах собрано довольно много отщепов, в том числе со следами употребления и грубой ретуши. Настоящих орудий, однако, не найдено, за исключением одного пластинчатого отщепа удлиненно-прямоугольной формы, у которого сплошь ретушированы оба продольных края, а прямо срезанный конец, противоположный ударному бугорку, превращен в короткое прямое лезвие. В целом это изделие может быть отнесено к категории концевых скребков с прямым рабочим краем. Длина изделия 2.3 см, ширина 1.5 см.

Сборы на левом берегу источника, около мечети и далее вниз по его течению, состоят из кремневых отщепов, одного призматического нуклеуса небольшого размера (длина 2 см) и расколотой гальки.

Следует полагать, что описанные выше каменные изделия, собранные около источника Чильучор-Чашма, были оставлены здесь людьми каменного века, которые время от времени приходили к источнику и останавливались здесь на более или менее длительный срок.

Что касается классификации и датировки этих находок, то они в общем очень единообразны и представляют достаточно выдержанный комплекс как по форме изделий, так и по технике их изготовления.

Материалом для орудий здесь служил почти исключительно кремень и при этом хорошего качества, имевшийся, должно быть, где-то поблизости в достаточном количестве.

Крупных изделий из кремня, однако, не встречается, как почти нет и очень крупных отщепов.

Нуклеусы представлены обычными призматическими формами этих изделий, все они использованы в максимальной степени; утилизировались даже использованные до конца ядрища. Их расщепляли с тем, чтобы снова пустить в ход получившиеся куски кремня, но уже для других целей. Испорченные вследствие многократного снятия пластин площадки нуклеусов «оживлялись» поперечными сколами.

Отщепы и снятые с призматических нуклеусов ножевидные пластины были теми полуфабрикатами-заготовками, из которых выделывались орудия. Из отщепов изготовлялись скребки и своеобразные удлиненно-треугольные острия, из ножевидных пластинок — пластинки с затупленным краем, острия с затупленным краем, концевые скребки, а также специфические миниатюрные изделия геометрических очертаний в виде сегментов, трапеций, параллелограммов, удлиненных прямоугольников и треугольников двух видов: а) широких, с симметричными сторонами и б) узких, длинных, асимметричных. Последние, впрочем, представляют собой особый вариант острий с затупленными краями.

Наличие характерной «затупливающей» ретуши и миниатюрных изделий геометрических форм ясно определяет место той древней культуры, следы которой сохранились у источника Чильучор-Чашма среди других культур каменного века. Она принадлежит к числу тех микролитических, как их обычно называют, культур, которые в конце палеолита, в мезолите и раннем неолите были распространены в южных областях Европы, в том числе на юге СССР — в Крыму, на Украине и на Кавказе, а также в Иране, Индии и Передней и Малой Азии, в Африке и даже в далекой изолированной от других стран земного шара Австралии.

Иногда все эти культуры каменного века южных внеледниковых областей Европы, Азии и Африки по находкам около Гафсы в Тунисе обозначают, в отличие от палеолитических культур приледниковых областей, общим наименованием каспийской культуры, что, однако, вовсе не означает их полного тождества и единообразия.

Относительный возраст находок у источника Чильучор-Чашма достаточно точно определяется характером изделий геометрических форм. Обращает внимание, прежде всего, что здесь нет таких вещей, которые характерны для ранних, чисто палеолитических и раннемезолитических этапов в этих областях, например острий типа шательпер-

рон, нуклевидных орудий — скобелей и скребков высокой формы, резцов.

Но нет здесь и собственно неолитических изделий и изделий, относящихся к ранним этапам эпохи металла в виде, прежде всего, наконечников стрел, в том числе даже и самых архаических листовидных и черешковых, сделанных из ножевидных пластин с частичной лишь подправкой ретушью их краев. О более раннем, конкретно позднемезолитическом или ранненеолитическом, по масштабам, например, Передней Азии, Египта, Палестины и Северной Африки, а также Европы, возрасте находок у источника Чильучор-Чашма свидетельствует наличие сегмента, а также треугольников и трапеций.

Особенно характерна форма трапеций, служивших, по-видимому, поперечнолезвийными наконечниками стрел. Они отличаются от более древних своими суженными пропорциями, небольшими размерами и симметричными очертаниями.

Такие же высокие узкие трапеции небольшого размера появляются на смену более широким и крупным трапециям так же и в верхних, уже ранненеолитических по возрасту, слоях Джебельской пещеры на юго-западе Туркменистана, этого единственного пока в Средней Азии памятника, где прослежена стратиграфическая последовательность развития культуры от мезолита и раннего неолита до начала бронзового века.

Судя по результатам раскопок в Джебеле, позволяющим связать историю племен каменного века Прикаспия с лучше изученной историей их современников в странах Ближнего Востока, ранний неолит Джебела не может быть по его абсолютному возрасту моложе 5—6 тысячелетий до н. э. Примерно также следует, очевидно, датировать и находки у источника Чильучор-Чашма.

9. Колодец Хан-Кудук

Колодец находится в одной из долин прорезающих хребет Баба-Таг. В нем имеется хорошая пресная вода. На высоких террасовидных площадках в районе колодца повсюду встречается как обработанный кремень, так и куски необработанного кремня. До нас здесь собирали, по-видимому, кремень работники Сурхан-дарьинского музея. При кратковременном осмотре этой местности найдено довольно много кремневых отщепов, а также несколько орудий из кремня (рис. 30).

Кремень здесь употреблялся в основном светло-серый и дымчатый, а также полосчатый. Имеются две ножевидных пластины хорошей огранки. Готовые изделия представлены одной грубой массивной проколкой и скребками. Скребков — 5. Четыре скребка изготовлены из отщепов и имеют выпуклое лезвие, хорошо оформленное тщательной крутой ретушью. Один скребок отличается

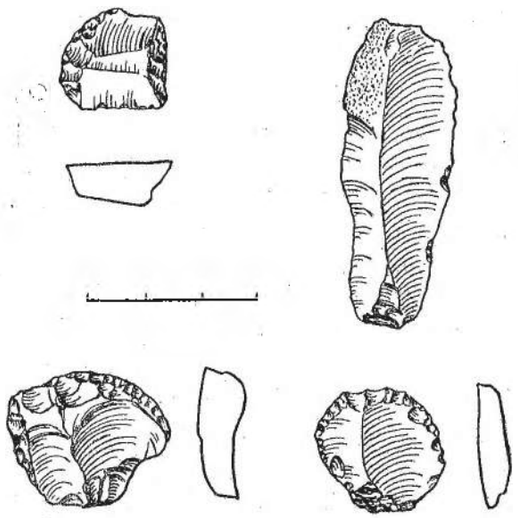


Рис. 30. Каменные изделия, найденные у источника Хан-Кудук.

от всех остальных тем, что изготовлен из обломка массивной ножевидной пластины и имеет два рабочих края на противоположных концах пластины. Один рабочий край его выпуклый и слегка скошенный, другой — прямой. Длина этого скребка 2 см. По сути — это модификация обыкновенной трапеции. Остальные четыре скребка тоже невелики. Их длина: 2.3, 1.6, 2.4, 1.7 см.

Имеются также два полулунных по очертаниям обломка плиток кремня, у которых грубо ретушировано выпуклое лезвие. Они могли быть скребловидными инструментами.

10. Колодец Питтык-Чашма

Кроме того, были обследованы окрестности колодца и ущелья Питтык-Чашма. Поблизости от колодца и ущелья, известного по находящимся на стенах последнего многочисленными красочными рисунками, зарегистрированными ранее работниками Термезского музея, нами собрано небольшое количество кремневых отщепов.

11. Тувак-сай

Тувак-Сай — ущелье в северо-восточных отрогах Баба-Тага в северной части Бишкентской долины. Ущелье это замечательно наличием в нем выходов кремня, которые могли привлекать людей каменного века. Это подтверждается находками обработанных кремней около колодца Тувак-Кудук. Все эти кремни представляют собой отбросы первичной обработки в виде отщепов и расколотых желваков. Есть, по-видимому, одна заготовка призматического нуклеуса. На ряде отщепов заметны следы употребления в виде характерной зазубренности и краевой мелкой ретуши.

ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ. БАССЕЙН Р. СЫР-ДАРЬИ

1. Ходжи-Ягона

Наиболее древние бесспорные следы культуры человека каменного века на севере Таджикистана обнаружены в 1954 г. в Кайрак-кумах у мазара Ходжи-Ягона.

Как известно, Кайрак-Кумы представляют собой своего рода «миниатюрный образец больших песчаных пустынь Туранской низменности», с характерным для них «своеобразным комплексом экологических условий и животным миром, приспособленным для жизни в сыпучих песках». Барханные гряды кайрак-кумских песков тянутся широкой полосой вдоль левого берега р. Сыр-Дарьи, занимая наибольшую площадь и достигая наибольших размеров около кишлака Кок-Янгак.

Область распространения барханных песков в основном совпадает с территорией, занятой второй надпойменной террасой р. Сыр-Дарьи. Относительно второй террасы известно, что она широко развита по обоим берегам Сыр-Дарьи, высота ее 2—3 м. По словам П. В. Васильковского, «на правом берегу ею образована Кайрак-кумская степь. Здесь она с поверхности сложена слоистыми глинами и суглинками мощностью до 1.0—1.5 м, под которыми залегает речной песок и гравий с прослоями глины. Местами в отложениях этой террасы встречаются многочисленные раковины Anadonta. Поверхность террасы осложняется извилистыми впадинами-старицами, превратившимися в солончаки. Большая площадь кайрак-кумской террасы покрыта барханными песками. Другая, не менее обширная площадь развития второй террасы, находится к югу от г. Намангана. Строение террасы аналогично кайрак-кумской с той разницей, что в ее основании, кроме песков, развиты и галечники.

«На левобережье эта терраса образует большие площади Куйганьярской степи, где она сложена с поверхности преимущественно слоистыми глинами и суглинками с линзами песка, подстилаемыми на глубине 3—4 метров галечником».[1]

Над второй террасой возвышается третья терраса Сыр-Дарьи. По описанию П. В. Васильковского, «третья терраса образует обширные ровные площади на левобережье реки, слагая урочище Бус и часть Куйганьярской степи. Поверхность ее возвышается над уровнем реки на 8—12 м и прорезается староречьями Карадарби и других притоков. К югу поверхность террасы перекрывается пролювиальными отложениями, образующими шлейф конусов выноса рек, стекающих в Ферганскую котловину с Алайского хребта, и эоловыми песками Каракалпакской степи. В обрывах террасы видно ее однообразное строение, характеризующееся желтоватыми лёссовидными суглинками, переслаивающимися с супесями, с редкими включениями гальки и галечниковых прослоек. Местами обнаруживается ясная слоистость».[2]

Этой третьей террасе Сыр-Дарьи в районе мазара Ходжи-Ягона соответствует, по-видимому, древняя терраса, сложенная галечником и примыкающая на севере к выходам юрского песчаника, круто обрывающимся

---

[1] П. В. Васильковский. К стратиграфии четвертичных отложений Ферганы. Материалы по геологии Средней Азии, вып. 2, М.—Л., 1935, стр. 7.

[2] П. В. Васильковский, ук. соч., стр. 7.

к древней протоке Сыр-Дарьи, заполненной солончаком.

Поверхность второй террасы у мазара Ходжи-Ягона сильно размыта и расчленена.

Благодаря размыву такырной толщи второй террасы оказались вскрытыми залегающие в ней и под ней культурные остатки

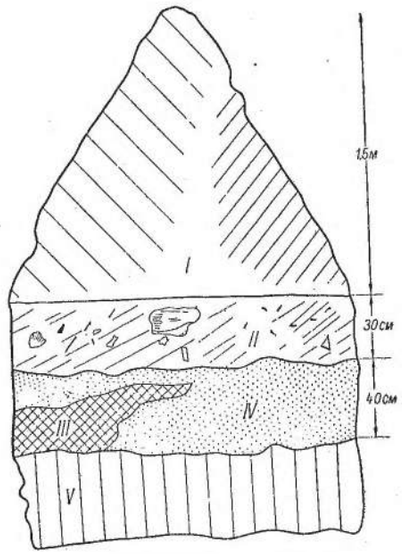


Рис. 31. Ходжи-Ягона. Схематический план разреза останца.

I — светло-желтая, мелкозернистая плотная такырная глина, по-видимому слоистая; *II* — вола с песком и культурными включениями; *а* — фрагмент дна сосуда; *б* — иголка; *в* — фрагменты керамики; *г* — жженая кость; *III* — такырная глина; *IV* — светло-желтый дюнный песок; *V* — загипсованная, местами светло-желтая, очень плотная супесь или суглинок.

раннего железного и бронзового веков (рис. 31).

Здесь же обнаружены и несравненно более древние следы пребывания человека в виде каменных изделий очень архаической формы. Изделия эти были рассеяны на обширном пространстве и находились на размытой поверхности такырной толщи и подстилающих ее отложений. Они могут быть разделены по материалу, степени выветренности и форме на две группы.

В первую группу входят пластины мустьерского типа, обнаруженные вблизи одного из местонахождений бронзового века (рис. 32, *1*, *2*). Самая крупная из них представляет собой типично мустьерскую удлиненно-треугольную пластину из темно-серого известняка с отбивной площадкой, обработанной ретушью на нуклеусе. Характерной чертой этой пластины является хорошо выполненная ретушь, нанесенная не со спинки, как обычно бывает на западе, а с брюшка (рис. 32, *1*).

Все это — черты, характерные для пластин и остроконечников мустьерского времени из верхних слоев пещеры Тешик-Таш. Сходство этой пластины с пластинами из Тешик-Таша настолько велико и вместе с тем материал ее настолько близок к материалу, из которого сделаны тешик-ташские изделия данного типа, что невольно появляется мысль: не из района ли Тешик-Таша была доставлена сюда и эта пластина? С другой стороны, такие же изделия имеются из леваллуа-мустьерских отложений гротов Эскул и Эт-Табун на горе Кармел в Палестине.[1] Совершенно такие же пластины и остроконечники, узкие и длинные, обработанные специфическим приемом нанесения ретуши не со спинки, а с брюшка, т. е. с той стороны, где находится ударный бугорок, отличают мустьерские и, в особенности, атерийские комплексы базиса Харга в Египте.[2]

Этими двумя находками подтверждается, таким образом, не только наличие в долине Сыр-Дарьи следов мустьерской культуры, аналогичной культуре верхних слоев Тешик-Таша, но подкрепляется и сделанный ранее вывод о наибольшей близости последней к леваллуа-мустьерской культуре Ближнего Востока.

Кроме этих изделий, на такырах по левому берегу Сыр-Дарьи, в районе мазара Ходжи-Ягона, были собраны и другие каменные изделия, производящие впечатление еще большей архаичности. Все эти изделия были

---

[1] D. Garrod. The Stone Age of Mount Carmel. Excavations at the wady el-Mughara. Vol. 1, Oxford, 1937, табл. XXXV, *2*, *4*; табл. XXXVII, *1*, *2*, *3* (слой D, нижний, леваллуа-мустье).

[2] G. Caton-Thompson. Kharga Oasis in Prehistory. London, 1952, табл. 65, *5*; табл. 72, *5* (леваллуа-мустье); табл. 87, *1*, *2*; табл. 89, *3* (атерийский комплекс). Следует попутно отметить также и тот интересный факт, что загадочные огромные скребловидные инструменты, найденные в Тешик-Таше, имеют точную аналогию в таких же орудиях типа «чопперов» из нижнелеваллуасских находок в оазисе Харга (см. указанную выше работу Катон-Томпсон, табл. 67).

собраны тоже на размытой поверхности глинистых толщ второй надпойменной террасы.

Таковы, прежде всего, два изготовленных из породы типа порфира рубилообразных

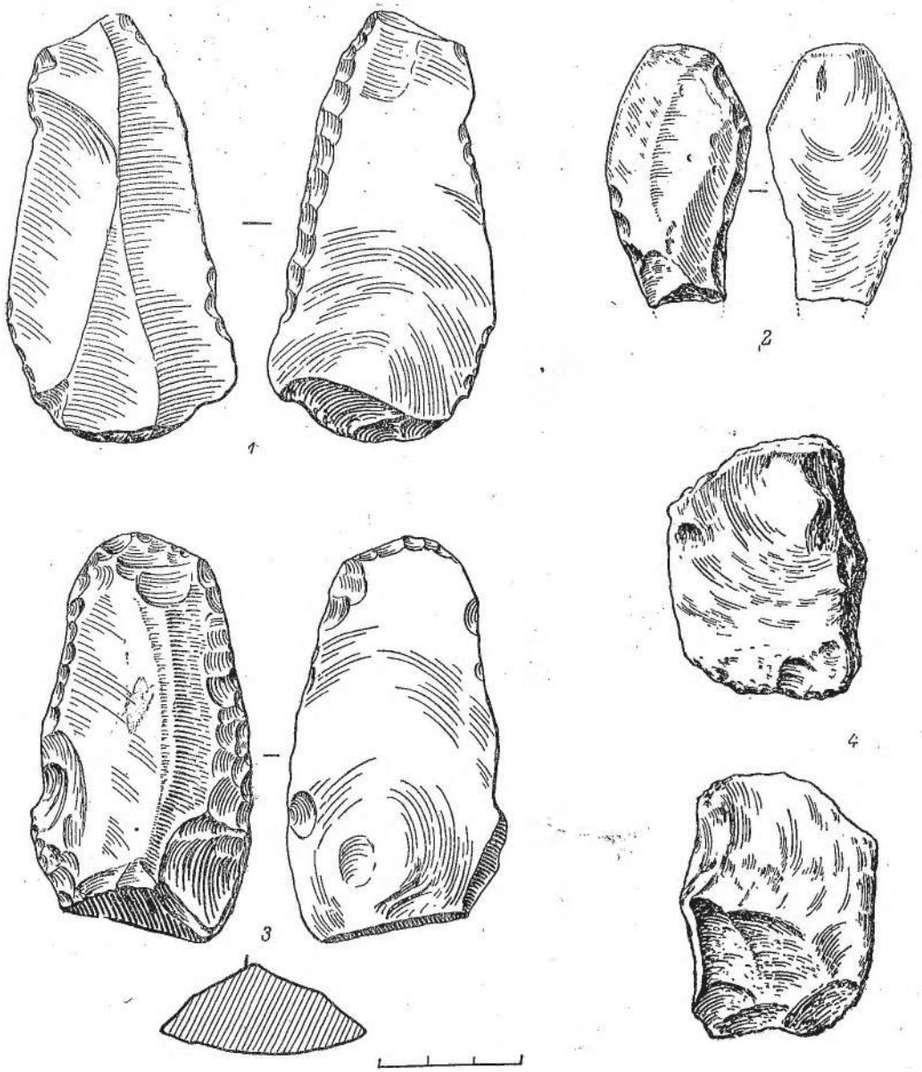


Рис. 32.

1, *2* — пластины мустьерского типа; *3* — скребло ашельско-мустьерского типа; *4* — отщеп нижнепалеолитического облика. Ходжи-Ягона.

предмета миндалевидных очертаний, с хорошо выраженной массивной утолщенной пяткой на одном конце и острием — на другом (рис. 33, *1*). Одна сторона их плоская, другая имеет продольное ребро и оформлена на два ската. К сожалению оба этих предмета очень сильно пострадали вследствие пустынного выветривания, но все же на них при внимательном рассматривании видны следы длинных плоских сколов на широких поверхностях и вторичной подправки вдоль лезвий. Общая форма этих

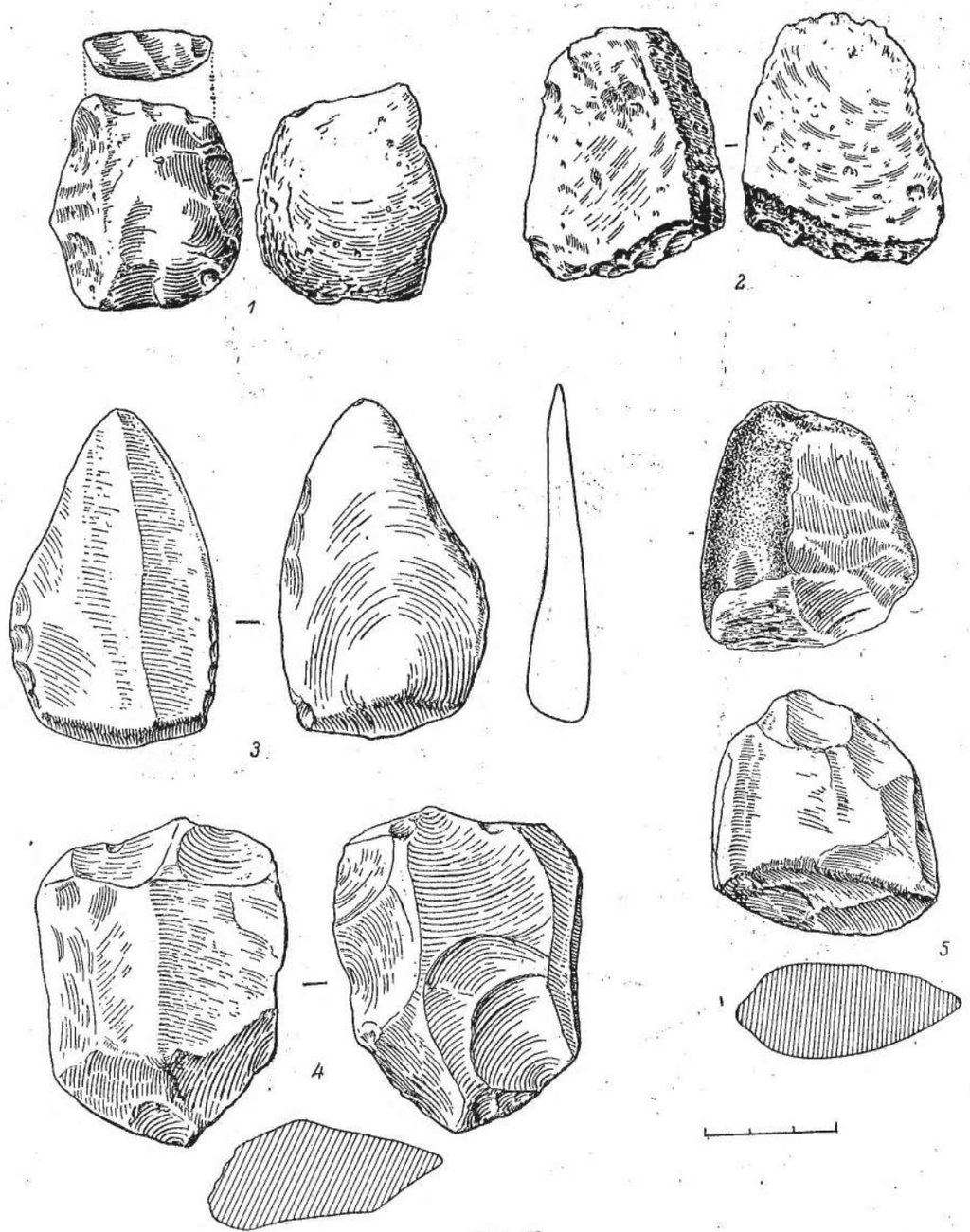


Рис. 33.

1 — дисковидный нуклеус; *2* — отщеп; *3* — массивная пластина ашельско-мустьерского типа; *4* — нуклеус типа леваллуа; *5* — скребловидное изделие. Ходжи-Ягона.

вещей позволяет отождествить их с рубилами ашельского типа.

Там же найдена одна снятая с дисковидного нуклеуса превосходная широкая и массивная пластина треугольной формы с массивным ударным бугорком и подправленной на нуклеусе отбивной площадкой. Площадка эта имеет характерный изгиб в виде лука (рис. 33, *3*).

Лучшее из всех изделий архаического облика, обнаруженное в районе мазара Ходжи-Ягона, несомненно то, которое изображено на табл. 32, *3*. Это широкая и массивная пластина или, скорее, пластинчатый отщеп, изготовленный из плотного и тяжелого камня — красновато-коричневого порфирита. Очертания пластины приближаются к треугольным. На одной ее стороне, на спинке, имеются две грани — следы сколов на нуклеусе. На другой стороне виден широкий выпуклый ударный бугорок, занимающий почти одну треть поверхности

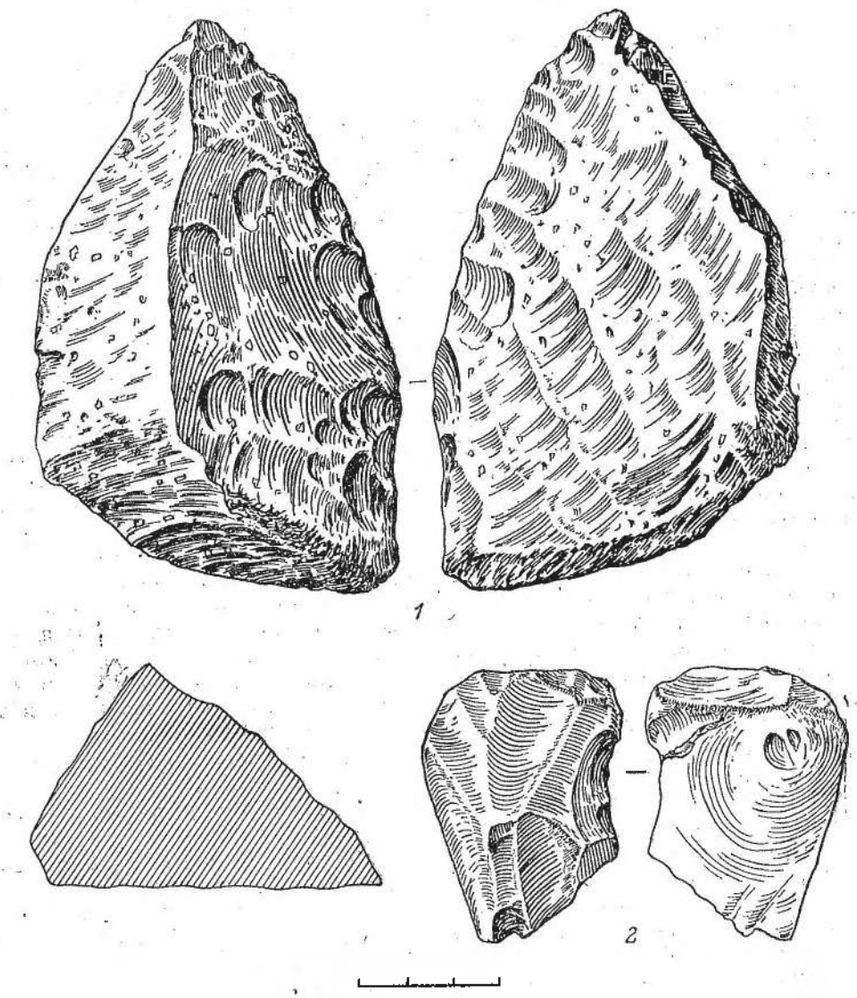


Рис. 34.

1 — изделие типа рубила; *2* — отщеп ашельско-мустьерского типа. Ходжи-Ягона.

изделия. Площадка гладкая, без подправки, характерным образом скошенная по отношению к длинной оси изделия. Оба длинных края пластины были оформлены ретушью, более крутой и отчетливой на выпуклом крае и менее крутой по противоположному краю. Длина изделия 9 см, ширина 4.9 см. Вся поверхность изделия окатана, она сглажена и обладает характерным жирным блеском.

Имеются, кроме того, один небольшой, хорошо выраженный нуклеус, изготовленный из черного кремнистого камня (рис. 34, *1*), и один плоский нуклеус типа леваллуа из порфира, на котором видны длинные широкие фасетки сколов, направленных с двух противоположных концов изделия (рис. 33, *4*). Есть также и другие предметы со следами грубой обработки сколами, сильно выветрившиеся и отшлифованные песками (рис. 32, *4*; 34, *2*; 33, *5*).

Эти находки одинаково характеризуются как своим архаическим обликом, чертами древней техники обработки камня, так и следами длительной обработки их поверхности природными агентами — ветром, водой и песком.

Судя по этим признакам, эти предметы, материалом для которых послужил не кремнистый известняк, а более тяжелый и плотный порфир и другие породы камня, старше леваллуа-мустьерских находок из Тешик-Таша. Их можно поэтому, учитывая, в частности, наличие рубил, ориентировочно отнести к предшествующему ашельскому времени, хотя бы к концу последнего.

Каменные изделия мустьерско-ашельского времени оказались, как мы видели, прямо на поверхности размытых толщ надпойменной террасы, но первоначальные условия их залегания, несомненно, были иными. Как показали наблюдения 1955 г., они происходят из отложений более древних высоких террас, подвергнутых размыву и целиком уничтоженных.

2. Ходжи-Гор

Дальнейшие наблюдения и разведки, ставившие целью поиски памятников каменного века, были осуществлены в долине р. Исфары, где обследованы интересные пещеры и обнаружено замечательное поселение каменного века к юго-востоку от кишлака Чарку, у кишлака Кепкон. Здесь, в местности Ходжи-Гор в широком сае у подножия известнякового хребта, имеющего меридианальное направление, на расстоянии около 1.5 км от последнего имеется источник — «чашма» с чистой и прозрачной водой. Источник огражден дувалом и находится в небольшой котловине, над которой возвышаются два террасовидных уступа.

Высота первого уступа над зеркалом источника, примерно 6 м; второго — 8—10 м. На поверхности — площадке первого уступа — расположен мазар Ходжи-Гор.

Шурфовка, произведенная на этом участке, показала, что сверху здесь залегает рыхлый лёссовидный суглинок толщиной около 30—50 см, глубже идет тот же суглинок, но несравненно более плотный, почти не поддающийся лопате или кирке, так как он заполнен желваками гипса. Гипс лежит сравнительно тонким пластом до 50 см толщиной. Гипсовые отложения обычно имеют неправильно-округлую форму. Еще глубже залегает тот же желтоватый суглинок, но более плотный и более темного оттенка.

При осмотре площадки, на которой расположен мазар и прилегающий к нему современный мусульманский могильник, были обнаружены многочисленные каменные изделия. Первые находки этих каменных изделий были отмечены здесь при осмотре мазара. В сырцовых кирпичах и обмазке стен мазара обнаружено много обработанных человеком кремней, в том числе призматические нуклеусы и хорошо выраженные скребки. Еще больше обработанного кремня найдено в выбросах из мусульманских могил, окружающих мазар, а также на размытых склонах уступа. Заложенным на площадке небольшим шурфом было выяснено, что кремни, обработанные человеком, залегают в толще желтого лёссовидного суглинка, начиная от поверхности и до глубины 30 см.

Кремневые изделия, собранные в верхнем слое суглинка и на поверхности террасовидной площадки первого уступа, изготовлены преимущественно из белого полупрозрачного кремня высокого качества. Есть также изделия из цветного кремня черного и зеленого цветов. Среди каменных изделий, помимо ножевидных пластин и отщепов, (рис. 35, *1*, *9*; 36, *3*) найдены хорошо выраженные нуклеусы призматического типа (рис. 35, *10*, *11*, *12*), концевые и округлые скребки небольшого размера (рис. 35, *2*, *6*),

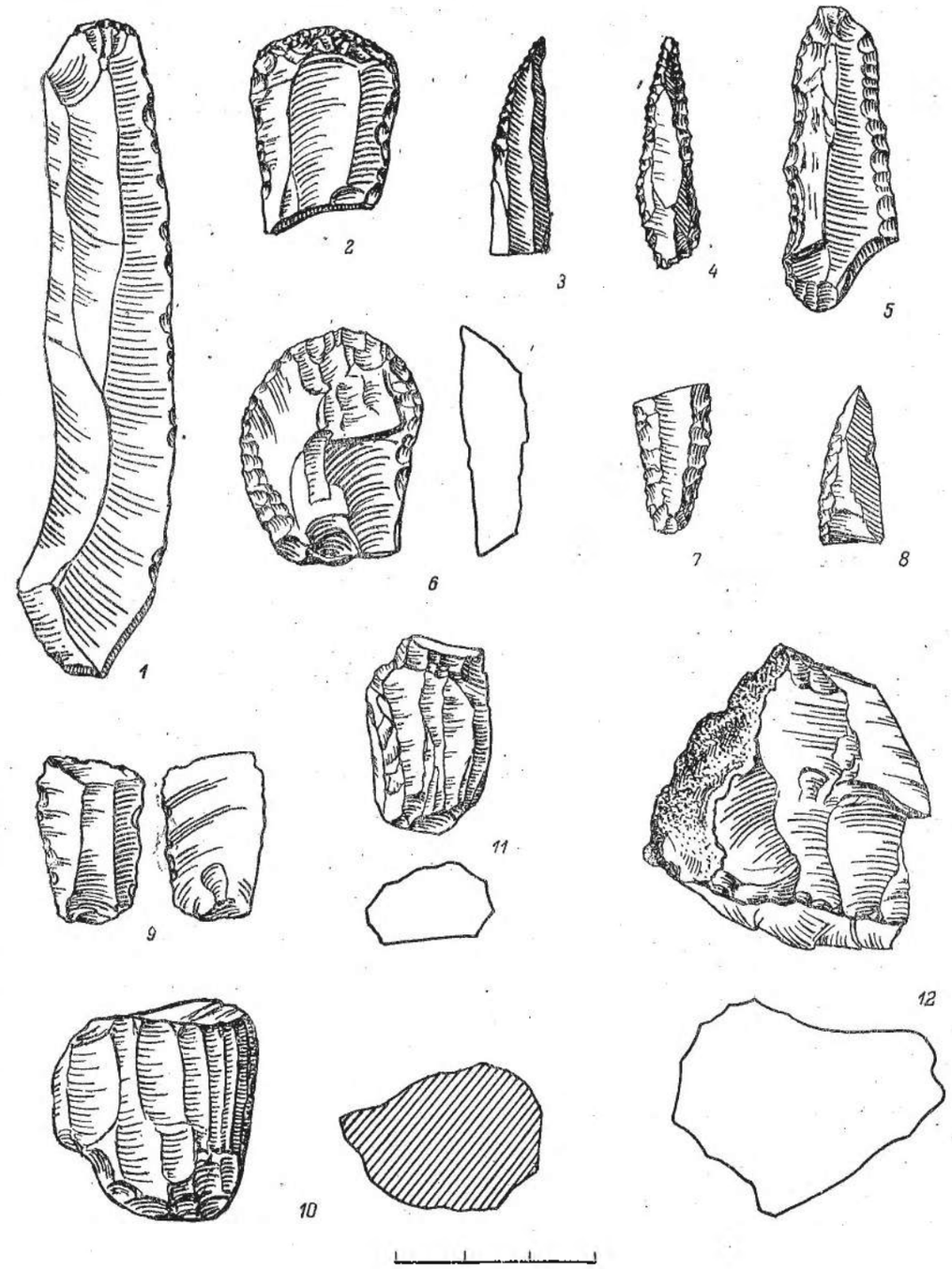


Рис. 35.

1 — ножевидная пластина; *2*, *6* — скребки; *3*, *8* — острия с затупленным краем; *4* — пластина типа граветт; *5* — широкое острие; *7* — фрагмент острия; *9* — пластинчатый отщеп с ретушью; *10*, *11* — призматические нуклеусы; *12* — нуклевидное орудие типа скобеля. Ходжи-Гор.

а также характерные для комплексов изделий микролитического типа острия с затупленным краем (рис. 35, *3*, *4*, *5*, *7*, *8*). Наличие таких острий с полной ясностью показывает, что культура людей, оставивших здесь свои каменные изделия, находилась в неразрывной связи с культурой племен, заселявших южные районы Средней Азии, Кавказ, Крым, Иран, Индию, Переднюю Азию, Египет и Африку, потомков носителей так называемой каспийской культуры. Находки у мазара Ходжи-Гор являются первыми в Азии, документирующими наличие этой культуры так далеко на севере от основной территории ее распространения.

При сборе подъемного материала с площадки у мазара Ходжи-Гор, в том числе той ее части, которая занята кладбищем, было обнаружено также несколько каменных изделий, резко отличающихся по своей архаической форме и такой же технике изготовления от описанных выше предметов.

Первое из них — скребло из белого непрозрачного кремня, целиком патинизированного. Скребло это имеет форму, характерную для мустьерских скребел типа ля-кина. Оно отличается широким дугообразно-выпуклым лезвием, оформленным крутой, уступчатой, с «заломами» типично мустьерской ретушью (рис. 36, *1*).

Второе мустьерское изделие, найденное там, — массивный отщеп или, вернее, часть расколотого сильным ударом дисковидного нуклеуса (рис. 36, *4*).

Третий предмет из этой группы изделий — широкая, треугольная по форме, типично мустьерская пластина из черной кремнистой породы с ретушью вдоль края и подправленной на нуклеусе площадкой (рис. 36, *2*).

Все три отмеченные предмета архаического типа обнаружены были на поверхности, а не в слое почвы. Однако следует отметить, что в нашем распоряжении все же имеются указания на условия их залегания. Это — натеки гипса на отщепе, сколотом с дисковидного нуклеуса, показывающие, что данное изделие происходит из загипсованного слоя или залегало в непосредственной близости к нему.

Таким образом, устанавливается, что у источника Ходжи-Гор находилось поселение мустьерской эпохи.

Кроме окрестностей мазара Ходжи-Ягона древние каменные изделия найдены в ряде других мест — в Кайрак-Куме, около Ленинабада и далее на юг, в Ура-Тюбе.

3. Кайрак-Кум, против колхоза им. Калинина

Следующий пункт, где обнаружены каменные изделия, находится на северной окраине Кайрак-кумской степи, где она ограничена склонами хребта Ак-Бель. В этом месте, против колхоза им. Калинина, на террасовидном уступе, сложенном глинистыми отложениями, поднято несколько кремневых отщепов, а также хорошо оформленный кремневый нуклеус призматического типа. Цвет кремня, из которого сделаны эти вещи, темно-серый.

Несколько выше, на таком же уступе, среди галек было обнаружено кремневое изделие более архаического типа в виде пластины мустьерского облика, покрытой густым «скальным загаром», из которой затем было изготовлено, судя по более свежей патине, покрывающей ретушь, орудие типа скребка.

4. Мазар Ходжа-Токравуд

Следующий пункт в долине р. Сыр-Дарьи, где найдены древние каменные изделия — окрестности мазара Ходжа-Токравуд, расположенного в нескольких километрах от кишлака Кучкак в предгорьях Туркестанского хребта. Мазар этот известен карстовой пещерой. При обследовании пещера оказалась узким коридором длиной около 40 м, с двумя небольшими ответвлениями и вертикальным колодцем в полу. Выше мазара на террасовидной площадке, по-видимому раньше обрабатывавшейся под посев, был поднят отщеп зеленого кремнистого сланца.

5. Кишлак Унжи

В окрестностях г. Ленинабада к юго-востоку от него, на левом берегу Сыр-Дарьи около кишлака Унжи, на мысовидном выступе 5-метровой террасы, сложенной галечником и достигающей, примерно, 8—10 м высоты над уровнем реки, оказалась превосходно сделанная ножевидная пластина, снятая с призматического нуклеуса, и несколько отщепов. Пластина имеет следы

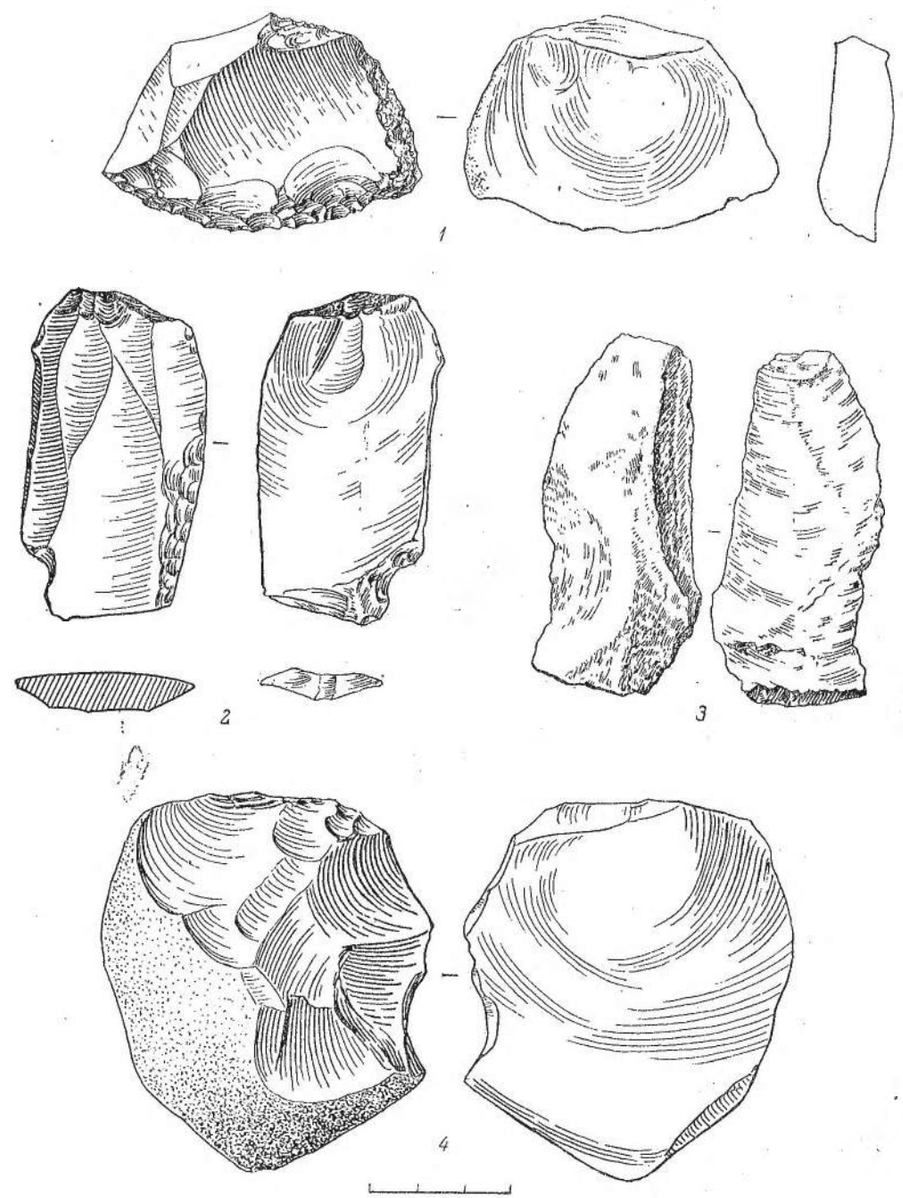


Рис. 36.

1 — скребло мустьерского типа; *2* — мустьерская пластина; *3* — скол с дисковидного нуклеуса; *4* — дисковидный нуклеус. Ходжи-Гор.

довольно тщательной ретуши. Материал, из которого выделывались эти предметы, — кремнистый известняк и черный роговик.

6. Кишлак Кайрагач

Кишлак Кайрагач находится на левом берегу р. Ходжа-Бокирган в узком и глубоком каньонообразном ущелье этой речки. При осмотре искусственного разреза отложений сая, образовавшегося при строительстве дороги, в стенке обнажения было обнаружено изделие типа чоппера. Это была плоская массивная галька, один край которой оформлен сколами и превращен в грубое рубящее лезвие. Галька эта находилась на границе древнего четвертичного галечника и перекрывавшей галечник лёссовидной толщи Она лежала обработанным краем вниз.

7. Ура-Тюбе

Последний пункт на севере Таджикистана, где были найдены следы деятельности человека отдаленной древности, — г. Ура-Тюбе. При обследовании возвышенности против древней крепости (Калаи-Муг) в одном из карьеров для добывания глины в переотложенном состоянии была найдена крупная удлиненно-треугольная по очертаниям пластина из плотного черного сланца. Площадка ее имеет следы подправки нуклеуса. По всем признакам пластина эта мустьерского возраста (рис. 37).

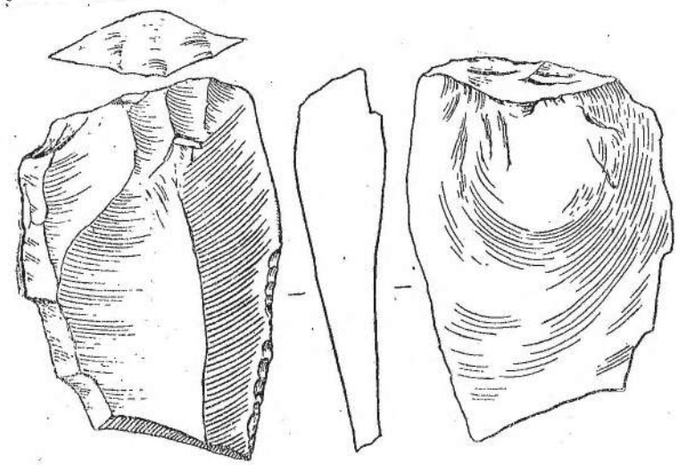


Рис. 37. Мустьерский отщеп. Ура-Тюбе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, как видно из приведенных выше данных, на обследованной нами в 1948 и 1953—1954 гг. части территории Таджикской ССР впервые выявлены были, наконец, достаточно многочисленные и выразительные памятники, относящиеся к тем отдаленным временам, когда камень был основным и господствующим материалом для изготовления орудий труда, а также к начальным этапам эпохи металла, когда этот материал все еще сохранял свое важное значение в технике, и вместе с тем продолжали устойчиво существовать и характерные для каменного века способы обработки камня.

Памятники эти, вопреки ожиданиям, оказались не пещерами, а поселениями открытого типа. Само собой разумеется, конечно, что отсюда вовсе не следует вывод о том, что в Таджикистане не нужно искать пещерных поселений эпохи палеолита или неолита. В такой горной стране, как Таджикистан, конечно, вполне могут быть обнаружены пещеры, служившие жилищами

древнейшим людям. Исключительный интерес с этой стороны представляют, например, некоторые пещеры в долине р. Исфары, в том числе замечательная как по своим обширным размерам, так и по эффектным натечным образованиям, карстовая пещера в известняковом массиве у того же источника Ходжи-Гор, о котором уже шла речь выше. Исследования пещер Таджикистана еще могут принести в ближайшем, быть может, будущем важные и неожиданные результаты.

Но и имеющиеся уже в настоящее время результаты обследования древних поселений открытого характера, т. е. стоянок под открытым небом, дают возможность сделать некоторые общие выводы относительно древнейшей истории Таджикистана и соседних с ним областей.

Первый такой общий вывод заключается в том, что на территории Таджикистана имеются следы жизни подлинно первобытного человечества.

Сюда относятся прежде всего находки в долине р. Сыр-Дарьи, в Кайрак-Кумах, около мазара Ходжи-Ягона. Если принять деление этих, пока еще немногочисленных, но вследствие этого еще более драгоценных, находок на две разновременных группы, то древнейшая из них может быть по особенностям формы и техники изготовления каменных орудий отнесена к концу ашельской эпохи, или, что в сущности одно и то же, к ранней леваллуа-мустьерской стадии по терминологии западных исследователей.

По сути не менее интересны и загадочны еще пока находки в основании отложений древней четвертичной террасы Вахша около поселка Кизил-Кала. Не исключено, что это местонахождение окажется древнее всех известных сейчас в Средней Азии остатков культуры первобытного человека; может быть, даже оно — шелльского возраста.

В свою очередь новая находка обработанной гальки между древними галечниками и лёссовой толщей в Ходжа-Бокирган-сае около Ленинабада подкрепляет аналогичные находки, зарегистрированные мною на р. Он-Арча в Тяньшанских горах.[1] Находки эти, которые нужно думать, при внимательном к ним отношении со стороны геологов и археологов, будут все чаще и все богаче, показывают, что и здесь древнейшая история человечества может быть вписана в широкие рамки геологической истории этих областей Азии. Очень вероятно, в частности, что обработанные гальки с р. Он-Арча соответствуют одному из ранних этапов четвертичного времени, как полагает Е. Я. Рацман, тому этапу, когда в горах начали таять и отступать льды первого оледенения Тяньшаня, т. е., примерно, ашельскому времени. Находки же в Ходжа-Бокирган-Сае в таком случае можно ориентировочно датировать концом этого этапа, перед началом сухого и холодного времени, когда здесь впервые начали откладываться мощные лёссовые отложения.

Мустьерское время — время неандертальского человека, — представлено в Таджикистане, как мы видели, уже вполне определенно и четко: находками в долине Сыр-Дарьи, у мазара Ходжи-Ягона, в долине Исфары, в местности Ходжи-Гор, и в районе Ура-Тюбе.

В геологическом отношении находки у мазара Ходжи-Ягона замечательны тем, что они могут быть связаны с четвертичной историей долины р. Сыр-Дарьи и с историей ее террас. В культурно-историческом плане они подтверждают и дополняют высказанные мною раньше предположения о связи мустьерской культуры Средней Азии с одновременными культурами Египта, Палестины и соседних с ними южных областей Азии.

Следующая, верхнепалеолитическая, эпоха, судя по находке нуклевидного орудия в четвертичном галечнике на террасе Вахша у пос. Кизил-кала, должна совпадать с новым увлажнением климата, за которым снова следует период лёссообразования. Как уже говорилось, найденное здесь кремневое изделие верхнепалеолитического облика, может быть свидетельством о принадлежности верхнепалеолитических культур Таджикистана к тем культурам, которые существовали в это время на юге, в средиземноморье, а не на Севере — в приледниковых районах Европы и Северной Азии.

Вместе с тем, однако, остается не снятым и вопрос о другом вероятном направлении культурных связей древнего населения Таджикистана — с Сибирью и Центральной Азией. Об этом напоминают находки скребловидных изделий, изготовленных из целой, только рассеченной пополам гальки.

[1] А. П. Окладников. Археологические исследования в Киргизии. Вестник АН СССР, 1951, № 9, стр. 55.

Если даже эти изделия и позже верхнего палеолита по возрасту, они все же могут быть свидетельством о пережитках каких-то древних технических традиций восточного и северного происхождения.[1]

В целом же гипотеза о преобладающих южных связях древнейшего населения Таджикистана, основанная по отношению к ранним этапам верхнего палеолита пока еще только на немногих находках, получает подтверждение в достаточно обильных и характерных материалах, относящихся к концу палеолита, т. е. к мезолиту или к раннему докерамическому неолиту. Таковы на севере Таджикистана описанные выше находки в верхнем глинистом слое у мазара Ходжи-Ягона, на юге — сборы у источника Чильучор-Чашма, на поселениях у кишлаков Даган-Кишк и Дагана.

Эти материалы дают основание полагать, что в 8—5 тысячелетиях до н. э., если не ранее, по территории Таджикистана от Аму-Дарьи и до Сыр-Дарьи обитали группы бродячих охотников-собирателей и, возможно, рыболовов, еще не знавших ни керамики, ни лука и стрел в их неолитических формах.

Эти племена, стоявшие на уровне древней мезолитической культуры, представляли собой только часть тех многочисленных племен, которые заселяли в то время обширные, по большей части пустынные в настоящее время области на юге Средней Азии: вдоль Аму-Дарьи, в Туркмении и дальше на юг — в Иране, Ираке, Передней Азии, на берегах Черного и Средиземного моря, в далекой Африке.

Все эти племена применяли в общем одни и те же приемы обработки камня и изготовления каменных орудий, в основе которых находилось использование тонких ножевидных пластин, снятых с нуклеуса призматического типа. Они одинаково ретушировали свои орудия специфической «затупливающей» ретушью, оформлявшей только самый край изделия. Самой характерной чертой употреблявшегося ими каменного инвентаря были изделия, отличавшиеся двумя специфическими особенностями: миниатюрными размерами и геометризованной формой. И чем дальше, тем сильнее сказывались эти две особенности. Кремневые изделия этой группы становились все меньше по размерам, и ассортимент геометрических форм все возрастал. На смену сегментам и рядом с ними, как показывают, в частности, материалы поселений у источника Чильучор-Чашма, появлялись треугольные орудия, представленные в различных вариантах, изделия в виде трапеций, прямоугольников, параллелограммов, а также скребочки правильной дисковидной формы.

Вся культура, весь образ жизни их обитателей находились при этом в контрастном противоречии с образом жизни и культурой населения тех стран, которые лежали к востоку и к северу от долины Сыр-Дарьи, в нынешнем Северном Казахстане, в Сибири и Монголии — вплоть до реки Желтой.

Там, на севере и востоке Азии, как мы знаем теперь, тысячелетиями жили иные племена, техника обработки камня у которых имела в основе те своеобразные приемы рассечения галек, о которых уже говорилось выше. Как это ни удивительно на первый взгляд, но это были в основе те приемы, которые обнаруживаются на территории восточной и юго-восточной Азии вплоть до нижнего палеолита, в том числе у синантропа.

Мы не можем сказать сейчас еще даже в виде простой рабочей гипотезы о том, что происходило в Таджикистане в последующее время.

Единственное, что можно отметить, это наличие той новой и во многом пока еще загадочной, несмотря на многочисленность ее следов, культуры горного Таджикистана, которую можно назвать по основному району распространения ее памятников гиссарской культурой.

Характерная черта поселений гиссарской культуры, основной их признак — обилие обработанного камня. Но при этом сразу же обращает на себя внимание бедность их законченными орудиями. Кроме отщепов и многочисленных галечных нуклеусов и нуклеусов, удивительно похожих на мустьерские дисковидные, а также отбойников и пестов (отжимников?), на этих поселениях найдены немногочисленные пластины и призматические нуклеусы, грубые скребловидные инструменты и такие же грубые остроконечники. Такие вещи, как обнаруженная на Тепе-и-Газион заготовка для ножа или наконечника лавролистной формы, единичны.

Эти комплексы находок можно было бы признать мастерскими для первичной обработки камня, если бы тогда не встал вопрос о том, где же все-таки в таком случае находятся те поселения, для нужд обитателей которых здесь обрабатывался кремень.

В целом эти комплексы производят такое впечатление, что древняя техника обработки камня еще жила, но уже находилась в состоянии упадка и что она обслуживала какие-то иные, чем прежде, бытовые потребности, существовала в каких-то новых хозяйственно-бытовых условиях, чем это было в настоящем каменном веке, представленном памятниками микролитического мезолита или раннего неолита.

В связи с этим особый интерес представляет наличие в некоторых местонахождениях вместе с отщепами и обработанными гальками лепной от руки керамики. Очень вероятно, как уже отмечалось выше, что такая керамика может свидетельствовать об относительно позднем времени существования еще неолитической по характеру гиссарской культуры, всего вероятнее — в третьем или даже втором тысячелетии до н. э.

Но окончательное разрешение всех этих вопросов, как и ряда других, поставленных выше, дело будущего и целиком зависит от специальных раскопок и дальнейших исследований, которые должны полнее и глубже показать каменный век Таджикистана.

---

[1] А. П. Окладников. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований. СА, XXI, 1954, стр. 21—22, рис. 7, 2 и 8, 2.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 66

Е. А. ДАВИДОВИЧ

РАСКОПКИ ЗАМКА КАЛАИ-БОЛО

(Из работ Исфаринского отряда ТАЭ в 1951—1952 гг.)

В русской литературе замок Калаи-Боло (или Калаи-Заммурад-Шах), насколько нам известно, впервые упоминает А. П. Федченко, в 1871 г. проехавший по Исфаринскому району.[1]

Много лет спустя, в 1927 г., крепость посетили археолог В. А. Шишкин и студент Восточного факультета САГУ В. Э. Дружинин. В 1934 г. в Исфаринском районе работала археологическая экспедиция (начальник Б. А. Латынин). В отчете Б. А. Латынина дано краткое описание крепости и приведена одна из легенд, бытующих среди местного населения. Б. А. Латынин датировал последний этап жизни крепости VII—VIII вв., а гибель этого замка, принадлежавшего местному феодалу-дехкану, связывал с арабским нашествием.[2]

В 1950 г. Памиро-Ферганская археологическая экспедиция (начальник А. Н. Бернштам) в порядке рекогносцировки обследовала Исфаринский район, в том числе и крепость Калаи-Боло. Результаты этой рекогносцировки пока еще не опубликованы.

В 1951 г. на территории Исфары работал разведочный Исфаринский отряд (начальник Б. А. Литвинский) Таджикской археологической экспедиции. На крепости были произведены небольшие зачистки и шурфовка.

В 1952 г. в составе того же отряда, продолжавшего изучение Исфаринского района, была выделена во главе с автором данной работы специальная группа для стационарных раскопок замка.[1]

Крепость Калаи-Боло находится в 4 км южнее г. Исфары Ленинабадской области (рис. 1). Расположена она на правом берегу реки Исфары, в очень удачном для обороны месте, где река делает поворот, образуя резко выступающий мыс. Крепость перегораживает этот мыс, превращая его во внутренний двор, территория которого в настоящее время распахана и совершенно нивелирована. Остальное пространство восточнее крепости также нивелировано пахотой, но все же микрорельеф указывает на то, что и этот участок когда-то был обжит и даже огорожен стеной. Старики-старожилы рассказывают, что раньше в нескольких местах еще сохранялись остатки сырцовых кладок, которые были уничтожены при освоении этих земель под пахоту.

Сама крепость также сильно разрушена (рис. 2). С южной стороны она частично подмыта рекой, уничтожившей даже часть крепостных стен; с северной стороны целый участок разобран, а земля свезена на удобрение полей, с той же целью разрушена часть стен и выбраны более рыхлые слои завала.

Но даже и в таком полуразрушенном виде крепость представляет весьма монументальное сооружение.

[1] А. П. Федченко. Из Кокана. Туркестанские ведомости, 1871, 26 декабря, № 26; отд. оттиск, стр. 6, 7; А. П. Федченко. В Кокандском ханстве. Тетрадь I (Путешествие в Туркестан, т. I, ч. II). Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XI, вып. 7, СПб., М., 1875, стр. 64 (новое издание: А. П. Федченко. В Кокандском ханстве. В кн.: А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. М., 1950).

[2] Б. А. Латынин. Отчет Ферганской экспедиции 1934 г. Архив ИИМК, ф. № 2, оп. 2, № 712, стр. 38, 45, 50; данные приводятся с любезного согласия Б. А. Латынина. Ср.: МИА, № 26, рис. 4 (вид с Калаи-Боло), а также карта.

[1] Обмеры, чертежи и реконструкции планов по периодам выполнены автором. Рисунки керамики, стекла и мелких украшений сделаны художником А. С. Яковлевым.

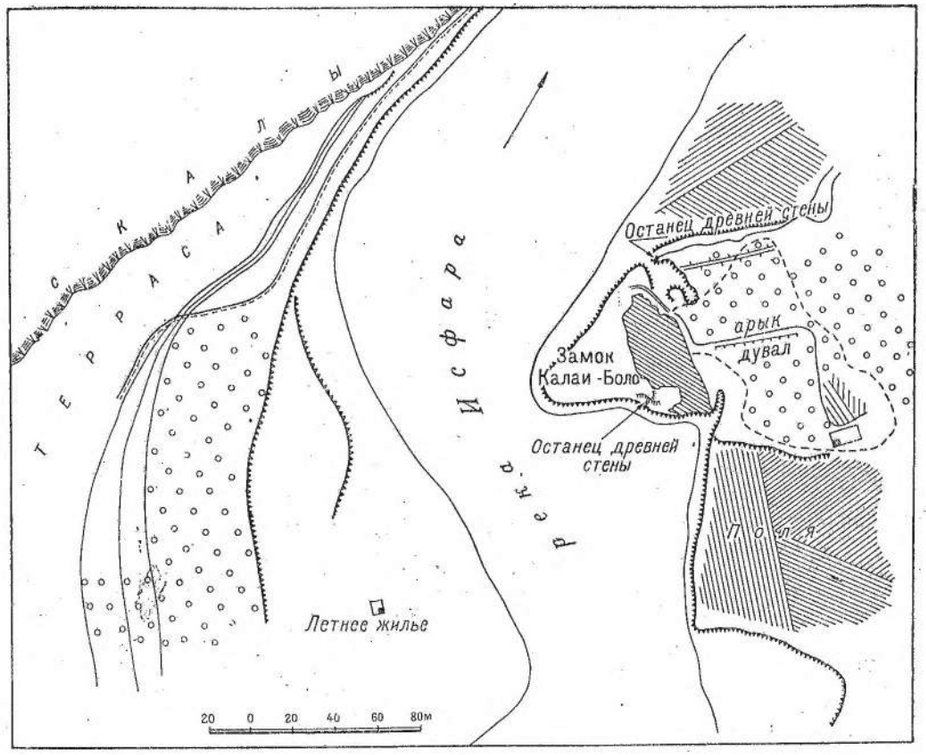


Рис. 1. План расположения крепости Калаи-Боло.

Размер сырцового кирпича, использованного в крепости, чрезвычайно характерен для доарабского раннефеодального сырцового строительства. С небольшими модификациями, но сохраняя отношение ширины к длине, как 1 : 2, такой кирпич встречается в строительстве Согда (Пенджикент, замок на горе Муг, Тали-Барзу и др.), Усрушаны (Мунчак-Тепе), Шаша (Ак-Тепе), Ферганы и вообще по всей долине Сыр-Дарьи до ее низовьев.

Сырцовый кирпич позволяет, как будто, датировать крепость Калаи-Боло в пределах VI—VII вв. На эту же дату указывают все конструктивно-планировочные особенности крепости, выявленные до раскопок: высокая платформа, сводчатые коридоры, планировка жилых помещений в виде параллельных продолговатых комнат, своды, выложенные наклонными отрезками из строительного кирпича-сырца, и т. п.

Вместе с тем подъемный керамический материал, обнаруженный в крепости, далеко выходит за рамки этой датировки. Встречено довольно значительное количество, правда мелких, фрагментов тонкостенной красной и черной лощеной керамики того типа, который принято называть «кушанским», и несколько фрагментов с орнаментом, процарапанным после обжига (так называемой «даваньской» керамики). С другой стороны, еще больше оказалось глазурованной средневековой керамики: фрагментов голубых чаш, зеленых чирогов, посуды, покрытой желтоватой глазурью с зелено-коричневым рисун-

ком, и т. д. Основная масса средневековой керамики может быть датирована XI—XII вв., хотя встречались фрагменты и еще более позднего времени.

В отношении ранней керамики можно допустить, что она попала в крепость, например, когда брали землю для кирпича и пахсы. Но и этот вариант предполагает, что на месте крепости Калаи-Боло или поблизости было какое-то поселение или сооружение кушанского времени. Значительное количество и высокое качество средневековой керамики говорит о том, что жизнь крепости продолжалась и в средние века. В этой связи особенно показательно то, что в письменных источниках крепость Калаи-Боло упоминается (под ее вторым названием — Калаи-Зумрат-Шах) еще в начале XIX в. Вскоре после вступления на престол Алим-хана правителем Исфары был назначен Ма'сум-хан-ходжа. Его предшественник, проживавший не в городе Исфаре, а в крепости «Зумуррад-шах», решил оказать сопротивление. Алим-хан лично выступил против мятежников, окружил крепость, положение которой через сутки после пушечного и оружейного огня стало тяжелым. Не известно, сколько продержалась бы крепость, но «мятежный» правитель был убит. Из всего этого вытекает, что крепость в начале XIX в. обладала несомненной обороноспособностью и являлась местом обитания самого правителя Исфаринской области.[1]

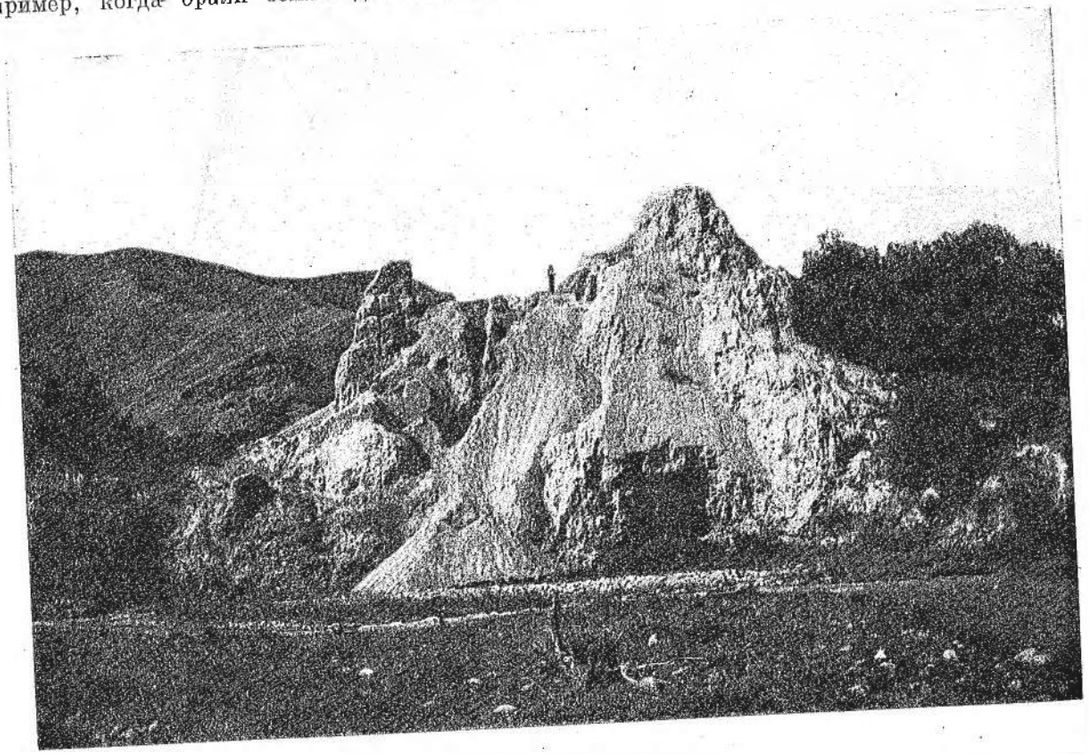


Рис. 2. Калаи-Боло. Вид с запада.

Указанные факты и наблюдения предварительной разведки 1951 г. свидетельствовали о длительном существовании крепости, а также о разнообразных ее перестройках. Для выяснения действительной истории

[1] Л. А. Зимин. Первые шаги Алим-хана на государственном поприще. ПТКЛА, год XVII, Ташкент, 1913, стр. 103—104; см. также: В. П. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 76.

этого памятника, времени его возникновения и изменений, которые он претерпел в дальнейшем, в 1952 г. были проведены значительные по масштабу археологические работы.

Состояние и сохранность памятника подсказали необходимость трех видов работ: большого раскопа, зачисток и разбора некоторых стен. Раскоп должен был вскрыть характер устройства платформы; зачистки должны были выявить планировку построек всей верхней площадки, сложную историю их перестроек, ремонтов и закладок; разбор некоторых стен имел целью уточнение датировки ряда построек верхней площадки крепости.

Большой раскоп был заложен в юго-восточной части верхней площадки (рис. 3).[1] Дополнительные небольшие раскопки были произведены на самом северном конце крепости.[2]

Были сделаны также многочисленные зачистки, с помощью которых удалось проследить соотношение уровней полов, сквозные швы в кладках, наслоение штукатурок и пр. Каждая такая зачистка не могла быть поэтому отмечена на плане, и на нем показан лишь обобщенно тот участок верхней площадки, где они производились.

Полностью разобраны были три стены комнат № 1—2, остатки плохо сохранившейся северной стены комнаты № 1-*а*, часть северной стены комнаты № 2-*а* и кирпичной закладки севернее комнаты № 5.

Различные частные детали устройства крепости и ее многочисленных перестроек, обнаруженные в процессе зачисток и раскопок, постепенно увязывались между собой и, в конце концов, позволили воссоздать и периодизировать историю многовекового существования замка Калаи-Боло.

1. Замурованная стена

Как выше уже отмечалось, основной раскоп должен был решить вопрос об устройстве платформы и времени ее возведения. Оказалось, что основной массив платформы не заключал никаких помещений, кроме боковых обводных коридоров (см. ниже). Однако в ее устройстве обнаружилась одна

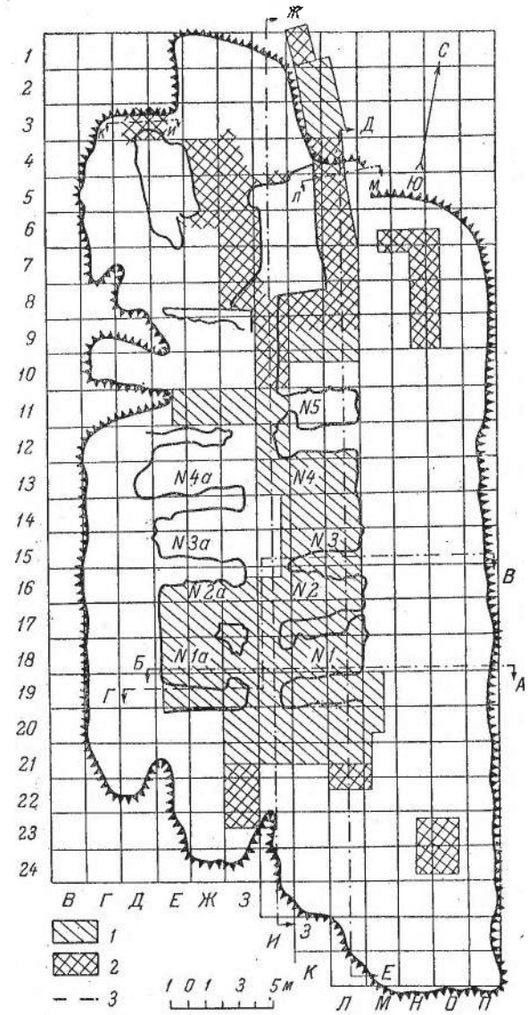


Рис. 3. Калаи-Боло. План с обозначением площади раскопов и зачисток.

1 — площадь раскопа; *2* — зачистки; *3* — линии разрезов.

важная деталь: она не вся была сложена заново, а при ее строительстве была использована массивная стена какой-то более ранней постройки (рис. 5). Таким образом, эта массивная стена оказалась замурованной в платформу. Сохранность данной стены была не одинаковой: в южной части она

[1] Квадраты основного раскопа: Е—16—17—18—19; Ж—16—17—18—19; З—16—17—18—19—20; И—16—17—18—19—20; К—13—14—15—16—17—18—19—20; Л—13—14—15—16—17—18—19—20.

[2] Квадраты раскопа в северном конце крепости: К—2—3 и Л—2—3.

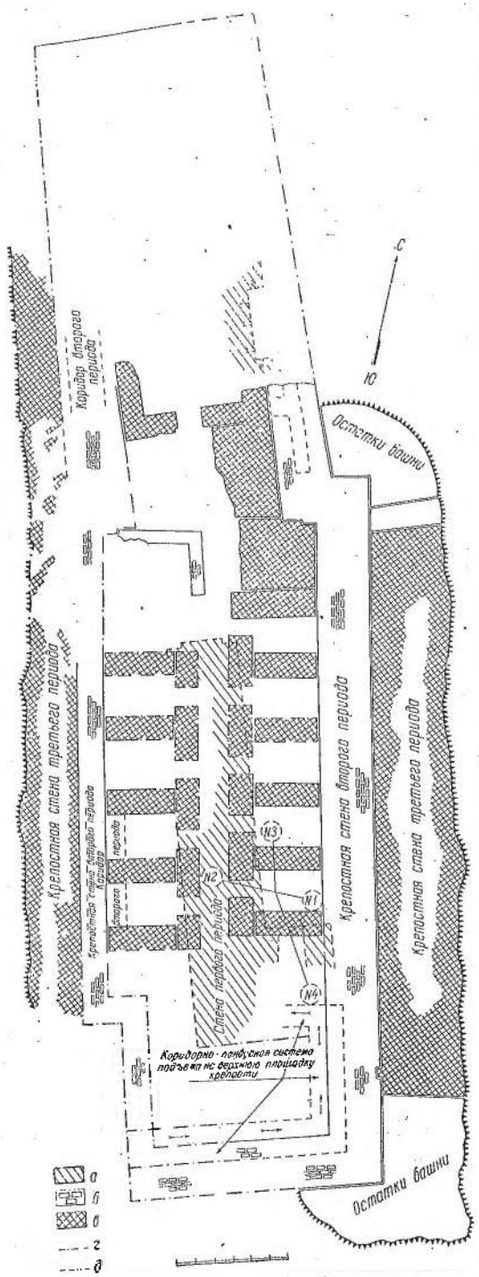


Рис. 4. Калаи-Боло. Сводный план (соотношение построек трех периодов).

а — стены первого периода; *б* — стены второго периода; *в* — стены третьего периода; *г* — реконструкция; *д* — стены, лежащие выше или ниже основного уровня площадки.

зафиксирована уже на глубине 400 см от репера, а на северном ее конце — только на глубине 470 см. Стена имеет форму буквы «Г» и вытянута примерно с юга на север, но ее направление не совпадает с осями платформы замка, причем угол расхождения довольно значителен (см. рис. 4, на котором «стена первого периода» обозначена пунктиром; а также рис. 5). Последнее обстоятельство еще раз подчеркивает, что эта стена существовала ранее и была вторично использована при возведении замка. С западной и южной сторон стена сильно наклонна, а с северной и восточной — почти перпендикулярна. Северный конец стены по краям имеет два уступа, которые, однако, на глубине 610 см сходят на нет, так что ниже стена принимает обычный вид. Противоположный, т. е. южный, конец стены в верхней части был разрушен и смыт, но внизу ее удалось зафиксировать, что дало возможность, зная угол наклона, определить ее границы также и поверху.

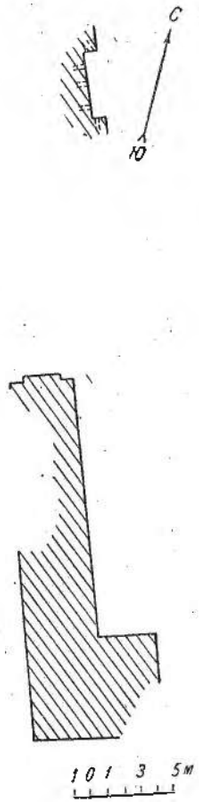


Рис. 5. Калаи-Боло. План стен постройки первого периода.

Стена сложена комбинированной кирпично-пахсовой кладкой. Пахса плотная, однородная, разделена на большие, примерно метровые, блоки. Кирпич (на том участке, где он был промерен) — прямоугольный, но с соотношением сторон, как 3 : 2, при толщине 8—10 см. Абсолютные размеры этого кирпича (45—48×30—34×8—10 см, чаще 48×32×8—10 см) явно отличаются от размеров кирпича на верхней площадке крепости.[1] Стена со всех сторон оштукатурена глиной с саманом.

[1] Аналогичный кирпич по абсолютным размерам или по пропорциям применен, например, в строительстве Тали-Барзу IV близ Самарканда, в Джеты-Асар в низовьях Сыр-Дарьи, Кампыр-Тепе в Усрушане и др.

Второй значительный участок ранней монументальной постройки был обнаружен в северной части крепости, где в обрезе разрушенных кладок удалось зафиксировать сквозной шов. Однако предположение о наличии здесь заложенного внутриплатформенного помещения отпало, так как штукатурка лицевой стороны была обращена не внутрь, а наружу, что позволяло предполагать существование здесь второй тоже замурованной постройки. Раскоп подтвердил это предположение. Этот северный участок ранней постройки сохранился много хуже. Вертикальные стены, действительно оштукатуренные глиной с саманом, были прорезаны бойницами высотой в 60 см каждая (в пределах 670—730 см от репера). На вскрытом участке стены удалось расчистить пять бойниц, забитых глиной, причем в одной оказался фрагмент хума VI—VIII вв.

Два сохранившихся участка ранней постройки не позволяют, конечно, реконструировать ее план. Но одно несомненно: постройка эта была монументальной, занимала значительно бо́льшую площадь, чем замок Калаи-Боло, и по плану не имела ничего общего с последним. Этим ранним сооружением на месте замка Калаи-Боло отмечается первый период его существования.

2. Крепостная структура замка Калаи-Боло

В основе замка Калаи-Боло находится искусственная платформа с несколько наклонными сторонами (угол наклона по восточному фасу — около 70°). Над современным уровнем окружающей поверхности она возвышается в среднем на 8—9 м. От верхней площадки платформы начинается кладка собственно крепостных стен. Крепостные стены, в отличие от платформы, совершенно вертикальны. С более уязвимых сторон — южной, восточной и, видимо, северной (северный участок совершенно разрушен) — толщина крепостной стены равна 2.6 м; с западной стороны, т. е. со стороны внутреннего двора, стена значительно тоньше (1.4 м).

Основным материалом для платформы послужили пахсовый и меньше — кирпичный лом от какой-то другой постройки. Не вызывает сомнения, что этот лом принадлежал указанному раннему сооружению. Внешние края платформы и крепостные стены были сложены в основном из нового строительного материала — однородной пахсы и прямоугольного кирпича.[1] Средний размер последнего 52×26×10 см. Лишь местами кладка переслоена плотной забутовкой из кусков битой пахсы (рис. 6). Для отдельных участков платформы применялась, кроме того, крупная галька. В частности,

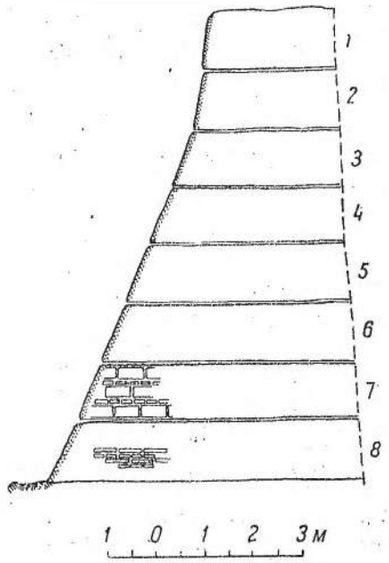


Рис. 6. Калаи-Боло. Разрез *Л—М* (по рис. 3) восточной крепостной стены.

1 — кирпичная кладка с включением крупной гальки; *2* — правильная кирпичная кладка; *3* — правильная кирпичная кладка; *4* — глинобитная забутовка со значительным включением кирпича-сырца; *5* — правильная кирпичная кладка; *6* — глинобитная забутовка со значительным включением кирпича-сырца; *7* — глинобитные блоки с включением кирпича-сырца, переслоенные правильными рядами кирпича-сырца; *8* — правильная кирпичная кладка.

[1] На нижней постели небольшого числа этих прямоугольных кирпичей удалось наблюдать знаки в виде буквы «С», иногда с дополнительной палочкой внутри. Аналогичный «С»-образный знак имеется на пенджикентском кирпиче (В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пенджикента. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, 1953, стр. 117), на кирпиче замка IV—V вв. в Мунчак-Тепе; В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, XIV, 1947, стр. 103. Подобный знак встречается на кушанских (например, Базар-Кала) и на кушано-афригидских (например, Кзыл-Кала) памятниках Хорезма, см.: С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 112, 124.

весь внутренний угол «Г»-образной ранней стены на высоту нескольких метров был завален крупной галькой.

Внутренняя поверхность крепостных стен была оштукатурена глиной с саманом; в нескольких лучше сохранившихся участках была четко видна выкружка этой штукатурки к горизонатальной поверхности платформы. Снаружи и крепостные стены и платформа были тщательно покрыты толстым слоем (до 5—8 см) глино-саманной смазки, которая четкими швами была разделана под рустовую кладку.[1]

В сохранившейся части крепостных стен настоящих бойниц обнаружено не было. Однако в верхней части восточной крепостной стены удалось выявить чисто декоративные бойницы двух видов. Одни бойницы, расчищенные в двух местах, оформлены в виде треугольной в сечении вертикальной остроребериой тяги, заглубленной в стену заподлицо и увенчанной «стрелкой» из двух наклонных кирпичей; вторые представляют прямоугольную в сечении нишку, на задней стенке которой также изображена «стрелка» из наклонных кирпичей.

Выяснить первоначальную высоту крепостных стен и систему обороны помогает обнаруженный и расчищенный в толще восточной крепостной стены (на ее северном конце — рис. 3, кв. Л — 4—5—6) узкий внутристенный коридорно-пандусный подъем к парапету стены (см. планы). Коридорчик этот сохранился приблизительно на 5 м в длину при ширине в 0,8—0.9 м и имел, вероятно, сводчатое перекрытие. От этого основного коридорчика были перпендикулярно сделаны дополнительные отводы на внутреннюю сторону, выполнявшие роль осветительных проемов: один из таких проемов оказался и во вскрытой части коридора (кв. Л—5). Наклон коридора в среднем равнялся 30 см на 1 м. Эта средняя цифра дает возможность вычислить длину коридорчика, начинавшегося на уровне, равном или близком уровню верхней площадки платформы, т. е. около 400 см от репера или немногим выше. Уровень выхода коридора на парапет равняется 25—30 см от репера. Следовательно, длина внутристенного ходакоридорчика (если исходить из того, что наклон его пола на всем протяжении оставался примерно одинаковым) должна была равняться 15—16 м.

Кроме этого пандусного внутристенного подъема к парапету крепостной стены, удалось зафиксировать еще один более парадный подъем в южной части замка (кв. К—20 и Л—20). Этот второй подъем был лестничным и начинался в одной из комнат. Для этой комнаты и начала подъема была использована ранняя «Г»-образная стена: в коротком южном отрезке этой стены было вырублено маленькое помещение, пол которого был несколько выше пола комнаты. Это помещение многократно и тщательно штукатурилось. Первая штукатурка была простой глино-саманной, лишь тщательно заглаженной по поверхности. Позже пять раз наводились тонкие глино-саманные штукатурки, которые сверху окрашивались в черный цвет. Эта черная окраска особенно хорошо сохранилась на двух последних штукатурках. В восточной стороне этого помещения начиналась собственно лестница, от которой одна ступенька сохранилась полностью, вторая фрагментарно.

Важно сразу отметить, что оба подъема к парапету стены — северный пандусный и южный лестничный — не были заложены до конца существования замка, хотя последний подвергался переделкам.

Уровень выхода северного пандусного коридорчика на крепостную стену, как уже было отмечено, равняется 25—30 см от репера. Следовательно, ныне сохранившиеся стены ниже первоначальных примерно на 2—2.5 м, за счет разрушения тонкого парапета. Иначе говоря, первоначально крепостная стена возвышалась над уровнем верхней площадки платформы примерно на 6.5 м или даже несколько более. Несомненно, в парапетной части стены были расположены настоящие бойницы. Второй ряд декоративных бойниц должен был вместе с настоящими усиливать впечатление мощности и обороноспособности крепости-замка.

Несомненным недостатком крепости было отсутствие башен, которые обеспечили бы фланговую защиту всей стены. Частично это восполнялось своеобразием внешнего контура замка, который не был вытянут строго по прямой, а изломан под тупым углом, причем с восточной, т. е. внешней стороны,

[1] Такого рода рустовая разделка верхнего штукатурного слоя рассчитана была не только на декоративный эффект; придавая постройке монументальный вид, она в то же время должна была предохранять и действительно предохраняла штукатурку от растрескивания.

в месте излома был сделан уступ, обеспечивающий фланговую защиту если не всей стены, то хотя бы ее северной части (рис. 7).

Такое устройство восточной стены одновременно свидетельствует о том, что именно этот северный ее отрезок был наиболее ответственным. Так как с южной стороны замок подходил вплотную к обрыву берега, проход во внутренний двор должен был находиться в северной части замка. С этой стороны замок сейчас разрушен, но близ северного берегового обрыва реки и несколько отступя сохранилась пахсовая кладка, направление и границы которой указывают, что это непосредственное продолжение платформы. И, наконец, вычисленная выше длина северного внутристенного коридорно-пандусного подъема к парапету крепостной стены также показывает, что платформа и замок первоначально занимали тот северный участок, где сейчас от них остались только нижние блоки пахсы. Все вместе взятое заставляет полагать, что проход во внутренний двор находился в северной стороне и был защищен фланговым «огнем» уступа восточной крепостной стены. Несомненно, в северной части замка, целиком перегораживавшего мыс, располагался сводчатый коридор, выводивший на внутренний двор. Несомненно также, что этот северный проходной коридор соединялся с западным, часть свода и стен которого тоже обрушились.

Сказанное позволяет, в свою очередь, реконструировать первоначальную длину замка, которая должна была равняться 65—68 м.

Как указывалось, в первоначальной структуре крепости башни отсутствовали. Это являлось настолько ощутимым недостатком, что на одном из следующих этапов замок был укреплен пристроенными башнями (см. план верхней площадки крепости в XI—XII вв. — рис. 20). Однако и при этих пристройках все время учитывалась наибольшая уязвимость северного участка восточной стены с проходом во внутренний двор. Поэтому первая башня (в дальнейшем — «башня № 1») была пристроена к месту излома и уступа, охватывая последний (рис. 3, кв. М—Н—О—П—5—6—7). Даже предварительный осмотр показал, что

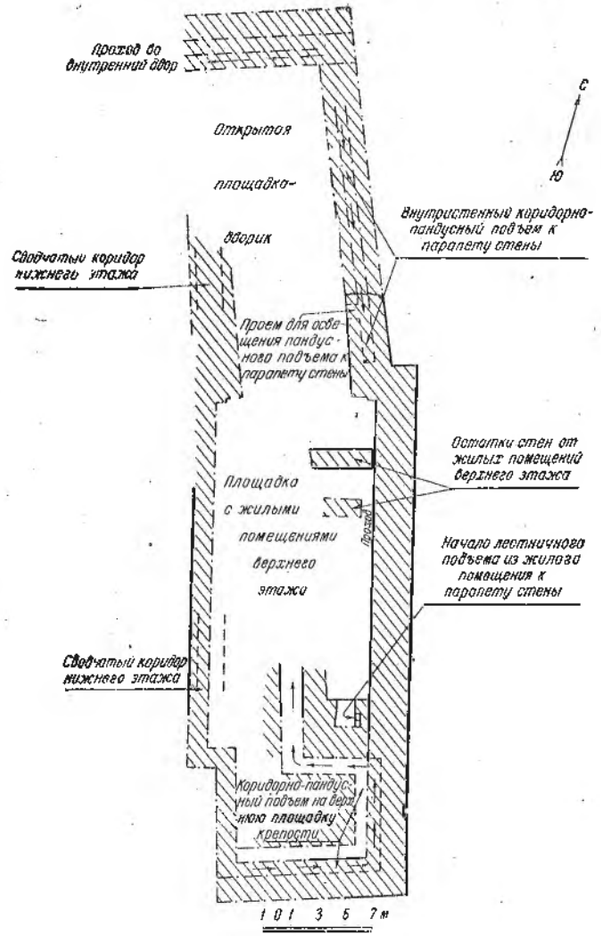


Рис. 7. Калаи-Боло. План верхней площадки (первый этап второго периода).

эта башня как бы «двухслойная». Наблюдение в процессе зачистки позволило сделать вывод, что к основной крепостной стене сначала впритык была пристроена башня округлого очертания без всяких внутренних помещений. Будучи выдвинута вперед, она обеспечивала фланговой защитой не только северную часть крепостной стены, но и юж-

ную. Однако и этого оказалось недостаточно. Позже эта башня была охвачена как бы футляром, который еще более выдвинул ее вперед, т. е. еще более увеличил возможность фланговой защиты.

Вторая башня (в дальнейшем «башня № 2») была пристроена к юго-восточному углу замка и охватывала его с двух сторон, обеспечивая фланговой защитой восточную и южную стены. Эта башня также не имела никаких внутренних помещений в уровне платформы.

Башня № 2 и внешний футляр башни № 1 имели одинаковый прямоугольный план и внешнее устройство, повторявшее облик платформы и основных стен. Это позволяет считать их одновременными.

Позже фортификационные сооружения замка подвергались новым перестройкам: замок с восточной и западной сторон (возможно, частично с южной) был обведен новой крепостной стеной, толщина которой даже превышала толщину первоначальных крепостных стен (см. план крепости в XVIII—XIX вв., рис. 21). Эти новые стены увеличили крепостную мощь замка, но лишили его преимуществ, связанных с выдвинутыми вперед башнями.

Следует отметить материал, из которого были сооружены все эти крепостные перестройки. Самая ранняя округлая в плане башенная пристройка сложена из того же прямоугольного сырцового кирпича, что и основные крепостные стены, среди которого встречается большое количество «маломерок» (48×24×10 см) в пределах этого стандарта. Вторые по времени прямоугольные башни — в основном глинобитные; лишь в некоторых местах пахса переслоена рядами кирпича. Самая поздняя крепостная стена-футляр также сложена комбинированно, из пахсы и кирпича с преобладанием пахсы; лишь в нижней части наблюдается нормальная кирпичная кладка со значительным использованием не совсем целого кирпича.

Фортификационная структура замка Калаи-Боло со всеми отмеченными пристройками и переделками позволяет представить в общих чертах историю строительства и ремонтов.

Если замурованную стену внутри платформы считать первым строительным периодом для этого участка, то ко второму периоду следует отнести крепостную платформу и крепостные стены замка, поскольку они непосредственно сменили существовавшую здесь когда-то более раннюю и иного плана монументальную постройку. Сооружение двух подъемов к парапету крепостной стены относится к тому же второму периоду, поскольку они были сделаны одновременно с самой крепостной стеной и платформой. Все последующие изменения в фортификационной структуре замка (пристройка башен, выведение дополнительной крепостной стены-футляра) образуют уже третий ремонтно-строительный период.

Начало этого третьего периода, отмеченное пристройками башен, уже сейчас может быть достаточно определенно датировано. При зачистке на башне № 1 в кладке (пахса и сырец) были обнаружены различные фрагменты керамики. В частности, на полуметровой глубине, на площади внешней прямоугольной башни оказался фрагмент глазурованного чирога XI—XII вв. (граненый резервуар, желтые пятнышки рисунка на густо-коричневом фоне) и фрагмент зеленоглазурной чаши того же времени. Мелкие фрагменты средневековой керамики были найдены также в нижних частях башенной кладки, обнажившихся при ее разрушении. Следовательно, возведение прямоугольных башен относится ко времени не ранее XI—XII вв. Не исключено, что первая, круглая, башня также сооружена в это же время, поскольку обе башенные пристройки лишь дополняли одна другую. Среднеазиатское же средневековье знает обе формы башен: и круглую, и прямоугольную.

3. Система подъема на верхнюю площадку крепости

Вдоль всей западной стены замка проходил в уровне платформы сводчатый коридор (его ширина на уровне пола — 2.2 м, а на уровне пят сводов — 1.9—2.0 м). Участок его прослеживался в северном обрезе замка (рис. 3, кв. Д—3 и Е—3. Разрез см. на рис. 8), а затем второй его отрезок был раскопан в южной половине (рис. 3, кв. Е—16—17—18—19). Весь коридор, повторяя конфигурацию платформы, также был не строго прямой, а слегка изломанный под тупым углом. Свод северного участка обрушился, но на южном участке сохранился коробовый свод, выложенный строительным прямоугольным кирпичом техникой наклонных отрезков. Высота коридора от пола до

замка́ свода — 4 м. Коридор строился одновременно с платформой и изнутри был тщательно оштукатурен глиной с саманом.

Весь западный коридор был заложен: в северном отрезке закладка после того как обрушился свод, была сделана строительным прямоугольным кирпичом (рис. 8); в южном отрезке коридор был очень плотно забутован кусками битой пахсы.

Другой коридор в юго-восточном углу замка располагался вдоль восточной крепостной стены и отличался своим устройством от первого. От этого коридора сохранился лишь небольшой отрезок, так как весь юго-западный участок замка совершенно разрушен.

От свода коридора сохранилась половина дуги, поэтому замо́к свода выявляется четко. Свод сложен так же, как и в западном коридоре, т. е. наклонными отрезками (рис. 9). Коридор находится много выше западного: в северном его конце уровень пола равняется 480—500 см, тогда как пол западного коридора находится на уровне 850 см. К югу коридор резко понижается, причем это особенно хорошо видно по пятам сводов: горизонтальные кирпичи, подстилающие пяты, выложены ступеньками. Таким образом, в целом этот участок наклонного восточного коридора находится уже не в платформе, а на уровне самой крепостной стены, причем наполовину — в ее толще. Именно это обстоятельство потребовало специального укрепления данного участка крепостной стены — в уровне пят коридорного свода крепостная стена была укреплена деревянным балками, которые связывали кирпичную кладку. Деревянные балки разной толщины были положены вдоль стены и образовали сплошной горизонтальный настил.

Длина этого коридора всего 7.80 м. С обоих концов он поворачивался на запад под прямым углом, причем с южной стороны после поворота коридор опять наполовину уходит в толщу южной крепостной стены (сейчас сохранилось только его начало). Восточный и южный коленчатые отрезки коридора имеют одинаковую ширину (2 м), но третье колено — более узкое (всего 1.1 м), причем его уровень с востока на запад также немного повышается. Еще один отсек коридора (в настоящий момент, вследствие разрушений и размывов, непосредственно с предыдущим не соединенный) был обнаружен в Г-образной стене раннего периода, где был прорублен узкий наклонный ход с юга на север, заканчивающийся на уровне примерно 390 см, что соответствует верхней площадке платформы замка.

Таким образом, перед нами фрагментарно сохранившийся коридор из четырех

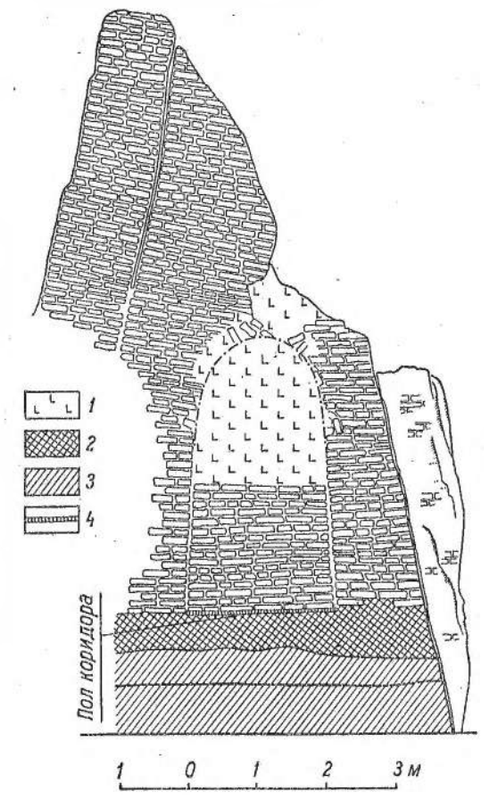


Рис. 8. Калаи-Боло. Разрез *И—К* (по рис. 3) западного коридора в платформе (второй период).

1 — завал кирпича; *2* — плотная забутовка; *3* — однородная пахса; *4* — угольная прослойка.

отсеков, перпендикулярных друг другу, наклонных и выводящих в конечном счете на верхнюю площадку замка. Следовательно, в замке Калаи-Боло подъем на высокую искусственную платформу очень удачно был разрешен в виде коридорно-пандусной системы (см. на планах крепости).

Где располагался вход? Можно высказать два предположения: подъем на плат-

форму мог начинаться северным коридором (который одновременно выводил во внутренний двор), переходить в длинный западный и вливаться в пандусные коридоры южного участка. Но, с другой стороны, северный и западный коридоры — совершенно горизонтальные — могли иметь другое назначение, так что собственно подъем на плат-

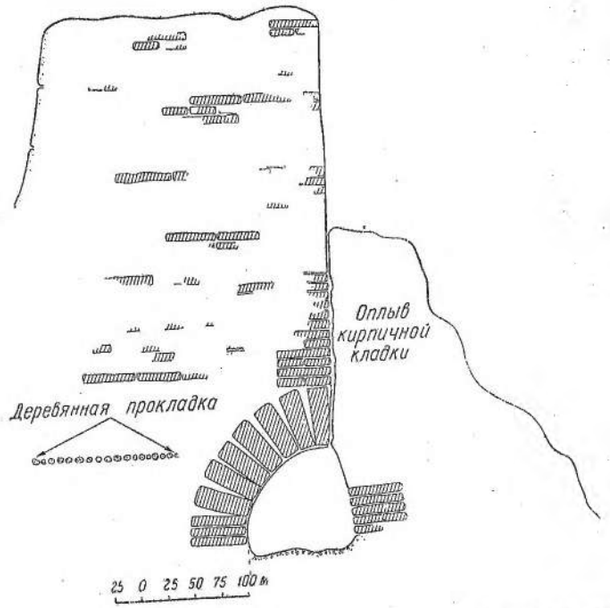


Рис. 9. Калаи-Боло. Разрез *Ж—З* (по рис. 3) юго-восточного коридора восточной крепостной стены второго периода.

форму мог ограничиваться южной группой пандусных коридоров. В последнем случае вход должен был располагаться со стороны внутреннего двора в южной (ныне разрушенной) части западной стены. Тогда первоначальное устройство замка должно было предусмотреть особую защиту этого также уязвимого места на тот случай, если бы враг прорвался во внутренний двор.

Характер оплыва и разрушения южной половины замка подтверждает второе предположение. Юго-западный угол замка немногим выше уровня окружающей земли, тогда как рядом находятся хоть и бесформенные, но высокие оплывы. Поэтому не вызывает сомнений, что крепость здесь имела уступ, аналогичный уступу восточной стены. Такие уступы в безбашенном замке обеспечивали фланговую защиту наиболее ответственных мест. Такими следует считать места входов. В пользу этого же предположения говорят еще два факта.

На одном из последующих этапов существования замка западный коридор был полностью заложен, тогда как коридорно-пандусная система функционировала до конца жизни замка. Это заставляет предполагать наличие самостоятельного входа со двора, не связанного с западным коридором. Кроме того, западный коридор, как будто, вообще не соединялся с пандусной системой подъема, поскольку он не доходил до обреза южных обнажений.

Согласно рассмотренным выше строительным периодам время сооружения сводчатого западного коридора и коридорно-пандусного подъема со двора на верхнюю площадку крепости следует относить ко второму периоду. Об этом говорят все особенности их устройства, в частности, то, что западный коридор был устроен внутри платформы и одновременно с ней, а два отсека коридорно-пандусного подъема — внутри платформы и крепостной стены и также, судя по всем конструктивно-строительным приемам, одновременно с ними.

4. Постройки верхней площадки крепости и их ремонтно-строительная история

Помещения верхней площадки крепости с точки зрения планировочной четко делятся на две группы, которые мы условно будем называть «южной» и «северной» группами.

Южную группу образуют два ряда прямоугольных комнат (рис. 4), входами обращенных в общий коридор. Комнаты эти почти стандартных размеров, с очень небольшими вариантами: длина комнат восточного крыла 3.50—3.60 м, западного чуть больше — 3.70—3.75 м; ширина большинства комнат 2.20—2.25 м, но отдельные комнаты имеют ширину 2.40 м и даже 2.60 м (в целом комнаты западного крыла чуть-чуть шире).

Система постройки одинаковая, без перевязки между продольными и поперечными стенами: сначала выкладывались длинные стены впритык к крепостным, затем — поперечные стены сразу двух смежных комнат. Проходы шириной 0.9—1.0 м располагались не в центре поперечных стен.

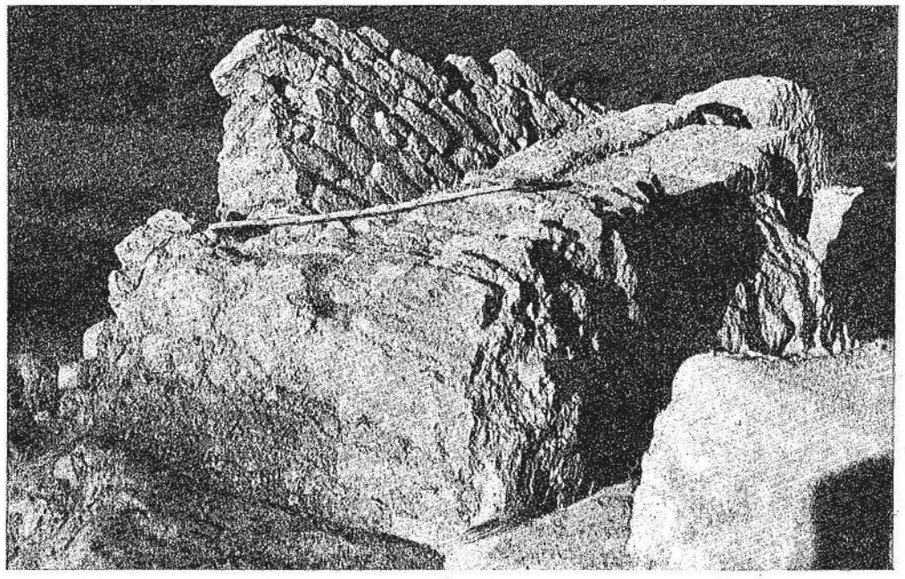


Рис. 10. Калаи-Боло. Стена и часть свода комнаты южной группы жилого комплекса.

Число комнат в западном крыле и в восточном крыле было не одинаковым (в восточном крыле на одну больше); противолежащие комнаты не были точно расположены на одной оси.

Комнаты были перекрыты сводами, ныне разрушенными. Однако в нескольких местах сохранились пяты этих сводов, а в двух-трех случаях даже более значительные участки сводчатой кладки (рис 10).

Система кладки стен и сводов южной группы довольно стандартна: снизу — ряд кирпича, на котором лежал примерно метровый слой пахсы, затем — девять рядов кирпича вперевязку (ложком и тычком) и свод наклонными отрезками. Третий горизонтальный ряд кирпича обычно положен с небольшим выступом, от которого штукатуркой выравнивается линия свода.

Кирпичная кладка, как правило, производилась вперевязку — тычком и ложком, без четкой последовательности вертикальных разрезов. Реже отмечена перевязка другого типа, когда на фасад выходят только длинные боковые грани. В одном случае была расчищена кладка (рис. 11) кирпича, наклонно поставленного на узкое ребро, так что получились треугольные пустоты, неплотно забитые глиной; однако декоративной цели такая кладка не преследовала, так как сверху была заштукатурена.

Помещения оштукатурены слоем глины с саманом. В нескольких комнатах южной

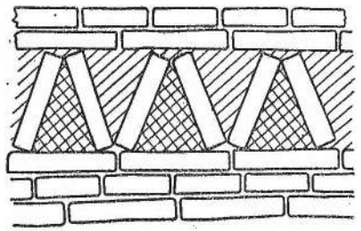


Рис. 11. Калаи-Боло. Один из видов кирпичной кладки.

группы поверх этой глино-саманной штукатурки сохранились незначительные следы алебастровой побелки. Полы комнат южной группы сохранились только близ стен, а в центре были нарушены при выборке земли и вывозе ее колхозниками на поля

для удобрения. Судя по этим остаткам — полы представляли собой глино-саманные смазки, но иногда поверх этой смазки покрывались толстым (2—3 см толщины) слоем прекрасного белого алебастра, который не-

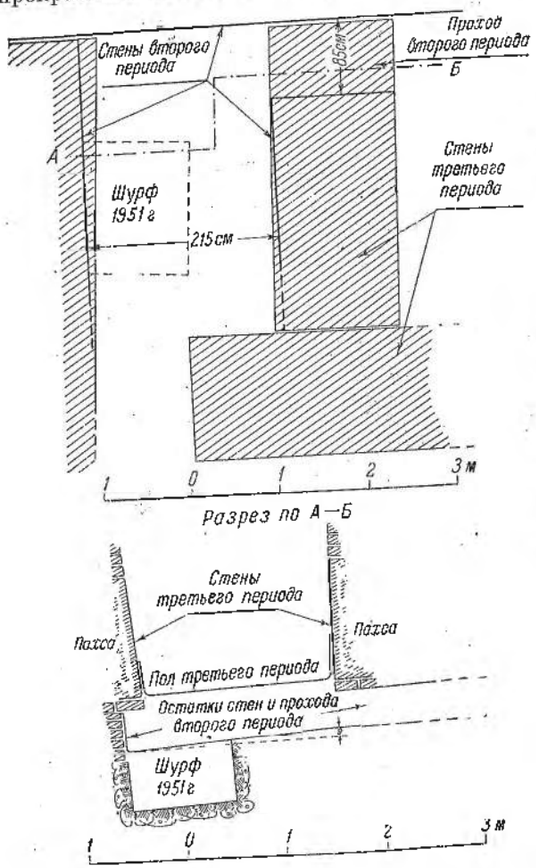


Рис. 12. Калак-Боло. Соотношение стен жилых помещений второго и третьего периодов (кв. *К—Л* — 11—12 по рис. 3).

однократно подновлялся. Остатки таких алебастровых полов с выкружками к стенам были, в частности, обнаружены в двух комнатах западного крыла южной группы (рис. 3, комнаты № 1*а* и № 2*а*).

Все описанные помещения южной группы не являются, однако, первоначальными на верхней площадке крепости, что убедительно показала еще зачистка 1951 г. и последующие наблюдения. Уровень пола комнат южной группы 350 см от репера, а уровень верхней площадки платформы, как уже отмечалось 390—400—410 см. Полуметровое пространство между этими уровнями заполнено то слоем с культурными остатками, то кирпичной закладкой. В комнате № 5 под стенами этого помещения были обнаружены полуметровые остатки других ранних стен. Эти ранние стены были использованы в качестве фундамента, но их направление не совпадало точно с более поздними (рис. 12). Между верхними и нижними стенами в некоторых местах оказались прослойки с культурными остатками (фрагментами керамики, угольками, косточками животных). Планировка раннего помещения также была иной: вход располагался не в западной стене, а в южной. Пол раннего помещения в виде глино-саманной смазки был зафиксирован на глубине 400 см от репера, причем четко прослеживалась выкружка от пола к стенам, в том числе и к крепостной стене. Уровень пола и наличие этой выкружки свидетельствуют о том, что это раннее помещение синхронно сооружению платформы и крепостных стен. Следовательно, раннее помещение на верхней площадке должно быть отнесено ко второму строительному периоду.

Единая строительно-планировочная схема всех комнат южной группы не оставляет сомнений в том, что весь этот комплекс был сооружен по единому плану и в одно время. Судя по направлению стен и расположению проходов, этот верхний комплекс не повторял полностью планировку раннего комплекса второго периода. Следовательно, даже с планировочной точки зрения перестройка на верхней площадке была кардинальной. При этом новом более позднем строительстве остатки старых стен жилого комплекса второго периода были частично использованы, частично уничтожены; пространство между ними частично заложено сырцовым кирпичом; накопившийся к этому времени слой строительного завала с включением культурных остатков разровнен и снивелирован на глубине 350 см от репера, причем этот уровень и стал уровнем пола нового жилого комплекса.

Все сказанное дает основание сделать следующий вывод: если ранний жилой комплекс с полом на глубине 400 см мы относим ко второму периоду, то все последующие перестройки — сооружение нового жилого комплекса иного строительно-планировоч-

ного облика с полом на глубине 350 см — следует выделить в особый период — третий период.[1]

Следует добавить, что в этот третий период некоторому переустройству подвергся также и лестничный подъем к парапету крепостной стены. Выше говорилось, что этот лестничный подъем был сооружен во время основного крепостного строительства (т. е. во втором периоде), причем вход в небольшое помещение перед этой лестницей располагался с северной стороны — со стороны комнаты, стены которой были окрашены черной краской.

В процессе сооружения нового жилого комплекса третьего периода комната, окрашенная в черный цвет, была забутована и на этом месте сооружена комната № 1 южного комплекса. Южная стена этой комнаты № 1 закрыла старый вход в помещение около лестницы, так что теперь лестница уже не сообщалась непосредственно с жилой комнатой. Теперь в предлестничное помещение попадали не с севера, а с юга, непосредственно при подъеме на верхнюю площадку крепости, не доходя до жилого комплекса.

Зачистки, произведенные на площади северной группы помещений, позволили восстановить историю ее перестроек и хронологически увязать с помещениями южной группы. Оказалось, что крепостные стены (начиная с уровня платформы) по внутреннему обрезу имели сложно-уступчатую конфигурацию, поэтому южная площадка платформы была шире (11.8 м), а северная — значительно уже (всего 9 м).

Это определило разную планировку помещений на двух участках платформы. И действительно, на северном краю платформы была расчищена большая комната, частично уничтоженная при разрушении всего северного участка крепости. Ширина ее была 5.4 м, длина точно не может быть выяснена, но, судя по сохранившемуся на 4 метра участку западной стенки, она была весьма значительной. Около западной стенки комнаты была суфа. Характерны не только размеры, но и расположение этой комнаты по отношению к крепостным стенам. Если в южной группе помещений крепостные стены одновременно являются стенами самих комнат, то в северной большой комнате крепостные стены с этой целью не использованы и к ним примкнуты специально выложенные западная и восточная стенки комнаты. Если в южной группе комнаты расположены двумя рядами по сторонам общего коридора, то большая северная комната занимает платформу на всю ее ширину (см. план крепости в XI—XII вв. — рис. 20).

На ее полу, особенно около суфы, оказалось много фрагментов хумов. Крупные куски в большинстве случаев лежали горизонтально, как бы вложенные один в другой. Это не случайный завал битых хумов, а специальная и довольно аккуратная укладка, произведенная, возможно, в связи с позднейшей закладкой этой комнаты. Около суфы, в юго-западной части, было много золы и угольков, а земля была твердая и прокаленная. Не исключено, что в этом месте была какая-то печка (или очаг), окончательно разрушенная в связи с той же закладкой комнаты.

Дверь (возможно, не единственная) была в южной стене, примерно посередине; восточнее двери в той же стене было окно, позднее заложенное и превращенное в нишу. В нишу ставили светильники, так как стенки ее очень закопчены.

К югу от этой комнаты, между нею и южной группой помещений, на этом этапе был открытый дворик.

Размер комнаты, предполагающий плоское деревянное перекрытие, местоположение относительно крепостных стен, внутреннего двора и южной группы помещений, наличие суфы и окна, особая штукатурка красноватого оттенка, — все это позволяет говорить об особом, парадном назначении комнаты (что касается обломков хумов, надо думать, что они были сложены здесь позднее при очередных перестройках).

Не исключено, что это был своего рода парадный зал, приемная. В этом смысле очень удачным был подход к ней. По коленчатому в плане пандусному подъему, вливающемуся в длинный узкий коридор южной группы, входящий попадал в обширный внутренний двор, в конце которого располагался парадный и широкий вход в зал.

Парадная комната была расположена таким образом, что закрывала осветительный проем внутристенного пандусного коридор-

[1] Априорно можно предполагать, что перестройка жилого комплекса на верхней площадке платформы совпадает с одним из этапов третьего периода перестройки крепостной обороны замка. Этот вопрос будет уточнен при датировке каждого периода.

чика-подъема к парапету крепостной стены. Однако подъем этот продолжал функционировать. Он не был заложен, как другие к этому времени неиспользуемые помещения. В слое рыхлого завала и просто на полу встречен характерный материал XI—XII вв.: фрагменты глазурованных чаш, а в осветительном проеме, превращенном в нишу, на полу — почти целый чирог.

Перестройки на верхней площадке платформы сводились к ремонту некоторых стен южной группы и к различным переделкам на площади северной группы. В частности, была заложена кирпичом северная половина дворика до поворота крепостной стены. Еще позже остальная часть бывшего внутреннего дворика была также заложена кирпичом, так что закладка в целом протянулась от парадной комнаты до границ южной группы помещений; и сама комната также была заложена. Следовательно, к концу существования замка функционировала и использовалась только южная часть крепости Калаи-Боло.

При сравнении помещений южной и северной групп бросается в глаза, что функциональное назначение северного и южного участков верхней площадки крепости по мере перестроек менялось. В этой связи очень показательно соотношение двух подъемов к парапету крепостной стены.

Из этих двух подъемов — пандусного и лестничного — парадным сначала был второй. Этот лестничный подъем начинался прямо в жилых помещениях, был парадно отделан и тщательно поддерживался в таком виде: выше уже отмечалось, что предлестничное помещение и ступеньки лестницы многократно штукатурились и заново окрашивались черной краской, когда стирался предшествующий слой. Вся северная часть платформы или ее значительная часть сначала (т. е. во втором периоде) не была застроена и использовалась в качестве открытого внутреннего двора, в который выходили осветительные проемы пандусного коридорчика — подъема к парапету стены. Таким образом, вход в пандусный подъем располагался вне основного жилого массива, с открытого двора, и был, видимо, предназначен для рядовых защитников крепости.

Иную картину показывает последующая застройка (т. е. застройка уже третьего периода). Парадная комната в это время располагалась в северной части. Самые южные комнаты (особенно комнаты №№ 1—2) имели хозяйственное назначение. Небольшое помещение перед лестницей с северной стороны было загорожено стенкой комнаты № 1 и с этой комнатой непосредственно не сообщалось, так что теперь в него попадали не с севера, а с юга, непосредственно при подъеме на верхнюю площадку крепости, не доходя до жилого комплекса. Такое расположение было даже более рациональным, ибо позволяло подняться к парапету крепостной стены, не проходя через весь жилой комплекс.

Третий период в целом ознаменовался кардинальной перепланировкой помещений верхней площадки платформы и лишь частичным использованием сооружений предшествующего периода. На протяжении третьего периода тоже происходили ремонты и перестройки. Однако перестройки эти носили частный характер. На основании имеющихся сейчас и разобранных выше данных мы можем выделить три этапа в третьем периоде.

Этап первый: используется вся верхняя площадка крепости, строятся многочисленные помещения, перемежающиеся открытыми площадками внутренних двориков.

Второй этап: общая планировка остается без изменений, но функционирующая площадь значительно сокращается. На этом этапе закладывается часть дворика, отделявшего южную группу помещений от северной; вероятно, в это же время закладывается и сама парадная комната.

Третий этап для построек верхней площадки характеризуется дальнейшим сокращением обжитой территории путем закладки остальной части дворика между северной и южной группами помещений.

Сопоставление приведенной периодизации с вещевым материалом, подкрепленное стратиграфическими наблюдениями и отдельными находками в самих стенах, позволяет дать каждому периоду и этапу убедительную абсолютную дату.

5. Вещевые находки в крепости Калаи-Боло

Уже отмечалось наличие в крепости довольно значительного количества фрагментов так называемой «кушанской» керамики. Она была в основном собрана на поверхности, в самой крепости и вокруг нее. Некоторое количество ее оказалось в слоях вместе с более поздними материалами и даже в кирпичах и пахсе жилого комплекса. Наличие этой керамики говорит о существовании на месте этого замка или поблизости от него какого-то поселения кушанского времени.

Керамика эта тонкостенная, из хорошо отмученной глины ровного обжига, ангобированная и лощеная или только ангобированная. Цвета ангоба: красный, коричневый, черный и сочетание красного с черным (снизу красный, а сверху черный). Мелкие фрагменты принадлежат, в основном, сосудам типа плоских чаш. Венчики чаш прямые, иногда отогнутые наружу или, наоборот, слегка вогнутые внутрь. Донья обычно плоские, в одном случае сосуд имеет небольшой поддон.

Кроме этого, встречено было несколько фрагментов керамики с процарапанным орнаментом, так называемой «даваньской». Один такой фрагмент принадлежал кувшину, причем узор был процарапан по плечикам на коричневом фоне.

Из отдельных керамических находок упомянем два фрагмента бокалов, покрытых красным ангобом и лощеных; у второго бокала стенки после подсушки, но до ангобирования, были снаружи подрезаны (в виде вертикальных срезов) острым инструментом. Не менее примечателен маленький фрагмент сосуда, покрытого коричневым ангобом, со штампованным изображением животного в прямоугольной раме.

Но особенно любопытен небольшой фрагмент (8×5 см) терракотовой поделки, являющейся нижней частью аканта, оформлявшего плоскую поверхность. Акант был, вероятно, крупных размеров, так как веерообразное расхождение прожилок листа на фрагменте в 8 см только еще начинается.

К этой же группе находок мы относим пять золотых пластинок, обнаруженных в разных местах в забутовке платформы, преимущественно на значительной глубине. Четыре из них имеют вид дисков (диам. 17 мм) с загнутыми бортиками (высота бортиков от 0.75 до 1 мм) и иногда — с маленькими дырочками. Пятая пластинка имеет вид прямоугольника (33×22 мм). Несомненно, это какие-то детали одежды, может быть обкладки пуговиц или украшений других частей туалета, вооружения и т. д. Ясно, что эти золотые пластинки попали в платформу вместе с битыми кусками пахсы и кирпича-сырца от ранней постройки.

Вторая группа находок относится к более позднему времени. Прежде всего это

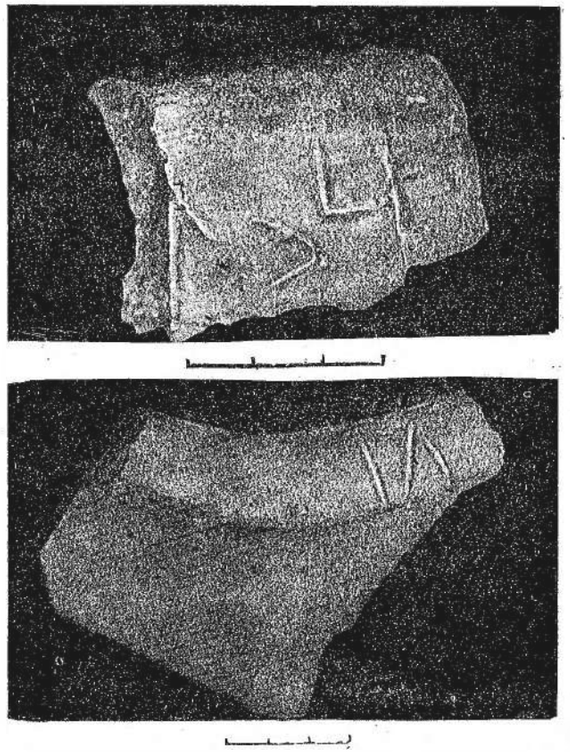


Рис. 13. Калаи-Боло. Два фрагмента сосудов с надписями.

два фрагмента сосудов со знаками или надписями (рис. 13, *1*, *2*). Один фрагмент венчика довольно крупного сосуда с рунической надписью был найден в слое рыхлого завала с разновременными материалами (рис. 13, *1*). Второй фрагмент (рис. 13, *2*) был поднят на поверхности. Это шейка и начало плечиков небольшого «хумча» с сильно отогнутым наружу венчиком, причем два «рунообразных» знака расположены на его верхней почти горизонтальной плоскости. Надпись первого фрагмента и оба знака второго сделаны до обжига, по просушенному черепку.

На поверхности же был поднят фрагмент терракотовой фигурки в виде плоской плитки с начерно отделанной задней стороной и штампованным изображением на лицевой. Сохранилась только верхняя часть плитки с изображением треугольного наиска, под которым должна была быть человеческая фигурка.

Среди подъемного материала и в верхних ярусах раскопа оказалось значительное количество толстостенной керамики, преимущественно от хумов и хумча. Очертания венчиков типичны для VI—VIII вв., что прекрасно подтверждается образцами рунического письма и терракотовой фигуркой в виде пластинки с рельефным штампованным изображением.

Следующую и самую обильную группу бытовых предметов образуют находки в четырех мусорных ямах,[1] и соответствующий им подъемный и раскопочный материал, датируемый XI—XII вв. Эти материалы XI—XII вв. составляют третью компактную группу находок в крепости Калаи-Боло.

Мусорная яма № 1 обнаружена в юго-восточном углу комнаты № 1 (диам. 90—100 см и глубина свыше 4 м). Верх ее был разрушен: кучей валялись обгорелые куски дерева, сохранившие кое-где остатки глино-саманной смазки, и жженые кирпичи (размер 29—30×15×3.5 см). При тщательной расчистке оказалось, что деревом и кирпичом было оформлено устье мусорной ямы. Верх ее был оформлен несколькими постепенно суживающимися кольцами, сложенными из жженого кирпича. Поверх этой кладки в уровень с полом была сделана крышка (с небольшим, видимо, отверстием) из дерева, закрепленного глино-саманной промазкой. Этой же промазкой деревянная крышка была покрыта сверху.

В мусорной яме № 1 найдена в значительном количестве керамика глазурованная и различная безглазурная, прекрасная люстровая чаша и стеклянные изделия, а также значительное количество костей животных, зола и угольки.

Мусорная яма № 2 оказалась в коридоре южной группы помещений. Она была менее глубока, диаметр ее 90—100 см. Верх ее в свое время был разрушен, а верхняя незаполненная часть плотно забита глиной. Материал из этой ямы менее обилен и включает золу, уголь и кости животных, обломки кирпича-сырца и очень фрагментированную керамику, среди которой преобладают обломки грубой кухонной посуды, главным образом котлов.

Мусорная яма № 3 была в комнате № 2, ближе к ее южной стене. Устройством и назначением она отличалась от двух уже описанных. Верх ее не сохранился так же, как у мусорной ямы № 2, при позднейших ремонтах он был забит. Яма имела грушевидную форму, расширяющуюся книзу, общая глубина не превышала 65—70 см. На дне ямы наблюдались тончайшие прослойки, напоминающие натеки. В сопоставлении с формой и размерами ямы это говорит о том, что она использовалась для сметания мелкого мусора и сливания воды.

На дне ямы в упомянутых прослойках были найдены: медная монета, фрагмент стекла (закраинка сосуда) и два фрагмента керамики светло-желтой поливы с рисунком зеленой и коричневой краской. Монета принадлежит к так называемым «черным дирхемам», которые широко обращались в Средней Азии при Саманидах в IX—X вв. и позже, вплоть до XII в.

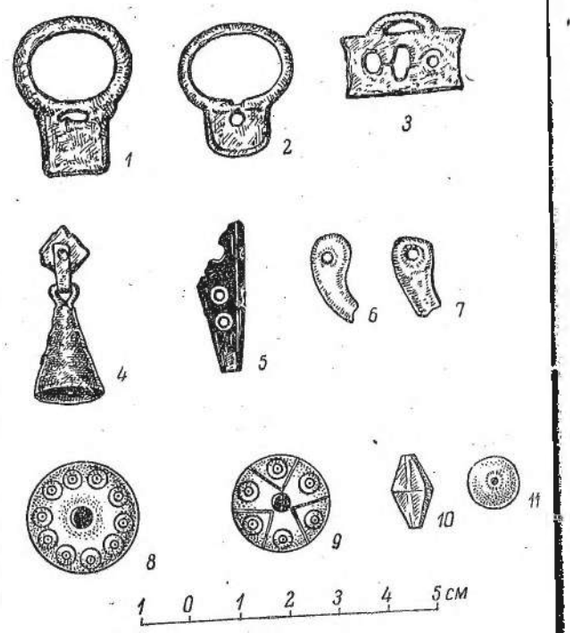


Рис. 14. Калаи-Боло. Бронзовые и костяные украшения.

1—3 — бронзовые детали пояса; *4* — бронзовый колокольчик; *5—7* — каменная и глазурованные подвески; *8—9* — костяные пуговицы; *10—11* — бусины.

Остальные предметы, найденные в яме, попали в нее во время разрушения и искусственной забивки, когда в яму, прежде чем замазать ее сверху, побросали всякий мусор, среди которого отметим два больших фрагмента алебастровых поделок (вероятно, крышек) в виде дисков с шишкой в центре одной стороны.

Мусорная яма № 4 оказалась самой обильной и насыщенной. По форме такая же, как мусорная яма №№ 1 и 2, диаметром около 1 м, она была до отказа набита костями животных и различными поломанными бытовыми предметами, лишь незначительно пересыпанными землей. Больше всего здесь было найдено фрагментов керамики и стекла.

Из числа других предметов должны быть упомянуты: медный или бронзовый пестик от ступки, крупных размеров (длина 20.4 см), в виде цилиндрического стержня с валиками посредине и на концах; две бронзовые пряжки и маленькое бронзовое украшение в виде фигурной накладной пластинки от пояса (рис. 14, *1—3*); бронзовая, овальная в плане миниатюрная мисочка (длина 7.3 см, ширина 4.5 см, высота 1.5 см), без ручек (видимо, это сосуд туалетного назначения.

Отметим также наличие фрагментов тыквенных сосудиков.

При сравнении материала из четырех мусорных ям прежде всего бросается в глаза большое сходство в керамике и стекле, заставляющее считать все предметы из ям принадлежащими одной эпохе. Однако, несомненно, что мусорные ямы функционировали не одновременно (во всяком случае, №№ 1, 2, 4), скорей всего они сме-

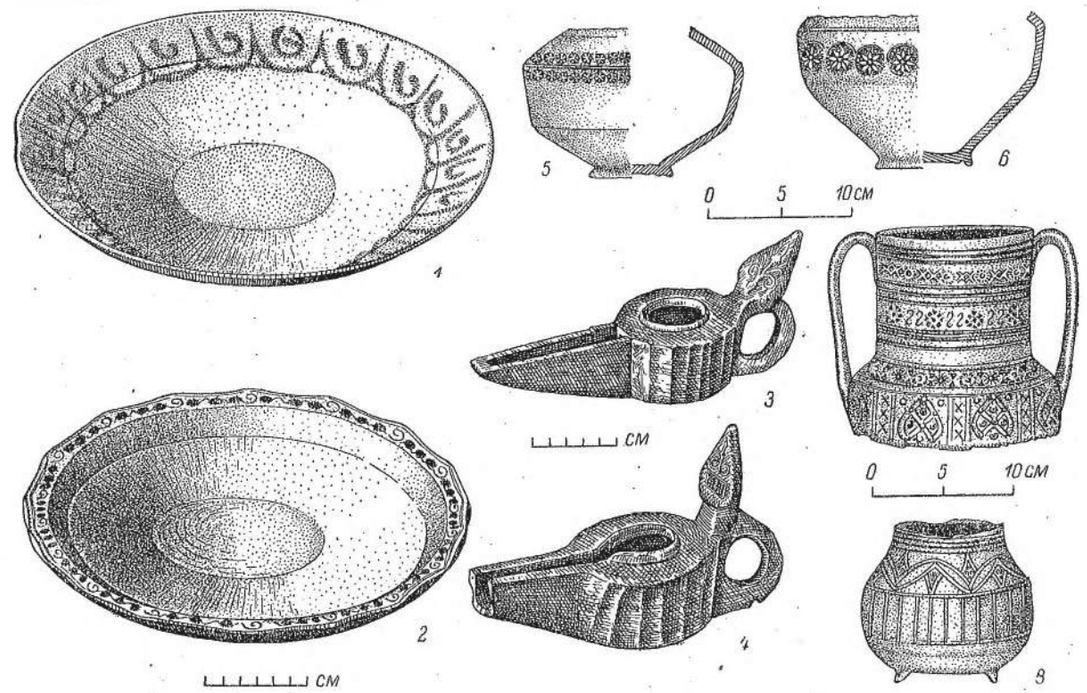


Рис. 15. Калаи-Боло. Керамика из мусорных ям XI—XII вв.

1, 2 — глазурованные блюда; *3, 4* — чироги зеленой глазури; *5—8* — тонкостенные сероглиняные кувшины.

[1] Местоположение четырех мусорных ям обозначено на плане крепости в XI—XII вв. (рис. 20).

няли друг друга во времени по мере наполнения. Но близость и однородность материала свидетельствуют о том, что все они принадлежат одному периоду в жизни замка Калаи-Боло.

Наиболее характерной формой керамики являются чироги зеленой поливы (рис. 15, *3—4*) с граненым резервуаром, длинным носиком и лепестком над ручкой. Такие чироги мы встречаем в ямах №№ 1,

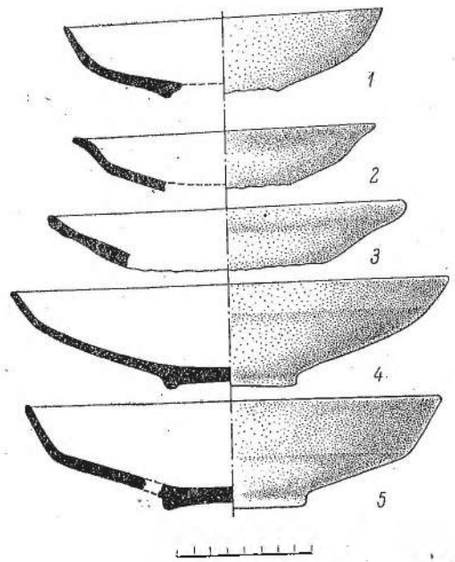


Рис. 16. Калаи-Боло. Глазурованные блюда из мусорных ям XI—XII вв.

2, 4. Ведущими формами глазурованной посуды являются блюда (рис. 16 и рис. 15, *1, 2*) и чаши разных размеров. Стенки чаш часто совсем прямые, а стенки блюд и блюдец имеют то резко подчеркнутый, то несколько смягченный перелом; венчики прямые или отогнутые наружу, причем последние часто имеют фигурно-фестончатое оформление. Изредка эти сосуды покрыты голубой поливой (ямы №№ 1,2), обычно же — светло-желтой со скупым подглазурным рисунком в зелено-коричневой гамме с использованием техники графитти (ямы №№ 1, 2, 3, 4). Ведущими формами неглазурованной керамики являются два типа кувшинов: небольшие, тонкостенные, богато орнаментированные сероглиняные широкогорлые кувшины с двумя переломами тулова, с одной (реже двумя) ручкой (иногда с шишечкой) и с кольцевым поддоном или тремя ножками (рис. 15, *5—8*); более крупные кувшины с грушевидным туловом, узким бочонкообразным горлом, профилированной ручкой и иногда носиком (ямы №№ 1, 2, 4). Кувшины второго типа — в зависимости от глины и внешней отделки — имели разное назначение. Одни использовались в качестве кухонной посуды; другие — для хранения продуктов и в качестве столовой посуды. Фрагменты котлов, бывшие в трех мусорных ямах (№№ 1, 2, 4) имеют во всех случаях одинаковые формы венчиков (сильно отогнутые наружу). Одинаковым оказалось и стекло в тех случаях, когда оно позволяло реконструировать форму: флаконы с высоким узким горлом, бокалы или рюмки на высоких ножках (ямы №№ 1 и 4, рис. 17).

Весь материал в совокупности датируется определенно XI—XII вв. Датировка эта еще более подкрепляется упомянутой монетой из мусорной ямы № 2 («черным дирхемом») и целой привозной люстровой чашей из ямы № 1.[1]

Своеобразную группу образуют неглазурованные, но расписные фрагменты и сосуды. Сделаны они из хорошей, докрасна обожженной глины, и покрыты плотным кремовым ангобом, по которому мазками мягкой кисточки нанесен самый простой узор. Цвет росписи — терракотовый, иногда с добавлением черного.

Эти сосуды датируются всем комплексом находок мусорной ямы № 4.

Среди подъемного материала и в верхних раскопочных ярусах было встречено небольшое количество типичной для XIV в. глазурованной керамики очень хорошего качества, с фиолетово-черным рисунком на бирюзовом фоне. Однако таких фрагментов очень немного. Керамики, типичной для XV в., не встречалось совершенно. Отсутствие явного материала XV в. говорит о том, что в качестве резиденции правителя области крепость Калаи-Боло в это время не функционировала.

[1] Сочетание в декоровке этого сосуда двух приемов (рисунок в резерве на золотисто-коричневом фоне, и наоборот, золотисто-коричневым по белому фону) сближает нашу чашу с люстром так называемого «среднего периода» (XII—XIII вв. по периодизации А. У. Попа (A. U. Pope. Survey of Persian Art, II. London and New York, 1939, стр. 1465, 1546, 1547).

Следующее, XVI, столетие представлено в крепости довольно многочисленными остатками керамических материалов в виде глазурованной керамики с черно-голубоватым рисунком на желтовато-белом фоне.[1]

Кроме описанных, в замке Калаи-Боло найдено некоторое количество других предметов, вроде бронзового колокольчика, различных бус, подвесок и пуговиц (рис. 14). Особо должны быть упомянуты своеобразные алебастровые поделки в виде диска (диаметр в пределах 10—30 см) с конусовидной шишкой на одной стороне. Диск

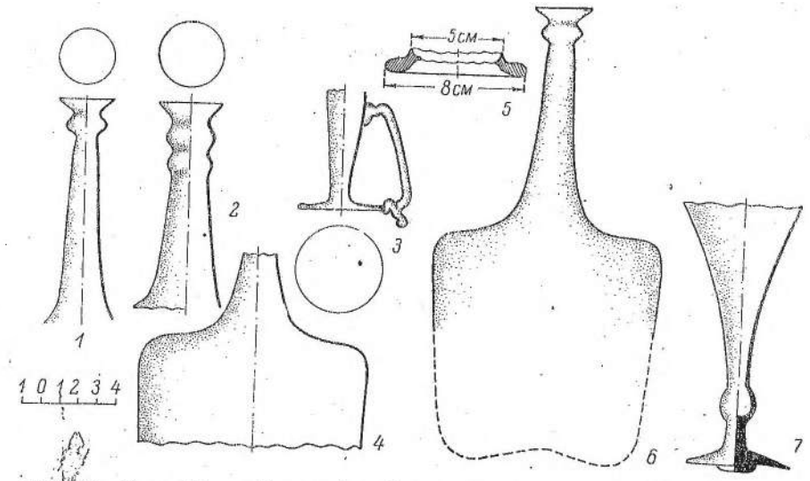


Рис. 17. Калаи-Боло. Стеклянные сосуды из мусорных ям XI—XII вв.
1—2, 4 — фрагменты узкогорлых флаконов; *3, 7* — фрагменты рюмок; *5* — кольцевой поддон сосуда; *6* — реконструкция формы узкогорлого флакона.

иногда почти плоский, но чаще плоской бывает только одна сторона с шишкой, а противоположная имеет несколько выпуклый профиль и сформована грубее. В двух случаях основная плоскость имела не дискообразное, а квадратное очертание. Размеры и форма этих поделок позволяют считать их крышками хумов (чаще) и других более мелких сосудов (реже). Об этом же свидетельствует одна грубовато отделанная крышка хума из обожженной глины, своей формой точно повторяющая дискообразные алебастровые крышки с конусовидной шишкой. Судя по местонахождению, такие крышки в замке Калаи-Боло изготовлялись и использовались по крайней мере с VI—VIII вв. и до XI—XII вв. включительно.

[1] Любопытно, что такой материал оказался в одной из стен южного комплекса и даже ниже этой стены. Следовательно, она была сложена в XVI в. или даже позже. Наличие под ней слоя строительного завала и натеков говорит о том, что разрушение имело место в предшествующее время, а на этапе очередных ремонтов рухнувшая и разобранная стенка была возобновлена.

6. Датировка ремонтно-строительных периодов

Изучение крепости и сопоставление ее частей позволило выделить, как выше указывалось, три периода и с разной степенью подробности реконструировать план и устройство построек каждого периода.

1. Период первый. Монументальная постройка, отличающаяся по плану от крепости Калаи-Боло, сооруженной позднее на этом месте. Сложена она из пахсы и кирпича-сырца (в среднем 48×32×8 см). От нее сохранилось только два участка массивных стен (рис. 4, 5); на одном участке стены расчищены бойницы.

2. Период второй. Сооружение крепости-замка на высокой платформе (рис. 7, 18 и 19).

Структура крепости: высокая платформа с наклонными фасами; вертикальные крепостные стены с бойницами; внутристенный пандусный и парадный лестничный подъемы к парапету стены; внешний уступ-

чатый контур стен давал возможности фланговой защиты наиболее ответственных мест, так как башни, обычно использу-

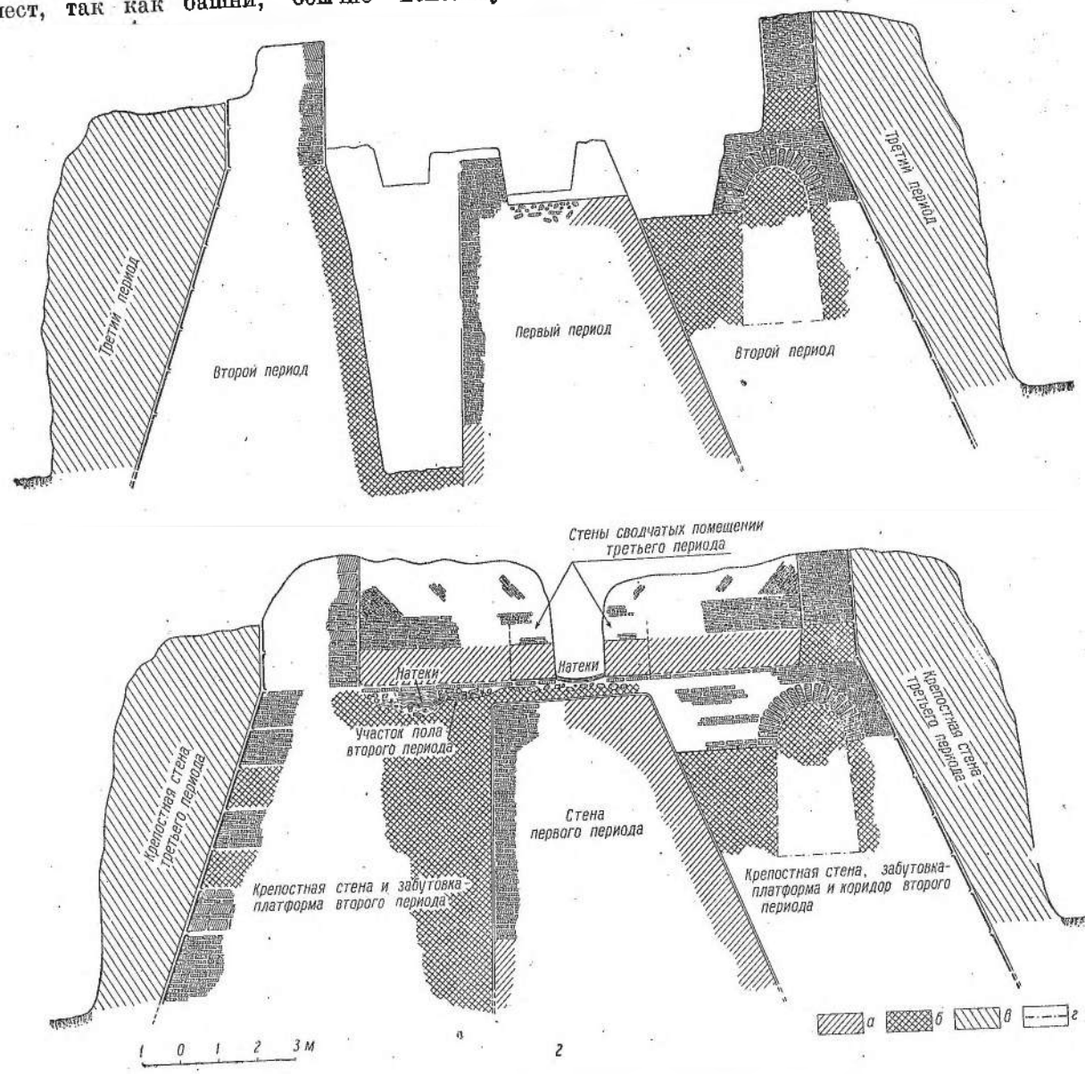


Рис. 18. Калаи-Боло. Поперечные разрезы.

1 — по линии А—Б (по рис. 3); *2* — по линии В—Г (по рис. 3); *а* — однородная пахса; *б* — плотная забутовка с кусками кирпича сырца и битой пахсы; *в* — смешанная пахсово-кирпичная кладка; *г* — реконструкция.

емые для этой цели, отсутствовали; коридорный проход на внутренний двор (отгороженный самой крепостью) и со двора коридорно-пандусная система подъема на верхнюю площадку крепости.

Жилой комплекс: открытый дворик в северной, жилые и хозяйственные комнаты — в южной части платформы, причем уровень пола, соответствующий верхней площадке пладформы, зафиксирован на глубине 390—400 см от репера. При последующих перестройках от жилых помещений сохранились только два участка полу-

метровых в высоту стенок одной комнаты с проходом в соседнюю, расположенную около крепостной стены, и часть небольшого помещения перед лестничным подъемом к парапету той же крепостной стены.

Строительные материалы и приемы: при строительстве широко использованы остатки постройки первого периода (одна часть стен замурована в платформу, другая — разбита и использована в качестве строительного материала для платформы и крепостных стен) и новые строительные материалы (однородная пахса и прямоугольный кирпич с небольшими отклонениями от стандарта 52×26×10 см); кладки стен комбинируют все три вида материалов; помещения перекрыты коробовыми сводами из кирпича по системе наклонных отрезков; стены оштукатурены глиной с саманом, внутри иногда окрашены черным, снаружи разделаны под русты.

3. Период третий (три этапа). Крепостная система усилена сначала двумя башнями, затем мощным футляром. Сохранены коридорно-пандусный подъем на верхнюю площадку крепости и оба подъема к парапету стены, но часть внутриплатформенных коридоров на одном из этапов уничтожена и заложена. Совершенно перепланирован жилой комплекс верхней площадки крепости. Внутренний двор, позднее постепенно заложенный, делит теперь жилой комплекс на две группы: южную (просуществовавшую до конца жизни замка) в виде двух рядов параллельных комнат по сторонам открытого коридора и северную (позднее заложенную), включавшую большую парадную комнату. (Рис. 20).

Строительные материалы и приемы: при строительстве широко использованы остатки жилых построек второго периода — одна часть стен в качестве фундамента, другая часть на кирпич. Новые стройматериалы — однородная пахса, прямоугольный сырцовый кирпич 52×26×10 см (по крайней мере в XI—XII вв.), прямоугольный обожженный кирпич 28—30×14—15×3.5—4 см.

В кладках стен комбинируются пахса и кирпич; узкие комнаты перекрыты сводами, как во втором периоде; стены оштукатурены глиной с саманом, в некоторых помещениях побелены алебастром; полы (на уровне 340—350 см от репера) имеют глиносаманную смазку, а иногда покрыты алебастром.

На протяжении трех этапов последнего периода крепость подвергалась частичным

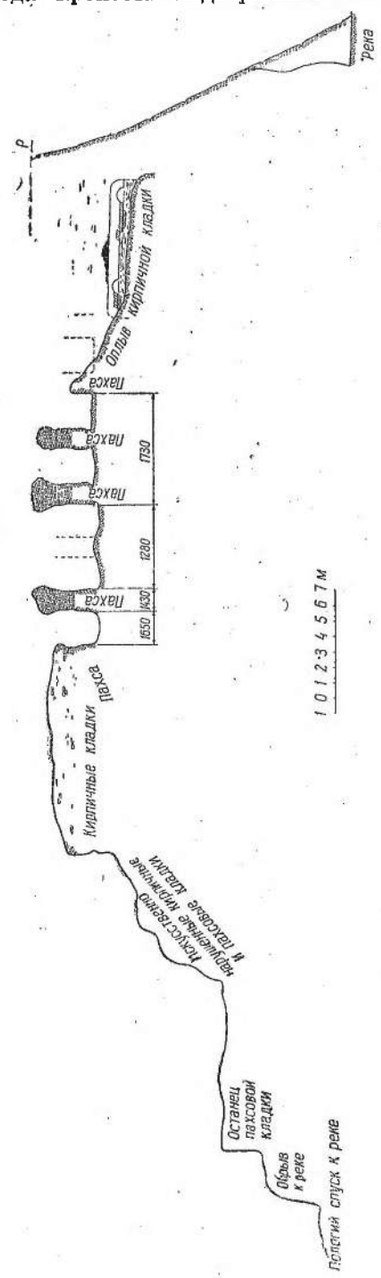


Рис. 19. Калаи-Боло. Продольный разрез Д—Е (по рис. 3) (до раскопок).

перестройкам, общую направленность которых могут характеризовать две тенден-

ции: усиление крепостной мощи и сокращение жилого комплекса.

Помещения, выстроенные и отделанные в начале третьего периода, функционировали полностью только на первом этапе,

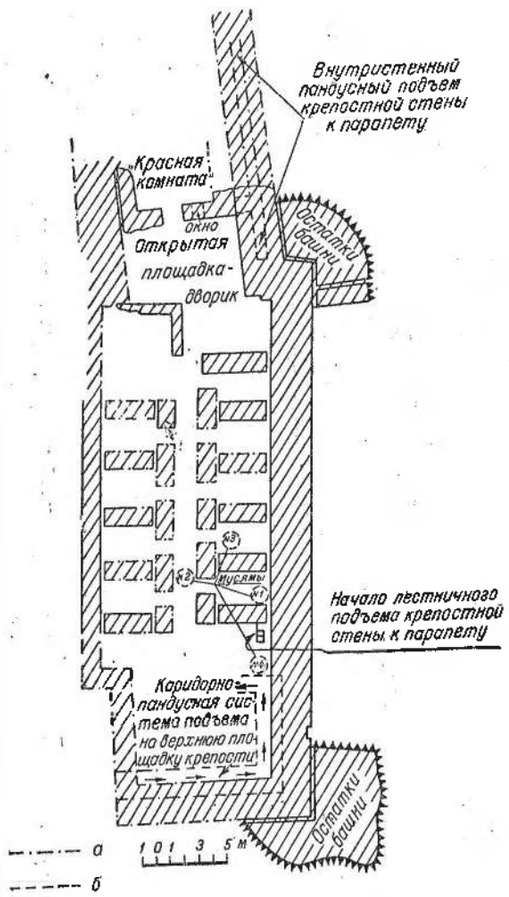


Рис. 20. Калаи-Боло. План верхней площадки в XI—XII вв. (первый этап третьего периода).

а — реконструкция; *б* — стены, лежащие выше или ниже основного уровня площадки.

к которому относятся и зафиксированные примеры некоторых бытовых удобств, вроде остекления осветительных проемов, устройства в комнатах поглощающих и крытых ям. На последующих двух этапах часть комплекса была заложена.

Для абсолютной датировки всех этих периодов и этапов мы имеем две прочные отправные точки: во-первых, точно датируемые разнообразным материалом постройки первого этапа третьего периода (см. ниже); во-вторых, известие письменных источников о существовании крепости еще в XIX столетии.

Для датировки жилого комплекса первого этапа третьего периода были произведены шурфовка, зачистка и разборка нескольких стен. Приводим описание всего найденного в кирпичах, пахсе или кирпичных швах материала.

1. Южная стена комнаты № 1 (разборка): два отогнутых наружу венчика от «хумча» или горшка из грубого теста неровного обжига, фрагмент кушанской тонкостенной чаши с коричневым ангобом и венчик котла такого же типа, как в мусорных ямах XI—XII вв.

2. Северная стена комнаты № 1 (разборка). Фрагмент кушанского кувшинчика коричневого ангоба и лощения; восемь фрагментов от чаши голубой поливы, сходных с находками в мусорных ямах XI—XII вв.; четыре фрагмента глазурованного блюда, по форме (стенки с переломом) и рисунку (зелено-коричневая гамма и граффити на желтом фоне), повторяющего блюда из мусорных ям; несколько фрагментов котла, по форме венчика и глиняному тесту сходных с котлами из тех же ям; фрагмент толстостенного сероглиняного кувшина с прочерченным орнаментом, также близким к соответствующим находкам из мусорных ям; два фрагмента средневекового стекла; фрагмент алебастровой крышки; костяная пуговица (все находки в кирпичах и в швах кладки).

3. Северная стена комнаты № 4-а (зачистка): в пахсе — несколько фрагментов сероглиняного тонкостенного широкогорлого кувшина на трех ножках-подставках, как в мусорных ямах XI—XII вв.

4. Северная стена комнаты 3-а (зачистка): несколько фрагментов тонкостенной кушанской керамики (в том числе тонкий прямой венчик чаши черного ангоба, лощеный); фрагмент безглазурного донца хорошего красного обжига и плотного кремового ангоба, со следами росписи терракотовым цветом, подобные аналогичной расписной керамике из мусорной ямы № 4 XI—XII вв.

5. Северная стена комнаты № 2-а (разборка): в кирпичах — два фрагмента тонкостенной сероглиняной орнаментированной керамики XI—XII вв; в швах—голубая глазурованная бусинка.

6. Закладка третьего этапа третьего периода, примыкающая к комнате № 5 (разборка на квадратах К-10 и Л-10 — рис. 3): в кирпиче и швах фрагменты керамики белой и голубой глазури, глазурованные фрагменты с росписью в зелено-коричневой гамме; средневековое стекло и костяная пуговица.

7. Закладка второго этапа третьего периода (разборка на квадратах Л-8-9 — рис. 3) близ крепостной стены: в расколотых кирпичах — фрагмент глазурованного сосуда, типичного для мусорных ям XI—XII вв. (роспись в зелено-коричневых тонах с граффитти) и осколок медной монеты. После очистки оказалось, что это так называемый «черный дирхем».

8. Ремонтная закладка в одном из отсеков (квадрат М-22) коридорно-пандусного подъема на верхнюю площадку крепости (зачистка): в кирпиче медная монета, чеканенная в 288/900—901 г. в г. Самарканде от имени Исмаила бен Ахмеда.

Весь приведенный материал дает основание сделать несколько выводов. Прежде всего обнаружение не только в швах кладки, но и внутри самих кирпичей средневековой керамики XI—XII вв. и монет свидетельствует о том, что эти кирпичи сделаны не ранее XI—XII вв.

Факт этот очень интересен. Обычно кирпич такого размера — 52×26×10см — относился к VI—VIII вв. Теперь же мы должны сделать вывод, что старый кирпич 52×26×10 не только использовался вторично в XI—XII вв., но и послужил образцом для нового кирпича: в XI—XII вв. при изготовлении кирпича был принят тот же старый стандарт. Этот вывод особенно ярко подчеркивает роль традиции и переживание всех старых строительных приемов, о чем ниже нам еще придется говорить.

Частичная или полная разборка одних стен южной группы жилых помещений и зачистка других показала, что во всех стенах без исключения оказался средневековый материал, главным образом XI—XII вв. Если к этому добавить материал из шурфов 1951 г. в комнате № 5 (особенно тот факт, что одну из стен подстилала культурная прослойка с материалами XI—XII вв.), то окажется, что для всех стен и комнат южной группы без исключения мы имеем датирующие данные, показывающие согласно, что они не могли быть выстроены раньше XI—XII вв. Таким образом, стратиграфические данные 1951 г. по материалам шурфов и результаты разборки самих стен дали нижнюю хронологическую границу.

Эта нижняя хронологическая граница в данном случае совпадает с абсолютной датой. Дело в том, что именно к XI—XII вв. относятся четыре описанные мусорные ямы с богатым и разнообразным бытовым инвентарем. Они свидетельствуют о том, что именно в это время крепость была обжита прочно и принадлежала какому-то богатому владельцу, который должен был привести в порядок жилые помещения. Кроме того, по уровню эти мусорные ямы точно соответствуют уровню полов рассматриваемой южной группы (около 350 см от репера), что само по себе говорит о синхронности помещений и мусорных ям. К этому можно добавить значительное количество жженого кирпича того размера, который по материалам Ферганы также относится к XI—XII вв.

Таким образом, результаты исследования стен и стратиграфия убеждают нас в том, что помещения южной группы построены не раньше XI—XII вв.; они не могут относиться и к более позднему времени, судя по материалам мусорных ям и сопоставлению их верхних уровней с уровнями полов данных помещений.

Небезынтересно отметить, что планировка жилого комплекса XI—XII вв. крепости Калаи-Боло не стоит изолированно среди близких по времени средневековых жилых построек. Так, полную аналогию она находит в средневековой постройке, раскопанной нами на городище «Старая Ниса», недалеко от Ашхабада.[1]

План его полностью повторяет южную группу жилого комплекса XI—XII вв. крепости Калаи-Боло: два ряда почти совершенно одинаковых продолговатых комнат по сторонам общего коридора, в который выходили все комнатные проходы.

Историю сооружения и перестроек жилого комплекса верхней площадки крепости Калаи-Боло мы выше разделили на три этапа. На первом этапе были выстроены параллельные помещения южной группы и парадная комната в северной части площадки, куда попадали через открытый дворик. Все

[1] Е. А. Давидович. Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 143—144.

вышеприведенные материалы датировки стен и комнат южной группы помещений позволяют нам подвести общий итог: первый этап третьего периода, ознаменовавшийся крупными строительными работами,

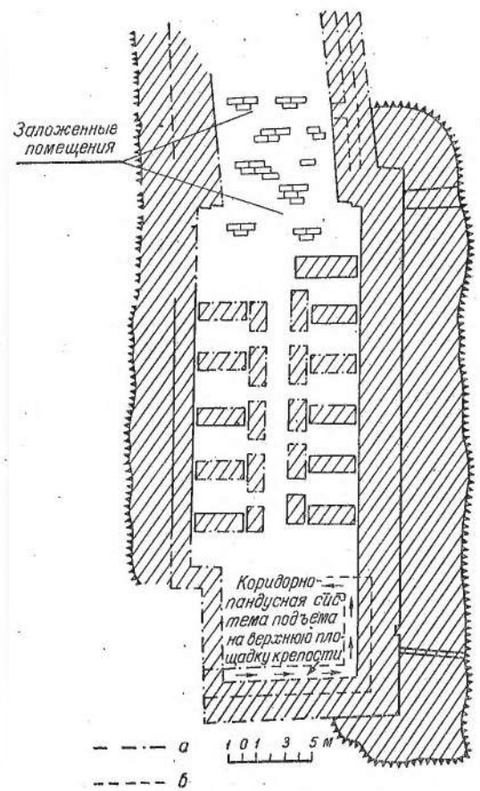


Рис. 21. Калаи-Боло. План верхней площадки в XVIII—XIX вв. (последний этап третьего периода).

а — реконструкция; *б* — стены, лежащие выше и ниже основного уровня площадки.

перепланировкой всего жилого комплекса, относится к XI—XII вв. При строительных работах частично, видимо, использовался старый прямоугольный сырцовый кирпич, но в основном стройка производилась новыми материалами: из пахсы и вновь заготовленного кирпича-сырца. Однако размер этого нового кирпича — 52×26×10 см — по традиции повторял более ранний кирпич.

Характеризуя строительство первого периода, следует особо остановиться на находках в одной из мусорных ям значительного количества фрагментов оконного стекла. Стекло это плоское, тонкое, бесцветное, но со множеством пузырьков воздуха в стеклянной массе. Изучение жилого комплекса XI—XII вв. показало, что только в парадной комнате было маленькое окошечко, позднее заложенное, основные же жилые и хозяйственные комнаты, расположенные в южной части крепости, никаких специальных световых проемов в стенах и сводах не сохранили. Поскольку сама планировка южной группы помещений (в виде двух рядов комнат по сторонам общего коридора) предполагала возможность освещения только с одной стороны — со стороны этого открытого коридора, — остается допустить, что световые проемы располагались над дверьми или даже сами дверные полотнища остеклялись в верхней части. Такое предположение о месте использования в замке плоского оконного стекла подтверждается данными средне-азиатских миниатюр XV в.[1]

Так как третий период начался строительством в XI—XII вв., датировка первых двух периодов четко укладывается в рамки первых двух хронологических групп вещей: период первый датируется вещами кушанского типа, а период второй — объектами VI—VIII вв.

Третий период, хронологически самый длительный (с XI—XII вв. по XIX в.), в соответствии с частными ремонтами и перестройками поделен нами на три этапа. Облик замка и его конструктивно-планировочные особенности на первом этапе, т. е. в XI—XII вв. и к концу третьего этапа, т. е. в XVIII—XIX вв., выявлены с достаточной полнотой (рис. 21). Несколько затруднительна абсолютная датировка сооружения внешнего крепостного футляра. Ясно только, что он сооружен после строительства башен, т. е. не ранее XI—XII вв. и просуществовал до конца функционирования крепости, определяя ее облик в XVIII—XIX вв. Но на каком этапе было осуществлено это строительство? Прямых данных для датировки внешнего крепостного футляра пока нет,

[1] Подробнее об оконном стекле из крепости замка Калаи-Боло см. в работе: Е. А. Давидович. Средневековое оконное стекло из Таджикистана. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 7, Сталинабад, 1953; ср.: Е. А. Давидович. Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда. Труды САГУ, новая серия, вып. 61, гуманитарные науки, кн. 6, Ташкент, 1953, стр. 145—149.

поэтому с одинаковым правом можно относить его постройку ко всем трем этапам. Однако некоторые косвенные соображения позволяют думать, что футляр этот относится к концу третьего этапа, ко времени Кокандского ханства. Поскольку в Кокандском ханстве Исфара считалась крупной областью, а замок Калаи-Боло был резиденцией правителя области, можно полагать, что замок был заново укреплен. О том же свидетельствует сопоставление времени постройки башен и крепостного футляра.

Последний крепостной футляр и предшествовавшие ему башни взаимно исключали преимущества каждого из этих двух разных приемов крепостной обороны. Башни обеспечивали фланговую защиту фаса крепостной стены. Последнее было особенно существенно в момент непосредственного штурма. Крепостной футляр, включивший башни, лишал крепость этой фланговой обороны, но увеличивал мощь и неприступность самой крепостной стены. Такой добавочный крепостной футляр усиливал его обороноспособность против осады с предварительным артиллерийским огнем. В этом смысле показательно следующее. Платформенная часть крепости благодаря своей массивности была неуязвима для нападений противника. Небольшой коридор (часть пандусного подъема на верхнюю площадку крепости) в юго-восточном углу был наполовину закрыт башней, а наполовину находился выше платформы. Западная сторона, правда, самостоятельно была бы весьма уязвимой (внутриплатформенный коридор, тонкие — всего 1.4 м — крепостные стены выше платформы), если бы подступ к ней не был исключен удачным местоположением замка, целиком перегораживавшего речной мыс. Западная сторона служила второй линией обороны на тот случай, если бы противник прорвался во внутренний двор. Северный и южный фасы крепости были защищены рекой с обрывистыми здесь берегами. Таким образом, в VI—VIII вв. и в XI—XII вв., при уровне военной техники того времени, замок был прекрасно и продуманно защищен.

Но при других условиях, когда военная техника Средней Азии узнала и стала применять огнестрельное оружие, — первоначальная фортификация замка Калаи-Боло должна была казаться недостаточной. И в новых условиях по-прежнему большим преимуществом оставалась монолитная платформа. Но сами крепостные стены, поднимавшиеся над платформой, оказывались весьма уязвимыми, так как были слишком тонки (восточная — 2.6 м, западная — 1.4 м). Кроме того, к концу существования замка с северной стороны он уже не доходил до обрывистого берега реки, так как был разрушен северный коридор. Поэтому прорыв на внутренний двор и штурм наименее защищенного западного фаса облегчались.

Какие преимущества давал крепостной футляр и какими он обладал недостатками? Футляр был выведен с двух сторон — с восточной и западной. Он не сохранился на всю свою толщину. Но даже в современном виде толщина футляра выше платформы, на уровне крепостных стен, достигает с восточной стороны 4.5 м, а с западной — 3.5 м. Следовательно, общая толщина крепостных стен после сооружения этого футляра с западной стороны превышала 5 м, а с восточной — 7 м.

С северной стороны футляр не был возведен, но той же цели послужила закладка всей северной группы построек на верхней площадке платформы, что создавало еще большую и совсем не пробиваемую толщу.

В условиях старой военно-осадной техники такие большие крепостные работы были бы непонятны и неоправданны.

Во всех среднеазиатских феодальных фортификационных сооружениях до XI—XIII вв. включительно основной оборонительный упор делался на высокую платформу-цоколь и на башни. В замке Калаи-Боло упор делался на толщину крепостных стен. Достаточно сказать, что толщина двух крепостных стен (более 12 м в сумме) п р е в ы ш а л а ширину площадки с жилым комплексом! Такие размеры крепостных стен в маленьких феодальных замках типа Калаи-Боло не известны для Средней Азии до XIII в.

Невольно поэтому напрашивается вывод, что такое направление фортификационная техника могла получить лишь в новых условиях. Такими новыми условиями является применение артиллерии.

Приведенные соображения об изменении фортификационной техники и всей структуры крепостной обороны замка заставляют полагать, что последние крепостные перестройки не могли быть сделаны ни в XI—XII вв., ни в XIV в. и целиком относятся к значительно более позднему этапу — в пределах XVI—XIX вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(Замок Калаи-Боло как источник для характеристики истории и культуры Исфаринского района)

Замок Калаи-Боло и предшествовавшая ему постройка периода рабовладельческого общества просуществовали на этом месте почти два тысячелетия. Строительство этого замка, ремонты и разрушения его представляют большой интерес для истории Исфары, почти не освещенной письменными источниками. Чрезвычайно интересен замок Калаи-Боло и в отношении характеристики строительного искусства, уровня его развития и его специфики. Археологические данные, полученные здесь, являются критерием для определения культурно-исторического места Исфаринского района в жизни Ферганы и Средней Азии в целом, для характеристики культурных и экономических связей с другими районами Средней Азии в разные периоды.

Облик постройки кушанского времени не может быть выяснен с достаточной полнотой. Однако некоторые моменты должны быть отмечены.

Местоположение постройки очень удобно с точки зрения обороны. Поэтому именно здесь следует помещать резиденцию правителя всего или значительной части Исфаринского района. Нигде в других местах, сохранивших следы жизни первых веков н. э., не отмечены столь монументальные сооружения. Правильность определения этого объекта как резиденции с дворцом подтверждается еще и следующими данными. Обнаруженные два участка монументальных стен, несомненно, являются остатками не собственно жилой постройки, а крепостных стен, возможно внешних. Наружный фас этой стены был наклонный, а внутренний вертикальный. Стена сохранилась на значительную высоту. Никаких пристроек с ее внутренней стороны не оказалось. Следовательно, можно полагать, что она окружала какую-то незастроенную площадь типа двора. С другой стороны находка фрагмента терракотового аканта свидетельствует о существовании здесь богато украшенного, парадного здания. Обнаружение золотых обкладок деталей одежды, в свою очередь, говорит о богатстве жителей замка.

В чем причина запустения этого сооружения? Нам кажется, конкретные причины этого связаны с общим процессом кризиса рабовладельческого общества, сопровождавшегося запустением монументальных сооружений из сырцового кирпича и пахсы, изменением стандарта кирпича, изменением конструктивно-планировочного облика монументального строительства. Все эти явления одинаково прослежены как по крепости Калаи-Боло, так и по материалам изучения других более мелких крепостей Исфаринского района.

Высокого уровня достигло в Исфаре строительное искусство VI—VIII вв. Оно было тесно связано с достижениями зодчества своего времени, но вместе с тем не лишено некоторых черт своеобразия.

Как и во всей Средней Азии, основным строительным материалом служила пахса и сырцовый кирпич. В VI—VIII вв. применялся прямоугольный кирпич, с отношением сторон 1 : 2. Такой кирпич широко распространен в это время во многих областях Средней Азии. В Исфаре в качестве вспомогательного строительного материала в небольшом количестве использовалась галька. Но особенно характерно весьма широкое вторичное использование старых строительных материалов более ранних построек, причем особенно большое место в монументальном строительстве Исфары заняла своеобразная и очень прочная «пахса» из мелкого кирпично-сырцового лома старых построек.

В Исфаре, как и в других районах Средней Азии, применялись различные методы кладки стен: пахсовые кладки, регулярные кирпичные кладки, послойные комбинированные кладки кирпича-сырца и пахсы. Прямоугольный кирпич укладывался вперевязку на глино-саманном растворе. Самая распространенная система перевязки — кладка тычком и ложком со сдвигающимися вертикальными швами. На отдельных участках применялась кладка кирпича углом.[1]

[1] В сводной работе В. Л. Ворониной «Древняя строительная техника Средней Азии» (сб. «Архитектурное наследство», М., 1953, стр. 12) среди разных типов кирпичных кладок VI—VIII вв. кладка кирпича углом не приводится. Лишь для более позднего времени упоминается «кладка на ребро», причем В. Л. Воронина считает этот прием — антисейсмическим. Если последнее предположение верно, его можно распространить также на кладку углом, тем более, что последняя вовсе не имела декоративного назначения.

Специфика кладки некоторых стен связана с использованием, как уже упоминалось, мелкого пахсово-кирпичного лома, который заливался глиной и образовывал своеобразную неоднородную «пахсу» необычайной плотности. Эта «пахса» на блоки, естественно, не делилась и представляла собой сплошные слои разной высоты. В платформе и крепостных стенах замка Калаи-Боло такая «пахса» получила даже более широкое использование, чем обычные пахсовые блоки. В комбинированных кладках слои сырцового кирпича чаще всего чередовались именно с этой своеобразной неоднородной «пахсой» из пахсово-кирпичного лома. Нельзя не отметить типичный для крепостного строительства Исфары прием укрепления наиболее ответственных участков крепостных стен горизонтальной прокладкой деревянных брусьев.

Для монументального строительства Средней Азии довольно характерно использование при сооружении платформы естественных возвышений. В Исфаринском районе такой тип монументального строительства на труднодоступных горных останцах явно превалирует. Естественные возвышения в VI—VIII вв. целиком заменяют искусственную платформу. Это имело свои неудобства, так как постройка зависела от размеров и конфигурации площадки. Но преимущества с точки зрения обороны и быстроты строительства окупали этот недостаток.

Замки на искусственной платформе в Исфаринском районе строились реже; Калаи-Боло — один из немногих примеров. При этом показательно, что искусственные платформы в Исфаре были очень высокими. Так, платформа замка Калаи-Боло в VI—VIII вв. превышала 10 м, что для маленького по площади замка очень значительно. В Хорезме, например, в зависимости от размеров постройки, высота платформ колебалась в пределах 3—8 м.[1] Замок Ак-Тепе близ Ташкента поставлен на трехметровый стилобат, что даже вместе с естественным пятиметровым возвышением дает около 8 м,[2] хотя верхняя площадка платформы замка — донжона Ак-Тепе — в полтора раза больше, чем в Калаи-Боло.

Перекрытия, как и во всей Средней Азии, были и плоские деревянные, и сводчатые кирпичные. Система кладок сводов наклонными отрезками производилась с большим искусством. В этом отношении показательны повороты сводчатых помещений. В замке Калаи-Боло повороты не смягчены и кладки сводов перпендикулярных помещений смыкаются «в елочку», с использованием иногда в месте смыкания фрагментированного кирпича.[1] В наклонных сводчатых коридорах пяты опускаются ступенями (высота ступеней соответствует толщине со швом двух кирпичей).

В замке Калаи-Боло представлены два вида подъема: пандусный и лестничный. Решение системы подъема на верхнюю площадку платформы здесь ближе всего к винтовым подъемам Пенджикента.

Подъем с верхней площадки замка к парапету крепостной стены представляет особый интерес прежде всего потому, что такого рода подъемы в среднеазиатском замково-крепостном строительстве еще, как будто, не были известны. В замке Калаи-Боло — это внутристенный пандусный ход и лестничный подъем. Интересно отметить, что освещение пандуса осуществлялось не с помощью окон в стенах, а путем выведения перпендикулярных коридорных отсеков, открытых в сторону внутреннего двора.

Планировка жилого комплекса замка Калаи-Боло ближе всего стоит к планировке замка на горе Муг, однако представляет собой несколько усложненный вариант. Часть помещений, несомненно, группировалась в ряд параллельных комнат, соединенных проходами по одной оси вдоль крепостной стены. Но комната и небольшое помещение перед лестничным подъемом к парапету крепостной стены демонстрируют другую схему плана. Кроме того, в северной, узкой, части располагался своего рода дворик, через который освещались некоторые поме-

[1] В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 88.

[2] А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента. Труды Института истории и археологии АН Узб. ССР, Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, 1948, стр. 82. В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-Тепе близ Ташкента по данным работ 1940 г. Труды Института истории и археологии, т. I, Ташкент, 1948, стр. 135.

[1] Такой тип оформления смыкания перпендикулярных сводов уже известен в Аяз-Кала № 1 (В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма, стр. 98).

щения (в частности, внутристенный пандусный подъем к парапету восточной крепостной стены).

Очень своеобразно решена структура оборонительных сооружений. Обычно в Средней Азии VI—VIII вв. оборона феодальных замков опиралась на три основные компонента: платформу, крепостные стены и башни. Последние обеспечивали фланговую защиту. В замке Калаи-Боло в VI—VIII вв. башен не было, а фланговую защиту наиболее ответственных мест должны были обеспечивать уступы в стенах. С этой же целью продумана система входов и местоположение замка в целом. Замку не случайно была придана сильно вытянутая форма (максимальная ширина 16 м, при длине в 62—65 м), что не находит пока полной аналогии в замково-крепостном строительстве этого времени. Такая форма позволяла наиболее эффективно использовать естественные условия и создать своего рода двойную линию обороны. Как упоминалось ранее, замок перегораживал речной мыс, а коридорно-пандусный подъем на верхнюю площадку крепости начинался не снаружи, а на отгороженном внутреннем дворе. Прорыв в замок, обладавший высокой, более чем десятиметровой монолитной платформой, был возможен только через входы. Овладение первым входом еще не давало больших результатов, так как этот вход выводил на внутренний двор, и чтобы проникнуть в замок, необходимо было штурмовать второй вход. При этом и первый вход, выводивший на внутренний двор, и второй выход, с которого начинался коридорно-пандусный подъем на жилую площадку замка, были защищены и навесным «огнем» крепостной стены, и фланговым «огнем» ее специальных уступов. Таким образом, в замке Калаи-Боло очень оригинально, своеобразно и умело решена задача наиболее эффективного сочетания естественных и искусственных элементов обороне замка, построенного в равнинной местности.

В других синхронных памятниках Исфары мы можем наблюдать иные варианты решения той же задачи. Например, замок Калаи-Кафир на левом берегу р. Исфары (ныне земли колхоза им. В. И. Ленина) построен на высоком и труднодоступном скалистом останце, что позволило отказаться от искусственной платформы. Но возможность прямого прорыва заставила усилить непосредственную оборону тремя мощными прямоугольными башнями.[1]

Маленькая крепость на другом берегу Исфары представляет собой третий вариант решения той же задачи. Небольшой размер и форма верхней площадки скалистого останца не позволяли, как в Калаи-Кафир, соорудить выносные башни. Поэтому края площадки были обведены здесь крепостными стенами, а жилая башня оторвана от крепостных стен и поставлена в середине площадки. Такая планировка также создавала двойную линию обороны.

Таким образом, замково-крепостное строительство Исфары показывает в целом чрезвычайно умелое и каждый раз творческое применение сложившихся фортификационных и строительных приемов своего времени к конкретным естественным условиям.

Крепость Калаи-Боло оставалась резиденцией правителя района, вероятно, вплоть до IX в. Материалы, которые можно было бы отнести к X в., в крепости отсутствуют, а в XI—XII вв. в замке уже были произведены крупные строительные работы (первый этап третьего периода). Следовательно, если жизнь в крепости в IX в. еще продолжалась, то в X в. она фактически прекратилась. Показательно, что при осмотре поселений на скалах и наземных поселений так называемой саманидской керамики не выявлено.

Кратковременность запустения замка Калаи-Боло, сам характер разрушений и последующей перестройки говорят о том, что причины этого лежат не в области социально-экономических отношений. Район в целом отнюдь не переживал экономического упадка.

Об этом свидетельствуют и нумизматические находки и данные письменных источников о городах и добыче полезных ископаемых. Следовательно, разрушение коснулось не района в целом, а одной определенной группы памятников — замков местной феодальной знати. Это обстоятельство позволяет предположить, что причины упадка замка Калаи-Боло и других сооружений подобного рода связаны, вероятно, с политическими событиями и являются следствием борьбы Саманидов за централизацию власти.

[1] Это, между прочим, лишний раз подтверждает тот факт, что при других условиях от башен отказывались вполне сознательно.

В процессе этой борьбы отдельные представители местной феодальной знати, проявлявшие сепаратистские тенденции, потерпели поражение, а замки — их оплот — были разрушены. Это объяснение тем более правомочно, что борьба за власть над Исфарой была борьбой за крупные доходы, которые должна была доставлять развитая в этом районе добыча различных полезных ископаемых.

Результаты археологического изучения Исфары дают основание утверждать, что в XI—XII вв. этот район в своем развитии не отставал от центральных областей Средней Азии: горное и строительное дело, городская жизнь и ремесло прогрессировали. Многие населенные пункты, опустевшие в предшествующее время, вновь обживаются.

Обнаруженный при раскопках крепости Калаи-Боло обильный материал, кроме всего прочего, весьма интересен с точки зрения изучения культурных и экономических связей горной долины Исфары с центральными районами Средней Азии. Археологические работы последних лет во всех республиках Средней Азии дали уже такой значительный керамический материал, что появилась возможность характеризовать керамику определенных периодов и говорить о специфике отдельных районов и областей. Керамика крепости-замка Калаи-Боло в этом отношении весьма показательна. Здесь наряду с формами и орнаментацией, типичными (с небольшими модификациями) для всей Средней Азии, встречается посуда более специфическая. В первую очередь мы имеем в виду глазурованные чаши и блюда. Голубое глазурованное покрытие такой посуды применялось во всей Средней Азии. Правда, удельный вес такого рода чаш и блюд среди прочей глазурованной керамики был различен. Они явно главенствуют в северном Хорасане, судя по материалам с территории южной Туркмении, но не являются ведущими для территории Мавераннахра. Материал Калаи-Боло говорит о том, что и в Фергане одноцветные чаши и блюда, покрытые голубой глазурью, не были широко распространены, хотя и употреблялись в быту.

Обилие в мусорных ямах, среди подъемного материала и в раскопочных слоях крепости Калаи-Боло другого типа блюд и чаш — светло-желтой глазури со скупым подглазурным орнаментом в зелено-коричневой гамме (иногда с графитти) — свидетельствует о том, что в Исфаринском районе именно этот тип глазурованной посуды был господствующим. В этом отношении Исфаринский район близок к Усрушане, если судить о ней по керамике X—XII вв. с городища Мунчак-Тепе.[1]

Сравнение с мавераннахрской керамикой по материалам Самарканда и других пунктов убеждает в том, что по цветовой гамме ферганско-усрушанская посуда описанного типа ближе всего к так называемой «мраморовидной». Последняя характеризуется сплошным расплывчатым рисунком в зелено-желто-коричневой гамме с применением граффити. Однако даже и здесь разница значительнее, чем сходство: в мраморовидной керамике довлеет расплывчатый рисунок, а в усрушано-ферганской — светло-желтый фон.

Чрезвычайный интерес представляет строительное искусство этого времени.

Основными строительными материалами по-прежнему оставались сырцовый кирпич и пахса. Но известное значение имел и обожженный кирпич. Обнаружен он был в двух местах: в замке Калаи-Боло и в поселении на окраине кишлака Навгулем. В обоих случаях размер его одинаков: 28—30×14—15×3.5—4 см. Такой же прямоугольный кирпич в это время употреблялся в других пунктах Ленинабадской области и, вероятно, во всей Фергане. С появлением этого жженого кирпича связано употребление ганча в качестве строительного раствора: такие ганчевые промазки были в большом количестве обнаружены при раскопках замка Калаи-Боло. Сопоставление различных данных привело нас к убеждению, что жженый кирпич в замке Калаи-Боло XI—XII вв. употреблялся только для облицовок.[2]

[1] К сожалению, керамика городища Мунчак-Тепе еще не опубликована и даже кратко не описана. Мы познакомились с ней на выставке в Государственном Эрмитаже (в 1953 г.).

[2] Облицовка сырцовых кладок жженым кирпичом была, видимо, в это время довольно распространенным приемом. В качестве примеров можно упомянуть столь разные по назначению постройки, как Рабати-малик XI в. и дворец хуттальского правителя XI—XII вв. в Хульбуке (кишлак Курбан-Шаид, близ Колхозабада Таджикской ССР). Последний был частично раскопан в 1953 г. Хуттальским отрядом ТАЭ.

Характеризуя средневековую строительную технику западных, центральных и восточных районов Средней Азии, В. Л. Воронина отмечала, что «повсюду встречается одна и та же общая особенность — измельчение модуля строительных материалов».[1] Это правило имеет, однако, исключения: сырцовый кирпич XI—XII вв. в крепости Калаи-Боло, как указывалось, сохранил тот же размер, что и в VI—VIII вв., — 52×26×10 см.

Такой пример длительного сохранения на протяжении V—XII вв. одного формата кирпича находит аналогию в хорезмийском материале, где для некоторых средневековых построек изготовлялся кирпич античного размера.[2]

С точки зрения характеристики строительного искусства в Исфаре XI—XII вв. интерес представляет только жилой комплекс на верхней площадке платформы, отстроенный в XI—XII вв. заново, тогда как все остальные компоненты постройки остались от замка VI—VIII вв.

Планировка жилого комплекса XI—XII вв. является дальнейшим развитием той планировочной схемы, которая сложилась в VI—VIII вв. Она получила довольно широкое распространение в некоторых областях Средней Азии и характеризуется тем, что комнаты располагаются параллельно и последовательно соединяются друг с другом вдоль торцовой стены.

План жилого комплекса XI—XII вв. также дает ряды параллельных комнат и в этом отношении повторяет планировочную схему VI—VIII вв. Однако вместо последовательного соединения комнат друг с другом, они, наоборот, изолированы друг от друга и все выходят в общий коридор.

Изменение планировочной схемы в XI—XII вв. продиктовано было, очевидно, проблемой освещения жилых и хозяйственных комнат. Освещение сводчатых помещений при планировочной схеме VI—VIII вв. представляет значительные трудности. Проемы в стенах как источник освещения при этой планировочной схеме почти исключены, так как торцовые стены параллельных комнат одновременно обычно являются и крепостными стенами. Так, во всяком случае, было в замке на горе Муг и в замке Калаи-Боло. Выделение коридора сразу решало эту проблему. Коридор превращался в своего рода световой дворик, а торцовая стена каждой параллельной комнаты с проходом в этот коридор становилась источником освещения. Освещение каждой комнаты при таких условиях могло осуществляться прямо через входной проем. В замке Калаи-Боло XI—XII вв. было обнаружено плоское оконное стекло, которое должно было вставляться в раму, следовательно, световой проем в данном конкретном случае делался над дверью или прямо в дверном полотне.

Итак, основная планировочная схема жилого комплекса XI—XII вв. замка Калаи-Боло восходит к планировочной схеме жилого комплекса VI—VIII вв. и является дальнейшим творческим развитием последней. К этому следует добавить, что в замке Калаи-Боло основной метод параллельной группировки комнат и в VI—VIII вв. и в XI—XII вв. был дополнен отдельными по-другому спланированными помещениями.

С точки зрения конструктивной строительство XI—XII вв. при одинаковом стандарте кирпича полностью повторило приемы VI—VIII вв. Параллельные комнаты XI—XII вв. были перекрыты кирпичными сводами, выложенными по системе наклонных отрезков. Единственное, пожалуй, отличие заключается в том, что угол наклона в сводах XI—XII вв. значительно больше (до 45°). Возможно, что это результат частичной деформации, ибо при этой конструкции более рациональным считается значительно меньший угол (до 30°).

Следует отметить еще один момент. В XI—XII вв. безбашенная крепостная структура замка Калаи-Боло была изменена пристройкой двух прямоугольных башен для фланговой обороны восточного фаса замка. На первый взгляд здесь разрыв традиции и принципиально другое решение одной из ответственных задач крепостного строительства. Но если вспомнить, что решение задачи фланговой обороны в замке Калаи-Боло VI—VIII вв. пока является своеобразным и единственным, а вообще в замково-крепостном строительстве VI—VIII вв. башни были обычным компонентом, — сооружение башен в замке Калаи-Боло уже не будет казаться нарушением традиции. Между прочим, в самой Исфаре в VI—VIII вв. башенная система обороны также была известна (ср. Калаи-Кафир). Следовательно, и этот момент не противоречит общему выводу о том, что все строительные, конструктивно-планировочные приемы замка Калаи-Боло XI—XII вв. восходят к таковым же VI—VIII вв. На это обстоятельство, а именно на то, что генезис ряда архитектурных форм лежит в пределах так называемой домусульманской эпохи, историки архитектуры неоднократно обращали внимание.[1]

Однако ни один из известных сейчас и детально описанных в литературе памятников XI—XII вв. не воплотил с такой полнотой все приемы монументального замкового строительства VI—VIII вв., как замок Калаи-Боло. Такая преемственность, то просто повторяющая строительные нормы VI—VIII вв., то творчески их развивающая, особенно ярко выступает при сравнении с временем кризиса рабовладельческого общества, прервавшего прямую преемственность в развитии строительных приемов.

Внутри третьего периода характерно отсутствие материалов XIII и особенно XV вв. Это немаловажный факт для характеристики экономического и политического состояния отдельных районов Ферганы в тимуридское время. Советские историки за последнее время накопили ряд фактов, свидетельствующих против установившейся точки зрения на тимуридское время как период блестящего расцвета. За внешним и искусственно созданным блеском нескольких центров тимуридского государства скрывается тяжелое экономическое состояние целых районов и областей. Картина запустения, отмеченная для замка Калаи-Боло, характерна для всех других памятников Исфаринского района. Это новый и совершенно конкретный пример известного временного упадка и запустения в XV в. целой и значительной культурной области. Представляется, что вызвано это было как общими социально-экономическими (расцвет суюргальной системы и налоговый гнет) и политическими (междоусобные войны) условиями, так и какими-то частными причинами.

Материалы XIV и XVI вв., собранные в крепости, свидетельствуют о том, что в это время она все еще оставалась резиденцией крупного феодала, в быту которого употреблялись первоклассные произведения городского ремесла. Ремонты и частные перестройки в жилом комплексе на протяжении этих столетий не дали ничего нового в отношении строительного искусства среднеазиатского средневековья. Лишь крепостная стена, футляром охватившая замок и построенная, видимо, еще позже, является свидетелем новых попыток усилить обороноспособность замка, результаты которых нельзя, однако, считать самым удачным решением поставленной задачи.

---

[1] В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии, стр. 15.

[2] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1950 г. СА, XVIII, М., 1953, стр. 314.

[1] Г. Пугаченкова и Л. Ремпель. Бухара (Узбекистан). М., 1949, стр. 14.

t.me/archeotajik

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА (1951—1953 гг.)

Исследование городища древнего Пенджикента занимает большое место в работах Таджикской археологической экспедиции. Организатор экспедиции и бессменный ее руководитель вплоть до своей кончины в 1953 г. А. Ю. Якубовский придавал справедливо очень большое значение изучению этого памятника, видя в нем первостепенной важности источник материалов для решения важных историко-культурных проблем прошлого народов Средней Азии и в первую очередь таджиков. Благодаря его усилиям начиная с 1947 г. городище является пунктом многолетних стационарных археологических раскопок, с ежегодным производством работ в сравнительно крупном масштабе.

В условиях среднеазиатской археологической практики такая систематичность в исследовании одного объекта — явление относительно редкое. В целом нельзя не признать, что полученные научные результаты бесспорно оправдывают затрату больших сил и средств на изучение Пенджикента. Полученные при раскопках этого городища материалы приобретают интерес, далеко выходящий за узко локальные границы района, в котором расположен наш памятник. Именно такое, бесспорно, общесреднеазиатское значение имеют открываемые здесь замечательные памятники архитектуры. Еще большее значение имеют образцы изобразительного искусства. Вместе с памятниками искусства, открытыми в ряде других пунктов Средней Азии (Варахша, Термез, Топрак-Кала, Ниса), пенджикентская живопись и скульптура, несомненно, займут видное место в истории искусства стран Востока.

Отчеты о работах прошлых лет и целый ряд статей и заметок, появившихся в печати за последние годы, достаточно полно познакомили научную общественность с общим характером городища Пенджикент.[1] В данном отчете поэтому достаточно напомнить лишь о том, что городище это расположено вблизи одноименного современного города Пенджикента Ленинабадской области и что оно представляет собой сложный, комплексный памятник, состоящий из цитадели (кухендиза), собственно города (шахристана), пригородного поселения (рабада), и современного им некрополя (рис. 1). Работами отчетных трех лет вполне подтверждена установленная датировка городища: период его расцвета относится ко времени до арабского завоевания (VI—VII вв.), а события, связанные с нашествием арабов, были причиной его разрушения. В отчетные годы, однако, выявлены материалы, свидетельствующие о том, что и после прихода его в упадок жилые здания были использованы для жилья более или менее случайными обитателями.

В отчетные годы работы велись только на шахристане и в рабаде.[2] На цитадели и на некрополе раскопки не производились. Если некрополь можно считать исследован-

[1] Библиографию опубликованных работ см. в настоящем томе, стр. 388.

[2] Отчет о работах в рабаде публикуется в настоящем томе, стр. 155.

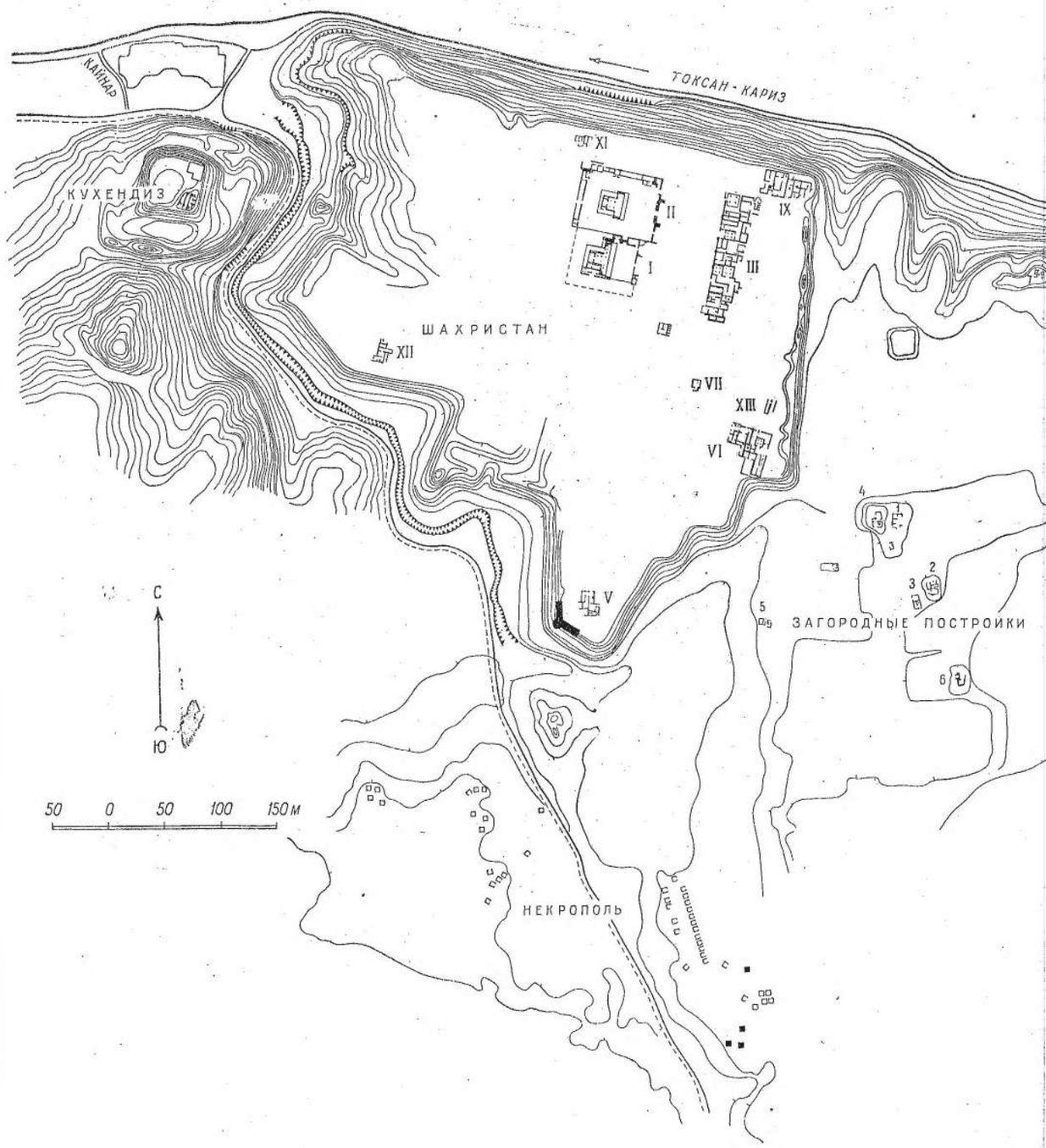


Рис. 1. Древний Пенджикент. План городища.

ным в достаточной мере удовлетворительно в предшествующие годы,[1] то этого нельзя сказать относительно цитадели. Проведенные здесь раскопки в течение одного сезона (1947 г.) в дальнейшем не были продолжены. Несмотря на определенные трудности, с которыми сопряжены раскопки в этом пункте, они, несомненно, должны быть возобновлены.

Рельеф поверхности шахристана говорит о том, что город был застроен в основном крупными строительными массивами. Каждый вскрываемый самостоятельный массив обозначается как отдельный объект раскопок. В течение отчетных трех лет раскопочные работы производились на пяти объектах, расположенных в восточной части шахристана. Из них два объекта раскапывались и до 1951 г., на трех остальных работы начаты в отчетный период.

Раскопками на шахристане вскрываются строительные массивы, представляющие в первую очередь интерес в качестве памятников архитектуры. С этой точки зрения характеристика раскопанных сооружений дается в статье архитектора В. Л. Ворониной.[2] В настоящем отчете основное внимание обращено на суммарную характеристику общего хода раскопок и сделанных при этом археологических открытий и наблюдений.

Раскопки объекта II

Большое место по объему работ на шахристане в отчетные годы занимают раскопки на объекте II. Так обозначен участок городища, на котором расположен второй из отрытых в Пенджикенте храмов (рис. 1). Раскопки производились здесь в 1951 и 1952 гг.

В течение указанных двух лет работы были сконцентрированы на валах ограды, окружавшей двор храма. В результате раскопок вскрыты три стороны ограды — западная, северная и восточная. Южная сторона, смежная для обоих храмов, была вскрыта во время раскопок прошлых лет. Таким образом, сейчас мы имеем достаточно полную картину того, что представляли собой не только главные храмовые сооружения, но и окружавшая двор ограда. Каждая из сторон ограды представляет собой более или менее разнообразную систему построек различных по плану и по назначению. Ниже дается краткое описание каждой из сторон (см. план на стр. 194).

Северная сторона ограды. Не считая крайнего западного углового помещения, северная ограда имеет в длину около 70 м. Здесь вскрыто 7 помещений

Рис. 2. Объект II. Помещения ограды 2 и 3.

разных размеров. Из них три, восточных, связаны проходами с двором храма.

Крайнее восточное помещение, судя по планировке — наличие суфы, ниши для хранения предметов обихода, — было жилым.

Следующее за ним к западу помещение представляет собой длинный сводчатый коридор, разделенный на два отсека поперечной стенкой (рис. 2). При хорошей сохранности южной и торцовых стен, северная оказалась в крайне разрушенном состоя-

[1] Общий отчет о раскопках некрополя см.: МИА, № 37, 1953.

[2] См. настоящий том, стр. 193.

нии. К первоначальной стене были приставлены ремонтная стенка, в большей своей части развалившаяся.

Интересно отметить, что последняя была поставлена прямо на суфу, которая тянется вдоль северной стены. Назначение стенки, разделяющей коридор на отсеки, не совсем ясно. Высота ее несколько больше

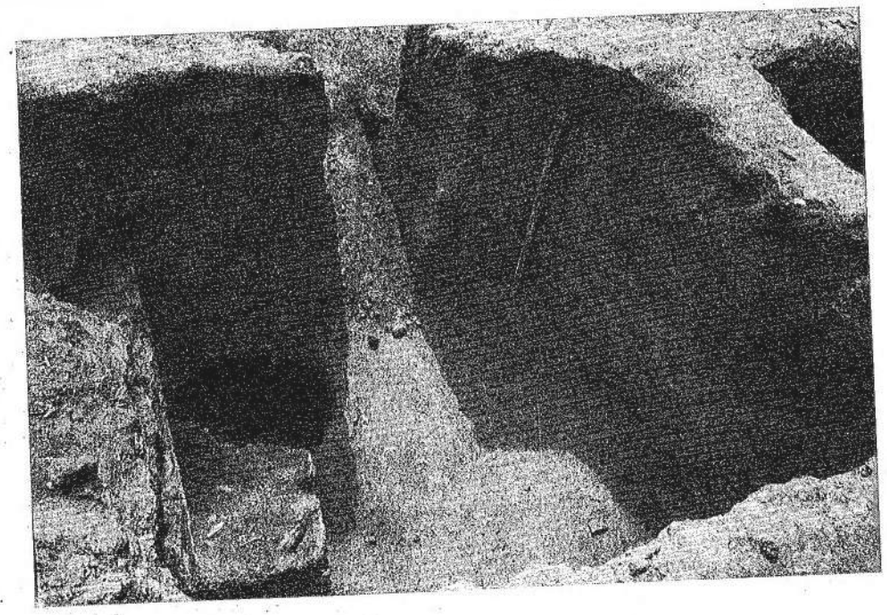


Рис. 3. Объект II. Помещение ограды 4.

метра. Возможно, что это первоначальная ее высота. Стенка эта делает западный отсек глухим, без выхода. Следует предположить, что проникали в отсек по лестнице, приставленной с западной стороны стенки. С восточной стороны в стенке сделана ступенька. Появление стенки, вероятно, следует связывать с возведением северной ремонтной стены. Поэтому западная часть помещения была превращена в кладовую. В восточной части сохранились явные следы обитания.

Так, на торцовой стене (восточной) под слоем натечного лёсса прослеживается неясная роспись. В самом помещении наблюдаются следы длительного разведения огня. Интересно отметить, что очаг обнаружен на восточном краю северной суфы, где, между прочим, найдено большое количество коралловых бусин. В результате обвалившейся обмазки суфы у восточной торцовой стены был обнаружен лаз в тайничок, который был опустошен в древности. Тайник был выкопан под торцовой стеной в грунте. В лазе и самом тайнике были найдены обломки крупного хума, а также небольшое количество бараньих костей. На полу тайника лежал, кроме того, золотой брактеат с изображением волчицы (рис. 33), кормящей двух младенцев.

Помещение 4 небольшое, имеет также выход в сторону двора храма (рис. 3).

Юго-восточный угол помещения занимает обширная яма, края которой аккуратно выложены кирпичом. У восточной стенки выложен из кирпича прилавок. Стена вблизи этого прилавка прокалена и частично закопчена. В северной стене, ближе к восточному краю ее, пробита ниша. Особенность планировки помещения заставляет полагать, что оно было приспособлено для какой-то мастерской (см. ниже, стр. 108).

Следующее помещение (5) оказалось глухим, без выходов.

Последние два помещения (7, 8) этой стороны ограды обращены выходами на север. От двора храма они отделены глухими

стенами. Проходы их ведут в узкий коридор, тянущийся вдоль северной стены. Коридор этот прослежен почти по всей длине последних двух помещений. Небольшие контрольные траншеи, проложенные дальше на восток, дают основание думать, что коридор

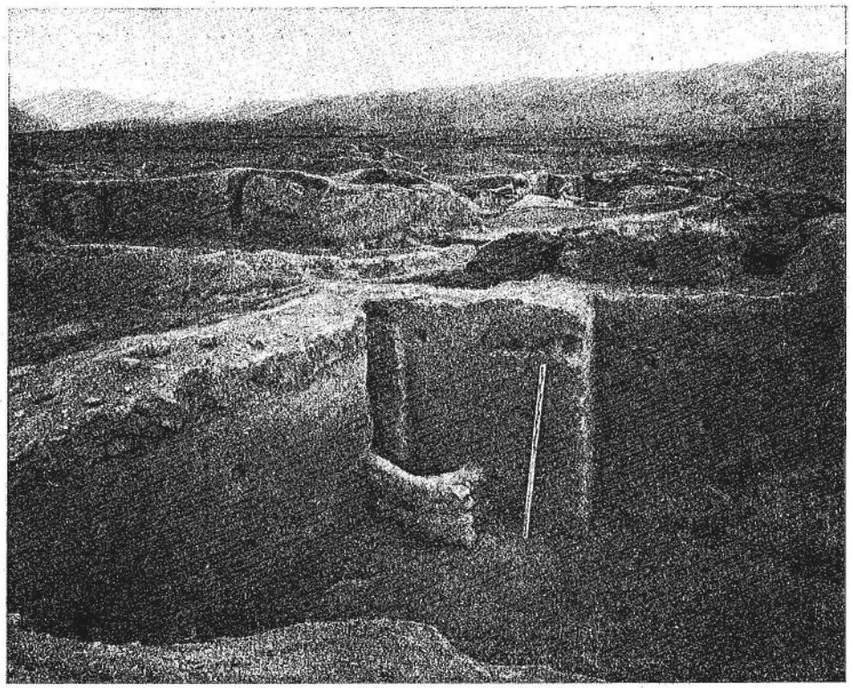


Рис. 4. Объект II. Помещение ограды в юго-восточном углу.

этот тянется вдоль всей северной стены ограды. Обследование пола этого коридора показало, что ниже уровня позднего пола идут стены с прекрасно сохранившейся штукатуркой, которые, видимо, относятся к более раннему строительному горизонту, одновременному аналогичным стенам, обнаруженным ниже полов помещений в северном конце западной ограды (см. ниже).

Открытое на севере угловое помещение завершает комплекс помещений северной ограды и является как бы соединительным звеном между помещениями последней и западной ограды, с которыми оно непосредственно, однако, не связано. Для плана этого помещения характерным является раскреповка южной стены. В юго-восточном углу устроен небольшой закромок, не совсем ясного назначения (рис. 4).

Южный наружный фас стен помещений северной ограды, обращенный в сторону храма, оконтурен не полностью. Зачищена полностью наружная сторона южной стены помещения 1, вдоль которой идет возвышение — суфа. Несколько южнее суфы обнаружена каменная плита, видимо перенесенная сюда из главного зала храма, где она служила в качестве плинта базы колонны (рис. 5). Она находилась выше уровня пола, возможно на искусственном возвышении. Дальше зачистка стен ограды произведена на трех контрольных участках. Стена везде хорошей сохранности, выложена из сырцового кирпича без штукатурки.

По обе стороны входа в помещение 2 вскрыто два полуподвальных (?) помещения, восточное подходит под южную стену помещения 1, западное примыкает к наружному фасу южной стены помещения 2.

В помещениях северной ограды было обна-

ружено много вещественных памятников. Прежде всего следует отметить находки монет, общее число которых превышает 200 экземпляров. В это число входит 129 монет, найденных на сравнительно небольшой площади (около 1 кв. м) в завале помещения 6 представляющих, как можно предположить, остатки клада. Там же найдено двухканальное сопло от горна.

Следует отметить находку фрагментов расписанного красной краской кувшина. Мотив росписи — повторяющаяся ветка гранатового дерева с плодом.

Большой интерес представляет находка фрагментов поливной фляги. Полива зелено-голубоватого оттенка, поташная, характерна для начального периода ее появления в Средней Азии. В помещениях северной

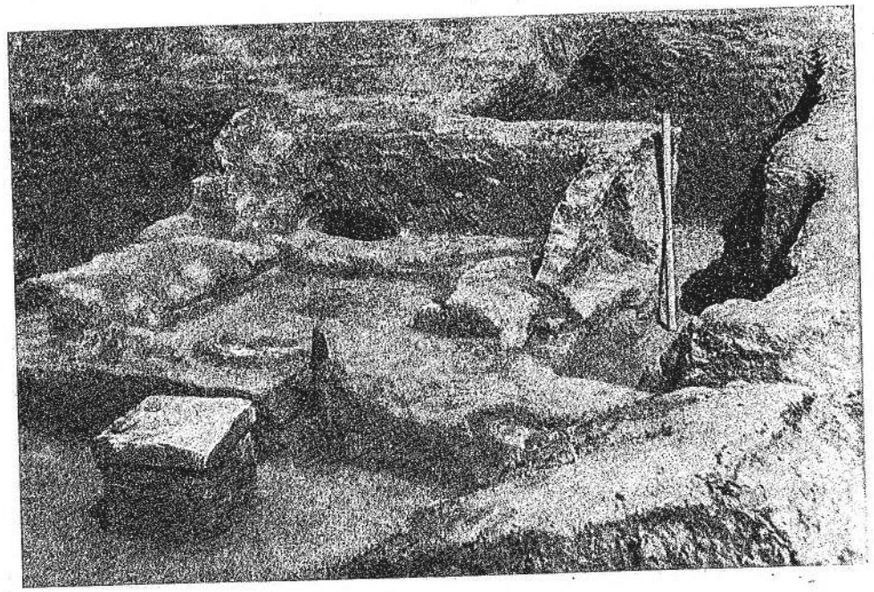


Рис. 5. Объект II. Плинт базы колонны.

Многочисленны и разнообразны находки керамических изделий — особенно много остатков крупных хумов, служивших для хранения продуктов питания, среди которых группа сосудов имеет оттиски различных знаков.

Также много находок столовой посуды — кувшинов, кружек, чаш и кухонной — котелков, сковородок, обычно сделанных вручную.

В этих помещениях обнаружено много цельных мелких сосудов — по преимуществу вазочки и кувшинчики, в которых, по всей вероятности, держали приправы к пище или же косметические вещества. Эти сосуды отличаются часто тщательностью выработки и изяществом формы.

стороны ограды было найдено большое количество железных и медных (бронзовых) изделий. Среди них значительное количество предметов, форма которых сохранилась сравнительно удовлетворительно, хотя большая часть их найдена в сильно фрагментированном состоянии

Часть фрагментированных поделок являются, видимо, или остатками производства или же заготовками для дальнейшей обработки. Находки эти вместе с обнаруженным в помещении 6 соплом от горна свидетельствуют о наличии поблизости металлообрабатывающей мастерской. Помещением для последней, как об этом можно предполагать, судя по планировке, служило, как указывалось, помещение 4 этой ограды.

С мастерской, возможно, следует также связывать и находку упомянутого выше клада монет, подавляющее большинство которых, по определению О. И. Смирновой, было чеканено в Пенджикенте. Иначе говоря, вполне вероятно, что мастерская эта являлась монетным «двором» правителя Пенджикента.

главных храмовых помещений. Обстоятельство это подтверждает лишний раз то, что для храмовых построек это был типический, твердо установленный план.

Стена айвана, внутреннего помещения, а также коридоров были в свое время покрыты росписью, от которой сохранились лишь небольшие остатки с орнаментальным

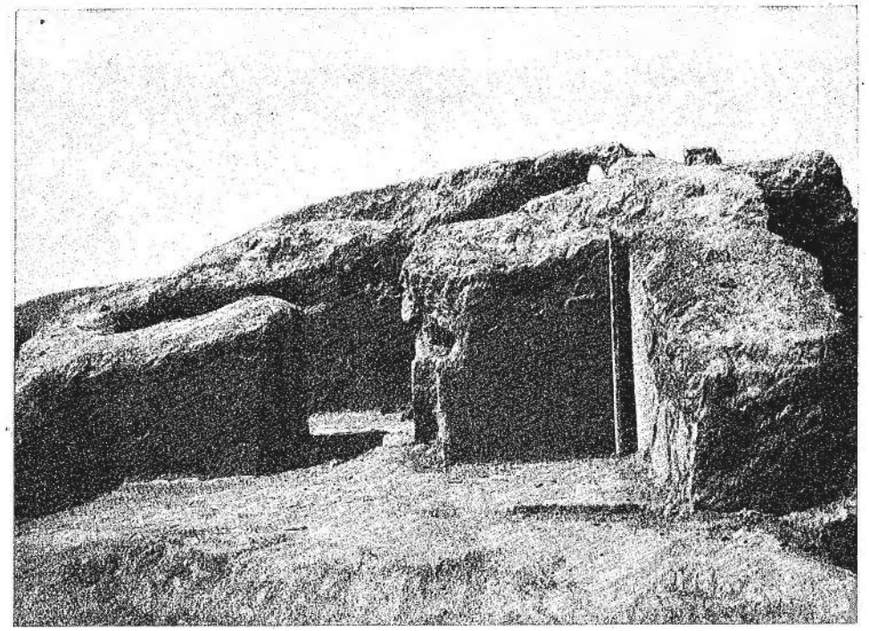


Рис. 6. Объект II. Помещения ограды в северо-западном углу.

Западная сторона ограды. Общий план построек западной стороны ограды достаточно четкий. Она имеет несколько более 60 м в длину. Из открытых здесь помещений центральное имело, по-видимому, хозяйственное назначение, занимало в длину 30 м, остальные помещения — небольшие по размерам.

В архитектурном отношении весьма интересным оказался угловой участок ограды (рис. 6). Здесь на возвышенной платформе, на которую вел пологий пандус, оказалась группа связанных единым планом помещений: айван с внутренним помещением и тремя окружающими их с юга, востока и севера коридорами. План этих небольших по размерам помещений повторяет планы

мотивом. Небезынтересно отметить, что и найденные здесь предметы аналогичны находкам в главных храмовых помещениях. Здесь были найдены, например, крупные бусины из полудрагоценных камней и колокольчик.

Так же, как и в главных помещениях, платформа и здесь представляет остатки более древнего здания. От последнего в коридорах были прослежены ниже уровня пола верхние части стен с очень хорошо сохранившейся штукатуркой.

Далее идет вытянутое в длину помещение, занимающее большую часть ограды (рис. 7). Оно делится широким сквозным проходом в центре обеих стен на две почти одинаковые половины. На полу помещения в отдельных

местах сохранилась булыжная вымостка. Возможно, что это остатки когда-то сплошного замощения. Помещение это, по всей вероятности, было чем-то вроде сарая или, как полагает В. Л. Воронина, конюшни. Действительно, на некоторых участках установлено наличие слоя перегноя органических остатков. Находки здесь ограничены фрагментами керамических изделий и некоторым количеством железных предметов.

На южном конце ограды расположены две почти одинаковых по размерам комнаты (4.5×2.5 и 3.5×3.5 м), обращенные проходами в сторону храма. В центре западной стены одной из комнат имелась высокая ниша, предназначенная, вероятно, для помещения скульптуры. Очевидно, комната эта служила чем-то вроде прихрамовой часовенки и имела культовое назначение.

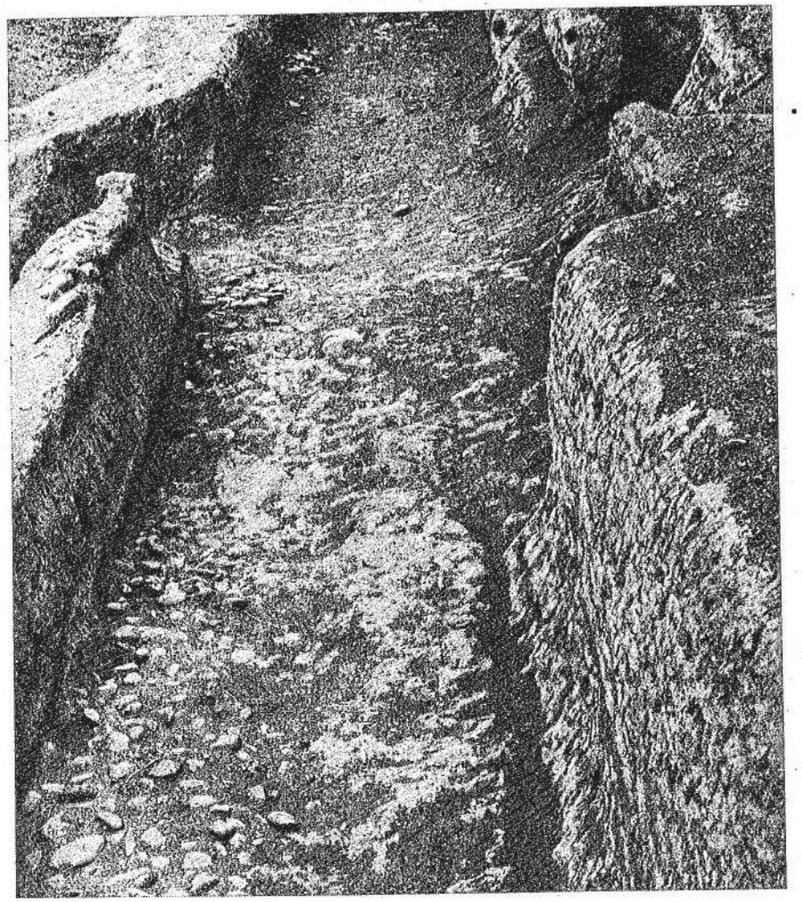


Рис. 7. Объект II. Коридор в западной части ограды.

В крайнем южном помещении стены были покрыты простой глиняной штукатуркой. По всей вероятности, оно было предназначено для жилья. В юго-восточном углу в завале (на высоте около 1 м) здесь найдены крайне плохо сохранившиеся остатки торса (от плеч до пояса) скульптурной фигуры, вылепленной из глины. Лепка производилась на основе из связок прутьев или тростника, которые полностью истлели. Глиняная оболочка сильно разрушилась. Судя по небольшим остаткам краски, скульптура была в свое время окрашена. Размеры глиняного торса следующие: ширина у плеч — 34 см, у пояса — 27, высота — 47 см. Найдено в этом помещении также значительное количество фрагментов керамики, в том числе и крупных хумов, подтверждающих жилое или хозяйственное его назначение.

Восточная сторона ограды. При исследовании соседнего храма (об. I) было установлено, что восточная ограда являлась для храма фасадной стороной и имела соответствующее оформление. В парадном виде предстала в результате раскопок также и восточная сторона ограды второго храма. Ограда была исследована как со стороны внутреннего фаса, так и с внешней стороны, обращенной наружу. Во двор храма вели трое ворот: одни в центре, двое других на северном и южном концах стены. Вдоль внутреннего фаса стены ограды по обе стороны от проема средних ворот тянется хорошо сложенная суфа — длиной 22 м. С наружной стороны центральная часть стены ограды также по обе стороны от ворот была архитектурно оформлена в виде айвана.

В проеме главных ворот была обнаружена вторая каменная плита, аналогичная плите, которая была найдена на дворе храма, вблизи первого помещения северной ограды. Плита лежала на полу, как бы брошенная здесь при переноске ее из другого места. Несомненно, и эта плита некогда находилась в главном помещении храма, где обе служили плинтами баз колонн. Действительно, при раскопках этого зала на месте была обнаружена лишь одна разбитая плита от базы колонны, остальных плит не оказалось.

Наиболее важным открытием, сделанным при раскопках восточной ограды являются остатки глиняной скульптуры. Они были найдены в виде разной величины фрагментов различных скульптурных фигур в толще завала и на полу, а также в виде скульптурной панели у стены айвана. Общая характеристика найденной скульптуры будет дана ниже. Здесь следует лишь отметить, что хотя найденные в завале фрагменты в основном являются частью скульптурного убранства айвана, тем не менее не исключена возможность того, что здесь оказались некоторые остатки скульптуры, находившейся ранее в зале храма, которые были сюда перенесены или выброшены, как это случилось и с базами колонн. Состояние, в котором были обнаружены скульптурные остатки, свидетельствуют о том, что они подверглись, по-видимому, сознательному разрушению. В этом отношении характерно то, что ни у одной из скульптурных фигур не оказалось головы. Многие из кусков скульптуры кажутся также намеренно раздавленными.

В айване скульптура сочеталась с живописью. Остатки ее были обнаружены на западной и северной стенах северного крыла айвана в виде крупного фрагмента живописного орнаментального фриза.

В северном крыле айвана вдоль западной стены идет суфа сравнительно хорошей сохранности. В южном крыле суфа прослеживается слабее. На расстоянии 0.60 м от западной стены обнаружен ряд глубоких ямок-гнезд от столбиков, по всей вероятности от деревянной оградки, которая предохраняла скульптурную панель. Совершенно очевидно, что перекрытие айвана было плоским и покоилось на колоннах, вероятно деревянных. Однако следов их и вообще дерева здесь не было обнаружено.

Раскопками оград второго храма заканчивается определенный этап исследования храмов в целом. Однако считать работы на данных объектах завершенными нельзя. В частности, почти вся обширная поверхность дворов обоих храмов осталась не изученной. Остался и ряд других деталей архитектуры храмовых сооружений, требующих дальнейшего исследования. Тем не менее произведенными работами первичная задача выполнена — общий архитектурный облик обоих храмов следует признать выясненным в достаточной степени отчетливо.

Результаты проведенных работ показывают, что оба храмовых здания являются однотипными архитектурными комплексами. В отчете о раскопках пенджикентских храмов, напечатанном в предшествующем томе трудов ТАЭ, было подчеркнуто то обстоятельство, что по своему плану они не имеют близких параллелей и что лишь в некоторых храмовых сооружениях Восточного Туркестана мы находим отдельные схожие с ними черты.[1]

---

[1] А. М. Беленицкий. Раскопки здания № 1 на шахристане Пянджикента, МИА, № 15, 1950, стр. 104; А. М. Беленицкий. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. МИА, № 37, стр. 58.

В настоящее время благодаря археологическим работам последних лет положение изменилось. Обнаружены новые архитектурные памятники, имеющие много общего с храмовой архитектурой Пенджикента.

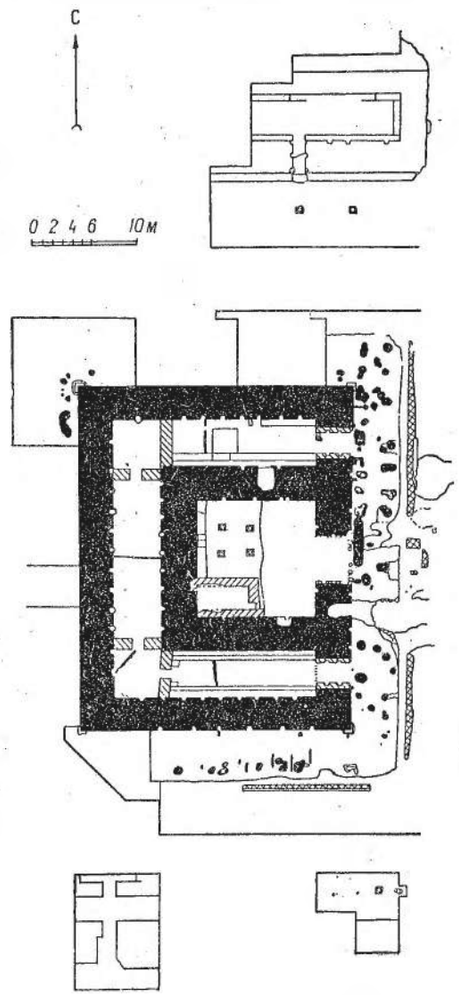


Рис. 8. Сурх-Коталь. План храма.

Имею в виду прежде всего открытие в 1953 г. Киргизской археологической экспедицией АН СССР при раскопках городища Ак-Пешин (руководитель Л. Р. Кызласов) крупного храмового сооружения, предварительные сообщения о котором свидетельствуют о несомненной близости его архитектуры с пенджикентскими храмами. К сожалению, более конкретные сопоставления их из-за отсутствия соответствующих публикаций пока невозможны.

Большое значение для выяснения генезиса архитектуры храмов Пенджикента имеют результаты раскопок храма в Сурх-Котале вблизи Кундуза на территории северного Афганистана, произведенные в 1951 г. французским археологом Шлюмберже.[1] Храм этот, принадлежал к более раннему, чем пенджикентские храмы, времени, но по ряду важных признаков может, по-видимому, рассматриваться в качестве определенного их прообраза. Прежде всего обращает на себя внимание то, что общая планировка комплекса сооружений в Сурх-Котале почти совпадает с пенджикентским (рис. 8). Храм этот состоит из обширного двора, окруженного со всех сторон оградой, в центре которого находится святилище. Как показывают частичные раскопки ограды, она, так же как и ограды пенджикентских храмов, состояла из различных помещений.

Само святилище расположено на террасе — цоколе, сложенном из крупного сырцового кирпича.[2] Из такого же материала построены стены святилища. Оно подверглось перестройке, но как выяснено, в первоначальном виде представляло собой крупный четырехколонный квадратный зал, с трех сторон окруженный (исключая восточную) обходным коридором. Фасад с тремя проходами был обращен на восток. Характерно, что впоследствие при перестройках в коридорах появились перегородки, разделившие обходный коридор на отдельные помещения. По общей архитектурной схеме, таким образом, Сурх-Котальский храм должен быть признан, несомненно, очень близким к храмам Пенджикента. Одновременно нельзя не отметить и определенных отличий, которые также явно выступают при сравнении храмов Пенджикента с храмом Сурх-Коталя, но эти различия вполне закономерны, учитывая разницу во времени между этими сооружениями. Храм Сурх-Коталя датируется по находкам монет временем великих кушанов, т. е. I—II вв. н. э.

Что касается культовой принадлежности храма в Сурх-Котале, то Шлюмберже, вопреки обычной тенденции французских исследователей афганских древностей, стремящихся видеть лишь памятники эллинистического или буддийского происхождения, очень определенно утверждает, что это храм не буддийский и не греческого типа, а принадлежит местному культу. Для более определенного суждения об этом культе, к сожалению, добытый пока материал явно недостаточен. Две каменные скульптурные фигуры, найденные во время раскопок, очень сильно испорчены и к тому же их первоначальное местоположение не известно. Тем не менее руководитель раскопок в Сурх-Котале нашел возможным высказаться в пользу того, что храм был посвящен культу Анахиты, имел пирей и что в качестве его прообраза могут служить культовые сооружения западного Ирана (Сузы, Персеполь и др.) ахеменидского и парфянского времени. Нам представляется, что для этих предположений нет обоснованных данных. Шлюмберже вполне правильно отказавшись от интерпретации этих памятников как греко-буддийских, однако не устоял перед другим искушением — отнести их к ирано-ахеменидским. Более вероятно полагать, что в данном случае перед нами образец местного зодчества, имевшего свою собственную традицию. Эта традиция впоследствии нашла свое выражение в пенджикентских храмах, в храме Ак-Пешин и далее в буддийских сооружениях Восточного Туркестана. Что касается культов, которые представлены указанными разновременными сооружениями, то они, видимо, были различными. Но этот вопрос требует своего дальнейшего изучения. При этом следует иметь в виду, что культовые различия, не всегда сопровождаются коренными отличиями в храмовом зодчестве. Как это хорошо известно, при смене одних культов другими, старые храмовые здания часто с легкостью приспосабливались к требованиям нового культа.

[1] D. Schlumberger. Le temple de Sourkh Kotal en Bactriane. Journal Asiatique, CCXI, 1952, стр. 433 и др.

[2] Размеры не указаны.

Раскопки объекта III

Объект этот, представляющий собой обширный строительный массив, расположенный к востоку от храмов и параллельно восточному валу городской стены, раскапывается, начиная с 1949 г.[1] Однако, несмотря на длительный срок раскопок, исследование этого объекта еще далеко от своего завершения. Окончательно нельзя считать выясненным и общий характер этого большого строительного комплекса. А. Ю. Якубовский полагал, что он представлял собой дворец правителей Пенджикента.[1] Однако В. Л. Воронина считает, что в раскопанной части массива могут быть прослежены отдельные изолированные «секции» или самостоятельные группы помещений («квартиры») и что, следовательно, в совокупности объект этот представлял собой городской квартал.[2] Нам представляется, что на данном этапе исследования вопрос этот окончательно не может быть разрешен. Для понимания природы всего комплекса необходимо раскрытие его восточного главного фасада, что в отчетные годы по ряду технических причин осуществить не удалось.[3]

Пока можно лишь констатировать, что структура этого комплекса отличается большой сложностью. Так, прежде всего, если сравнить северную половину строительного массива с южной, может быть установлено вполне определенное различие в характере их планировки. Различие заключается в следующем. Раскопанные помещения южной части массива по нижнему этажу являются почти исключительно сводчатыми помещениями. В то же время северная часть массива характеризуется (также по нижнему этажу) наличием двух четко отличающихся между собой типов помещений. Первый тип — это залы с плоским перекрытием, на четырех колоннах, а другой — это узкие помещения, близкие к коридорам, перекрытые сводами. По своему назначению квадратные залы представляют собой ярко выраженный тип парадных помещений, хорошо приспособленных для пиршества и других собраний с участием большого количества людей. Об этом особо выразительно говорят идущие вдоль всех стен суфы-скамьи.

Непосредственно связанные с этими залами сводчатые помещения имели вспомогательное назначение и служили в качестве

[1] О раскопанной части этого массива вплоть до 1951 г. включительно см.: В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пянджикента. МИА, № 37, стр. 105 и др.

[1] А. Ю. Якубовский. Древний Пенджикент. Сб. «По следам древних культур». М., 1951, стр. 258.

[2] В. Л. Воронина, ук. соч., стр. 106.

[3] Раскопками 1955 г. был вскрыт участок восточного фасада в северной части объекта, при этом оказалось, что фасад был оформлен в виде айвана.

коридоров. Однако, помимо них, раскопан ряд сводчатых помещений, независимых от парадных зал. Эти помещения, как правило, характеризуются крайней невыразительностью внутренней планировки, лишены каких-либо приспособлений, которые свидетельствовали бы об их бытовом использовании. Обычно на полу таких помещений

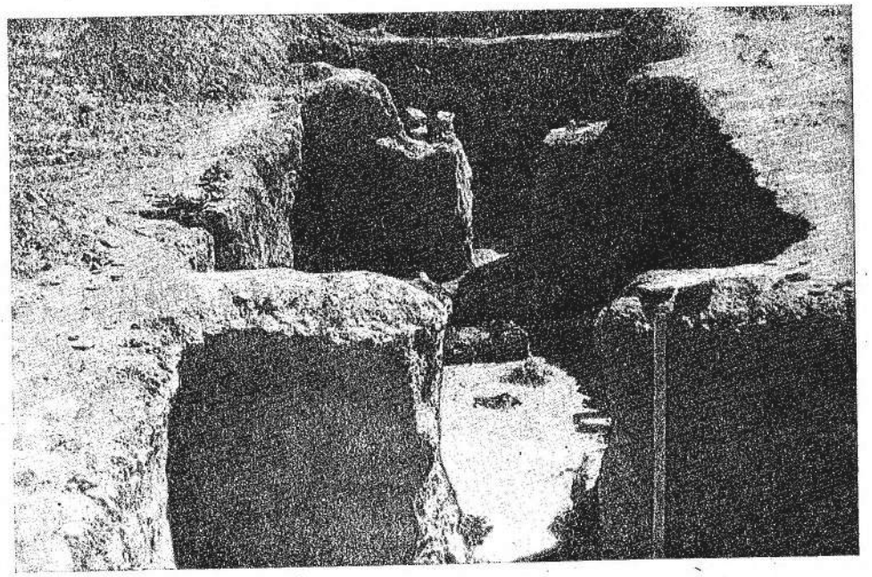


Рис. 9. Объект III. Помещения 12 и 12а.

находок бывает очень мало. Зажатые между другими помещениями, они лишены доступа дневного света и кажутся мало пригодными для жилья, хотя, естественно, могли быть использованы в качестве хозяйственных помещений типа кладовых и т. п. Наблюдения отчетных лет, как мне кажется, свидетельствуют о том, что эти комнаты в структуре всего жилого комплекса служили как бы фундаментом для помещений второго этажа. Что касается этих последних, то именно они, очевидно, являлись местом постоянного пребывания и повседневных занятий для обитателей дома. О большой роли в бытовом отношении помещений второго этажа, как мы увидим, наглядно свидетельствуют открытые остатки их на объекте VI. Вместе с тем и на объекте III, где в целом от помещений второго этажа остались значительно менее выразительные остатки, мы имеем достаточно убедительные доказательства их значения. Так, прежде всего необходимо отметить, что на раскопанном участке объекта III вскрыто четыре пандуса для подъема на второй этаж. Наличие этих конструктивно весьма сложных сооружений может быть оправдано в том случае, если помещения второго этажа являлись постоянно функционирующей частью жилого комплекса.

Более отчетливыми являются наблюдения, касающиеся назначения крупных зал нижнего этажа.

К этому типу помещений принадлежат раскопанные в отчетные годы в северной части объекта три зала. Первый — помещение 6 — сравнительно небольшой по площади (6.35×6.20 м) повторяет в уменьшенном масштабе ту же планировку, что и раскопанное раньше на этом объекте помещение 7, основным элементом которого является обрамляющая все стены суфа. Она прерывается только в проеме входа, расположенного в южной стене. В средней части северной стены суфа имеет расширение. Характерно, что и в этом помещении, как и в зале 7, следов от колонн не было обнаружено. Отметим, что на этом объекте явные следы колонн в виде гнезд

и остатков самих колонн найдены только в тех помещениях, которые были уничтожены пожарами. В результате этих пожаров кровли помещений рушились и под их завалами сохранились в отдельных случаях обгоревшие остатки от самих колонн. Гнезда от баз колонн прослеживаются очень хорошо. Таким погибшим от пожара помещением был находящийся севернее помещения 6 большой зал 12. По своей общей планировке,

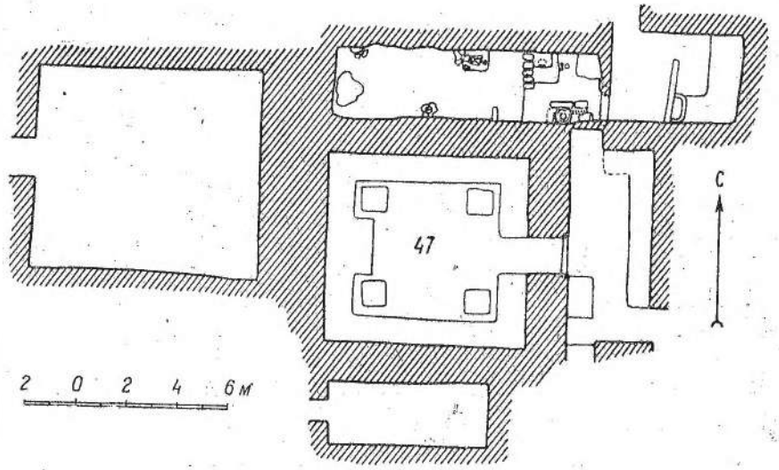


Рис. 10. Объект III. План помещения 47 и мастерской.

помещение это не совпадает с вышеохарактеризованным типом квадратных зал. Здесь мы имеем три помещения, сгруппированные в виде амфилады. Первым является открытый на запад небольшой айван с плоским перекрытием на двух столбах. Вслед за ним идет главное помещение в виде продолговатого зала с четырьмя колоннами. Оно в свою очередь соединено проходом с небольшим сводчатым коридором, имевшим, кроме указанного прохода в зал, другой проход в северной торцовой стенке, который вел в соседние помещения (не раскопанные). Главный интерес в этой группе помещений представляет среднее (рис. 9). Оно имеет в длину 9.5 м при ширине 6.5 м. Погибшее от пожара это помещение сохранило выразительные следы устройства перекрытия. На полу обнаружены в большом количестве обуглившиеся различные деревянные конструкции, а также очень четкие гнезда от баз колонн. Вдоль длинных стен идут прекрасно сохранившиеся суфы. Судя по найденным в завале фрагментам штукатурки со следами красок, стены этого зала были покрыты росписями. В северо-западном и юго-западном углах его обнаружены печи-тандыры, вкопанные в суфы. В связи с данными особенностями в устройстве этого помещения В. Л. Воронина высказала предположение о специальном его назначении, а именно, что оно служило чем-то вроде странноприимного дома для паломников.[1] Однако следует отметить, что в условиях средневековья странноприимные дома (гостиницы, караван-сараи) обычно сочетались с двором для верховых животных, грузов и т. п. Сами помещения, как правило, представляли собой небольшие комнаты, группировавшиеся по периметру двора. Данное же помещение имеет с указанным типом мало общего и в нем следует видеть один из вариантов парадной комнаты, по назначению близкой к квадратным залам.

Весьма ценные материалы получены при исследовании третьего из открытых парадных зал, а именно помещения 47, раскопки которого были начаты в 1952 г. Это — почти правильно-квадратное помещение 7×7 м с одним проходом в восточной стене (рис. 10) Помещение это также было разрушено пожаром. Стены, сложенные из пахсовых блоков, сохранились на высоту в среднем до

[1] В. Л. Воронина, ук. соч., стр. 112.

3.5 м. Они были тщательно оштукатурены двойным слоем обмазки. Когда-то вся их поверхность была покрыта многоцветной росписью, от которой сохранились лишь отдельные пятна на стене. В завале были найдены более или менее крупные куски штукатурки с обгорелой или полуобгорелой краской. По этим остаткам невозможно судить о характере и содержании росписи.

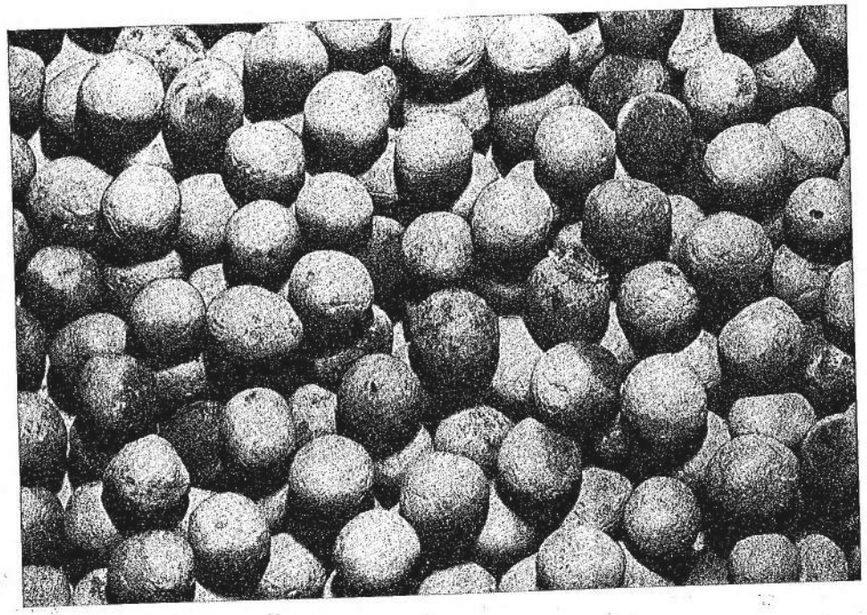


Рис. 11. Объект III. Глиняные шарики.

Лишь в самом низу стен сохранились остатки широкого орнаментального бордюра.

В завале зафиксированы следы пребывания людей в этом помещении уже после его разрушения. Однако надпольный слой оказался ненарушенным позднейшими жильцами. Большой интерес в архитектурном отношении представляют остатки обугливших ся деревянных конструкций упавшего на пол перекрытия.

В 1953 г. при расчистке верхнего слоя обгорелого дерева обнаружены плахи с резьбой.[1] Обуглившаяся поверхность дерева благодаря резьбе оказалась чрезвычайно хрупкой и требовала немедленного закрепления.

К сожалению, полностью исследовать горелое дерево в этом помещении не удалось. Центральная часть зала вместе с открытыми деревянными конструкциями была вновь засыпана.[1] Удалось установить некоторые мотивы узора. Так, на одной деревянной плахе изображен побег вьющегося растения. На другой — дуга арочки с пятилепестковыми розетками.

Пожар в зале произошел, по-видимому, внезапно. В отличие от остальных аналогичных помещений, в которых обычно обнаруживались единичные и часто случайные предметы, здесь найдены многие вещи, имеющие существенное значение для характеристики быта жителей. Например, был обнаружен ряд сосудов для варки пищи, в том числе и целый сосуд, заполненный горохом. Под раздавленными обломками других сосудов найдены просо, бобовые зерна, пшеница, ячмень.

[1] Доклады АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954, стр. 28, рис. 9.

[1] Полностью исследование обуглившегося дерева произведено в 1954 г., при этом обнаружены и остатки деревянной скульптуры.

Было найдено также плоское блюдо с невысокими вертикальными стенками, с лепным рельефным орнаментом на внутренней поверхности.

Интересной находкой в этом зале являются два крупных фрагмента высокой чаши, по верху которой идет сплошной пояс отпечатков штампа с изображением женского лица в фас.

На суфе у входа найдено около 130 шариков, слепленных из глины (диам. 1 см). Возможно, что они служили для гаданья или какой-то игры (рис. 11).

Отмечу также находку хорошо сохранившегося трехгранного небольшого наконечника стрелы.

Проходом в восточной стене зал был соединен с коридором. Последний представляет собой сводчатое помещение с тремя проходами; главный находился в южном конце восточной стены, второй вход — в южной стене и третий — в северной.

Проход в северной стене оказался наглухо замурованным и скрытым штукатуркой. Арка проема была обнаружена лишь потому, что часть штукатурки отпала. Проход этот был замурован в то время, когда помещение находилось еще в полной исправности. Зачем понадобилось закрыть проход, стало понятно, когда в 1953 г. были проведены раскопки участка севернее зала и коридора. На этом участке была открыта металлообрабатывающая мастерская с применением горнов. Устройство этой мастерской и вызвало необходимость изоляции жилых, парадных помещений.

Открытие мастерской представляет значительный интерес и мы позволим себе остановиться на ее устройстве несколько подробнее.

Прежде всего важно само местонахождение мастерской (рис. 10). Она занимала помещение, которым заканчивался с северной стороны весь строительный массив. Дальше идет городская улица, в сторону которой и обращена мастерская. Она состоит из двух помещений, расположенных по одной оси. Западное помещение, значительно большее по площади, было занято непосредственно под мастерскую (рис. 12). Помещение это представляет собой удлиненную комнату 7.0×2.75 со сводчатым перекрытием. Стены, хотя и в очень плохом состоянии, сохранились почти на всю свою первоначальную высоту. Завал, заполнявший помещение, состоял из сильно уплотненной массы кирпичей и наносного лёсса. Надпольный толстый слой (около 0.30 м) на большей части пространства мастерской включал много измельченного угля, который, судя по его уплотненности накоплялся в течение долгого времени. Пол отличается неровностью, большим количеством выбоин и углублений. У северной стены одно углубление оказалось облицованным сверху камнями, часть которых

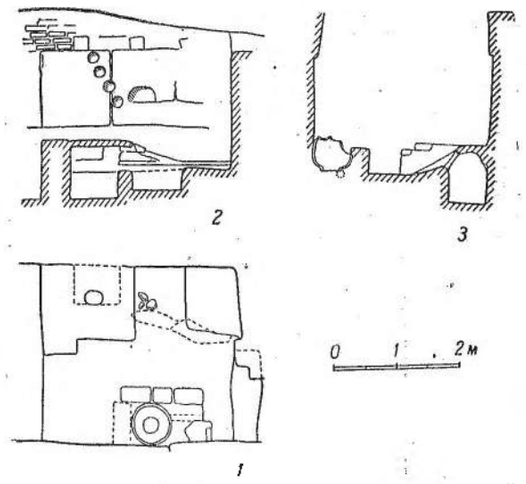


Рис. 12. Объект III. Восточная часть мастерской.
1 — план; 2 — разрез В—З; 3 — разрез С—Ю.

обвалилась внутрь ямки. При этом над каменной выкладкой сохранился небольшой участок глиняной прокаленной обмазки. У противоположной стены находилась вкопанная в землю также обгорелая горловина хума, заполненная золой.

Наибольший интерес в устройстве мастерской представляют остатки двух специальных сооружений, которые были обнаружены в восточной части помещения. Первое из них, расположенное у южной стены, представляет собой невысокую площадку, сложенную из кирпича, на западном конце которой был установлен вниз горловиной большой хум со срезанным дном. На месте сохранилась, правда расколотая, часть тулова, прислоненная к стене. Представляется вполне вероятным, что данный хум, как и упомянутый выше, является остатками от устройства горнов (рис. 13). Назначение второго сооружения, расположенного у противоположной северной стены, менее ясно.

Здесь также сложена площадка, но более высокая, чем первая, в толще которой оставлено прямоугольное в плане углубление,

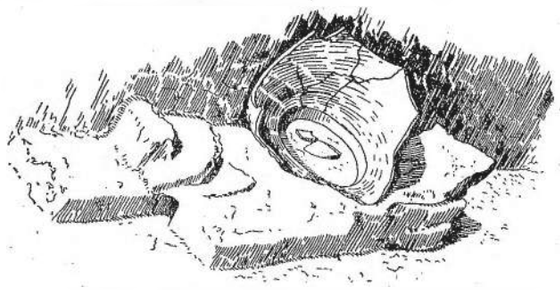


Рис. 14. Объект III. Мастерская. Остатки горна.

идущее до пола помещения (рис. 14). Эта яма, или закромок, была перекрыта уплощенным сводиком, в котором сверху оказалась пробоина. Внутреннее пространство этого сооружения было заполнено рыхлым лёссом и обломками кирпичей. Остальная часть площадки глинобитная с толстыми прослойками измельченного угля, такого же, как и на полу. В северной стене, к которой примыкает это сооружение, над ним, имеются три круглых углубления, идущие наклонно сверху вниз. Назначение их неясно. Очевидно, однако, что в них упирались концы брусьев какого-то сооружения.

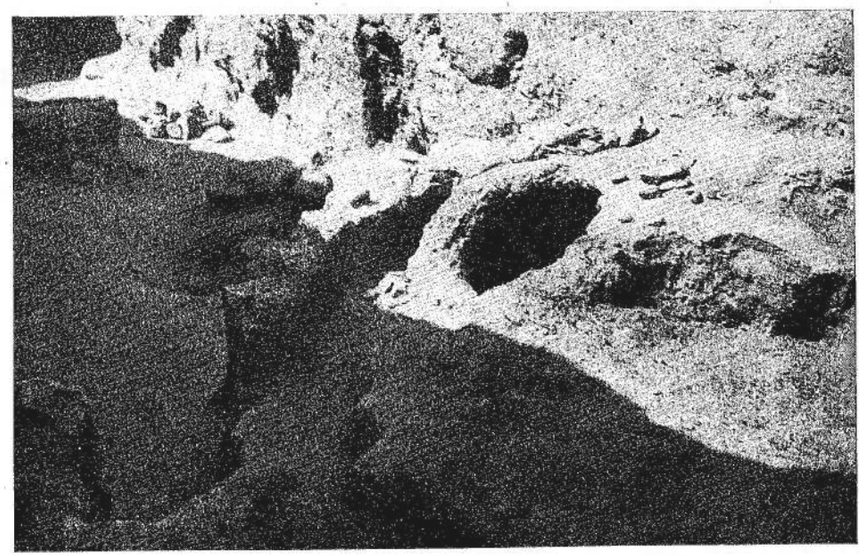


Рис. 14. Объект III. Мастерская. Площадка с углублением.

Не перечисляя всех вещей, которые были найдены в мастерской, отмечу лишь наиболее характерные. Так, из керамических изделий, помимо фрагментов разных сосудов, здесь находились: керамическая круглая дисковидная подставка, очень сильно закопченная, и часть овальной ванночки, совершенно несхожей по форме с обычными керамическими изделиями Пенджикента (рис. 15). Найдено значительное количество поделок из рога, вероятно полуфабрикатов, несколько железных предметов, в том числе спекшиеся обломки стержней.

Особый интерес представляет находка двух двухканальных сопел (рис. 16), отличных по внешней своей форме как друг от друга, так и от вышеупомянутого сопла, обнаруженного в мастерской храма (рис. 17).

Одно из них сильно прокаленое от длительного употребления, причем один рожок обломан в древности. Другое, видимо, еще не было в употреблении.

Здесь были также найдены несколько монет согдийского типа.

Второе помещение мастерской, меньшее по размерам, соединялось проходом с ра-

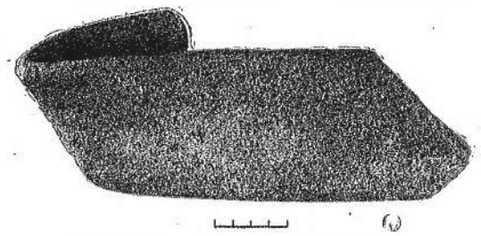


Рис. 15. Объект III. Мастерская. Фрагмент ванночки.

бочим помещением и имело выход наружу. Тонкой стенкой оно было разделено, в свою очередь, на две части. При этом западная

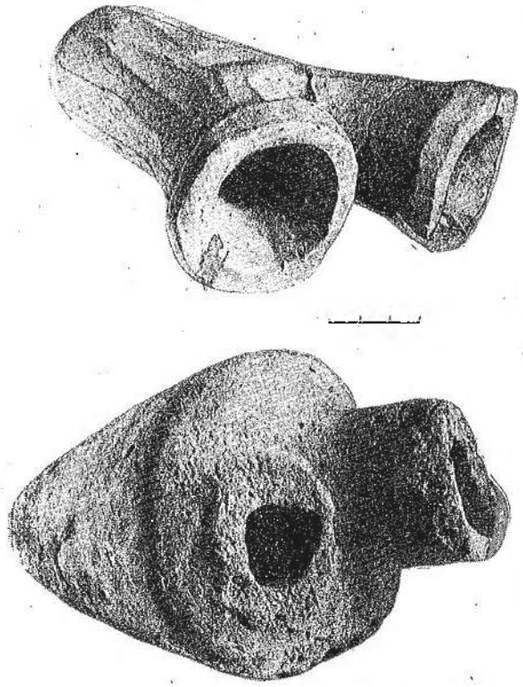


Рис. 16. Объект III. Мастерская. Сопла.

часть его служила небольшими сенцами, в восточной (за перегородкой) имелась суфа и небольшой закромок. Возможно, что здесь производилась добавочная обработка изделий или их продажа, вернее и то и другое вместе.

Таким образом, перед нами весьма характерная по своему устройству мастерская, в плане которой не трудно заметить определенное сходство с мастерскими средневековья, обычно также состоявшими из двух помещений. Исследованием этих мастерских были закончены раскопочные

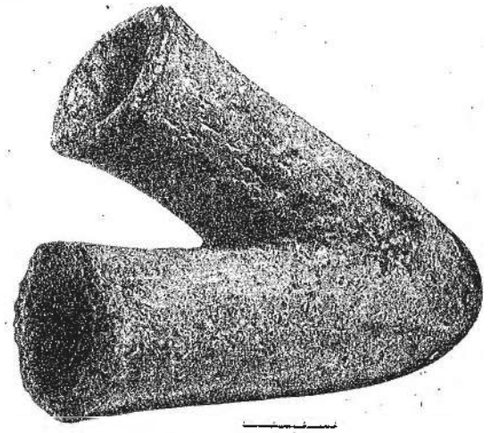


Рис. 17. Объект II. Сопло.

работы в отчетные годы на объекте III. С открытием производственной ячейки на этом объекте интерес к нему естественно еще более увеличивается.

Раскопки объекта VI

Объект этот, расположенный юго-восточнее объекта III, непосредственно примыкает к валу крепостной стены. Первоначально он представлял собой сравнительно небольшой холм, с несколько неправильной конфигурацией. Судя по рельефу примыкающей местности, объект этот с запада обращен на городскую улицу, с востока между ним и городской стеной расположен дворик; с юга он примыкает «впритык» к городской стене. Северная граница его не ясна. Раскопки на этом объекте, начатые в 1951 г., продолжались и в последующие два отчетных года.

За три года работы на этом объекте вскрыто по нижнему этажу 15 помещений,

не считая остатков помещения второго этажа (см. план на стр. 198).

По характеру отдельных помещений вскрываемый строительный массив вполне сходен с объектом III, значительно уступая ему лишь по величине. Это жилой комплекс, принадлежавший, несомненно, представителю (или представителям) местной знати, как и объект III. Такое заключение стало очевидным уже в начале раскопок, когда

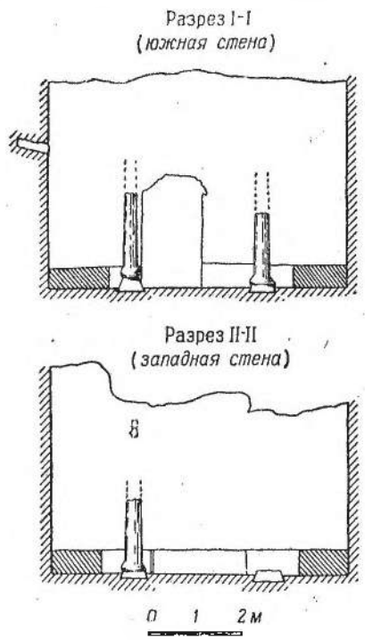


Рис. 18. Объект VI. Помещение 8. Разрезы.

был открыт квадратный парадный зал (помещение 1), по своему устройству и, в частности, по своей внутренней планировке вполне сходный с парадными залами объекта III. Особенности устройства этого помещения сами по себе вполне определенно говорят о том, что рассматриваемый объект принадлежит к тому же времени, что и остальные объекты, исследованные на городище. Это вполне подтвердилось и вещественными памятниками, которые были найдены при раскопках: монетами, керамикой и другими предметами. Хотя нет сомнения в том, что разрушение этого здания относится к периоду арабского завоевания, но в отличие от других раскопанных объектов следы внезапной катастрофы здесь не бросаются в глаза. Гибель этого, а также и других раскопанных на этом объекте помещений, как это выяснилось в дальнейшем, происходила при иных условиях. Так, в этом здании не наблюдается следов пожара. Любопытно и то, что здесь не замечено преднамеренного уничтожения живописи, что было довольно явно заметно на некоторых других памятниках изобразительного искусства Пенджикента. Помимо этого зала, в 1951 г. было раскопано непосредственно связанное с ним проходом в северной стене сводчатое помещение вестибюля, вполне сходное с рядом таких же по назначению и по плану помещений на объекте III. В 1952 г. раскопки продолжены к востоку и югу от первых двух помещений, где было частично раскопано и частично оконтурено по нижнему этажу шесть новых помещений. Из их числа сводчатое помещение 3, соединенное проходом с помещением 2, имело, вероятно, хозяйственное назначение.

Южнее указанных помещений была открыта лестничная клетка с винтовым пандусом для подъема во второй этаж.

Следует признать очень важным открытие в 1952 г. остатков помещений второго этажа, которые сохранились на участке восточнее и южнее помещения 3. Так, здесь удалось зафиксировать часть кухни с очагом и печью (танур). Кроме того, удалось проследить полы и нижнюю часть стен двух небольших помещений, покрытых ганджевой штукатуркой. Они, по мнению Б. Я. Ставиского, служили для хранения зерна или других продуктов. Все эти помещения второго этажа имели своим основанием нижележащие сводчатые помещения. Точные планы помещений второго этажа, к сожалению, установить не представлялось возможным, вследствие обвалов значительной части сводов нижележащих помещений. Вместе с тем они очень наглядно свидетельствуют о большой бытовой роли помещений второго этажа. Остальные помещения нижнего этажа, открытые в 1952 г., представляют собой сводчатые комнаты, без определенных признаков, по которым можно было бы судить об их специальном назначении.

Весьма плодотворным явились по своим результатам раскопки на данном объекте в 1953 г. Всего раскопано семь новых помещений, давших возможность сделать ряд

очень интересных наблюдений. В этом отношении в первую очередь следует назвать помещение 8, представляющее собой квадратный зал, сходный по планировке с аналогичными парадными квадратными залами, о которых говорилось выше. Здесь во время раскопок сравнительно близко от поверхности были обнаружены

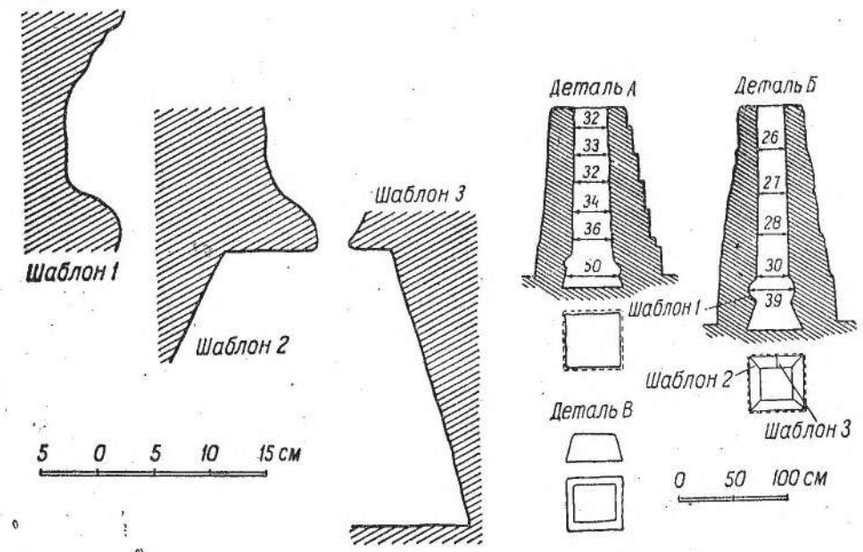


Рис. 19. Объект VI. Помещение 8. Детали обмера колонн.

идущие вниз правильной формы углубления, которые образовались от истлевших стволов колонн (рис. 18). Тщательное исследование этих пустот дало возможность установить как форму базы, так и отрезка ствола на высоту около 2 м (рис. 18, 19). Данное открытие явилось ценным добавлением к ранее добытым материалам, характеризующим такую важную архитектурную деталь, какой является колонна. Необычным по своей планировке оказался второй открытый в этом же году зал (помещение 13). Это наиболее крупное из числа открытых помещений за все время работы на городище. Хотя одна из стен этого помещения (западная) до конца не прослежена, тем не менее план его в общем представляется выявленным. Это прямоугольное помещение, имеющее в длину 13 м при ширине в 7.90 м, южной своей стеной оно примыкает непосредственно к городской крепостной стене. Особенностью его планировки является наличие по всей ширине помещения возвышения в виде своеобразной «эстрады», высотой в 0.30 м. Этой «эстрадой» занята южная часть зала. Вдоль восточной и южной стен на «эстраде» имеются суфы, так же как и в остальной части помещения. С северной стороны этот зал двумя проходами соединен с двумя сводчатыми помещениями. Одно из них с прекрасными по сохранности стенами и остатками свода было по всей внутренней поверхности оштукатурено толстым слоем ганча, включая пол, суфы и свод. Применение в таком объеме ганчевой штукатурки является для устройства сводчатых помещений нижнего этажа необычным. Данное помещение в этом смысле является пока исключением. Раскопки этого помещения не дали материала для решения вопроса о его назначении. По своему расположению оно не могло служить обычным коридором перед залом. Оно не связывало его ни с другими помещениями здания, ни с улицей.

Другое сводчатое помещение (помещение 10), с которым с севера зал соединялся проходом, пока окончательно не исследовано, но и оно также не производит впечатления вспомогательного помещения, в особенности благодаря наличию остатков росписей как на стенах, так и на своде.

Таким образом, все эти три помещения составляют своеобразный комплекс, имевший специальное назначение. Представляется вероятным, что главное из них — являлось местом, где производились какие-то специальные, условно говоря, театрализованные действия, вероятно в форме музыкальных или танцевальных выступлений. Несомненная распространенность и популярность этого вида искусства в доарабское время хорошо засвидетельствована как письменными источниками, так и содержанием ряда композиций самой пенджикентской живописи. Так, сцена, изображающая танцы, была открыта в первом храме в помещении 10а.[1] Как мы увидим, на одном из фрагментов живописи, сохранившейся на северной стене интересующего нас зала, изображены играющие на разных инструментах три музыканта. Очевидно, для такого рода музыкальных и танцевальных групп и была предназначена «эстрада», которая отличает этот зал от других парадных помещений. Деталь ее устройства, о которой упоминалось выше, дает возможность конкретней представить обстановку. Имею в виду наличие на самой эстраде суфы. Возможно, что последняя была предназначена именно для музыкантов, игра которых сопровождала выступление танцоров, происходившее на площадке собственно «эстрады».

Среди найденных в этом зале предметов обращает на себя внимание находка на полу более 150 бараньих астрагалов. Вполне вероятно, что ими пользовались и для какой-то игры, которая могла служить развлечением не только для детей, но и для взрослых. Различные игры, видимо, были весьма распространены, о чем свидетельствуют и некоторые сообщения письменных источников.

В этом отношении, вероятно, не случайно и то, что сюжетом одной из сцен росписи, сохранившейся в этом помещении, является игра двух персонажей на доске типа нард (см. ниже).

Обнаруженные в залах 8 и 13, а также в сводчатом помещении 10 крупные фрагменты росписи, характеристика которых будет дана ниже, представляют собою наиболее ценное открытие, сделанное работами 1953 г.

[1] Живопись древнего Пянджикента, М., 1954, табл. XIV.

Раскопки объекта VII

Работы на этом объекте производились лишь в течение короткого времени в 1951 г. При недостаточных технических возможностях по удалению земли с места раскопок выбор данного объекта оказался весьма неудачным. Обстоятельство это вскоре обнаружилось, и работы здесь были приостановлены.

Объект VII расположен западнее объекта VI и был отделен от последнего узкой впадиной, где, по всей вероятности, проходила городская улица. Первоначально он представлял собой холм, по своей конфигурации несколько напоминавший бугры, под которыми были скрыты храмовые сооружения. Представлялось интересным проверить, действительно ли мы имеем дело с сооружениями, сходными по плану с храмами.

Раскопками, однако, это предположение не подтвердилось. Довольно скоро удалось обнаружить, что помещение, где были начаты раскопки, представляет собой обычный, хотя и очень крупный, четырехстенный квадратный зал, размером 9×9 м. Стены во многих местах оказались прокаленными вследствие пожара, от которого помещение погибло. Стены сложены из пахсовых блоков, расслаивающихся на крупные глыбы, грозящие обвалом. Обстоятельство это послужило также добавочным препятствием к продолжению работ на этом объекте. Поверхность стен покрыта штукатуркой, украшенной концентрическими арочками, расположенными в шахматном порядке. Однако было ли это чисто декоративным приемом — неясно. Возможно, что в данном случае перед нами подготовка стены для смазки новым слоем штукатурки. Было выяснено, что помещение это имеет один проход в южной стене, который вел в узкую сводчатую комнату вестибюля.

Таким образом, по этим двум помещениям выясняется, что на данном объекте расположен жилой массив, вполне сходный с соседним с ним объектом VI. Желательное продолжение работ на этом объекте сможет быть осуществлено, когда будет создана возможность отвода земли с места раскопок механическими средствами.

Раскопки объекта IX

Исследование этого объекта начато в 1953 г. Первоначально он представлял собой холм, вытянутый в широтном направлении, длиной около 30 м. Его ширина в средней части около 15 м.

В качестве объекта для раскопок холм этот был выбран по следующим соображениям. Западный конец его подходит близко к северному краю объекта III, где, как об этом можно судить по рельефу, проходит улица, вскрытие которой представляет интерес с точки зрения изучения городской планировки. С другой стороны, восточный край объекта почти вплотную подходит к городской крепостной стене,[1] где, также судя по рельефу, можно ожидать местоположение ворот.

Вскрыто полностью или частично 12 помещений (см. план на стр. 201). Пока по ним нельзя составить полного представления относительно всего строительного комплекса, однако некоторые основные особенности этого здания уже сейчас выступают вполне определенно. Следует отметить, что между объектом IX и другими ранее раскопанными объектами нет особой разницы в отношении собственно строительной техники и примененных материалов. Здесь также как основной материал для кладки стен и сводов использовался сырцовый кирпич и пахсовые блоки. Здание было двухэтажным. Открытие двух пандусных подъемов такого же устройства, как и на других объектах, а также остатков стен помещений второго этажа (в западной части раскопа) говорит о том, что и здесь в устройстве второго этажа применены те же приемы, что и на других строительных комплексах. Господствующим типом перекрытия помещений нижнего этажа было сводчатое, хотя, как полагает В. Л. Воронина, имелось и плоское перекрытие и даже купольное. Вместе с тем бесспорно то, что на этом объекте мы имеем иной новый тип городской постройки, по сравнению со строительными массивами, ранее исследованными на городище, в особенности с объектами III и VI. Отличия эти особенно наглядно обнаруживаются при рассмотрении планировки и внутреннего оформления наиболее крупного помещения (6) и тех из помещений, которые группируются вокруг него. Архитектурные особенности, отличающие эту группу помещений, подробно рассмотрены в статье В. Л. Ворониной (см. ниже, стр. 193). Однако вывод, к которому приходит автор, а именно, что это помещения типа «странноприимного дома» вряд ли имеет основание. Как выше уже указывалось, все, что известно о типе странноприимных домов, будь то караван-сараи, монастырские сооружения буддистов или христиан, с таким предположением не согласуется. На объекте IX следов планировки, характерной для такого рода построек, не устанавливается. На данном этапе изучения этого комплекса важным и показательным для определения его назначения представляется отсутствие в главном зале декоративного убранства в виде стенных росписей, которые так характерны для зал, открытых на объектах III и VI.

Эта особенность может быть объяснена социальной принадлежностью владельцев здания. Мне кажется вероятным, что перед нами дом, принадлежавший представителю другого слоя населения, а именно купечества, у которого практические удобства стояли, очевидно, на первом месте.

Некоторым подтверждением этому может служить тот факт, что на данном объекте особенно часты монетные находки. Во всяком случае, в 1953 г. здесь было найдено столько же монет, сколько на всех остальных объектах вместе взятых (из 106 монет, найденных на всем городище — 53 получены на объекте IX). Характерным является и то, что найденные здесь монеты отличаются значительным разнообразием типов. Дом купца-согдийца, находившегося в постоянных переездах, является именно тем местом, где можно ожидать и обилие монетных находок и их разнообразие.

В отдельных помещениях этого здания установлены следы вторичного временного проживания, после того как здание опустело. Особенно отчетливо прослежен вторичный период жизни в небольшом помещении 7, примыкающем к указанному залу. Здесь в завале, наряду с остатками кострищ, зольными прослойками, обнаружено большое количество керамики нового, ранее не встречавшегося типа. Завал с данными культурными остатками прослеживается на глубину до 2.40 м, где открыта сравнительно твердо утоптанная поверхность. При исследовании ниже идущего слоя установлено, что первичный пол находится на один метр ниже (3.40 м от поверхности). На этом полу, а также в слое над ним обнаружены мо-

[1] Добавочным благоприятным условием для производства работ на этом пункте является сравнительная легкость удаления завальной земли.

неты и керамика, обычные для Пенджикента (согдо-язычные и бухар-худатские монеты), а также обломки хумов — типа, характерного для основного слоя Пенджикента.

Время вторичного использования этого помещения может быть установлено по характеру упомянутой керамики из верхнего слоя. Большое количество обломков посуды, найденное в этом слое, принадлежит в основном широкогорлым котлам, сделанным на гончарном круге. Черепок сравнительно тонкий, темно-серого цвета. Наиболее характерной особенностью этих сосудов является вычурность формы венчика, в профиле представляющем затейливо изломанную линию. Посуда аналогичного типа мне известна по находкам в Варахше из раскопок В. А. Шишкина, который датирует ее X в. (не опубликованы). Добавочным моментом для датировки наших находок является сохранившаяся на нескольких фрагментах надпись арабским шрифтом, которая по эпиграфическим признакам может быть отнесена к тому же веку или к предшествующему.[1]

ОБЩИЙ ОБЗОР НАХОДОК

Керамические и стеклянные изделия

В отчетные годы находки керамических изделий на городище Пенджикента отличались значительным обилием, особенно в 1952 и 1953 гг. Следует отметить прежде всего большое число целых или легко восстанавливаемых по найденным фрагментам форм, которые существенно дополняют коллекцию керамики Пенджикента, составленную в результате находок предшествующих лет. В связи с этим общая оценка пенджикентской керамики, будто бы более бедной формами, чем керамика некоторых других центров, по-видимому, должна быть пересмотрена.[1] Коллекция пенджикентской керамики существенно пополнилась по всем основным категориям. В данном отчете не представляется, однако, необходимым характеризовать все типы найденных сосудов. Ниже дается лишь краткий обзор отдельных категорий керамических изделий и ставятся некоторые вопросы, которые они возбуждают. К сожалению, несмотря на сравнительно крупный масштаб раскопок как на шахристане, так и в пригородном поселении, керамических мастерских или обжигательных печей до сих пор не обнаружено. Вместе с тем не приходится сомневаться в том, что в Пенджикенте производилась керамическая посуда как домашним способом (лепная от руки), так и ремесленниками.

Позволю себе прежде всего остановиться на одной группе хумов (в большинстве в виде фрагментов) из находок главным образом отчетных лет, на которых имеются тем или иным способом нанесенные знаки (рис. 20). Эта категория сосудов представляет для нас еще и тот интерес, что она дает некоторое указание на характер производственных отношений, которые сложились в ремесленном производстве. Рассматриваемые хумы — это толстостенные вместительные корчаги, достигающие почти метровой высоты, служившие для хранения жидкостей и сыпучих тел. Один или два экземпляра этой категории принадлежат к сосудам меньшего размера, но и они, судя по толщине черепка, были весьма крупными.

Из обстоятельств их обнаружения следует отметить то, что подавляющее большинство интересующих нас хумов или фрагментов найдено во время раскопок храмовых сооружений. Два целых сосуда со знаками найдены наполовину закопанными в полах помещений. Лишь один фрагмент был найден среди подъемного материала на городище шахристана за пределами территории храмов.[2]

Знаки, о которых идет речь, на всех сосудах индивидуальные. Только на двух сосудах имеется одинаковый знак (рис. 20, *8*, *13*), но нанесен он также не одинаковым по размеру штампом. В большинстве случаев знаки нанесены посредством клейм и печатей. Последние представляли собой, судя по размерам и характеру оттисков, металлические печати с негативно вырезанными изображениями, в отдельных случаях типа

[1] И. Б. Бентович. Керамика Пянджикента. МИА, № 37, стр. 144.

[1] А. М. Беленицкий. Арабская надпись из Пянджикента. ЭВ, XI, 1956, стр. 27.

[2] В 1954—1955 гг. были обнаружены несколько фрагментов со знаками на других объектах.

печатей-перстней (рис. 20, *2—4*). Другие оттиски нанесены, вероятно, глиняными или деревянными штампами, которые оставили негативный отпечаток только знака, не оставив следа формы штампа в целом (рис. 20, *12*, *15*). Кроме того, некоторые знаки на сосудах сделаны от руки. Они процарапаны

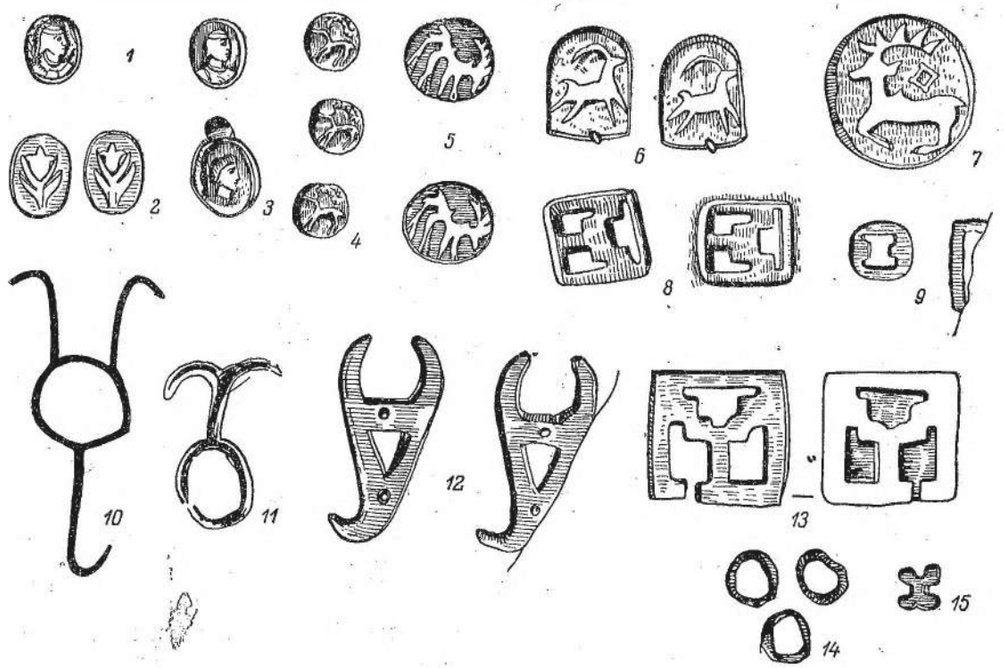


Рис. 20. Таблица знаков на хумах.

по поверхности сосуда до обжига острым предметом (рис. 20, *10*, *11*, *14*).

Все знаки нанесены на видном месте, в большинстве случаев на плечиках сосудов, под венчиками (рис. 21), но в двух случаях знаки находятся на внутренней поверхности венчика (рис. 20, *8*, *13*). Преобладают единичные оттиски знаков, однако в ряде случаев на сосудах сделаны по два или по три оттиска одним штампом (рис. 22). Такие повторные оттиски располагаются или рядом, или один под другим.

Исключением является один фрагмент сосуда, на котором, видимо, имелись оттиски от двух штампов, но от второго сохранилась только часть (рис. 20, *9*).

Каково назначение этих знаков? При всем их разнообразии представляется вероятным, что назначение они имели одинаковое. Это видно хотя бы по тому, что все они, как это отмечено выше, нанесены на сосудах одного и того же типа. Бесспорно то, что назначение их было не орнаментальным. На поверхности крупного сосуда грубой выделки обычно мелкие знаки, нанесенные даже повторно, но в одном месте, не могли служить орнаментальным целям и если и привлекали к себе внимание, то не своей изобразительной стороной. Следует напомнить, что такие сосуды, как правило, предназначались для хранения в хозяйственных помещениях, хотя отдельные экземпляры их могли находиться и в общественных местах. Один из целых сосудов был найден, например, вкопанным в полу террасы храма. Нет оснований для того, чтобы рассматривать знаки интересующей нас коллекции и в качестве оберегов. Во всяком случае, подавляющее большинство знаков, безусловно, такой смысл иметь не могли. Таковы вполне реалистические, в пределах стиля своего времени, изображения человеческих лиц. То же

приходится сказать и относительно тамг и пр.

Обращаясь к сравнительному материалу из других исследованных пунктов Средней Азии, следует прежде всего отметить, что посуда со знаками интересующего нас типа встречается весьма редко. Но все же об отдельных находках имеются определенные сообщения.

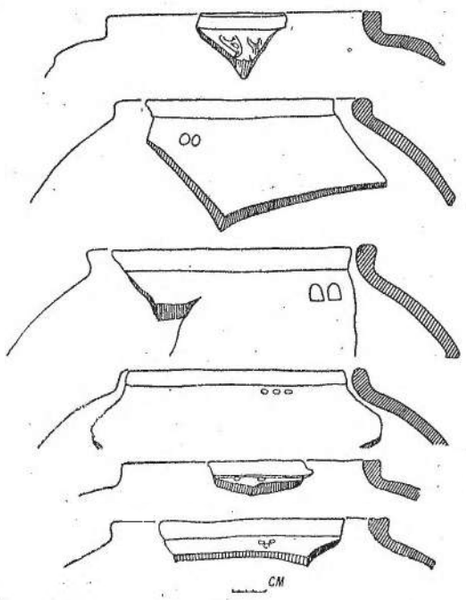


Рис. 21. Расположение знаков на хумах.

Так, керамические изделия со знаками были найдены А. И. Тереножкиным на Афрасиабе,[1] при раскопках на пункте 15, в слое, относящемся к кушанскому времени. Здесь был найден фрагмент хума с оттисками двух овальных печатей, из которых одна помещена в перевернутом виде. На одном оттиске изображен конь, а на другом — всадник. А. И. Тереножкин не останавливается на вопросе о значении этих оттисков. Из описания явствует лишь, что они не имели орнаментального назначения. Большой интерес представляют найденные им на другом пункте (35) Афрасиаба сосуды с знаками, сделанными от руки в виде «овала, косого креста, одной или двух запятых, круга». Отмечая, что эти знаки не могли служить украшениями, А. И. Тереножкин дальше пишет: «Конечно знаки эти не клейма и их следует рассматривать в качестве родовых тамг». «Это, — продолжает он, — указывает, по-видимому, на то, что в ту пору продолжала еще сохраняться какая-то связь городского ремесленного класса с архаической родовой организацией, исчезающей в ходе дальнейшего роста городов Ср. Азии. С другой стороны, это позволяет думать, что труд самаркандского ремесленника в то время не был закабален и он выступал как самостоятельный производитель».[1]

Высказанное мнение представляет интерес, поскольку это единственное пока в среднеазиатской археологической литературе соображение относительно значения таких знаков на древней керамической посуде. Однако, очевидно, пенджикентские знаки по своему характеру едва ли могут служить подтверждением этому выводу. Впрочем, по времени они отстоят друг от друга. Более близкими по времени к пенджикентским памятникам следует признать знаки на сосудах, найденных Г. В. Григорьевым на городище Тали-Барзу. В своей неопубликованной диссертации, в части, посвященной описанию послойных находок на городище Тали-Барзу, Г. В. Григорьев пишет следующее: «Весьма характерным венчиком (у хумов, — *А. Б.*) для данного слоя (ТБ IV) является прямой вертикально стоящий венчик. В подъемном материале на городище Тали-Барзу найдено несколько подобных венчиков. На одном из них мы видим греческую букву «С», напоминающую эту букву на греко-бактрийских монетах. Имеется и другой ее вариант. На одном фрагменте оттиснуто изображение грифона с оленем в клюве. Нередко попадаются изображения знака в виде грабли, характерных для тамги кушанских монет. Один венчик с подобным знаком найден в слое».[2]

Судя по изображениям на приложенных фотографиях, знаки на керамике Тали-Барзу,[1] несомненно, близки к пенджикентским. Знаки в виде буквы «С» и «грабли» нанесены выпуклыми клеймами, как и знаки на пенджикентских хумах (рис. 20, *9*, *15*). Отпечаток с изображением грифона сходен с отпечатком оленя (рис. 20, *7*). Из вышеприведенной выписки видно, что Г. В. Григорьев связывает эти знаки со знаками на монетах кушанского времени, в соответствии с датировкой всего слоя. Однако более точная датировка последнего, предложенная А. И. Тереножкиным, а именно V—VI вв., делает находки на Тали-Барзу более близкими по времени к пенджикентским. Это тем более вероятно, что большинство фрагментов со знаками найдено в Тали-Барзу среди подъемного материала, притом, согласно описанию, форма сосудов (прямые венчики) также вполне соответствует формам пенджикентских хумов. Г. В. Григорьев не ставил вопроса о назначении этих знаков. Совершенно ясно, однако, что они как и пенджикентские, не имели ни орнаментального назначения и не служили оберегами.

Насколько известно, аналогичные изделия со знаками интересующего нас типа из других пунктов Средней Азии до сих пор не были опубликованы.

За пределами Средней Азии мы находим прежде всего крайне любопытные для нас аналогии в керамике Киевской Руси.[1] Керамические изделия Киевской Руси, как известно, сохранили две категории знаков, не имеющие ни орнаментального, ни оберегательного значения. Одна из них является знаками мастеров, другая знаками владельцев — княжескими тамгами.

Имеется ли основание дать такое же объяснение и знакам на пенджикентских сосудах? Посмотрим прежде всего, можем ли мы их считать знаками мастеров. Уже при первом сопоставлении знаков пенджикентской керамики с древнерусскими становится очевидным, что среди первых мы не находим таких знаков, которые можно было приписать мастерам. Как правило, мастер-керамист, заинтересованный по тем или иным соображениям в клеймении своих из-

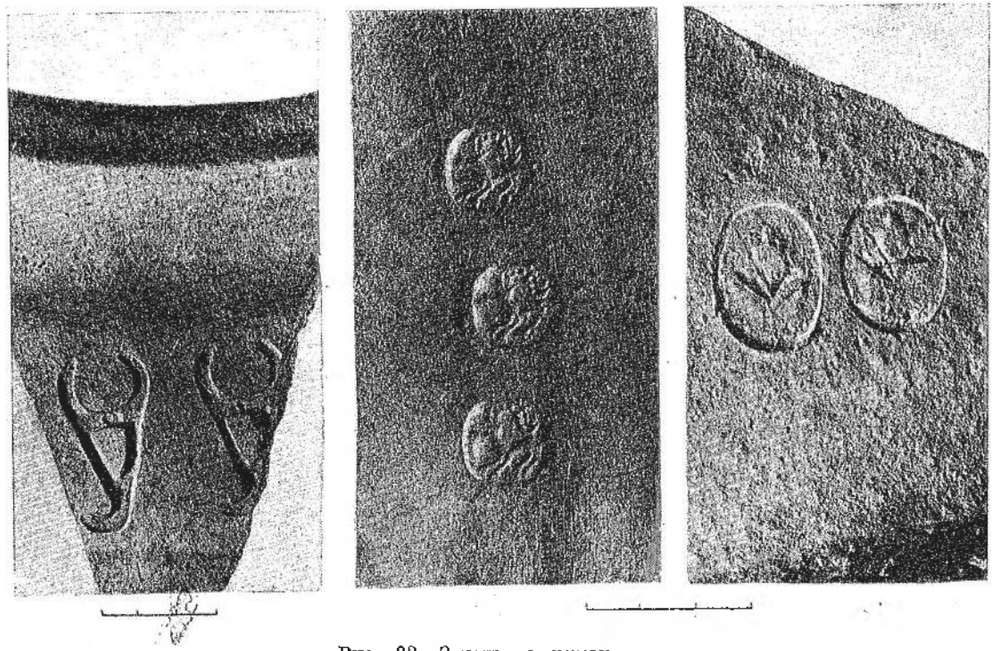


Рис. 22. Знаки на хумах.

---

[1] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. Диссертация, защищенная на степень кандидата исторических наук. Находится на временном хранении в Архиве ЛОИИМК.

[1] А. И. Тереножкин (ук. соч., стр. 126) датирует их IV—II вв. до н. э.

[2] Г. В. Григорьев. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. Рукопись, Архив ИИМК, ф. 35, оп. 2, д. № 88, стр. 150.

[1] Там же. Альбом, рис. 239—241.

[1] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 363 и сл.

делий, применял хорошо известный способ — вырезал свой знак на гончарном круге. Таким образом, каждый изготовленный им предмет получал автоматически клеймо на вполне определенном месте, а именно на дне сосуда. В пенджикентских сосудах, наоборот, знаки находятся на верхних частях сосудов. Тот факт, что среди громадного количества керамических изделий мы находим знаки лишь на ограниченном количестве сосудов, причем ни один знак ни разу не повторяется на двух сосудах, говорит против того, что знаки на пенджикентских сосудах принадлежали мастерам.

Против принадлежности знаков мастерам говорит и сам характер знаков, во всяком случае многих из них. Трудно предположить, например, чтобы мастера-ремесленники в это время имели перстни-печати с изображением человеческих лиц. Такие печати всегда считались принадлежностью представителей господствующего класса.

Все это вместе взятое заставляет думать, что знаки на хумах не являются опознавательными метками мастеров.

Таким образом, очевидно, что знаки на пенджикентских хумах не могут быть ни чем иным, как знаками владельцев хумов. Прямым подтверждением этого вывода является знак, изображенный на рис. 20, *10—12*. Это знак известной династической тамги правителей Согда, о чем свидетельствует его наличие на монетах.

Можно считать вполне вероятным и то, что большинство остальных знаков принадлежало представителям господствующего класса. При таком предположении, однако, неизбежно встает вопрос: почему эти знаки находятся только на сосудах определенного типа? Мне кажется, что последнее обстоятельство связано с фактом нахождения большинства сосудов на одном участке городища, а именно в пределах храма. Если это так, то ответ на вышепоставленный вопрос может быть следующим.

Сосуды (крупные хумы) первоначально, вероятно, вместе с определенным содержимым являлись дарами храму со стороны отдельных лиц. Дарители, или, как их называют, донаторы, пожелали свой благочестивый дар отметить соответствующим знаком.

Такое происхождение знаков объясняет и тот существенный факт, что все они индивидуальны. Дары храму делались различными лицами. Способ нанесения знаков вскрывает отчасти, по крайней мере, и взаимоотношения между мастерами-керамистами и собственником сосуда. Дело в том, что все знаки нанесены на сырой глине, т. е. в процессе производства сосуда. Это говорит о том, что каждый из этих сосудов изготовлялся не на рынок, а в порядке индивидуального заказа. Перед нами, таким образом, ремесленник-кустарь, выполняющий индивидуальные заказы ряда отдельных лиц.

Вторая группа керамических сосудов, привлекающая к себе внимание, состоит из различных по размерам и форме сосудов или фрагментов их, общей особенностью которых является наличие носиков, оформленных в виде головы животного (рис. 23). Степень тщательности, с которой выполнено изображение животного, различна — начиная от примитивной наметки головы животного несколькими процарапанными линиями, до подлинно мастерских скульптурных изображений. Наиболее искусно изготовленные экземпляры неизменно изображают голову быка или коровы, с очень характерным направлением рогов, образующих фигуру серпа молодого месяца. На некоторых экземплярах между рогами на лбу животного имеются добавочные лучистые диски, по-видимому также символического значения.

Точно определить породу животного на сосудах, где они изображены недостаточно умело, трудно, однако можно полагать, что и на них изображена в большинстве случаев голова быка.

Первый образец таких сосудов был найден в 1947 г. на цитадели Пенджикента. А. И. Тереножкин, руководивший раскопами на цитадели, категорически высказался в пользу того, что сосуд этот «несомненно не местный, а привозной».[1] Однако находки последующих лет дают основание считать, что именно в Пенджикенте этот тип сосудов пользовался особым распространением, и их изготовлением, скорей всего, занимались местные керамисты. Об этом говорит как очевидная примитивность

[1] А. И. Тереножкин. Раскопки в кухендизе Пянджикента. МИА, № 15, стр. 92.

ряда образцов, так и сравнительно большое количество находок этого рода сосудов в Пенджикенте. Впрочем, находки в Пенджикенте не являются единственными. Сосуды с носиками, оформленными в виде головы животного, известны и в других районах Согда. Г. В. Григорьев в альбоме, приложенном к диссертации, поместил фотоснимки трех фрагментов таких сосудов.[1] К сожалению, в тексте диссертации не сообщается о местах их находок. Однако очевидно, что они происходят из Тали-Барзу или Кафир-Кала. Носики, как об этом можно судить по фотографическим изображениям, на этих сосудах оформлены в виде бычьей головы.

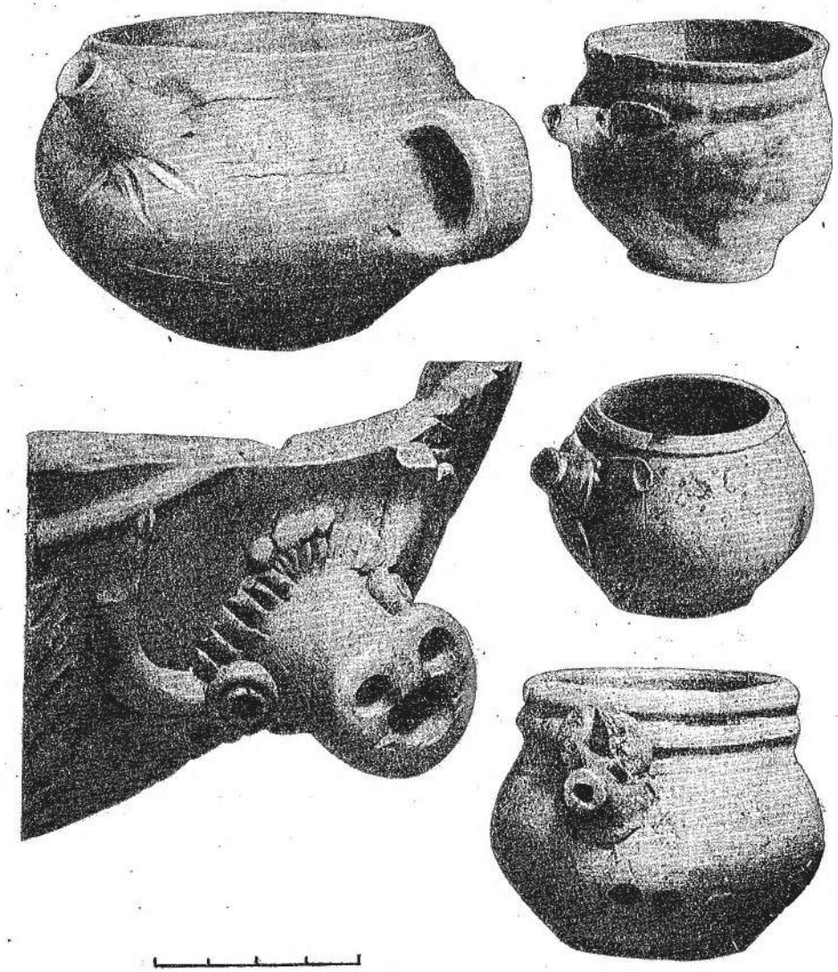


Рис. 23. Сосуды с головами животных.

[1] Г. В. Григорьев, ук. соч., Альбом, рис. 196, 253, 312.

По-видимому, не приходится сомневаться в том, что в рассматриваемых изображениях следует видеть отголосок древнего культа, связанного с почитанием священного быка. Некоторые аспекты этого культа выяснены в работе К. В. Тревер в связи с известной находкой Г. В. Григорьевым на Тали-Барзу фрагмента сосуда с пре-

царапанным изображением на стенке быка с человеческой головой.[1]

Из других археологических находок, в которых выступает культовый характер изображения этого животного, отмечу глиняные фигуры в виде голов быка, найденных Г. В. Григорьевым в Каунчи.[2] Имели ли сосуды из Пенджикента непосредственно культовое назначение, сейчас естественно с полной определенностью сказать трудно. Вполне вероятно, однако, что специальное оформление носика в виде животного было вызвано вотивным назначением этих сосудов, или же их применением при исполнении определенных религиозных обрядов.

Большинство керамики Пенджикента относится к сосудам повседневного бытового применения, об орнаментации которых мало заботились. Парадные керамические изделия среди находок сравнительно редки. Тем не менее за отчетные годы выявлена уже значительная группа предметов, которые дают представление об основных приемах украшения глиняной посуды. Наиболее распространенным способом украшения являлось, как можно полагать, нанесение на стенки сосуда оттисков штампа до обжига (рис. 24). Такие оттиски располагаются, как правило, на поверхности сосудов в виде горизонтальных орнаментальных поясков. Оттиски помещаются то в виде сплошной ленты, тесно примыкая друг к другу, то отдельно на определенном друг от друга расстоянии. Обычно каждый сосуд снабжен лишь одним орнаментальным пояском, но встречаются сосуды, украшенные несколькими поясами орнаментальных оттисков. Чаще всего на оттисках изображены человеческие лица, среди которых встречаются и маски, обычно устрашающего характера. Реже наблюдаются оттиски штампа с растительным или геометрическим рисунком. Характерно, что оттиски штампов с зооморфными изображениями, как это имеет место в других пунктах Согда, в Пенджикенте вовсе не встречаются. Имели ли все изображения только орнаментальное значение, сказать определенно трудно. Некоторые из них, например маски, быть может, имели значение оберегов. То же значение могли иметь и некоторые растительные изображения, как например изображение плода граната (рис. 25). В целом такой прием орнаментации сосудов хорошо известен и по находкам в других пунктах Согда и Средней Азии в целом.

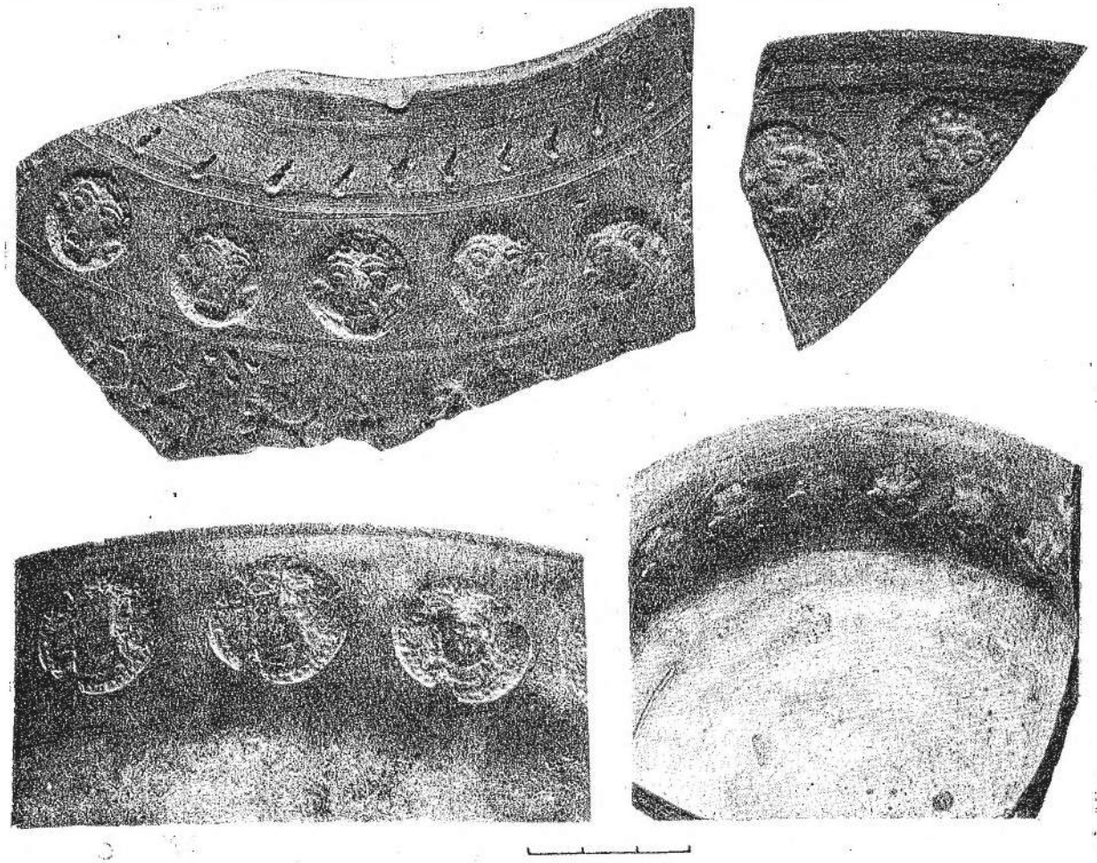


Рис. 24. Фрагменты сосудов с орнаментальными штампами.

[1] К. В. Тревер. Гопат-шах — пастух-царь. ТОВЭ, II, стр. 71 и сл.

[2] Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. Известия АН Казахской ССР, серия археологическая, вып. 1, Алма-Ата, 1948, стр. 52, рис. 85, 86.

Другой способ орнаментации заключался в том, что украшение наносилось с помощью глиняных жгутиков, которые валеплялись на поверхности сосудов. Таким способом украшено уже упоминавшееся целое плоское блюдо с прямыми низкими стенками, вероятно предназначенное для фруктов (рис. 26). Рельефный геометризованный рисунок украшает внутреннюю поверхность дна блюда.[1] Так же орнаментирован фрагмент сосуда с выпуклым туловом (кувшин; рис. 27). Орнамент на этом сосуде условно растительный. В публикациях археологического материала по Средней Азии аналогичный прием украшения глиняной посуды, насколько мне известно, не отмечен. Возможно, что в данном случае мы имеем характерный для Пенджикента прием украшения.

Наконец, можно отметить и третий способ украшения сосудов — росписью краской. Вся поверхность сосуда покрывалась рисунком, выполненным красной краской. На найденных образцах — двух фрагментированных сосудах — изображены гранатовые ветви с плодом (рис. 28, 29). Этот способ украшения, как и предыдущий, в других археологически исследованных пунктах Средней Азии до сих пор не отмечен и, возможно, также является чисто локальной особенностью Пенджикента.

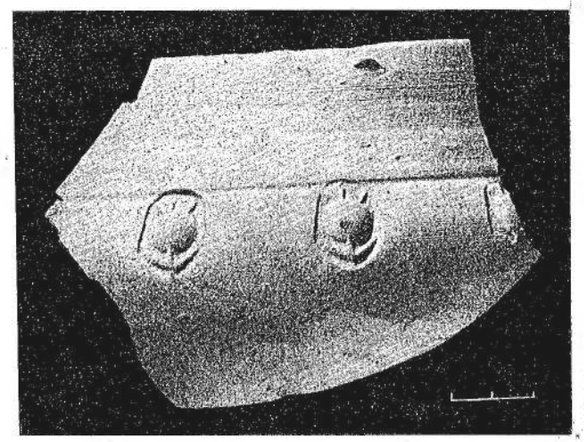


Рис. 25. Фрагмент сосуда с оттиском изображения граната.

Особую сравнительно многочисленную группу керамических изделий представляют собой мелкие сосуды разной формы, служившие, вероятно, для хранения приправ к пище или косметических веществ. Это по преимуществу кувшинчики с ручками, вазочки, по форме подражающие стеклянным флакончикам (рис. 30).

Как и в предшествующие годы, единичны находки поливной керамики. Наиболее замечательной находкой являются найденные в 1952 г. фрагменты дорожной фляги, покрытой снаружи поташной поливой светло-голубого цвета, изнутри прозрачной. Полива эта, несомненно, характеризует начальный этап развития поливной керамики в Средней Азии. Но одна находка вопроса о месте производства поливы не решает. Фляга эта в качестве вещи специального дорожного назначения может рассматриваться скорее всего как завозной предмет. Во всяком случае, данных о массовом

[1] Этот способ украшения явно подражает приему орнаментации некоторых металлических блюд, относящихся к так называемому сасанидскому металлу. Ср. И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 34.

Рис. 26. Блюдо с рельефным орнаментом.

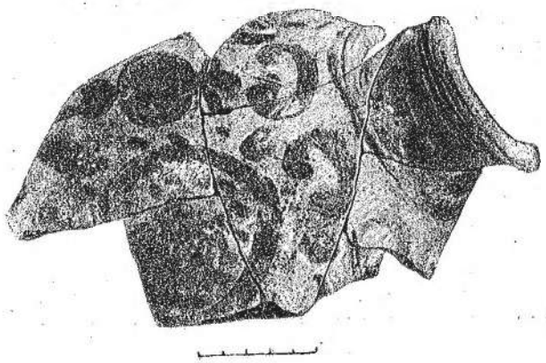


Рис. 28. Расписной сосуд.

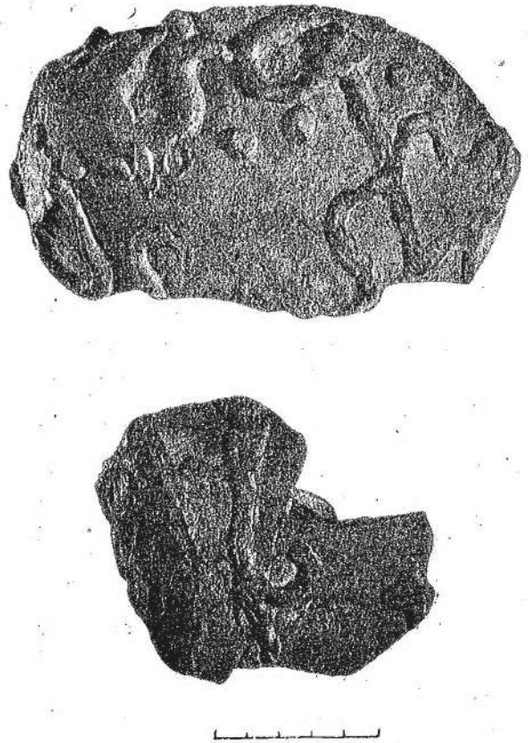


Рис. 27. Фрагмент сосуда с рельефным орнаментом.

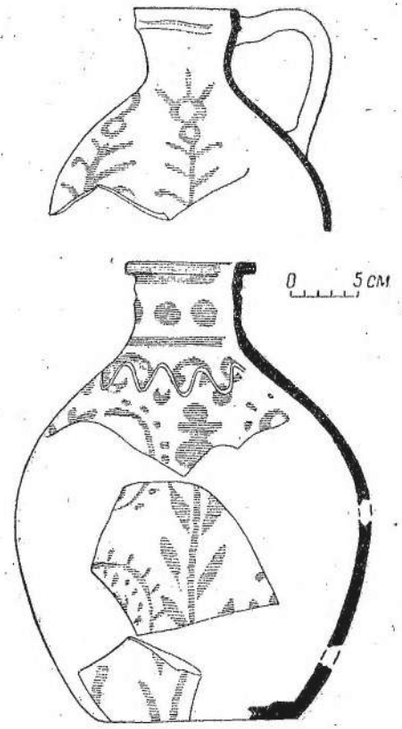


Рис. 29. Сосуды с росписью.

изготовлении поливной посуды в Пенджикенте пока не имеется.

Сказанным отнюдь не ограничиваются те новые виды керамических изделий, которые были получены в результате раскопок 1951—1953 гг. Специальное изучение коллекции собранной за эти годы керамики, которого она вполне заслуживает, несомненно выявит целый ряд форм, еще не отмеченных в предшествующих публикациях. Есть, в частности, основание полагать, что среди изделий имеются и образцы, принадлежащие к более раннему периоду, чем изделия, являющиеся харак-

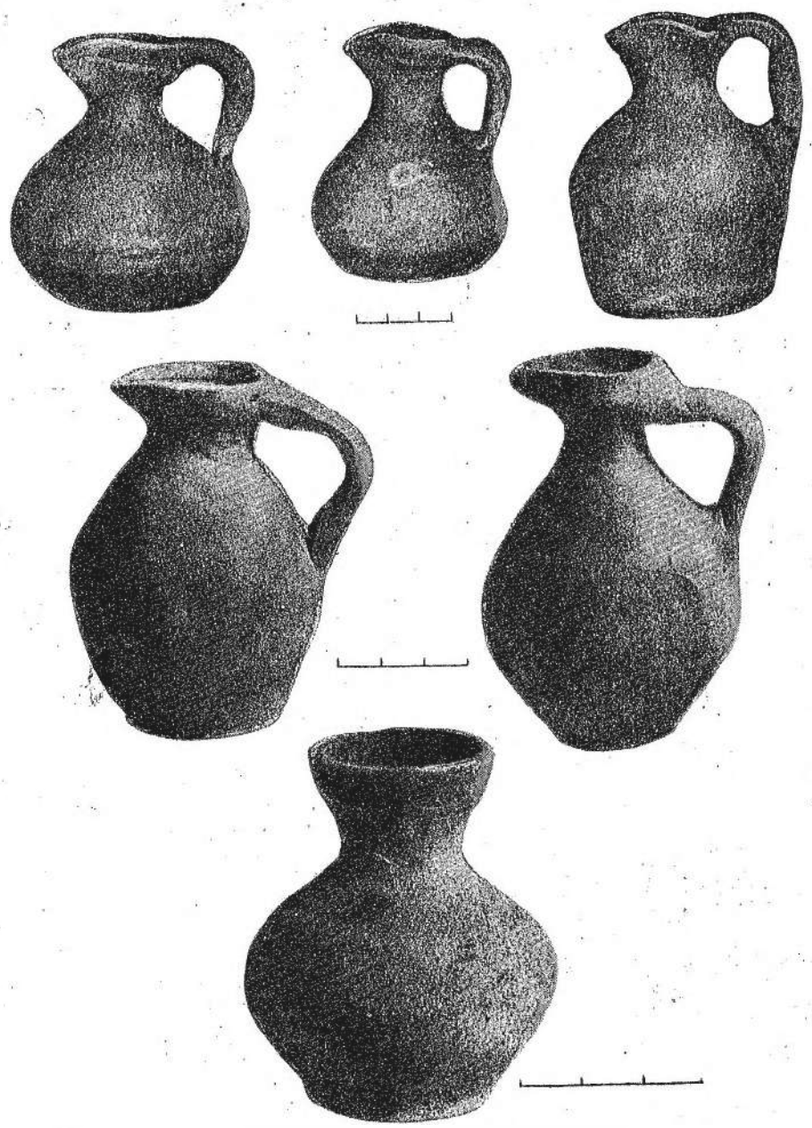


Рис. 30. Миниатюрные кувшинчики.

терными для времени VII—VIII вв., к которым относится вскрываемый раскопками слой.

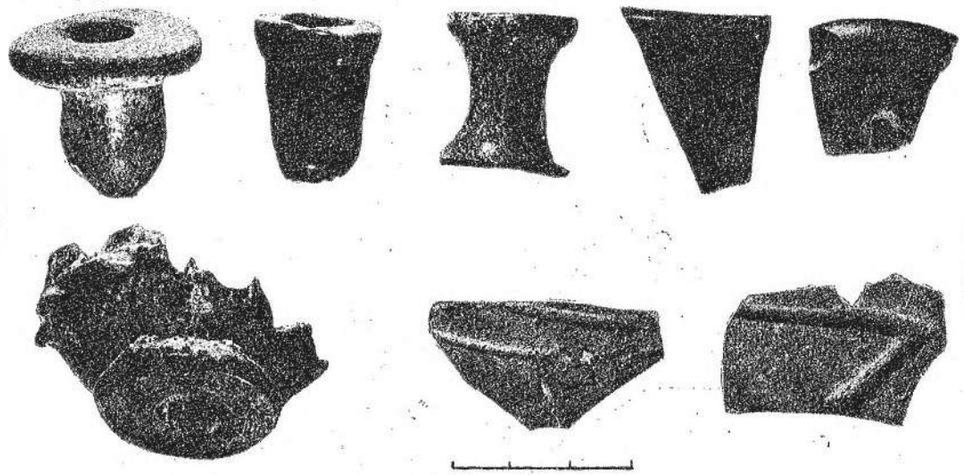


Рис. 31. Фрагменты стеклянных сосудов.

При массовом характере, который носят находки керамических изделий, коли-

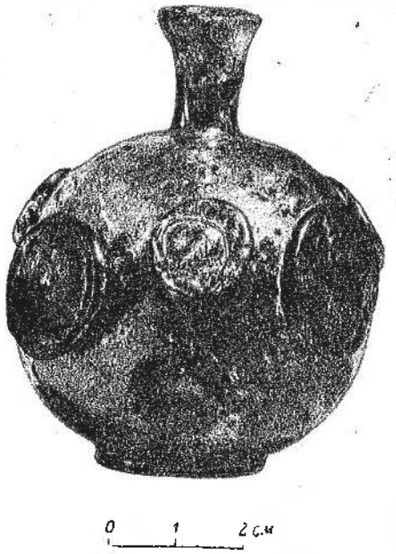


Рис. 32. Стеклянный флакон.

чество стеклянных предметов, обнаруживаемых раскопками, следует признать очень скромным. Это тем более удивительно, что в Пенджикенте имелось, как это установлено раскопками в пригородном поселении (см. ниже, стр. 164), свое стеклянное производство. Это обстоятельство должно быть объяснено причинами, по-видимому, двоякого рода. В качестве высоко ценившихся изделий стеклянные предметы при запустении города были унесены наряду с изделиями из драгоценных металлов. Другой причиной является, вероятно, и то, что стеклянные изделия могли быть предметом вывоза из Пенджикента как в пределы среднеазиатских областей, так и за их границы. Факты, говорящие об обширном ареале международной торговли стеклянными изделиями в древности, хорошо известны. Среди находок в Пенджикенте преобладают фрагменты флакончиков с узкими горлышками (рис 31). К ним же принадлежат и найденные в отчетные годы два целых флакона, из которых один, миниатюрный, бракованный, с заизвестковавшимися стенками, найден непосредственно вблизи мастерской, а другой изящный по форме, прекрасно сохранившийся флакон, тулово которого украшено поясом круглых наленных щитков — «лепешечек» (рис. 32). Окраска стекла этого флакона, а также и фрагментов, найденных в отчетные годы, чаще всего темно-зеленого цвета, различной степени интенсивности.

Металлические изделия

Изделия из драгоценных металлов среди находок за отчетные годы на шахристане Пенджикента представлены единичными предметами: тремя золотыми вещами и несколькими серебряными. К числу первых относятся серьга, ажурный цилиндрик и брактеат. Серьга была найдена при вскрытии пола в помещении 2 первого храма, т.е.

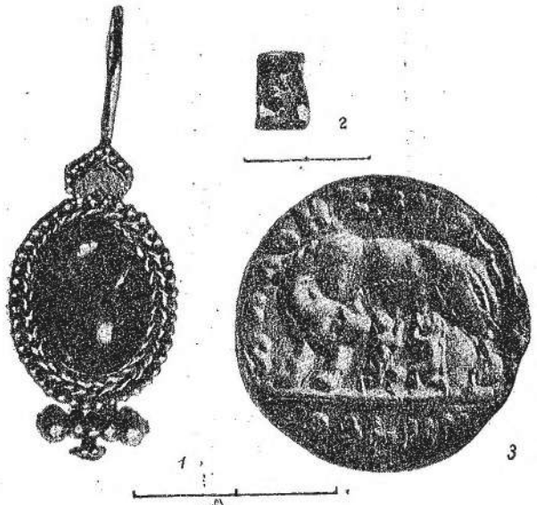


Рис. 33. Изделия из золота.

1 — серьга; 2 — ажурны индрик; 3 — брактеат.

в том же здании, где была найдена бо́льшая часть ювелирных изделий, обнаруженных раскопками предшествующих лет. Она представляет собой почти точную пару к серьге с овальным медальоном, найденной в 1948 г., однако лучшей сохранности (рис. 33).[1] На ней имеется крупная вставка из красного камня (шпинели или граната), занимающая бо́льшую часть медальона. Кроме этого камня, она украшена бирюзой и жемчужинами.

Другой золотой предмет — ажурный золотой цилиндрик (выс. 1 см, диам. 0.7 см), который служил оправой для пастовой бусины, в большей своей части раскрошившейся. Наибольший интерес представляет золотой брактеат, найденный в тайнике северной ограды второго храма. Это тонкая круглая пластинка (диам. 2,3 см) с односторонне оттиснутым изображением герба Рима — волчицы, кормящей двух младенцев (см. рис. 33, *3*). Сопровождающая изображение надпись искажена мастером, изготовившим штамп, и не поддается пока чтению. В Пенджикенте — это второй случай находки брактеатов. Первый был обнаружен в 1950 г. в одном из наусов.[1] Анализ находок других брактеатов, происходящих из Средней Азии, позволяет полагать, что все они принадлежали к предметам похоронного обряда.

Такой брактеат, найденный в 1899 г. в Самарканде, при открытии оссуарных захоронений, опубликован Н. И. Веселовским.[2] Судя по условиям находки, с захороненным был связан и брактеат, обнаруженный на городище «Красная Речка» вблизи г. Фрунзе в 1939 г.[3] Однако с особой наглядностью употребление брактеатов при обряде захоронения было выяснено при раскопках могильника в местности Астана в Восточном Туркестане, произведенных А. Стейном.[4]

Из серебряных изделий следует упомянуть тонкое колечко, видимо от сережки, и два серебряных гвоздика. Качество серебра, судя по сильной окисленности найденных поделок, низкое.

Бронзовые изделия встречаются сравнительно часто. Однако состояние находимых предметов мало удовлетворительное. Нередко встречаются бесформенные фрагменты от каких-то изделий. Среди фрагментарных остатков бронзовых предметов часть, по крайней мере, следует отнести, видимо, за счет отходов производства или заготовок для дальнейшей обработки. Так, встречаются обломки витой проволоки, сплющенные пластинки и пр.

Особо интересной находкой следует признать перстень, обнаруженный в 1952 г. (рис. 34). На небольшом щитке перстня (11 мм) вырезана голова животного — волка или кабана. Характерным для этого перстня является наличие выступающего стерженька

[1] А. М. Беленицкий. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. МИА, № 37, стр. 29, рис. 8.

[1] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Пенджикентский некрополь. МИА, № 37, стр. 74, рис. 9.

[2] Н. Веселовский. Еще об оссуариях. ЗВОРАО, XVII, стр. 0180.

[3] МИА, № 14, стр. 15, табл. 4, *3*.

[4] A. Stein. Innermost Asia, II. Oxford, 1928, стр. 646, 671 и сл.

для обозначения верха печати. Следует отметить, что перстни такого типа если не уникальны, то весьма редки среди археологических находок в Средней Азии. Такой перстень с выступом отмечен только среди находок Гейкеля в конце 90-х годов прошлого века в Таласской долине.[1]

Следует упомянуть часто находимые бубенчики шаровидной формы с прорезью внизу (рис. 35, *2—4*). Такие бубенчики хорошо известны по находкам в Семиречье и Южной Сибири, где они нередко встречаются среди инвентаря курганных захоронений, синхронных городищу Пенджикента.[2]

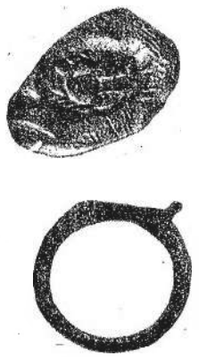


Рис. 34. Бронзовый перстень с изображением на щитке.

Два небольших колокольчика, из которых один обычной формы в виде усеченного конуса, а другой в виде усеченной четырехгранной пирамидки, могут рассматриваться в качестве культовых предметов. Один из них найден вместе с крупными бусами в северо-западном угловом приделе ограды, имевшем, несомненно, культовое назначение. Интерес представляет находка миниатюрного бронзового «котелка» с дисковидной подножкой, снабженной двумя дырочками (рис. 35,*1*). Последняя деталь говорит о том, что предмет этот к чему-то привязывался или прибивался. Близкие по форме «котелки» были найдены на Сукулукском городище в Киргизии на трассе Чуйского канала.[3]

Из других бронзовых изделий интерес представляет бронзовый ключ, несколько напоминающий современные замковые ключи (рис. 35, *7*). Найдены новые образцы предметов, известных по находкам прошлых лет, например поясные пряжки (рис. 35, *5*, *6*).

Находки железных изделий в отчетные годы, и особенно в 1952 г., представляют большой интерес, отличаясь весьма значительным разнообразием. Вместе с находками железных предметов в пригородном поселении они значительно расширяют общее представление об объеме производства железных изделий. Основную массу изделий дали помещения ограды второго храма.

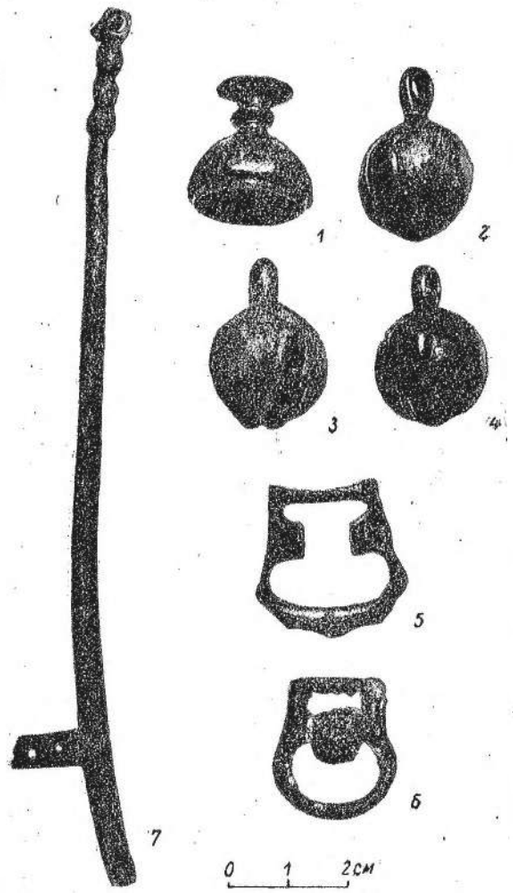


Рис. 35. Изделия из бронзы.

1 — бронзовый «котелок»; *2—4* — бубенчики; *5—6* пряжки; *7* — ключ.

Значительное место среди находок железных предметов, форма которых сохранилась или может быть восстановлена, занимают предметы вооружения и прежде всего наконечники стрел, отличающиеся разнообразием как по форме, так и по величине (рис. 36, *3*, *5—13*). Найдено также навершие копья в виде заостренного четырехгранного в сечении стержня с втульчатым насадом (рис. 36, *1*).

[1] H. J. Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki, 1918, Taf. XVIII, Fig. 16.

[2] МИА, № 14, табл. XLIII, *7*.

[3] Там же, табл. XLIII, *1*, *2*.

Из числа предметов вооружения отметим также железную панцирную пластину. Два отверстия по бокам служили для пришивки к матерчатой или кожаной подкладке (рис. 36, *4*). Судя по росписям, такого типа пластины с закругленным верхом применялись как для панцирей, так и для шлемов.

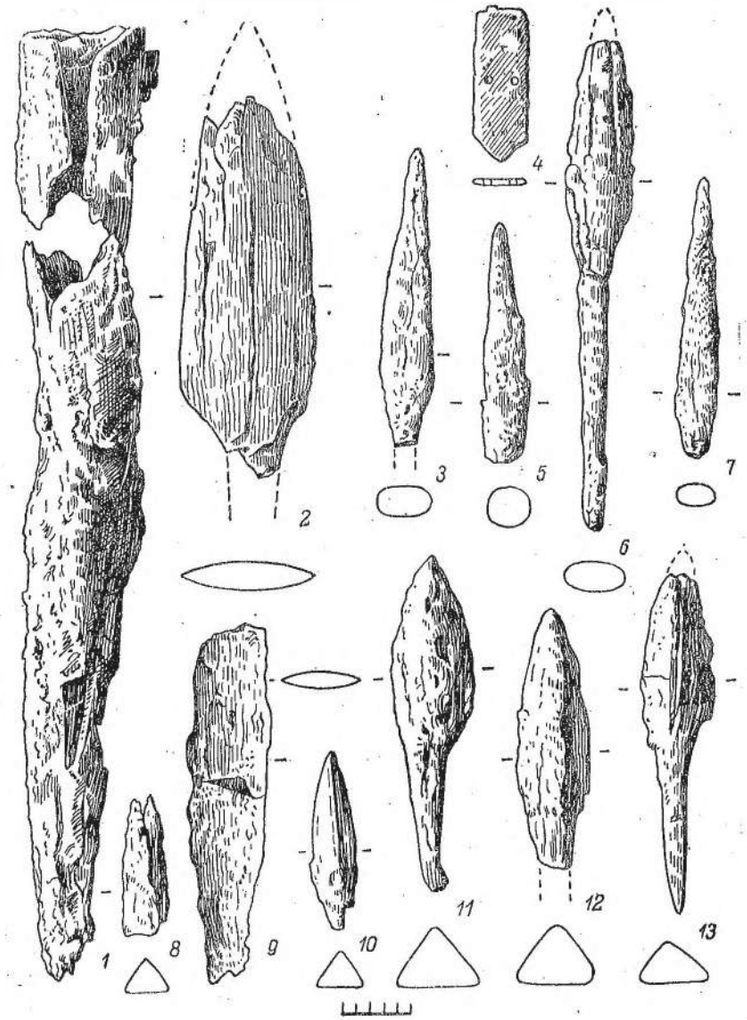


Рис. 36. Изделия из железа. Оружие.

1 — навершие копья; *3*, *5—8*, *10—12* — наконечники стрел; *4* — панцирная пластинка.

Ряд железных изделий имеет отношение к плотнично-столярному делу (рис. 37). Так, часто встречаются гвозди обычно двух типов — в виде костылей и со шляпками. Гвозди в виде костылей явно преобладают (рис. 37, *18—20*). Железные кольца, вероятно, являются частью дверной цепочки (рис. 37, *27*). Для каких-то столярных изделий предназначались наугольные накладки (рис. 37, *24*), скоба (рис. 37, *22*) и некоторые другие предметы.

Железные принадлежности конской сбруи представлены количественно не многими,

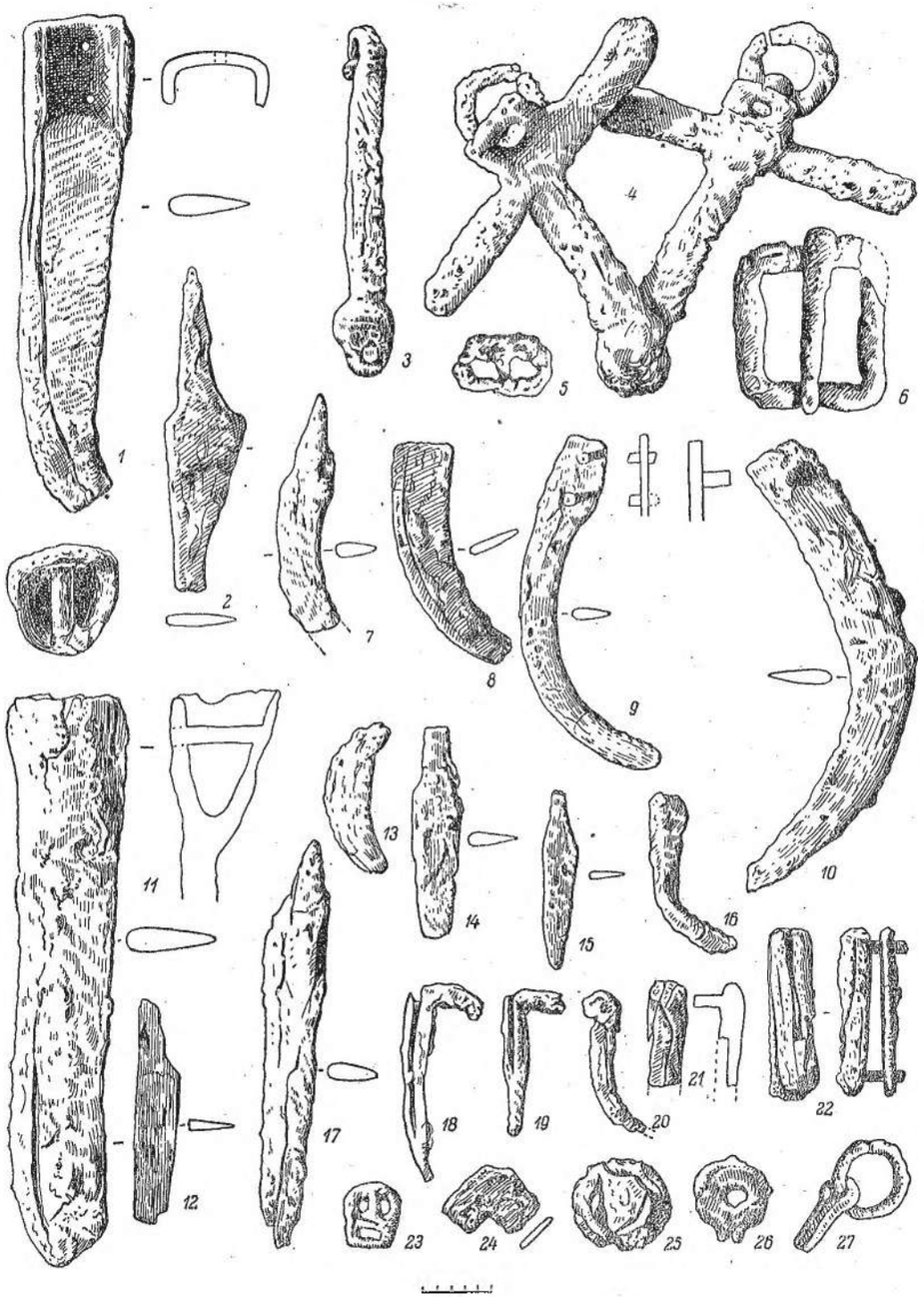


Рис. 37. Изделия из железа. Хозяйственный инвентарь.

2, 7, 8, 12, 14, 17 — ножи; *3, 4,* — удила; *5, 6* — пряжки; *9—10* — серпы; *13—20* — «костыли»; *22* — скоба; *24* — накладка; *25—27* — кольца.

но весьма интересными предметами. К ним относятся прямоугольные пряжки от ремней подпруги (рис. 37, *5, 6*). Из них одна крупная — 6×5 см, а другая — 3×2 см. Язычок пряжки прикреплен непосредственно на одной из сторон рамки, чем они конструктивно отличаются от пряжек поясных, у которых обычно для язычка имеется специальная перекладина, делящая пряжку на два звена.

Наиболее интересной находкой из этой категории изделий следует признать впервые найденные удила (рис. 37, *3, 4*). Несмотря на сильную коррозию, которой они подверглись, конструкция их восстанавливается полностью. Они снабжены прямыми псалиями и имеют по два кольца для прикрепления ремней узды и поводьев. Такие удила встречаются среди находок в кочевнических курганах Семиречья и южной Сибири.[1]

Интересно отметить, что и на росписи Пенджикента изображаются узды, снабженные удилами с псалиями близкого типа.[2]

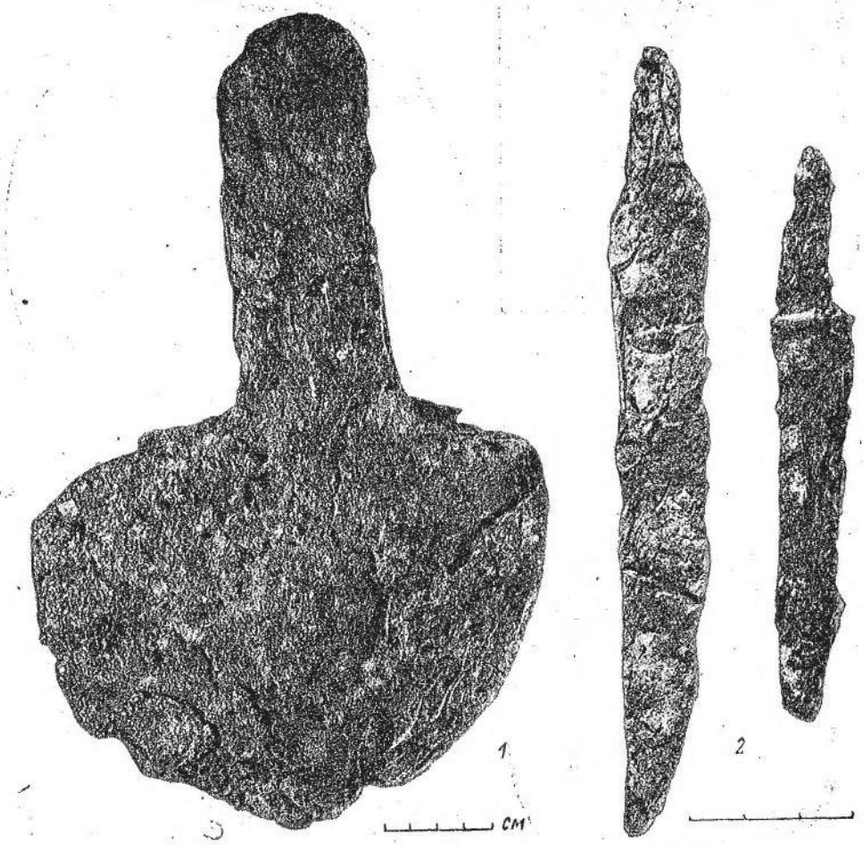


Рис. 38. Изделия из железа.

1 — лопатка для горна; *2* — ножи.

Среди железных изделий особую ценность имеют находки орудий труда. К ним относятся серпы (рис. 37, *9, 10*), особого вида топорики (рис. 37, *1*) и лопатка для горна (рис. 38, *1*). В 1952 г. найдено два серпа. Они несколько разнятся по своим размерам. Общим для них является способ прикреп-

[1] В. П. Левашева. Два могильника киргиз-хакасов. МИА, № 24, 1952, стр. 127, рис. 42, 43.

[2] Живопись Древнего Пянджикента, табл. XXXIII.

ления рукоятки. Тупой конец пластины серпа прикреплялся к рукояти одной или двумя заклепками, которые сохранились на обоих серпах.

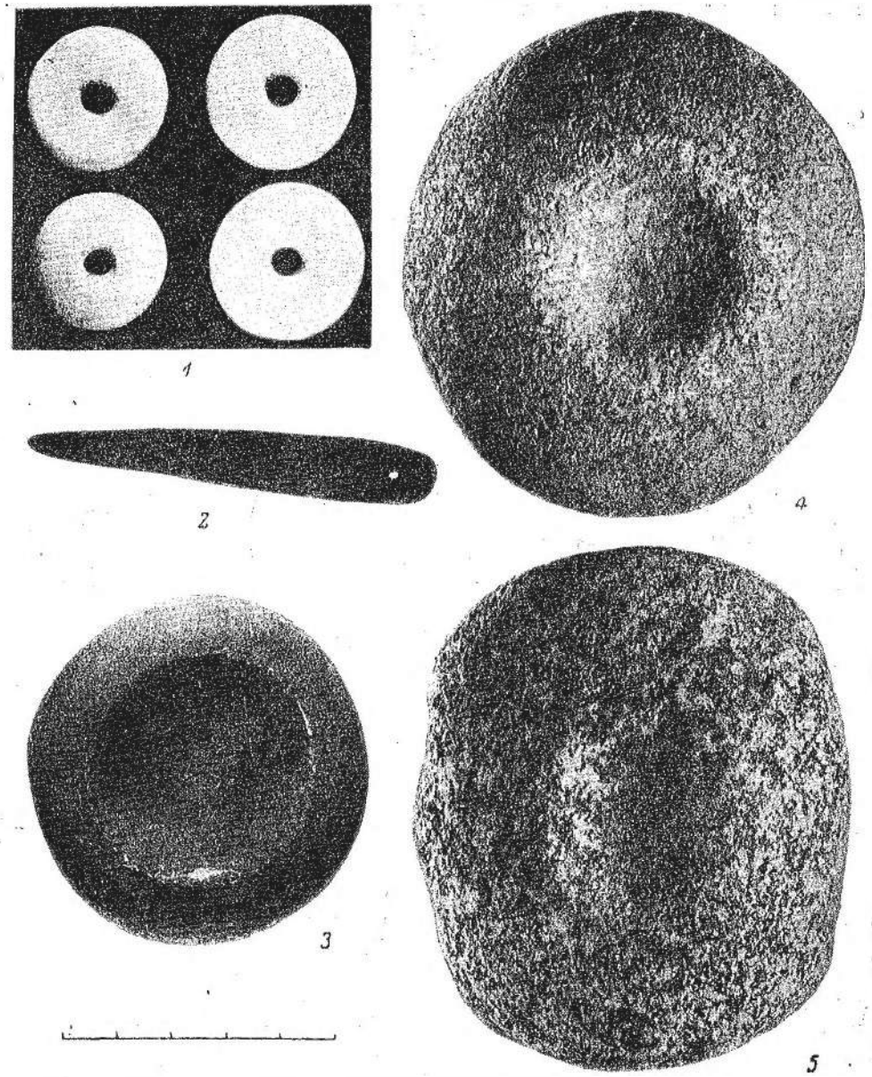


Рис. 39. Изделия из камня.

1 — прясла; *2* — палочка для сурьмления; *3* — ступка; *4—5* — терки.

Наконец, отмечу в качестве одного из наиболее часто встречающихся железных предметов различного размера ножи двух типов — прямые (рис. 38, *2*) и серповидные (рис. 37, *7*, *8*). Последние, как можно полагать, применялись при садовых работах. Общим для них является черешковый насад.

Изделия из камня

Если не считать бус и других мелких ювелирных украшений из самоцветов, требующих специального исследования, камен-

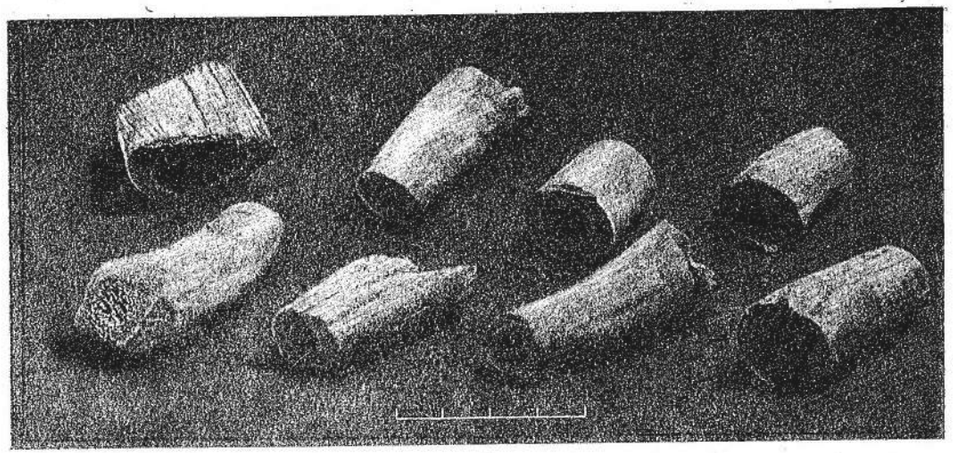


Рис. 40. Распиленные куски рога.

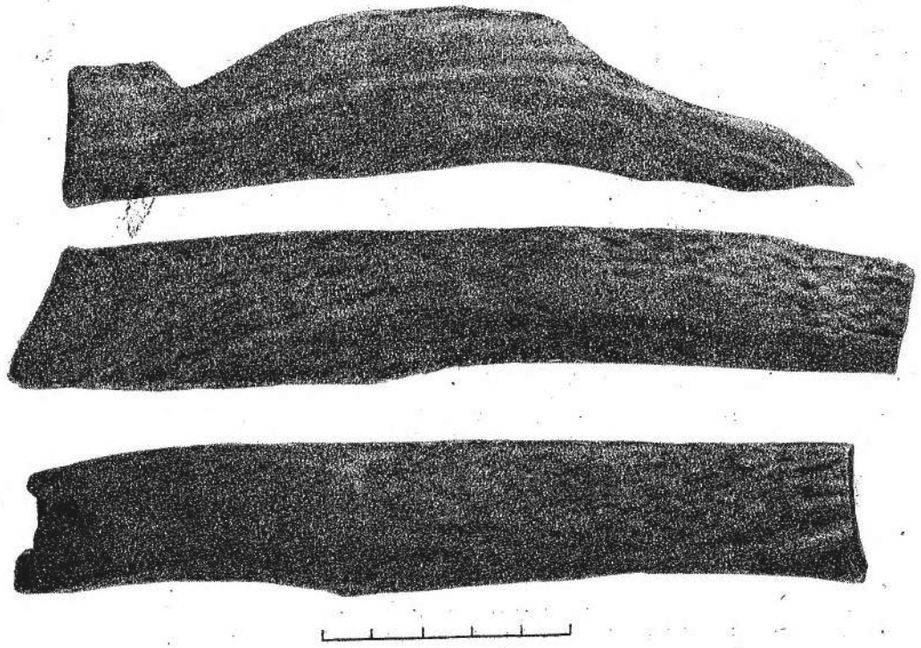


Рис. 41. Полуобработанные накладки для луков.

ные поделки при раскопках в Пенджикенте встречаются сравнительно редко. Камен-

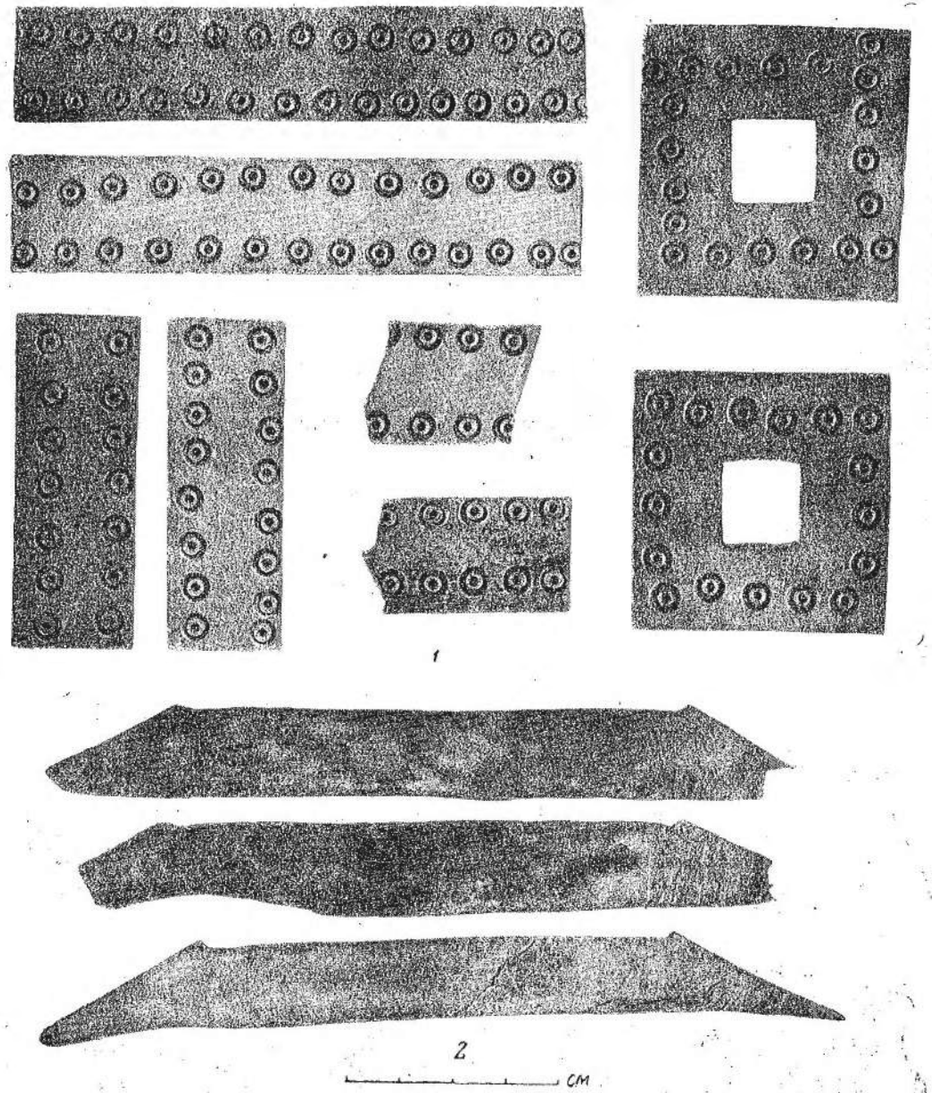


Рис. 42. Изделия из кости.

1 — орнаментированные костяные пластинки; *2* — накладки для луков.

ные изделия грубой обработки представлены небольшими ручными жерновами, ступками, Часто встречаются разного рода ручные терки (рис. 39, *3—5*), отшлифованные в результате их длительного применения в большей мере, чем при их предварительной обработке. Специально женской принадлежностью являются небольшие каменные палочки «сурьматаш» для косметических целей, а именно для натирания бровей графитом. Они снаб-

жены отверстием на утолщенном конце для ношения их на веревочке[1] (рис. 39, *2*). Встречается большое количество и каменных прясел (рис. 39, *1*).

Нельзя не отметить очень любопытной поделки из камня — хорошо отполированного предмета яйцевидной формы с выгравированным на нем с одной стороны колосом (?), а с другой—ряда параллельных линий.

Такого рода предметы были найдены при раскопках в Фергане В. Д. Жуковым, но без гравировки.[2]

Как выяснено В. А. Лившицем, этот предмет является гирькой, а знаки цифровыми обозначениями веса.

Изделия из кости и рога

Поделки из рога и кости не являются редкостью для Пенджикента. Раскопки ежегодно дают то или иное количество находок костяных и роговых предметов. Среди них нередко попадаются явно бракованные изделия, свидетельствующие о том, что они сделаны на месте в Пенджикенте. Однако только в 1953 г. при раскопках мастерской на объекте III было обнаружено большое количество костяных и роговых заготовок и полуфабрикатов, которые наглядно указывали на местную обработку этих материалов. Среди находок в мастерской отметим распиленные куски рога (рис. 40) и полуобработанные накладки для луков (рис. 41). Сравнительно большое количество поделок из рога и костей было найдено в помещениях ограды объекта II в 1952 г. Здесь, в частности, было обнаружено около десятка квадратных и удлиненных пластинок, украшенных бордюрами из циркульных кружков — наиболее распространенным орнаментом на такого рода изделиях (рис. 42, *1*). Назначение их неясно. Возможно, что такие пластинки являлись украшениями для ларчиков или шкатулок. Наибольший интерес представляют впервые найденные в Пенджикенте готовые накладки для лука (рис. 42, *2*). Все они одинакового размера (длина 15, ширина 1.6—1.8 см), предназначены для срединной части лука. Внутренняя сторона покрыта перекрещивающимися неглубокими насечками для лучшего приклеивания их к основе лука.

Особо следует отметить находку большой рукояти, видимо для меча из слоновой кости, украшенной по краям рельефными валиками (рис. 43). Рукоятка имеет форму

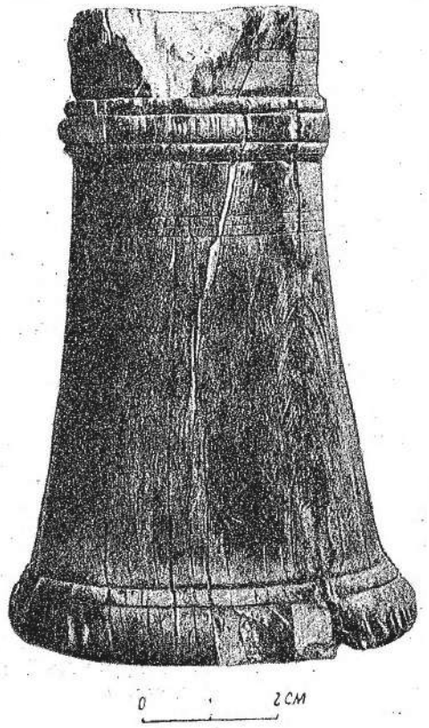


Рис. 43. Костяная рукоять.

слабо суживающегося усеченного конуса, высотой в 13 см при диаметре оснований 8 и 5 см. Гнездо для черешка орудия имеет глубину в 6 см.

Памятники искусства

Раскопки 1951—1953 гг. на городище древнего Пенджикента дали большое количество новых памятников искусства. В 1952 г. впервые открыты образцы глиняной скульптуры и резного дерева. Однако как и в предшествующие годы, наиболее выразитель-

---

[1] Ср.: Н. Н. Ершов. О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков. Доклады АН Таджикской ССР, вып. III, Сталинабад, 1952, стр. 27 и др.

[2] В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда Археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Труды Института истории и археологии АН Узб. ССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 64.

ными для городища памятниками искусства являются многокрасочные стенные росписи.

Выше были отмечены те помещения, в которых были открыты в отчетные годы остатки стенных росписей. Часть последних, а именно открытые в 1951 г., опубликованы в сборнике «Живопись древнего Пянджикента». В связи с этим мы ограничимся описанием только тех росписей, которые в указанный сборник не вошли. К ним относятся росписи, обнаруженные в четырех помещениях объекта VI — 1, 8, 10 и 13.

Росписи помещения 1. Раскрытие росписей в этом помещении производилось в течение 1951 и 1952 гг. Та часть росписей этого помещения, которая была обнаружена в 1951 г., опубликована в указанном сборнике. Не останавливаясь повторно на характеристике опубликованных росписей из этого помещения, напомню лишь вкратце для большей наглядности последующего изложения их содержание и местонахождение на стенах. Так, большой участок росписи был обнаружен на западном от входа конце северной стены, где была изображена группа пирующих лиц, сидящих под балдахином.

Сцена пира переходит на западную стену, где к ней непосредственно примыкает начало новой композиции, от которой сохранилось изображение только одного персонажа. Содержание этой композиции, вероятно, было сходно с предыдущей.

Другой участок росписи был в том же году раскрыт на южной стене, также на западном ее крае; изображена сцена поединка пеших воинов. Кроме этой групповой композиции, тут же находилась фигура женщины, играющей на арфе. Вслед за арфисткой развертывалась композиция, занимавшая срединную часть южной стены, к сожалению почти полностью уничтоженная. Можно установить лишь небольшие остатки животного (льва?), на котором восседала, видимо, фигура человека или божества в очень красочной одежде.

Очень интересные, но, к сожалению, сильно разрушенные участки стенной росписи были открыты в 1952 г. Так, южный конец западной стены занимала многофигурная батальная сцена, на которой показано столкновение двух групп воинов-всадников. Фигуры воинов, а также изображения лошадей чрезвычайно сильно повреждены, особенно правой (от зрителя) группы воинов. От последней осталось лишь изображение части туловищ лошадей, скачущих «в ногу». Так же скачущими «в ногу» изображены лошади и противной стороны. Эта манера изображения, которая должна подчеркивать бой сомкнутым строем, выдержана и на других аналогичных батальных сценах пенджикентской росписи, как например, в помещении 6 объекта III.[1] На этом фрагменте весьма ценными являются изображения ряда деталей: предметов сбруи, оружия, тканей. Любопытна фигура павшего воина, лежащая под ногами лошадей, сохранившаяся, кстати, в наиболее удовлетворительном виде.

Другой участок живописи открыт на восточном конце южной стены, на котором изображены дверной проем и частично стены какого-то здания. У входа видна бегущая фигура молодого человека. Он одет в такой же костюм, как и участники пира, изображенные на северной стене этого помещения. Здесь же видна голова и передняя часть туловища быка (?), как бы влезающего в ворота откуда-то снизу. Справа (от зрителя) к воротам подъезжает бородатый всадник-воин в доспехах и со штандартом в руке. Слева стоят два пеших воина, изображенных в более крупном масштабе. Они также в доспехах и короткорукавных кафтанах поверх них (рис. 44). Надо полагать, что в сохранившейся части композиции мы имеем отрывок сцены эпического содержания, восстановить которую полностью, к сожалению, не представляется возможным.

Живопись на восточной стене почти целиком уничтожена, за исключением небольшого участка на северном конце ее, где сохранилось изображение двух рук, видимо пеших воинов в кольчужных рукавах. У одного из них обнаженный меч, поднятый острием вверх (рис. 45). Это первое изображение меча без ножен на пенджикентских росписях. Хорошо передан способ держания меча. Клинок, равномерно суживающийся к концу, возможно, обоюдоострый. Рукоять снабжена перекрестием и обоймой, охватывающей нижний ее конец. Верхний конец рукояти отогнут и имеет шаровидный набалдашник.

Последний из открытых в этом зале фрагментов живописи находится на восточном краю северной стены. Сохранность мало

[1] Живопись древнего Пянджикента, табл. XXV.

Рис. 44. Объект VI. Помещение 1. Роспись южной стены.

Рис. 45. Объект VI. Помещение 1. Роспись в северо-восточном углу.

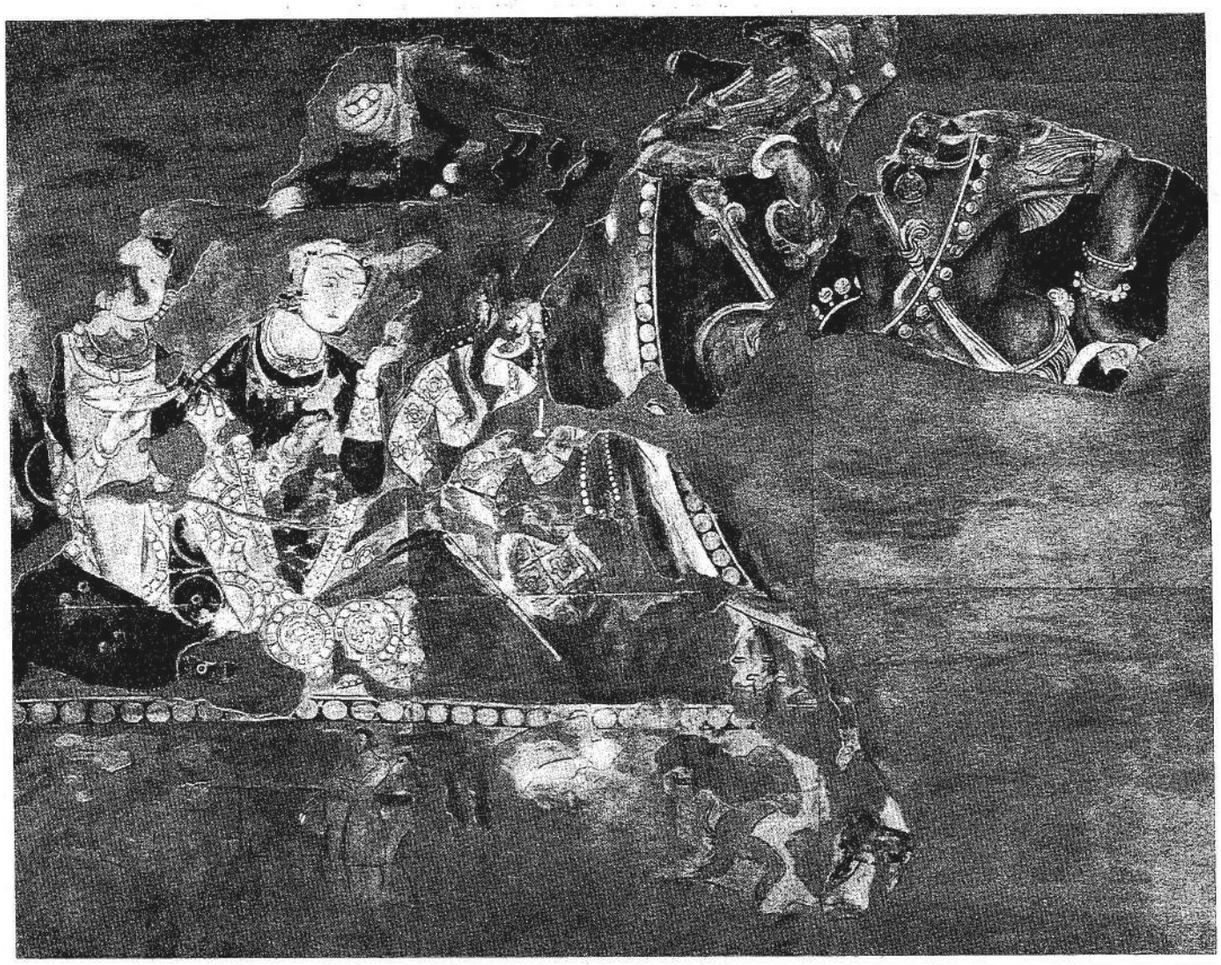


Рис. 46. Объект VI. Помещение 8. Роспись на северной стене.

Рис. 47. Объект VI. Помещение 13. Роспись на северной стене.

Рис. 48. Объект VI. Помещение 13. Деталь росписи на западной стене.

удовлетворительная, однако можно установить наличие воинов-всадников, направляющихся влево, с копьями, обращенными остриями назад. В отдельных местах из-под поверхностного слоя красок четко выступают контуры другого рисунка, явно иного содержания, чем основная роспись. На этом фрагменте особое внимание привлекает изображение двухколесной повозки типа арбы, с кузовом, огражденным, вероятно, плетеной решеткой. В кузове сидит мужчина скрестив ноги. К сожалению, изображение повозки в деталях не ясно. Сам факт изображения ее представляет, однако, незаурядный интерес. Для данного периода мы другого памятника, который свидетельствовал бы о существовании колесного транспорта в Согде, не знаем. Сведения авторов письменных источников о бытовании повозок относятся специально к кочевым народам Семиречья.[1]

Вновь открытые фрагменты живописи в еще большей мере, чем опубликованные, разъединены большими лакунами. Вследствие этого высказанное раньше предположение о сюжетном единстве всей росписи этого зала не может быть подтверждено.[2] Однако ряд деталей дает основание более уверенно считать, что содержанием сцен являлись эпизоды эпического характера, которые в совокупности могли составлять более или менее единый цикл.

Росписи помещения 8. В этом помещении, раскопанном в 1953 г., был открыт лишь один фрагмент росписи, который сохранился на западном конце северной стены (рис. 46). На западной стене остались только пятна разноцветной краски, с обрывками контуров, не дающие никакого представления о характере бывших здесь росписей. На остальных стенах живопись целиком уничтожена. Несмотря на это, едва ли приходится сомневаться в том, что, как и в других помещениях, все стены рассматриваемого зала были некогда украшены живописью.

Насколько можно судить по фрагменту, который сохранился на северной стене, в этом зале росписи имели своим содержанием другие сюжеты, чем живопись помещения 1. На уцелевшем фрагменте здесь сохранились всего четыре фигуры, вероятно все — женские.

Особо привлекает внимание своей необычностью крайняя справа (от зрителя) сидящая обнаженная фигура, написанная синей краской. Сохранилось только туловище (голова и ноги отсутствуют), причем штукатурка с большей частью изображения этой фигуры еще в древности откололась и сместилась. От сидения уцелели лишь вычурно изогнутые подлокотники (?). На груди фигуры перекрещиваются две украшенные пышным бантом перевязи, перекинутые через плечи. Одна из перевязей увешана бубенцами шаровидной формы с прорезью снизу. Точно такую форму имеют находимые при раскопках в большом числе бубенцы. Кроме того, на шее фигуры подвешен круглый колокольчик (?) или же более крупный, чем другие, бубенчик. Мне представляется, что эта фигура изображает отдыхающего танцора или, что более вероятно, танцовщицу. Бубенцы, которыми она увешена, являлись своего рода музыкальным инструментом. Справа от фигуры танцора изображены три женских (?) фигуры в богатых одеждах, стоящих на коленях и держащие в протянутых руках ожерелья и другие предметы, предназначенные, вероятно, в качестве подношения танцору.

Под этой группой по низу стены сохранились следы фриза, к сожалению в очень плохом состоянии, на котором улавливаются контуры отдельных изображений животных и человеческих фигур.

Росписи помещения 10. Неожиданным явилось открытие остатков живописи в помещении 10, представляющем собой небольшую комнату со сводчатым перекрытием. В помещениях этого типа стенные росписи встречаются очень редко. Чрезвычайно интересно то, что остатки живописи здесь сохранились лучше всего на своде. Если не считать небольшой ниши, открытой в помещении 5 объекта I, на своде которой были обнаружены остатки декоративной росписи, в рассматриваемом помещении мы впервые встречаемся с плафонной живописью (см. рис. между стр. 214—215).

Здесь удалось выяснить основной элемент (рапорт) росписи. Свод был расписан по белому фону сеткой крупных ромбовидной фигур, в центре которых располагалось

[1] E. Chawannes. Essai sur l'histoire de Tou-K'iue (turcs) occidentaux. СПб., 1903, стр. 235—237.

[2] М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Живопись древнего Пянджикента, стр. 119.

схематическое изображение бутона цветка, переданного черной, красной и желтой красками. Отметим, что на сводике ниши в помещении 5 объекта I применена та же схема расположения орнамента. К сожалению, росписи на стенах того помещения почти совершенно уничтожены. Лишь в одном месте около пяты свода сохранился частично рисунок женской головки, говорящий о том, что и здесь имелась сюжетная роспись.

Роспись помещения 13. Здесь остатки росписи открыты на двух стенах — северной и западной. На восточной стене сохранились лишь пятна красок. Южная стена полностью не раскопана. Кроме того, здесь в завале на полу найдены мелкие фрагменты штукатурки с росписью.

На северной стене можно установить две сцены. На первой из них изображена группа всадников и пеших воинов, направляющихся сомкнутым строем вправо. Новым в этой сцене является идущий вслед за всадником слон. К сожалению, роспись чрезвычайно сильно попорчена и в деталях неясна.

На соседнем участке этой стены изображены три молодых музыканта (рис. 47). Несмотря на плохую сохранность живописи на этом участке, фигуры музыкантов и их музыкальные инструменты улавливаются вполне определенно. Форма двух инструментов не вызывает сомнения. Один из них — струнный инструмент типа лютни. Другой инструмент известен нам по изображению в помещении 1 этого же объекта: это своеобразный тип арфы, встречающейся на буддийских росписях Синьцзяна.[1] По своему происхождению это, видимо, индийский инструмент. Так, например, он изображен в скульптуре Гандхары.[2] В настоящее время он распространен в качестве народного инструмента в юго-восточной Азии.[3] Форма третьего инструмента, к сожалению, не ясна. Инструмент этот, по-видимому, принадлежит по типу к флейте Пана, хотя с полной определенностью пока утверждать это трудно.

Наибольший интерес представляет большой фрагмент росписи, открытый на северном конце западной стены рассматриваемого зала. Это один из лучших образцов пенджикентской живописи и по своей сохранности.

Центральную часть фрагмента занимают три фигуры,[1] из которых две показаны занятыми игрой на доске типа нард (рис. 48). Один из игроков резко выделяется среди других участников сцены своим костюмом, представляющим собой безрукавный полосатый плащ, накинутый на плечи, из-под которого видна обнаженная верхняя половина туловища. Костюм его дополняет неясная по покрою одежда (юбка или штаны?), доходящая до щиколоток. В своей верхней части она украшена изображением льва.

Отличает эту фигуру от других участников сцены и отсутствие головного убора, который заменен повязкой, перехватывающей длинные зачесанные назад волосы. Остальные участники сцены одеты в обычную для пенджикентских росписей плотно облегающую одежду. Головы покрыты сложными головными уборами типа царских корон. Особенно характерна корона второго игрока, снабженная крыльями. Головы всех фигур окружены нимбами. Кроме того, у фигуры с крылатой короной из-за плеч поднимаются длинные языки пламени. Указанные детали говорят о том, что это не обычная бытовая сцена. Расшифровка ее усложняется еще тем, что персонажи этой сцены показаны и на других участках фрагмента, в иных ситуациях. Так, крайняя слева фигура в описанной сцене изображена повторно ниже игроков, держащей в руках доску или картину. Также повторно изображена фигура игрока в короне; фигура игрока в плаще встречается в трех местах. К сожалению, живопись на этих участках росписи настолько попорчена, что установить содержание других сцен, в которых принимают участие персонажи основной сцены, не представляется возможным. Можно лишь полагать, что на них представлен ряд добавочных эпизодов, связанных по сюжету с основной сценой.

Мне кажется, что рассматриваемая композиция по своему содержанию может найти разъяснение в буддийской мифологии. В этом отношении особо интересны «джатаки» — рассказы из жизни Будды во время его земных перерождений. Так, известен ряд таких рассказов, где Будда выступает в качестве царя, играющего в кости с брахманом.[1] Вполне возможно, что художник, создававший интересующую нас сцену, в лице игрока в плаще изобразил именно брахмана, экзотичность для Средней Азии всего облика которого вполне согласуется с таким толкованием.

В буддийской иконографии находит себе параллели и такая характерная деталь, как языки пламени позади плеч царя. Однако само собой разумеется, что такое толкование содержания этой сцены является сугубо предположительным. Вопрос этот требует своего дальнейшего углубленного изучения.

Очень большой интерес представляет сохранившийся на рассматриваемом фрагменте участок живописи, принадлежащий второму ярусу.

Сам факт росписи стен двумя ярусами (не считая нижних фризов) был зафиксирован в Пенджикенте в ряде других случаев, например на северной и южной стенах помещений 1 объекта VI, но остатки этой росписи были столь незначительны, что по ним судить об их содержании не представлялось возможным.

Участок росписи второго яруса, выявленный полностью во время камеральной обработки, по своему содержанию принадлежит композиции, явно не имеющей связи со сценами нижнего яруса. Здесь сохранились остатки изображений трех фигур. Лишь одна фигура оказалась неповрежденной. Несмотря на эти дефекты, содержание сцены не вызывает сомнения. Оно сводится к следующему: перед сидящей слева фигурой мужчины стоят на коленях две других фигуры. Очевидно, сцена изображает пленников, находящихся перед лицом, от которого зависит их судьба. На обнаруженном в этом помещении (на полу, вблизи стены) куске штукатурки с росписью оказалось также изображение человека с завязанными позади руками (рис. 49). Эта фигура тоже принадлежит, надо полагать, к рассматриваемой сцене. Она интересна еще и в том отношении, что указывает на высокое положение пленника и, возможно, на страну, откуда он происходит. Об этом мы можем судить по одной детали его верхней одежды, а именно по изображению слона на поле его кафтана.

Это вторая фигура на нашей росписи, одежда которой украшена изображением животного. То обстоятельство, что в данном случае изображен слон, является, вероятно, указанием на индийское происхождение фигур, которым эта одежда принадлежит. Изображение льва на одежде игрока в нарды («брахмана») следует признать также более характерным для Индии, чем для Средней Азии.

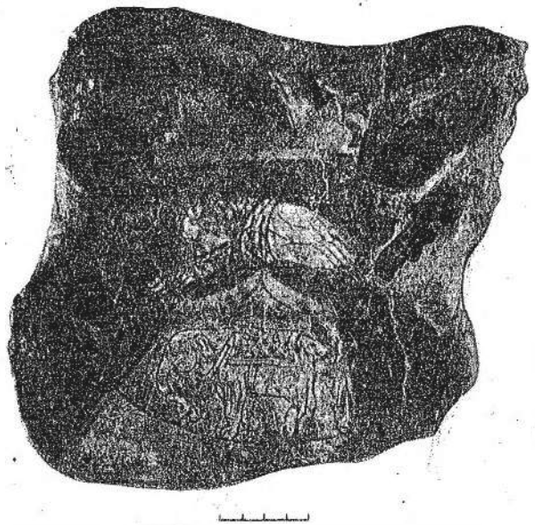


Рис. 49. Объект VI. Помещение 13. Фрагмент росписи из завала.

Несомненный интерес представляет то обстоятельство, что сюжет этого небольшого фрагмента находит себе аналогии в другом фрагменте росписи, открытом еще в 1913 г. на городище Афрасиаб В. Л. Вяткиным.[1]

Фрагмент афрасиабской росписи был датирован Вяткиным саманидским временем, однако, как справедливо отмечает М. М. Дьяконов, «в свете современных данных» он должен быть отнесен к VI—VIII вв., иначе говоря — он должен быть признан синхронным пенджикентской росписи. Действительно, при первом же взгляде на этот небольшой фрагмент не трудно обнаружить определенную и стилистическую близость

[1] A. Grünwedel. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesischen Turkestan. Berlin, 1912, fig. 237, 244, 264.

[2] J. Hackin. Guide-Catalogue du Musée Guimet. Les Collections Bouddhiques. Paris et Bruxelles, 1923, Pl. III, *a*, крайняя справа фигура музыкантши.

[3] Р. И. Грубер. История музыкальной культуры, т. I. М., 1941, стр. 247.

[1] От четвертой, крайней справа от зрителя, фигуры сохранилась лишь часть головы и руки, по которым, однако, можно определенно судить об ее участии в сцене.

[1] Ср.: П. Минаев. Несколько рассказов из перерождений Будды. ЖМНП, 1871, 11, стр. 85.

[1] См.: Живопись древнего Пянджикента, стр. 91.

между ним и живописью Пенджикента. Близость эта становится еще более ощутимой при сравнении афрасиабского изображения пленника с интересующим нас фрагментом росписи из Пенджикента. Больше того, и в том и другом случаях вполне вероятно, что перед нами обрывок одного и того же сюжета, передающего какое-то по-

Лицо это изображено сидящим в очень свободной позе, выражающей полное безразличие к какому-либо этикету. Одна нога у него вытянута, другая поставлена согнутой в колене. Туловище откинуто несколько назад. Пренебрежительность его позы подчеркивается распахнутым кафтаном, из-под которого видна обнаженная грудь. Особенно

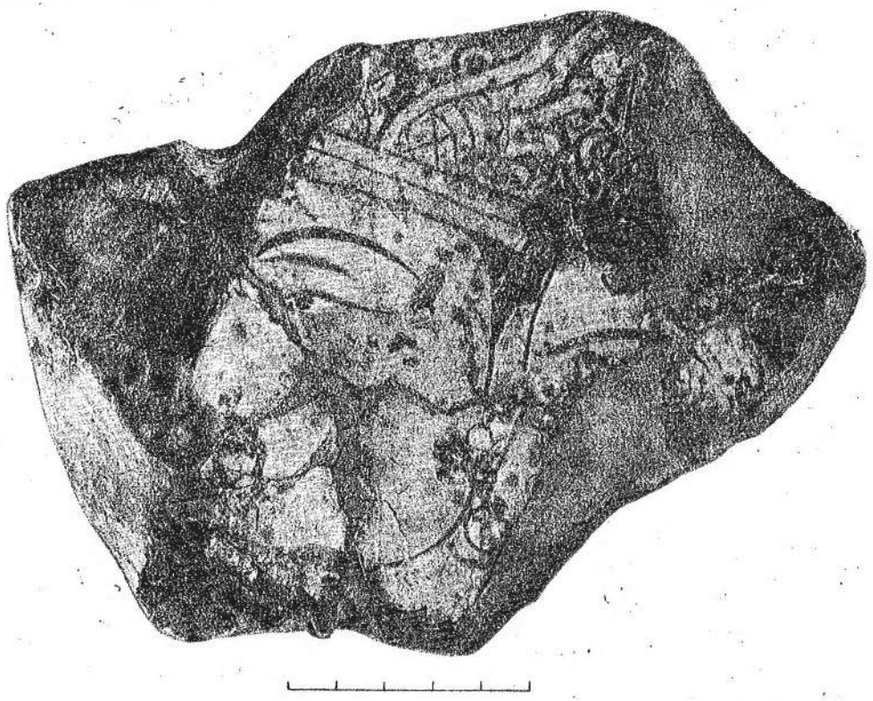


Рис. 50. Объект VI. Помещение 13. Фрагмент росписи из завала.

пулярное эпическое предание или историческое событие, связанное с пленением высокопоставленных лиц.

Другой фрагмент росписи, найденный в завале, изображает мужскую голову в профиль в крылатой короне (рис. 50). Рядом с мужской головой сохранилось только частично изображение, видимо женской головы, также в профиль, с весьма искусной прической.

Возвращаясь к сцене второго яруса, следует подчеркнуть необычность позы персонажа, перед которым стоят на коленях пленники.

бросается в глаза нарочитость этой позы при сравнении с обычно как бы застывшими изображениями сидящих фигур на других росписях Пенджикента.

Дать объяснение такому явному нарушению устойчивого живописного канона я затрудняюсь.

Помимо указанных сцен, смысл которых в какой-то мере поддается истолкованию, на западной стене сохранились интересные разрозненные детали. Хотя содержание их и не удается связать со всей сценой, тем не менее они, несомненно, входят в общую композицию.

Не перечисляя всех их, отметим лишь наиболее важные. Так, в первую очередь следует назвать изображение замка или башни слева от сцены игроков. Изображение это представляет исключительно большой интерес с различных точек зрения. Прежде всего в нем мы имеем впервые изображение определенного типа архитектурного сооружения, отражающего, как следует полагать, его реальный облик. Исключительно интересны отдельные архитектурные детали. Таковы, например: оформление входа, изображение балкона, решетчатых оградок второго этажа, колонны, фигурной кладки кирпича, зубцов с бойницами и пр. Особо отметим одну деталь — наличие над аркой входного проема, ведущего в башню, изображения морды чудовища. Находка такой же морды, вылепленной из глины у входа в айван второго храма (см. ниже), подтверждает высказанное раньше предположение о значении таких изображений, которые служили в качестве апотропея для здания.[1]

Специальный интерес представляет изображение башни и потому, что оно многими своими деталями может служить в качестве близкой параллели к изображению такого же сооружения на известном аниковском серебряном блюде,[2] вопрос о происхождении которого привлекает к себе внимание исследователей в последнее время. Вполне очевидно, что мастер, создававший композицию на аниковском блюде, и живописец, который изобразил башню на интересующем нас фрагменте росписи, передали один и тот же тип архитектурного сооружения. Тем самым изображение башни на пенджикентской росписи может служить вполне убедительным свидетельством именно среднеазиатского, если даже не согдийского происхождения блюда.[3] Оно же дает и достаточно надежное указание на время, когда оно было изготовлено. К сожалению, сюжет сцены, центром которого является башня на росписях, не поддается восстановлению. Однако очень интересно то, что неподалеку от башни сохранилось изображение головы воина в «рогатом» шлеме, точно таком же, какой изображен на одном из воинов, осаждающих башню на аниковском блюде, что говорит и о некоторой сюжетной близости изображений на рассматриваемых памятниках.

На той же стене, южнее описываемого фрагмента живописи, открыт другой сравнительно небольшой фрагмент с изображением всадника, едущего влево. Несмотря на неудовлетворительную сохранность этого фрагмента, можно утверждать, что изображение всадника имеет много общих черт с изображением всадника на «щите» с горы Муг.[1]

Вышеприведенный краткий обзор вновь открытых за отчетные годы памятников живописи вполне подтверждает высокую оценку, которая уже дана в печати пенджикентским стенным росписям. Новые образцы их значительно расширяют наши представления о культуре народа, из среды которого вышли художники, создатели этой живописи, и в этом их особая ценность.

Помимо памятников живописи, в отчетные годы, как указывалось выше, на городище Пенджикента найдены весьма интересные памятники скульптуры.

Наблюдения и некоторые находки прошлых лет указывали вполне определенно на то, что искусство скульптуры, и в частности монументальной, было распространено здесь наряду с живописью. Так, еще в 1948 г. было найдено выполненное из гипса человеческое лицо.[2] Храмовые ниши и их устройство свидетельствуют о том, что они были предназначены для помещения крупных скульптурных фигур. Действительно, на западной стене главного зала объекта II под северной нишей был обнаружен в 1948 г. небольшой фрагмент глиняной скульптуры, находившейся некогда в этой нише.

Все эти находки, однако, являлись лишь указанием на существование скульптуры. Представление о характере самой скульптуры было получено лишь в 1951—1952 гг. при раскопках айвана восточной ограды второго храма.

Фрагменты скульптуры стали попадаться в завале обоих крыльев айвана на глубине приблизительно в 1 м от поверхности сохранившихся стен. Внешне они представляли

[1] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. М. Мончадская. Пянджикентский некрополь. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, стр. 82.

[2] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 20.

[3] Ср.: А. И. Терепожкин. К истории искусства Хорезма. «Искусство», 1939, № 2; также: С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 215 и сл.

[1] Б. Я. Ставиский. О двух памятниках согдийского изобразительного искусства. КСИИМК, 61, стр. 63.

[2] МИА, № 15, табл. 53, *1*.

собой разной величины куски двухслойной глины зеленоватой и светложелтой окраски. Основанним для скульптуры служил светложелтый слой. Для фигурной лепки применялась глина зеленоватой окраски.

Рис. 51. Объект II. Скульптура. Кисть руки.

Скульптурные фрагменты, найденные на полу айвана, были, вероятно, преднамеренно сбиты с тех мест, где они первоначально находились. Другой причиной, приведшей в разрушению скульптуры, послужил, возможно, и обвал перекрытия.

Благодаря очень скрупулезной работе группы реставраторов во главе с П. И. Костровым, удалось очистить и закрепить большое количество различных по величине фрагментов. Из них отметим: два фрагмента одежды с поясами; крупный фрагмент полы одежды с замечательно изящной по рисунку рельефно изображенной оторочкой; кисть руки (рис. 51); большой фрагмент блюда (?) с лежащей на нем рыбой; голову фантастического зверя (рис. 52), две головы драконов; изображение двух стоящих в геральдической позе драконов, помещенных в подковообразной рамке с отогнутыми краями.[1]

[1] А. М. Беленицкий. Археологические работы в Пенджикенте. КСИИМК, 55, 1954, стр. 43, рис. 8, 2.

Из числа указанных скульптурных фрагментов особо необходимо выделить находку головы зверя, — оскаленную морду льва. Такие изображения известны под именем «киртимукха». Данный скульптурный фрагмент был обнаружен вблизи прохода в айван. То, что он оказался здесь не случайно, подтверждается наличием, как выше указывалось, аналогичного изображения «киртимукхи» над входом башни, изображенной на росписях в помещении 13 объекта VI.

Можно, очевидно, полагать что помещение таких изображений над входом в здание служило оберегом.

Для характеристики стилистических особенностей скульптуры большой интерес представляет фрагмент человеческой головы.[1] По-видимому, первоначально лицо было изваяно в фас или в три четверти. Сохранилась левая половина лица без подбородка. Очень характерна передача брови в виде выпуклого, дважды изогнутого, окрашенного в черный цвет валика, идущего от виска до переносицы. Тщательно вылеплен глаз. Пластично переданы скулы и щеки.

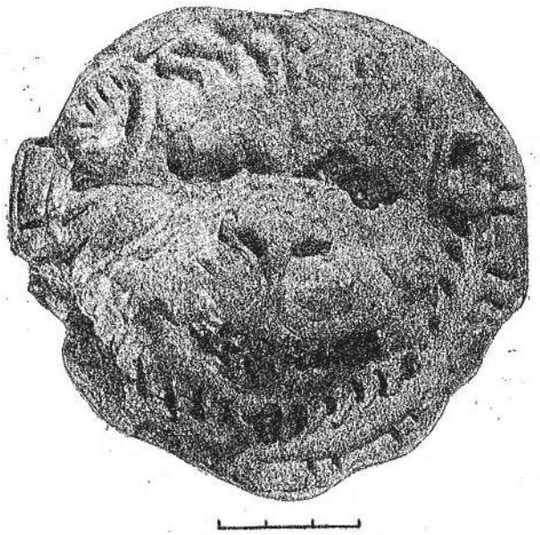


Рис. 52. Объект II. Скульптура. Голова фантастического зверя.

[1] А. М. Беленицкий, ук. соч., стр. 43, рис. 8, 3.

От носа сохранилась только одна ноздря. Губы, судя по очень небольшому сохранившемуся уголку верхней губы, были тонкие. Волосы черные. От головного убора сохранилась лишь небольшая полоска, изображающая, видимо, повязку (или диадему?). В целом, несмотря на сильную искалеченность скульптуры, она и в таком виде отличается выразительностью и свидетельствует о большом мастерстве ее исполнителя.

Кроме указанных фрагментов, количество которых приведенными образцами не исчерпывается, на айване были открыты остатки скульптуры in situ, знакомящие нас значительно более полно с общим характером пенджикентской скульптуры, дающие представление и о ее содержании (рис. 53). К сожалению, оставшаяся на месте скульптура также подверглась очень сильным разрушениям. Особенно пострадала скульптура в северном крыле айвана.

В лучшем состоянии оказались скульптурные остатки южного крыла айвана. Обнаруженная здесь на месте скульптура представляет собой выполненную в высоком рельефе панель, расположенную по низу западной и южной стен, почти на всем их протяжении. Панель начинается у северного края западной стены, непосредственно у проема центральных ворот, с изображения человеческой фигуры по пояс, держащей в правой руке несоразмерно крупный предмет, похожий на базу колонны, основание жертвенника или постамент статуи. Голова и левая рука не сохранились. Очень любопытна одежда, представляющая собой безрукавную, слегка складчатую сорочку, стянутую в талии. На открытой шее резко выступают ключицы. Обнаженная рука непропорционально длинна по сравнению с фигурой.[1]

На этой же стене, на расстоянии 0.5 м от фигуры с «базой» в руке, открыта многофигурная композиция, тянущаяся вдоль западной и южной стен айвана без перерыва, общей длиной около 9 м.

Вся композиция изображает фантастический речной (или морской) пейзаж. Начало напоминает вход в скалистый грот. Здесь как бы зарождается тот водный поток, который и является фоном для всей

[1] А. М. Беленицкий, ук. соч., стр. 44, рис. 9, 1.

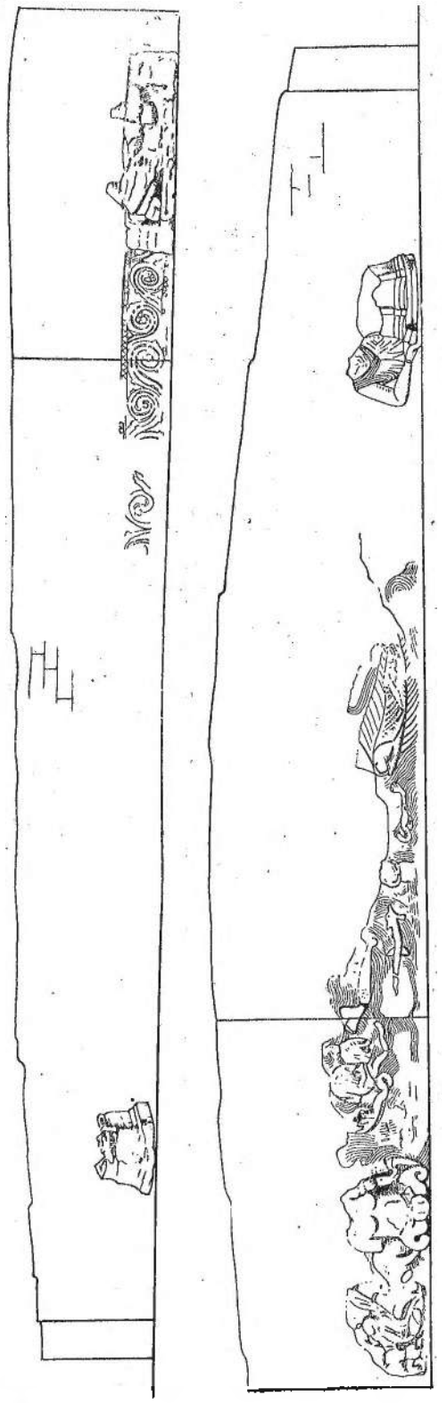


Рис. 53. Скульптура. Развертка стен айвана.
1 — северное крыло; 2 — южное крыло.

композиции. Водная поверхность показана в виде рельефных, развертывающихся сперва правильной спиралью, а затем идущих в разных направлениях волн. Волнистый фон был первоначально окрашен в синий цвет. На нем и расположены фантастические животные, рыбы, человеческие или человекообразные фигуры.

В центре западной стены изображена человекообразная фигура по пояс, как бы выходящая из воды, к которой с обеих сторон направляются рыбы и морские животные.

Первой (справа от зрителя) помещена огромная рыба, покрытая чешуей, с широкой тупой массивной головой и большими плавниками. Цвет ее светло-желтый. Конец хвоста отбит. Она обращена головой на юг. Дальше головой в ту же сторону плывет другое явно фантастическое гибридное существо — морской конек. Еще дальше расположена упомянутая человекообразная фигура (голова не сохранилась), со сложенными на груди руками или ластами. Голова была, видимо, выполнена в фас. К этой фигуре направляются расположенные одна над другой две крупные рыбы, головы которых обращены на север. Все скульптурные изображения размещены свободно на фоне водного потока.

Более компактно расположены фигуры на примыкающей южной стене. Здесь на пространстве трех метров помещены следующие фигуры: у западного края стены, позади дельфинообразного морского существа с изогнутым петлей хвостом и головой, обращенной на восток (влево), расположены две человеческие фигуры, как бы выходящие из воды. Они одеты в легкие безрукавные складчатые одежды. Одна фигура держит в правой руке небольшой жезл, упирающийся в спину дельфина, а в левой козленка (?). Не совсем ясно, связаны ли человеческие фигуры с дельфином в одну группу или же они независимы друг от друга. Впечатление таково, что они плывут на нем и первая фигура направляет его движение жезлом.

Центр панели на этой стене занят большой человекообразной фигурой, туловище которой заканчивается двумя петлеобразно загнутыми хвостами, обращенными в разные стороны. Это самая крупная фигура панели. Голова и обе руки по локоть отбиты. Туловище обнаженное. Лишь вокруг бедер слабым рельефом нанесен узор пальметок, образующих как бы набедренную повязку. От этой фигуры влево изображены две рыбки, которые плывут в сторону широко раскрытой пасти расположенного дальше чудовища. Его верхняя и нижняя челюсти снабжены мощными клыками и большими зубами. Изогнутый язык, первоначально окрашенный в красный цвет, толстые складки кожи над глазами и на шее с большой выразительностью придают свирепый облик этому чудовищу, готовому проглотить приближающихся к нему рыб.

Головой этого хищного существа заканчивается сохранившаяся часть композиции. Дальше край стены с находившейся на ней скульптурой очень сильно попорчен.

Иной характер имела скульптура северного крыла айвана. Здесь следов панели не обнаружено. Единственно, что в этой части айвана напоминает скульптуру южного крыла, — это сооружение, названное нами условно «базой», аналогичное той, которую держит в руке первая фигура к югу от проема ворот.

«База» северного крыла айвана расположена симметрично по отношению к южной, также несколько отступя от края проема.

Здесь, однако, следов держащей ее человеческой фигуры не имеется. Других остатков скульптуры на этой стене не сохранилось. У северной стены этого крыла айвана открыто очень интересное лепное сооружение, служившее постаментом для какой-то статуи. Постамент, прямоугольный в плане, был оформлен с фасадной стороны скульптурными украшениями. К сожалению, они сильно попорчены. Можно полагать лишь, что на постаменте были изображены переплетенные жгуты.

На этом постаменте стояла человеческая фигура, от которой на месте сохранились только ступни ног, позволяющие судить, что сама фигура была больше человеческого роста по крайней мере в 1.5 раза. Незначительные остатки статуи, мало что дающие для характеристики скульптуры в целом, были обнаружены в завале. В нескольких обломках, окрашенных в черный цвет, вероятно, следует видеть пряди расчесанных волос.

Монументальная глиняная скульптура имела в Средней Азии свою давнишнюю традицию. Это относится как к статуарной, так и рельефной пристенной скульптуре. Здесь достаточно упомянуть открытые в

в Нисе, в южной Туркмении, остатки статуй парфянской эпохи и разнообразные памятники монументальной глиняной скульптуры дворца Топрак-Кала в Хорезме, датируемые С. П. Толстовым III—IV вв. н. э.[1] Вместе с тем ни в Нисе, ни в Топрак-Кале не найдена скульптура, которая по своему содержанию в какой-то мере напоминала бы пенджикенсткую. Это относится прежде всего к панели на стенах южного крыла айвана.

Нельзя не отметить также, что для скульптуры айвана мы не находим каких-либо близких по содержанию мотивов и в сюжетах росписей Пенджикента. Последнее обстоятельство свидетельствует, видимо, о том, что скульптурная панель и живопись Пенджикента являются памятниками не одновременными. Ряд существенных особенностей заставляют прийти к выводу, что скульптурная панель — памятник более раннего времени, чем живопись. Подтверждается такая датировка и анализом содержания. Действительно, ближайшие параллели, которые мы можем привести к содержанию скульптуры на панели, относятся ко времени не позже V в. Это касается как отдельных элементов нашей скульптуры, так и композиции в целом. Следует подчеркнуть, что, говоря об аналогиях и параллелях, мы имеем в виду лишь общий характер их. Что касается трактовки отдельных фигур, а также всей композиции, то они отличаются несомненной оригинальностью, и прямых аналогий им мы не знаем. В этом смысле пенджикентская скульптура также, как и живопись, является произведениями самостоятельной, местной художественной школы.

Близкими параллелями к наиболее выразительным фигурам, изображенным на панели, определяющим ее содержание, например чудовищу с разинутой пастью, фигуре тритона, могут служить открытые сравнительно недавно скульптурные памятники северного Афганистана. Скульптурные украшения архитектуры Беграма (Шоторак),[2] а также резная кость, найденная там же,[3] дают большое количество весьма близких по содержанию изображений. Как это выяснено, аналогичные фантастические существа представляют хорошо известные в индийской мифологии образы, называемые «макара» и «якши», олицетворявшие водную стихию.[1]

Изображения таких существ, между прочим, широко распространены в буддийском искусстве, и в частности в архитектурной скульптуре.

Появление таких образов в искусстве Средней Азии, зависимость земледельческого населения которой от воды является одним из важнейших факторов мифотворчества, не представляет ничего неожиданного. Следы почитания водной стихии в Средней Азии прослеживаются со времени глубокой древности и сохранились в фольклоре и этнографии до последнего времени. Так, очень часто в среднеазиатских (таджикских в особенности) сказках выступают драконы, охраняющие источники воды. Столь же распространенным образом является, например, и водный конь (аспи-оби). Можно считать несомненным, что к той же категории фантастических существ принадлежат и изображенные на панели существа.

Вместе с тем было бы неверным видеть в пенджикентской скульптуре только разрозненные, не связанные между собой отдельные образы. Во всей композиции чувствуется определенная связь.

Можно предположить, что панель является своеобразным изображением того, видимо, водного потока, от которого жизнь населения зависела, — а именно Зеравшана. Исторически засвидетельствованное первоначальное имя этой реки — греческое Политимет[2] и согдийское Намик — говорят о том, что Зеравшан был объектом почитания и обожествления.

Одну из внешних форм, в которую было облечено представление о Зеравшане, как о божественном источнике вод, по всей вероятности, и дает нам скульптура Пенджикента.

И в этом отношении пенджикентская панель не стоит одиноко. Так, очень близким к пенджикентской панели является скульптурное изображение индийских рек Ганга

---

[1] М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись древнего Пянджикента», стр. 98.

[2] J. Meunie. Schotorak. MDAFA, t. X., Paris, 1942, pl. XXXVII.

[3] J. Hackin. Recherches Archeologiques Begram. MDAFA, t. IX, Paris, 1939, pl. XXXIII, LXV, fig. 192.

[1] Ср.: A. Coomaraswamy. YAKŠAS, II. Washington, 1937, стр. 13 и др.

[2] Политимет означает «многопочитаемый», Намик — «прославленный».

и Джумны, открытое в Гвалиоре.[1] Общий фон, изображающий водную поверхность, а также отдельные водные существа гвалиорской скульптуры живо напоминают пенджикентские; гвалиорская скульптура датируется приблизительно тем же временем, как и памятники Беграма, — по словам известного исследователя индийского искусства Кумарасвами, — рубежом IV—V вв. н. э.[2]

[1] A. Coomaraswamy, ук. соч., табл. 20.
[2] Там же, стр. 76.

Едва ли представляется возможным на данном уровне наших знаний решать вопрос о том, в каком отношении находится круг верований, отраженных в скульптуре, к религиозным представлениям, нашедшим свое выражение в храмовой живописи.

Как указывалось, в смысле сюжетном между ними никаких точек соприкосновения установить невозможно. Приходится лишь констатировать, что сочетание в одном храме столь несхожих между собой культовых образов является свидетельством синкретического характера самого культа.

t.me/archeotajik

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 66

О. Г. БОЛЬШАКОВ и Н. Н. НЕГМАТОВ

РАСКОПКИ В ПРИГОРОДЕ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА[1]

«Был ли у древнего Пенджикента рабад — торгово-ремесленное предместье? На этот вопрос ответить можно будет только через несколько лет, когда наружное обследование и раскопки дадут больше материала». Так писал А. Ю. Якубовский в начале работ экспедиции.[2] Но к решению этой задачи Пенджикентский отряд смог приступить лишь в пятом своем полевом сезоне в 1951 г. По мере расширения работ А. Ю. Якубовским была поставлена более широкая задача: «. . . перед Пенджикентским отрядом должна быть поставлена проблема изучения города в целом как проблема сложения среднеазиатского раннефеодального города. . . . Следует усилить темпы изучения пригородного поселения. Это представляется тем более важным, что именно здесь обнаружены следы ремесленного производства, здесь мы найдем ответ на вопрос о положении непосредственного производителя материальных благ в Согде. . .».[1]

Пригород древнего Пенджикента, как и все городище в целом, расположен на краю предгорной террасы отрогов Зеравшанского хребта, к востоку и юго-востоку от собственно шахристана и занимает довольно значительную территорию, примерно в 20—25 га.

На территории пригорода расположено ныне несколько групп искусственных холмов, общей численностью около двух с половиной десятков. Вся территория ежегодно распахивается и засеивается пшеницей, что привело, как надо полагать, к уничтожению многих пригородных построек.

Наиболее значительная как по количеству, так и по размерам группа остатков построек расположена в непосредственной близости от восточной городской стены. Она состоит из восьми тепе, которые и были раскопаны в 1951—1953 гг.

Вторая большая группа (около десятка холмов) расположена на самом краю террасы на которой расположено все городище, над самым обрывом в предпойменную местность Зеравшана. Холмы расположены цепочкой, которая начинается с запада, недалеко от северо-восточного угла городища, и тянется сначала прямо на восток, затем заворачивает на юго-восток, образуя чуть начинающееся полукольцо вокруг всего пригорода. Размеры холмов различны, они отделены друг от друга естественными промоинами, прорезающими край террасы. Внизу вдоль

[1] В пригороде в 1952—1953 гг. работы велись одновременно в двух пунктах. Одной группой руководил Н. Негматов, начавший раскопки в пригороде еще в 1951 г., другой группой руководил О. Большаков, приступивший к раскопкам в пригороде в 1952 г. Н. Негматовым раскопаны дома №№ 1, 4, 5, 7, 9 и наусы №№ 35—39, О. Большаковым раскопаны дома №№ 2, 3, 6 и группа наусов под наименованием «дом № 8». Дома №№ 1—6 входят в центральную первую группу нашего подразделения; дом № 7 и наусы №№ 36—39 относятся ко второй группе на краю террасы, а дома №№ 8 (наусы) и 9 так же, как и наус № 35, составляют отдельные единицы, не входя ни в одну из групп.

Весь пригород в археологической номенклатуре Пенджикентского отряда получил название «Объект VIII».

[2] А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. Труды СТАЭ, т. I, МИА, № 15, 1950, стр. 37.

[1] А. Ю. Якубовский. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948—1950 гг. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, 1953, стр. 19.

края террасы с востока на запад протекает канал Токсан-Кариз, берущий свои воды от Магиан-Дарьи.

Третья небольшая группа искусственных холмов расположена поблизости от юго-восточной части городских стен, слева от проселочной дороги, ведущей в южные предгорные селения. На территории пригорода имеются также отдельно стоящие тепе.

Раскопки в пригороде велись еще в 1937—1940 гг. В. Р. Чейлытко. Последний раскопал тогда два дома, входящих в первую группу нашего подразделения. Несколько шурфов и траншей было заложено им и на тепе, входящих в третью группу. Однако результаты этих раскопок и шурфовок остаются до сих пор неизвестными, если не считать нескольких мелких газетных заметок В. Р. Чейлытко.

Работы в пригороде были начаты Пенджикентским отрядом в 1951 г. Но тогда был раскопан лишь один дом (№ 1). Более интенсивно раскопки велись в последующие годы. В 1952 г. были раскопаны: загородные дома №№ 2, 4 и частично № 3 (рис. 1). В 1953 г. были завершены раскопки дома № 3 и полностью раскопаны дома №№ 5, 6, 7, 8 и 9. Из них «дом № 7» оказался очень плохой сохранности, неясным по своему назначению и дал мало нового для раскрытия жизни пригорода. Выяснилось также то, что «дом № 8» представлял собой группу наусов (№№ 32—34). Кроме того, на территории пригорода выявлена еще одна группа наусов (№№ 35—39).

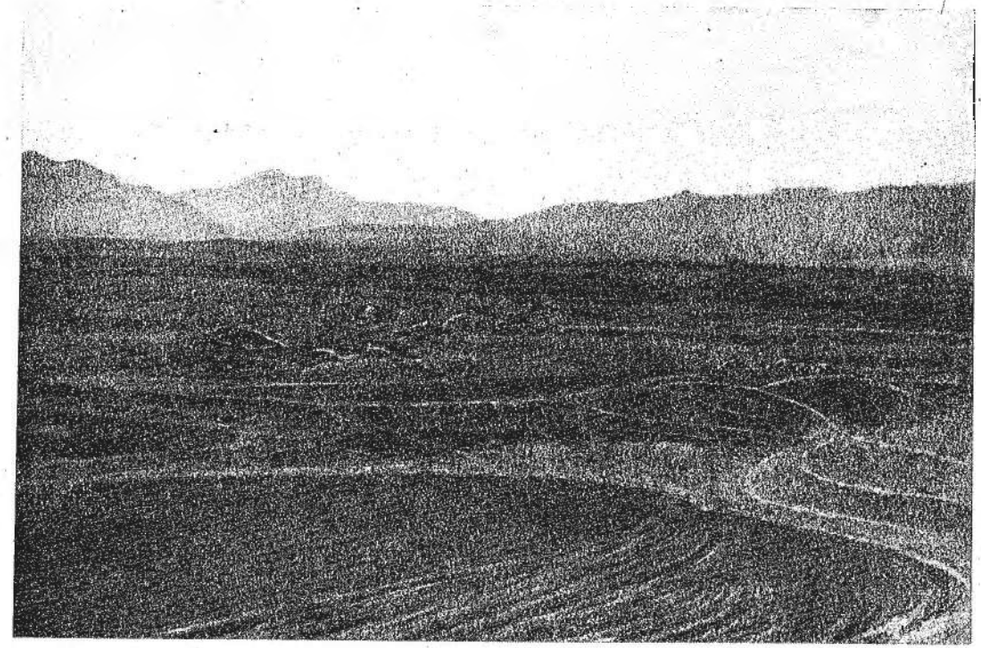


Рис. 1. Пригород. Центральная группа домов.

Из всех раскопанных домов весьма интересными как по сохранности, так и по находкам оказались дома №№ 1, 2, 3, 4, 6 и особенно 9.

Несмотря на большое количество раскопанных домов, мы еще не в состоянии охарактеризовать полностью жизнь пенджикентского пригорода во всех ее проявлениях. Это будет возможным, очевидно, лишь при продолжении работ на пригороде и в последующие годы. Однако некоторые стороны жизни населения пригорода можно осветить и теперь, имея в руках материалы раскопанных домов и общие данные обо всем пригороде.[1]

Дом № 1

Холм, под которым были скрыты его развалины, расположен в центре пригорода, прямо на восток от восточной стены городища, на расстоянии около 100 м от нее. Он имел округлую форму, высота его достигала 2.5—3 м, длина 13 м, ширина 12 м. Поверхность тепе задернована. В результате раскопок был вскрыт дом, состоящий из трех помещений, пандуса и центрального коридора, связывающего весь комплекс воедино (рис. 2).

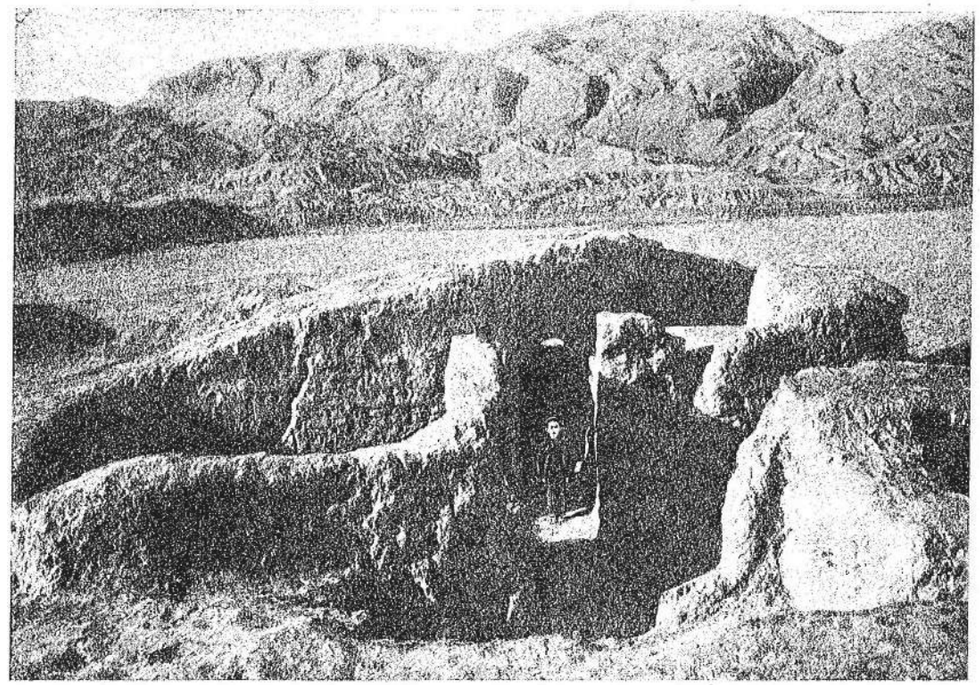


Рис. 2. Пригород. Дом № 1. Вид с юга.

Коридор (помещение 2) вытянут с севера на юг и связывает все помещения здания. Длина его около 6 м, ширина 0.9—1.1 м. Стены сложены из сырцового кирпича, большей частью размером 52×25×9 и 50×26×9 см; перекрытие было сводчатое (часть свода сохранилась в северном конце коридора на участке протяжением 1.4 м). Высота коридора от пола до замка свода — 2.1 м. Завал коридора состоял из рыхлого лёсса, битых и целых кирпичей от верхних частей стен перекрытия и обломков посуды.

Уровень поверхности пола коридора одинаков с уровнем пола всех помещений. Поверхность пола ровная, утоптаная, никаких находок на нем не оказалось.

В завале на высоте 30 см от пола обнаружены: обломок каменного жернова, глиняное плоское пряслице и несколько костей крупного животного (лошади?).

Помещение 3. Расположено к западу от коридора, в юго-западной части всего здания. Размер помещения 3.85×3.65 м. Оно связано с коридором дверным проемом, расположенным в северном конце

[1] В настоящем томе «Трудов ТАЭ» публикуются отчеты о раскопках всех девяти загородных домов. Планы и разрезы домов см. в статье В. Л. Ворониной в настоящем томе, стр. 203—209.

восточной стены помещения. Ширина проема 1 м.

Восточная стена, наиболее тонкая (0.52 м), сложена из кирпича размером 52×25×9 см. Стена средней сохранности, вся штукатурка обвалилась. Длина ее без дверного проема составляет 2.4 м.

Северная стена сложена из такого же сырцового кирпича. Первичная кладка ее сохранилась лишь в западной части, где

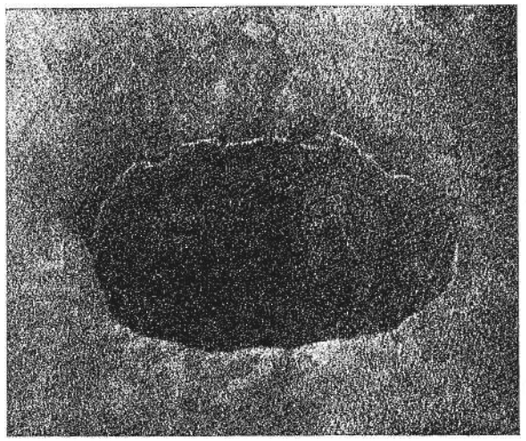


Рис. 3. Пригород. Дом № 1. Хозяйственная яма в помещении 3.

поверхность была заштукатурена тонким слоем алебастра. Восточная часть стены, очевидно, в свое время подверглась разрушению и затем восстановлена сырцовым кирпичом большею частью другого формата — 60×?×9 см. Поверхность восстановленной части стены выступает от первичной поверхности на 4—5 см. Западная и южная стены (внешние) сложены из горизонтальных пахсовых поясов, надрезанных на блоки; внешние фасы их плохой сохранности. Судя по сохранившимся остаткам ганчевой обмазки и наличию многочисленных кусков ее в завале, все стены этого помещения были оштукатурены ганчем.

Помещение было перекрыто сводом, от которого сохранилась пята в северной стене.

У южной стены на всю ее длину тянулась суфа, она оказалась плохой сохранности — вся изрыта ямками, заполненными мягким лёссом и золой. Высота суфы над полом около 0.3 м, ширина 0.65 м. На расстоянии 0.5 м от суфы и 0.4 м от западной стены обнаружена яма, глубиною в 0.5 м, диаметром 0.62 м. Края ее были оштукатурены ганчем хорошей сохранности. Заполнение этой ямы составлял очень рыхлый лёсс; на дне ее найдены были обломок каменного жернова, куски ганча, две кости животного и несколько невыразительных фрагментов керамики. Яма, несомненно, имела хозяйственное значение и, по-видимому, служила для хранения зерна (рис. 3).

Обломок жернова, найденный в яме, составляет вместе с тем обломком, который был обнаружен в коридоре, один жернов (диам. 35—40 см, диам. отверстия 5—6 см, толщина 6—8 см). Предназначался он, по-видимому, для ручного помола зерна.

На глубине около 1 м в центре помещения, на несколько утоптанном участке поверхности был обнаружен зольник с угольками и фрагментами кухонного лепного котла. Под ним была обгоревшая земля. Этот зольник, по всей вероятности, является свидетелем использования заброшенного помещения как временного прибежища. Ниже, на глубине 1.7 м, в завале была обнаружена медная согдийская монета с квадратным отверстием. В завале были найдены также куски ганчевой обмазки и фрагменты керамических изделий.

По мере углубления в центре помещения завал уплотнялся и на глубине приблизительно 2.2 м приобрел чрезвычайную твердость. На полу и на поверхности суфы залегал мощный культурный слой зольно-гумусного характера (ок. 16—17 см), в котором местами четко выделялись пятна органических остатков и содержалось много костей животных и обломков посуды.

У восточной стены, возле суфы, расположена небольшая квадратная ямка, которая была заполнена чистой золой. Создается впечатление, что в эту ямку насыпалась горячая зола, вынутая из очага, для подогревания примыкающей части суфы.

В восточной половине помещения, приблизительно в ее центре, на полу был обнаружен очаг — зольник черного цвета, пол под которым обгорел докрасна. Над зольником лежали остатки разрушившегося очага, возведенного на невысоком возвышении (обгоревший лёсс и обломки кирпичей, покрытых черной гарью). Над очагом в завале имелось много золы и мелких угольков, тут же было найдено много фрагментов кухонного лепного котла.

Из находок в данном помещении следует отметить две хорошо сохранившиеся медные согдийские монеты с квадратным отверстием обнаруженные на полу у южной суфы.

Помещение 4 расположено в северо-восточной части дома, к северу от коридора. Размеры его составляют 4.2×3.3 м. Западная и южная стены сохранились на высоту в среднем около 2.5 м. Северная и восточная стены сохранились лишь в самой нижней части (на высоту 20—30 см); северо-восточный угол помещения вовсе не сохранился. Нижние части стен возведены из пахсовых поясов-блоков, а верхние — из сырцовых кирпичей. Проем, расположенный в западном конце южной стены, связывает это помещение с коридором; другой проем, шириной 1.8 м, в южном конце западной стены ведет в следующее помещение 5. Этот проем имел порог, сложенный из булыжников. Длина западной стены, не считая ширины проема, ведущего в помещение 5, равна 1.92 м.

Завал помещения состоял из кирпичей и лёсса (рис. 4). На глубине 1.5 м от поверхности в нем был найден фрагмент какой-то медной поделки. На глубине 1.6 м был обнаружен зольник толщиною 6—7 см, размером 0.4×0.6 м. Уровень данного зольника совпадает, приблизительно, с уровнем зольника от костра в завале помещения 3 и, видимо, такого же происхождения. Еще ниже, на глубине 1.8 м у южной стены были обнаружены медная монета (согдийская ?) с отбитым краем и каменное плоское пряслице. Ниже, у юго-западного угла, завал заметно уплотнился. Из других находок в данном помещении следует отметить железную пластинку, кусок стеклянного шлака, два фрагмента хума.

На полу помещения лежала тонкая зеленая прослойка перегнивших органических остатков, которыми пропитана также и вся поверхность пола, имеющая зеленоватый оттенок. Выше залегал зольный слой толщиною около 12 см. На полу были обнаружены выпавшие куски алебастровой обмазки, обломки обожженных плит, фрагменты сосудов и кости животного.

Помещение 5 расположено в северо-западном углу здания, к северу от помещения 3 и к западу от помещения 4. Размер его 3.92×3.86 м. Нижние части стен представляют собою два ряда пахсовых поясов; южная и частично западная — очень хорошей сохранности. Высота каждого пояса 1.05 м. Пояса надрезаны на блоки различной длины от 0.69—до 3 м, швы надрезов

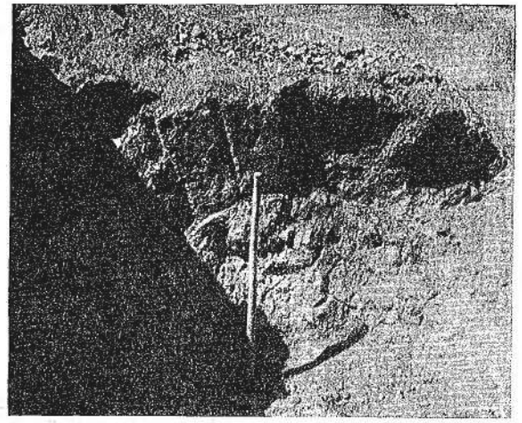


Рис. 4. Пригород. Дом № 1. Осевшие ряды свода помещения 4.

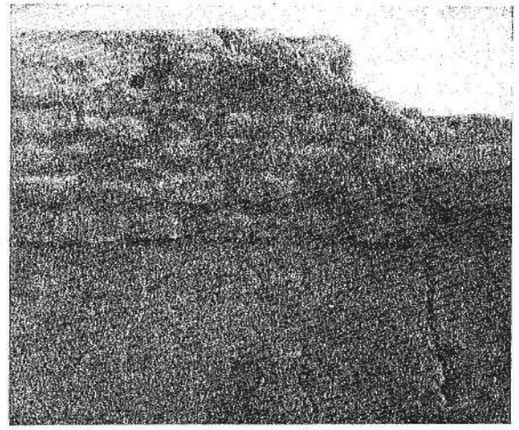


Рис. 5. Пригород. Дом № 1. Пята свода помещения 5.

имеют ширину 4—8 см, верхние части стен были сложены из кирпичей. Сохранилась лишь верхняя часть южной стены, где кладка в несколько рядов выступает, образуя пяту свода (рис. 5).

Длина восточной стены, не считая ширины дверного проема, составляет 1.8 м. В северной стене на расстоянии 1 м от северо-западного угла располагалось узкое световое отверстие, шириною в 55 см, высотою около 1 м (в высоту блока). Отверстие сделано над первым рядом блока. Нижняя часть отверстия была заделана большим камнем на всю толщину стены.

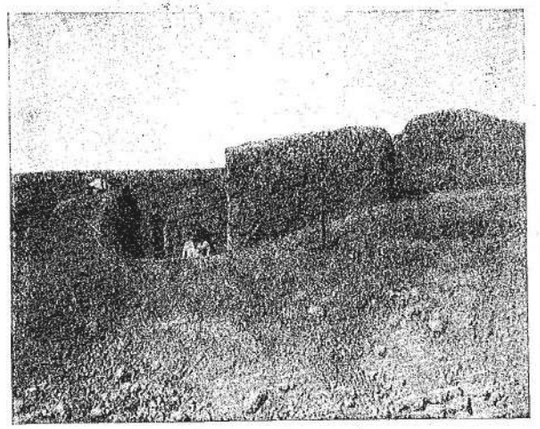


Рис. 6. Пригород. Дом № 1. Пандус.

У южной стены, на всю ее длину, тянулась узкая суфа (ширина ее 0.5 м, высота от пола 0.45 м). У северо-восточного угла помещения к северной стене был пристроен закромок, размером 1.5×0.65 м, при глубине 0.5 м.

На глубине 0.9 м в завале была обнаружена медная согдийская монета с квадратным отверстием хорошей сохранности; на данном уровне встречались также кости животных. На уровне 1 м ниже поверхности найдено круглое глиняное пряслице с орнаментальными прочерченными линиями. На глубине 2.15 м обнаружено плоское глиняное пряслице и несколько фрагментов керамики. На глубине 1.25 м от пяты свода (на южной стене) выявлена не очень твердая поверхность позднего пола с двумя зольниками, что подтверждает высказанную выше мысль об эпизодическом использовании дома в период его запустения.

Первоначальный пол помещения был обнаружен на глубине 1.9 м от пяты свода. На нем залегал толстый слой органических остатков с многочисленными зольными пятнами в разных местах, но менее насыщенный, чем культурный слой на полу помещения № 3. У дверного проема раскрылась неглубокая яма размером приблизительно 1 кв. м. Она была заполнена чистой золой; на дне ямы была обнаружена ножка от ганчевого столика.

В помещении на полу были найдены: медная согдийская монета с квадратным отверстием и две медные монеты без отверстия — все хорошей сохранности, сердоликовая бусина, медная поделка, многочисленные фрагменты разнообразной керамики и много костей животных.

Пандус. В юго-восточном углу здания, к востоку от коридора, обнаружен своеобразный витой бесступенчатый подъем (пандус) на крышу (рис. 6). Он начинается от коридора — при входе в него справа, ведет сначала на восток на протяжении 3.05 м (по южной стене), постепенно поднимаясь от уровня пола коридора почти на 1 м, затем поворачивает под прямым углом на север и, поднимаясь на протяжении 2 м еще на высоту 1 м, поворачивает на запад (длина этой части — 1.05 м) и выводит на верхнюю площадку. Последняя расположена на высоте 2.5 м от пола коридора; размер ее 2.9×1 м. Стенки верхней площадки сохранились на высоту 30—60 см. Пол площадки вымощен сырцовым кирпичом размером ?×25×9 см. Восточная стенка пандуса не сохранилась. Ширина пандусного коридора около 1.0 м. Все стены его, за исключением западной, выложены из блоков. Пандус имеет вид квадратной клетки с центральным пилоном, вокруг которого вьется подъем. Весь пандусный коридор был завален рухнувшими верхними частями стен и сводчатого перекрытия. Это ясно было видно в разрезе завала у самого начала пандусного подъема со стороны коридора.

На полу пандуса в слое, имевшем местами зеленоватый цвет, содержалось немного мелких фрагментов керамики и обломков обожженных плиток; здесь же была найдена каменная подвеска с заостренным концом.

На уровне пола коридора перед самым входом обнаружено большое количество крупных булыжников, лежащих без определенного порядка. Они, по всей вероятности, относятся к порогу дверного проема. Здесь

же были обнаружены два фрагмента трехгранного железного наконечника копья и маленький каменный «карандаш» с узким заостренным концом и отверстием на противоположном конце.

Дверной проем, ведущий внутрь дома, имеет в ширину 0.95 м. Расчищено гнездо деревянной плахи порога с концами, уходящими под стены. По всей вероятности, перед входом в дом был айван, обращенный открытой стороной на юг. От него сохранилась лишь восточная стена около 2.5 м длины, очень плохой сохранности. Противоположную стену (западную) обнаружить не удалось.

Оконтурить удалось лишь южный и северный фасы дома. Как указано выше, все наружные стены сооружены из пахсовых блоков; сохранность их очень плохая.

Некоторые общие выводы о доме в целом уже опубликованы.[1]

Считаем необходимым добавить следующее: в доме при раскопках не обнаружено ни одной монеты мусульманского чекана, в нем найдены исключительно согдийские монеты второй половины VII и первой половины VIII в. Архитектурные приемы — возведение сводов, пандуса, размер кирпича и, наконец, керамические находки — все полностью повторяет архитектурные приемы и вещественный инвентарь построек шахристана древнего Пенджикента. Дом принадлежал, судя по всему, небольшой небогатой семье, занятой, по всей вероятности, земледелием на окрестных полях и, может быть, кустарным ремеслом. Находки монет показывают участие данной семьи в сфере хозяйственно-денежных отношений города.

Нам кажется неудачной аналогия, которую приводит А. М. Беленицкий в отношении нашего дома, а именно — дом-усадьбу № 1, расположенную к востоку от Аяз-Кала № 3 в Хорезме.[2] Планы обоих домов совершенно различны, и, таким образом, пока по своей планировке наш дом стоит особо.

[1] А. М. Беленицкий. Из археологических работ в Пенджикенте в 1951 г. СА, XVIII, М., 1953, стр. 335; В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пянджикента. МИА, № 37, стр. 116.

[2] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 107, план и разрез дома см. рис. 43 на стр. 106.

Дом № 2

Находится в 70 м к юго-востоку от дома № 1. Развалины его имели вид холма длиной 25 м и шириной 15 м, при высоте в 3 м. Раскопками вскрыто все здание, состоявшее из четырех комнат и небольшого айвана (рис. 7); оно оказалось сильно разрушенным — только у одного помещения сохранились все четыре стены (см. рис. на стр. 205). Ниже дается описание раскопанных помещений.

Помещение 1 занимает северо-западную часть дома. Это удлиненная комната размером 5.4×2.7 м, перекрытая сводом с лестницей в северо-восточном углу, которая вела на крышу или на второй этаж. Стены сложены из пахсы. Помещение было заполнено кирпичами рухнувшего свода и обломками верхних частей стен (возможно, развалинами второго этажа). Находки в завале были очень скудны и ограничились фрагментами стенок кувшинов с волнистым прочерченным орнаментом и частичным покрытием красным ангобом, несколькими фрагментами горловин кувшинов с красным ангобом и обломками керамических изделий с желтым черепком, покрытыми темно-коричневым ангобом. В этом же слое была найдена медная согдийская монета с квадратным отверстием, которую не удалось определить из-за плохой сохранности. Все эти предметы либо находились на крыше (или во втором этаже), либо частично в самом своде и его пазухе.

Под кирпичным завалом лежал слой рыхлого лёсса с обломками кирпича, толщиной до 0.4 м, а под ним в южной части комнаты находился большой зольник, состоящий из нескольких тонких прослоек, каждая из которых образовалась в результате неоднократного или, во всяком случае, длительного горения костра. Зола кизячная, черная, сажистая. Южная и часть восточной стены слегка закопчены. Зольник подстилает слой рыхлого лёсса толщиной 0.15—0.4 м. В юго-восточном углу под зольником лежат несколько кирпичей (рис. 8).

Пол в помещении 1 очень плотный, слегка заизвестковавшийся, но неровный, с выбоинами. Около прохода в нем небольшая ямка, обмазанная ганчем, назначение которой неясно. Здесь, в пространстве между лестницей и западной стеной, найдены четыре фрагмента миски с фестонча-

тым краем[1] и большой фрагмент кружки обычного для Пенджикента типа.[2]

Лестница сложена из кирпича, ступени сильно стерлись. Под ней находилась камера длиной 1.3 м и шириной 0.85 м, заполненная рыхлым лёссом. На торцовой восточной стене сохранился отпечаток нижней части свода.

Помещение 2 занимает всю южную часть дома. Это — квадратный зал, размерами 4×4 м, с выходом на запад в небольшой айван. Восточная стена отсутствует, но можно думать, что она находилась на расстоянии 4 м от западной, в том месте, где сейчас кончается северная стена (см. план). Пахсовые стены помещения сохранились на очень незначительную высоту (от 0.6—0.7 м до 0.3 м). Вдоль северной стены идет суфа высотой в два кирпича и шириной 0.95 м.

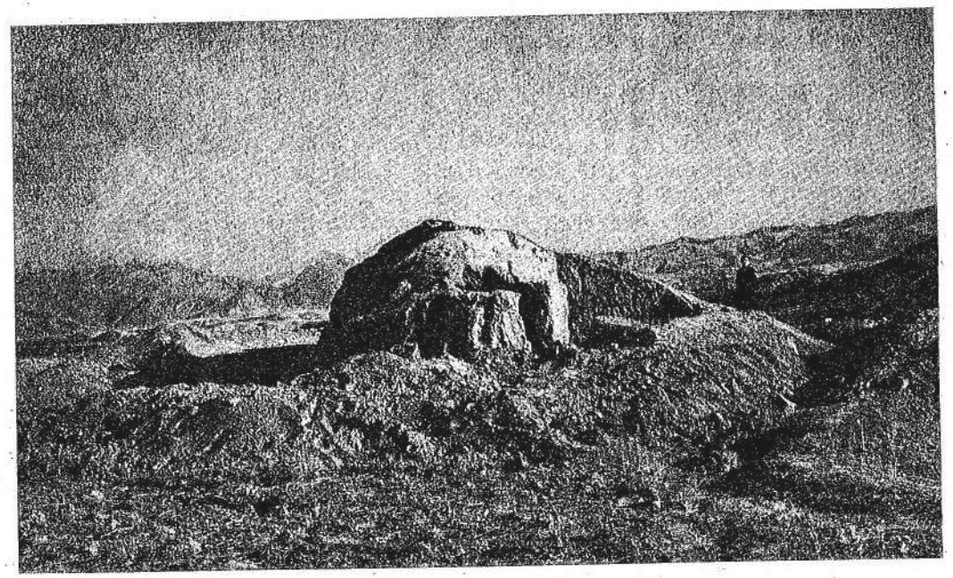


Рис. 7. Пригород. Дом № 2. Вид с юга.

Помещение 1 выходило прямо на улицу, проход в северной стене был плотно завален кирпичом и обломками пахсы.

Характер завала позволяет установить, что помещение некоторое время пустовало и успело заполниться лёссовыми наносами толщиной в 30 см. После этого оно использовалось в качестве случайного убежища, в котором случайные обитатели разводили костры из кизяка. Затем его перестали посещать, в это время начал разрушаться свод, о чем свидетельствует следующий лёссовый слой завала с обломками кирпичей. Наконец, свод рухнул вместе с тем, что было над ним.

Завал рыхлый, лёссовый, с небольшим количеством обломков кирпича, лишь в северо-западном углу находился плотный массив завала из пахсы и кирпича — вероятно, от обвалившейся стены. Керамика в завале и на полу невыразительная. Около самого пола найдена медная согдийская монета VIII в. неизвестного правителя с лицом en face на лицевой стороне.

В западной стене помещения расположен проход шириной 1.8 м; в щеках его гнёзда для стояков дверной коробки, но никаких следов дерева не сохранилось. В завале прохода была найдена медная монета Вахшумана (правил с 650 — 655 г. по 696 г.).

[1] Труды СТАЭ, т. I, МИА, № 15, табл. 41, *2й*. — И. Б. Бентович. Керамика Пянджикента. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, рис. 6 и табл. X, *1, 2, 3, 4, 6, 7*.

[2] Труды СТАЭ, т. I, МИА, № 15, табл. 41, *2и*.

От айвана сохранилась лишь северная стена, южная полностью разрушилась. На полу, южнее прохода в помещение 2, у восточной стены, обнаружена медная бухархудатская монета с именем халифа Махди (775—785 гг.),[1] а к северу от прохода обломок оссуарного налепа с изображением Киртимукхи (рис. 9), аналогичного найденному в наусе № 13.[2]

Помещение 2 и айван отделены от помещения 1 и помещения 3 двойной стеной, из чего явствует, что они построены разновременно, но установить, какая часть дома, северная или южная, выстроена раньше, не удается.

Помещение 3 — продолговатая сводчатая комната с пахсовыми стенами. Ширина ее 2 м, длину установить не удается, так как восточная часть помещения уничтожена. В северной стене в 2.55 м от северо-западного угла находится проход (шириной 1.05 м) в помещение 4. В щеках дверного проема, у пола, гнёзда от бруса порога.

Помещение было заполнено кирпичами рухнувшего свода и верхних частей стен. В завале найдено несколько фрагментов керамики, на полу к югу от прохода найдено несколько кусочков тонкостенных стеклянных сосудов. В кирпиче, найденном в завале, обнаружена медная монета неизвестного царя VIII в. (Усрушана или Чач).

Помещение 4. От этого помещения сохранился лишь юго-западный угол. Южная стена его общая с помещениями 3, а западная приставлена к восточной стене помещения 1; восточная стена не сохранилась. Стены сложены из пахсы, лишь западная в южной части сложена из кирпича (см. развертку стен, рис. 10), на значительном пространстве они обожжены докрасна.

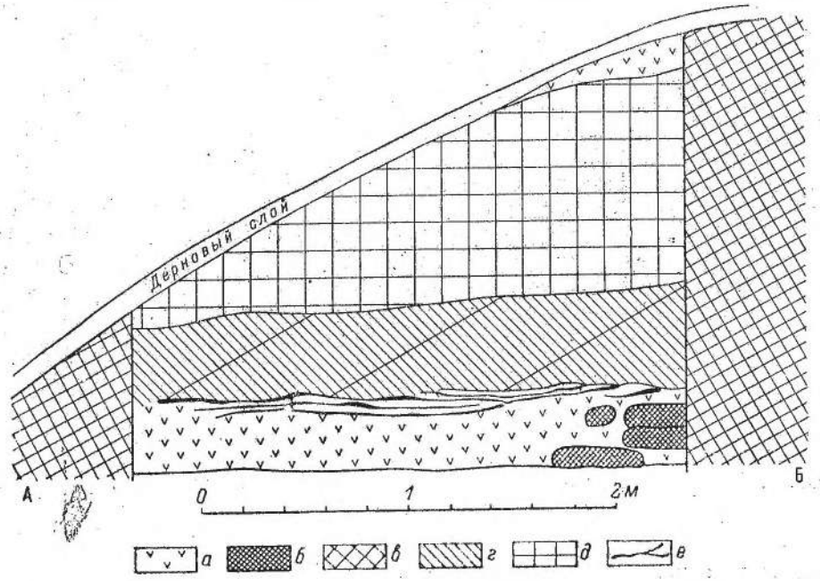


Рис. 8. Пригород. Дом № 2. Разрез.

а — рыхлый лёсс; *б* — кирпичи; *в* — пахсовая стена; *г* — лёссовый завал с обломками кирпичей; *д* — обрушившийся свод; *е* — зольник.

Помещение было заполнено рыхлым лёссовым завалом с небольшим количеством обломков кирпича и пахсы. Каким было перекрытие — не ясно. Во всяком случае в завале не обнаружено остатков, которые свидетельствовали бы о наличии свода.

В юго-западном углу на глубине 2.3 м стали встречаться куски обожженной глины, а ниже — куски такой же глины, покрытые с одной стороны слоем стекловидной массы,

[1] Все определения монет сделаны О. И. Смирновой. См. ее статью в настоящем томе, стр. 214.

[2] Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, стр. 69.

напоминающей поташную серовато-зеленую глазурь на керамике. Наконец, на полу были обнаружены основания двух ванночек прямоугольной формы с округленными углами. Стенки их сохранились на высоту 8—10 см. Восточная ванночка изнутри оказалась покрытой стекловидной массой, которая на стенках имеет мутный зеленовато-желтый цвет, темнеющий при переходе ко дну. Дно было покрыто слоем темно-зеленого, почти черного стекла, толщиной 7—8 мм. Западная ванночка была заполнена рыхлым серовато-белым порошком с каплями темно-зеленого стекла и кусочками тонкостенных стеклянных сосудов, подвергшихся воздействию высокой температуры. Эта ванночка прилегает к стене, кирпичи которой в этом месте ошлаковались. Северная стенка ванночки отсутствует, здесь, рядом с ванночкой, в полу обнаружена небольшая ямка диаметром 37—40 см и такой же глубины. В ней под тонким слоем лёсса находилась та же серовато-белая порошковидная масса со включением обломков тонких стенок сосудов и тонких нитей стекла; под этим слоем оказался двухсантиметровый слой угольков, под которыми лежал рыхлый лёсс. Из ямки подведен под ванночки канал диаметром в 15—18 см.

Рис. 9. Пригород. Дом № 2. Обломок оссуарного налепа с изображением Киртимукхи.

Несомненно, что в помещении 4 мы встретились с каким-то этапом производства или обработки стекла, при котором требовалась высокая температура, необходимая, вероятно, для поддерживания стекольной массы в пластическом состоянии. Оставалось выяснить вопрос: каким образом осуществлялся подогрев стекла в восточной ванночке? Можно было думать, что канал, проходивший под ней, служил для подачи горячего воздуха. Для выяснения этого вопроса нами был снят пол на всей площади помещения на глубину 30 см. Оказалось, что на этом уровне находится первоначальный, более ранний пол, на котором была сделана кирпичная вымостка в три кирпича, на эту вымостку и были поставлены ванночки. Выяснилось также, что основание ванночек совершенно незаметно переходит от ошлаковавшейся глины к обгоревшей красной глине и затем к необожженной. Канал, шедший под ванночкой, не носил никаких следов огня и не был даже закопчен. Видимо, «канал» этот представляет собой кротовину. Что касается стенок ванночек, то их обогрев происходил не снизу или снаружи, а изнутри.

Естественно предположить, что горячие газы поступали в ванночки от пламени, которое находилось сверху; таким образом, мы здесь имеем дело с отражательной печью. В таком случае выходами горячих газов и были обожжены стены этого помещения. Относительно назначения западной ванночки пока судить трудно, возможно, что

там подогревалась масса, шедшая на приготовление стекла. Ответить на этот вопрос можно будет после анализа массы.

Возвратимся к описанию помещения. На верхнем полу к северу от ванночек, на том месте, где следовало бы ожидать северную стену помещения, находилось большое зольное пятно, а за ним, уже за линией внешней стены, лежало несколько обломков стеклянных изделий. Все это позволяет думать, что северной стены у помещения 4 не было. Отсутствие ее облегчало бы работу в условиях высокой температуры, создавшейся в помещении. Быть может даже, что помещение не имело и перекрытия, поскольку плоское перекрытие с большим количеством дерева было опасно в пожарном отношении.

Вымостка, снятая нами в помещении 4, продолжалась и в помещении 3. Удалось установить, что она была сделана, когда помещения 3 и 4 уже существовали в описанном нами виде. Других следов перестроек не было установлено.

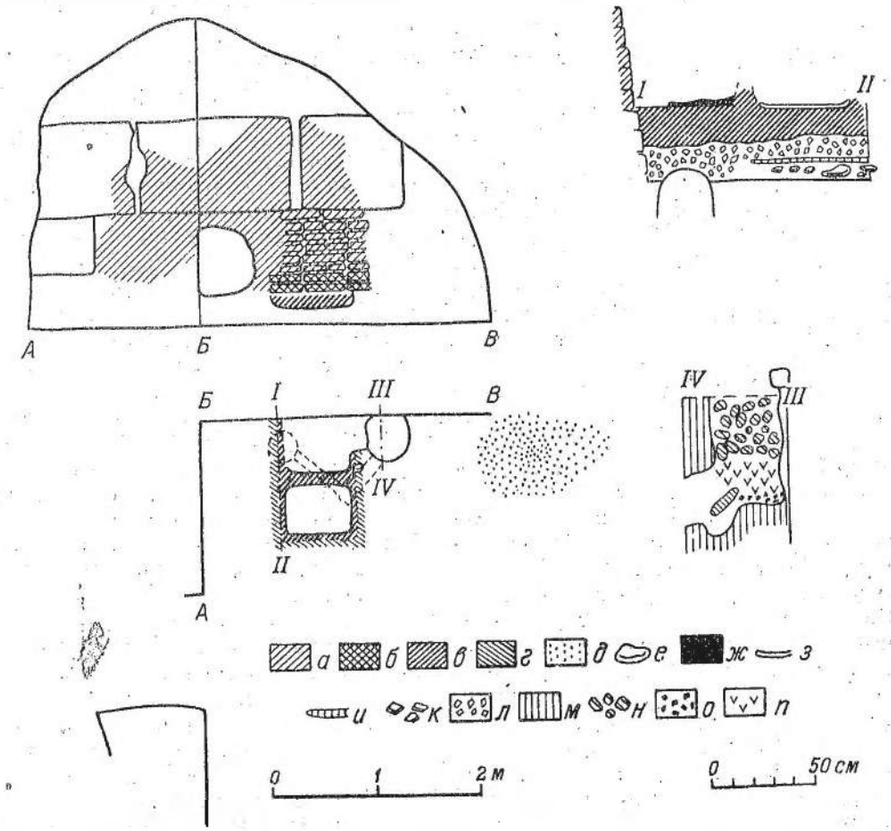


Рис. 10. Пригород. Дом № 2. Развертка стен помещения 4.

а — обожженный докрасна кирпич; *б* — ошлаковавшаяся часть стены; *в* — остатки ванночки; *г* — обожженная поверхность пола; *д* — кострище; *е* — камни; *ж* — шлак; *з* — слой стекловидной массы; *и* — остатки нижнего пола; *к* — керамика; *л* — куски кирпичей и лёсс; *м* — лёсс; *н* — обгоревшие обломки кирпичей и куски глины; *о* — уголь; *п* — белая зола с сплавившимися кусочками стекла.

Наличие в доме № 2 мастерской, связанной с каким-то процессом стеклоделия, позволяет определить, что перед нами дом ремесленника. О социальном его положении может свидетельствовать то, что он, видимо, жил и работал в собственном доме и, быть может, имел даже небольшой участок земли вокруг этого дома. Датируется дом, судя по монетам, найденным в кирпиче в помещении 3, временем не ранее конца VII в. — середины VIII в. Покидая жилище, обита-

тели, видимо, взяли с собой все имущество, если оно не было до того разграблено, чем и объясняется чрезвычайная скудость керамического материала.

Дом № 3

Непосредственно к юго-западу от дома № 2 находился другой холм высотой в 3 м. Раскопками холма вскрыто здание, обозначенное № 3. Оно состоит из четырех помещений и пандусной клетки.

Помещение 1. Это продолговатая комната длиной 5.85 м и шириной 2.4 м, стены пахсовые, с плоским перекрытием. Помещение было заполнено очень плотным завалом, сцементированным натеками; в завале с глубины 0.3—0.1 м от поверхности холма встречались небольшие угольки. Под натеками на полу лежал слой древесного угля вперемежку с обломками кирпича и комками обгоревшей глины. Толщина слоя 15—20 см. Отдельные куски обуглившегося дерева имели толщину до 20 см, но основная масса угля образовалась от сгорания тонких палок в 2—3 см диаметром. Порядка в расположении отдельных обуглившихся кусков дерева не удалось установить.

Помещение, несомненно, погибло от пожара. Перекрытию, надо полагать, принадлежат вышеописанные остатки горелого дерева. Находки в помещении 1 можно разделить на вещи, находившиеся во втором этаже (или на крыше), и вещи, находившиеся непосредственно в помещении 1.

К первым относятся четыре фрагмента чашечки-цедилки и два железных инструмента: один — в виде конусовидного острия с внутренней втулкой, напоминающий наконечник пешни, и второй — массивное орудие с вогнутым лезвием. Втулка с несходящимися краями служила для насадки рукоятки (см. рис. 37, *1* на стр. 138).

Особый интерес представляют монеты, найденные на полу и в слое углей, которые приблизительно датируют время пожара; из датированных монет — две монеты ал-Аш'аса 144 г. х. (760/761 г. н. э.), затем монета Гурека (710—738 гг.) с квадратным отверстием, монета пенджикентского литья (середина VIII в., 4-й тип, по определению О. И. Смирновой) и монета с изображением льва (вероятно, усрушанская), примерно середины VIII в.

В проходе из помещения 1 в помещение 2 лежало несколько крупных фрагментов большой тонкостенной кружки, обычного для VIII в. типа. Кружка сильно обгорела во время пожара.

В щеках дверного проема, около пола, расположены по два гнезда для бруса порога, в которых лежало по большому плоскому камню.

Помещение 2. Небольшая почти квадратная комната (2.5 м×2.65 м) с тремя дверными проемами: в помещение 1, во двор и на второй этаж через пандус. В массиве пандуса расположен проход в маленькую подлестничную камеру. В западной стене, на уровне пола, находится углубление шириной 0.67 м и глубиной 0.43 м при высоте 0.42 м, обмазанное изнутри глиной, обгоревшей и закопченной; слегка закопчены также стены над ним. Это углубление представляет собой печное сооружение без дымохода.

Помещение было заполнено завалом из остатков рухнувшего свода, под ним слой сравнительно рыхлого лёсса с обломками кирпича. На полу лежал слой, состоящий из обломков обгоревшего кирпича и комков глины, вперемешку с древесными углями. Углей было значительно меньше, чем в помещении 1.

В завале найдено небольшое количество маловыразительных фрагментов керамики и медная монета пенджикентского чекана (4-й тип).

На полу, в горелом слое, найдено несколько бесформенных обломков железных изделий, кусочки шлака, каменное плоское прясло, фрагменты керамики и три медных монеты: монета Тургара (738 — ?), монета пенджикентского литья (VIII в.) и одна неопределенная.

Пандус был заполнен рыхлым лёссовым завалом, на поверхности пандуса лежали два обломка большого каменного жернова, скатившиеся сверху, и два фрагмента венчика хума с выступами на плечиках. Здесь же была найдена монета Вахшумана (650—655—696 гг.).

Двор.[1] Из помещения 2 дверь ведет в небольшой двор, ограниченный с севера и востока постройками. Уровень пола во дворе на 20—30 см ниже уровня пола в помещении 2. При выходе из помещения 2 во двор имеется пологий скат. Вдоль южной наружной стены помещений 1 и 2 идет невысокая суфа, облицованная по краю булыжником.

[1] В дневнике 1953 г. некоторое время именовался помещением 3.

Двор был завален обломками кирпича и пахсы. Особенно перемешан завал в восточной части двора. Здесь нижний слой завала перекрыт крупными обломками пахсовых блоков со стен построек, окружавших двор. Такой же завал прослежен вдоль восточной стены (рис. 11). Над ее остатками идет слой рыхлого лёссового завала, большая линза лёсса с крупным песком и небольшой зольник — все это перекрыто натеками, образовавшимися от размыва стены, затем над натеками лежит почти целый блок пахсы. Находки в этом слое завала не могут быть отнесены к определенному времени; среди них следует упомянуть голубую пастовую бусу и медную монету Укара (середина VIII в.).

Поверхность двора, одновременная с полом помещений 1 и 2, покрыта слоем натеков с маленькими угольками. Под натеками были найдены: бронзовый колокольчик с ручкой, от которой сохранилось одно основание, фрагмент сосуда, покрытого красным ангобом с сильным лощением, и медная монета, подражающая монетам Гурека (710—738 гг.), относящаяся ко второй половине VIII в.

Внешние стены помещений 1 и 2 сохранились плохо. Внешняя поверхность западной стены была найдена лишь у самого основания, под натеками, в слое крупного серого песка. Южная и восточная стена сохранились лучше, внешнюю поверхность северной стены найти не удалось.

Помещение 3. К северу от помещений 1 и 2 сохранились остатки сложенных из кирпича северной, восточной и западной стен с проходом в последней. Первоначально было предположено, что здесь находилось одно из помещений дома № 3, но ряд данных заставляет полагать, что это более ранняя постройка, которая успела сильно разрушиться к тому времени, когда были возведены помещения 1 и 2. Прежде всего, если бы помещения 1, 2 и 3 были одновременны, то северная стена помещений 1 и 2, будучи внутренней, сохранилась бы лучше, чем в действительности; затем, уровень «пола» помещения 3 на 0.3—0.4 м ниже пола названных помещений, наконец, стены помещения 2 сложены из кирпича, тогда как все стены остальных помещений дома 3 сложены из пахсы. Однако находки керамики в этой части холма не дали более раннего материала, чем в помещениях 1 и 2.

Помещение 4. Остатки этого помещения расположены несколько в стороне от помещений 1 и 2 и отделены от них беспорядочным завалом крупных обломков пахсовых блоков. От помещения сохранились только две стены: восточная и южная, причем восточная стена заметно наклонилась;

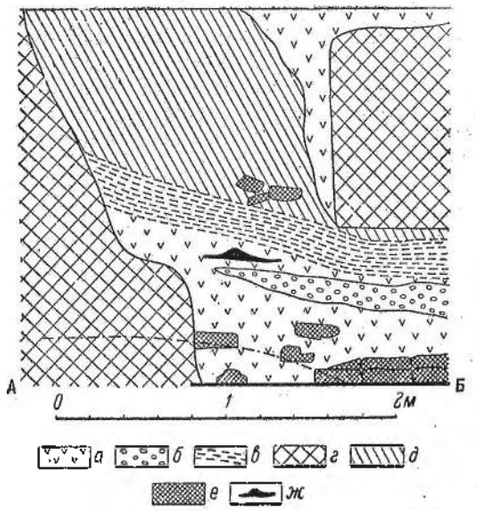


Рис. 11. Пригород. Дом № 3. Разрез завала в восточной части двора.

а — рыхлый лёсс; *б* — крупный песок; *в* — натеки; *г* — пахсовые стены и обломки блоков; *д* — завал из лёсса с комками пахсы; *е* — кирпичи; *ж* — зольник.

длина ее 1.85 м, толщина 0.8 м. За южной стеной находится помещение 5.

Помещение 5 расположено под углом к помещениям 1 и 2 и ориентировано точно по странам света. Длина его — 7 м, ширина 2.5 м. Стены пахсовые, плохой сохранности. Помещение было перекрыто сводом, завал сверху состоит из обломков кирпича последнего, под ним на высоте 0.3—0.4 м от пола начался слой рыхлого лёсса с небольшими зольниками, около которых в ряде случаев лежали обгоревшие кирпичи. На полу на всей площади помещения лежал слой органического перегноя беловато-желтого цвета, иногда с прозеленью, в нем видны следы перегнившей соломы; при высыхании слой превращается в бесформенный тончайший тлен.

В завале свода была найдена медная монета Вахшумана (650—655—696 гг.) и ножка глиняного бокалообразного сосуда с отверстием в ней, проткнутым изнутри до обжига (со станка сосуд срезан петлей). На полу найден фрагмент стенки чашевидного кубка, фрагмент смятого слива, два фрагмента петлевидной ручки кружки с серым черепком.

В юго-восточном углу помещения находится проход шириной в 1.4 м, хорошо прослеживается вертикальный паз для стойки дверной коробки на внутреннем крае западной щеки проема. В пазу у пола углубление, куда входил горизонтальный нижний брус порога. На полу в пазу лежал большой плоский булыжник, снаружи от прохода — другой.

Напротив входа расположены остатки какой-то стены (или фрагмент пахсового блока, упавший со стены помещения 5). Снаружи, у южной стены помещения 5, в 1.5 м на запад от прохода, находились небольшой зольник, где был найден фрагмент кружки с серым черепком, фрагменты ручки, части которых найдены были в помещении 5, и фрагмент горла кувшина.

В результате раскопок установлено, что северная часть здания погибла от пожара не ранее 760—761 гг.; время гибели помещений 4 и 5 установить не удается.

Помещения 1 и 2 были, вероятно, жилыми, а помещение 5, судя по слою перегноя с остатками соломы, служило, быть может, сараем. Для выяснения времени постройки здания необходимо в дальнейшем исследовать подстилающий его слой, сняв полы и стены.

Дом № 4

Холм до раскопок имел продолговатую вытянутую с юга на север форму (длина — 15 м, ширина 6 м, высота — 2—3 м). К северу, на расстоянии около 3 м от него, расположен второй маленький холм, по-видимому связанный с первым (размеры 4×5 м, при высоте 2 м).

Указанные холмы расположены в 5—6 м западнее раскопанного дома № 1 и на 12—15 м к востоку от большого дома, раскопанного В. Р. Чейлытко, и входят в центральную группу пригородных холмов.

В результате раскопок вскрыты центральный коридор, два жилых помещения, два айвана и пандус с маленькой кладовой под ним (рис. 12).

Центральный коридор вытянут с востока на запад, разделяет южную и северную части дома. Размер коридора 9.5×1.93 м. Из коридора один дверной проем (ширина 1.27 м) выводил на восток; он, очевидно, был главным выходом наружу. Данный проем оформлен зигзагообразным преддверием. Второй дверной проем (ширина 1.23 м) выводил на запад, во двор. Отметим, что территория двора, в западном конце которого находится упомянутый выше раскопанный В. Р. Чейлытко большой дом, ясно прослеживается по рельефу местности.

Все стены коридора сложены из глинобитных блоков и отличаются хорошей сохранностью. Высота блоков в среднем 0.9 м. Южная и северная стены сохранились на высоту 1.5—1.9 м, а западная лишь в нижней своей части на небольшую (до 0.55 м) высоту, длина ее без проема 0.65 м. Коридор был заполнен рыхлым лёссом, перемешанным с многочисленными обломками сырцовых кирпичей. В завале встречено лишь несколько фрагментов крупной посуды. На глубине свыше одного метра от поверхности у выхода из коридора, на восток, среди перемешанной золы обнаружены два обломка оссуария с орнаментом.

На полу, по всей поверхности, залегал слой золы коричневато-черного цвета, а местами серо-желтого, толщиной 3—4 см. В некоторых местах под ним имелась также зеленоватая прослойка перегнивших органических остатков, которыми пропитана и поверхность пола. У северо-западного угла на полу находилось скопление золы и мелких угольков — следы временного разведения огня. Такие же зольники были встречены у середины северной стены коридора и у западной стенки дверного проема, ведущего в помещение 3. Из находок на полу интересны лишь целый кувшинчик, найденный около отмеченного выше зольника у западной стенки дверного проема, ведущего в помещение 3, и половинка стеклянной бусины.

Помещение 1 расположено к северу от коридора, сторонами ориентировано по странам света (с незначительным отклонением). Оно имеет почти квадратную форму — размер его 3.8×3.9 м (длинная сторона — юг—север). Дверной проем в середине южной стены связывает его с центральным коридором. Ширина проема 1.04 м. Дверь имела деревянный запор с западной стороны, об устройстве которого можно судить по сквозному отверстию в угловой части стены проема, где обнаружено немного рыхлого сгнившего дерева (рис. 13). Диаметр отверстия запора с обеих сторон равен 18 см.[1] Отметим, что такие деревянные запоры (лукидоны) встречаются в старых домах и в настоящее время в г. Ленинабаде. Дверной проем имел порог, от которого остались гнезда; следов дерева не сохранилось.

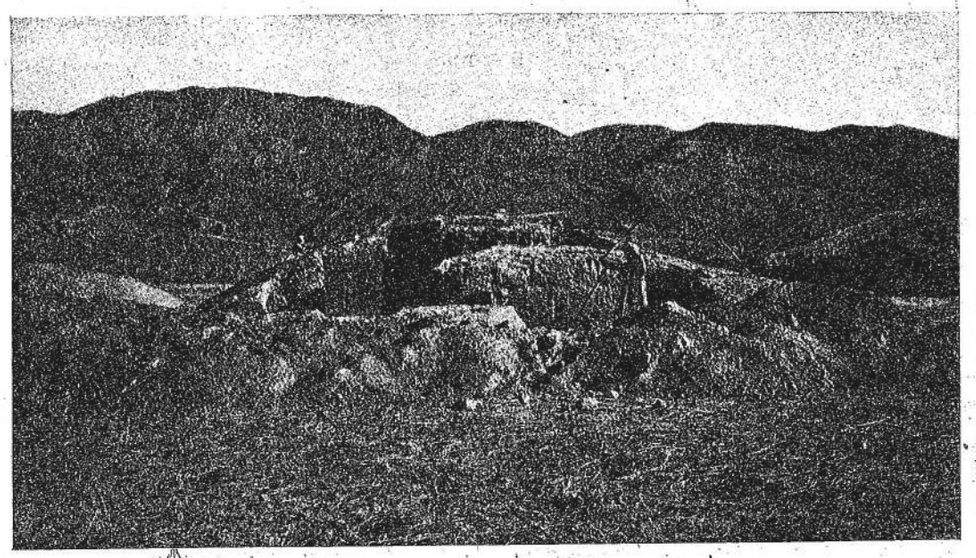


Рис. 12. Пригород. Дом № 4. Общий вид.

Все стены помещения возведены из пахсы. Сохранность их и всего дома в целом исключительно хорошая. Толщина стен разная: западной — 73 см, восточной (внешней) — 90 см, а разделяющей помещения и коридор — 80 см.

Углы внутренних стен архитектурно были оформлены раскреповками.

В середине западной стены имелся узкий световой проем шириною в 70 см. Отрезок стены помещения, в котором расположен этот проем, в отличие от других стен помещения, сложен из сырцового кирпича. Очевидно, световой проем вначале был сделан на всю высоту стены, но впоследствии частично заложен кирпичами.

В помещении, начиная с самой поверхности, шел завал плотно лежащих в различном положении обломков сырцовых кирпичей и лёсса. Было встречено несколько целых кирпичей размером 48—46×24×10 см, куски ганча, мелкие угольки, керамика. На глубине 1.3 м были найдены согдийская медная монета с квадратным отверстием хорошей сохранности, кусочки стеклянного шлака, фрагменты кухонных котлов. На глубине 1.8 м обнаружена поверхность вторичного пола, а в юго-восточном углу помещения — крупный зольник-очаг у каминообразной ниши без дымохода, пробитой в толще восточной стены. Высота ниши 0.5 м, ширина 0.55 м, глубина 0.3 м. На полу в нескольких местах обнаружены следы временно разводившихся костров. На всей поверхности пола залегал тонкий зольный слой, в котором были найдены согдийская монета с квадратным отверстием и маленький черепок от глазурованной миски.

При небольшом углублении в центре помещения, на глубине 10—12 см ниже отмеченого пола, обнаружен первичный пол.

[1] На наличие подобных запоров у таджиков долины Хуф, в Самарканде и Бухаре указывает М. С. Андреев (Таджики долины Хуф, вып. 1. Изд. АН Тадж. ССР, Сталинабад, 1953, стр. 17 и прим. 3).

В результате оказалось, что вторичный пол местами был выложен сырцовым кирпичом, а остальное пространство было забутовано рыхлым завалом. На первичном полу местами залегал тонкий слой золы; здесь были найдены: каменное точило, кости животных, мелкие обломки посуды.

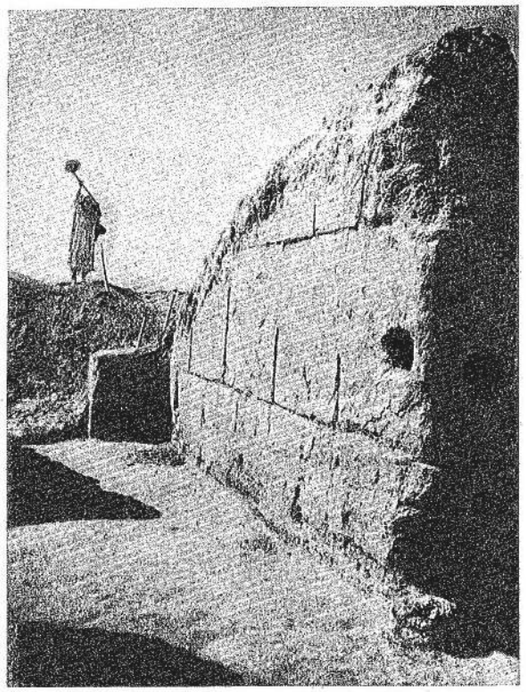


Рис. 13. Пригород. Дом № 4. Северная стена коридора с дверным запором.

Особо следует отметить большую чашу с волнистым бортом и вмятинами по нижней части стенки. На маленькой петлеобразной ручке сделан плоский налеп для упора большого пальца. Окрашена чаша светлым ангобом, высота ее равна 7 см, наибольший диаметр — 24 см.

Помещение 4 расположено к западу от помещения 1, типа айвана, с одной открытой на запад стороной. Сохранились полностью восточная стена (смежная с помещением 1), большая часть южной стены и участок северной. Все стены сложены из гладко выровненных пахсовых блоков хорошей сохранности. Упомянутое выше световое отверстие помещения 1 выходит в айван. Площадь айвана — 3.9×2.3 м. Айван был заполнен битым кирпичом и лёссом, в завале находок не было. Пол утоптан, найдена всего лишь одна согдийская монета с квадратным отверстием.

Помещение 3 расположено к югу от центрального коридора. Размеры его 2.95×2.9 м. Все стены из пахсовых блоков; сохранность их хуже, чем стен северной части дома. Помещение широким дверным проемом (ширина 1.43 м) связано с центральным коридором. Другой проем ведет в следующее, южное, помещение (айван). Следует обратить внимание на одну деталь: стена, отделяющая северную половину дома от южной, двойная, со стороны центрального коридора она сложена из блоков толщиною 0.9 м, а со стороны описываемого помещения 3 — из сырцовых кирпичей. Толщина этой части равна длине кирпича (52×26×10 см). Обе половины стены ясно выделяются.

В завале было много битых кирпичей, большое количество керамики, обломки жженых плит, значительное количество мелких костей животных, крупное каменное точило, два пряслица — каменное и глиняное, кусок стеклянного шлака, два фрагмента бронзовой поделки и кусок железа.

В северо-западном углу помещения на несколько сантиметров выше уровня пола обнаружен плоский, круглой формы большой камень, на котором стоял крупный обрубок железа правильной, близкой к кубу формы с округлыми углами. Вес его 4.7 кг. Данный железный предмет, по всей вероятности, являлся наковальней. Здесь же на полу обнаружено третье по счету в этом помещении пряслице овальной формы из белого камня и два фрагмента железного предмета. В юго-западном углу на полу лежала половинка кружки с ручкой и плоским донышком. У восточной стены обнаружен зольник с обгорелыми остатками и копотью на стене.

В северном конце восточной стены сделан проем, ведущий в маленькую кладовую, расположенную под пандусом. Размеры кладовой 1.5×0.75 м, при высоте 1 м. Она была заполнена чистым рыхлым наносным лёссом. Встречено лишь несколько мелких костей животных. Перед проемом на полу обнаружены остатки сгнившей балки, лежащие поперек проема полосой около 0.6 м длины.

Помещение 6 вскрыто в южном конце холма. Обнаружены северная, восточная (длиною 2.4 м) и часть западной стены. Южной стены обнаружить не удалось. По всей вероятности, помещение представляло собой айван с открытой южной стороной.

Здесь непосредственно у дверного проема обнаружен «очаг» полусферической формы. Вся внутренняя поверхность покрыта несколькими слоями гари и копоти. На полу «очага» залегал толстый слой с угольками. «Очаг» фасадной стороной направлен на север, в сторону помещения 3. В этой связи следует вспомнить упомянутую выше находку наковальни, стоящей на камне в северо-западном углу помещения 3. Последнее позволяет предположить наличие здесь кузнечной (?) мастерской. К сожалению, других остатков обнаружить не удалось. Помещение было заполнено плотным завалом. В нем у описанного горна, на глубине около 1 м от дневной поверхности, была обнаружена круглая бронзовая подвеска с петлей, размером с маленький орех, а еще ниже на полу помещения найдены: три согдийские медные монеты с квадратным отверстием, фрагмент бусы, проржавевший железный предмет круглой плоской формы, много фрагментов от кухонных котлов и от прочей бытовой посуды. На полу залегала совершенно утоптанная тонкая зольная прослойка.

Пандус. Из помещения 3 вверх, на крышу дома, вел пандус. Направление подъема: сначала на восток (ширина его здесь 1.05 м), затем на север (ширина 1 м). Далее, повернув на запад (ширина 0.68 м), пандус ведет на маленькую верхнюю площадку размером 0.9×1.2 м. Боковые стены пандуса выложены из блоков, за исключением северной, сложенной из сырцовых кирпичей. Из кирпичей же (48×24×9 см, 58×29—30×10 см) сложен центральный пилон витого пандуса. В пандусе никаких находок не обнаружено, пол чист.

У начала пандусного подъема обнаружены оссуарии (рис. 14) и хумы с человеческими костями, раздавленными упавшим на них сводом. Несколько отлетевших при обвале обломков от оссуариев найдены также в центре помещения 3. Все три обнаруженных оссуария лежат в глубине пандусного подъема. Первый и третий расположены в длину проема, а второй — поперек между ними.

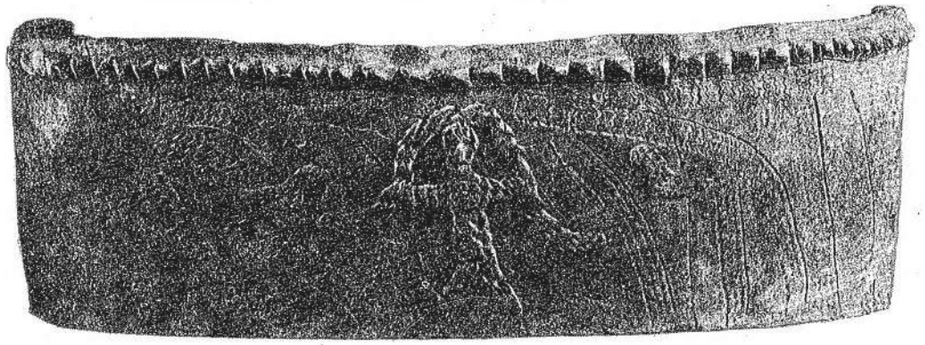


Рис. 14. Пригород. Дом № 4. Оссуарий.

В первом оссуарии находились один череп и кости. Второй оссуарий, стоящий поперек за первым, не был обожжен, поэтому сильно отсырел и распался на месте. В нем обнаружены два черепа (один из них ребенка) и отсыревшая сгнившая костная труха. Третий оссуарий расположен на заднем плане. В нем костей оказалось меньше, чем в предыдущих, а черепа вовсе не было. Внутри оссуария обнаружены также четыре обломка хума, фрагмент лепного кухонного котла, обломок плоской крышки оссуария и половинка железного подковообразного изделия.

Рядом с описанными оссуариями были найдены различной величины обломки хумов, несколько фрагментов крышек и стенок от четвертого оссуария. Вне оссуариев обнаружено большое количество человеческих костей и четыре других совершенно

рассыпающихся черепа (всего обнаружено 7 черепов). Один из них выявлен среди наибольшего скопления фрагментов хума. Возможно, что костные останки содержались и в хумах.

Приведем краткое описание оссуариев и хумов после их реставрации. Как уже отмечалось, один из оссуариев был не обожжен, отсырел и рассыпался при вскрытии. Один собран из крупных обломков (без задней стенки) хорошей сохранности, покрыт красным ангобом и хорошо обожжен. Фасадная стенка по верхнему краю окантована фестончатым налепом. Стенки орнаментированы вертикальными полосками. На этой стенке изображена налепная женская фигурка, держащая обеими поднятыми вверх руками шарф, закинутый на голову. По обе стороны женской фигурки расположены две налепные фигурки птиц. Высота оссуария 23 см, длина 68 см.

Другой оссуарий, полностью собранный из обломков, обожжен не очень тщательно. Фасадная сторона орнаментирована тремя горизонтальными полосами отпечатков зигзагообразных штампов. Высота оссуария 21—22 см, длина 63 см, ширина 33 см.

Следует еще отметить три фрагмента стенок и дна оссуария из глины с примесью дресвы, плохого обжига, фрагмент стенки оссуария с оттисками штампа, одну половинку крышки оссуария,[1] склеенную из пяти обломков; на верхней поверхности крышки — следы красного ангоба. Крышка полуовальной формы. Размеры половинки — 35×33 см. Имеется также другой фрагмент крышки оссуария со штампованными зигзагообразными орнаментальными поясами, между которыми помещены оттиски крестообразного штампа. Крышка из пористой глины со смесью песка, края крышки оссуария имеют высокий выступ. Все оссуарии имеют округлую форму.

Из обнаруженных обломков склеен целый хум с прямым венчиком. На стенке хума следы светлого и полоса коричневато-красного ангоба. Хум украшен тремя горизонтальными волнистыми линиями. Диаметр горловины хума 16 см, в утолщенной части — 36 см, высота хума 35 см.

Из наблюдений, сделанных во время расчистки оссуариев, следует отметить тот факт, что под ними лежал еще слой (толщиною 10—20 см) завала битого мелкого сырцового кирпича и лёсса. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что оссуарии во время обвала скатились по пандусу сверху. Об этом же говорит частичная перемешанность и, наконец, само местоположение оссуариев. Трудно предположить, что оссуарии были помещены первоначально именно здесь, у самого подъема пандуса, так как в этом случае они загораживали бы выход по пандусу на крышу и тем самым выводили из употребления обычно часто используемую для бытовых целей крышу.[1]

Наконец, несколько общих замечаний о доме в целом. Как мы уже отмечали, сохранность южной половины дома худшая, чем северной. Стены первой сложены из блоков и частично из сырцовых кирпичей, в то время как стены северной возведены исключительно из блоков. Это можно объяснить, по всей вероятности, следующим образом: первоначально функционировала южная половина дома, а затем к ней была пристроена со своей особой стеной северная половина. Отметим, что обе половины могли функционировать вполне самостоятельно: южная (старая) часть состояла из помещения, айвана и пандуса, северная часть из помещения, коридора и айвана. Перекрытие всех помещений дома было сводчатое. По своим размерам дом мог принадлежать небольшой семье. Несмотря на то, что у нас мало данных, все же даже по немногим находкам есть основание предположить ремесленный характер занятий обитавшей в доме семьи.

Сравнение плана дома № 4 с домом № позволяет утверждать, что они, имея общую схожую планировку, в то же время отличались один от другого рядом существенных архитектурных деталей. Так, например, оформление стен отмечено только в доме № 4. В доме № 1 нет кладовых под пандусом. Не установлено в нем наличия дверного запора и т. д.

Как выше указывалось, к северу от раскопанного дома № 4 находился маленький

[1] Крышки обычно состояли из двух плит, чтобы между ними можно было оставлять просвет.

[1] Б. А. Литвинский не совсем точно информирует о находках оссуариев в этом доме, говоря, что здесь были обнаружены 3 оссуария, в то время как в действительности было 4 оссуария и 1 хум (см.: Б. А. Литвинский. Полевые археологические работы ТАЭ в 1952 году. Известия АН Тадж. ССР, вып. III, 1953, стр. 160).

холмик размером приблизительно 4×5 м, при высоте около 2 м. Раскопками холмика обнаружены два маленьких помещения и угловатые части двух других помещений.

Помещение 1 размером 1.2×2.3 м. Все стены из сырцового кирпича обычных для описанных домов размеров. Сохранились стены на высоту 1.5 м. Проем обнаружен в северном конце восточной стены, ширина его 0.9 м.

Помещение было заполнено мягким завалом мелкого битого кирпича и лёсса. На глубине 0.6 м в центре помещения в завале был обнаружен человеческий череп, несколько костей и фрагменты крышки оссуария. Сгнившие рассыпающиеся кости обнаруживались во всем помещении во время выемки земли. Немного выше уровня пола был найден второй череп и несколько костей на обломке хума.

На глубине 1.5 м от поверхности обнаружен гладкий пол помещения. На полу залегал очень тонкий, едва различимый слой органических остатков. Из находок на нем отмечено несколько мелких обломков сосудов и костей.

К западу от помещения 1 обнаружено такое же маленькое (1.05×1.56 м) помещение 2. Южная, северная и восточная стены сохранились на высоту до 1.5 м, а западная — до 40 см. Стены также из сырцовых кирпичей. Помещение было заполнено таким же завалом, как и предыдущие. На полу оказалось несколько бедренных костей и тазовая человеческая кость. Пол обоих помещений выложен сырцовым кирпичом. Помещение 2 не имело выходного проема, но с помещением 1 было связано арочным проемом в смежной стене, высотой от пола 0.9 м, при ширине 0.55 м. Толщина смежной стены 1.05 м.

К северу от помещения 1 обнаружена сохранившаяся юго-западная угловая часть третьего, очевидно, такого же помещения. Западная стена сохранилась на 1.3 м, при высоте до 0.5 м, а южная стена — на 1.4 м. Никаких находок не было обнаружено.

К западу от помещения 3 и к северу от помещения 2 обнаружена угловая часть следующего помещения 4, приблизительно таких же размеров. Помещения 3 и 4, судя по сохранившимся остаткам, полностью повторяли планировку помещений 1 и 2 и были связаны между собою таким же узким (ширина 0.55 м) арочным проемом; сама арка не сохранилась.

Все стены пристройки, в целом, сложены из кирпича-сырца, размерами: 48—49×24×8 и реже 50—52×25×9 см. Перекрытие, несомненно, было сводчатое. Остатки рухнувшего свода удалось зафиксировать в помещений 2. Керамических находок во всех помещениях было незначительное количество, встречены главным образом фрагменты хумов и обломки крышек оссуариев.

Все четыре помещения, судя по размерам, находкам человеческих костей и черепов, обломков крышек оссуариев и хумов, а также по отсутствию предметов хозяйственного и бытового обихода, выполняли роль склепов-мавзолеев (наусов).

В отличие от наусов, сгруппированных на территории пенджикентского некрополя, вдали от жилых комплексов как собственно города, так и пригородного поселения, эти наусы находятся посредине пригорода, поблизости от жилых домов. Вторым отличием является то обстоятельство, что все четыре науса размещены группой, объединенно, в то время как в некрополе наусы расположены каждый в отдельности, на расстоянии нескольких метров друг от друга. Как частное отличие от большинства наусов некрополя следует отметить, что наши наусы не имеют внутри никаких суфоподобных сооружений, предназначенных для установки оссуариев. Следует отметить еще и то, что два наусных помещения непосредственных проемов наружу не имеют; в них можно было проникнуть через небольшие арочные проемы двух других помещений.

Обнаружение наусов за пределами собственно некрополя, в непосредственной близости от жилых зданий, а также находки оссуариев в самих жилых зданиях позволяют внести некоторые дополнения в наши понятия о похоронных обрядах и представлениях древнего населения района Пенджикента. Но к этому вопросу вернемся еще ниже.

Дом № 5

Тепе до раскопа имело овальную, вытянутую с юга на север форму. Длина его (по поверхности) равна 20 м, ширина — 17 м, наивысшая высота — около 3 м. Поверхность вся задернована. Тепе расположено в 40 м к юго-востоку от стены шахри-

стана и к юго-западу от домов №№ 1 и 4 (рис. 15).

Помещение 1 почти квадратное в плане, размером 2.80×2.95 м, ориентировано сторонами по странам света с незначительным (на 9°) отклонением на запад. Все стены помещения, как и всего дома в целом, сложены из сырцового кирпича (рис. 16); размеры кирпичей, 48×24×9, 50×24—25×9, 52×26×9, реже 54×28×10 см. Вся внутренняя поверхность стен была заштукатурена. Стены сохранились на высоту от 1.45 до 1.95 м. Толщина их различная: западной — 1.45 м, северной — 1.6 м, южной — 1.47 м и восточной — 0.85 м. В южной стене обнаружен дверной проем (ширина его 0.97 м), выводящий в помещение 2. Он отстоит от юго-западного угла помещения на 0.93 м и от юго-восточного на 1.1 м.

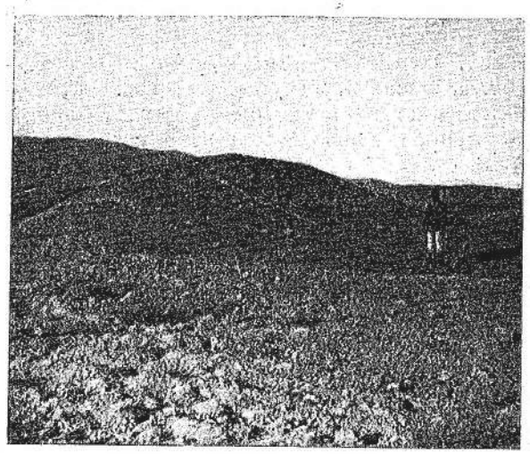


Рис. 15. Пригород. Холм, скрывавший дом № 5.

Помещение до пола было заполнено мягким чистым завалом битых кирпичей и лёсса. В нем встречены кости животных, на глубине 0.6 м — фрагменты железного изделия, на глубине 1.6 м у западной стены обломок монеты и два фрагмента бронзовой поделки. Среди керамических находок в завале заслуживают внимания обнаруженные на глубине 1.7 м пять фрагментов двух поливных блюд, обломки стенки оссуария с орнаментальными рядами из вдавленных треугольных ямок, фрагменты керамических сосудов.

На глубине 1.85 м от наивысшей точки дневной поверхности обнаружены разбитые оссуарии с костями. Они лежали толстым слоем (около 40 см) у северной стены помещения 1, занимая пространство около 1.9×1.05 м. Оссуарии разбиты на мелкие фрагменты, которые перемешаны с многочисленными обломками жженых плиток (средний размер их: 32×18×2.5—3 см), фрагментами хумов, кувшинов, кухонных котлов. Много мелких сгнивших костных остатков, фрагменты черепной коробки, таза, кости ног и пр. Среди фрагментов, по крайней мере, трех обожженных оссуариев имеются обломки различно орнаментированных стенок, в том числе со следами налепных фигур, с отпечатками штампов, с прочерченным орнаментом и отверстиями на стенке. Некоторые фрагменты стенок имеют зубчатые края. Встречаются фрагменты крышек оссуариев с высоким бортом. Имеются также обломки стенок необожженных оссуариев,

Ближе к северо-западному углу помещения к стене была придавлена обломками плит и оссуариев лицевая часть черепа, а рядом лежали кости ноги и несколько фрагментов черепной коробки. К стене у самого черепа был прижат глубоко вдавленный в пол обломок большого сосуда с высокими стенками (29 см), со слегка отогнутым венчиком, с фестончатым выступом под ним и небольшой ручкой. Сохранилась также часть плоского дна. Верхняя часть сосуда покрыта серым ангобом. Четыре других фрагмента венчика этого сосуда были обнаружены выше, в завале данного помещения.

На уровне «захоронения» был найден интересный фрагмент венчика тонкостенного кувшина с удлиненным сливом, примятым с боков, и много фрагментов тонкостенной керамики, покрытой светлым ангобом и украшенной прочерченным волнистым орнаментом, а также обломков лепных кухонных котлов.

Обстоятельства находки захоронения позволяют утверждать, что оссуарии упали во время разрушения дома сверху, с крыши, сильно разбились и перемешались. При этом часть костей выпала в соседний коридор, где и были обнаружены вместе с жжеными плитами, подставляемыми обычно под оссуарии, в завале на глубине 0.55 м.

На полу залегал тонкий слой золы, перемешанный с засолоненным лёссом, а у «захоронения» и под ним — слой органических остатков. Из находок следует отметить фрагмент медного предмета.

Помещение 2 примыкает с юга к помещению 1, оба они связаны между собою указанным выше дверным проемом. Помещение 2 продолговатой с востока на запад формы, длина его 4.75 м, приблизительная ширина 1.8 м. Северная стена плохой сохранности, уцелели лишь нижние ряды кладки, а выше — поверхность неровная, кирпичи обваливаются. Удалось проследить также нижние ряды кладки западной стены — на протяжении 1.55 м и восточной — на длину 0.6 м. Южная стена рухнула донизу, среди завала прослежена лишь правильно лежащая линия кирпичей западной половины стены. Дверной проем не обнаружен.

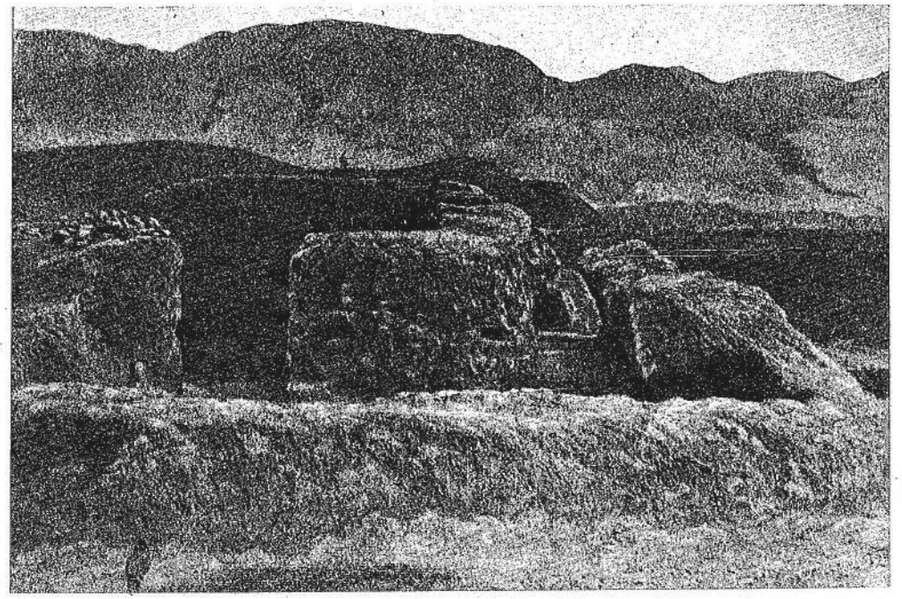


Рис. 16. Пригород. Дом № 5. Вид с юга.

Помещение было заполнено чрезвычайно плотным завалом. Из находок в завале особо интересны большой фрагмент плоской железной поделки крестообразной формы и тонкая серебряная монета.[1]

[1] По определению О. И. Смирновой — обол Слабариса.

Пол этого помещения на одном уровне с полом предыдущего помещения. На нем залегал тонкий слой культурных остатков. Здесь были найдены: несколько фрагментов раздавленных сосудов и два маленьких светло-глиняных пряслица, выпиленных из тонкой стенки сосуда.

С восточной стороны был вскрыт коридорообразный пандус с плохо сохранившимся полом. Длина его около 4.8 м, ширина колеблется от 0.9 до 1.1 м.

Пандус расположен параллельно восточной стене помещения 1 и связан входом с помещением 2. Он поворачивает на север, затем выводит на крышу. Западная стена сохранилась (на высоту 1.45 м) лучше, чем восточная. Южный угол ее рухнул. Сложены стены из сырцового кирпича, следов штукатурки на них не сохранилось. Восточная стена значительно осела на бок, внутрь, местами почти висит над пандусом. Толщина западной стены 0.85 м, восточной приблизительно 1.4 м.

Пандусный коридор был завален битым кирпичом, комками глины и лёссом. Лучше сохранилась южная часть пола, она частично оштукатурена ганчем, на ней залегал тон-

кий слой культурных остатков. Здесь обнаружены фрагмент железного изделия, обломок медной монеты, кусок керамического шлака и несколько фрагментов керамики.

Были зачищены также все внешние стороны стен дома. Они сохранились в разной степени на различную высоту и длину. Большей частью все поверхности стен обвалились, обтекли. Из находок у внешних стен следует отметить обнаруженную у западного фаса большую совершенно круглую бусину из обожженной глины. У северного фаса к стене на всю длину ее была пристроена подпорка толщиной в ширину кирпича (около 25 см). Из-под подпорки, приблизительно на уровне выше отмеченного пола пандуса с ганчевой обмазкой, также выступает прекрасно заштукатуренная ганчем поверхность.

Несмотря на большую площадь северной части тепе, до уровня указанной ганчевой обмазки никаких следов построек не обнаружено.

В завале у фаса на глубине 0.8 м найден обломок монеты с квадратным отверстием, на уровне пола помещения 1 круглый фрагмент бронзовой поделки и обломок медной монеты (?).

Ниже указанного ганчевого слоя, в забутовочном слое, следует отметить находки большого фрагмента стенки оссуария с растительным орнаментом, фрагмента стенки оссуария с геометрическим орнаментом, венчика сосуда с налепным зубчатым орнаментом, венчика закопченного сосудика, фрагментов хумов и тонкостенных сосудов. Найдены два зуба кабана. В завале был обнаружен также кусок железа, а на глубине 0.45 см ниже ганчевого слоя, у восточного конца фаса, обнаружен обломок бронзового предмета.

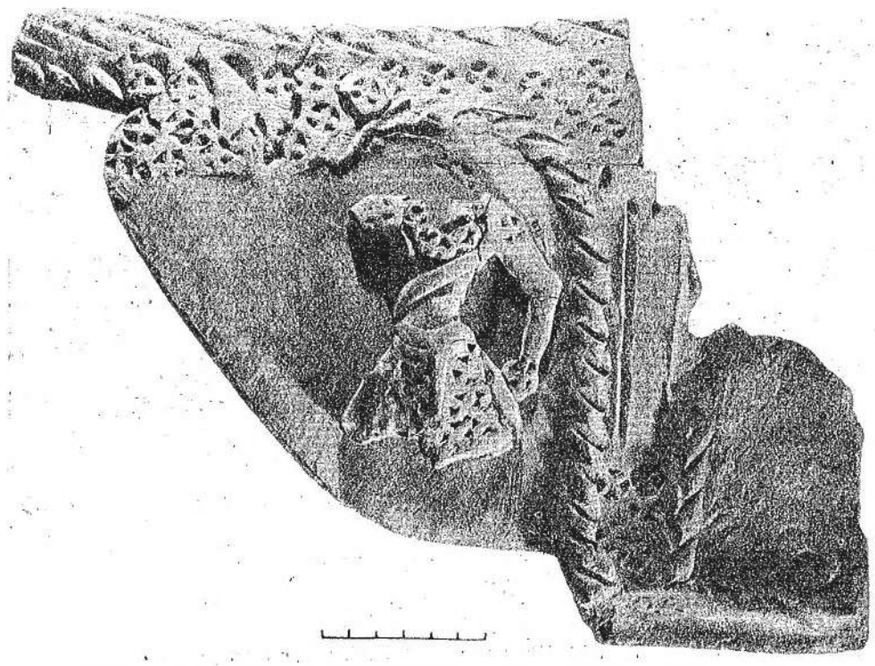


Рис. 17. Пригород. Фрагмент оссуария из дома № 5.

Ниже ганчевого слоя на 1.05 м, на расстоянии 4.7 м от фаса, почти за пределами холма, обнаружен внешний угол помещения. Внешнюю поверхность южной стены данного помещения удалось проследить всего лишь на 1.9 м, а западную — на 1.4 м. Далее стены теряются за пределами холма. Угол был расчищен на высоту 0.8 м. У стенок помещения были обнаружены: хорошей сохранности трехгранный железный наконечник стрелы с черенком (общая длина 83 мм), три фрагмента железной поделки, два куска гончарного шлака и фрагмент оссуария с налепным штампованным орнаментом.

Среди последних особо следует отметить фрагмент лицевой стенки оссуария, украшенного лепными арочками, в одной из которых находится женская фигурка (рис. 17). У фигурки изящно оформлены талия и грудь, голова не сохранилась. Одежда орнаментирована крестовидным штампом. На шее ожерелье, на плечах и кисти руки также крестовидный налеп. Из фрагментов оссуария следует отметить три обломка со штампованным орнаментом. Близ этих обломков обнаружено несколько человеческих костей.

Таким образом, на данном участке явно проступают два строительных периода. Грань между ними — остатки ганчевого пола, сделанного после забутовки северной и восточной частей тепе. Однако оба эти периода относились к небольшому отрезку времени, что подтверждается тем, что в массе керамики и других находках особых различий проследить не удалось.

Из керамики, которую можно было бы датировать более ранним временем, можно отметить несколько фрагментов тонкостенной посуды, залощенной по красному ангобу.

Судя по планировке дома, обнаруженным находкам и особенно по обилию домашней посуды, следует признать жилой его характер.

Что же касается найденных там оссуариев, то об этом скажем ниже.

Дом № 6

Находится в 40 м южнее дома № 3. Размеры холма, образовавшегося в результате его разрушения: длина 25 м, ширина 16 м, высота 3 м. От здания сохранились только три помещения.

Помещение 1 — почти квадратная комната шириной 3.6 м, длиной около 3.7 м. Стены пахсовые, сложенные из крупных блоков, западная стена с большой промоиной посредине, северная отсутствует. По характеру завала в северной части помещения можно даже сделать вывод, что оно было открыто на север, но в таком случае перед нами был бы айван с глубиной, значительно превышающей ширину (5.25 и 3.6 м), что вряд ли возможно.

В южной стене проход шириной 1.08 м ведет в соседнее помещение 2.

Помещение заполнял рыхлый лёссовый завал до глубины 1.5—1.6 м от вершины холма, в северо-западном углу лежал массив завалившихся кирпичей. В лёссе встретилось около десятка булыжников.

На глубине 1.6 м по всей площади помещения шел слой натеков в 10—15 м толщиной, под ним завал из обломков кирпича и лёсса до пола. Поверхность пола неровная с выбоинами и ямами. На полу много зольных пятен. Особенно большой зольник посредине помещения.

У восточной стены суфа высотой в два кирпича, стоящая не на полу, а на крупном сером песке, подстилающем пол. Около суфы, в юго-восточном углу помещения, оказалась ямка диаметром 20—25 см и глубиной 10—15 см.

В верхнем слое завала найдено около полутора десятков мелких черепков, среди них несколько фрагментов закопченного котелка с грубым черепком, в котором много включений крупного песка. Керамика на полу совершенно невыразительная.

Помещение 2 — квадратное (3.73×3.77 м), стены сложены из крупных пахсовых блоков; перекрытие было, вероятно, балочным. Очень интересна с точки зрения выяснения техники кладки пахсовых блоков западная стена. Она сложена из блоков высотой 0.7 м и шириной больше 1.2 м так, что всю стену длиной 3.73 м составляют три блока. Толщина блоков — 1.75 м. Горизонтальная поверхность верхнего ряда блоков очень гладкая, вертикальные швы ровные, поверхность блоков в вертикальных швах также очень гладкая и ровная. Совершенно очевидно, что подобные швы не могли быть сделаны нарезкой. Можно предположить, что блоки выкладывались отдельно и тщательно утрамбовывались в какой-то опалубке (возможна также отливка блоков в опалубке из густой глины). Наше предположение не исключает, однако, факта, что в других случаях имела место нарезка вертикальных швов.

Помещение было заполнено рыхлым лёссовым завалом до глубины 1.6 м от верха холма (0.8 м от пола), под ним шел тол-

стый слой натеков. Под натеками находился завал из кирпича с обломками пахсы. На полу, отступя на 0.55 м от северной стены, 1.03 от западной, 0.73 от южной и 0.5 м от восточной, находится кирпичная кладка в два кирпича высотой, служившая, вероятно, облицовкой суфы, шедшей вдоль всех стен и прерывавшейся у входа. Поверхностной верхней обмазки суфы не было обнаружено, не осталась ли она недостроенной?

В завале помещения 2 найдено несколько мелких фрагментов керамики.

Помещение 3 расположено на запад от помещений 1 и 2, восточная стена его общая с помещением 2. Южная и западная стены также пахсовые. Северная стена двойная: изнутри пахсовая, снаружи кирпичная, причем внутренняя пахсовая стена приставлена к оштукатуренной обгоревшей поверхности кирпичной стены. Проход в помещение не обнаружен. Помещение было заполнено рыхлым лёссовым завалом. Находки в помещении также очень невыразительные. Они состоят из нескольких фрагментов тулова кувшинов и обломков стенок хумов.

Назначение помещения 3 неясно. Как отмечено, проход в помещение не обнаружен, и трудно сказать, как в него попадали.

Снаружи дома у юго-восточного угла найдено много фрагментов обгоревших котлов, фрагменты хумов, фрагменты стенок и кувшинов, горловина кувшина со смятым носиком, покрытого желтоватым ангобом, половина каменного жернова. В завале у восточной стены, в 0.6 м от ее верха, лежал в перевернутом положении череп человека, но никаких других костей человека не было обнаружено.

Судя по всему, здание подверглось значительной перестройке; от старой постройки, погибшей, вероятно, от пожара, сохранилась лишь северная стена. В центре здания была выстроена квадратная парадная комната. К восточной стене последней была впоследствии приставлена стена помещения 1. Можно думать, что здание не было достроено до конца.

Дом № 7

Раскопки на следующем холме, к сожалению, дали небольшой материал, и название «дома» для обнаруженных здесь остатков сооружения является условным. На этом холме были заложены в пяти местах шурфы и траншеи. В них было обнаружено большое количество остатков строительных материалов от разрушенной постройки, жженые плитки размером 32×19—20×3 см и сырцовый кирпич с обычным для Пенджикента соотношением сторон (46×25×10). Было обнаружено также много фрагментов посуды, в том числе на глубине 0.8 м от поверхности был обнаружен фрагмент глазурованного сосуда, по светло-коричневому фону которого нанесены желтоватые пятна. Все стены постройки разрушены до основания; во всяком случае, ни в одном из шурфов не обнаружено никаких остатков их. На глубине 1.1 м от высшей точки холма прослежена поверхность пола с тонкой прослойкой гумусных остатков. Уровень пола находится приблизительно на 1 м выше основания тепе. Ниже поверхности пола идет слой мелкой гальки вместе с песком, под которым встречаются остатки сырцовых кирпичей, а также фрагменты обычной для городища посуды. К сожалению, на основании проведенных здесь работ судить о планировке постройки невозможно. Во всяком случае, очевидно, на месте тепе находилось жилое сооружение. Раскопки этого тепе дают основание полагать, что вся группа тепе, расположенных по краю террасы, является искусственной, но подверглась благодаря каким-то обстоятельствам значительно более сильному разрушению, чем другие постройки в главной части поселения.

Дом № 9

Из всех раскопанных домов в пригороде древнего Пенджикента наиболее интересным во всех отношениях явился дом № 9. Холм, скрывавший в себе этот дом, был расположен к востоку от центральной группы пригородных холмов. Дом стоит одиноко на краю второй (от Токсан-Кариза) предгорной террасы.

До раскопок холм имел продолговатую с юга на север форму и представлял собой обычное двойное тепе. Общая длина тепе равна 22 м, ширина — 16 м. Высота тепе составляет 2.5 м. На задернованной поверхности тепе поднято несколько невыразительных обломков керамики.

Не останавливаясь подробно на процессе раскопок, приведем краткую характеристику открытого дома и обнаруженных

в нем находок. Дом в целом состоит из четырех различного назначения помещений, небольшого коридора и пандуса (рис. 18).

В северо-восточной части дома расположено помещение, обозначенное № 1, служившее, вероятно, передней и соединяемое со всеми остальными помещениями дома. В северной стене помещения находится общий для всего дома дверной проем. Ширина проема равна 1.6 м. В завале проема зафиксированы осевшие остатки арочного перекрытия. От порога сохранились два длинных гнезда с остатками от сгнивших деревянных балок. Ширина этих гнезд: южного — 20 см, северного — 29 см. Расстояние между ними 55—60 см. Снаружи, перед самым порогом, — булыжная вымостка. Само помещение, размером 7×3.1 м, вытянуто с Ю на С. Стены помещения, за исключением северо-восточной части, сохранились хорошо. Все они сложены из глинобитных блоков и были оштукатурены глиняным раствором. На высоте около 1.8 м от пола прослежена пята свода из сырцового кирпича. Пяты свода сохранились частично в западной стене, в ее южной половине. Худшей сохранности восточная стена помещения, максимальная ее высота ныне 1.3 м.

Перекрытие помещения, как уже отмечено, было сводчатое. При выемке земли извлечена масса завальных кирпичей. Если учесть, что стены были возведены из блоков, то эти кирпичи могут принадлежать только своду. Кроме того, у западной стены помещения обнаружены в завале крупные куски осевшего свода.

Для внутренней планировки помещения характерна Г-образная низкая суфа, расположенная у северной половины восточной стены. Общая длина суфы 4.7 м, ширина 1 м, а в выступающей части 2.1 м, длина выступа 1.4 м. Стенка суфы сложена из нескольких рядов уложенных в длину сырцовых кирпичей. Высота суфы колеблется от 12 до 30 см. Внутреннее пространство ее было заполнено рыхлым лёссом, перемешанным с золой и содержащим некоторое количество находок. В середине суфы были замурованы три крупных камня, назначение которых неясно. Интересно отметить, что эти камни стояли не на полу, а на рыхлом лёссе. Утоптанный пол помещения продолжается и под суфой. Несмотря на тщательную зачистку, поверхность суфы обнаружить не удалось. Все детали и характер заполнения говорят за то, что перед нами крупная жаровня (вернее скопление очагов и место хранения горячей золы), обогревающая помещение и дом целиком.

При входе в помещение, у западной стены зачищена небольшая ямка, облицо-

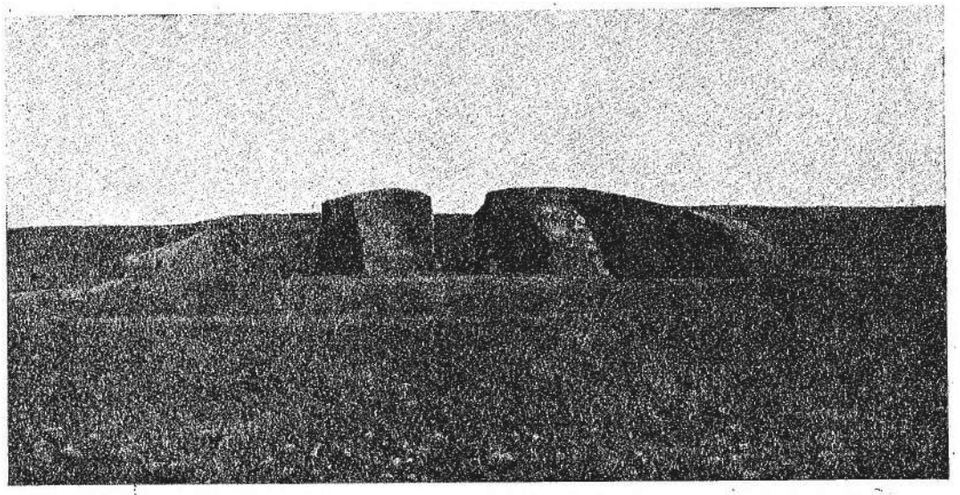


Рис. 18. Пригород. Дом № 9. Вид с запада.

ванная булыжником. Назначение ямки осталось невыясненным. Диаметр ее 18 см, глубина 28 см.

Пол помещения неровный, понижающийся к середине.

Завал помещения на глубину приблизительно в 1 м сравнительно рыхлый. Редко встречались обломки сырцовых кирпичей, сгнившие кости животных. На глубине 0.6 м найдены два куска металлического шлака. По мере углубления стали чаще попадаться обломки посуды. Приблизительно в середине помещения на глубине 0.95 м обнаружена хорошей сохранности согдийская монета с квадратным отверстием. Следующая монета, но без отверстия, обнаружена здесь же на глубине 1.2 м.

Рис. 19. Пригород. Серебряная ложечка из дома № 9.

Ниже завал заметно уплотняется, кирпич встречался в массовом количестве, местами лёсс был смешан с мелкой галькой. Наибольшую плотность завал достигал в северной половине помещения. Из находок, обнаруженных на глубине 1.5—1.6 м, следует отметить полусферической формы ганчевое пряслице грубой выделки и обломок медной монеты. На глубине 2.1 были найдены 4 пряслица: в северной половине помещения два ганчевых, одно побольше размером, полусферической формы, другое поменьше круглой формы, третье — плоское пряслице из серого камня обнаружено у северной половины западной стены, и последнее, точно такое же серокаменное, происходит из отвала данной части помещения.

В завале, приблизительно посреди помещения, на глубине 2.2 м был обнаружен зольник черного цвета, занимавший пространство в 40 х 35 см при максимальной толщине в 5 см. У зольника обнаружены фрагменты различных глиняных сосудов. В беспорядке лежали обломки обожженных кирпичей. Таким образом, перед нами явные остатки очага временных обитателей развалин дома.

На этой же глубине у северной стены обнаружены две монеты, из них одна — согдийская с квадратным отверстием.

Ниже до пола завал рыхлый. Из находок здесь следует отметить два рога коровы, несколько костей и медную монету с обломанным краем.

На самом полу залегал мощный слой культурных остатков: сначала шла сплошная зеленоватая прослойка органических остатков, от которых сильно утоптанный пол имеет такую же окраску, затем сероватые зольные остатки перемешаны у порогов всех помещений со сгнившим деревом. Данный слой имеет толщину от 4 см в северной части помещения до 11 см в южной. Над этим слоем идет сплошной слой золы в 3—5 см толщины черноватого оттенка, утолщающийся в центре помещения до 7 см. В слоях и на полу обнаружено много раздавленных мелких фрагментов керамики. Такой же культурный слой залегал на поверхности описанной выше суфы. В слое над суфой обнаружена мусульманская монета с хорошо сохранившейся надписью. Как уже отмечено, суфа была заполнена мягким лёссом, перемешанным с золой и другими культурными остатками, содержащими находки. В средней части суфы вокруг небольшого зольника обнаружено большое количество керамики, встречено несколько костей животных.

В слоях и на поверхности пола найдено много раздавленной керамики. У дверного проема обнаружены большого размера прясло из серого камня, много обломков рассыпающегося железа, на полу — фрагмент изделия из черного непрозрачного стекла. Замечательной является находка в центре помещения уникальной серебряной ложечки (рис. 19). Длина ложечки равна 11 см, из них ручка — 6.9 см, резервуар — 4.1 см; максимальная ширина резервуара 0.3 см. Ручка ложечки оформлена в виде отростка виноградной лозы с характерными «междоузлиями». Каждое из двух «междоузлий» оформлено в виде трех растительных почек. Конец ручки оформлен также в виде почек.

Пропорции ручки и «междоузлий» на ней вполне гармонируют размеру резервуара. Ложечка в целом прекрасно обработана.

Помещение 2. В плане несколько вытянуто с востока на запад (размером 3.15 × × 3.90 м), расположено в западной половине дома. Дверным проемом оно связано с помещением 1. Ширина проема — 1.5 м. Дверной проем имел деревянный порог, гнезда которого уходят под стены. В них обнаружены две реберных и одна позвоночная кости животного. Размеры гнезд — южного: глубина 35 см, высота 36 см, ширина около 40 см; северного: соответственно 18 см, 41 см и 28 см.

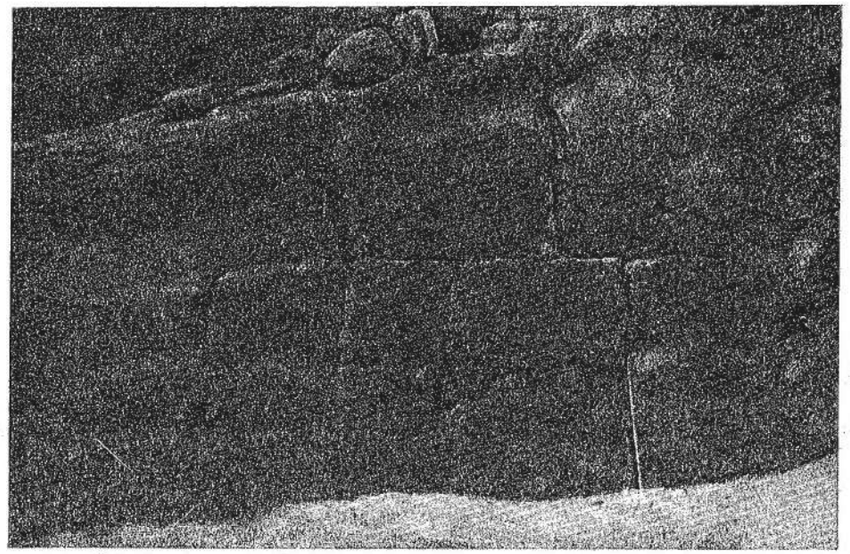


Рис. 20. Пригород. Дом № 9. Стена из пахсовых блоков.

Стены помещения возведены также из блоков (рис. 20) значительно лучшей сохранности, чем стены предыдущего помещения. Кроме западной, все они сохранились до уровня пяты свода, а западная обнаружена лишь в основании. Она рухнула в отмеченную выше промоину. Вдоль всей южной стены идет высокая суфа, выложенная целиком из сырцового кирпича. Ширина суфы от 0.80 до 0.88 м, высота 0.70 м. Суфа по всем признакам пристроена позже. Западная половина южной стены ниже поверхности суфы закончена. Суфа стоит над вторым полом, весь культурный слой ниже уровня второго пола уходит под суфу. В южном конце восточной стены имеется пробитая в блоке ниша арочной формы. Ширина ее 56 см, высота 40 см, глубина 25 см. В нише отложились плотные слоеные натеки илистого песка. Кстати, такие натеки были отмечены у всех стен на уровне ниши. Ниша, вероятно, была предназначена для установки светильника.

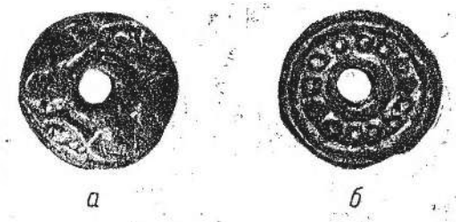
Завал помещения сверху состоял из лёсса; с глубины около 0.8 м начали встречаться обломки сырцовых кирпичей. Керамики значительно меньше, чем в помещении 1.

На глубине 0.9 м в завале, у северо-восточного угла, обнаружено бронзовое полусферическое изделие,[1] орнаментированное с двух сторон (рис. 21). Диаметр изделия 22 мм. Плоская поверхность орнаментирована циркульными кружками, заключенными между рельефными ободками. Кружочков 13, выгравированы они не достаточно тщательно. На другой, выпуклой, стороне изделия — рельефный орнамент в виде лозы с листьями и гроздями винограда. На этой же глубине посреди помещения обнаружены: глиняное пряслице,

[1] Не исключено, что оно служило и пряслом.

обломок железа и два куска металлического шлака; у северной стены — пряслице из белого камня.

Несколько ниже, на глубине 1.3 м, в северо-восточном углу помещения на небольшой выравненной поверхности (0.4 × 0.7 м) обнаружен зольник без каких-либо других остатков. На глубине 1.7 м была зачищена сравнительно гладкая, несколько уплотненная поверхность, над которой слоем в 4—6 см толщиной залегали зола и обгорелый лёсс. В отдельных скоплениях зольников имелись угольки.



а б

Рис. 21. Пригород. Бронзовая поделка из дома № 9.

а — вид сверху; б — вид снизу.

Обгорела от довольно продолжительного прокаливания и вся поверхность южной стены. В данном слое никаких находок не сделано. Все это свидетельствует о том, что и это помещение было использовано в качестве временного убежища.

Ниже этого слоя продолжался завал лёсса и кирпичей, но значительно плотнее, чем это было выше. Небольшие зольники встречались здесь в разных частях помещений. Из находок особый интерес представляют обнаруженные у южной стены правая половина человеческого черепа, фрагмент стенки оссуария с отпечатками штампов, фрагмент крышки оссуария с прочерченным орнаментом и обломок обработанного костяного предмета.

Из находок, обнаруженных в завале (глубина 1.9 м), лежащем над полом помещения, отметим каменное прясло, одну согдийскую монету и два обломка от монет.

Пол помещения ровный, местами имеет ямки. У западной стены в пол был замурован камень с гладкой поверхностью (30 × × 27 см). На полу лежал мощный культурный слой толщиной от 40 до 52 см.

Из находок на полу и в культурном слое следует отметить монету у северо-восточного угла помещения, обломок ручного жернова у дверного проема, обломок ганчевой плиты, два фрагмента ганчевого столика и две ножки от них, много костей животных и керамических фрагментов.

В северо-западном углу дома расположено помещение 3. Дверным проемом в восточной стене оно также связано с помещением 1. В гнезде порога сохранились остатки сгнившего дерева. Стены помещения были возведены из блоков, а свод выложен из сырцового кирпича. Сравнительно хорошо сохранились южная и северная стены, прослеженные на протяжении 4.3 м. Восточная стена помещения (толщина 1.4 м) частично рухнула. Западная стена рухнула в свое время до основания. Установить западный предел помещения помог хорошо сохранившийся пол, который на расстоянии 4.8 м от восточной стены обрывается. Таким образом, размер помещения равен 4.8 × 3.05 м.

У южной стены небольшой участок огорожен невысокой кирпичной перегородкой, образуя сооружение типа кормушки. Ширина последней 0.75 м. Стенки внутри тщательно обмазаны глиной. В юго-западном углу у кормушки зачищена яма, глубиной в 27 см, при диаметре в 75 см. Яма была заполнена органическими остатками.

Характер завала в помещении тот же, что и в других помещениях. Отметим лишь наиболее интересные находки в нем. На метровой глубине у юго-восточного угла помещения обнаружен обломок арабской монеты. Тут же извлечены четыре кусочка железа, в середине помещения найдены глиняное пряслице конической формы и кусок гончарного шлака. В восточном конце помещения зафиксированы осевшие блоки сводчатого перекрытия.

Ниже на разной глубине в завале обнаружены следующие предметы: плоское пряслице из розового мрамора — у юго-западного угла, пряслице, вырезанное из стенки глиняного сосуда, — у западной стены, в 25 см выше уровня пола; конец рога с одной обработанной стороной (8 см длины), фрагмент довольно толстой бронзовой пластины — у восточной стены, на глубине 1.6 м; маленький обломок стеклянного изделия — на глубине 1.4 м.

Среди находок особо следует отметить бронзовую сережку, обнаруженную в завале в юго-западной части помещения, на уровне 25 см выше поверхности пола. Сережка имеет вид круглого колечка, с висячей на нем подвеской. Диаметр кольца — 13 мм, длина подвески — 8 мм, вся длина сережки 23 мм.

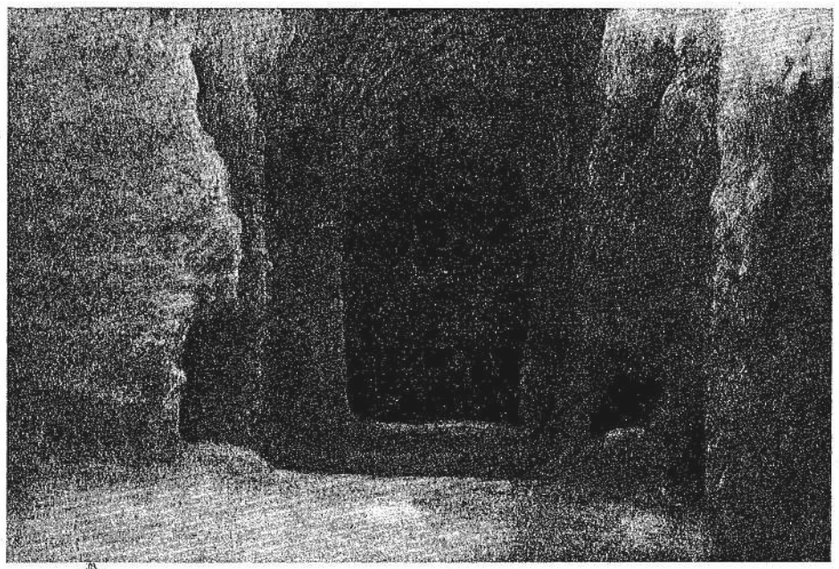


Рис. 22. Пригород. Дом № 9. Коридор.

На полу помещения залегал значительный слой органических остатков, над которым непосредственно начинался завал помещения. На поверхности пола и в завале обнаружено много костей животных и очень немного керамических остатков.

У дверного проема выявлена монета. При небольшом углублении на месте порога обнаружено два крупных камня порога; а рядом залегал толстый зольник с угольками и маленькими обломками посуды. Здесь же найден железный предмет дугообразной формы. Пол помещения очень твердый, сильно пропитан органическими остатками. В общем же культурный слой значительно менее насыщен, чем в других помещениях.

Весь комплекс находок говорит за то, что помещение 3 имело чисто хозяйственное значение, скорее всего здесь содержался домашний скот.[1]

На юг из помещения 1 два прохода ведут в узкий сводчатый коридор и в пандусный подъем.

Пандус, ведущий на крышу дома, расположен в юго-восточном углу дома. Верхняя часть пандуса разрушена. Все стены пандуса, за исключением восточной, сложены из сырцового кирпича, обычного для пригорода размера. Восточная стена пандуса (она же и внешняя стена дома) сложена из блоков, юго-восточный его угол обрушен. Перекрытие пандуса было сводчатое, остатки обрушившегося свода были прослежены при расчистке проема и первых двух метров пандуса. На полу пандуса залегал тонкий, утоптанный слой золы, который несколько утолщается наверху подъема. В нескольких местах верхней части пандуса зафиксированы значительные зольники. В завале на пандусе никаких находок не сделано.

---

[1] А. М. Беленицкий полагает, что помещение это было жилым (см.: Предварительный отчет о работах Пянджикентского отряда в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954, стр. 23).

В западной половине массива пандуса пробит узкий коридор, служивший в южной своей половине кладовкой, а в передней — проходом в четвертое обособленное помещение (рис. 22). Коридор при входе со стороны помещения 1 имел деревянный порог. От последнего сохранились гнезда под стенами. В западном гнезде были обнаружены реберные и позвоночные кости

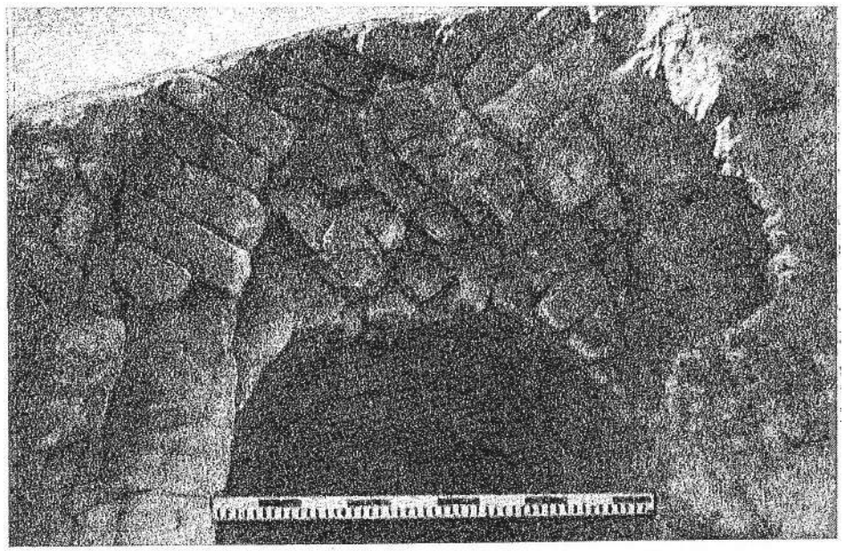


Рис. 23. Пригород. Дом № 9. Перекрытие коридора.

животного. Интересно отметить, что почти во всех таких гнездах обнаружены такие же кости животных.

Стены коридора целиком выложены из сырцовых кирпичей. Ширина его при входе равна 1.1 м, глубже несколько сужается до 1 м. Длина его 5.3 м. Высота коридора (от пола до замка свода) составляет 1.85 м при входе, к середине понижается до 1.75 м, а в южном конце — 1.45 м.

Коридор имеет сводчатое перекрытие, которое сохранилось целиком (рис. 23). Свод выложен так называемой ложной кладкой, которая совершенно аналогична с кладкой свода над пандусом замка Барак-Там № 1 в Хорезме.[1] Как стены коридора, так и внутренняя поверхность свода были заштукатурены. Ныне штукатурка сохранилась лишь местами. Завал коридора состоял из плотных наслоений ила. В завале коридора обнаружены 5 больших камней, лежащих в разных местах на разной высоте. В южном конце обнаружен крупный фрагмент тулова кухонного горшка с оттогнутым венчиком, а в передней части выше уровня пола найдены фрагменты венчика и тулова кувшинов. Чрезвычайно интересно костяное орнаментированное пряслице полусферической формы, обнаруженное также в завале коридора. Пряслице обработано очень тщательно, сферическая поверхность его украшена тремя прорезными линиями вокруг отверстия прясла и шестью парами ямок, заполненных красной краской. Краска выпала, оставив некоторый след. Пол коридора гладкий. На нем в южном конце коридора найден обломок ручки от железного ножа.

Дверной проем в западной стене коридора ведет в последнее, четвертое помещение дома. Помещение 4 наиболее интересное из всех. Оно имеет в длину 5.65 м

[1] См.: М. А. Орлов. Барак-Там (Новые памятники позднеантичной архитектуры северо-восточного Хорезма). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 145, рис. 10.

(с востока на запад) и ширину 3.15 м (с юга на север).

Стены помещения были возведены из блоков. Южная, восточная и северная стены сохранились на высоту около 1.5 м. Западная стена сохранилась у самого основания. Стены приблизительно одинаковой толщины — 1.4 м. Завал сверху состоял из наносного лёсса и песка. При углублении начали встречаться различные находки. На глубине 0.7 м у северо-восточного угла помещения обнаружено хорошо обработанное каменное точило (длина 15 см, ширина 3 см) и кусок железа. Несколько других обломков железных изделий обнаружено на глубине 1.45 м, среди них нужно отметить наконечник двухлезвийного ножа с очень острым концом. На глубине 1.8 м зачищена по всему помещению гладкая поверхность, которая образовалась в результате отслоения ила. На ней в северо-восточной части помещения лежали шесть камней, образуя вытянутую окружность. В середине указанной поверхности был вбит седьмой камень, у которого обнаружена мусульманская (?) монета с частично отбитым краем; у южной стены найдена ножка дастархана из ганча, а у северной стены, западнее камней, обнаружены лежавшие в беспорядке обломки человеческого черепа. Других находок здесь не было. Следует еще отметить, что несколько выше этой поверхности был найден фрагментированный глиняный котел со следами копоти на дне. В связи с этими находками нужно сказать следующее: во-первых, данная поверхность по уровню совпадает с поверхностями в помещениях 1—3, на которых обнаружены следы временного использования всего здания в один из периодов его разрушения; во-вторых обломки человеческого черепа как в данном помещении, так и в помещении 3, обнаруженные на одинаковом уровне, принадлежат, очевидно, одному покойнику. Они скорее всего упали с крыши и оказались в смежных помещениях. Остальные кости могли выпасть за пределы дома. Следует вспомнить, что в помещении 3 вместе с частью черепа обнаружены и фрагменты оссуария. Таким образом, можно полагать, что перед нами такое же захоронение, какое было обнаружено в домах №№ 4 и 5. Все это вместе взятое говорит о том, что наряду с захоронением непосредственно в наусах кости в оссуариях хранились и на крышах домов. Во всяком случае, временное хранение оссуариев с костями на крышах уже не может вызвать сомнения.

Ниже описанной поверхности, на глубине 2.15 м, в середине помещения полосою 0.7—0.9 м от южной стены до северной обнаружен серовато-черный зольник. Ниже шел мелкий рыхлый завал, перемешанный местами с зольными остатками. На этом горизонте, кроме керамики, отмечены фрагменты железа, куски гончарного шлака. Из находок в завале еще следует отметить глиняный стерженек и фрагмент стеклянного сосуда. На глубине 2.3 м у юго-восточного угла обнаружена поверхность суфы, тянущейся вдоль южной стены. Суфа ниже обычного, высота ее 18—20 см, стенка сильно оплыла, примерная ширина суфы колеблется от 0.85 до 1.0 м. На поверхности восточной части суфы зафиксирован значительной толщины культурный слой, состоящий из обгоревшего лёсса и серо-черной золы (над ним) в 2—3 см толщины. Среди находок на поверхности этой части суфы отметим крупный обломок ганчевого дастархана.

Восточная половина пола помещения ныне имеет сильно утоптанную совершенно гладкую поверхность. На полу залегал культурный слой до 25 см толщины, местами захватывая целиком и поверхность суфы: на самом полу — зеленоватая прослойка органических остатков, над ней в большей части помещения ярко-желтая прослойка остатков дерева различной толщины (от 2 до 5 см), перемешанная местами с золой; выше идет серый и серовато-черный слой (до 18 см толщины) зольных скоплений, и, наконец, еще выше — сероватый слой золы, сильно перемешанный с лёссом и битым кирпичом.

Культурный слой в западной части помещения состоял из перемешанного с золой и мелкой галькой лёсса, пропитанного какой-то жидкой массой ярко-коричневой окраски. На уровне суфы, приблизительно в середине помещения (несколько ближе к западной стене), был обнаружен верх обширной ямы (диаметром 1.32 м), оштукатуренной толстым слоем ганча (рис. 24). Край ямы выложен одним рядом кирпичей, положенных плашмя, которые выступают над уровнем пола помещения в среднем на 15 см. Верхняя часть ямы была заполнена чрезвычайно плотным завалом битого кирпича и лёсса, впитавшего в себя какую-то

Рис. 24. Пригород. Дом № 9. Яма с керамикой.

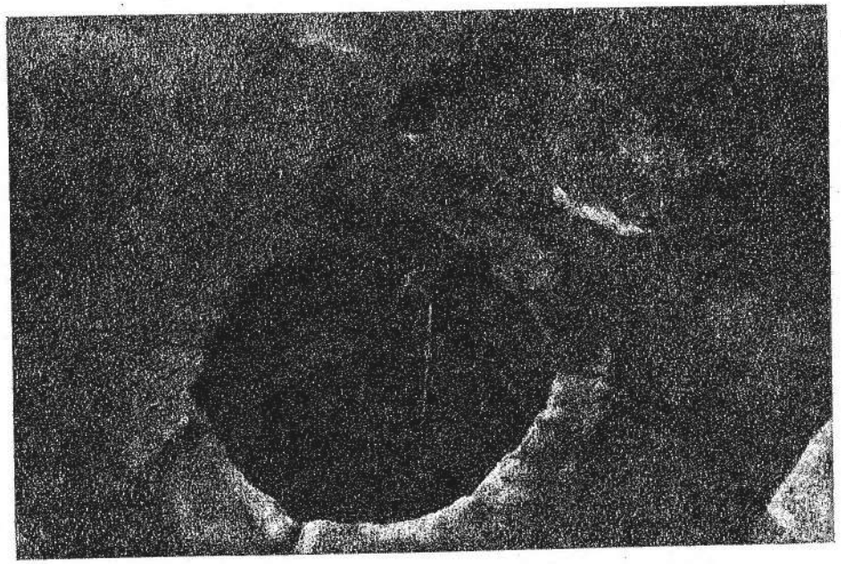


Рис. 25. Пригород. Дом № 9. Яма давильни и ванна (на заднем плане).

массу, от чего завал получил совершенно темную окраску. Среди этого завала обнаружен кусок железа, кость, булыжники, обломок хума, несколько обломков от круглого алебастрового столика на ножках, жженая плита размером 37×22×3.5 см.

Ниже этого завала яма целиком была заполнена многочисленной битой керамикой, перемешанной с мягким черноватым лёссом, золой и мелкими кусками кирпичей. Начиная с глубины 0.6 м и до низу яма была плотно забита серо-желтым лёссом, золой и опять керамикой.

В результате полной зачистки ямы выяснено, что ее внутренняя поверхность тщательно заштукатурена ганчем дважды. Диаметр ямы вверху 1.32 м, внизу 1.18 м, глубина 1.15 м. Яма имеет своеобразное устройство. Дно у нее наклонное, в нем у восточной стенки сделано дополнительное углубление (глубина 20 см, максимальная его ширина 39 см), так что в разрезе дно ямы имеет как бы ступенчатую форму. Таким образом, общая глубина ямы составляет 1.35 м.

К западу от описанной ямы зачищено квадратное углубление в виде ванны, размером 1.35×1.25 м (рис. 25). Над ямой и в ней залегал перемешанный с золой черно-серого цвета лёсс, и мелкие куски кирпича. В этом слое обнаружены ножка алебастрового дастархана, фрагмент железного предмета, кусочки гончарного шлака, ножка глиняной статуэтки.

Стенки ванны сложены из сырцового кирпича. Высота стенок 27 см. Вся поверхность ванны и стенок была тщательно заштукатурена толстым слоем ганча. Ванна непосредственно примыкала к западной стене помещения, от южной стены она отстояла на 66 см, а от северной — 1.12 м, с восточной стороны ванна имела общую стенку с ямой.

Все пространство вокруг ямы и ванны до прилегающих частей стен в помещении было выложено до уровня высоты стенок ямы и ванны сырцовым кирпичом, а поверхность была обмазана ганчем. Местами эта обмазка сохранилась совершенно отчетливо. В результате тщательной зачистки стенок ямы был обнаружен вначале незамеченный узкий канал, обмазанный ганчем. Этим каналом яма сообщалась с ванной. Канал находился на уровне дна ванны. Была обнаружена и другая деталь ванны: вдоль ее южной и северной стенок сохранились незначительные остатки ступенек (они особенно ясно видны у южной стенки). Высота в среднем 5 см, ширина около 8 см.

Таким образом, было совершенно ясно, что описанное сооружение являлось виноградной давильней (рис. 26). Подобные сооружения на таджикском языке называются «чорхишт» и «испор». По этнографическим данным сам процесс давления винограда

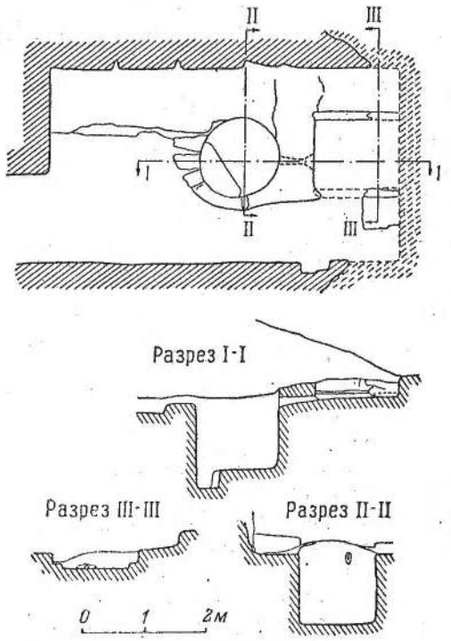


Рис. 26. Пригород. Дом № 9. План и разрезы давильни.

происходил следующим образом. На упомянутых ступенях у южной и северной стенок ванны настилался ряд досок, между которыми оставлялись небольшие щели. На досках настилался толстый слой сырой колючки. На колючки выкладывалось определенное количество винограда. Давление производилось босыми ногами. Виноградный сок, проходя через щели между досками в ванну, стекал по стоку в яму. В яме виноградный сок отстаивался. Затем его переливали в крупные хумы и кувшины, битые обломки которых обнаружены в самой яме в большом количестве. Дополнительное углубление на дне ямы служило отстойни-

ком, обеспечивало очистку виноградного сока от примесей и создавало удобство для вычерпывания отстоя из ямы. Таким образом, все детали обнаруженной виноградодавильни совпадают с позднейшими этнографическими «чорхиштами».[1] Устройство давильни говорит о большом мастерстве, достигнутом виноделами пригорода древнего Пенджикента, и о том, что техника виноделия не претерпела существенных изменений на протяжении последующего тысячелетия.

Яма могла вместить виноградного соку от 1400 до 1450 литров. Следовательно, для заполнения ямы соком нужно было раздавить не менее 1600 кг винограда. Естественно, что за один сезон давили виноград не однажды, иначе отпадает необходимость занятия специального помещения под сооружение давильни. Если учесть производственную мощность давильни и принять во внимание тот факт, что обычно не весь виноград идет для получения сока, то можно смело утверждать, что виноградарство в районе древнего Пенджикента достигло значительного развития.

Назначение описанного сооружения объясняет также наличие многочисленных битых крупных сосудов в яме и характер (в частности, пропитанность) самого завала над ямой и в ней. Обломки посуды в большинстве случаев собираются в целые сосуды. В яму, очевидно, были сброшены целые хранящиеся в помещении сосуды. Очень характерен их состав: толстостенные и тонкостенные хумы, крупные кувшины и чаши. Такой набор посуды и само наличие виноградной давильни говорит за то, что в этих сосудах хранилось вино.[2]

Близкой аналогией открытой в Пенджикенте виноградодавильне является винодельня, открытая на городище древнего Сарыга в Чуйской долине.[3] Сарыгская винодельня также была расположена в пригороде. Как видно из описания, сарыгская винодельня, имея некоторое различие в деталях, в целом аналогична пенджикентской.

Несколько виноделен открыты археологами на Боспоре[1] (в Мирмекии и Тиритаке), Херсонесе и его окрестностях. Однако пенджикентская винодельня во многом от них отличается. Херсонесские и тиритакские винодельни, датируемые первыми веками н. э., имели на давильной площадке по три резервуара, расположенных в один ряд. В пенджикентской винодельне имелся всего лишь один резервуар, и, кроме того, он находился рядом с давильной площадкой, в то время как в херсонесских винодельнях резервуары были расположены в пределах давильной площадки. Херсонесские резервуары, в отличие от пенджикентской, имели квадратную форму и были значительно меньших размеров, чем пенджикентский. Процесс выжимки винограда производился также различно. Например, в давильне усадьбы на балке Бермана, в окрестностях Херсонеса, давка производилась посредством массивного каменного блока призматической формы.[2] Такого пресса, действовавшего посредством рычага, в пенджикентской давильне нет.

С внешней стороны стены дома сильно оплыли. Ширина фасадных стен различная — от 1.3 до 2.4 м. Из находок у внешних фасадов нужно отметить: много мелких кусков гончарного шлака, кусок железного шлака и фрагменты плоской чаши с прямым краем — у восточного фаса и два куска железного шлака, фрагмент стекла и большое количество керамики — у южного фаса.

При расчистке южного фаса дома, на расстоянии 9 м от него обнаружен северо-восточный угол постройки, непосредственно не связанной с домом 9. Северная стена ее сохранилась на длину около 2 м, восточная — на 1.4 м. Дальше они теряются. Стены в настоящее время имеют высоту 0.6—0.7 м, толщина их — 0.9 м. Расчищена угловая часть пола помещения. В углу прослежена стенка из двух рядов сырцовых кирпичей, вероятно от суфы. Из находок на полу отметим половинку согдийской монеты с квадратным отверстием, два обломка железных предметов; среди керамики обращают внимание два красноглиняных черепка, залощенные до блеска.

[1] Об устройстве давильной ямы в процессе выжимки винограда см.: С. Айни. Еддоштхо, кисми III. Сталинабад, 1950, стр. 265, 266.

[2] По техническим причинам окончательная обработка и реставрация этих многочисленных керамических изделий не завершена и ввиду этого мы не можем дать здесь их полную характеристику.

[3] «Чуйская долина». Труды Семиреченской археологической экспедиции, сост. под руководством А. Н. Бернштама, МИА, № 14, 1950, стр. 44.

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 103—108.

[2] «Крым», 1929, № 10, стр. 49, рис. 2а.

Сохранность дома № 9 позволяет произвести его архитектурную реконструкцию, определить по деталям внутренней планировки назначение каждого из помещений и дать характеристику производственной жизни и быта его обитателей

Первая комната, несомненно, служила местом приготовления и приема пищи и домашних работ. Об этом свидетельствуют сильно прокаленный в ряде мест пол, наличие многочисленных мощных зольников, керамических изделий. В этом помещении обнаружено больше всего находок (монет, пряслен и пр.).

Помещение 2 служило, скорее всего, для сна. Местом складывания имущества была высокая узкая суфа у южной стены помещения. Суфа эта не могла служить лежанкой, так как была слишком узкой. Спали непосредственно на полу. Пол и ныне сравнительно гладкий и твердый. В стенной нише ставился светильник.

Помещение 3, как уже отмечено, скорее всего служило для содержания скота. Наличие пандусного сооружения дома вновь подтверждает предположение об интенсивном использовании в древнем Пенджикенте крыш домов. Расположенный под массивом пандуса узкий замкнутый с юга коридор служил проходом в четвертое помещение, а южная его половина — вероятно, кладовкой.

Помещение № 4 по планировке аналогично помещениям 2 и 3: здесь также вдоль южной стены расположена суфа, служившая, вероятно, местом размещения хумов и кувшинов. Это изолированное помещение представляло собой одновременно и давильню и винный погреб.

Состав находок весьма интересен. При раскопках дома обнаружены 13 монет (из них несколько фрагментарных), 12 прясел (каменных, глиняных и крупных алебастровых), изделия из бронзы (орнаментированная пронизь, сережка), много обломков железных изделий (ножи и пр.), изделия из кости (орнаментированное полусферическое прясло, полуфабрикат из рога), фрагменты изделий из стекла, изделия из камня (например, точило), уникальная серебряная ложечка. К этому перечню нужно добавить обнаруженный обильный керамический материал.

Полученный материал позволяет считать, что дом заселяла небольшая семья, занятием которой было виноделие (возможно, и приготовление других сладостей из виноградного сока) и домашнее ткачество. Таким образом, обитатели дома занимались обработкой сельскохозяйственных продуктов, предназначенных, по-видимому, для потребления населения Пенджикента.

Помимо вышеописанных раскопок, на территории пригорода было зачищено пространство (7.5×8 м) между домом № 4 и описанной группой наусов. В результате установлено, что северная стена дома № 4 сложена из блоков. Южная стена наусов совершенно глухая. Она сложена из кирпича-сырца кладкой ложком в перевязку. Стена сложена таким образом, что на высоте около 1.5 м она отступает от нижней части почти на 30 см, т. е. каждый ряд кладки несколько отступает от нижнего ряда, и, таким образом, стена имеет выступающее основание. Из находок в пространстве между домом №4 и наусами отмечен лишь целый маленький горшок у южной внешней стены наусов на глубине 0.5 м от поверхности и несколько фрагментов кухонных глиняных котлов ручной лепки. На уровне пола дома № 4 на всей поверхности пространства удалось зафиксировать неровную, более или менее твердую поверхность, на которой не сделано никаких находок.

Исследование намечающейся «улицы» между загородными домами № 4 и № 1 и раскопанным В. Р. Чейлытко домиком было проведено в 1953 г. Здесь на площади 5×10 м, после удаления отвалов земли прошлых лет, были оконтурены и зачищены на протяжении 8 м западная наружная стена дома № 1 и восточная наружная стена с входным проемом дома № 4. Наружные стены на всем протяжении оплыли, местами разрушились. Сравнительно хорошо сохранилась северная половина западной внешней стены дома № 1. На глубине 10—15 см ниже уровня пола дома № 4 установлена сравнительно твердая и гладкая поверхность. На ней обнаружено несколько фрагментов хумов и кувшинов. Здесь же была найдена маленькая коралловая бусина цилиндрической формы.

Таким образом, в данной части пенджикентского пригорода намечается улица. Ширина улицы в наиболее хорошо сохранившейся части равна 2.85 м, при длине расчищенного участка в 8 м.

В 1951 г. были частично обследованы два пригородных дома, раскопанные в 1937—1940 гг. В. Р. Чейлытко. Судя по нынеш-

нему состоянию этих зданий, раскопки их не были доведены до конца.

Дом А расположен в 25 м к югу от загородных домов № 1 и № 4. Здание состоит из одного помещения, коридора и айвана. Размер помещения — 2.6×3.1 м. Стены сохранились на высоту около 3 м. Все они сложены из блоков высотою каждого пояса 0.9 м. Перекрытие помещения, как, очевидно, и всего дома, было плоское, на балках: гнезда от них сохранились в верхней части западной стены. Нами было произведено раскрытие этого помещения до пола. На полу повсюду обнаружен толстый зольный слой, содержащий много костей животных и невыразительные фрагменты посуды.

Данное помещение сообщалось через дверной проем, шириной 1.3 м, с коридорчиком, размером 1.1×3.3 м, вытянутом в направлении, приблизительно, с востока на запад. Этот коридор ведет в айван, расположенный к западу от описанного помещения. Длина айвана 4.8 м, ширина около 2 м. Открытой стороной он обращен на запад (айван полностью не раскопан). Толщина всех стен дома небольшая, в среднем 0.8 м.

Дом в целом оставляет впечатление менее солидной постройки, чем выше охарактеризованные дома, и является жилищем, вероятно, бедной небольшой семьи.

Дом Б расположен приблизительно в середине между восточной городской стеной и описанным выше домом А. Он состоит из трех продолговатых, примыкающих друг к другу, помещений, поперечного связывающего их коридора и еще одного более крупного помещения — «зала». Три первых помещения вытянуты с юга на север. Размеры их нижеследующие: первого 2.6×6.5 м, второго 2×6.4 м и третьего 2.15 · 6.4 м, т. е. все они фактически одинаковой длины при небольшой разнице в ширине. Длина соединяющего их коридора 8.7 м, при ширине 1.4 м. Коридор соединен двумя проемами, расположенными в восточном и западном концах его, с предполагаемым «залом»; ширина западного дверного проема равна 1.15 м, а восточного — 2.1 м. Стены «зала» совершенно оплыли, ныне имеют вид невысокого вала. Предполагаемый приблизительный размер «зала» 7.2×7.2 м.[1] Мелкие зачистки никаких находок не дали.

Все стены дома сложены из блоков в три пояса. Обычная высота блока около 0.9 м, длина 1 м. Все южные стены коридорообразных помещений сохранились на небольшую высоту (до 0.6 м), а остальные стены до высоты 2.5 м. Толщина стен помещений колеблется от 1 до 1.4 м, а у средней стены зала и поперечного коридора составляет 1.5 м. Перекрытие помещений и коридора было, по-видимому, сводчатое. Несмотря на значительную сохранившуюся высоту стен, признаков свода или плоского перекрытия в виде гнезд балок или других следов проследить не удалось.

Назначение дома, несомненно, жилое. Судя по планировке дома, — одинаковые коридорообразные помещения, связанные общим коридором, и наличие большого «зала», — можно предположить, что в доме жила большая семья или же ячейка сохранившейся патриархальной общины. Общность и архитектуры, и деталей планировки этих двух домов с другими пенджикентскими домами, близость дома Б, кроме того, к планировке замка на горе Муг дает основание датировать их тем же временем, как и все другие дома пригорода.[1]

Подводя итоги изложенному материалу, следует прежде всего отметить, что результаты работ подтвердили высказанное еще до начала раскопок А. И. Тереножкиным[2] мнение о том, что данные остатки поселения представляют собой поселение типа рабада. К VII—VIII вв. пенджикентский пригород начал складываться как единый топографический организм, к которому вполне может быть применим указанный термин «рабад», обозначающий ремесленно-торговое предместье. Сюда в пригород в это время начался переход центра городской жизни, который, однако, не завершился ввиду арабского завоевания и оставления города его населением. Но сам переход вполне наметился как общее для всей Средней Азии явление.

---

[1] План дома совершенно аналогичен с планом современного хорезмского дома, опубликованного С. П. Толстовым: Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 139, рис. 1, *6*.

[1] Известна находка в доме Б: «шесть согдийских монет, на трех из них можно прекрасно прочесть надписи» [В. У. Находка согдийских монет. Правда Востока, 1937, 14 августа, № 185 (4448)].

[2] Согд и Чач. КСИИМК, 33, 1950, стр. 162.

Общая характеристика рабадов уже дана крупнейшим знатоком среднеазиатского феодального города А. Ю. Якубовским.[1]

В топографическом отношении древний Пенджикент является сложным памятником, состоящим из собственно города, цитадели, пригорода и некрополя. Весь комплекс, включая и интересующий нас пригород, является памятником однослойным. Он принадлежит к одной эпохе, датируемой на основании монетного материала и других находок сравнительно ограниченным временем—первой половиной VII в.

Что касается занятия населения, то, учитывая зачаточность пенджикентского рабада, который не сумел оформиться окончательно как ремесленный центр, и наличие близлежащих земель, несомненно обрабатывавшихся населением пригорода, было бы правильнее считать занятие пригородного населения ремесленно-земледельческим. К этому выводу приводит и весь материал раскопок описанных домов.

Не вдаваясь специально в разбор погребальных обрядов и обычаев населения Пенджикента,[2] мы полагаем, что добытый нами материал по «захоронениям» в жилых домах и в наусах послужит дополнением для характеристики погребальных обрядов и верований согдийцев того времени. Этот материал вполне подтверждает вывод, сделанный Б. Я. Стависким по материалам пенджикентского некрополя, согласно которому: «Погребальный обряд зеравшанского Согда VII—VIII вв. н. э. предстает перед нами, таким образом, как маздеистский, отличающийся от канонического зороастрийского погребального обряда не только по своей сути, сколько по своему более языческому „неорганизованному“ характеру».[1]

Что касается другого вывода этого автора о том, что «наусы пенджикентского некрополя не могли вместить всех покойников такого довольно крупного центра, как Пенджикент, бытовавшего по крайней мере не менее двух-трех столетий, и призваны были обслуживать только семьи наиболее зажиточной и знатной городской верхушки»,[2] то после обнаружения наусов в 1952—1953 гг. в пригороде, этот вопрос начинает выясняться в том направлении, что общим местом захоронений для всего населения являлся именно некрополь, но что отдельные семьи имели свои наусы также в пределах и на окраинах пригорода.

Что касается обнаруженных оссуариев в пандусе дома № 4, в помещении дома № 5 и в помещениях дома № 9, то их нельзя назвать собственно захоронениями в жилых зданиях в полном смысле слова. Судя по всему, оссуарии с останками лишь временно хранились в домах перед выносом в наусы. Поэтому «захоронения» в указанных домах не следует отождествлять с подлинными оссуарными захоронениями в жилых домах в Хорезме, отмеченными С. П. Толстовым.[3]

Признавая «захоронения» в домах №№ 4 и 5 как временные, до выноса останков в наусы, мы хотели отметить, что в этом выражались стойкость общинно-родовых отношений и представление о непрерывающейся связи между живыми и умершими членами общины в древнем Пенджикенте. Как правило, захоронения производились не в самих жилых зданиях, а в построенных в непосредственной близости (буквально в нескольких метрах) от жилых домов наусах. Таких наусов, раскопанных и еще не раскопанных, в пригороде имеется большое количество.

---

[1] А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. 1. Л., 1932, стр. 4—5.

[2] Об этом см.: В. У. «Зороастрийские кладбища под Пенджикентом». Правда Востока, 1936, 12 декабря; Б. Я. Ставиский. Исследование маздеистского некрополя древнего Пенджикента. Сообщения Тадж. филиала АН СССР, вып. XIX, Сталинабад, 1949, стр. 38—40, Б. Я. Ставиский. К вопросу об идеологии домусульманского Согда (Погребальный обряд и представления о загробной жизни). Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР, вып. 1, Археология, Сталинабад, 1952, стр. 35—58; Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская, Пенджикентский некрополь. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, стр. 64—98.

[1] Б. Я. Ставиский. К вопросу об идеологии домусульманского Согда. (Погребальный обряд и представления о загробной жизни). Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР, вып. 1, Археология, Сталинабад, 1952, стр. 55.

[2] Б. Я. Ставиский. Исследование маздеистского некрополя древнего Пенджикента. Сообщения Тадж. филиала АН СССР, вып. XIX, Сталинабад, 1949, стр. 40.

[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 149. Время жизни замка № 36 падает на VIII—IX вв.

Наличие отдельных, по всей вероятности, фамильных захоронений в непосредственной близости от жилых комплексов, кроме того, подчеркивает некоторую замкнутость отдельных, еще во многом сохраняющих в себе черты патриархальности, семейств и их некоторую изолированность от всего окружающего их поселения.

Последние выводы подкрепляются также аналогичными семиреченскими находками в городище Красная речка.[1] Раскоп 1 на этом городище вскрыл укрепленный замок типа согдийских кешков, состоящий из здания, к которому примыкал небольшой двор с хозяйственными постройками. Часть этого двора была занята семейным оссуарным кладбищем. Захоронения, как и в нашем доме № 4, очевидно, временные, были вскрыты и в развалинах самого замка. Следует отметить и то обстоятельство, что в трех оссуариях похороненные оказались по своему расовому типу иранцами-согдийцами.

[1] Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции, сост. под руководством А. Н. Бернштама, МИА, № 14, стр. 15, 31—35, 73 и 81.

Подтверждает наши выводы и анализ антропологического материала. Согласно исследованию В. В. Гинзбурга, из семи обнаруженных черепов в доме № 4 четыре принадлежали мужчинам, два — женщинам и один — ребенку 4—5 лет. Все мужские черепа европеоидны и сходны по деталям с более древним «андроновским» типом. Тип у одной женщины — европеоидный, а другой — монголоидный. «Может быть, — пишет он, — здесь погребены члены одной семьи, с ярко выраженным наследственным сходством».[1] Таков же вывод этого автора и о черепах, найденных в доме № 5.

Весьма важно для нас и общее заключение, сделанное В. В. Гинзбургом: «Наконец, сходство вариантов антропологических типов, погребенных в городском некрополе Пенджикента, с погребенными в окрестностях города говорит об общих путях развития, т. е. однородности населения города и его округа».[2] С этим выводом полностью согласуются наблюдения и материалы, добытые во время раскопок.

[1] См. статью В. В. Гинзбурга в настоящем томе, стр. 285 и 286.
[2] Там же, стр. 291.

t.me/archeotajik

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 66

В. Л. ВОРОНИНА

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

(Итоги работ 1952—1953 гг.)

В результате раскопок 1952—1953 гг. и предыдущих лет раскрыт весьма значительный процент застройки восточной части шахристана и почти полностью изучены пригородные постройки к востоку от городской стены.

В шахристане продолжалось изучение объектов II, III, VI и начаты раскопки нового объекта IX. Кроме того, производились раскопки построек пригорода, обозначаемых в совокупности как объект VIII.

Начнем обзор открытых построек по объектам, затем остановимся на конструкциях, архитектурных деталях и орнаменте.

Объект II

Раскопки комплекса северного храма, или объекта II, можно считать к 1953 г. в основном законченными. Раскрыта серия ограничивающих территорию храма надворных построек вдоль восточной, северной и западной границ, что вместе с открытой ранее южной составляет прямоугольный участок 51×68 м (рис. 1 и 2).

Храмовый комплекс открывается на восток обширным парадным айваном с воротами посредине. Убранство айвана оказалось необычайным по характеру и асимметричным. Южная его половина на всем протяжении была украшена барельефной, вернее даже горельефной глиняной скульптурой; неизвестно, впрочем, занимала она всю поверхность стены или имела вид панели, так как уцелела лишь на высоту метра с небольшим. Сюжет скульптуры — неожиданный: фантастическое морское существо с атлетическим мужским торсом и двумя рыбьими хвостами составляет центр композиции южной торцовой стены; поясные человеческие фигуры, дельфины, большая рыба и громадная голова дракона расположены в завитках волн вдоль панели. Близ проема обращают на себя внимание регулярно чередующиеся на небольшом возвышении у стены углубления от тонких деревянных стоек, образовывавших что-то вроде ограждения. Рядом не вплотную к стене сложено небольшое сырцовое возвышение. У ворот к стене примкнута шестигранная база, или постамент, которому отвечает такой же по другую сторону проема. На северной половине айвана барельефная панель отсутствует и заменена живописным орнаментом в форме чередующихся спиральных витков. Эта живописная панель занимает в высоту 45—50 см. Выше идут глиняные невысокие профилированные тяги, уже упомянутые в предыдущем отчете. У торцовой же северной стены айвана помещалась крупная объемная глиняная скульптура на постаменте, от которой сохранились лишь ступни ног. Этот беспорядочный по убранству, но роскошный айван, имевший бесспорно деревянные колонны, являлся достойным преддверием торжественного здания храма.

К югу от айвана со скульптурой обнаружены вторые дополнительные ворота, расположенные симметрично воротам в северной части фасада. В гнездах обычного мас-

сивного бруса, служившего порогом, там, где он уходил концами в стену, найдена масса костей животных. По-видимому, считалось, что положенные у порога кости жертвенного животного сделают постройку более прочной, удачной, принесут благополучие.

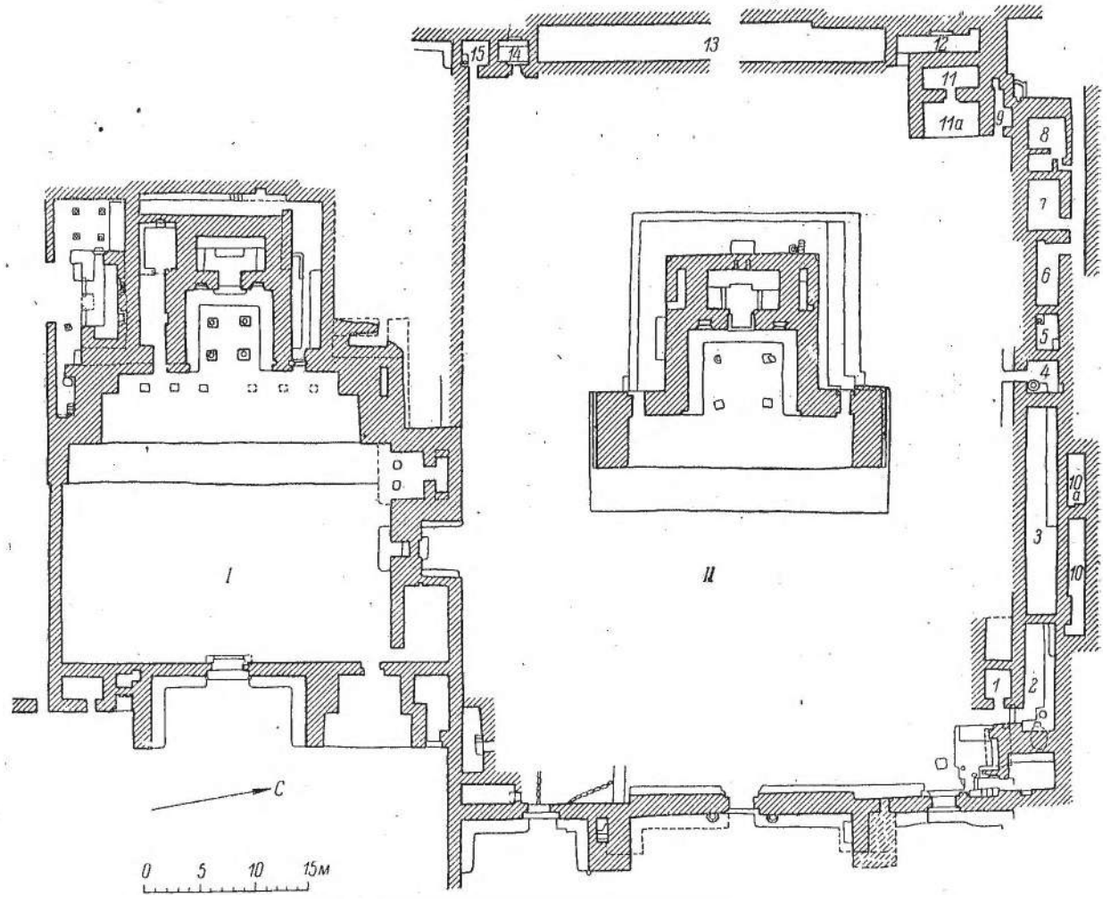


Рис. 1. Объекты I и II. План.

Следует заметить в связи с этим, что в помещениях 6 и 8 объекта III, в полу против входа, оказались небольшие углубления с костями, видимо не случайные: несколько костей найдено и под порогом помещения 13 объекта VI. В целом южная часть ограды храма представляла, по-видимому, также айван с суфой вдоль стен, вероятно, защищенной навесом. Последнее подтверждается следующим обстоятельством. К пилону, отделяющему южное крыло фасада от центральной части со скульптурой, была впоследствии пристроена стенка, выделившая узкую камеру. На северной стене этой камеры, составлявшей первоначально границу южного фасадного айвана, сохранились остатки росписи, которая, очевидно, предполагает наличие в прошлом защищающего от дождя покрытия. Назначение упомянутой каморки, куда ведут сверху грубо сложенные из сырца ступени, не ясно. Можно предположить, что она должна была служить хранилищем, подобно таковым в центральном здании храма. Относительно другого пилона — северного — можно высказать предположение, что там помещался пандус,

ведущий на кровлю, наклонная поверхность которого слегка видна с северной стороны. Восточный фасад ограды храма нуждается в дополнительном исследовании, которое последует при удалении затрудняющих работу больших отвалов земли, накопившихся при раскопках.

Вдоль северной и западной сторон двора храма тянется непрерывная цепь помещений. Находки указывают, что подсобные постройки эти интенсивно использовались в качестве жилых и хозяйственных. Поскольку о назначении их говорится в отчете А. М. Беленицкого, мы займемся по преимуществу вопросом очередности строительства и его характером.

На беглый взгляд вытянутая в одну линию пограничная застройка кажется регулярной и одновременной. Но более внимательное изучение тотчас же опровергает первое впечатление. Прежде всего бросается в глаза сложный северо-восточный угол, где небольшое сводчатое помещение и тайник оказались под стенами позднейших построек. Трудно разобраться в кладке северо-восточного угла помещения 2 с его явно ремонтной, очень плохой сохранности северной стеной. Нельзя не обратить внимания, что помещения 6, 7 и 8 северной ограды выходят не во двор, а на север, в узкую щель, ограниченную близко примыкающим соседним зданием. Надо думать, что эти помещения уже существовали, когда было построено высокое здание с севера, почему для прохода оставлен узкий зазор в 1.25 м.[1] Далее под северной стеной указанных помещений прослеживается прекрасная гладко оштукатуренная поверхность: здесь обнажается более ранний ярус застройки. Явно встроена позже комната и айван (11, 11а) на северо-западном углу; стены их состоят из прекрасных блоков пахсы, тогда как остальная пограничная застройка сырцовая.

Проверим свои впечатления промером сырца. В подпольном сводчатом помещении северо-восточного комплекса ограды различается зеленоватый сырец 46—49×23—25×10 см на коричневом растворе, тогда как в расположенном над ним угловом помещении 1 сырец формата 52×26×10 см. В помещении 2 (южная стена у входа) — 46×22—23×10 см. В помещении 4 сырец 48—49×23—25×9—10 см. Комнаты 7 и 8 были первоначально одним помещением, переделанным впоследствии поперечной стенкой, причем сырец капитальных стен имеет формат 44×22×9 см, а в перегородке он 51—52×25—26×9—10 см. Для сырца северной ограды характерна значительная добавка мелкой гальки. В помещениях западного ряда сырец одного типа: 52×26×9—10 см.

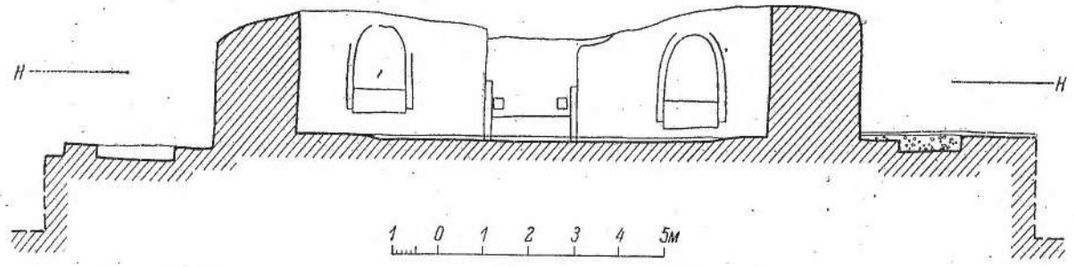


Рис. 2. Объект II. Разрез СЮ.

Таким образом, ограда состоит из нескольких групп разновременных помещений. Любопытно отметить, что неустойчивый размер сырцовых кирпичей подпольного помещения северо-восточного угла и помещения 4 напоминает сырец объекта I. Размер сырца в помещении 7—8 совпадает с размерами строительных остатков, обнаруженных под айваном центрального здания северного храма.[1] Подпольное помещение, а затем помещения 4, 2, 3, 6—8 определяют

[1] Впрочем, следует отметить, что такой же, примерно, отступ соблюдается и далее на восток по всему фронту смыкания двух построек.

[1] В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пянджикента. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, 1953.

два-три более ранних строительных периода; более поздними являются помещения, выстроенные из сырца размером 52×26×10 см (вероятно, позднее самого центрального здания храма, поскольку кирпичами этого размера заложены двери), и после всех прочих возведена пахсовая постройка (11, 11а). Следовательно, строительство окружающих двор помещений шло не одновременно, вразброд. И тем не менее правильная конфигурация двора в основном выдержана. Крайнее южное помещение 15 западной стороны примыкает к толстой трехметровой стене, разделявшей дворы объектов I и II; периметр ограждающих построек тем самым смыкается.

Помещения двора всюду внутри оштукатурены чистой глино-саманной штукатуркой, кроме помещения 13. В комнатах 5 и 14 видны следы алебастрового грунта под роспись, а в 11, 11а — остатки самой росписи. Перекрытия в большинстве, видимо, были сводчатые. На южной стене помещений 2 и 3 видна пята свода. Стены сохранились в большинстве на значительную высоту (до 3, 4 м), за исключением помещения 13, где прослеживаются лишь их остатки.

Несколько слов о характере некоторых помещений двора. Можно почти с уверенностью сказать, что помещение 13 являлось конюшней, где прибывавшие в храм всадники оставляли своих коней. Сквозной проход по оси храма разрезает помещение с востока на запад, причем внешний проем шире внутреннего (3 и 1.5 м). Следовательно, двор храма открывался не только на восток, но и на запад, где был дополнительный четвертый, «черный» вход, вернее ворота. При всем том осевая симметрия в организации двора точно соблюдена. Любопытно помещение 11—11а. Это целла с айваном, повторяющая тип таковой же в северной ограде объекта I, или тип самого храма в миниатюре. Она более развита, чем помещения 10 и 10а объекта I, так как здесь уже проявляется тенденция окружения сзади и с боков дополнительными помещениями и приподнятость на цоколе с пандусом. Открывается, таким образом, широкая градация типа святилища, начиная с самого упрощенного — маленького на южной стороне двора объекта II. Остатки росписи говорят о том, что помещение в северо-западном углу двора отличалось парадным убранством.

Как уже упоминалось в отчете о работах за предыдущие годы, площади к востоку от храмов разделены ровным и прямым валом, соединяющим их с объектом III и представляющим остаток стены или цепи помещений. В 1953 г. этот вал был подвергнут частичному исследованию. Выявлена на большом протяжении сырцовая стена, сохранившаяся на высоту иногда всего 4—5 рядов кладки. Однако куски упавшей штукатурки в завале южнее стены указывают на то, что она имела богатую декоровку. Ближе к храмам стена отступает и образует неглубокое помещение, где намечается подобие слабо углубленных ниш, едва различимых из-за плохой сохранности кладки. Выяснение характера вала между площадями имеет большое значение для понимания всего храмового комплекса, взаимоотношения культовых и жилых зданий, короче — всей застройки данной части шахристана.

Объект III

Объем работ на объекте III был относительно невелик. В северной части объекта III раскрыт ряд сводчатых комнат и обнаружен еще один большой квадратный зал (7.75×7.90 м, помещение 47) обычной композиции, деревянное покрытие которого покоилось на четырех колоннах, как показывают слабые следы гнезд в полу. Деревянные части зала погибли от пожара, а стены докрасна обгорели и едва сохранили узор орнаментальной панели. На полу и суфе в завале лежат остатки брусьев и балок. На обугленных деталях перекрытия прослеживается резной орнамент. Горелое дерево расчищено в основном в завале до уровня суфы и лишь частично на полу помещения.

Широким проемом в 1.6 м зал сообщается с предлежащим коридором. Чрезмерная толщина разделяющей стены, достигающая 1.6 м, говорит о том, что она сдвоенная, дополненная. Наличие здесь пристройки подтверждается тем, что поверхность торцовых стен коридора оказывается сдвинутой относительно поверхностей южной и северной стен зала. Вторая ветвь коридора поворачивает в восточном направлении, где стены значительно обожжены, как будто и тут бушевало пламя пожара. Коридор имеет проемы в торцовых стенах. Из них южный имел деревянную перемычку, северный увенчан аркой. Покрытие коридора было сводчатое, двойная пята еще сохранилась на юго-западе. Гладкая глино-саманная штукатурка украшена на южной стене знакомыми по объекту VII выведенными от руки ярусами полукружий. Интересно, что и в зале под верхним слоем штукатурки обнажается тот же рисунок. Можно предположить, имея в виду и большой зал объекта VII, что первоначально стены подобных зал иногда украшались таким примитивным способом до того момента, когда представлялась возможность приступить к богатому живописному оформлению. Слой дополнительной штукатурки под роспись хорошо ложился на подобную прочерченную поверхность предыдущего слоя.

Впоследствии северный проем описанного коридора был заложен сырцом, причем в соседнем сводчатом помещении расположилась какая-то ремесленная мастерская с двумя-тремя печами, устройства которой мы не касаемся, так как описание ее дано А. М. Беленицким.[1] Пахсовые стены всего описанного комплекса северной оконечности объекта III сохранились на высоту четырех и более метров. Далее лежит, видимо, переулок, отделяющий объект III от следующего объекта IX.

Западнее зала с горелым деревом начато раскопками большое помещение, которое, видимо, являлось также парадным залом подобного же типа, четвертым по счету на объекте III.

Расчистка построек у западного фасада объекта III еще не производилась. А именно такая расчистка вместе с исследованием восточных подступов здания должна внести окончательную ясность в наши представления об этом обширном жилом комплексе шахристана древнего Пенджикента.

Объект VI

Продолжение раскопок объекта VI, увеличившее число раскрытых помещений, считая по первому этажу, до 15 (рис. 3, 4), показывает, что этот комплекс едва ли однороден; скорее он, как и объект III, является конгломератом плотно пристроенных отдельных секций. Такой вывод напрашивается сам собой, если подойти к зданию с критериями, какие прилагались в свое время к характеристике объекта III. Мы имеем в виду черты планировки и строительные приемы.

На объекте VI к настоящему времени выявлено уже три парадных зала, каждый из которых группирует вокруг себя другие помещения.

Лежащий на западе великолепный зал с настенной росписью, с которого начаты раскопки здания, связан аркой с помещением 2; последнее в свою очередь сообщается на востоке с помещением 3, и, кроме того, еще один дверной проем выходит на запад. Стены зала сложены из двух рядов пахсы, над которой идет кладка из сырца размером 52—53×25—26×8 см. Стены помещений 2 и 3 — пахсовые. Заметно, что восточная стена помещения 3 пристроена к соседней постройке на толщину всего около полуметра, поэтому сильно деформирована под действием нагрузки свода и сохранилась плохо. На торцовых стенах видны остатки ганчевой штукатурки. Стены сохранились на высоту до 5.5 м.

Восточнее находится второй квадратный зал — помещение 8 с росписью, которая сохранилась частично на западной и северной стенах. Как отступление от обычного правила, нужно отметить расположение входа не по оси, а в боковой стене. Счастливой находкой являются отпечатавшиеся в глине завала формы базы и, отчасти, ствола колонн: случай, аналогичный тому, который имел место на Ак-Тепе близ Ташкента. Надо, впрочем, заметить, что отпечатки эти получились гораздо менее отчетливыми сравнительно с ак-тепинскими, так как завал был недостаточно влажен и неоднороден. В западной стене на высоте 2.4 м над эстрадой остались два гнезда от брусьев, точно отвечающие осям колонн. Трудно сказать, какой цели служили эти брусья. Ясно одно: они служили не для поддержки перекрытия зала, так как для этого брусья слишком слабы и низко расположены. Может быть, «эстрада» (выступающая часть стены) снабжалась тентом, подобным тому, какой изображен в живописи северной стены помещения 1. Вспомним, кстати, что в помещении 7 объекта III, в таком же зале, на «эстраде» были видны гнезда от пары стоек, напоминающих по расположению стойки балдахина. Зал окружен рядом помещений, связанных с залом и между собою. Это прежде всего коридоры, поворачивающие, как обычно, под углом (но здесь, огибая

[1] См. настоящий том, стр. 117.

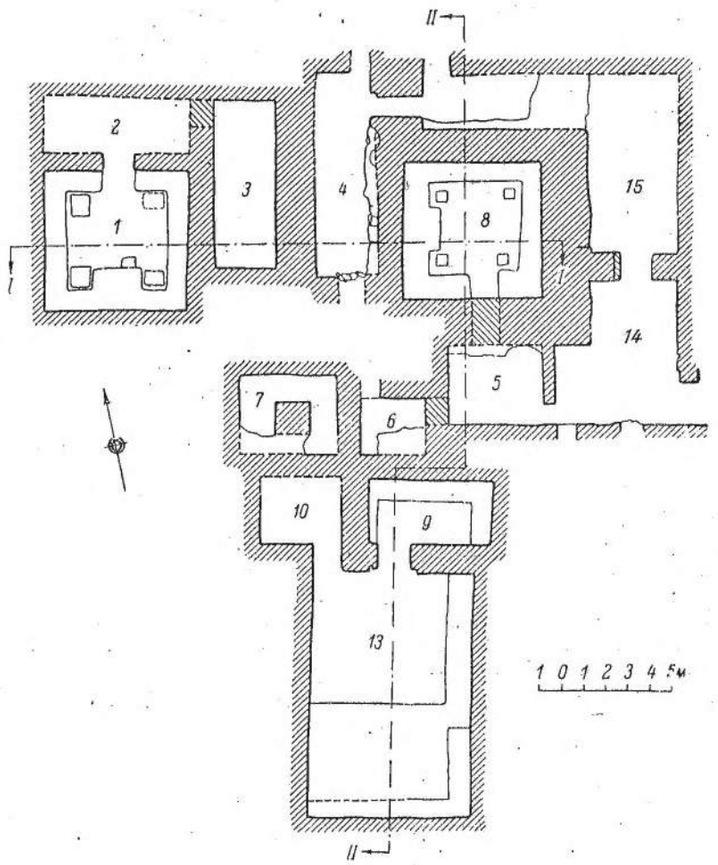


Рис. 3. Объект VI. План.

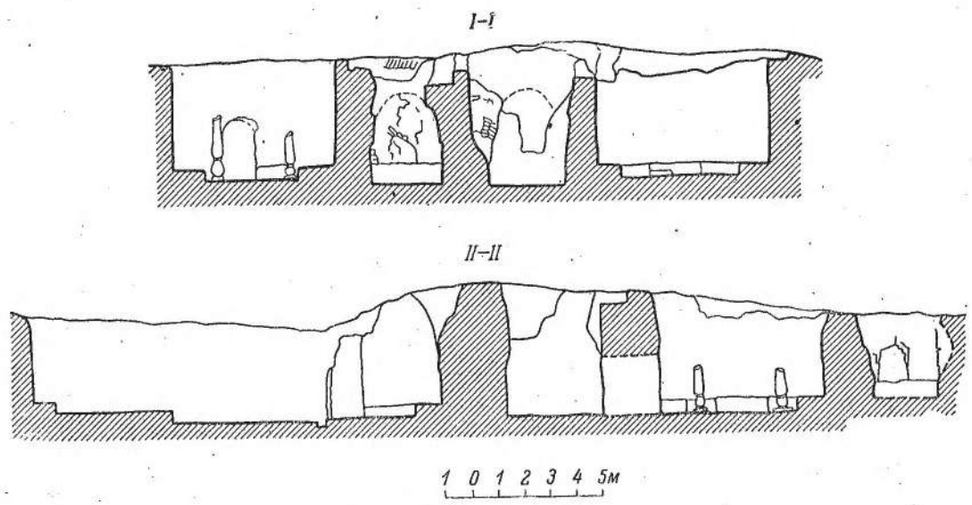


Рис. 4. Объект VI. Разрезы.

стены зала). Предшествующее залу помещение переделено тонкой стенкой на два (5 и 14). В помещении 14 находится обращенный к востоку вход, по-видимому связывавший всю описываемую группу помещений со двором, так как в этом направлении поверхность холма сильно понижается. То, что этот проем играл роль входа большой группы помещений, видно также из того, что ширина его достигает 1.97 м. Помимо этого, имеется широкий проем рядом в южной стене, где арка сильно осела вместе с вышележащим сводом. Далее к западу в той же стене намечается еще один узкий проем. Галерея, составляемая помещениями 5 и 14, имеет в ширину до 3.75 м; по размерам она близка помещениям 8, 10 на объекте III, где наблюдается аналогичный коленчатый коридор, разделенный впоследствии на две части. Интересно было бы проследить кладку свода на повороте таких широких галерей, но в таком месте перекрытие, разумеется, не сохранилось. Естественным продолжением галереи 14 является помещение 15 такой же ширины, соединяющееся с предыдущим расположенным на одной оси проемом. Стены всех перечисленных помещений данной секции, включая зал, сложены солидными блоками пахсы и оштукатурены глиной с саманом (в помещении 5 слой штукатурки достигает 2 см). Стены помещения 15 сохранились чрезвычайно плохо и на небольшую высоту (северный его конец остался нерасчищенным). Помещение 11 примыкает к залу с запада. Это довольно узкое помещение также полностью не расчищено. С южной его стороны имеется приставная ремонтная стенка из сырца, упирающаяся в основание свода. В западном торце и северной стене рядом расположены проемы. Между помещением 11 и соседствующим с запада помещением 4 лежит двойная толща стен — 1.10 и 1.40 м, шов между которыми хорошо заметен. Интересно, что уровень пола помещения 4 лежит намного ниже, и туда спускались по четырем ступеням. Здесь, таким образом, опять смыкаются две разновременные постройки. Следует заметить, что и материал стен помещения 4 иной, чем в предыдущих, — комбинированная глино-сырцовая «шахматная» кладка. Оба торца помещения 4 были прорезаны проемами. Через промежуточное помещение, пока не открытое, помещение 4 сообщалось с помещением 6. Это глубокое, но короткое помещение со стенами, сложенными различными способами: восточная — пахсовая, западная — из сырца 51—52×25—26×10 см, северная — насколько позволяет судить неудаленный завал — сооружена комбинированной кладкой (южная целиком скрыта завалом, удалить который не представилось возможным из-за большой глубины и малых размеров помещения). Все перечисленные помещения, кроме зала, сводчатые.

К югу отсюда лежат еще три связанные друг с другом помещения. Главное из них — большой зал — помещение 13, южной стороной примыкающий к городской стене. Этот зал представляет отступление от принятого образца и весьма своеобразен. По форме он не квадратный, а прямоугольный, суфа расположена асимметрично лишь по двум стенам зала — по восточной и южной, в два яруса, причем ее южная часть представляет просторную «эстраду», но без выступа и ступеней. Оригинально и расположение проемов: против «эстрады» находится не вход в зал, как обычно, а дверь в замкнутое помещение (9). Что касается входа, то его местоположение осталось (в 1953 г.) невыясненным, так как плохая сохранность западной стены, где он мог находиться, не дала возможности решить этот вопрос. Имелось, видимо, сообщение и с другим соседним помещением 10. Много примечательного и в деталях зала. Суфы его, как верхняя, так и нижняя, облицованы сверху и по обрезам обожженными плитами 24×34×3 см и покрыты поверх них глиняной обмазкой. Такими же плитами были облицованы стены зала. Если судить по восточной стене, наиболее сохранившейся, облицовка достигала высоты 1.35—1.40 м, причем начиналась, видимо, от пола и отчасти скрыта суфой. Здесь почему-то приняты особые меры к укреплению штукатурки. Плитки примазаны глиной к стене; поверх них уложен слой камыша, несущего глино-саманную штукатурку; весь слой имеет толщину до 4—4.5 см. Камыш был связан бичевой точно так же, как чий в современном обиходе: Каждый горизонтальный шов между плитами пробит линией деревянных нагелей, которые, с одной стороны, прочно уходили в стену, с другой — пронизывали сетку камыша, оканчиваясь в толще штукатурки и связывая ее со стеной. Чий играл, таким образом, роль драни, применяемой

под штукатурку потолков и стен деревянных построек (рис. 5). Это остроумное устройство не имеет прецедентов в истории древнего среднеазиатского строительного дела. От покрывавшей стены живописи сохранились фрагменты в северо-восточном углу, на западной стене (в сильно смещенном, слегка наклонном состоянии) и небольшие куски в завале у пола. Различаются две плотных обмазки пола; более поздняя верхняя обмазка имеет толщину около 5 см; на ней видно посреди зала горелое пятно с углями от костра — это указывает, что над серединой помещения, как всегда, в покрытии оставалось свободное пространство. Интересны и оба примыкающих к залу помещения 9 и 10. В первом из них стены обмазаны по толстому слою глино-саманной штукатурки ганчем, им же покрыты пол и суфа. Обмазка нанесена небрежно от руки так, что разводы пальцев бросаются в глаза. Слой настенной обмазки большей частью всего 2—3 мм, но местами достигает 1 см; на полу два слоя ганча до 0.8 или 1 см каждый. В проеме — следы косяков, а в полу — чрезвычайно четкие благодаря ганчевой обмазке гнезда подушек, на которые они опирались. На восточной стене осталась примороженная пара ломтей свода, показывающая округлую кривую его профиля. Сводчатое помещение 10 было полностью расписано по алебастровому подслою. На стенах штукатурка почти вся обвалилась, но на своде отчасти уцелела сетка прекрасного растительного орнамента красной, черной и желтой краской по белому полю.[1]

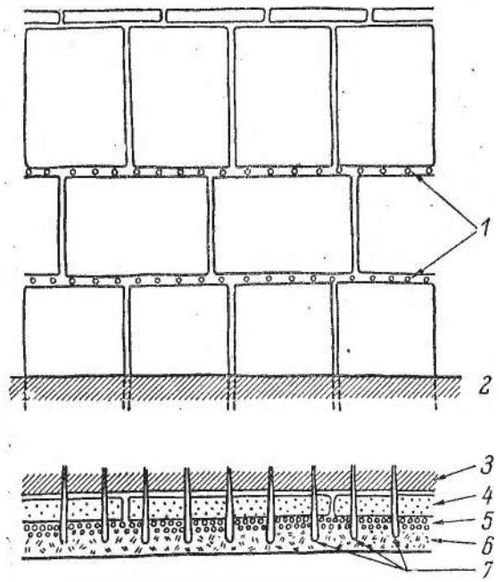


Рис. 5. Объект VI. Облицовка стены пом. 13, объекта VI.

1 — нагели; *2* — поверхность суфы; *3* — пахсовая стена; *4* — обожженные плиты (34×24×3 см); *5* — намыш; *6* — глино-саманная штукатурка; *7* — нагели.

Описанный зал с прилегающими помещениями — седьмой парадный зал, раскрытый на городище, — отличается от предыдущих рядом особенностей: 1) вытянутыми пропорциями, 2) асимметричной конфигурацией суфы и вторым ярусом на ней, 3) наличием по оси не входа, а подсобного помещения, что меняет всю систему связи и принцип композиции. При всем том остается тенденция праздничного убранства, а размеры помещения и суфы более чем просторны, оно явно рассчитано на довольно многолюдные собрания. Все это указывает на общественный характер помещения. Какие-то действия производились на площадке в южной части зала, а верхние ступени, может быть, служили для зрителей. Не исключено, что решение вопроса о назначении этого любопытного зала связано с находкой необычайного количества (до 150) астрагалов и сюжетом живописи западной стены, где изображена сцена игры. Может быть, здесь помещался своего рода клуб, нечто вроде игорного зала.

Стены помещений 9, 10 и 13 в основном сырцовые.

Пока не известно, куда отнести расположенный на стыке трех описанных групп, или секций, пандус, стены и столб которого сложены из сырцового кирпича размером 52×26×10—11 см.

На объекте VI кое-где сохранился пол второго этажа. В частности, над помещением 4 удалось проследить остатки кухни с хлебной печью. Близ пандуса находилась небольшая комната с ганчевой обмазкой пола. Расстояние между полами первого и второго этажей составляло около 4 м.

Объект IX

Чрезвычайно интересным в архитектурном отношении оказался объект IX (рис. 6, 7).

[1] Речь идет о западной стороне помещения, где сохранилась до шельги северная часть свода благодаря оставшемуся нетронутым завалу.

Это здание, расположенное, как уже отмечено выше, в северо-восточном углу шахристана, вытянуто с востока на запад и своей северной стороной примыкает к обрыву плато, а с юга, как предполагается, ограничено переулком, идущим от небольших ворот восточной городской стены в сторону объекта II. Переулок отделяет объект IX от северной оконечности объекта III.

Ядром объекта IX, вокруг которого концентрируются остальные помещения, является большой зал необычной композиции (рис. 6, пом. 6). Он подразделяется на две части: удлиненное пространство с суфой по двум сторонам и несколько более узкую, примерно квадратную в плане часть, где суфа расположена двумя ступенями. Верхняя суфа идет вдоль трех стен, образуя посредине небольшую площадку, сильно обгоревшую и покрытую плотным слоем золы, где, очевидно, разжигали костер. Одно наличие квадратной части выделяет зал из всех доныне встреченных на городище форм интерьера. Но последняя и сама по себе оригинальна по форме и деталям. Она была перекрыта сводом, от которого остались первые горизонтальные ряды кладки на уровне трех метров от суфы, выделяющиеся над пахсовой стеной. На уровне пят стены прорезаны рядом ниш по две в щековых стенах и по четыре — в щипцовой. Шипцовым нишам предшествует легкий (на 4—5 см) вынос верхней части стены, под которым находятся еще две ниши. Ниши в среднем 40 см шириной и 35 см глубиной. В щековых стенах на уровне основания ниш, на границе между пахсой и сырцом, тянутся сплошные линии глубоких гнезд от горбылей, показывающих, скорее всего, что здесь была антресоль.

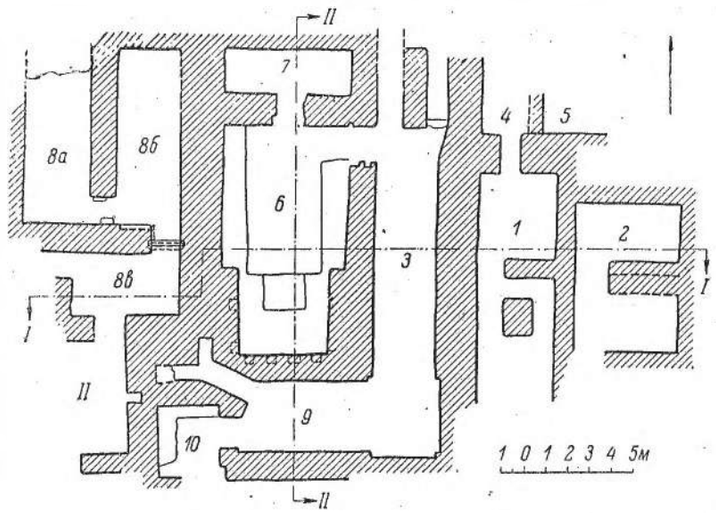


Рис. 6. Объект IX. План.

Трудно уяснить себе форму покрытия остального пространства зала, которая гармонировала бы со сводчатым покрытием квадратной части помещения. Следов колонн в полу не видно. Здесь были, вероятно, деревянные навесы, защищавшие глино-саманную штукатурку стен и суфы от дождя и оставлявшие открытой среднюю часть помещения. Свод квадратной части помещения должен был при этом возвышаться над плоской кровлей.

Вход в зал сбоку, в восточной стене, тогда как по оси расположен широкий проем в узкое помещение 7 подсобного характера, длина которого соответствует ширине зала. Здесь был вторичный пол с кострищем и большим количеством черепков котлов, над которым стены и начало свода сильно обгорели и закопчены. Вход в зал ведет из расположенного углом помещения 3—9, обнимающего все помещение 6 с двух сторон. На стыке колен этой широкой сводчатой галереи образуется небольшое расширение, углы которого отмечены четвертями, — первый пример архитектурной моделировки поворота коридора. Здесь впервые в раскопках городища оказалось возможным предполагать наличие в прошлом купола. В северном конце помещения 3 находится пандус, вытянутый в меридиональном направлении, где, как оказалось впоследствии, обычная камера заменена коридором. Габариты пандуса превышают ширину помещения 3, восточная стена которого образует здесь плавное закругление. В западном торце помещения 9 имеется заложенный впоследствии проем в следующее помещение 10, где был вход

в этот комплекс из переулка. Но как осуществлялась связь с улицей после упразднения проема, остается неясным. Из того же помещения отходит вкось узкий коридорчик с ответвлением в виде тупичка, лежащий в толще стены западнее квадратной части помещения 6.[1] На северной стене помещения 10 едва заметны остатки росписи.

Западнее помещения 6 расположена группа из трех сводчатых комнат 8а, 8б и 8в. Две из них вытянуты в меридиональном и одна в широтном направлении. В этой последней сохранилась у юго-восточного угла на некоторую высоту оболочка свода с закопченной штукатуркой, которая на расстоянии 1.5 м от торца поворачивает к югу и скрывается в толще сырцовой кладки. Отсюда следует, что стена здесь возведена уже дополнительно в порядке переделки помещения. Эта дополнительная стена прорезана красивой аркой, широкое полукольцо которой углублено на 5 см в поверхность стены. В западном торце помещения виден второй более узкий проем. В группе помещений восточнее главного зала, которые, сколько можно проследить, все были сводчатыми, интересен третий пандус комплекса. Он имеет ту же особенность, что и первый из них, т. е. сочетается не с камерой, а со сквозным проходом, соединяющим помещение 1 с лежащим южнее, вероятно входным помещением. Марш пандуса начинается с юга аркой. Своды первого марша и коридора, лежащего ниже, хорошо сохранились.

Наблюдения над материалом, из которого возведены стены объекта IX, свидетельствуют, что и тут не обошлось без пристроек и что едва ли комплекс представлял единое целое. Стены основного ядра построек с главным залом, образовавшим вершину холма, — пахсовые, но в помещении 2 они сделаны из сырца размером 50—51×26×9—10 см.[1] В крайнем к западу помещении комплекса западная стена сырцовая, а южная сложена только тычковыми рядами сырца, представляя, следовательно, всего лишь дополнительный слой кладки толщиной в один кирпич. Позднее происхождение южной стены с аркой в помещении 8 уже отмечено выше.

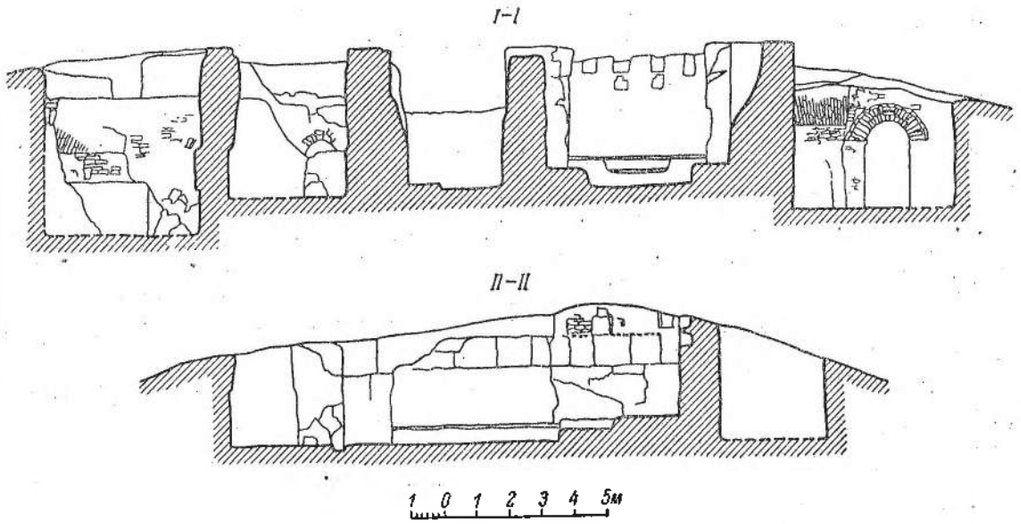


Рис. 7. Объект IX. Разрезы.

Приведем несколько соображений о назначении центрального комплекса объекта IX, включающего помещения 3, 6, 7, 9 и 10 (другие помещения с ним, по-видимому, не связаны). При этом следует учесть, во-первых, состав помещений данной группы, где не заметно чего-либо похожего на жилые комнаты: в самом деле — громоздкий коленчатый коридор является традиционным кулуаром при зале и напоминает скорее переулок, чем комнату, помещение 7 несло подсобные функции при зале, а помещение 10, вероятно, служило «вестибюлем». Во-вторых, нельзя не обратить внимания на характер самого зала. Этот восьмой по счету открытый на шахристане зал никак нельзя поставить наравне с предыдущими, как и помещение 13 объекта VI. Они непохожи на помещения жилого дома. Кое-какие черты сближают их между собой, именно — выделение в одном из концов зала большой «эстрады» с двухступенчатой суфой в одном из них, что указывает на общественные функции этих помещений, и противолежащие подсобные комнаты с входом по оси зала. Но в остальном детали зала на объекте IX ставят его особняком как от «игорного зала», так и от залов обычного типа в жилых комплексах. Облик его носит иной оттенок. Здесь, прежде всего, не было сделано попыток украсить помещение и стены его были покрыты обычной глино-саманной штукатуркой. Наличие ниш и полок может быть истолковано скорее всего в смысле функциональной необходимости. Чувствуется, что здесь особенное значение придавали огню: чтобы удобнее было согреваться вокруг костра, он расположен на площадке, а огибающий его второй ярус суфы был назначен для сидящих у огня посетителей; костер помещен не под плоским потолком, а под сводом во избежание пожара.[1] Тут и самый комплекс находок говорит о назначении помещения: из завала извлечено много черепков хумов, а на верхней ступеньке квадратной части зала найден разбитый сосуд с зернами гороха и фасоли. Что касается прилегающей комнаты, то она могла служить хранилищем. На основании всего сказанного следует предположить, что данная группа помещений с залом в центре несла общественные функции. Если искать этому комплексу аналогии среди раскрытых построек городища, то следует назвать не обычный, наиболее распространенный тип зала, а скорее помещение 12 объекта III, которое имеет с рассматриваемым комплексом до некоторой степени сходные черты. Очень вероятно, что зал объекта IX является прототипом алоухона горных таджиков.[1] Объект IX обещает дать много интересного с продолжением раскопок.

На этом закончим общий очерк работ на шахристане и перейдем к загородным постройкам.

Объект VIII

Так в целом именуются пригородные постройки к востоку от шахристана. Здесь в течение двух последних лет раскрыто семь небольших домов и несколько поодаль — паусы. Жилые постройки пригорода еще не образуют рабада в распространенном значении этого слова; они не защищены стеной, разбросаны на большом пространстве, не связаны между собой и были окружены, несомненно, участками обработанной земли. Характер помещений этих домов говорит о принадлежности их земледельцам — то и дело попадаются закрома у стены, зерновые ямы и тому подобные устройства. Тем не менее сделан заметный шаг к образованию рабада, на что указывает установленное раскопками наличие ремесленного производства. Исключительный интерес представляют дома небольшие, но в значительной части неплохо сохранившиеся. Будем перечислять их не в порядке принятой нумерации, а по расположению относительно друг друга.

Дом № 1 (рис. 8) состоит из трех комнат, небольшого коридора и пандуса, марши которого начинаются у самого входа. В северо-западном помещении было обращенное к северу окно. Постройка заметно неоднородна и носит следы переделок. Так, нетрудно заметить, что коридор, который играл роль вестибюля, выделен из общего входного помещения 1 путем возведения сырцовой перегородки в один кирпич толщиною. В этом помещении, кроме того, северная стена ближе к входу сложена из сырца, а западная ее часть из пахсы примыкает к сырцовой кладке наклонно, как бы по излому. Кое-где видны остатки грубой ганчевой обмазки. Стены пандуса сырцовые, а остальные стены дома из пахсы. Два западных помещения носят отпечаток сельскохозяйственной деятельности, содержат вдоль стен небольшие

[1] Коридор оказался, как показали работы 1954 г., пандусом, а тупик — камерой при нем.

[1] Обмер сделан на южной стене. Северная сложена небрежно и носит характер приставной, ремонтной.

[1] Предполагаемая антресоль, вероятно, шла вдоль стены над верхней суфой, оставляя среднее пространство открытым.

[1] А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л., 1940, стр. 23, 64, 65; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у таджиков Вахио-Боло. Л., 1946, стр. 115—119.

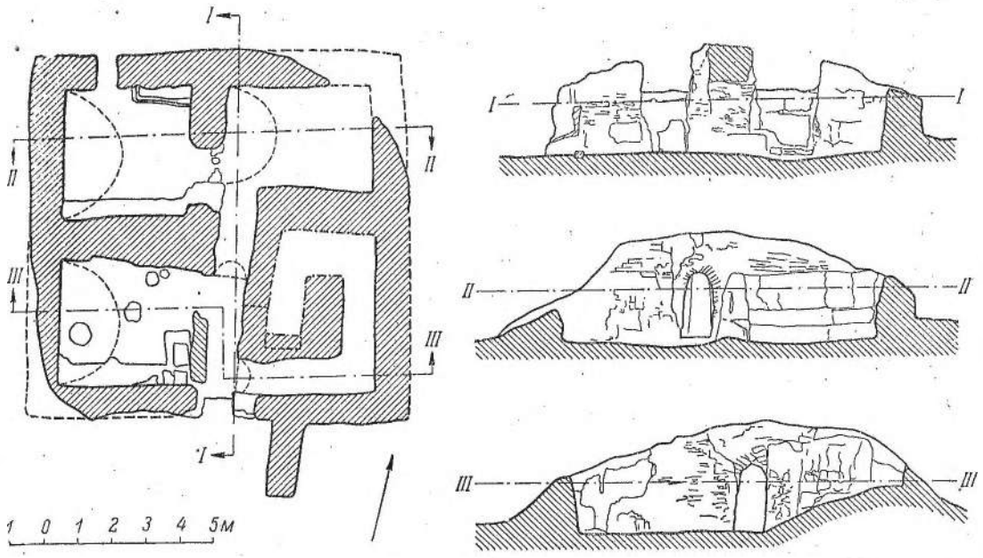


Рис. 8. Объект VIII. Загородный дом № 1. План и разрезы.

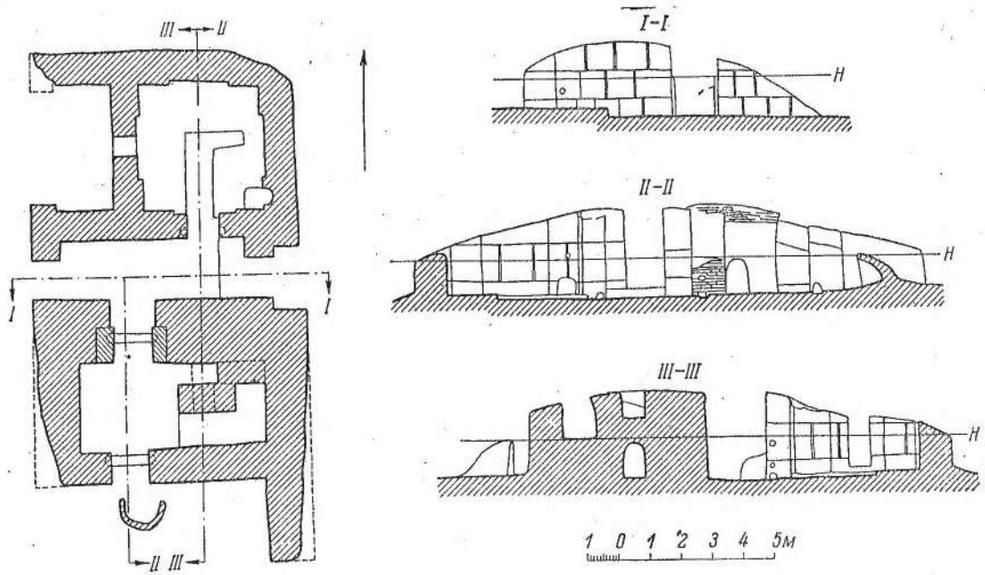


Рис. 9. Объект VIII. Загородный дом № 4. План и разрезы.

закрома, углубление в полу и т. д. Покрытия были, по-видимому, сводчатые.

Дом № 4 (рис. 9) расположен западнее, рядом с № 1. Отличается замечательной отчетливостью конструктивной и планировочной структуры. Здесь привлекает внимание отличная, удивительно прочная пахсовая кладка правильными квадратными блоками с четким отвесным швом (швы со срезанными фасками замазаны глиной, но штукатурка отсутствует). Дом разделен сквозным коридором на две половины: хозяйственную и жилую. Первая из них, расположенная к югу от коридора, состоит из комнаты и пандуса с камерой. Комната, как и коридор, проходная, имеет поставленные напротив друг друга двери: в коридор и наружу. Выход в коридор фланкирован двумя приставными пилонами из сырца (размером 52×26—27×9 см). Наружная дверь комнаты ведет в какое-то полуогороженное стеной с востока пространство, причем дверь упирается сразу в сделанный полукуполом очажный козырек с обожженной внутренней поверхностью. Комната к северу от коридора являлась, по-видимому, парадным приемным зальцем: несмотря на небольшие размеры и отсутствие убранства, она производит впечатление изысканности своими пропорциями, симметричными очертаниями суфы, четкой разрезкой блоков по углам, профилировкой стен лопатками — единственный пока случай подобного архитектурного приема на городище. Дверь комнаты запиралась деревянным замком того типа, какие поныне употребляются в высокогорных селениях, о чем свидетельствует круглое отверстие в стене влево от двери, выходящее на две стороны угла. Такой тип запора отмечен в свое время при раскопках объекта I.[1] В восточной стене близ угла прорезан очаг без дымохода в виде арочки, обожженный внутри и полный золы, но без следов копоти. С западной стороны примыкал айван, куда выходило окно комнаты. Антовые стены неглубокого айвана были снабжены встречными лопатками в стиле архитектуры интерьера.

По соседству с домом № 4 несколько севернее стоит небольшая постройка из сырца размером 48—49×26×9 см, определяемая как наус. Небольшой камере предшествует узкий поперечный коридорчик с выходом на восток, с юга почему-то прилегает массивный пилон, а с севера намечается еще одна камера.

Дом № 2 (рис. 10) лежит к югу от описанной группы построек. Состоит из трех несвязанных между собою помещений, явно разновременных и пристроенных друг к другу. В северо-западной комнате 1 с пахсовыми стенами у входа крутыми ступенями с поворотом в 90° идет лестница на второй этаж, а под нею устроена миниатюрная камера. В северо-восточном углу сочетаются два помещения — комната 2 и другое, входное, где были обнаружены остатки глиняных резервуаров, покрытых слоем стеклянной массы. Северная стена последнего помещения не сохранилась или просто отсутствовала, что кажется очень вероятным, так как плавка стекла требовала высокой температуры; западная стена близ кювета сильно прокалена от воздействия огня. Стены комнаты 2 пристроены к стене комнаты 1, поверхность которой образует некоторый наклон, и, поскольку перевязка отсутствует, отделена от нее заметной щелью. Пахсовая северная стена на высоте, примерно, 1.80 м дополнена сырцом, а южная сложена целиком из сырца размером 52×26×9 см, плохой сохранности. В этой стене как раз против входа находилась ниша со стройной аркой.

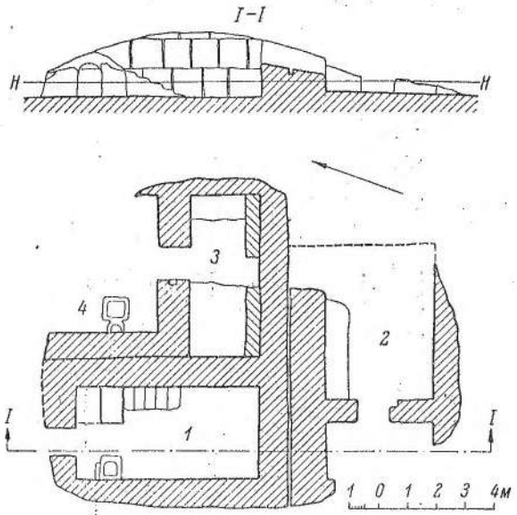


Рис. 10. Объект VIII. Загородный дом № 2. План и разрезы.

[1] В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пянджикента. Труды СТАЭ, т. I, МИА, № 15, 1950, стр. 194, табл. 49.

С юга к описанным помещениям примыкает комната 3, при которой был небольшой, обращенный на запад айван. Южная и северная части постройки имеют самостоятельные стены, которые, смыкаясь, образуют шов

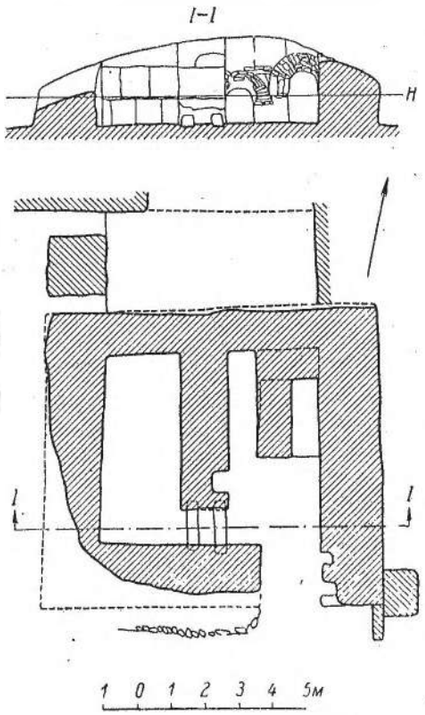


Рис. 11. Объект VIII. Загородный дом № 3. План и разрез.

около 10 см. Суммарная их толщина составляет с запада 2.00 м, а с востока 2.85 м. Все помещения были оштукатурены глиной с саманом; хотя они сохранились на большую высоту, признаков свода нигде не видно. Однако в завале найдено большое количество сырца.

Еще далее к югу стоят два дома №№ 3 и 6.

Дом № 3 (рис. 11) состоит всего из двух помещений и пандуса с камерой. Стены его пахсовые без штукатурки. С внутренней стороны они сильно обгорели и закопчены, а на полу наблюдаются следы костров. В переднем входном помещении, куда выходят пандус и камера, устроен рядом с последней в западной стене очаг, совершенно сходный с тем, какой мы видели в северной комнате дома № 4. Стена над этим очагом и южная стена помещения обгорели и значительно закопчены, тогда как остальные стены лишь покраснели от огня. С западной стороны камеры сделана нишка. Очень хорошей сохранности оказался сводик камеры и арка пандуса; в комнате предполагается балочное покрытие.

Вдоль южной фасадной стены тянется вымостка из булыжника.

К дому № 3 с юго-востока примыкает, очевидно, независимая и тоже жилая пахсовая постройка, не обозначенная номером; но стены ее почти не сохранились, и планировку трудно уловить.

Дом № 6 (рис. 12) сложен из пахсы, но с севера пристроена стена из сырцового кирпича размером 52—53×26—27×9 см. Квадратная южная комната имеет парадный вид, напоминая комнату в доме № 4. Назначение маленького помещения с северо-западной стороны трудно понять, так как из-за разрушения стен не установлено, где был вход. На западе намечается приподнятый на толстом слое пахсы пол какого-то несохранившегося помещения.

Дом № 5 (рис. 13), расположенный к западу от домов №№ 3 и 6, отличается примитивной планировкой. Здесь выделяется

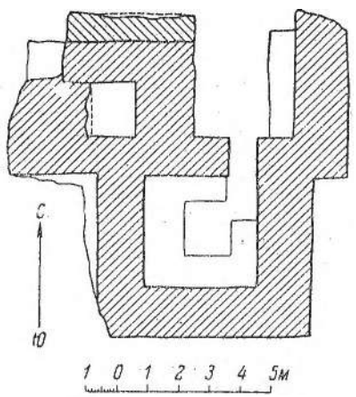


Рис. 12. Объект VIII. Загородный дом № 6. План.

квадратная комната со стенами в один ряд пахсы, надстроенной сырцовым кирпичом размером 50×25×8—9 см, покрытым толстой глино-саманной штукатуркой; этой комнате предшествует другое помещение, а сбоку тянется узкий линейный пандус. Постройка плохой сохранности.

Дом № 9 (рис. 14) значительно восточнее группы домов №№ 1 и 4, крупнее всех прочих и относительно хорошей сохранности. Состоит из обычного входного помещения, трех комнат и пандуса, где прослеживаются четыре марша. Камера под пандусом заменена коридором, так что можно насчитать целых пять помещений. Пахсовые стены были покрыты штукатуркой. Суфа переднего помещения сооружена несколько позднее, так как под ней видны следы костров; назначение выложенной камнем ямки при входе неясно. Можно предположить, что под нею находился столь обычный в таджикских и узбекских домах последних столетий водослив. Комната направо от входа имела хозяйственное назначение — там сохранились закрома. В дальней комнате помещалась винодельня. Большой отстойный чан емкостью в 1.5 м³ соединен желобом с кюветом, где давили виноград. Закраины-ступени двух сторон кювета говорят о том, что применялся, вероятно, пресс в виде доски, опускавшейся до их уровня. Все это устройство, а также суфа близ кювета были покрыты слоем белой обмазки толщиной до 1.5 см. Вероятно, это была обмазка типа «кыра», употреблявшаяся широко в банях для полов и цистерн для воды. Конструкция хорошо сохранившегося свода коридора заслуживает подробного описания, которое будет дано особо. Каких-либо данных на способ покрытия помещений не замечается.

Дом № 7 на северном обрыве террасы оказался столь разрушенным, что от изучения его пришлось отказаться.

Еще до начала работ Таджикской экспедиции археологом В. И. Чейлытко раскапывались в пригороде две жилых постройки. В настоящее время не представляется возможным составить описание этих зданий, так как раскопы оплыли.

На основе изучения описанных жилых зданий пригорода выясняется целый ряд типических признаков этого рода жилища.

1) Достаточно просторное входное помещение, совмещающее роль «вестибюля» и хозяйственные функции. Сюда выходят марш пандуса и связанная с ним камера; здесь располагались костер, или очаг, в стене. В комнаты дома попадали из этого помещения. Характер его очень специфичен и соответствует обязательному для современного горнотаджикского жилища долуну, который известен и в городских домах, особенно ферганских. Такой ярко выраженный тип долуна может быть отмечен в пригородных усадьбах №№ 3, 4, 9, был такой долун и в усадьбе № 1. Долуном можно назвать первое при входе помещение усадьбы и без пандуса (например, в доме № 6). Надо отметить, что в домах шахристана «вестибюль» не всегда носит столь разносторонний характер и не всегда к нему приложим этот термин; в качестве примера можно назвать вестибюль крайней южной секции объекта III.

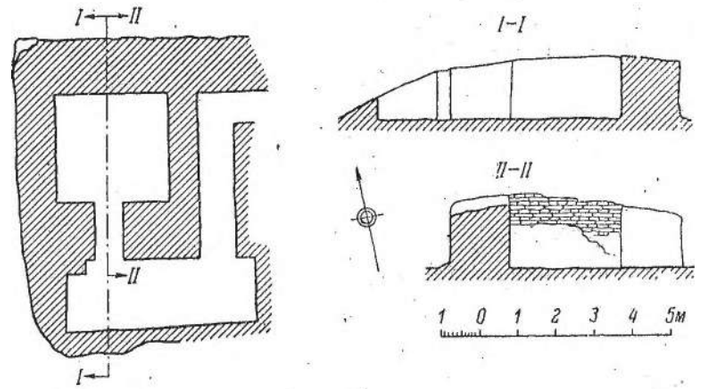


Рис. 13. Объект VIII. Загородный дом № 5. План и разрезы.

2) Комнат бывает от одной до трех и всегда небольших. Если их несколько, функции их носят различный характер — жилая, хозяйственная, приемная. Если комната всего одна, она обычно аккуратно отделана и сильно отличается от долуна. Иногда комната, несмотря на малые размеры, получает характер несколько даже торжественный: это гостиная, приемная зальца скромного загородного жилья. Такие комнатки квадратной пропорции, с особенно тщательно сложенными стенами и суфою вдоль них, могут рассматриваться как подражание городскому жилью. Примеры этого рода мы видим в домах №№ 4 и 8. Такие комнаты,

очевидно, имели балочное перекрытие (разумеется без колонн).

3) Иногда в состав помещений добавляется коридор (дома №№ 4 и 9), но он отнюдь не обязателен. Часто встречаются айваны, небольшие и неглубокие, где не требовалось стоек (дома №№ 2 и 4). С другой стороны, возможен упрощенный вариант плана: одно помещение с айваном (южная комната дома № 2).

4) Весьма обычны пандусы. Они в общем того же типа, как и в шахристане, но не квадратные в плане, а несколько вытянутых очертаний. Наблюдаемые в пригороде устройства пандусов позволяют наметить цепь вариантов этой любопытной конструкции. Достоверных случаев устройства пандусов в раскопанных постройках пригорода можно отметить четыре. Из них два канонического типа с использованием пространства под маршем для устройства камеры (дома №№ 3 и 4). Такая камера играла роль чулана, кладовой, что подтверждают найденные в одной из них органические остатки, видимо от хранившихся там съестных припасов. Но в доме № 9 камера заменена, или, вернее, дополнена, коридором, так как последний кончается тупиком. В данном случае клетка пандуса носит более монументальный характер. Решение, напротив, получилось более примитивным в доме № 1, где камеры не было обнаружено. Упрощенный вариант междуэтажного сообщения имеется в северо-западном помещении дома № 2, где пандус заменен лестницей, но, тем не менее, повороту марша соответствует камера, хотя и уменьшенных размеров. Можно указать пример дальнейшего облегчения конструкции в подвальном помещении на южной стороне двора объекта II, куда спускались по узенькой лесенке в несколько ступеней, под которыми находилась небольшая ниша.[1]

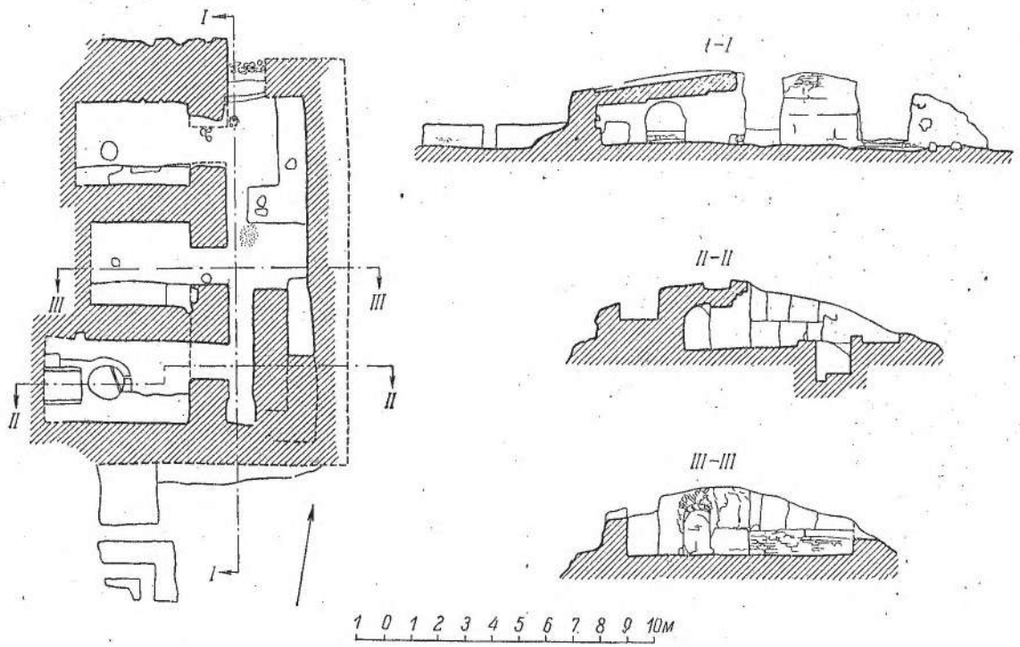


Рис. 14. Объект VIII. Загородный дом № 9. План и разрезы.

Мы можем лишь догадываться о наличии второго этажа, который нигде не сохранился, но без которого не обходилась, пожалуй, ни одна постройка. Не было никакой надобности строить капитальные пандусы для того только, чтобы попасть на крышу, если бы не существовало верхнего этажа с жилыми помещениями. Роль верхнего этажа была, несомненно, велика, и состав помещений дома не ограничивался перечисленными. Интересно при этом, что стремление к двухэтажным постройкам вызывалось не теснотою участков, как на территории шахристана. Вероятно, тут сказывалась возможность сделать верхние помещения более открытыми, светлыми, приспособленными для летних условий, тогда как нижние были по преимуществу глухие и плотно запирались. Возведение верхнего этажа, живописное и комфортабельное его устройство, что так обычно для таджикского и узбекского народного жилища XIX—XX вв., имеет свои традиции, по-видимому, уже с древности. В связи с выводом о распространенности верхнего этажа уместно вспомнить помещение 1 дома № 2: становится понятным, что это был долун, тогда как самая комната находилась над ним.

В целом план дома отличается компактностью и абрис его приближается к квадрату. Соответственно и отдельные помещения почти нигде не принимают коридорообразных очертаний, столь обычных в шахристане. На примере дома № 2 мы видим, что отдельные одно- и двухкомнатные постройки могли быть объединены.

Интересно подчеркнуть, что в пригородных домах окна, т. е. обычные световые проемы на небольшой высоте от пола в стенах комнат, установлены в двух случаях (дома №№ 1 и 4), чего совсем не наблюдается в шахристане. Деревянных частей в них, очевидно, не было.

Дверные полотнища навешивались во входных проемах. При этом поражает необычайно солидная конструкция порога. Судя по оставшимся в щеках проема гнездам от брусьев, эти брусья были нередко сечением 30×40—45 см, причем преобладающий размер составлял высоту. В некоторых случаях устройство удваивалось — брусья клали и у внешней и у внутренней поверхности стены. Сказанное относится не только к входному, но и к межкомнатным проемам. При всей массивности бруса он, как правило, не был углублен в пол, как это наблюдается в зданиях шахристана. Более того, в двери северной комнаты дома № 4 гнезда находятся сантиметров на десять выше пола. Зачем стремились повысить порог, чем вызвана столь мощная его конструкция? Этот вопрос пока остается невыясненным. Можно предположить, что при этом имелось целью предотвратить приток в помещение холодного воздуха, особенно ощутимого зимой при сидении на полу или низкой суфе.

Запирались двери деревянным замком, как свидетельствует устройство его в доме № 4.

Несколько слов о конструкции стен и перекрытий. Если в жилой застройке шахристана пахса играет значительную роль, то в пригороде она решительно вытеснила сырец, и кладка из пахсы выполнялась в ряде случаев очень тщательно. Комбинированная же кладка вовсе не встречается. Помещения покрывались, видимо, как сводами, так и деревом. Убранство было самое скромное и ограничивалось глино-саманной штукатуркой или же особенно тщательным выполнением пахсовой кладки. Не исключено, впрочем, что деревянные потолки в какой-то мере украшались резьбой или росписью.

В заключение можно сказать, что специфика сельского хозяйства в большинстве случаев сильно проступает в облике описанного типа жилища. Но в целом его едва ли можно с полным основанием назвать сельской усадьбой; скорее это пригородная усадьба, пригородный дом — по совокупности своих черт, связанных с городской традицией, и по нарождающимся кое-где признакам ремесленного производства. Пригородные усадьбы Пенджикента отличаются от усадеб древнего Хорезма того же времени, так как там даже малые постройки, не окруженные городской стеной, носят сугубо укрепленный характер: жилое помещение стоит на высокой массивной платформе, где прорезаны лишь один-два коридора. Такова усадьба № 36 беркут-калинского оазиса. Пандусы в специальных клетках в Хорезме не практиковались (см. ту же усадьбу № 36). Даже во дворце Топрак-Кала подъем осуществлялся линейным пандусом по длинному коридору.

Конструкции

Хотя за истекшие два года на городище не получено каких-либо принципиально новых данных о конструктивных приемах, наблюдения дают повод высказать некоторые дополнительные соображения. Был открыт ряд хорошо сохранившихся образцов конст-

[1] А. М. Беленицкий склонен приписать этой чисто утилитарной детали культовое назначение, см.: Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, стр. 53.

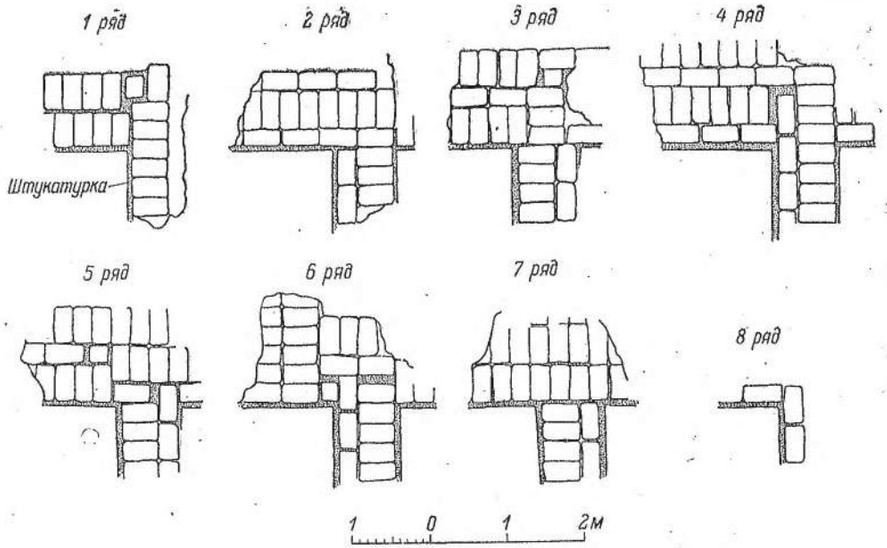


Рис. 15. Объект VIII. Загородный дом № 5. Перевязка сырцовой кладки.

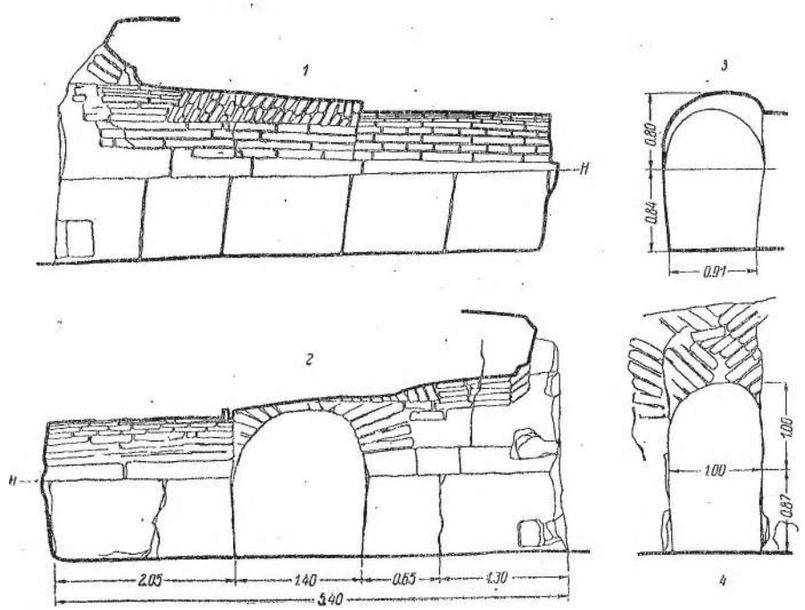


Рис. 16. Объект VIII. Загородный дом № 9. Свод коридора.

1, 2, — разрезы свода коридора; *3* — пята свода; *4* — арка коридора.

рукции сводов и арок, подтверждающих выявленные ранее строительные правила, которые заслуживают быть отмеченными в очередном очерке.

Субструкции. Произведенное вскрытие полов на объекте I показало, что главный четырехколонный зал покоится на фундаменте (вернее, цоколе) того же типа, что на объекте II, с сырцовой кладкой под стенами и галечниковой засыпкой платформы. Однако под полом соседнего с юга помещения 11 оказался сплошной сырцовый настил.

Стены. Работы последних лет на раскопках древнего Пенджикента показывают, что пахсовая кладка в строительстве превалирует над кирпичной. Стены новооткрытых зданий по преимуществу пахсовые. Можно, между прочим, заключить, что на городище, как правило, применялся второй вид пахсовой кладки, т. е. такой, где блоки формуются один за другим и каждый последующий прикладывается к торцу предыдущего. Швы в большинстве наклонные, но нередко бывают отвесны. В последнем случае встречается особенно тщательное выполнение, где устье шва расширяется на обе стороны фаской, имея в плане вид воронки. Такой прием отлично исполнен в пригородном доме № 4. Несмотря на то, что он очень красив, швы замазываются глиняным раствором (как и везде на городище при блочной кладке). Таким образом, прием носит вернее всего утилитарный характер, имея целью удобство затирки швов.

Зарисован образец перевязки угла в сырцовой стене пригородного дома № 5 на протяжении нескольких рядов кладки (рис. 15). При этом обнаружились обычные, но лишенные какой-либо системы вариации кладки каждого ряда. Из этого следует, видимо, заключить, что правила перевязки углов не были твердо выработаны и нерегулярность этой перевязки может быть связана с тем, что часть стен помещения возведена из пахсы, и сырцовая кладка является в данном случае дополнительной.

Арки и своды. Относительно арок нужно сказать, что господствуют по-прежнему два типа: 1) бескружальная кладка, нерегулярная, с очень пологим положением кирпича первых рядов и заполнением замковой части «в елочку» и «плашмя»; 2) кружальная, регулярная, с близким к радиальному положением шва, где дуги от пят кладутся в полную длину кирпича, в замке употребляются тычки, а по верху — 2—3 кирпича плашмя, как и в первом случае. Примером первого рода является свод коридора загородного дома № 9 (рис. 16, *4*), второй тип хорошо представлен аркой объекта IX (рис. 17), обрамленной кольцом. В нише коридорчика того же здания кладка сводика выполнена сырцом «плашмя», т. е. облегая пологую кривую и параллельно шелыге.

В пандусе объекта IX интересна входная арка с наклонной шелыгой (рис. 18). Подъем пандуса начинался с юга на север. Здесь можно

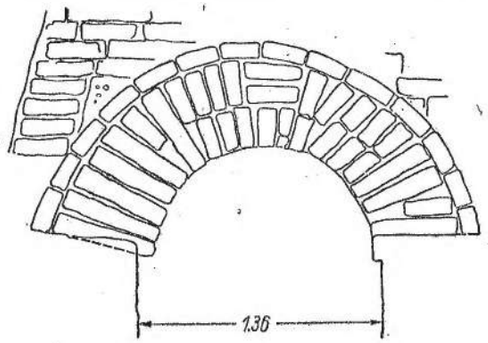


Рис. 17. Объект IX. Арка.

наблюдать конструкцию свода на повороте: шелыга при этом образует плавный изгиб, а выступающий угол укреплен столбиком кладки плашмя. Если смотреть с севера, свод и арка первого марша имеют вид замечательно красивой перспективной серии параболических кривых.

Коридор загородного дома № 9 (рис. 16) наглядно иллюстрирует методы кладки свода. В данном случае требовалось решить задачу, исходя из трех условий: 1) наклонного положения шелыги, 2) неравномерного распределения нагрузки и 3) необходимости сочетания свода с проемом, арка которого в замке почти достигает уровня шелыги. Указанные условия породили следующую конструкцию. Кладка естественно начиналась с глухого конца и велась с повышением. Свод пролетом 1.00—1.10 м и протяжением 5.40 м делится на три участка. Первый из них начальный — свод тупика на протяжении 2 м выведен по типу бескружальной кладки арок — ребром вдоль шелыги (рис. 16, *1, 2*). В оболочке 15 рядов кладки в перевязку с тычковыми и ложковыми рядами (из них только два тычковых ряда близ шелыги

уложены тычками без разрезки). Пяты здесь лежат на одном уровне. Средний участок, примерно той же длины, выведен поперечными отрезками с наклоном к предыдущему. Отсюда и вплоть до конца коридора, несмотря, а может быть и благодаря тому, что вышележащий марш пандуса сдвинут

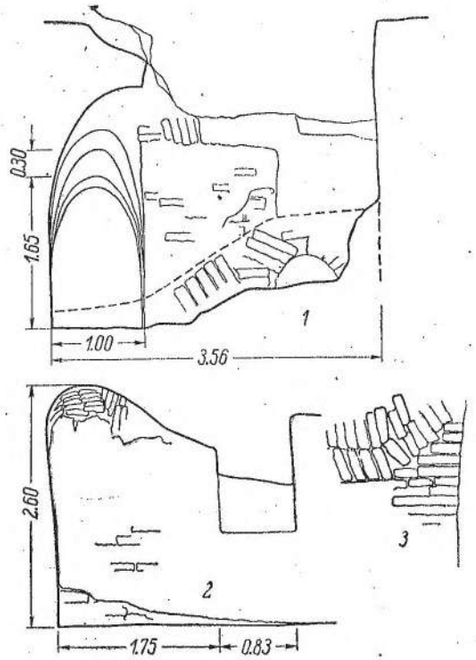


Рис. 18. Объект IX. Свод пандуса.

относительно коридора к западу, пята с этой стороны сильно повышена сравнительно с противоположной: ближе ко входу эта разность составляет 40 см. Там, где выходит арка соседнего помещения, пришлось поднять пяту почти вровень с шелыгой, и кирпич свода попросту упирается в лицевую поверхность кладки арки, причем замок последней приходится ниже оболочки свода всего сантиметров на 10 (рис. 16, *3*). Свод в этом месте имеет профиль аркбутана. Третий, последний, участок кладки соответствует выходу коридора в долин; это уже собственно арка, сложенная тем же методом, что и первый участок. Сопоставляя эту начальную арку с таковой в описанном выше пандусе объекта IX, видим принципиальное различие задачи: там арка служит отправным пунктом кладки поперечных отрезков, которые на нее опираются, здесь арка, наоборот, замыкает кладку поперечных отрезков и в силу их наклонного положения врезается мысом в оболочку свода.

Крепление дверного проема. Как уже говорилось при описании усадеб, необычайно массивны нижние деревянные части проема. В шахристане они бывают не менее капитальны, но более сложны. Неоднократно наблюдалось, что на порог с внешней и внутренней сторон проема кладутся солидные брусья, связанные поперечинами вдоль щек проема. От этих деревянных частей остаются гнезда не только в щеках проема, но и в полу. Можно предположить, что такое устройство отвечало наличию деревянной перемычки. Следы от косяков наблюдаются редко. Здесь, вероятно, практиковалась система навешивания дверного

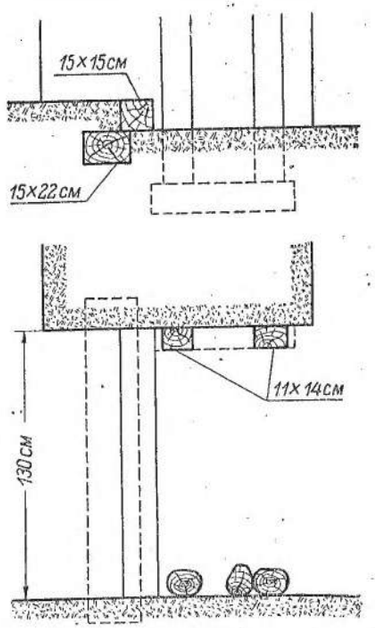


Рис. 19. Объект IX. Крепление проема.

полотнища на шипах, вращающихся в гнездах порога и перемычки, принятая в Средней Азии до самого последнего времени, которая делает косяк необязательным. Однако известен случай (на объекте IX), когда проем фланкирован стойками с каждой стороны (рис. 19). Столь же тщательное крепление про-

ема описывается С. П. Толстовым в Тешик-Кала, где пороги были даже тройными.[1]

Архитектурные детали и орнамент

Каждый сезон раскопок приносит что-либо новое в области архитектурных деталей. В 1953 г., как уже упомянуто выше, обнаружены отпечатки нижней части колонн в завале помещения 8 объекта VI. К сожалению, автору удалось наблюдать на месте лишь отпечаток одной из них — юго-восточной (рис. 20). По-видимому, можно реконструировать базу в форме кувшинчика с закругленным основанием ствола, аналогично типу деревянных баз объекта I и глиняных колонок из помещения 13 объекта III.

Большого внимания заслуживает еще одна деталь на объекте VI — отпечаток деревянной подушки в полу и след стойки круглого сечения на выступающем углу помещения 14. Неоднократно уже приходилось наблюдать признаки деревянного крепления выступающего угла стен, например в зале и на галерее объекта II, на поворотах коридора в объекте III. Столб обычно довольно большого сечения, квадратного или круглого, иногда был трактован в форме колонны, как можно судить по отпечатку базы в помещении 14 и на углах галереи северного храма. Отсюда выясняется генетический прототип характерной детали монументального зодчества Средней Азии — оформленных в виде колонны башенок — «гюльдаста», которыми украшаются выступающие углы здания. Гюльдаста, обычные на внешних углах портала (например, в медресе самаркандского Регистана, в мавзолеях Шахи-Зинда и т. д.), получают базу и нередко шаровидное основание фуста. Весьма точно имитируют деревянную колонну легкие, сформованные из алебастровых блоков и увенчанные фонарем гюльдаста мазаров ферганского типа XVIII—XIX вв., свидетельствуя о силе старой традиции.

Относительно сырцовых постаментов, фланкирующих ворота объекта II, можно предположить, что они являлись также частью ордера и служили базами пилястрам, оформлявшим главный вход храма. Следует обратить внимание на черты сходства этих баз с обычным типом базы деревянной колонны последних веков, у которой грани объема вогнуты (рис. 21).

В области живописного орнамента истекшие два года раскопок доставили более монументальные, чем прежде, образцы. Теперь можно говорить о живописных панелях и красочной орнаментации сводов.

Панель высотой 40 см северной половины айвана на объекте II, обрамленная двумя цепочками белых по черному перлов, заключает свитые спиралями ленты, обращенные попеременно вверх и вниз, исполненные красной, желтой, голубой, серой красками и прорисованные белым контуром (рис. 22). Между витками остаются небольшие поля черного фона. Кое-где на лентах имеется две-три выпуклости в виде почек. Панель в помещении 47 объекта III имеет высоту около 45 см. Живопись уничтожена пожаром, оставившим лишь слабо проступающий крупный узор красных линий у основания

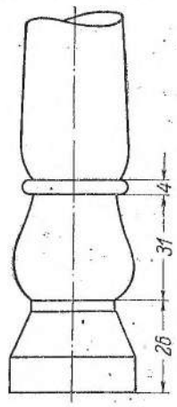


Рис. 20. Объект VI. Профиль базы колонны.

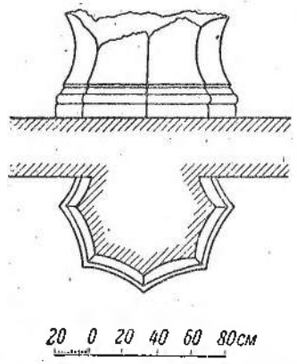


Рис. 21. Объект II. Постамент в восточном айване.

стен: сердцевидные фигуры, слагаемые встречными витками с пальметой по концам (рис. 23). Верх и основание панели отчеркнуты широкой, красной же каймой. Фон был, скорее всего, белый: по крайней мере, розовая от огня поверхность не носит следов какой-либо краски.

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 141.

Очевидно, что при обильной расписной декоровке стен покрытие — будь то свод или плоский потолок — также должно было быть богато орнаментировано. Истекшие два года раскопок дают тому подтверждение.

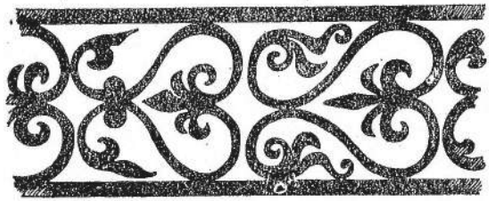


Рис. 23. Объект III. Живописная панель в помещении 47. (Реконструкция).

Остатки росписи на своде обнаружены в помещении юго-западного угла двора объекта II; уцелела часть оболочки свода в помещении 10 объекта VI (рис. 24). Интересно, что в обоих случаях использована тема ромбической сетки с заполнением ячеек, как и в нише объекта II,[1] но в различных вариантах. Первый из них элементарен по краскам и рисунку. Второй, напротив, поражает богатством рисунка и красок: сетку составляют пунцовые с желтой каймой листья, скрепляемые желтыми дисками. Ячейки заняты трехлопастной фигурой серого тона с пунцовой сердцевиной и двумя желтыми витками у основания на желтой ножке. Рисунок нанесен свободно без шаблона, поэтому форма и размеры отдельных частей не совпадают. Прихотливый рисунок и свежее сочетание красок на белом фоне создавали в полутемном помещении чудесную декоровку.

Открыт, наконец, новый вид орнамента — резное дерево. В помещении 47 объекта III под грудой прогонов и балок потолка показались разбросанные по периметру зала резные доски около 145 см длины, 35—40 см ширины и 10—14 см толщины.[2] Лицевая поверхность многих из них украшена ближе к концам двумя круглыми углублениями в виде чаш около 22 см в поперечнике. «Чаши», снабженные на донце розеткой, обрамлены кольцом перлов, а остальная поверхность досок была украшена резьбой, за исключением двух гладких бордюров по краям шириной около 4 см. Мотивом резьбы служила виноградная лоза с гроздьями и листьями (рис. 25). Концы досок на ширину 8—10 см оставались необработанными, так как укладывались на потолочную балку. Очевидно, колонны поддерживали прогоны покрытия, оставлявшего свободной среднюю часть, дававшую доступ свету и воздуху. Орнаментированные доски украшали перекрытие по четырем сторонам, вернее всего — поперечно стенам. Каким образом они были расположены, как лежали балки, прогоны? Ответ на эти вопросы может подсказать лишь тщательное изучение формы и взаимного расположения обгоревших частей потолка.

Исполнение резного орнамента мастерское. Рисунок лозы с вырезным листом, крутыми

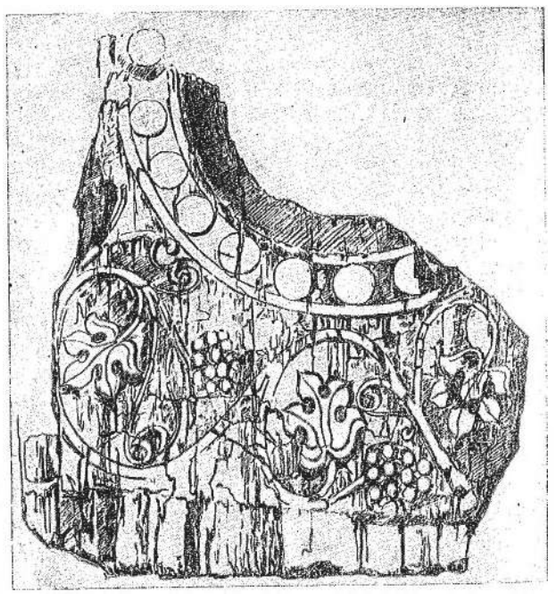


Рис. 25. Фрагмент резной доски из помещения № 47 здания III. Рисунок автора.

витками стебля и усиками сделан рельефом в 0.5 см высотой на плоском фоне и имеет плоскую же поверхность с моделировкой отдельных частей.

Пенджикентское резное дерево представляет огромный интерес как по своей художественной ценности, так и как наиболее ран-

[1] В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пянджикента. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, стр. 127, рис. 21.

[2] Впрочем, не все доски этого типа оказались резными.

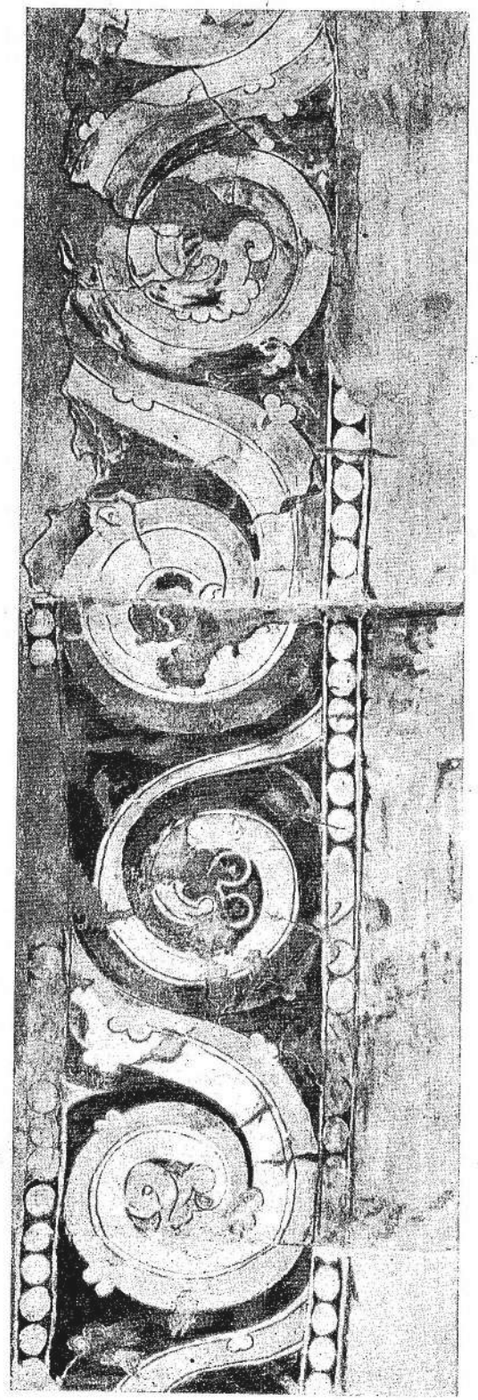


Рис. 22. Объект II. Живописная панель в восточном айване.

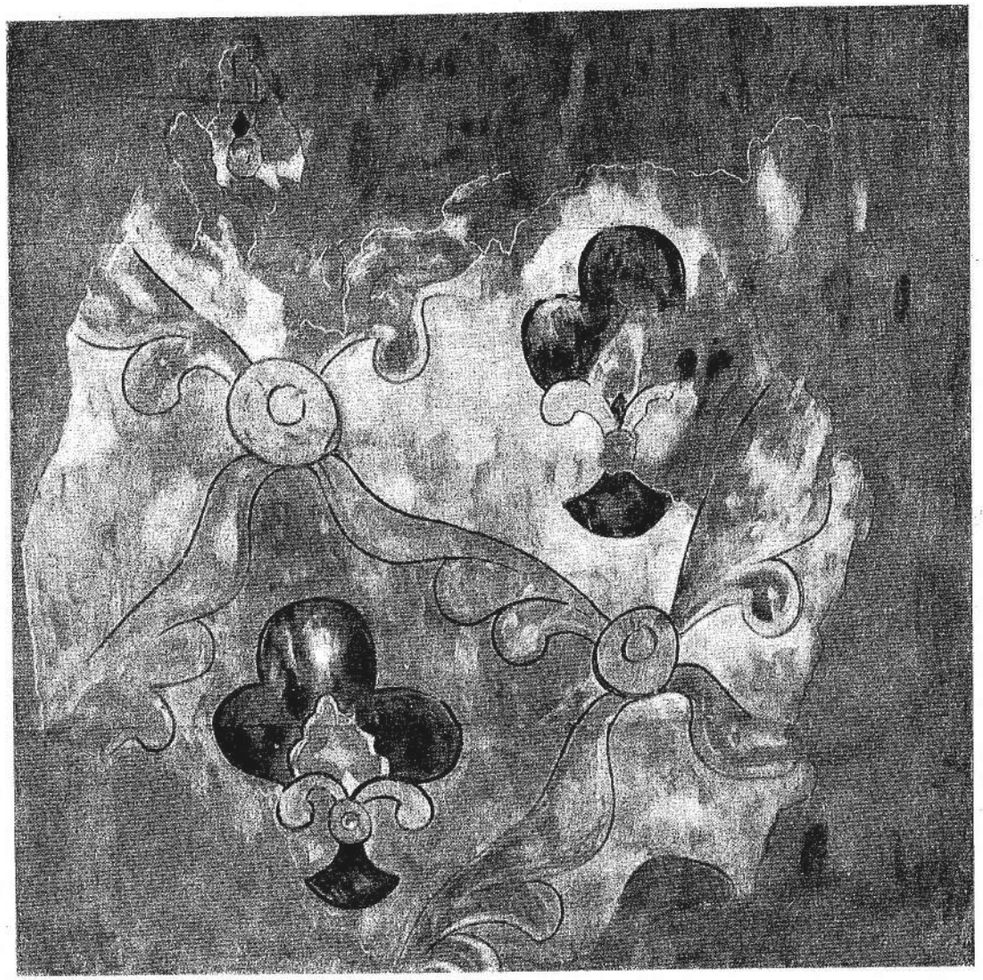


Рис. 24. Объект VI. Живописный орнамент свода в помещении 10.

ний памятник этого вида декоровки в Средней Азии.

Среди примерно одновременного пенджикентскому орнаменту материала намечаются параллели в живописной и резной декоровке Варахши. На Варахше обнаружены живописные бордюры, сходные по рисунку с панелью объекта II. Стуковый орнамент Варахши развивает тему ромбической сетки в различных вариантах; на варахшинских стуковых рельефах изображалась виноградная лоза, однако по рисунку и технике отличная от пенджикентской.[1]

В 1955 г. раскопками городища Шахристан II в Шахристане Уратюбинского района открыты образцы резного дерева, весьма близкие по стилю и технике, а также, видимо, и по времени резному дереву древнего Пенджикента.

В целом пенджикентский орнамент несомненно лежит в русле развития среднеазиатской декоровки и, в частности, послужил основой таджикскому орнаменту, что нетрудно показать на примере широкого анализа средневековых и современных памятников.

Год за годом накапливаются материалы по архитектуре древнего Пенджикента. Все более выясняются строительные и планировочные приемы, открываются новые средства художественного убранства. В ближайшем будущем эти материалы явятся базой для широких обобщений по истории архитектуры не только в области Согда, но всей Средней Азии.

[1] В. А. Шишкин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. ТОВЭ, IV, Л., 1949, рис. 17, 27, 62.

t.me/archeotajik

О. И. СМИРНОВА

МОНЕТЫ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

С 1947 г. на пенджикентском городище ведутся археологические работы. За истекшее время найдено свыше 1000 монет, составивших богатейшее собрание, главную и ценнейшую часть которого образуют согдийские монеты раннего средневековья. Это собрание принадлежит Институту археологии и истории АН Таджикской ССР. По количеству входящих в него согдийских монет и по разнообразию их типов оно не имеет себе равного ни в Советском Союзе, ни за его пределами.

Значение пенджикентского собрания монет для изучения истории раннесредневекового Согда велико. Прежде всего оно позволяет составить, правда еще в общих чертах, представление о монетном деле Согда, о котором до сих пор мы не имели почти никаких сведений. Не менее важны его материалы для освещения ряда вопросов экономической, политической и культурной жизни раннесредневекового Согда. Наконец, этот материал имеет определенное значение и для иранского языкознания, так как пополняет наши сведения о словаре согдийского языка.

Целью данной статьи является публикация и предварительное исследование собрания монет пенджикентского городища, так как до настоящего времени опубликованы нумизматические находки только 1947 и 1948 гг., об остальных же имеются только предварительные сообщения.[1] В этой связи в настоящей работе издаются монеты, найденные при раскопках 1949, 1950 гг. и 1952—1954 гг; материалы 1951 г. не рассматриваются, так как поступили к автору после завершения работы по описанию монет городища.

В 1949—1954 гг. работы на городище производились на нескольких объектах одновременно. Главное внимание археологов было, по-видимому, направлено на исследование трех крупных жилых массивов, сосредоточенных в восточной части города: один — в его северо-восточном углу, у городской стены (объект IX), второй — в непосредственной близости от него, несколько юго-западней (объект III), и третий в юго-восточном углу городища, у городской стены (объект VI). Кроме того, за это время были частично раскопаны в той же восточной части городища остатки отдельных построек (объект XIII к северу от объекта VI и объект VII — между объектом VII и III). Затем были вскрыты остатки здания у северной городской стены (объект XI), между ней и объектом II и остатки крупной постройки у городских ворот в южной части городища (объект V) и начаты работы в юго-западной части города в районе главной стены (объект XII). Кроме того, в разное время производились дополнительные работы по вскрытию двух храмовых комплексов (объекты I и II, раскопки на которых были начаты в 1947 г.), главным образом на еще полностью не раскрытых площадках, прилегающих к ним дворов и оград. Вне стен внутреннего города, к югу от него, вскрыта группа погребальных построек — наусов, а к востоку — исследовано несколько отдельных пригородных построек (объект VIII).

На городище за указанные сезоны найдено 962 монеты, целых и в фрагментах, в том числе

[1] См. мои заметки и статьи: МИА, № 15, 1950, стр. 224—232; КСИИМК, 28, 1949, стр. 97—100; КСИИМК, 55, 1954, стр. 48—52; КСИИМК, 60, 1955, стр. 97—102; ЭВ, X, 1955, стр. 3—13.

два клада, один из которых состоит из 129 медных монет (найден на объекте II), другой из 8 (найден на объекте XII).[1] Самыми многочисленными оказались находки на объектах I, II и IX, на первом из которых найдено 302 монеты, а на втором — 340 монет; меньшее, но все же весьма значительное количество монет обнаружено на объектах III — 108 экз. и VI — 158 экз. Основная масса находок состоит из медных монет плохой сохранности, в большинстве своем сильно окисленных и поломанных, из которых удалось с достаточной полнотой определить 621 экз., из них 472 оказались согдийскими монетами VII—VIII вв., составившими вместе с 172 согдийскими монетами, не определенными точнее из-за плохой сохранности, примерно $^3/_4$ всех находок на городище (644 из 962 экз.). Другая значительная группа монет состоит из 153 арабских фельсов времени аббасидского халифа Мансура (754—775 гг.), в том числе 43 неопределенных фельс того же времени. Кроме этих двух основных групп, среди находок оказалась кушанская монета (медь), единичные экземпляры согдийских подражаний образцу, восходящему к античным монетам (серебро), эфталитские и согдийские подражания образцам, восходящим к сасанидским драхмам (серебро), одна китайская монета (медь), монета тюргашей (медь) и др. Таким образом, диапазон нумизматического материала городища представляется весьма значительным и охватывает период от первых веков нашей эры до второй половины VIII в..

Согдийская медь представлена монетами разных типов, принадлежащими верховным правителям Согда (ихшидам), удельным правителям, а также монетами вассальных по отношению к ихшидам князей, главным образом Усрушаны (районы к северу от р. Зарафшана между ней и р. Сыр-Дарьей) и Чача (древнее название Ташкентской области, в которую входили земли, орошаемые реками Чирчик и Ангрен).

На согдийских монетах выпускных данных не помещалось, и нам обычно остается неизвестным, когда и где выпущено большинство из них. Единственным материалом, имеющим достоверную датировку, являются монеты с именами согдийских ихшидов, время царствования которых устанавливается на основании сведений, имеющихся в письменных источниках. Для многих монет других типов таких сведений нет; можно лишь установить, с какими монетами ихшидов некоторые из них синхронны; в этой связи датировка многих из них все еще относительна. Рассчитывать на то, что в письменных памятниках найдутся какие-либо новые конкретные данные (имена, даты) не приходится, так как скудость указаний источников в этом отношении достаточно хорошо известна. Мугские документы начала VIII в. н. э. (архив пенджикентского феодала Диваштича), единственный сейчас наш ранний источник, еще не опубликованы.

В свете вышесказанного особое значение приобретают археологические данные. По разным причинам до настоящего времени на монеты не обращалось должного внимания, и их данные не увязывались со стратиграфическими наблюдениями. В этой связи для хотя бы относительной датировки новых типов согдийских монет и проверки уже сделанных выводов приходится ограничиваться случайными сведениями, и археологический материал не только остается почти неиспользованным, но и сам не получает должного освещения. Между тем исследование монет в свете археологических данных поможет установить более дробные, чем это делалось до настоящего времени, хронологические этапы жизни на городище.

Для полного освещения вопроса следует рассматривать нумизматический материал неотрывно от данных археологии, стратиграфии, предметных находок и пр. Только при таких условиях может быть успешным изучение нового источника — согдийских монет.

Большое количество монет, их широкий хронологический диапазон и разнообразие определили настоящую форму публикации.

В начале статьи дается список монет в хронологическом порядке; в него включены все те монеты, которые получили достаточно полное определение; нумерация принята сквозная (1—533) с тем, чтобы сделать более удобным использование материалов и ссылки на них. Размер, вес, соотношение матриц, сохранность, №№ экспедиционной описи (год, объект, номер и место находки) даются в конце списка монет (см. Приложение I). За списком следует анализ («Пояснения», стр. 240—260) приведенных

[1] Описание кладов см.: ЭВ, X, стр. 3—13.

в списке материалов (филологический, исторический и др.) под соответствующими номерами монет. Третий раздел «Некоторые вопросы истории Согда» (стр. 261—278) состоит из четырех небольших очерков, посвященных различным вопросам истории раннесредневекового Согда и его монетного дела. Эти вопросы затронуты лишь в той мере, в какой они связаны с обработкой настоящего нумизматического материала.

К статье прилагается список монет (приложение 2), не поддающихся определению из-за их плохой сохранности с тем, чтобы заинтересованные лица могли составить себе полное представление о монетных находках на городище. В дополнительный список включены экземпляры, определенные по разным причинам позднее и не вошедшие вследствие этого в основной список.

I. СПИСОК МОНЕТ

§ 1. КУШАНЫ (МЕДЬ)

1. Монета Кадфиза I, так называемого безыменного царя (I в. н. э.).

Лиц. Погрудное изображение царя вправо.

Об. Всадник на коне вправо.

Прочие детали оформления типов лицевой и оборотной сторон стерты. (Табл. I, *1*).

§ 2. МОНЕТЫ АНТИЧНОГО ТИПА (СЕРЕБРО)

2—5. Четыре серебряных небольших монеты, несколько выгнутые к лицевой стороне.

Лиц. Голова царя, повернутая влево. Изображение контурное — точками и штрихами. Короткие волосы (переданы изогнутыми штрихами) спускаются беспорядочными густыми прядями на лоб и затылок.

Об. Фигура стоящего человека; в левой руке лук, в правой палица вниз (передана тремя точками); ступни ног повернуты влево. (Табл. I, *2*).

§ 3. МОНЕТЫ КИТАЙСКИЕ (МЕДЬ)

6. Монета династии Северных Чжоу (575—579 гг.).

Лиц. Бу-цюань.

Об. Гладкая без отличий.

Квадратное отверстие обрамлено рамкой; по краю монетного кружка ободок.

Тип, как № 12 на табл. IV, S. Chaudoir. Recueil de monnaies de la Chine, du Japon, de la Corée, d'Unnam et de Java. . . St.-P., 1842, стр. 16 (Табл. I, *3*).

7. Эфталитское подражание монетам Пероза I (459—484 гг.); вторая половина V в.

§ 4. МОНЕТЫ САСАНИДСКОГО ТИПА (СЕРЕБРО)

Лиц. Подражание портрету Пероза. Перед лицом надпись (неразобранная) из одного слова. Все в круге из тесно поставленных продолговатых точек. На поле за точечным кругом четыре симметрично расположенных (крест-накрест) крупных точки.

Об. Подражание оборотной стороне монет того же царя; слева литера м (пехлевийским письмом); справа надпись.

Все в круге из тесно поставленных продолговатых точек. (Табл. I, *4*).

8. Бухарское подражание образцу, восходящему к драхмам Варахрана V (421—438 гг.); вторая половина VII в.—первая четверть VIII в.

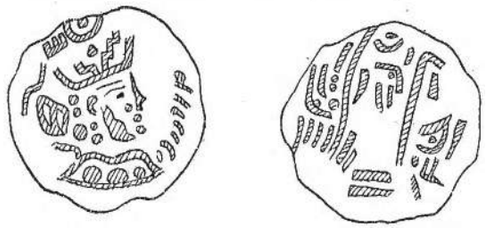


Рис. 1.

Лиц. Подражание портрету Варахрана V; изображение контурное — точками и штрихами; перед лицом надпись письмом арамейского происхождения pwγ'r γwβ k'n' (?) 'государь Бухары Кана'. Слева от венца остатки искаженной надписи пехлевийским письмом. Все в точечном круге.

Об. Подражание оборотной стороне монет того же царя; изображения кон-

турные — точками и штрихами различной величины. (Рис. 1).

9. То же.

В трех фрагментах.

10—13. Аббасидское подражание образцу, восходящему к драхмам Варахрана V (421—438 гг.); вторая половина VIII в.

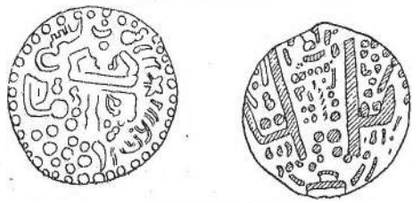


Рис. 2.

На лицевой стороне над венцом царя слева от него вместо искаженной пехлевийской надписи арабская легенда بسمى 'во имя мое'. (Рис. 2; табл. 1, *5*).

14. То же. Не позже 759 г.

Рис. 3.

На лицевой стороне над венцом слева арабская легенда, содержащая имя наместника Хорасана и будущего халифа المهدى 'ал-Махди'. (Рис. 3; табл. I, *6*).

15. То же. Обломана по краям.

16. Самаркандское подражание образцу, восходящему к драхмам Варахрана V (время правления 421—438 гг.); не ранее 738 г.

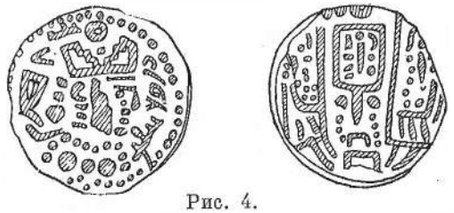


Рис. 4.

Лиц. Как №№ 10—13. Над венцом вместо полумесяца кружок. Перед лицом царя надпись согдийским письмом из одного слова twrγ'r 'Турґар'.

Все в круге из крупных точек.

Об. Как на предыдущих экземплярах. Бюст царя повернут влево и заключен в прямоугольную рамку. Над рамкой согдийская надпись, от которой сохранились только верхние части отдельных букв; вся остальная надпись срезана краем монеты.

Все в сплошном круге. Монета не издана. (Рис. 4; табл. I, *7*).

§ 5. МОНЕТЫ СОГДИЙСКОГО ТИПА (МЕДЬ)

1. Ихшиды Согда

17—23. Шишпир; без обозначения места и года выпуска (вторая четверть VII в., Самарканд или Кеш).

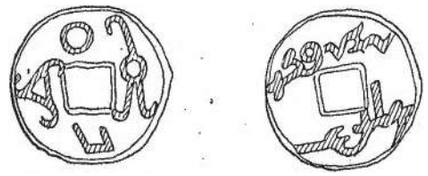


Рис. 5.

Лиц. Четыре знака, расположенных крест-накрест: над квадратным отверстием ⊙, под ним ⊍; справа знак ⅄, повернутый влево; слева знак ⅄, повернутый вправо.

Об. Надпись в две строки: šyšpyr | MLK' — «ихшид Шишпир». Квадратное отверстие заключено в рамку; по краю монетного кружка ободок. Вариантов нет. (Рис. 5; табл. II, *1*).

Тип, как №№ 1—17 в «Материалах»[1], стр. 23 и 24.

24—83. Вахшуман; без обозначения места и года выпуска (650/655—696 гг., Самарканд).

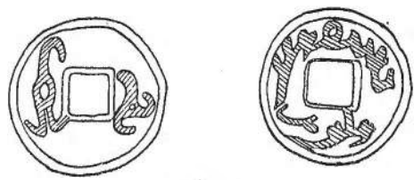


Рис. 6.

Лиц. Два знака: слева от квадратного отверстия знак §, повернутый впра-

[1] ЭВ, VI, 1952, стр. 3—45.

во; справа знак , повернутый влево.

Об. Надпись в две строки: βγšwm'n | | MLK' 'ихшид Вахшуман'. Квадратное отверстие заключено в рамку; по краю монетного кружка ободок. Вариантов нет. (Рис. 6; табл. II, *2*).

Тип, как №№ 1—9 в «Материалах», стр. 25.

84. Тукаспадак; без обозначения места и года выпуска (Самарканд, 696—698 гг.).

Рис. 7.

Лиц. Два знака: справа от квадратного отверстия знак , повернутый влево; слева знак , повернутый вправо.

Об. Надпись в две строки: twk'sp'δ'k | | MLK' 'ихшид Тукаспадак'.

Квадратное отверстие заключено в рамку; по краю монетного кружка ободок.

Тип, как №№ 1—9 в «Материалах», стр. 25—26. (Рис. 7; табл. II, *3*).

85—88. m'rtn nw...; без обозначения места и года выпуска [Самарканд, 698—700 (?) гг.].

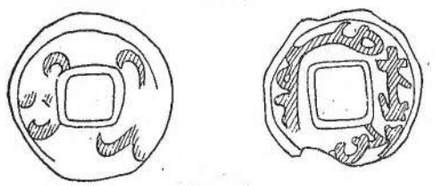


Рис. 8.

Лиц. Два знака: справа от квадратного отверстия знак , повернутый влево; слева знак , повернутый вправо (?).

Об. Надпись в две строки: m'rtn nw... | MLK' — 'ихшид...'

Квадратное отверстие заключено в неширокую рамку; по краю монетного кружка ободок. Вариантов нет. (Рис. 8; табл. II, *4*).

Тип, как №№ 1—5 в «Материалах», стр. 32—33.

89—94. Тархун; без обозначения места и года выпуска [Самарканд, 700 (?)—710 гг.].

Рис. 9.

Лиц. Два знака: справа от квадратного отверстия знак повернутый влево; слева знак .

Об. Надпись в две строки: trγwn | MLK, 'ихшид Тархун'.

Квадратное отверстие заключено в неширокую рамку; по краю монетного кружка ободок. Вариантов нет. (Рис. 9; табл. II, *5*).

Тип, как №№ 1—25 в «Материалах», стр. 26—28.

95—97. Гурек; без обозначения места и года выпуска (Самарканд, 710(?)—738 гг.).

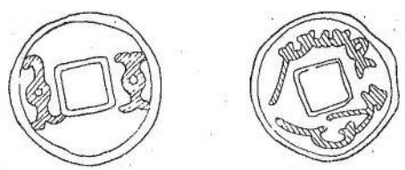


Рис. 10.

Лиц. Два знака: справа от квадратного отверстия знак ; слева знак , повернутый влево.

Об. Надпись в две строки: 'wγrk | MLK' 'ихшид Гурек'.

Квадратное отверстие заключено в неширокую рамку; по краю монетного кружка ободок. Вариантов нет. (Рис. 10; табл. II, *6*).

Тип, как №№ 1—16 в «Материалах», стр. 28—29.

98—108. Тургар; без обозначения места и года выпуска (Самарканд, 738—? гг.). Тип а.

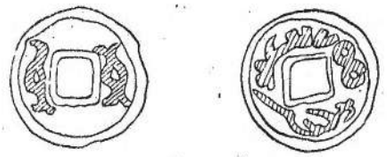


Рис. 11.

Лиц. Два знака: справа от квадратного отверстия знак , повернутый влево; слева знак .

Об. Надпись в две строки: twrγ'r | | MLK' 'ихшид Тургар'.

Квадратное отверстие заключено в рамку; по краю монетного кружка — ободок. Вариантов нет. (Рис. 11; табл. II, *7*).

Тип, как №№ 1—7 в «Материалах», стр. 29—30.

109—154. То же; тип б.

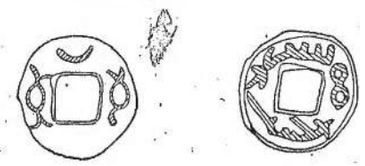


Рис. 12.

Лиц. Сверху над квадратным отверстием знак ◡, имеющий форму полукруга, обращенного концами к внешнему краю монетного кружка; справа знак ; слева знак .

Как знаки, так и надписи выполнены несколько небрежно; начертания их искажены; рельеф необычно высокий. Вариантов нет. (Рис. 12, табл. II, *8*).

Тип, как №№ 1—21 в «Материалах», стр. 30—31.

155—184. Неизвестный ихшид [Укар(?)]; без обозначения места и года выпуска [Самарканд (?), первая четверть VIII в. (?)].

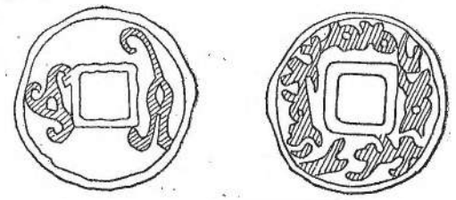


Рис. 13.

Лиц. Два знака: справа от квадратного отверстия знак , повернутый влево; слева знак , повернутый вправо.

Об. Надпись в две строки: 'wkr prtr-m'wk' | MLK' 'ихшид Укар (?) старший жрец (?)'.

Квадратное отверстие заключено в рамку; по краю монетного кружка — ободок. Вариантов нет. (Рис. 13; табл. III, *1*).

Тип, как №№ 1—15 в «Материалах», стр. 22—23.

185—186. Неизвестный ихшид (?); без обозначения места и года выпуска.

Лиц. Два знака: справа от квадратного отверстия знак , повернутый влево; слева знак , повернутый вправо.

Об. Надпись в две строки: MLK' | | wnwk (?).

Квадратное отверстие заключено в узкую рамку; по краю монетного кружка ободок. Вариантов нет.

Тип, как №№ 1—5 в «Материалах», стр. 31—32.

187—210. Подражание монетам ихшида Гурека; без обозначения места и года выпуска [Самарканд, третья (?) четверть VIII в.].

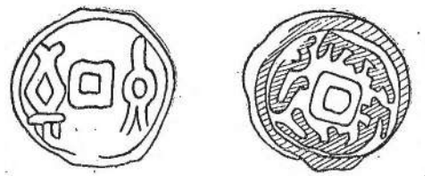


Рис. 14.

Лиц. В поле посредине четырехугольная рамка (имитация квадратного отверстия); слева от рамки знак ; справа знак , повернутый влево.

Об. В поле посредине четырехугольная рамка такая же, как на лицевой стороне; рамка окружена надписью в одну строку из двух слов wγrk MLK' 'ихшид Гурек'.

По краю монетного кружка — широкий ободок. (Рис. 14; табл. III, *2*).

Тип, как №№ 1—7 в «Материалах», стр. 33—34.

2. Удельные правители Согда

211. Ахурадат; Рагфан (?); без обозначения года выпуска (вторая половина VIII в.).

Рис. 15.

Лиц. Погрудное изображение правителя; лицо в профиль, повернутое вправо. Изображение контурное — точками и штрихами. Глаз (большой, продолговатый) передан двумя штрихами, верхний из которых охватывает нижний; бровь — изогнутым штрихом; нос (прямой и крупный) передан одним штрихом; крылья носа — одной точкой; губы — двумя точками крупней; усы — изогнутым штрихом от верхней губы под углом вниз; в ухе серьга. Борода густая и короткая, передана точками различной величины; волосы, собранные пучком на затылке, — пятью крупными завитками. На голове крылатый венец с низко поставленным полумесяцем; венец сверху пересечен точечным кругом и срезан краем монеты. Ворот одежды передан двумя изогнутыми линиями; под каждой три точки. Перед лицом надпись из одного слова prn «благодать». Все в круге из крупных точек.

Об. В поле посредине четырехугольная широкая рамка (имитация квадратного отверстия). В рамке надпись: βγγ 'владыка', 'государь'. Круговая легенда: rγβ'n'k (?) | γwβ | γwrδt | 'царь Рагфанский (?) Ахурадат .

По краю монетного кружка — широкий ободок (рис. 15; табл. III, *3*).

Тип, как № 2 в «Материалах», стр. 36.

212. Неизвестный правитель.

Рис. 16.

Лиц. В поле, в круге из точек, почти полностью стертое погрудное изображение царя в крылатом венце (детали стерты).

Об. Внизу в поле родовой знак ихшидов Согда «Дома Кан» . Знак стерт и обрезан краем монеты. Над знаком надпись крупным полукурсивом в две строки; начало верхней строки стерто: . . .yrt | MLK' 'ихшид . . .'. (Рис. 16).

213. Неизвестный правитель.

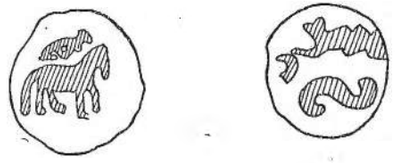


Рис. 17.

Лиц. Конь идущий вправо; задняя левая нога согнута; над спиной коня надпись слева направо (так!); выполнена полукурсивом: γwβ — «царь»; под ногами коня остатки стертой второй надписи.

Об. В поле внизу знак ; над знаком надпись, начало которой срезано краем монетного кружка; отдельные письмена надписи слились: 'šr'k (?) 'Ашрак' (?).

По краю монетного кружка неширокий ободок. (Рис. 17, табл. III, *4*).

214—218. То же, вариант.

Лиц. Как у предыдущей монеты.

Об. Гладкая без отличий.

В противоположность монете № 213, монеты №№ 214—218 отчеканены, а не отлиты.

3. Вассалы ихшидов Согда

а) Пенджикент

219—227. Амогйан; Панч; без обозначения года выпуска (Пенджикент, VII в.).

Рис. 18.

Лиц. Два знака: справа от квадратного отверстия знак ; слева знак .

Об. Надпись круговая: pnčy MR'Yn (?)'m'wky'n 'афшин Панча Амогйан'.

Квадратное отверстие заключено в неширокую рамку; по краю монетного кружка ободок. Вариантов нет. (Рис. 18; табл. III, *5*).

Тип, как № 30 в «Монетных находках», стр. 78.

228—248. Безыменная царица (?); Панч; без обозначения года выпуска (Пенджикент, время правления неизвестно).

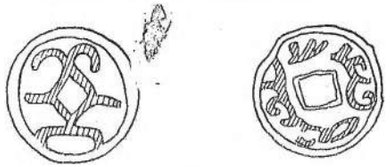


Рис. 19.

Лиц. В центре посредине монетного кружка знак ; знак крупных размеров; расположен знак таким образом, что его центральная часть служит рамкой для квадратного отверстия.

Об. Круговая надпись из трех слов: pncy ''δ . . . . . h (надпись не прочтена) 'Панча верховная (царица?)'.

Квадратное отверстие на оборотной стороне заключено в узкую рамку. По краю монетного кружка неширокий ободок. Вариантов нет. (Рис. 19; табл. III, *6*).

Тип, как №№ 31—40 в «Монетных находках», стр. 78.

249—275. Безыменная царица (?); Панч; без обозначения года выпуска (Пенджикент, время правления неизвестно).

Рис. 20.

Лиц. Как №№ 229—249; вариант знака .

Об. Круговая надпись из трех слов: pncy ''δβ . . . . h (надпись не прочтена) 'Панча верховная (царица?)'.

Квадратное отверстие обрамлено узкой рамкой; почти на всех экземплярах оно пробито дополнительно и (при плохой сохранности монетных кружков) имеет скорее округлую форму. По краю монетного кружка узкий ободок. Вариантов нет. (Рис. 20; табл. III, *7*).

Предварительная публикация см.: №№ 55—88 в «Монетных находках», стр. 75.

276—390. Бидйан; Панч; без обозначения года выпуска [Пенджикент, первая (?) четверть VIII в.].

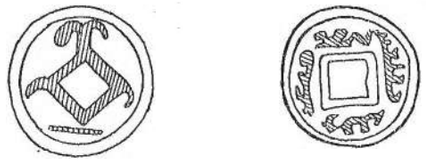


Рис. 21.

Лиц. Как №№ 229—249; вариант знака ;

Об. Круговая надпись: γwβ pncy MRY' βуδу'n 'царь афшин Панча Бидйан'.

Квадратное отверстие со стороны оборотной обрамлено узкой рамкой; по краю монетного кружка неширокий ободок. Вариантов нет. (Рис. 21; табл. III, *8*).

Тип, как №№ 1—6 в «Материалах», стр. 34, 35; предварительная публикация см.: № 30 в «Монетных находках», стр. 78.

б) другие центры Согда

391—403. Монета китайского образца неизвестного правителя; без обозначения места и года выпуска.

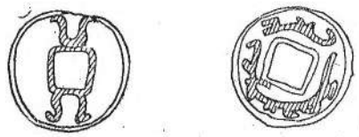


Рис. 22.

Лиц. В центре посредине знак ; знак больших размеров и занимает все поле монетного кружка; расположен знак таким образом, что его центральная часть служит рамкой для квадратного отверстия.

Об. Круговая надпись: βγу β'mrytk 'владыка светлоликий' или 'божественный Вамритак'.

Квадратное отверстие заключено в узкую рамку; по краю монетного кружка ободок. Вариантов нет. (Рис. 22, табл. IV, *1*).

Предварительная публикация см.: №№ 53—54, «Монетные находки», стр. 78.

в) Усрушана и Чач

404—421. Царь trnβ'; без обозначения места и года выпуска (VII—VIII в.).

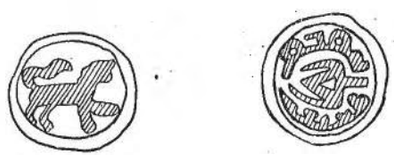


Рис. 23.

Лиц. В поле посредине бегущий влево лев; грива в крупных завитках; пасть широко открыта; хвост поднят и загнут над спиной; левая передняя лапа поднята и согнута.

Об. В поле посредине знак , повернутый влево; концы знака несколько загнуты внутрь; знак окружен надписью в две строки: γwβw | trnβ' — 'царь trnβ'.

По краю монетного кружка широкий плоский ободок. (Рис. 23; табл. IV, *2*).

Тип, как №№ 1—17 в «Материалах», стр. 39—40.

422. Неизвестный правитель (VIII в.).

Рис. 24.

Лиц. В центре знак , повернутый влево; под знаком следы стертой надписи.

Об. Надпись в четыре (?) строки; во второй строке читается слово γwβ 'царь'; остальная часть надписи затерта. (Рис. 24; табл. IV, *3*).

423. Неизвестный правитель (VIII в.).

Лиц. Стерта.

Об. Полустертый знак , повернутый влево; следы стертой надписи.

424. Неизвестный правитель (VIII в.).

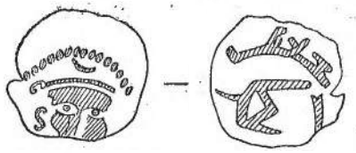


Рис. 25.

Лиц. Погрудное изображение правителя. Нижняя часть лица срезана краем монеты. Лицо с высокими скулами, крупным носом и большими глазами. Изображение выполнено схематично; нос, брови и веки глаз переданы штрихами; зрачки — точками. На голове тонкий обруч с низко поставленным полумесяцем посредине. Все в круге из тесно поставленных крупных точек.

Об. В центре в поле знак , обращенный вправо; над знаком отрывок надписи: . . . yrt. Остальная часть срезана краем монеты.

Монета чеканенная, а не литая. При чеканке штемпель сместился и не попал полностью на монетный кружок. (Рис. 25).

Издание монеты см.: «Материалы», стр. 43, тип. II, № 1.

425. Неизвестный правитель VIII в. (?).

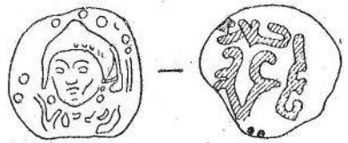


Рис. 26.

Лиц. Погрудное изображение правителя в головном уборе в виде колпака, спускающемся на уши; в ушах серьги; голова повернута в три четверти.

Об. В поле посредине знак ; кругом знака надпись (над ним и слева от него): βγу . . . prn 'божественный . . . благодатью'. (Рис. 26; табл. IV, *4*).

426. Неизвестный правитель.

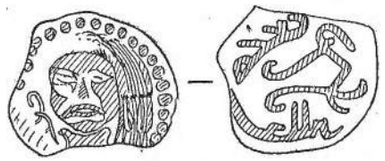


Рис. 27.

Лиц. Погрудное изображение правителя. Ни венца, ни головного убора нет. Волосы переданы четырьмя толстыми спускающимися слева до плеч изогнутыми штрихами (косы?); волосы перебраны в двух местах тесьмой (?) ниже уха и слева над виском (от лба к затылку). Глаза глубоко посажены; веки переданы двумя изогнутыми штрихами, верхний из которых пересекает нижний; скулы высокие; нос тупой и короткий; над губами свисают усы; подбородок округлый. Все лицо имеет явно выраженный тюркский тип. Слева от лица вдоль щеки надпись согдийским курсивом prn 'благодать'. Все в круге из крупных точек.

Об. В поле посредине вариант (?) знака на предыдущей монете ; знак обрамлен надписью в две строки; начало верхней срезано обломанным краем монеты; надпись не разобрана. (Рис. 27, табл. IV, *5*).

427. Неизвестный правитель.

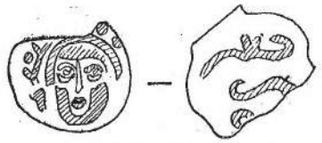


Рис. 28.

Лиц. Контурное изображение лица с полными щеками и округлым большим подбородком; нос передан длинным прямым штрихом; глаза подчеркнуто большие, широко открытые; веки переданы двумя изогнутыми штрихами, зрачки — точками, небольшой пухлый рот — двумя точками. На голове низко надета диадема в виде обруча. Справа следы отдельных букв. Все в круге из крупных точек.

Об. В поле знак ; знак почти полностью стерт и обрезан отломанным краем монеты (сохранившаяся часть передана на рисунке сплошными линиями); знак был обрамлен надписью; надпись, как и знак, почти стерта и не читается. (Рис. 28; табл. IV, *6*).

428—429. Неизвестный правитель.

Лиц. Погрудное изображение правителя; лицо тюркского типа, чуть повернуто влево; глаза большие миндалевидные; веки переданы двумя изогнутыми штрихами, зрачки — точками; нос короткий; рот закрыт свисающими усами; в левом ухе крупная грушевидная серьга, волосы зачесаны (заплетены в десять мелких кос, переданных десятью штрихами ?) от лба назад к затылку. Поверх нижней одежды надета другая — род кафтана с расходящимися краями спереди.

Рис. 29.

Об. Стерта (гладкая?). (Рис, 29; табл. IV, 7).

430. Неизвестный правитель.

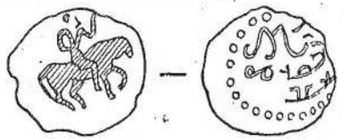


Рис. 30.

Лиц. Всадник, едущий вправо; левая рука всадника согнута в локте и поднята

перед лицом; в правой согнутой руке всадник держит повод. Повод свободно отпущен. На всаднике одежда типа кафтана, открытого на груди до пояса. Прочие детали стерты. Голова у всадника срезана краем монеты.

Об. В поле знак — вариант(?) знака на монетах №№ 425—427. Под знаком располагается надпись, как и знак, частично стертая: ?yrwβ̌ tw | . . . rcβ. Все в круге из точек. (Рис. 30; табл. IV, *8*).

431. Неизвестный правитель.

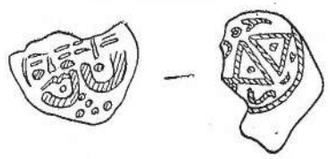


Рис. 31.

Лиц. Два погрудных изображения; одно — правое, больших размеров. Лица (с высокими скулами) тюркского (или китайского?) типа; левое лицо — мужское с свисающими усами; правое — женское или юношеское. Овалы лиц грубо подчеркнуты толстыми линиями. Брови, глаза и нос переданы прямыми тонкими штрихами; губы и подбородок — точками разной величины; высокие скулы — двумя крупными точками; усы — двумя изогнутыми к низу штрихами. Под изображениями (между ними) — пять малых точек. Изображения почти стерты и едва различимы; верхняя их часть не сохранилась.

Об. В поле посредине сложный знак . Знак был, видимо, обрамлен надписью, от которой сохранились отдельные письмена. Все в сплошном линейном круге. (Рис. 31; табл. IV, *9*).

432. Неизвестный правитель.

Лиц. Два погрудных изображения; одно из них — правое, крупней и несколько перекрывает левое. Лицо левого изображения почти полностью стерто; волосы на прямой пробор, переданы тремя изогнутыми штрихами (косы?) до плеч. Все в круге из крупных точек.

Об. Полустертый рисунок из прямых линий, как на предыдущей монете.

433. Неизвестный правитель.

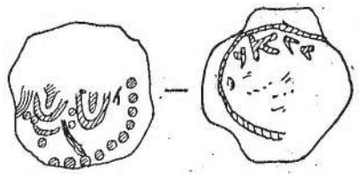


Рис. 32.

Лиц. В поле в центре два погрудных изображения таких же, как на монетах №№ 431 и 432 списка. Волосы на прямой пробор (у левого изображения) переданы тремя изогнутыми штрихами (косы?) до плеч. Все в круге из крупных точек. Изображения почти полностью стерты.

Об. Почти полностью стерта; сохранились остатки (отдельные знаки) круговой надписи унциальным письмом, свойственным монетам районов Бухары. (Рис. 32).

§ 6. МОНЕТЫ ТЮРГЕШСКИЕ

434. Безыменная монета с титулом тюргеш-хакан (βγγ twrkyš γ'γ'n) без обозначения места и года выпуска (вторая или третья четверть VIII в.). (Рис. 33).

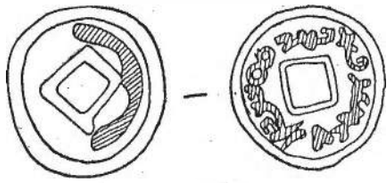


Рис. 33.

Тип, как тип первый, описанный А. Н. Бернштамом.[1]

[1] А. Н. Бернштам. Тюргешские монеты. ТОВЭ, II, Л., 1940, стр. 105—108 (в статье передача легенды уйгурским письмом и транскрипция ее не верны).

§ 7. АББАСИДСКИЕ ФЕЛЬСЫ

435—446. Да'ӯд, сын Гураза; Самарканд; 143 (760—761) г. х.

Лиц. В поле в круге из точек: لا اله | الا الله | وحده ‘Нет божества, кроме Аллаха единого’. Круговая легенда: بسم الله ضرب بسمرقند سنة ثلث واربعين و مئة ‘Во имя Аллаха! Выбит в Самарканде в году 143’.

Об. В поле в круге из точек: لا اسلكم | عليه أجرا لا (sic!) المود | ة فى القربى ا ه ‘В награду за это я прошу у вас только любви к (моим) близким’;[1] круговая легенда:[2] امر به الامير داود بن گراز فى ولية محمد [بن] امير المومنين (sic!) ‘Приказал (выбить) его Да'ӯд, сын Гураза, в наместничество Мухаммеда, (сына) эмира правоверных’. Все в круге из точек. (Табл. V, *1* и *2*).

Тип, как на стр. 16, № 51 в «Каталоге».

447—497. Ал-Аш'ас, сын Йахьи; Самарканд; 144 (761—762) г. х.

Лиц. В поле в круге из точек: لا اله | الا الله | وحده ‘Нет божества, кроме Аллаха единого’; круговая легенда: بسم الله ضرب بسمرقند سنة اربع و اربعين و مئة ‘Во имя Аллаха! Выбит в Самарканде в году 144’.

Об. В поле в круге из точек: محمد | رسول | الله | ‘Мухаммед посланец Аллаха’; круговая легенда: امر به الاشعث بن يحيى فى ولية المهدى الامير (sic!) محمد بن امير المومنين ‘Приказал (выбить) его ал-Аш'ас, сын Йахьи, в наместничество ал-Махдй, ал-эмира Мухаммеда, сына эмира правоверных’. Все в круге из точек. (Табл. V, *3* и *4*).

Тип, как на стр. 16, № 56 в «Каталоге».

Среди монет ал-Аш'аса отмечено четыре варианта; возможно, количество вариантов и больше; однако сейчас сказать что-либо нельзя, так как сохранность большинства экземпляров плохая и легенды читаются полностью на ограниченном количестве монет. Отмеченные варианты следующие: 1) резчик штампа не уместил на монетном кружке круговую легенду оборотной стороны и вместо ее последнего слова المومنين вырезал четыре его первых буквы المو (**447, 453, 458, 459, 461**); 2) в круговой легенде об. стороны (после имени наместника) опущено слово بن ‘сын’ (**477**); 3) в центральной легенде лицевой стороны вместо слов وحده резчик штампа вырезал محمد; надписи вырезаны неумело (**460** и **487**).

498—500. Ма'бад; Бухара; 148 (765—766) г. х.

Лиц. В поле в круге из точек: لا اله | الا الله | وحده ‘Нет божества, кроме Аллаха единого’; круговая легенда: [بسم الله] ضرب ⊙ ببخارا فى سنة ⊙ ثمان و اربعين و مئة ⊙ ‘Во имя Аллаха! Выбит в Бухаре в году 148’. Все в круге из точек.

Об. В поле в круге из точек: محمد | رسول | الله | ‘Мухаммед посланец Аллаха’; круговая легенда: امر به معبد فى ولية المهدى ولى عهد المسلمين (sic!) محمد بن [امير المومنين] ‘Приказал (выбить) его Ма'бад в наместничество ал-Махдй, наследника мусульман Мухаммеда, сына эмира правоверных’. Все в круге из точек. (Табл. V, *5*).

Тип, как на стр. 17, №№ 91 и 92 в «Каталоге».

Среди монет Ма'бада (включая монеты Собрания Государственного Эрмитажа) имеется два варианта; варианты отличаются очертаниями знака на оборотной стороне. Знак имеет либо несколько сжатую форму, либо вытянутую в длину.

501—512. Ал-Джунейд; Бухара; 151 (768) г. х.

Лиц. В поле: لا اله | الا الله | وحده ‘Нет божества, кроме Аллаха, а он един’; над словом «Аллах» звездочка; круговая легенда: بسم الله ضرب ببخارا فى سنة احدى و خمسين و مئة ‘Во имя Аллаха! Выбит в Бухаре в году 151’. Все в круге из точек.

Об. В поле в три строки: محمد | رسول الله | ‘Мухаммед посланец Аллаха’; круговая легенда: امر به الجنيد بن خلد عامل الامام المهدى ولى عهد المسلمين (sic!) ‘Приказал (выбить) его ал-Джунейд, сын Халида — амиль имама ал-

[1] Коран, сура XLII, стих 22.

[2] Текст легенд взят в скобки в тех случаях, когда надпись на монете не читается и восстановлена по монетам нумизматической коллекции Государственного Эрмитажа.

Махди, наследника мусульман'. Все в круге из точек. (Табл. V, *6*).

Тип, как на стр. 18, n° 51 в «Каталоге».

Все экземпляры, кроме двух, плохой сохранности; монетные кружки обрезаны по краям. Легенды полностью сохранились только на одном экземпляре (502).

513—531. Ҳамза, сын 'Амра; Самарканд; 153 (770) г. х.

Лиц. В поле: لا اله | الا الله | وحده 'Нет божества, кроме Аллаха, а он един'; круговая легенда: مما امر به حمزة بن عمرو فى ولية الامير حميد بن قحطبه 'Из того, что приказал выбить Ҳамза, сын 'Амра, в наместничество эмира Ҳумейда, сына Ҡахтаба'. Все в двойном линейном круге. Круг в пяти местах разделен группами из трех точек.

Об. В поле в двойном линейном круге: محمد | رسول | الله 'Мухаммед посланец Аллаха'; круговая легенда: بسم الله ضرب بسمرقند فى ولية المهدى سنة ثلث و خمسين و مئة 'Во имя Аллаха! Выбита (монета) в Самарканде в наместничество ал-Махди, года 153'. Все в линейном ординарном круге. (Табл. V, *7* и *8*). Монета не издана.

Среди монет с именем Ҳамзы отмечено два варианта: 1) резчик в круговой легенде на оборотной стороне монеты вырезал вместо имени قحطبه его три начальные буквы قحط и вместо слова ولية только первую его букву و; 2) имя قحطبه вовсе резчиком опущено.

§ 8. САМАНИДЫ

532. Фрагмент саманидского дирхема. Лиц. и об. стороны почти стерты.

§ 9. КАРАХАНИДЫ

533. Аҳмед, сын 'Али; аҫ-Сӯҡд; 404 (1013—1014) г. х.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

№№ п. п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки [1]
1	21	7.64	—	Стерта.	53-IX-1	Пом. 1, завал.
2	10	0.30	↑	Поломана.	54-IX-38	Пом. 12, на пороге проема.
3	9.5	0.50	↖	Хорошая.	54-IX-7	Пом. 12, завал.
4	9		↑	»	53-VIII-4	Дом 5, в предвходном пространстве у южного фаса пом. 1 (0.3 м выше).
5	9	0.24	↑	Сломана пополам.	49-III-718	Южный коридор, завал.
6	27	2.11	—	Плохая, обломана.	54-IV-15	Завал.
7	30	2.92	↑	Хорошая.	54-XII-18	Пом. 2, под южной стеной.
8	33	3.33	↑	»	53-III-4	Пом. 4, завал.
9	33	—	↗	В трех фрагментах.	54-IX-24	Пом. 13, завал у пола.
10	24	2.57	—	Плохая.	54-XIII-3	Пом. 1, близ поверхности.
11	25	2.90	→	Обрезана по краям.	53-IX-95	Пом. 7, завал.
12	26	3.10	↘	Плохая.	52-X-89	Пом. 9, завал.
13	—	—	→	Фрагменты.	53-IX-61	Пом. 8, завал.
14	24	1.80	↑	Обломана с края.	52-VI-18	Пом. 3, завал.
15	27	2.45	→	Обломана по краям.	52-VIII-4	Айван, завал у пола.
16	29	2.97	←	Хорошая.	50-I-16	Завал у южной стены.
17	25	5	↓	»	52-II-262	Пом. 6, завал.
18	25	—	↓	Фрагменты.	52-V-167	Пом. 7, пол.
19	24	3.55	↓	Хорошая.	52-II-88	Пом. 5.
20	23	3.55	↓	»	52-II-67	—
21	22	1.80	↓	В трех фрагментах.	52-VI-63	Пом. 7.
22	22	1.01	↓	Половина монеты.	53-IX-83	Пом. 8-а, пол.
23	19	1.11	↓	Плохая.	50-I-82	—

[1] В настоящее время автор статьи не располагает данными для более точной фиксации находок.

(*Продолжение*)

№№ п. п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
24	26	2.33	↑	Лиц. и об. стерты.	49-I-305	У входа во дворик, на булыжнике порога.
25	25	2.56	—	Лиц. стор. стерта.	54-VI-62	2-й этаж; пол.
26	25	2.55	—	Сломана; сохранность плохая.	50-V-207	Пом. 6, поверхность первого пола.
27	25	1.50	—	2/3 монеты; лиц. стор. стерта.	54-VI-10	Пом. 17, завал.
28	24	2.40	↑	Погнута; лиц. стор. стерта.	52-II-69	Пом. 3, завал.
29	24	2.20	↑	Средняя.	52-II-352	Двор, пандус айвана.
30	24	1.99	—	В трех фрагментах, лиц. стор. стерта.	54-VI-63	2-й этаж, завал.
31	24	1.77	↑	В трех фрагментах.	53-VIII-27	Дом 9, пом. 1.
32	24	—	—	Обломана с края и сломана; плохая.	52-II-119	Пом. 5, завал.
33	23	2.50	—	Плохая.	52-II-118	Пом. 5, завал.
34	23	2.57	↑	Лиц. и об. стор. стерты.	49-I-305	У входа во дворик. На булыжнике порога.
35	23	2.50	—	В фрагментах.	50-III-25	Пом. 23, завал.
36	23	1.80	—	Плохая.	50-III-109	Пом. 7, завал.
37	23	1.60	—	Отломан край; лиц. стор. стерта.	53-VI-23	Пом. 11, завал у пола.
38	23	1.55	↑	Несколько погнута.	54-VI-216	Пом. 24, завал 25—30 см над полом.
39	23	1.41	—	Плохая.	52-II-79	Пом. 3, пол.
40	23	1.24	—	»	51-I-181	Пом. 3, завал у пола.
41	23	0.99	↑	Половина монеты. Два фрагмента.	54-VI-148	Выброс у пом. 25.
42	23	—	—	Очень плохая.	54-VI-134	Пом. 21, пол.
43	23	—	—	» »	52-II-150	Пом. 6, завал.
44	23	—	—	Лиц. стор. стерта.	52-III-90	Пом. 5, завал.
45	22	1.65	—	Лиц. и об. стор. стерты.	50-I-30	Сев.-вост. часть ограды.
46	22	1.55	—	Два фрагмента лиц. стор. стерты.	52-VIII-3	Дом 3, пандус.
47	22	1.46	↑	Лиц. стор. стерта.	54-XI-4	Пом. 4, завал.
48	22	1.45	—	Сломаны пополам; лиц. стор. стерта.	54VI-187	Пом. 26, завал над полом.
49	22	1.39	—	То же.	52-II-115	Пом. 5, завал.
50	22	1.30	↑	Лиц. стор. стерта.	53-IX-48	Пом. 6, верхний слой завала.
51	21	1.60	—	Погнута; лиц. стор. стерта.	53-IX-57	Пом. 7, завал.
52	21	1.40	—	Лиц. стор. стерта.	53-VIII-1	Дом?; пом. 5, завал.
53	21	1.31	↑	Погнута; лиц. стор. стерта.	54-XII-5	Пом. 2, завал.
54	21	1.31	—	Обломана и погнута; лиц. стор. стерта.	53-IX-63	Пом. 8, завал; верхний слой.
55	21	1.25	—	Плохая.	53-III-без ном.	Мастерская, пол.
56	21	1.23	—	Обломана с края.	49-III-711	Пом. 2, завал над полом.
57	21	1.22	↑	Плохая.	52-II-189	Пом. 3, в хуме.
58	21	1.17	—	Лиц. стор. стерта.	54-VI-130	Пом. 21, пол у дверного проема.
59	21	1.12	—	В фрагментах.	52-II-3	Пом. 3, завал.
60	21	0.90	—	—	50-III-216	Пом. 19, вторая сверху ступенька лестницы.
61	21	0.87	—	—	54-VI-9	Пом. 17, завал.
62	21	0.77	↑	Два фрагмента.	52-VIII-4	Дом 2, в проходе из пом. 2 на айван.
63	20	1.50	—	1/2 монеты, лиц. стор. стерта.	52-II-230	Пом. 7.
64	20	1.34	—	Лиц. стор. стерта.	53-IV-17	—
65	20	1.25	—	Чуть обломана с края; лиц. стор. стерта.	52-II-371	—
66	20	1.19	—	Плохая; стерта.	54-VI-192	Подвальное помещение. Пом. 21, под балкой порога.
67	20	1.04	—	Лиц. стор. стерта.	54-IX-9	Пом. 5.
68	20	1.00	↑	Средняя.	52-II-229	Пом. 7, завал.
69	19	1.40	↑	Плохая.	54-XII-30	Пом. 1, завал свода нижнего этажа.

(*Продолжение*)

№№ п. п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
70	19	1.12	↑	Лиц. стор. стерта.	52-II-170	Пом. 3, завал над полом.
71	19	1.05	—	Стерта.	52-II-41	Пом. 3, завал.
72	19	1.00	↑	Лиц. стор. стерта.	50-III-181	Пом. 3, завал.
73	19	1.00	—	—	52-II-312	Пом. 10.
74	19	1.00	↑	—	54-VI-32	Пом. 16, пол.
75	19	0.92	—	Сломана; лиц. стор. стерта.	54-VI-215	Пом. 24, завал 25—30 см. над полом.
76	19	0.80	—	Лиц. стор. стерта.	54-IX-31	Пом. 14, завал.
77	19	—	↑	Фрагмент.	50-III-194	Пом. 15, завал.
78	18	1.30	—	Обломана по краям; плохая.	54-IX-31	Пом. 14, завал.
79	18	1.00	↑	Лиц. и об. стор. стерты.	52-V-217	Пом. 4, завал.
80	18	0.80	—	Обломана с края; об. стор. стерта.	52-II-34	Пом. 3, завал.
81	17	1.33	—	Слегка обломана по краям; лиц. стор. стерта.	53-III-22	—
82	—	—	—	Фрагменты.	50-III-218	Пом. 19, завал 30 см. над полом.
83	—	—	↑	Фрагмент.	52-II-265	Пом. 5, завал.
84	21	1.46	—	Лиц. стор. стерта.	Из состава клада	Объект II завал.
85	24	2.20	↑	Лиц. стор. стерта.	52-II-292	Пом. 8, пол.
86	24	2.14	↑	Стерта.	54-VI-131	Пом. 21, выброс.
87	24	1.97	—	Лиц. стор. стерта.	52-II-116	Пом. 6, завал.
88	22	1.51	—	В фрагментах.	53-VIII-55	Дом. 9, пом. 1, завал.
89	24	2.37	←	Плохая.	52-II-9	Пом. 3, завал.
90	24	1.70	—	Лиц. стор. стерта.	52-II-10	Пом. 3, завал.
91	23	2.80	—	—	52-VI-92	Пом. 8, завал.
92	23	2.15	←	То же	54-VI-86	Пом. 25, завал.
93	22	2.60	←	Лиц. стор. стерта.	54-IX-72	Пом. 17, завал.
94	—	—	—	Два фрагмента.	50-III-225	Выброс земли.
95	23	3.60	←	Хорошая.	52-III-69	Пом. 4, завал.
96	23	3.25	←	»	52-VIII-1	Дом 3, пом. 1, завал.
97	22	7.70	←	»	52-VI-69	Пом. 2, завал.
98	21	2.48	↑	»	54-IX-51	Пом. 16, с.-з. угол.
99	21	2.47	↑	Об. стор. стерта.	54-IX-70	Пом. 18, завал.
100	21	2.12	↑	Хорошая.	54-IX-19	Пом. 12, пол.
101	21	2.10	↑	»	54-IX-88	Пом. 17, завал.
102	21	1.60	—	Лиц. стор. стерта.	54-IX-93	Пом. 18, завал.
103	21	1.39	↑	1/2 монеты.	52-III-37	Пом. 4, завал.
104	20	1.75	—	В фрагментах.	49-III-713	Пом. 1, завал.
105	19	1.55	—	Об. стор. стерта.	52-VIII	Дом. 3.
106	—	—	—	Фрагмент.	53-III-40	Слой органических остатков (у пола).
107	—	—	—	Фрагменты.	54-IX-56	Пом. 17, завал.
108	—	—	—	»	54-IX-122	Пом. 18, завал.
109	20	2.32	↓	Сломана.	54-IX-30	Пом. 13, выброс.
110	20	1.60	—	Погнута; стерта.	50-III-101	—
111	19	3.12	↓	Хорошая.	54-IX-51	Пом. 16, завал.
112	19	2.73	↓	»	54-IX-67	Пом. 16, завал.
113	19	2.72	↓	»	54-VI-16	Восточный раскоп, завал.
114	19	2.72	↓	Лиц. стор. стерта.	54-IX-19	Пом. 12, пол.
115	19	2.60	↓	Хорошая.	54-IX-88	Пом. 17, завал.
116	19	2.55	↓	»	49-I-329	Пом. 12, на уровне, подстилающем очажный слой.
117	19	2.55	↓	»	50-III-102	Пом. 8, завал.
118	19	2.52	↓	—	53-IX-86	Пом. 8-б, завал.
119	19	2.47	↓	Об. стор. стерта.	50-III-116	Западный фас, завал.
120	19	2.40	↓	Хорошая.	54-IX-67	Пом. 16, завал.
121	19	2.25	↓	В трещинах.	53-IX-83	Пом. 8-а, пол.

(*Продолжение*)

№№ п. п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
122	19	2.25	↓	Средняя.	54-IX-48	Пом. 16, завал.
123	19	2.23	↓	Чуть обломана с края.	54-IX-60	Пом. 16, завал.
124	19	2.20	↓	Хорошая.	54-III-83	Пом. 8а, завал.
125	19	2.17	↓	Чуть обломана с края.	54-IX-43	Пом. 16.
126	19	2.15	↓	Сломана пополам.	54-IX-75	Пом. 16.
127	19	2.11	↓	Хорошая.	54-IX-77	Пом. 18, завал.
128	19	2.10	↓	Средняя.	54-IX-109	Пом. 18, завал.
129	19	2.10	↓	Хорошая.	54-IX-109	Пом. 18, завал.
130	19	2.00	↓	Средняя.	52-II-265	Пом. 6, завал.
131	19	1.81	↓	Хорошая.	54-IX-75	Пом. 16, завал.
132	19	1.55	↓	Плохая.	49-III-703	Пом. 1, завал.
133	19	1.51	↓	Сломана.	54-IX-122	Пом. 18, завал.
134	18	2.44	↓	Хорошая.	54-IX-87	Пом. 8-б, завал.
135	18	2.20	↓	Лиц. стор. сбита; об. стор. стерта.	54-IV-179	Пом. 24, пол.
136	18	2.20	↓	Хорошая.	50-V-206	Пом. 7, завал.
137	18	2.10	↓	»	54-XIII-19	Пом. 2, завал.
138	18	2.00	↓	Лиц. стор. стерта.	50-II-3	Выброс.
139	18	1.85	↓	Средняя.	50-III-224	Пом. 8, завал.
140	18	1.77	—	Плохая.	50-III-40	Западный фас, завал.
141	18	1.71	↓	Лиц. стор. стерта.	54-IX-109	Пом. 18, завал.
142	18	1.52	↓	Хорошая.	54-IX-57	Пом. 16, завал.
143	18	1.45		Плохая.	50-III-215	Дерновый слой.
144	18	1.39	—	Сломана, стерта.	54-IX-67	Пом. 16, завал.
145	18	0.97	—	Плохая.	52-II-151	Пом. 3, завал.
146	18	0.97	—	»	52-II-272	Пом. 6, завал над полом.
147	18	—	↓	3/4 монеты.	52-III-Д	Пом. 4, пол.
148	17	1.80	↓	Стерта.	54-IX-13	Пом. 13, завал.
149	17	1.74	↓	»	53-VI-30	Пом. 13, пол.
150	17	1.75	—	—	54-IX-109	Пом. 18, завал.
151	17	1.54	↓	»	54-IX-75	Пом. 16, завал.
152	17	1.30	↓	»	50-III-169	—
153	17	—	↑	1/2 монеты.	54-IX-73	Пом. 16, завал.
154	17	—	↑	» »	54-IV-73	» » »
155	29	4.14	↑	Об. стор. несколько стерта.	49-II-506	Пом. 5, завал.
156	28	5.00	↑	Стерта.[1]	52-II-113	Пом. 5, завал.
157	28	4.84	↑	Плохая.	54-VI-207	Пом. 5, завал.
158	28	2.39	—	1/2 монеты; стерта.	52-II-120	Пом. 5, завал.
159	27	5.20	—	Лиц. стор. стерта.	54-III-20	Пом. 1, пол.
160	27	4.86	↑	Средняя.	54-III-10	Пом. 1, завал.
161	27	4.82	↑	Об. стор. стерта.	54-VI-182	Пом. 24, завал.
162	27	4.67	↑	Обломана с края.	52-II-169	Пом. 2, завал у пола.
163	27	4.55	↑	Средняя.	52-II-166	Пом. 5, в глине платформы.
164	27	4.30	↑	Чуть обломана с края; сохран. плохая.	53-VIII-6	Дом 3, пом. 3, в кладке восточной стены.
165	27	4.22	↑	Хорошая.	54-VI-158	Пом. 24, завал.
166	27	4.06	↑	»	54-III-10	Пом. 1, завал.
167	27	3.95	↑	Плохая.	53-IX-89	Пом. 7, завал.
168	27	3.40			52-II-89	Пом. 5, завал.
169	27	2.85	↑	Средняя.	50-III-141	Пом. 7, завал.
170	27	—	↑	2 фрагмента.	54-III-10	Пом. 1, завал.
171	26	6.79	↑	Хорошая.[2]	54-VI-183	Пом. 14.
172	26	4.25	↑	Средняя.	52-II-74	Пом. 3, завал.
173	26	3.86			49-II-12	Завал.
174	26	3.60	↑	Хорошая.	54-VI-67	Пом. 19, пол.
175	26	3.60	↑	Лиц. стор. стерта.	52-II-27	Пом. 4а, завал.

[1] У монеты сохранились остатки литников.
[2] Двухсторонний текст.

(Продолжение)

№№ п. п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
176	26	2.72	↑	Хорошая.[1]	54-III-10	Пом. 1, завал.
177	25	2.90	↑	Средняя.	53-VI-14	Пом. 8, северная суфа.
178	25	2.47	—	3/4 монеты; лиц. стор. стерта.	54-IX-93	Пом. 18, завал.
179	24	2.30	↑	Лиц. и об. стор. стерты.	50-III-105	
180	24	1.75	—	Лиц. стор. стерта.	54-III-30	Пом. 50, суфа.
181	23	1.54	↑	Плохая; обломана с края.	52-II-78	Пом. 6, пол.
182	23	—	—	Два фрагмента; стерта.	53-VI-21	Пом. 8, завал (0.5 м от пола).
183	—	—	→	1/3 монеты.	54-XI-3	Пом. 4, завал.
184	—	—	—	Фрагмент.	52-II-158	Пом. 3, завал.
185	18—19	1.62	↑	Плохая, стерта.	49-III-727	Пом. 1, завал.
186	17	1.75		Плохая.	52-II-192	Пом. 4, завал.
187	22	1.90	→	Хорошая.	52-III-32	Пом. 3
188	22	1.89	←	»	50-I-12	Помещение с осевшим сводом во дворе; из завала свода.
189	22	1.86	—	Плохая.	53-III-45	Вост. сводчатое пом., проход.
190	22	1.82	→	Правая сторона неотчетлива.	52-III	Пом. 5, суфа у южн. стены.
191	22	1.70	↗	Надписи лиц. и об. стор. частично стерты.	50-I-25	—
192	22	1.63	↙	Хорошая.	52-III-6 (?)	Пом. 3, суфа у южн. стены.
193	22	1.63	↗	»	53-III-32	Пом. 3.
194	22	1.55	↗	Сломана.	50-I-23	—
195	22	1.50	—	Плохая.	50-I-24	—
196	22	1.50	↗	Средняя.	50-I-27	Пом. 2, пол.
197	22	1.42	—	Плохая.	53-VIII/3-4	Дом 3, пом. 3, нижний пол под слоем натеков.
198	22	1.40	—	»	50-V-212	—
199	22	1.05		Обрезана по краям.	54-IX-122	Пом. 18, завал.
200	21	1.75	↑	Стерта.	54-XII-92	Пом. 10, пол.
201	21	1.67	↙	Обломана с края; стерта.	54-IX-75	Пом. 16, завал.
202	21	1.52	—	Плохая.	54-IX-122	Пом. 18, завал.
203	21	1.50	—	Лиц. стор. стерта.	53-III-40	Северное сводчатое пом.; слой органических остатков у пола.
204	21	1.50	↘	Затерта.	50-V-208	—
205	21	1.48	—	Сбита и стерта.	50-I-17	Завал южной стены.
206	21	1.25	—	Обломана с края; стерта.	50-III-227	Пом. 20, завал свода.
207	21	1.22	—	Обломана, плохая.		—
208	21	0.97	—	Стерта.	50-V-209	Под дерном на вост. стене пом. 3.
209	—	—	—	Обломана по краям; стерта.	53-III-2	Пом. 4, завал.
210	—	—	—	Фрагменты.	49-I-305	Второй слой, на полу.
211	18	1.81	↗	Сломана пополам.	54-XII-48	Пом. 2, завал.
212	16	0.55	—	Лиц. стор. стерта.	52-VIII-5	Дом 2, пом. 2, завал.
213	21	3.20	↗	Хорошая.	54-IX-75	Пом. 16, завал.
214	21	1.60	—	Изображение и надпись стерты.	54-IX-122	Пом. 18, завал.
215	21	1.27	—	Стерта; обломана.	54-VI-68	Пом. 24, завал.
216	21	1.25	—	Стерта по краю.	54-IX-114	Пом. 18, завал.
217	20	1.84	—	Средняя.	53-III-40	В слое органических остатков, у пола.
218	20	1.64	—	Стерта.	54-IX-122	Пом. 18, завал.
219	27	5.03	↓	Хорошая.[2]	54-VI-117	Пом. 12, завал.
220	27	4.07	↓	Обломана.	52—без паспорта.	—
221	26	5.47	↓	Хорошая.	54-VI-45	Пом. 18, завал.
222	26	5.00	↓	Хорошая.[3]	54-VI-27	Завал.

[1] Контуры знаков и надпись крайне расплывчатые.
[2] Квадратное отверстие залито металлом.
[3] Матрицы сдвинуты.

(Продолжение)

№№ п. п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
223	26	4.60	↓	Сломана пополам.	I	—
224	26	4.34	↓	Хорошая.	53-III-11	Пом. 47, завал.
225	26	3.97	↓	»	52-II-179	Пом. 47, завал.
226	25	4.80	↓	Хорошая.[1]	52—без паспорта.	—
227	24	3.95	↓	»	52-II-11	Пом. 3, завал.
228	20	1.63	↙	Хорошая.[2]	52-II-254	Пом. 7, завал.
229	19	2.87	↙	Плохая.[3]	54-IX-27	Пом. 12, завал.
230	19	2.05	↙	Надпись стерта.	50-III-235	Пом. 20, завал.
231	19	1.65	↙	Средняя.[4]	54-III-33	Пом. 52, на пандусе.
232	19	1.58	—	Плохая.	54-III-39	Сев. сводч. пом., яма в полу.
233	19	1.48	↙	»	54-IX-122	Пом. 18, завал.
234	19	1.46	↙	Чуть обломана с края при отрубе литника.	53-IX-2	Пом. 1, завал.
235	19	1.45	—	Лиц. стор. стерта.	52-VI-22	Пом. 3, завал.
236	19	1.30	—	Плохая.	52-II-291	—
237	19	0.89	↙	»	54-VI-88	Пом. 25, выброс земли.
238	18	1.80	↙	»	53-VI-22	Пом. 11, ступени входа в пом. 4.
239	18	1.60	↙	Лиц. стор. стерта.	53-IX-51	Пом. 6, выброс земли.
240	18	1.59	↙	Хорошая.[5]	54-VI-79	Пом. 21, завал.
241	18	1.55	↙	Стерта.	54-III-39	Сев. сводч. пом., яма в полу.
242	18	1.45	—	Фрагменты.	53-IV-26	Пом. 11, завал.
243	18	1.28	↙	Лиц. стор. стерта.	53-IX-105	Пом. 9, завал.
244	18	1.22	↙	Хорошая.	53-IX-104	Проход у пом. 8-б, завал.
245	18	0.70	—	Плохая.	54-IX-122	Пом. 18, завал.
246	17	1.30	↗	»	54-IX-93	Пом. 18, завал.
247	17	0.70	—	Фрагмент.	53-VIII/3	—
248	—	—	—	»	53-IX-13	Пом. 1, завал.
249	19	1.47	↗	Лиц. стор. стерта.	54-III-37	Пом. 50, пол у суфы.
250	19	0.85	↗	3/4 монеты.	52-III-39	Пом. Д, завал.
251	18	1.71	↗	Лиц. стор. стерта.	53-IX-60	Пом. 5, завал.
252	18	1.57	—	То же.	50-III-252	Пом. 23, завал.
253	18	1.55	—	» »	52-3-52	Наус (среди костей и черепков).
254	18	1.55	—	Плохая.	52-VIII/3-2	Пом. 2, завал над полом.
255	18	1.59	↗	Плохая.[6]	50-III-232	Пом. 8, завал.
256	18	1.44	—	Дефект литья.	52-VI-1	Пом. 4, завал, верхний слой.
257	18	1.30	—	Лиц. стор. стерта.	54-XIII-4	Пом. 1, завал близ поверхности.
258	18	1.27	—	Плохая.	52-II-43	Пом. 3, завал.
259	18	1.17	—	Стерта.	52-III-231	Пом. 21, завал (75 см от пола).
260	18	1.05	—	Плохая.	52-II-313	Пом. 3, пол.
261	18	1.05	—	Лиц. стор. стерта.	54-III-54	Пом. 55, пол.
262	17	1.90	↗	То же.	54-IX-122	Пом. 18, завал.
263	17	1.71	↗	» »	54-IX-97	Пом. 15, ямка у сев. стены.
264	17	1.41	—	» »	54-IX-27	Пом. 12, завал.
265	17	1.40	—	» »	54-IX-108	Пом. 18, завал.
266	17	1.25	—	Плохая.	53-IX-80	Пом. 8, завал.
267	17	1.20	—	Лиц. стор. стерта.	53-VI-33	Пом. 15, завал.
268	17	1.16	—	Плохая.	54-XIII-7	Пом. 2, завал.
269	17	1.06	—	Стерта.	III-236	—
270	17	1.06	—	»	52-II-65	Пом. 2, завал.
271	17	1.06	↗	»	52-VI-55	Пом. 2, завал.
272	17	0.97	—	»	53-VI-34	Пом. 14, завал; зольник.
273	17	0.87	—	Плохая.	52-II-271	Пом. 10, завал (40 см от пола).
274	16	0.86	—	»	52-II-291	Пом. 10, завал.
275	—	—	—	1/2 монеты.	54-III-45	Поверхность пола 2-го этажа.

[1] У монеты сохранились остатки литника.
[2] У монеты сохранились остатки литника.
[3] Матрицы сдвинуты.
[4] У монеты сохранились остатки двух литников.
[5] Квадратного отверстия нет.
[6] Матрицы сдвинуты.

(*Продолжение*)

№№ п.п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
276	22	3.75	↗	Хорошая.	53-IX-30	Пом. 4, завал.
277	22	3.10	↗	»	50-III-256	Пом. 23, завал.
278	22	2.91	—	Лиц. стор. плохая.	54-VI-67	Пом. 19, пол.
279	22	2.85	↗	Хорошая.	53-IX-36	Пом. 1, завал.
280	22	2.60	—	Плохая.	52-II-355	Пом. 2, на пороге.
281	22	2.60		Хорошая.	50-III-232	—
282	22	2.60	↗	»	б/г.-I-41	Пом. 2, пол.
283	22	2.57	↗	»	54-XII-96	Пом. 10, пол.
284	22	2.43	↗	»	54-XII-96	Пом. 10, пол.
285	22	2.33	—	Лиц. стор. стерта.	54-IX-122	Пом. 18, завал.
286	22	2.29	↗	Хорошая.	54-III-42	Пом. 50, завал.
287	22	2.16	↗	Плохая.[1]	54-III-45	Пом. 55, 2-й этаж, пол.
288	22	1.96	↗	Хорошая.	52-II-232	Пом. 6.
289	21	3.45	↗	Средняя.	49-III-743	Пом. 1, завал.
290	21	2.94	—	Плохая.[1]	54-VI-80	Пом. 21, завал.
291	21	2.93	↗	»	52-II-286	Пом. 8.
292	21	2.90	↗	Хорошая.	52-II-135	Пом. 2, пол.
293	21	2.85	↗	Чуть обломана с края.	54-VI-67	Пом. 19, пол.
294	21	2.80	↗	Средняя.[2]	54-VI-85	Пом. 21, завал.
295	21	2.75	↗	Плохая.[3]	53-IX-19	Пом. 19, завал.
296	21	2.65	—	»	53-X-3	Двор; завал у стены, разделяющей I и II объекты.
297	21	2.61	↗	»	50-III-253	Пом. 23, завал.
298	21	2.60	↘	»	54-XII-96	Пом. 10, пол.
299	21	2.59	↗	»	52-II-87	Пом. 5, завал.
300	21	2.51	↗	»	52-II-161	Пом. 5, в глине платформы.
301	21	2.49	↗	Хорошая.	54-III-54	Пом. 55, пол вторичный.
302	21	2.44	↗	Плохая.	б/г.-III-23	Выброс.
303	21	2.40	↗	Лиц. стор. стерта.	52-II-5	Пом. 2, завал.
304	21	2.37	↗	Хорошая.	49-III-724	Пом. 1, завал.
305	21	2.34	↗	Лиц. стор. стерта.	54-VI-75	Пом. 2-го этажа над пом. 27; 30 см ниже уровня пола.
306	21	2.28	↗	Край отломан.	54-VI-67	Пом. 19, пол.
307	21	2.24	↗	Средняя.	54-VI-78	Пом. 21, завал.
308	21	2.23	↗	»	54-VI-52	Пом. 18, завал.
309	21	2·22	↗	Хорошая.	49-I-307	Двор; на поверхности цоколя.
310	21	2.17	↖	Плохая.[4]	52-II-59	Пом. 2, завал.
311	21	2.07	↗		54-VI-47	Пом. 18, завал.
312	21	2.00	↗		54-IX-88	Пом. 17, завал (с монетой Тургара).
313	21	1.94	—	Плохая; обломана по краям.	52-II-231	Пом. 6, завал.
314	21	1.49	—	Дефектная.	54-IX-108	Пом. 18, завал.
315	20	3.45	↗	Хорошая.[5]	52-II-6	Завал между помещениями 2 и 3.
316	20	3.02	↗	Плохая.	52-II-162	Пом. 5, в глине платформы, над уровнем днищ хумов.
317	20	2.84	↙	»	52-II-265	Пом. 6, завал.
318	20	2.70	—	Плохая.[6]	50-III-252	—
319	20	2.60	↗	Плохая.[7]	50-III-254	Пом. 23, завал.
320	20	2.57	↗	Плохая.[8]	52-II-248	Пом. 7, выброс.
321	20	2.40		Обломана с края.	52-II-108	Пом. 3, пол.

[1] Небольшие дефекты литья.
[2] У монеты сохранились остатки литника.
[3] Квадратное отверстие частично залито металлом.
[4] Матрицы сдвинуты.
[5] У монеты сохранились остатки литника.
[6] У монеты сохранились остатки литника.
[7] Дефекты литья.
[8] Матрицы сдвинуты.

(*Продолжение*)

№№ п.п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
322	20	2.34	↗	Чуть обломана с края.	52-II-298	Пом. 9, пол.
323	20	2.34	↘	—	52-II-303	Пом. 9, пол.
324	20	2.30	↗	—	53-XI-35	Пом. 1, завал.
325	20	2.20	↖	—	50-I-11	Завал южной стенки двора.
326	20	2.01	↗	Обломана с края.	52-III-42	Пом. 4, пол.
327	20	2.00	↗	Плохая.[1]	53-IX-108	Пом. 13, завал.
328	20	1.97	↗	Плохая.[2]	52-II-147	Пом. 5, в глине платформы.
329	20	1.70	—	»	52-VI-10	Пом. 4, завал.
330	20	1.60	↗	—	52-II-58	Пом. 3, завал.
331	20	1.58	↗	Плохая.[3]	52-II-308	Пом. 9, завал.
332	20	1.50	↗	»	52-II-291	Пом. 9, завал.
333	20	1.48	↗	Средняя стерта.	49-H12-5	Наус, № 12, завал.
334	20	1.43	↗	Плохая.[1]	54-IX-122	Пом. 18, завал.
335	19	2.73	—	»	54-III-34	Пом. 52, на пандусе.
336	19	2.60	↗	Плохая.[4]	53-IX-99	Пом. 7, пол.
337	19	2.58	↗	Чуть обломана с края.	54-VI-67	Пом. 19, пол.
338	19	2.36	↗	То же.	52-II-70	Пом. 3, завал.
339	19	2.30	↗	Лиц. стор. стерта.	52-VI-7	Пом. 7, завал.
340	19	2.15	↗	Плохая.[5]	52-II-163	Пом. 4, завал.
341	19	2.14	↗	Хорошая.	50-III-243	Пом. 23, завал.
342	19	2.04	—	Плохая.[6]	52-II-299	Пом. 9, пол.
343	19	1.90	↗	Хорошая.	54-VI-56	Пом. 18, завал.
344	19	1.85	↗	Средняя.	54-XIII-8	Пом. 2, завал.
345	19	1.61	—	Плохая.	54-IX-93	Пом. 18, завал.
346	19	1.57	↗	Средняя.	52-II-148	Пом. 5, в глине платформы, на уровне днищ хумов.
347	19	1.56	—	Плохая; погнута.	52-II-33	Пом. 3, завал.
348	19	1.47	—	Плохая.	54-IX-108	Пом. 18, завал.
349	19	1.44	↗	»	54-III-45	Пом. 55, 2 этаж, пол.
350	19	1.44	—	Плохая; сломана.	52-II-91	Пом. 5, завал.
351	19	1.40	↗	То же.	52-II-291 3	Пом. 9, завал.
352	19	1.38	—	Плохая.	52-VIII/ 3	Пом. 1.
353	19	1.35	↗	Лиц. и об. стор. стерты.	49-III-702	Пом. 1, завал.
354	19	1.31	↗	Плохая; обломана с края.	52-II-264	Пом. 6, завал.
355	19	1.30	—	Плохая.	54-IX-115	Пом. 18, завал.
356	19	1.26	↗	Лиц. и об. стор. стерты.	49-H12-3	Суфа.
357	19	1.26	—	В трех фрагментах.	53-VI-9	Пом. 20, завал.
358	19	1.22	—	В фрагментах.	52-II-57	Пом. 3, завал.
359	19	1.15	—	Плохая.	50-III-251	Пом. 23, завал.
360	18	1.85	—	»	54-VI-13	Пом. 17, завал.
361	18	1.77	—	»	50-III-104	—
362	18	1.56	↗	Средняя.	53-VI-40	Пом. 14, завал.
363	18	1.55	↗	»	54-IX-122	Пом. 18, завал.
364	18	1.50	—	Стерта.	52-II-273	Выброс.
365	18	1.50	—	Плохая.	52-II-114	Пом. 5, завал.
366	18	1.50	—	»	52-II-273	Пом. 9, выброс.
367	18	1.50	—	Об. стор. сбита и стерта.	54-IX-93	Пом. 18, завал.
368	18	1.46	↗	Чуть обломана с края.	52-II-313	Пом. 7, завал.
369	18	1.41	—	Лиц. стор. стерта.[7]	54-III-31	Пом. 52, завал у пола.
370	18	1.40	↗	Плохая.[8]	54-IX-34	К востоку от пом. 2, у поверхности.

[1] Дефекты литья.
[2] Дефекты литья; у монеты сохранились остатки литника.
[3] Дефекты литья; матрицы сдвинуты.
[4] Матрицы сдвинуты.
[5] Дефекты литья.
[6] Отверстие залито металлом.
[7] Дефекты литья.
[8] Матрицы сдвинуты.

(Продолжение)

№№ п.п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
371	18	1.40	—	Лиц. стор. стерта.	52-II-63	Пом. 3, завал.
372	18	1.37	—	То же.	54-III-45	Пом. 55, 2-й этаж; поверхность пола.
373	18	1.36	—	Лиц. стор. стерта.	52-II-213	Пом. 3, пол.
374	18	1.34	—	Плохая.	52-II-1	Пом. 2, завал (верхний слой).
375	18	1.31	↗	»	53-IV-39	Пом. 14, завал.
376	18	1.30	—	Обломана по краям; плохая.	52-II-8	Пом. 3, завал.
377	18	1.27	—	Плохая; стерта.	52-II-356	Пом. 2 (ограда), на пороге.
378	18	1.22	—	Погнута и обломана с края.	54-IX-79	Пом. 28, завал.
379	18	1.15	—	Плохая.	53-III-46	Пом. 49, пол.
380	18	1.07	—	Плохая; погнута и чуть обломана с края.	54-IX-44	Выброс.
381	18	1.06	—	Плохая.	54-IX-72	Пом. 17, завал.
382	18	1.06	—	»	54-IX-108	Пом. 18, завал.
383	18	1.01	—	»	54-IX-116	
384	18	1.00	—	»	52-II-305	Пом. 7, завал (из пожарища).
385	18	0.75	—	»	53-IX-67	Пом. 8, завал.
386	17	1.50	—	Лиц. стор. стерта.	54-VI-159	Пом. 24, завал.
387	17	1.45	—	Стерта.	52-II-299	Пом. 9, пол.
388	17	1.25	—	Стерта.[1]	52-II-299	Пом. 9, пол.
389	—	—	—	Фрагменты.	53-III-13	Парадный зал, завал.
390	—	—	—	»	54-IX-90	Пом. 18, завал.
391	20	2.26	↑	Стерта.	54-VI-113	Пом. 25, завал.
392	19	1.81	↑	Хорошая; чуть обломана с края.	52?2	—
393	18	2.26	↑	Средняя.	54-III-61	Пом. 50, уровень суфы.
394	18	1.70	—	Лиц. стор. стерта.	54-IX-21	Пом. 13, завал.
395	18	1.67	↑	Хорошая.	53-II	Случайная находка.
396	18	1.30	↑	»	53-IX-78	Пом. 6, суфа.
397	18	1.23	↑	Средняя.	49-HI-2	Завал.
398	18	0.78	—	3/4 монеты.	52-VI-22	Пом. 2, завал.
399	17	1.90	↑	Лиц. стор. стерта.	52-VII/3	Пом. 2, завал над полом.
400	17	1.40	—	Плохая; выгнута.	52-II-60	Пом. 3, завал.
401	17	1.10	↑	Стерта.	54-VI-55	Пом. 17, выброс.
402	17	1.09	—	Стерта; погнута.	50-I-21	Пом. 1, завал.
403	17	1.01	↑	Средняя.	54-IX-21	Пом. 13, завал.
404	11	2.12	←	Плохая; обломана с края.	54-IX-114	Пом. 18, завал.
405	20	2.60	←	Плохая.	52-VIII/3-6	Пом. 1, пол в слое пожарища.
406	20	2.22	←	Чуть обломана с края.	53-VI-35	Пом. 15.
407	20	2.20	←	Плохая; об. стор. стерта; трещина.	50-III-171	—
408	20	2.17	←	Стерта.	52-II-55	Пом. 3, завал.
409	20	2.07	←	Хорошая.	53-VI-15	Пом. 11, завал.
410	20	1.67	←	Обломана по краям; стерта.	52-II-93	Пом. 5, завал.
411	19	2.00	←	Плохая; обломана.	54-IX-61	Пом. 16, завал.
412	19	1.80	←	Хорошая.	54-IX-75	Пом. 16, завал.

[1] Дефекты литья.

(Продолжение)

№№ п.п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
413	18	2.60	←	Стерта.	54-IX-86	Пом. 15, завал.
414	18	2.26	←	Чуть обломана; лиц. стор. стерта.	54-IX-109	Пом. 18, пол.
415	18	2.05	←	Обломана с края; стерта.	54-III-24	Пом. 1, пол.
416	18	1.57	—	Обломана по краям; стерта.	54-IX-109	Пом. 18, пол.
417	18	1.53	←	Стерта.	54-XII-53	Ю.-з. помещение, завал.
418	18	1.52	←	Средняя; стерта.	54-VI-103	Пом. 21, пол.
419	17	2.15	←	Стерта.	54-IX-86	Пом. 15.
420	17	1.33	—	Стерта; плохая.	53-IX-97	Пом. 7, у прохода, завал.
421	—	—	—	Фрагменты.	49-III-736	Пом. 4, завал.
422	16—18	1.22	—	Очень плохая; стерта.	54-IX-122	Пом. 18, завал.
423	26	1.56	—	Очень плохая.	54-III-45	Пом. 55, пол.
424	23	1.57	↑	Хорошая.	49-H13-1	Завал у бровки.
425	21	1.80	↑	Об. ст. почти стерта.	54-VI-46	Пом. 18.
426	36	2.30		Средняя.	52-II-46	Пом. Л, пол.
427	19	—	—	Очень плохая.	52-VIII-6	Дом 2, в кирпиче.
428	19	0.75	—	2/3 монеты; плохая.	52-II-157	Пом. 3, завал.
429	17	2.30	—	Плохая.	52-II-200	Пом. 3, завал у пола.
430	20	1.61	—	»	53-IX-37	Пом. 2, завал.
431	20	—	—	3/4 монетного кружка.	54-VI-142	Пом. 21, завал у пола, дверной проем.
432	—	—	—	Очень плохая.	50-III-236	В пом. смежном с пом. 4, верхний слой завала.
433	23	2.47		Об. ст. почти стерта.	52-VI-51	Пом. 13, второй этаж.
434	24	6.17	—	Хорошая.	50-IV-17	Завал.
435	26	2.32	↖	Круговые легенды стерты и сбиты; обломана с края.	54-IX-75	Пом. 5, пол.
436	26	2.29	←	В двух фрагментах.	54-XII-57	Пом. 5, пол.
437	25	2.87	—	В трех фрагментах; об. стор. стерта.	54-IX-38	Пом. 12, на пороге проема.
438	23	3.50	↖	Круговая легенда частично стерта; обломана.	54-IX-65	Пом. 16, завал.
439	23	3.20	↘	Круговая легенда частично стерта; обломана.	54-IX-65	Пом. 16, завал.
440	23	2.87	↑	Хорошая.	49-III-780	Пом. 4, завал.
441	22	3.20	↗	»	54-IX-65	Пом. 16, завал.
442	22	2.32	↖	Плохая; обломана по краю.	54-IX-46	Пом. 16, завал.
443	22	1.70	↙	3/4 монеты.	54-IX-68	Пом. 16, завал.
444	21	2.00	↖	Легенды об. стор. стерты.	53-IX-96	Пом. 7, завал.
445	21	1.87	→	Хорошая.	54-IX-43	Пом. 16, завал.
446	—	—	—	Фрагмент.	54-IX-68	—

(Продолжение)

№№ п.п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
447	23	2.80	↙	—	54-XII-57	Пом. 5, пол.
448	22	2.90	←	Круговые легенды частично стерты; кружок по краям в трещинах.	52-VIII/3-5	Дом. 3, пом. 1, пол.
449	22	2.65	↗	Круговые легенды частично стерты.	52-III-36	Пом. 46, выброс земли.
450	22	2.60	←	Легенда об. стор. частично стерта.	54-IX-58	Пом. 16, завал.
451	22	—	↗	1/2 монеты.	54-IX-73	Пом. 16, завал.
452	21	2.75	↙	Круговая легенда об. стор. почти полностью стерта.	54-IX-46	Пом 16, завал.
453	21	2.71	→	Хорошая.	53-III-1	Пом. 4, завал.
454	21	2.60	↗	Круговая легенда об. стор. стерта.	54-IX-49	Пом. 16, завал.
455	21	2.55	↘	То же.	52-II-56	Пом. 3, завал.
456	21	2.55		—	52-VI-38	—
457	21	2.53	↖	—	54-IX-47	Пом. 17, завал.
458	21	2.51	↓	Хорошая.	54-XII-57	Пом, 5, пол.
459	21	2.50	↗	—	54-XII-50	Ю.-з. пом.
460	21	2.45	↙	Плохая.	53-IX-107.	Пом. 6, пол.
461	21	2.42	↗	—	54-IX-65	Пом. 16, завал.
462	21	2.42	←	Круговая легенда об. стор. стерта.	49-III-748	Пом. 4, завал.
463	21	2.36	↗	Хорошая.	54-XII-119	Южный двор, пол.
464	21	2.28	↗	—	54-XII-57	Пом. 5, пол.
465	21	2.21	↙	Плохая; легенды частично стерты.	54-IX-46	Пом. 16, завал.
466	21	2.18	↖	Плохая; монета обрезана.	54-IX-5	Пом. 12, завал.
467	21	1.91	↗	Плохая; легенды стерты.	54-IX-46	Пом. 16, завал.
468	21	—		Обломана.	50-III-170	Пом. 16, завал.
469	21	—	↗	1/2 монеты.	54-IX-73	Пом. 17, завал.
470	21	—	↘	Круговые легенды частично стерты; обломана по краям.	54-IX-89	—
471	21	—	—	То же.	Без паспорта	—
472	21	—	↘	Круговые легенды почти полностью стерты; обломана по краям.	54-IX-59	Пом. 16, завал.
473	21	—	—	То же.	Без паспорта	—
474	20	2.59	↙	Хорошая.	54-III-69	Пом. 55, завал у пола.
475	20	2.53	↘	Круговые легенды частично стерты.	54-XII-80	Пом. 10, завал свода.
476	20	2.32	↗	Монета обрезана.	54-IX-68	Пом. 16, завал.
477	20	2.21	↗	Хорошая.	50-I-15	Двор.
478	20	2.20	→	Плохая; края обрезаны.	49-III-716	Пом. 2.
479	20	2.17	—	Об. стор. стерта.	54-XIII-10	Пом. 2, завал.
480	20	2.00	↖	Круговые легенды частично стерты.	54-IX-10	Пом. 12.

(Продолжение)

№№ п.п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
481	20	1.97	—	Об. стор. и круговая легенда лиц. стор. стерты.	49-III-730	Пом. 4, завал.
482	20	—	↗	Круговые легенды стерты.	49-III-729	Пом. 4, завал.
483	20	1.95	↘	Круговые легенды стерты.	53-VI-25	Пом. 13, завал.
484	20	1.75	→	Очень плохая.	52-II-354	Айван, отвал в сев. части.
485	19	2.27	→	Круговые легенды стерты и сбиты; монета обрезана.	54-XII-57	Пом. 5, пол.
486	19	2.20	↙	Легенды стерты; обрезана по краям.	52-VIII/3-3	Дом. 3, пом. 1.
487	19	2.01	↘	Плохая.	53-III-12	Верхний слой завала.
488	19	1.83	↘	2/3 монеты.	54-VI-186	Пом. 26, завал.
489	19	1.46	←	Круговые легенды обрезаны.	50-III-221	Пом.?; завал.
490	19	1.21	↗	Обломана по краям; стерта.	49-III-728	Пом. 1, пол.
491	19	1.07	↙	—	52-III-40	Пом. 47, завал.
492	18	2.84	↙	Монета обрезана.	53-VI-10	Завал в сев. части раскопа.
493	18	1.10	↗	Плохая; монета по краям обрезана.	50-I-53	Завал.
494	17	1.40	↗	Легенды стерты; по краям обломана.	53-VI-1	Под дерном на остатках стены.
495	—	—	↙	Фрагмент.	53-VIII/9-56	Дом. 9; пом. 4, вторичный пол.
496	—	—	↖	2/3 монеты.	54-IX-63	Пом. 16, завал.
497	—	—	—	Фрагмент.	53-III-3а	Верхний слой почвы.
498	22	2.10	↙	Круговые легенды частично стерты.	54-IX-59	Пом. 16, завал.
499	—	—	↖	Круговые легенды частично стерты; обломана по краям.	53-IX-94	Пом. 8-б, завал.
500	—	—	→	Фрагмент.	53-IX-103	Пом. 6, пол.
501	19	2.25	↙	Хорошая.	54-IX-114	Пом. 18, завал.
502	19	2.24	↗	»	49-III-737	Пом. 1, пандус.
503	19	2.02	↙	Круговые легенды стерты и обрезаны.	54-IX-22	Пом. 13, завал.
504	19	2.00	↙	Круговая легенда об. стор. стерта.	54-IX-4	Пом. 12, завал.
505	18	3.00	—	Стерта.	54-IX-68	Пом. 16, завал.
506	18	2.30	↙	—	54-IX-10	Пом. 12, завал.
507	18	1.90	↙	Круговая легенда об. стор. стерта.	54-IX-68	Пом. 18, завал.
508	17	1.35		Надписи стерты.	52-III-Д	
509	16	1.14	—	Стерта и обрезана.	53-VIII/9-80	Дом 9, пом. 2, завал.
510	16	1.05	—	Стерта и погнута.	54-IX-116	Пом. 18, завал.
511	16	—	↗	Монета обрезана.	Без паспорта	—
512	—	—	—	В двух фрагментах; стерта.	49-III-725	Пом. 1, завал.
513	24	1.92	↗	1/2 монеты.	54-IX-114	Пом. 18, завал.
514	23	3.32	—	Лиц. сторона стерта.	54-IX-114	Пом. 18, завал.

(Продолжение)

№№ п.п.	Д.	В.	С/шт.	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
515	23	1.91	↗	Обломана по краям.	53-IX-103	Пом. 6, пол.
516	22	3.05	↗	—	54-IX-114	Пом. 18, завал.
517	22	2.70	↙	Обломана с края.	54-IX-58	Пом. 16, завал.
518	22	2.64	—	Об. стор. стерта.	53-VIII-57	Дом. 9, пом. 3, пол.
519	22	2.20	↖	3/4 монеты.	54-IX-109	Пом. 18, завал.
520	22	2.12	↖	Края монетного кружка в трещинах.	54-IX-109	Пом. 18, завал.
521	21	2.91	—	Об. стор. стерта.	53-IX-102	Пом. 6, восточный проход, пол.
522	21	2.65		—	53-IX-	Пом. 6, восточный проход, пол.
523	21	2.65	↗	Обломана с края.	54-IX-68	Пом. 11, завал.
524	21	1.65	↗	3/4 монеты.	54-IX-114	Пом. 18, завал.
525	21	3.01	↙	Плохая.	54-IX-33	Пом. 14, завал.
526	20	2.29	—	Об. стор. стерта.	54-IX-114	Пом. 18, завал.
527	20	2.15	↙	Легенды частично стерты.	53-IX-73	Пом. 8, завал.
528	20	2.10	↙	То же.	50-I-3	Завал.
529	19	1.75	↗	Плохая.	54-IX-114	Пом. 18, завал.
530	—	—	↙	Фрагменты.	53-VIII	Дом 5, у сев. фаса в завале.
531	—	—	—	»	54-IX-115	Пом. 18, завал.
532	—	—	—	Почти стерта.	53-VIII-15	Дом 5, пом. 1, завал.
533	28	2.59	—	Стерта.	54-VI-133	Пом. 18, завал, слой кострища.

II. ПОЯСНЕНИЯ К СПИСКУ

§ 1. КУШАНЫ

Тип монеты, найденной на городище, является самым распространенным среди монет Кадфиза I. За последнее время на территории Таджикистана было зарегистрировано несколько находок монет этого царя. Так, в 1953 г. отдельные экземпляры монет Кадфиза были найдены в Даганакиикском районе, затем в районе Шартуза (на берегу Кафирнигана) и, наконец, на городище около кишлака Ворошиловабад. Новые находки опубликованы Е. А. Давидович.[1] В 1954 г. найдена еще одна монета Кадфиза на территории города Шахринау.[2]

[1] Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана в 1954. Археологические работы в Таджикистане в 1954 г. Труды АН Тадж. ССР, XXXIII, 1956, стр. 96.

[2] По мнению М. Е. Массона, ареал таких кушанских монет «приходится на Пенджаб, Кабулистан, правобережный и левобережный Тохаристан до долины Кашка-Дарьи, т. е. на коренные земли государства Кушанов I—III вв. н. э.». Вне пределов этих областей находки их носят случайный характер (М. Е. Массон. Происхождение безыменного «царя царей, великого спасителя». Труды САГУ, нов. сер., вып. XI, Гуманитарные науки, № 3, Ташкент, 1950, стр. 18 и сл.).

§ 2. МОНЕТЫ АНТИЧНОГО ТИПА

Две такие же монеты были найдены на Пенджикентском городище в предшествующие сезоны (1947 и 1948 гг.). Предварительное их определение дано тогда же Н. Н. Забелиной. Небольшой клад таких же монет найден в 1937 г. на городище Тали-Барзу под Самаркандом (материалы раскопок Г. В. Григорьева, хранящиеся в Отделе Востока Государственного Эрмитажа). Талибарзинские и пенджикентские монеты повторяют тот тип, который был опубликован Аллот де ла Фюй как монеты Согдианы.[1] В Каталоге «Собрания восточных монет Государственного Эрмитажа» такие же монеты занесены под названием «Оболы неизвестных индо-парфянских царьков».[2] На монетах коллекции Государственного Эрмитажа и на некоторых экземплярах из талибарзинского клада по внешнему краю кружка имеются надписи, выполненные согдийским унциальным письмом и представленные тремя различными вариантами; ни одна надпись не прочитана. На публикуемых экземплярах (из раскопок) надписи отсутствуют — не уместились на монетном кружке. Письмо легенд и новые находки позволяют отнести с определенной долей вероятности эти экземпляры вслед за Аллот де ла Фюй и другими исследователями к выпускам монет древней Согдианы. Прямых данных для датировки монет этого типа нет. Исследователи относят их к I—IV вв. н. э.[1] Отметим, что изображение лучника на оборотной стороне монет может быть сопоставлено с изображением лучника, находящимся на Климовском серебряном кубке собрания сасанидского серебра Гос. Эрмитажа. В основном собрании восточных монет Гос. Эрмитажа имеется несколько экземпляров того же типа (оформление лицевой и оборотной сторон, сцифатность формы), но другого номинала; последний определен А. Н. Зографом как хемидрахма (Каталог, стр. 217, №№ 550—551).

[1] Allotte de la Füye. Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines. Revue Numismatique. 1910, Pl. X (VI), №№ 11—12.

[2] Рукописный каталог Собрания восточных монет Гос. Эрмитажа, составленный Симаноле-вичем. Бактрия, Парфия, Кушаны, стр. 217, №№ 552—569.

§ 4. МОНЕТЫ САСАНИДСКОГО ТИПА

Монета 7. Эфталитское подражание монетам Пероза I.

В основном собрании Нумизматического отдела Гос. Эрмитажа имеется несколько экземпляров монет, по типу лицевой и оборотной сторон подобные найденной, выделенные нумизматом Р. Р. Фасмером в особую группу под названием «Монеты эфталитов, тип Пероза».[2] К той же группе эфталитских монет, подражающих драхмам Пероза, принадлежат монеты типа так называемого экземпляра Вунтцетеля, описанного Р. Гиршманом,[3] с дополнительными надписями на полях кружка.

За последние годы на территории Средней Азии зарегистрировано значительное число находок эфталитских подражаний драхмам Пероза. Так, в 1940 г. при раскопках холма Ак-Тепе, близ Ташкента, А. И. Тереножкин обнаружил клад из 6 серебряных монет, представляющих «варварское подражание драхмам сасанидского царя Пероза».[1] В 1953 г. фрагмент монеты того же типа обнаружен при раскопках на Мунчак-Тепе (Микоянабадский район Таджикской ССР); в том же, 1953 г., Л. И. Альбаум нашел такие же монеты при разведочных работах в долине реки Сурхан-Дарья (раскопки холма Балалык-Тепе, Ангарский район). Место выпуска монет данного типа остается неизвестным. Исследователи полагают, что описанные экземпляры принадлежат к тем, которые были отчеканены царем Перозом для выплаты дани эфталитам. Находки эфталитских монет, отчеканенных по образцу сасанидских драхм, многочисленны; их достаточно, чтобы наметить основные границы распространения таких монет в пределах Средней Азии.

Монеты 8—15. Под названием «монеты бухар-худатов» в литературе известна одна из групп монет, чеканенных по образцу драхм Сасанида Варахрана V (даты правления 420—438 гг.).

На лицевой стороне монет, принадлежащих к этой группе, находится подражание портрету Варахрана и надписи (письмом арамейского происхождения или арабским, или тем и другим, в зависимости от типа монеты). Оборотная сторона воспроизводит оборотную сторону монет этого царя.

Название «монеты бухар-худатов» утвердилось за рассматриваемой группой после выхода в свет (в 1909 г.) книги П. И. Лерха «Монеты бухар-худатов»,[2] в которой дается классификация монет этой группы и чтение легенды на их лицевой стороне. Легенду письмом арамейского происхождения справа от портрета Варахрана П. И. Лерх прочел как «бухар-худат» и сопоставил ее с известным по письменным памятникам титулом владык Бухары «бухар-худат». Название монет связано с указанной интерпретацией надписи. Чтение, предложенное П. И. Лер-

[1] В настоящее время над этим материалом работает В. М. Массон. См. его статью «Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным» (ВДИ, 1955, № 2, стр. 42), где такие монеты упомянуты как оболы с изображением лучника на rv. На экземплярах, принадлежащих Гос. Эрмитажу, правая рука у лучника согнута в локте.

[2] Инвентарная книга отделения восточных монет n° 673. стр. 17, №№ 532—544; Эфталиты, тип Пероза.

[3] R. Ghirshman. Les Chionites — Hephtalites. Le Cair, 1948, стр. 15, рис. 10.

[1] А. И. Тереножкин. Холмы Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Института истории и археологии АН Узб. ССР, Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, 1941, стр. 130.

[2] П. И. Лерх. Монеты бухар-худатов. СПб. 1909 (отдельный оттиск из «Трудов Восточного отделения императорского Русского археологического общества», ч. XVIII).

хом, тогда же вызвало возражения В. В. Бартольда. Не представляется оно убедительным и в настоящее время.

Аллотт де ла Фюй и позднее М. М. Явич предложили разбить надпись на три группы знаков и читать последнюю из них k'n' (согласно дошедшим до нас спискам «Истории Бухары» Нершахи — имя полулегендарного царя Бухары в древности).[1]

В 1949 г. В. Б. Хеннинг предложил новое чтение надписи: Pwx'r γwβ k'y (или β'y).[2] В 1953 г. вышла статья В. А. Лившица, К. В. Кауфман и И. М. Дьяконова, в которой авторы, объединив два последних вышеприведенных толкования надписи, предлагают читать спорную легенду pwx'r γwβ k'n' 'царь Бухары Кана'.[3] Новые дешифровки также требуют уточнения.[4]

Различные типы монет бухар-худатов образца драхм Варахрана V отчеканены по одному прототипу, но изображения и надписи на них выполнены в различной технике. Это обстоятельство дает, как известно, возможность наметить среди них независимо от письма и содержания надписей две основные подгруппы. К первой из них принадлежат экземпляры, изображения на которых выполнены в одной (или весьма близкой) технике с так называемыми хионитскими подражаниями драхмам Варахрана (о них см. ниже). Экземпляры второй подгруппы принадлежат к числу варварских подражаний, и им свойственны изображения контурные — точками и штрихами.

Надписи на драхмах первой подгруппы выполнены мастерски и чрезвычайно четкие. Легенда, как указано, состоит из трех отдельных групп знаков — трех слов, отделенных друг от друга правильными интервалами; отдельные знаки надписи выведены весьма тщательно и не могут быть смешиваемы с другими. Иначе обстоит дело с той же легендой на монетах второй подгруппы. На этих последних надпись выполнена грубо и неумело; интервалы между словами не соблюдены; разные знаки искажены и настолько деформированы, что некоторые из них совпадают. На одном из типов монет второй подгруппы в третьем слово недостает последнего знака (четвертого), так как он не уместился на свободном от изображения поле кружка. Указанные различия в оформлении типов говорят о том, что в чеканке бухарских монет образца драхм Варахрана существовал перерыв, и перерыв длительный. Некоторые сведения в источниках свидетельствуют о том же.

М о н е т а **16**, отчеканенная по тому же образцу драхм Варахрана V, принадлежит к одному из типов монет бухар-худатов второй подгруппы. В отличие от последних, на ее лицевой стороне вместо обычной для таких монет надписи находится другая, выполненная согдийским письмом, из одного шестизначного слова twrγ'r, обратившая на себя внимание своим сходством с надписью, находящейся на медных монетах Согда (**97—107** и **108—153**), отлитых по китайскому образцу, с именем царя (ихшида) Согда Тургара (twrγ'r), сына и преемника знаменитого Гурека (710—738 гг. н. э.). Надпись на драхме выполнена унциальным письмом и в связи с этим чрезвычайно ясно читается, тогда как полукурсивные надписи на медных монетах нечеткие и допускают по меньшей мере два чтения: Тургаг (twrγ'γ) и вариант Тургар (twrγ'r). Сопоставление легенд серебряной драхмы и медных монет не оставляет сомнения в том, что обе надписи передают одно и то же имя, которое следует читать в соответствии с надписью на серебряной драхме Тургар (twrγ'r).[1]

Из сказанного следует, что найденная драхма с согдийскими надписями выпущена сыном и наследником Гурека ихшидом Согда Тургаром. Тургар вступил на самаркандский престол после кончины своего отца, в 738 г., и, следовательно, драхма с его именем (**16**), найденная на городище, не могла быть отчеканена ранее этого года.

---

[1] М. М. Я в и ч. О неисследованном среднеазиатском алфавите. ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 207.

[2] Чтение Хеннинга приведено в статье Р. Фрая (R. F r y e. Notes on the early coinage of Transoxiana. Numismatic Notes and Monographs, 1949, № 113, стр. 27).

[3] В. А. Л и в ш и ц, К. В. К а у ф м а н и И. М. Д ь я к о н о в. О древней согдийской письменности Бухары. ВДИ, 1954, № 1/47, стр. 157.

[4] Вызывает сомнение чтение последнего слова надписи (третьего) k'n', понимаемого исследователями как имя собственное. Написание слова на монетах допускает чтение k'w', что соответствует восточноиранскому титулу kava или kavi, сохранившемуся также в названии легендарной династии Кеянидов. Что касается имени бухар-худата Кана, приведенного в «Истории Бухары» Нершахи, то его написание в рукописях легко объясняется опиской переписчиков, написавших کاب вместо, как я полагаю, کاوا или کیا — одной из форм того же восточно-иранского титула kavi.

[1] О медных монетах Тургара и их надписях см. ниже, стр. 244 и 245, 97—153.

Находка серебряной монеты с именем одного из ихшидов Согда имеет исключительное значение для истории денежного дела раннесредневекового Согда. Найденный экземпляр — первая согдийская серебряная монета с именем ихшида, ставшая нам известной для этого, достаточно еще темного, периода. Предполагалось, что на территории Согда обращались так называемые бухархудатские драхмы, ихшиды же от своего имени серебро не чеканили. После просмотра монет группы, хранящихся в собрании восточных монет Гос. Эрмитажа, оказалось, что среди них имеется один экземпляр с таким же типом оборотной и лицевой стороны, как на публикуемой драхме, но другой матрицы. Таким образом, в настоящее время у нас имеются две драхмы с именем одного из согдийских ихшидов. Просмотр других хранилищ нашего союза, быть может, увеличит это число.

Имеющийся в нашем распоряжении материал рисует следующую картину чекана двух отмеченных выше основных групп монет образца монет Варахрана V.

В царствование Варахрана V в Трансоксиане начинают чеканить монеты по образцу его драхм. Начало чеканки первой группы приходится, вероятнее всего, на вторую четверть V столетия, и экземпляры, принадлежащие к ней, являются непосредственным подражанием драхмам Варахрана. Чеканка монет этого типа продолжается, видимо, сравнительно недолго, быть может она прекращается уже в конце той же второй четверти V в. Некоторые исследователи именуют такие монеты хионитскими подражаниями драхмам Варахрана V.

Во всяком случае, никаких изменений в оформлении типа не наблюдается. Затем наступает длительный перерыв в чекане таких драхм.

С чем был связан указанный перерыв — нам не известно.

В дальнейшем в Средней Азии, судя по монетным находкам, обращаются эфталитские серебряные монеты, чеканенные по образцу других сасанидских драхм. Так, нам известны эфталитские подражания драхмам Пероза (даты правления последнего 459—484 гг. н. э.), находки которых в Средней Азии достаточно многочисленны. Известны нам и подражания монетам Хосроя II (даты правления 590—628 гг. н. э.), являющиеся последними по времени эфталитскими подражаниями сасанидским драхмам.[1] Чеканка местных драхм образца варахрановских в Бухаре начинается, видимо, только во второй четверти VII в. С чем было связано возобновление их выпуска в Средней Азии — нам не известно; вероятно, с падением государства эфталитов. Монеты новой возобновленной чеканки представлены теми экземплярами драхм «бухар-худатов», на лицевой стороне которых находятся не контурные изображения и не искаженные надписи. Таким образом, драхмы первой подгруппы являются подражанием «хионитским» монетам, чеканенным в V в. по образцу драхм Варахрана (иными словами, они являются подражаниями образцу, восходящему к драхмам Варахрана). Каковы были причины, побудившие Бухару возобновить чеканку серебра по образцу монет этого царя, можно только предполагать. Вероятнее всего, имело место стремление установить определенную преемственность чекана. Об этом говорит и надчекан на одной из монет первой подгруппы, воспроизводящей знак правителей Бухары. Монеты второй подгруппы, так же как и монеты первой, отчеканены из хорошего серебра. Историк XII в. Нершахи относит первый выпуск монет бухар-худатов к правлению халифа Абу-Бекра, т. е. к 632—634 гг. Его слова должны относиться к монетам первой подгруппы, что вполне согласуется с нумизматическими данными. Вероятно, несколько позднее начинают чеканить по тому же образцу монету со своими именами ихшиды Согда. Две таких монеты нам сейчас известны. Это драхмы, описанные выше, с именем ихшида Тургара, чеканенные по типу монет бухар-худатов второй подгруппы. В дальнейшем монеты образца варахрановских драхм с контурными изображениями на лицевой и оборотной сторонах и надписью (искаженной) pwγ'r γwβ k'n' 'царь Бухары Кана (?)' продолжают обращаться в течение VII в. и первой половины VIII в.

В третьей четверти VIII в. чекан таких драхм переходит в руки аббасидских наместников Хорасана; на драхмах появляются сперва надпись بسمى, а затем имена, в том числе имя будущего халифа ал-Махди

---

[1] К сожалению, экземпляры таких драхм, хранящиеся в Нумизматическом отделе Государственного Эрмитажа в Ленинграде и в Государственном историческом музее в Москве, паспортов не имеют, в связи с чем место их находок установлено быть не может.

(на первых выпусках его имя Мухаммед, позже — ал-Махди), и устанавливается новый тип драхмы с двуязычной надписью (не позже 142(759) г. х.). Такие драхмы чеканились из хорошего серебра, позднее из сплавов. Вопрос о дальнейшем развитии типа (имеется в виду драхмы из сплава серебра с другими металлами, обращавшиеся под названием Гитрифи, Муссеййаби и Мухаммеди) выходит за пределы настоящей статьи.

В связи с вышеизложенным встает вопрос о названии «монеты бухар-худатов», принятом для всей группы в целом. В настоящее время от него следует отказаться и ограничиться другим, правда более общим, «монеты образца драхм Варахрана V» с подразделениями «подражания эфталитские», «подражания бухарские», «подражания самаркандские» и «подражания аббасидские».[1]

§ 5. МОНЕТЫ СОГДИЙСКОГО ТИПА

1. Ихшиды Согда

Монеты 84—87. Четыре однотипных экземпляра крайне плохой сохранности. Такие же монеты были найдены А. И. Тереножкиным при археологических работах на городище Афрасиаб.

На их лицевой стороне помещены знаки, свойственные монетам с именем царя Вахшумана и именем царя Тукаспадака; на оборотной находится надпись в две строки из трех слов. Плохая сохранность монет, в том числе и найденных на Афрасиабе, не дает возможности прочитать всей надписи. Нижняя строка как обычно — идеограмма MLK'; верхняя, та, которая на других монетах содержит имя царя, располагается по трем сторонам квадратной рамки, обрамляющей центральное отверстие, и состоит из двух слов. Первое из них начинается у нижнего правого угла рамки и заканчивается у ее верхнего левого угла. Первый знак в этом слове достаточно ясно различимое m, за которым следует ', переданный почти прямой чертой с сильным наклоном вправо; третий знак надписи — r, нижняя часть которого спускается под строку и представляет короткую почти прямую черту с уклоном влево; четвертый знак t, за которым следует конечный n, заканчивающийся таким же росчерком влево, как в именах Вахшуман и Тархун на других монетах китайского образца. Все слово, таким образом, состоит из пяти знаков и читается как m'rtn — прилагательное 'мужественный', 'храбрый', ср. согдийско-манихейское mrt'ny' (*martān-), (ср. m'rdnyy и m'rδnyy), авестийское marətan-.[1] Чтение второй части надписи (второго слова) остается неясным. Как и первая, она представлена пятизначным словом, второй знак которого w; первый, третий и четвертый знаки могут быть ', n или z; конечный знак полустерт, и чтение слова неясно. Тип монеты повторяет тот, который свойствен монетам ихшидов. В хронологии ихшидов VII—VIII вв. имеется только одна лакуна: между ихшидом Тукаспадаком (преемником Вахшумана) и ихшидом Тархуном, т. е. между 698 г. и началом 700-х годов. Китайские анналы между этими двумя царями помещают царя Нинйе-шы-шы, иранское звучание имени которого не известно. Оформление типа (знаки на монетах и письмо легенд) дает все основания считать, что данные экземпляры выпущены преемником Тукаспадака, т. е. Нинйе-шы-шы китайских летописей. Восстановить полностью согдийское имя царя, написанное на монете, пока возможности нет.

Монеты 97—153 данного типа представлены двумя вариантами. Монеты, принадлежащие к первому варианту (97—107), оформлены по одному образцу с монетами других нам известных ихшидов Согда и отличаются от таковых знаками и содержанием легенд. На лицевой стороне монет второго варианта (108—153) имеется дополнительный знак в виде полумесяца, обращенного рогами вверх; рельеф как надписей, так и знаков необычно высокий; надписи и знаки выполнены неумело и небрежно; в содержании надписей разницы нет. Первые монеты, опубликованные в 1939 г.,[2] принадлежат к варианту второму; монеты, принадлежащие к первому варианту, в то время известны не были; тогда же была сделана первая попытка дешифровки надписи, которая была прочтена twrγ'r и сопоставлена с именем сына ихшида

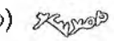
[1] John Walker. A Catalogue of the Arabo-Sassanian coins, London, 1941, стр. LXXX—XCVII.

[1] I. Gershevitch. A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954 § 942.
[2] ВДИ, 1939, № 4, стр. 100, 101.

Согда Гурека До-ге, известного нам по китайским анналам. Несколько лет спустя (в 1947 г. и последующих годах) на пенджикентском городище были найдены те экземпляры, которые определены как вариант первый.[1] Надписи на них показались значительно более четкими, несмотря на то, что сами монеты сохранности ниже средней. На основании этих новых находок было предложено чтение twrγ'γ 'Тургāр' (последний знак надписи ниже строки не опускается и имеет небольшое утолщение снизу, несколько слева). В раскопочный сезон 1953 г. на городище был найден прекрасно сохранившийся фрагмент такой же монеты с последними тремя знаками надписи, а в сезон 1954 г. еще 7 экземпляров таких же монет, на двух из которых легенды сравнительно хорошо сохранились. На этих последних конечный знак надписи явно выраженное r с крупной головкой и малой нижней частью в виде небольшого утолщения вниз и влево; малые размеры подстрочной части знака в сочетании с плохой сохранностью монеты и общей нечеткостью и расплывчатостью надписей на прежде найденных экземплярах привели к ошибочному чтению twrγ'γ вместо twrγ'r. Надпись на новых монетах обращает на себя внимание еще одной особенностью. На двух таких монетах первый знак имени Тургар, т. е. t, нанесен в два приема и напоминает два тесно написанных и вследствие этого слившихся знака β и c, что естественно вызвало некоторое сомнение в том чтении, которое было предложено. Его правильность подтвердила надпись на найденной в том же 1954 г. драхме прекрасной сохранности с именем того же ихшида (см. список № 16 и пояснение к нему на стр. 242 и 243). Сопоставление надписей на монетах трех различных типов (медь и серебро) дает следующую картину:

Тургар, тип а (медь)

» тип б (медь)

» (серебро) 

Воспроизведенные три надписи не представляют два разных имени. Вероятно, на первом варианте медных монет Тургара резчик формы нанес в два приема неправильно скопированную им литеру t; во всяком случае, остальные пять знаков на медных и серебряных монетах одинаковы и написания их существенных отличий не имеют. Так, конечный знак, передающий r, во всех трех случаях выполнен в два приема: на медных монетах этот знак передан двумя чертами — одной прямой сверху вниз и влево и второй короткой сверху вправо почти под прямым углом к сгибу первой; на серебряной — тот же знак передан прямой чертой вниз и второй короткой почти перпендикулярной к первой, что определяется унциальным характером письма на драхмах.

Монеты 154—184. Лица, выпустившие монеты, остаются нам не известными. Легенда на их оборотной стороне выполнена унциальным письмом. Знаки надписи четкие и крупные. Надпись, как обычно, расположена в две строки. Нижняя — идеограмма MLK'; верхняя строка (по аналогии) содержит имя правителя. Отдельные знаки, составляющие ее, сомнений не вызывают; интервал между словами позволяет разделить надпись на две группы знаков, первая из которых состоит из четырех знаков 'wkr или 'wkk, вторая из девяти prtrm'wk', возможно из согд. prtr (*fratar) 'тот, кто впереди', 'высший'+m'wk' 'жрец'; толкование второго компонента вызывает сомнение, поскольку в согдийском языке засвидетельствовано закономерное mwγ- 'жрец'.[1] Время и место выпуска монет не известно. Косвенные данные для их датировки дают материалы раскопок 1932 г. на горе Муг в Таджикистане, во время которых было найдено шесть монет; среди них две такие же, как рассматриваемые, одна монета Тархуна (как 89—94), две монеты с именем пенджикентского афшина Бидйана (как 276—390) и одна серебряная драхма, образца, восходящего к монетам Варахрана V (тип, как 8). Замок был разрушен арабами в 722 гг. Весь археологический комплекс датируется первой четвертью VIII в.[2] К тому же времени относятся медная монета Тархуна и данный тип серебряной драхмы. Следовательно, у нас есть

[1] МИА, № 15, стр. 226 и 227.

[1] I. Gershevitch, ук. соч., § 1040.
[2] Монеты Мугской коллекции хранятся в Отделе Средней Азии Государственного Эрмитажа; ниже в статье в скобках указаны инвентарные №№, под которыми они числятся в Отделе. В настоящее время монеты Мугской коллекции подготовляются к публикации автором настоящей статьи. Список вещественных находок в замке см. статью И. Б. Бентович «Находки на горе Муг» в настоящем томе.

основание отнести две медные монеты с легендой 'wkr prtrm'wk', к тому же времени. Однако, хотя знаки на лицевой стороне ставят их в непосредственную связь с монетами царей Вахшумана и Тукаспадака, характер письма их легенд иной: на этих монетах надписи, как указано, выполнены унциальным письмом, тогда как на двух других — полукурсивом и, следовательно, их скорее должно отнести ко времени более раннему или к другой среде и местности. Сказать что-либо окончательно сейчас трудно. Нужны новые данные. Одно несомненно — материалы раскопок замка на горе Муг свидетельствуют о том, что данный тип монет не мог быть выпущен позднее 722 г., т. е. года, когда замок был разрушен.

2. Удельные правители Согда

Монета **211**. На лицевой стороне помещен портрет царя в крылатом венце; на оборотной — сопроводительные надписи, содержащие его имя и титул. Очертания крылатого венца с низко поставленным полумесяцем и трактовка изображения на лицевой стороне имеют аналогию в изображениях на одной из групп монет, опубликованных Р. Гиршманом. Среди изданных Р. Гиршманом материалов имеется несколько серебряных драхм и одна медная монета, которые, по мнению издателя, отчеканены хионитскими царями Забула. На лицевой стороне монет находится портрет царя в профиль, выполненный в той же технике, в какой выполнен портрет, который помещен на рассматриваемой монете с именем Ахурадата; отметим одинаковую трактовку глаз, переданных двумя изогнутыми штрихами, усов, переданных одним штрихом над верхней губой, и всего лица.[1] Что касается крылатого венца, в котором изображен царь на пенджикентской монете, то низко поставленный полумесяц — черта, характерная для венцов тех же эфталитских царей. Несколько иной характер имеют крылатые венцы князей и вельмож, изображения которых мы находим на стенах строений древнего Пенджикента. В отличие от венца царя Ахурадата крылья венцов этих последних широко расставлены. Сам венец представляет ряд тесно расположенных крупных точек (драгоценные камни?) и над лбом скреплен тремя крупными точками (две внизу и одна сверху), над которыми помещается полумесяц и крупная точка над ним.[1] На монете с именем Ахурадата венец передан широким и гладким ободом, а крылья соединены в основании. Тип лица и прическа царя, изображенного на монете, ничего общего с типами и прическами указанных князей в росписи Пенджикента не имеют. Надпись на согдийском языке и согдийским письмом на оборотной стороне монеты свидетельствует об ее принадлежности одному из князей Согда; родовой знак (трехконечный), помещенный в начале легенды, указывает на какие-то связи Ахурадата с династиями северной Бактрии и вместе с тем на принадлежность этого царя к одной из ветвей правящего самаркандского рода (о знаках ниже).

Сопроводительная к знаку круговая надпись на оборотной стороне состоит из трех следующих слов: rγβ'n'k γwβ ''γwrδt. Последнее слово в легенде ''γwrδt *Axurabāt имя собственное и образовано по типу 'sp'nδ't, 'spnδ't, из aw. Spəntōδāta.[2] Перевод его соответственно будет 'Дарованный Ахурой' (ср. также такие иранские имена, как Miθradāta, Aharmazddāt и др.). Краткая гласная вместо долгой в компоненте -δ't явление закономерное для согдийского языка (ср. согд.-буд. pr(')δn) и отмечено Гершевичем.[3] Форма (написание) имени на монете ''γwrδt указывает на его согдийское происхождение, а этимология говорит о том, что носитель этого имени был маздеист. В параллель к титулу на монете rγβ'n'k γwβ идет титул kwštwtk γwβw, встречающийся в документах из замка на горе Муг; так, документ 50 Б 7 начинается следующим обращением: 't βγw γwβw kwštwtkw γwβw 'владыке царю, царю Кштутскому' (kwštwtk — прилагательное со значением Кштутский, из Кштута). Таким образом, второе слово, входящее в титул на монете, образовано

[1] R. Ghirshman, ук. соч., стр. 38, рис. 42, табл. III, 7.

[1] Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, табл. XXVI и XXXIX (объект VI, пом. 1, западная и северная стены).

[2] H. Reichelt. Die Sogdische Handschriftenreste, II. Glossar, Heidelberg, 1931.

[3] I. Gershevitch, ук. соч., § 122.

по типу выше приведенного прилагательного kwštwtk и его можно рассматривать как производное от имени места rγβ'n'k *raγfānāk — «Рагфанский», «из Рагфана»; крайне соблазнительно сопоставить вторую его часть -β'n- *-fān с современным названием истока реки Зеравшан — Фон-Дарья (*raγfān — «Фан долины»; ср. название селения Тагфон — нижний Фан). Вместе с тем рассматриваемое слово может быть представлено и как относительное имя прилагательное, образованное суффиксом -'n'k *-ānāk («. . .ский», «относящийся к. . .») от имени rγβ. Что касается центральной легенды βγy, заключенной на монете в рамку, то истолкование ее остается неясным. Широко засвидетельствованное в письменных памятниках βγ(y) (др.-иран. baga 'бог') в среднеиранскую эпоху, в частности на согдийской почве, сохраняя свое основное значение, т. е. 'бог', получает дополнительное 'владыка', 'государь,' как например в формулах эпистолярного обращения, в чем, между прочим, можно усмотреть указание на обожествление у согдийцев личности законного правителя. Таково значение слова в документах и письмах, найденных в развалинах на горе Муг в Таджикистане. Так, в документе 36 А 14 читаем: 't βγw γwβw RBch 'nwth sγwδy'nk MLK' sm'rknδc MR'У 'Владыке царю, великому прибежищу, согдийскому ихшиду, самаркандскому афшину',[1] а в документе 18 В 15: 't βγw γwβw RBch 'nwth βwrnw'δcw γwβw'от владыки царя, царя Бурнамадского'. Искомое слово встречается также в легендах на монетах различных групп: кушанской, сасанидской, эфталитской и, наконец, тюргешской, на монетах которой оно отнесено к тюркскому кагану (437). Каково значение центральной легенды на нашей монете и относится ли она непосредственно к лицу, ее выпустившему, или к его сюзерену — мы не знаем.

Монеты **213—218** с изображением коня на лицевой стороне. Легенды не читаются. Принадлежность монет не известна. Лица, которые их выпускали, относились к одной из ветвей самаркандского правящего рода; на что указывает вариант отличительных знаков этого рода, помещенных на оборотной стороне монеты **213**.

На монете **213** знак имеет форму латинского прописного S и такую же на некоторых медных монетах, найденных С. П. Толстовым при раскопках на Топрак-Кала в Хорезме.[1] Аналогичный S-образный знак встречается на кирпичах древнехорезмийской крепости кушанского времени Базар-Кала.[2] Отметим широкое распространение этого знака на территории как древней Усрушаны, так и Согда на керамических

Рис. 34. S-образные налепы на ручках сосудов.

Рис. 35. S-образные налепы на ручках сосудов.

изделиях, чаще всего в виде налепов под ручкой сосуда и непосредственно на ней (рис. 34 и 35), где эти последние представляют схематическое изображение рогов барана, загнутых в разные стороны.[3]

Среди известных нам согдийских монет имеются две близких по типу к монетам **213—218**; одна из них принадлежит ташкентскому собранию, другая находится в нумизматической коллекции Гос. Эрмитажа. Лицевая сторона ташкентского экземпляра повторяет в деталях лицевую сторону пенджикентских монет (изображение коня, надписи), оборотная же сторона затерта, и сказать, каково было ее оформление, мы не можем. На лицевой стороне эрмитажного экземпляра находится изображение коня,

[1] Букв.: «великой опоре»; ср. у А. А. Фреймана: 't βγw γwβw rβch 'ywth . . . «Богу царю, великому, единому. . .», см. «Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР около селения Хайробад и собранных Таджикской базой АН СССР». Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 44.

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1943, стр. 182.

[2] Там же, стр. 112.

[3] Сосуды с S-образными налепами, происходящие из древней Усрушаны, мне были любезно указаны Е. М. Пещеревой.

идущего влево (без каких-либо сопроводительных надписей), на оборотной — полустертая круговая надпись, занимающая почти все поле монеты и заключенная в сплошной одинарный круг; остальные детали стерты.

Обращает на себя внимание вес монеты 213 (3.20 г), который почти в два раза больше веса монет 214—218 (1.25—1.84 г), при одном и том же диаметре, вследствие чего она в два раза толще этих последних; на ее лицевой стороне имеется надпись, на других отсутствующая. Вероятнее всего, что массивная монета отлита в матрице с соответствующими углублениями в двух ее половинках, полученными от оттиска штампа или монеты, тогда как остальные — в матрице, одна половинка которой представляет плоскую крышечку без каких-либо оттисков.

3. Вассалы ихшидов Согда

а) Пенджикент

Монеты 219—390. В настоящее время известно четыре типа монет города Пенджикента. Монеты афшинов Пенджикента, так же как и монеты верховных государей Согда (ихшидов), отлиты по китайскому образцу, но отличаются оформлением. Общим для монет всех четырех типов (тот признак, по которому монеты выделены в одну группу) являются знаки на лицевой стороне. Один из типов (219—227) представлен 8 крупными (д. 26—27 мм) массивными (4—5 г) монетами, на лицевой стороне которых помещены два знака, а на оборотной — сопроводительные легенды: pncy MR'Yn (')'m'wky'n 'афшин Панча (Пенджикента) Амōгйан'. Легенда содержит три слова: а) географическое название (области?) pnc-, оформленное суффиксом косвенного падежа -y: «Панча, принадлежащий Панчу», — позднейшее pncy knδ «город Панча», современный Пенджикент; б) семитическая идеограмма MR'Yn, впервые встреченное в согдийском написание известной идеограммы MR'Y,[1] в чем не оставляет сомнения контекст. Происхождение конечного -n неясно. Быть может оно соответствует конечному -n в слове афшин, которое в данном случае передает идеограмма MR'Y; в) имя ''m'wky'n (вариант 'm'wky'n) «Āмōгйан», имеющее отчетливую этимологию и чтение которого можно считать почти бесспорным, образовано по типу таких согдийских имен, как: pwšy'n, pwty'n, rnpy'n.[1] Слово (')'m'wky'n состоит из: а) (')'m'wk — производное от скр. Amogha 'незаблуждение' — эпитет индийских божеств, а также Будды; в согдийских текстах буддийского содержания оно засвидетельствовано в разных написаниях, которые объясняются неустановившейся орфографией,[2] и б) согдийского y'n 'милость', aw. yāna 'милость' божественная,[3] откуда согдийское 'm'wky'n соответственно получает перевод 'пользующийся милостью непогрешимого', т. е. Будды. Предложенное осмысление имени подтверждается наличием в согдийском языке такого имени, как вышеупомянутое Pwty'n (скр. Buddha+согдийское yān 'милость' со значением 'пользующийся милостью Будды'). Оба согдийских имени *Āmōgyān и Putyān, по-видимому, перевод индийских имен. Так, второе из них *Putyān может быть осмыслено как перевод индийского Buddharakṣita 'охраняемый Буддой' или Buddhagupta 'хранимый Буддой'.[4]

Когда царствовал Амогйан — не известно. Имя его нигде не встречено. Из сопроводительных к знакам надписям сделать какие-либо выводы нельзя. Обращает на себя внимание письмо легенд, чрезвычайно четкое и выполненное умелой рукой, но вместе с тем архаичное и этим отличающееся от письма легенд большинства согдийских монет второй половины VII в. и начала VIII в. Крайне архаичен и внешний вид монет.

---

[1] О ней см.: А. А Фрейман. Находка согдийских рукописей и памятников в Таджикистане. Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 12—13; А. А. Фрейман. Два согдийских документа на коже с горы Муг в Таджикистане. ВДИ, 1952, № 1, стр. 184.

[1] E. Benveniste. Textes Sogdiens édités, traduits et commentés par. . . (Mission Pelliot en Asie Centrale, III). Paris, 1940, 8, 173, 184.

[2] Ср.: E. Benveniste, ук. соч.: 8_{17} (''m'wk); 7_{129} (''m'wkp's); $7_{117, 143, 157, 176}$ (''mwkp's), $7_{2, 24}$ (''m'kp's).

[3] Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, 1285.

[4] Последнее соображение принадлежит В. С. Воробьеву-Десятовскому. Предварительные сведения о монетах с данной легендой и ее чтение см.: КСИИМК, 60, 1955, стр. 99.

Другой — четвертый (согласно списку) тип монет Пенджикента представлен 114 экземплярами (276—390), на лицевой стороне которых помещается вариант правого знака на монетах Амогйана. Знак крупней и занимает все поле кружка, так как резчик штампа искусно использовал рамку центрального квадратного отверстия монеты для его средней части. Надпись на оборотной стороне исполнена полукурсивом и содержит четыре слова: γwβ pncy MRY' βуδуn'(вар. βуδу'n) 'царь афшин Панча Бид. . . (?)'. При разборе надписи некоторые затруднения вызвало написание идеограммы MRY', вместо известного в согдийском MR'Y (MRY на монетах является правильным арамейским написанием этой идеограммы, тогда как вторая ее форма, в которой она закрепилась в согдийской и других среднеиранских письменностях, позднейшая). Таково же ее написание в документе 24 А 4 мугской коллекции (ZKn pncy MRY' δyw'štyc wγwšw srδ 'γ), и, следовательно, употребление отмеченной формы закономерно для данного времени и данной среды. Чтение имени (?) — последнего слова (четвертого) в легенде, оставалось неясным. Каждое слово рассматриваемой надписи независимо от количества его знаков занимает одинаковое по размеру место, равное одной стороне квадратной рамки центрального отверстия, вследствие чего последнее шестизначное слово легенды (имя) размещено на таком же пространстве, как трехзначное (γwβ) и четырехзначные (pncy, MRY') слова. Естественно, что при малых размерах кружков (17-22 мм) знаки искомого слова расположены крайне тесно, не имеют достаточной четкости очертаний и допускают различные чтения, в том числе предложенное ранее чтение βуδуn' и чтение βуδу'n.[1] Последнее поддерживается этимологией слова. Имя βуδу'n состоит из двух компонентов — βуδ- и y'n, второй из которых согд. y'n 'милость' образует, как было отмечено, многие имена собственные в согдийском, в том числе Амогйан (из скр. Amōgha и согд. yān 'милость') и pwty'n (из скр. Buddha и согд. yān 'милость'). Первый компонент βуδ- в известной нам согдийской лексике не засвидетельствован. То обстоятельство, что имя Амогйан, прочтенное на пенджикентских монетах, имеет в своем составе санскритский компонент, подсказало мысль обратиться к этому языку и для выяснения этимологии интересующего нас имени.

В древнеиндийском (в текстах буддийского содержания) широко распространены имена и прозвания (эпитеты) с компонентом vidyā-'тайное знание, магия', оно же и имя древней богини магии. Так vidyāraja 'владыка магии'.[1]

В свете этих данных состав согдийского имени βуδу'n представляется следующим: а) согд. βуδ- из скр. vidyā (среднеинд. bid) и б) согд. y'n 'милость', с общим значением «обладающий магической силой» или «пользующийся милостью (богини магии) Vidyā». Правильность предложенной этимологии подтверждается и тем, что заимствование такого типа имен из индийского имело место. Так, исследователь конца прошлого века Ф. Юсти внес в словарь иранских имен собственных имена Bidpay, из. инд. vidyāpati, и Bidnāk, образованное иранским суф. -nāk от того же слова.[2] В таком случае вся надпись на монете читается γwβ pncy MRY' βуδу'n 'царь афшин Панча Бидйан'.

Таким образом, два из царей местной династии в Панче (пенджикентской области) носили имена индийско-согдийские (буддийские по своему характеру), что заслуживает внимания, так как указывает с большой определенностью на связи если не этих лиц непосредственно, то, во всяком случае, династии с буддизмом. В этой связи упоминание в одном из документов с горы Муг буддиста (pwtkynyst) обращает на себя внимание.[3]

Тот факт, что у согдийцев буддизм был распространен, подтвержден данными письменных источников и общеизвестен, но какую именно форму он принял в Согде, мы не знаем.[4]

---

[1] О чтении легенд на монетах см. также: КСИИМК, 60, 1955, стр. 100; ЭВ, X, 1955, стр. 7—9.

[1] Franklin Edgerton. Buddhist hybrid sanscrit. Grammar and Dictionary, vol. II. London, 1953, стр. 488.

[2] F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, стр. 68.

[3] А. А. Фрейман. Опись рукописных документов, стр. 39 (док. 21, В 18).

[4] В этой связи известный интерес представит один из текстов (правда, происходящих из Китайского Туркестана), опубликованных В. Б. Хеннингом; в этом тексте дается сжатое и красочное описание богов-идолов и их капищ. Описание тем более любопытно, что его дает согдиец; перевод

Монеты 228—248 и 249—275 представлены двумя типами, знаки на лицевой стороне которых являются вариантами знаков на монетах с именами Амогйан и Бидйан. Расположение знаков такое же, как на монетах Бидйана (см. описание). Надписи, помещенные на оборотной стороне монет обоих типов, обе начинаются одинаково со слова pncy 'Панча', т. е. пенджи (кент)-ский, за которым следует прилагательное "δ 'первый', 'верховный' (из скр. ādi 'первый'), хорошо засвидетельствованное в согдийском в таких словах, как "δβγ-, "δδβγ- 'dieux suprême' в толковании Е. Бенвениста (собственно, перевод скр. ādibuddha), а также "δh и "δwh 'превосходство', 'первоначальность' и "δprm — 'первоочередной'.[1] Остальной текст не прочтен и до новых находок этого сделать, вероятно, невозможно.[2] Однако знак на лицевой стороне и слово pncy в составе легенд — достаточное основание для того, чтобы отнести данные экземпляры к монетным выпускам Пенджикента, хотя эти легенды и не содержат свойственного для уже известных нам монет правителей этого города титула MRY'. Отметим, что последнее слово легенды на монетах обоих типов оформлено показателем женского рода -h; последнее указывает, что легенда содержит женское имя или титул.

Таковы четыре типа монет города Пенджикента и его края. На всех четырех помещен один и тот же знак; это обстоятельство убеждает в том, что его следует считать родовым знаком пенджикентских афшинов. Обращает на себя внимание, что все четыре типа оформлены различным образом. Действительно, если для выпусков монет ихшидов Согда характерна определенная группа признаков, их объединяющая, то для разных типов монет афшинов Панча таковой нет, за исключением одного общего для всех знака. Чем объяснить подобную неустойчивость типа — сейчас мы еще не знаем. Возможно, что она отчасти связана с тем, что монеты с именем Амогйана, судя по их внешнему виду (оформлению), старше не только монет трех других пенджикентских типов, но и монет верховных правителей Согда: Вахшумана (вторая половина VII в.) и царствовавших после него. Прямых данных для их датировки у нас нет. Нет у нас прямых данных и для датировки остальных трех типов. Среди монетных находок на горе Муг в Таджикистане в 1932 г. оказались две монеты с именем Бидйана (см. выше, стр. 245), следовательно, монеты, принадлежащие к этому типу, были выпущены до 722 г. — года разрушения арабами мугского замка. Между тем на городище наиболее часты находки монет именно с легендой γwβ pncy MRY' βyδy'n. Так, за время раскопок было найдено 114 экземпляров монет с этой легендой. Кроме 114 монет, найден был еще клад из 129 (объект II) и маленький клад из 8 монет (объект XII). Таким образом, всего (за время работ на городище) найдено 247 монет этого правителя. Титулы на монетах Бидйана γwβ pncy MRY' повторяют те, которые были присвоены единственному нам до сих пор известному правителю Пенджикента — Диваштичу. Последний носил разные титулы, в том числе γwβ и pncy MR'Y (вариант MRY'). Автором настоящей статьи было высказано предположение, что в именах Бидйан и Диваштич следует видеть имя и нисбу (прозвание по месту происхождения) одного и того же царя Пенджикента.[1] Монеты с именем Бидйана, найденные в замке на горе Муг, могут служить подтверждением этому предположению. К сожалению, архив пенджикентского царя Диваштича, обнаруженный там же, как было указано, еще не опубликован и решить этот вопрос сейчас нет возможности.

В настоящее время приходится ограничиться констатацией факта, что монеты пенджикентского афшина Бидйана обнаружены в замке, непосредственно связанном с гибелью Диваштича. Когда были выпущены монеты с титулами правительниц — до монет с именем Бидйана или после, мы пока не знаем. Письмо их легенд, в особенности легенд на монетах 228—249, другое, чем на монетах Бидйана, и по своему характеру ближе к письму легенд на монетах Амогйана (ср. открытое р в слове pncy обеих надписей). Археологических данных для датировки монет группы у нас нет.

Как бы то ни было, но сейчас можно и должно считать твердо установленным одно: в Пенджикенте, в 60 км от Самарканда, выпускались монеты с именами его правителей; иными словами, в раннесредневековом Пенджикенте был, условно употребляя этот термин, монетный двор. Это наблюдение говорит о большом политическом и экономическом значении города и его района в раннее средневековье.

б) Другие центры Согда

Монеты 391—403. Принадлежат к монетам китайского образца и вариантов не имеют. Знак на их лицевой стороне — вариант того знака, который археологом В. А. Шишкиным по раскопочным данным определяется как знак бухарский. Его расположение на монетах такое же, как на монетах II—IV типов пенджикентских правителей. Где выпущены монеты — не известно. Довольно значительное количество их на городище (учитывая локальное значение меди) говорит о том, что эти монеты должны были быть выпущены в районах, территориально близких к пенджикентскому, а знак на их лицевой стороне — о том, что лицо, их выпустившее, принадлежало к одной из ветвей правящего бухарского рода.

На оборотной стороне имеется надпись из двух слов βγy β'mrytk. Слово β'mrytk состоит из: а) именного суффикса -k (-āk), б) производного от древнеиранского bāmya-, согдийского β'm 'свет' (ср. средне-парф. bām) и в) согдийского ryt 'лицо' (ср. ягнобск. rit 'перед'). Соответственно этому составу β'mrytk следует перевести 'светлоликий' (ср. qrmyr rytyy 'краснолицый' согдийско-манихейских текстов).[1] В качестве параллели к этому слову можно привести засвидетельствованное у Нершахи имя древнего царя Бухары Абруй (آبروی — буквально 'ясноликий'). Является ли оно в данном контексте именем собственным владетеля, выпустившего монету, или прилагательным, определяющим предшествующее ему слово в легенде, остается неясным. Соответственно с значениями слова легенда может быть понята как 'божественный Вамритак' или 'светлоликий государь'. Возможно также третье толкование легенды, связанное с основным значением слова βγy 'светлоликий бог'; но последнее мало вероятно, поскольку надпись на монете является сопроводительной, т. е. пояснительной к знаку. Что касается письма надписи, то она выполнена полукурсивом, знаки ее широко и свободно размещены. Отметим необычное написание -y в слове βγy, по начертанию совпадающее с начальным β того же слова, а также начального β (?) во втором слове, где таковое передано почти прямой чертой с наклоном слева вниз.

в) Усрушана и Чач

Группа монет Усрушаны и Чача занимает особое место среди согдийских монет. Монеты, составляющие ее, включают значительное количество разнообразных типов, отличающихся знаками на оборотной стороне и характером изображений на лицевой. Определение монет как принадлежащих к выпускам «монетных дворов» Усрушаны и Чача основано на археологических данных. Производившиеся раскопки дают следующую картину: в бассейне Зеравшана, кроме пенджикентского городища, ни на

текста следующий: «На северной стороне одна большая гора. У подошвы горы есть место богов (βγyšt'n). В капищах (βγn' — быть может, «божница»?) есть много богов (βγyštt), которые одарены речью, но которым весьма трудно служить. Далее, на склоне (?) горы, выше. . . имеются два капища (βγnyy) других: одно золотое, другое серебряное. Те из богов, которые внутри капища (βγny') инкрустированы разного рода драгоценностями, но они с людьми не говорят. Кто бы ни удовлетворил тех медных богов (rwδnyk βγyšt), которые суть в капище (βγny'). . .». Далее текст обрывается (издание и перевод см.: W. B. Henning. Sogdian talles. BSOAS, v. XI, 1945, part 3, стр. 473—474). Содержание приведенного отрывка лишний раз подтверждает достоверность тех сведений, которые мы находим в различных персо- и арабоязычных источниках. Обращают внимание слова автора о том, что идолы (букв. «боги») были инкрустированы драгоценными камнями. Описание идолов «бут» (согд. pwt-) у таких авторов, как ат-Табарй, Бел'ами (Та'арйхи Табарй), Несефй (Китаб ал-' Канд фй Та'арйхи Самарканд) и других, повторяет то описание их, которое мы получаем из уст согдийца. Последний, как следует из текста, называет их богами (βγ-).

[1] Об этом прилагательном см.: E. Benveniste. Essai de grammair sogdienne, II. Paris, 1929, § 129, стр. 159; а также: I. Gershevitch, ук. соч., § 434[2] и др.

[2] В 1955 г. найдено еще несколько таких же монет, легенды которых удалось прочитать. Непрочитанные слова оказались двумя женскими прозваниями-титулами. На монетах одного типа (как №№ 228—248) pnpnwh звание «госпожа соумужниц», т. е. старшая супруга, на другом (как №№ 249—275) β'mpnh 'царица'. Этимологии и значимости этих слов коснемся в специальной статье.

[1] ЭВ, X, 1955, стр. 8—9.

[1] I. Gershevitch, ук. соч., § 968.

одном из изученных археологами объектов (городище Афрасиаб и городище Тали-Барзу в районе Самарканда; городище Варахша и другие в районе Бухары) монеты этих типов не найдены. Не были они обнаружены и в районах южного Таджикистана. Иную картину дают районы к северо-востоку от Пенджикента, т. е. области древней Усрушаны и Чача. В 1940 г. монеты такого типа (как 404—421, 422 и 431 списка) были найдены А. И. Тереножкиным при раскопках на городище Ак-Тепе в районе Ташкента.[1] В 1945 г. две такие же монеты (как 404—421 списка) были обнаружены В. Ф. Гайдукевичем при раскопках холма Мунчак-Тепе на правом берегу Сыр-Дарьи (г. Беговат Ташкентской области.)[2] Таким образом, ареал монет данной группы определяется сейчас к северо-востоку от Пенджикента, между ним и Ташкентом. Древний Пенджикент и его район являлись той границей, за которой монеты, принадлежащие к этим типам, обращения, видимо, не имели.

Новые находки прибавляют к уже известным нам типам (см. список, стр. 224 и сл.) несколько других. К их числу принадлежат монеты 424—427, на лицевой стороне которых имеется погрудное изображение правителя; на их оборотной стороне находятся, как обычно, знаки (родовые эмблемы) и надписи. Вилообразный родовой знак на монете 424 такой же, как на большинстве уже нам известных монет Усрушаны. Знаки на остальных трех монетах по начертанию близки между собой, хотя и не одинаковы. Имеющиеся в них отличия таковы, что позволяют рассматривать их как различные варианты одной родовой эмблемы. Однако, несмотря на указанную общность знаков, лица изображенных на монетах правителей отличаются по своему виду. На одной из монет (426) изображен правитель с лицом тюркского типа, с высокими скулами и узким разрезом глаз. Отметим необычный характер прически: волосы убраны на прямой пробор и переданы толстыми изогнутыми штрихами от пробора до плеч; в двух местах волосы перебраны тесьмой (?) от виска к затылку и несколько ниже уха. Лицо правителя, изображенного на монете 427 (на оборотной стороне которой находился, судя по сохранившейся части, вариант того же знака), принадлежит к другому типу: глаза большие, подчеркнуто широко открытые, полные щеки и подбородок, маленький сжатый рот — отличительные его черты. Среди той знати, изображение которой мы находим в росписях стен зданий на городище древнего Пенджикента, близкой аналогии для этого изображения не имеется. Некоторое сходство с ним имеют, по мнению Н. В. Дьяконовой, терракотовые статуэтки из Синьцзяна, воспроизводящие так называемый центральноазиатский тип.

К сожалению, ни на одной монете надписи полностью не сохранились, и мы не знаем, кому принадлежали интересующие нас экземпляры. Единственно, что нам известно, это то, что правители, выпускавшие данные монеты, носили, как и некоторые согдийские князья, титул, согдийская форма которого γwβ-. Языковая принадлежность термина и его этимология неясны; в согдийских письменных памятниках он засвидетельствован широко (в том числе в памятниках согдийской литературы буддийского содержания). Любопытны остатки надписей на двух из этих монет с отмеченными выше почти одинаковыми родовыми знаками. Одна из этих надписей находится на лицевой стороне монеты 426 и состоит из одного слова prn; вторая надпись помещается на оборотной стороне монеты 425; начало и конец ее стерты (?); сохранившаяся часть состоит из двух слов, расположенных вокруг знака и, следовательно, являющихся пояснительной к нему легендой: . . . prn/βγγ. . . Слово *farn в согдийском соответствует юго-западному farr ('благодать'), из древнеиранского x'arənah, и обозначало в маздеистском, в частности в зороастрийском, мире, ту благодать, которой, по представлениям древних иранцев, должен был обладать представитель законной власти. По представлениям того же зороастрийского мира, такой благодатью (фаром) должны были обладать не только цари, но и священнослужители. Так, в источниках мы находим упоминания благодати царской (kayan x'arra) и благодати жрецов (asravan x'arra). Как та, так и другая изобразительными средствами передавалась иногда в виде нимба; так же передавали ее согдийцы, чему доказательством служат росписи пенджикентского городища.[1] Но на основании одного этого слова на монетах прийти к выводу о том, что царьки, их выпускавшие, принадлежали к маздеистской среде, а тем более к зороастрийской, — нельзя. Термин был широко распространен и проник через посредство согдийцев в буддизм, как, впрочем, и некоторые другие термины (ср. согдийско-манихейское bwt'ny frnyy, которое И. Гершевич переводит как 'Buddha-rank', а Х. В. Байли как 'the position of a Buddha').[2] Х. В. Байли отмечает, что народы Центральной Азии, исповедывавшие буддизм, освоили в какой-то мере зороастрийскую (быть может, лучше сказать маздеистскую) терминологию (ср. в языках хотанском — phārra из западноиранского, в карашарском — parām и parn, в кучанском — perne из восточноиранского). Вывод Х. В. Байли тем более важен для нас, что, как указывалось выше, тип изображенных на монетах царей Усрушаны и Чача ближе всего к типам тюркским и центральноазиатским, но отнюдь не к иранским.

Надпись prn/βγ(γ) на монете частично стерта, и сказать сейчас, передает ли она имя собственное лица, ее выпустившего, нельзя. В параллель к данному сочетанию можно привести заимствованное в западноиранском Ādur Farnbaγ — название одного из трех священных огней зороастрийцев, встречающееся в составе имен собственных зороастрийцев сасанидского Ирана, как например Ādur Farrbaγ-Narsē — имя известного иранского богослова.[3] Расположение надписи на монете допускает также чтение βγγ . . . -prn «божественный . . . -фарн»; в таком случае -prn легенды явится компонентом имени, начало которого не сохранилось. Сложные имена этого типа у согдийцев были достаточно широко распространены; к ним принадлежат такие имена, как βγγprn, myrprn, nwyprn, (Mahrnāmag), rtyprn (мугские документы) и др.

Знаки на монетах Усрушаны и Чача, как было отмечено, не имеют ничего общего с родовыми знаками согдийских князей бассейна Зеравшана и Кашка-Дарьи, что указывает на то, что в этих областях правили особые — местные — династии. Однако количество найденных монет еще недостаточно для того, чтобы выделить наиболее значительные из правивших в этих областях родов. Следует отметить бо́льшую распространенность монет различного типа с вариантами знака по сравнению с другими.

На основании сказанного можно прийти еще к одному немаловажному для истории нумизматики Средней Азии выводу: круг монет (меди) Усрушаны и Чача, представленный местными выпусками, был иным, чем круг монет (меди) собственно Согда с центром в Самарканде.

г) Неизвестные центры

Место находки (городище древнего Пенджикента), изображения и надписи позволяют отнести монеты четырех типов, занесенные под рубрику «Неизвестные центры», к кругу согдийских.

На лицевой стороне монет 431, 432 и 433 имеются портреты царя и царицы (или царевича?). Характер изображений и техника рисунка ставят эти монеты особняком от других нам известных типов. Некоторые черты в изображениях: передача носа, рта, овала лица, сближают их с монетой 427, но трактовка глаз другая.

К монетам того же типа принадлежит медная монета 78 раздела «Туранские монеты» нумизматического собрания Государственного Эрмитажа. На лицевой ее стороне в поле в круге из редко поставленных точек изображена пара (слева мужчина, справа женщина) с узкими прямого разреза глазами, продолговатым овалом лица и высокими скулами. У мужчины волосы на прямой пробор и стрижены в скобку; слева спускаются

---

[1] А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента, стр. 124. В статье монеты отнесены к III—IV вв. н. э. Новые материалы и письмо легенд позволяют уточнить данную в статье А. И. Тереножкина датировку.

[2] Данный экземпляр хранится вместе с другими монетами, происходящими с городища Мунчак-Теле, в Государственном Эрмитаже в Отделе Средней Азии. Инвентарный № $\frac{\text{М-43}}{260}$.

[1] Живопись древнего Пянджикента, табл. XIII и XIX.

[2] I. Gershevitch, ук. соч. § 1040; H. W. Bailey. Zoroastrian problems in the ninth-centery books. Oxford, 1943, стр. 54.

[3] Arthur Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Paris, 1936, стр. 159 и сл.

двумя прядями до уровня рта; пряди переданы двумя изогнутыми штрихами. Усы переданы прямыми штрихами вниз. Шея охвачена полукругом (вероятно, шейная гривна). Между изображениями на уровне подбородков три точки .·.; прочие детали стерты. На оборотной стороне в поле почти посредине знак ⊕; слева согдийская надпись (полукурсивом) MR'[Y] (армейская идеограмма 'господин'), далее стерто; справа другая — γ't(twn)h (?). Все в сплошном линейном круге (рис. 36).

Такие же монеты с том же знаком хранятся в Самаркандском музее.[1] Знаки, находящиеся на их оборотных сторонах, на согдийских монетах других типов не встречаются. Согдийская надпись на эрмитажном экземпляре позволяет всю группу монет отнести безоговорочно к кругу согдийских. Тип лица (тюркский) и трактовка изображений позволяют их выделить в особую группу. Данных для установления района выпуска таких монет у нас пока нет.

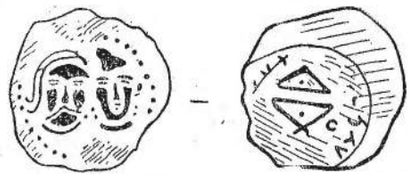


Рис. 36. Медная монета из собрания Государственного Эрмитажа с согдийской надписью.

§ 6. АББАСИДСКИЕ ФЕЛЬСЫ

Аббасидские фельсы занимают второе по количеству место среди монетных находок на городище. Всего монет найдено 139. Все найденные экземпляры чеканены при аббасидском наместнике Хорасана (будущем халифе) — ал-Махди. Из общего числа 153 определено 110 экземпляров; остальные 43 крайне плохой сохранности; надписи как на лицевой, так и на оборотной стороне многих монет стерты совершенно; сохранились, и то только частично, центральные легенды. В связи с этим принадлежность оставшихся 43 экземпляров к тому или иному типу определена быть не может.

Фельсы Аббасидов представлены пятью типами, один из которых (тип монет, битых от имени Ḫамзы, сына 'Амра, в 153 (770) г. х., монеты 513—531) встречается впервые. В собрании Государственного Эрмитажа монет такого типа нет. Среди изданных материалов других собраний их также нет. В надписях упоминается три лица Ḫамза, сын 'Амра, Ḫумейд, сын Каḫтаба, и ал-Махди — наместник Хорасана и будущий халиф.

Имя Ḫамза, сына 'Амра, в письменных источниках найти не удалось. Ат-Табари упоминает некое лицо Ḫамза, сына Малика, который был назначен в 134 (751—752) г. х. наместником в Саджестан (Систан); назначение его последовало одновременно с назначением Джабраила, сына Йаḫьи в Самарканд (و فيها ولّى حمزه بن مالك سجستان و ولّى جبرئيل بن يحيى سمرقند).[1] По-видимому, он же (т. е. Ḫамза, сын Малика) был какое-то время наместником Хорасана; так, в 177 (793—794) г. х. некий Ḫамза, сын Малика, был отозван из Хорасана и на его место был назначен ал-Фадл, сын Йаḫьи.[2] Идет ли речь в указанных местах у ат-Табари и других авторов о том лице, имя которого упомянуто на монетах, — не известно; достаточно данных для идентификации их нет. Ḫумейд, сын Каḫтаба — известный наместник Хорасана; в правление халифа Мансура он выступает в качестве заместителя ал-Махди, наследника и будущего халифа, а позднее при ал-Махди, когда тот становится халифом, — в качестве самостоятельного наместника Мерва, т. е. всего Хорасана. Известны монеты, чеканенные от имени Ḫумейда в 155 (771—772) и в 156 (772—773) гг. х. в Мерве. Согласно ат-Табари, Ḫумейд скончался в Хорасане в 159 (775—776) г. х.[3]

В связи с легендами на монетах отметим следующие моменты:

1) Надписи на монетах Да'уда 143 г. х. (435—446) выполнены каллиграфическим куфи; головки букв украшены точками. Резчик штампа, без сомнения, прекрасно владел арабским языком и его письменностью. Вероятнее всего, то был мастер не местный, а вывезенный из Ирака, возможно не непосредственно из него, а из Мерва, где чеканка арабской монеты была уже в известной мере освоена. Иначе обстоит дело с монетами преемника Да'уда в Самарканде эмира ал-Аш'аса. На трех вариантах его монет надписи выполнены крайне простым, но четким куфи умелой рукой человека, хорошо знакомого с арабским письмом и языком. Что касается легенд на монетах четвертого варианта, то письмо их грубое и неуклюжее; отдельные буквы вовсе пропущены, и пропущены не по небрежности, а в результате полного непонимания резчиком штампов текста надписи. Так, вместо слов وحده (в поле лицевой стороны) резчик вырезал группу знаков محد, смешав, видимо, начертание их с начертанием имени محمد; круговая легенда на лицевой стороне не читается и является механической копией с надписи на монете, послужившей резчику образцом; форма знака (на оборотной стороне) неправильная; круговая надпись искажена и не читается (монеты 485—493). Неизбежно приходишь к выводу, что мастер, резавший штамп, которым отчеканены монеты, не знал ни арабского языка, ни арабского письма; он только копировал и копировал неумело, ибо смысла надписи он не понимал. Между тем почерк, которым выполнены надписи на фельсах других типов, найденных на городище, уже выработан. Укажем, что почерк экземпляров, отчеканенных на монетном дворе Бухары, имеет особые черты, отличающие его от почерка монет, чеканенных в Самарканде. Отмеченная разница в письме легенд разных монет, битых в Самарканде от имени ал-Аш'аса, заслуживает внимания. Следует думать, что на фельсах первых Аббасидов оказался зафиксированным один из этапов освоения арабской письменности Согдом. Вероятнее всего, что именно в эти годы арабская письменность была установлена в качестве официальной письменности государства и начинает осваиваться согдийцами. Для Хорасана это мероприятие имело место несколько ранее — в 124(742) г. х. Фельсов, битых в Самарканде или Бухаре ранее 142(759—760) г. х., мы пока не знаем.

2) На монетах с именем Да'уда (143(760—761) г. х.) воспроизведен 22-й стих 42-й суры Корана: «В награду за это я прошу у вас только любви к (моим) близким». Эти слова помещены в качестве центральной легенды на оборотной стороне монетного кружка. Как известно, указанный стих Корана помещался на монетах, чеканенных приверженцами Аббасидов в смутное время становления власти аббасидской династии. Первый по времени известный нам экземпляр дирхема с такой легендой отчеканен в 128(745—746) г. х. при Омейяде Мерване II в Хорасане (место чекана город Джей). В поле лицевой стороны обычный символ веры: «Нет бога, кроме Аллаха, а он един»; символ заключен в две концентрические легенды; внутренняя — указанная часть 22-го стиха 42-й суры Корана; другая (наружная) — год и место чекана (بسم الله ضرب بجى سنة ثمان و عشرين و مئة). Что касается оборотной стороны, то она выбита по общему типу омейядских дирхемов.[1] Лицо, отчеканившее дирхем, остается неизвестным. В дальнейшем тот же стих Корана помещает на фельсах, выбитых от своего имени, Абу Муслим, эмиссар Аббасидов и наместник Хорасана (129(746)—137(755) гг. х.). Известные нам фельсы с его именем выбиты в 131(748—749), 133(750—751), 134(751—752) и 135(752—753), 136(753—754) гг. х. На лицевой стороне фельсов чеканки 131 г. х. в поле в круге из точек помещается, как обычно, первая часть символа веры; в качестве круговой легенды использован указанный стих Корана: قل لا اسلكم عليه اجرا الا المودة فى القربى 'Скажи: в награду за это я прошу у вас только любви к (моим) родным'. На оборотной стороне в поле в центре вторая часть символа веры и круговая легенда, содержащая выпускные данные: بسم الله مما امر به ابو مسلم امير آل محمد سنة احدى و ثلثين و مئة 'Во имя Аллаха! То, что приказал (выбить) Абу Муслим эмир рода Мухаммеда, года 131 (хиджры)'.[2] В 133 г. х.

---

[1] Материалы, стр. 44, №№ 3—6.

[1] Ат-Табари, III, стр. 80.

[2] Ibn-Wadhih qui dicitur al-Ja'qubi, Historiae. . . , edit. M. Th. Houtsama. Lugdani Batavorum, 1883, стр. 87; Ибн ал-Асир, VI, стр. 44.

[3] Ат-Табари, III, стр. 459.

[1] В. Тизенгаузен. Монеты восточного халифата. СПб., 1873, № 656.

[2] Рукописный каталог восточных монет Государственного Эрмитажа, составленный Р. Р. Фасмером. Аббасиды, т. 2, стр. 178, № 32.

Абу Муслим чеканит монеты с той же легендой, но, как полагают, со своим именем, а не куньей. Как и на фельсах 131 г. х., монетный двор не обозначен. На лицевой стороне в поле первая половина символа веры и круговая легенда: بسم الله مما امر به الامير عبدالرحمن بن مسلم سنة ثلث و ثلثين و مئة 'Во имя аллаха! Из того, что приказал (выбить) эмир Абдаррахман ибн Муслим, года 133 (хиджры)'; на оборотной стороне в поле вторая часть символа веры и круговая легенда — указанный стих. Таким образом, на фельсах 133 г. интересующая нас легенда перемещена на оборотную сторону монетного кружка, а выпускные данные указаны в круговой легенде лицевой стороны. Фельсы выпуска 134 г. хиджры оформлены по типу фельсов 133 г. х. Фельсы, выбитые в 135 и в 136 гг. х., по типу отличны от фельсов 133 и 134 гг. х.: в поле на оборотной стороне вторая часть символа веры расположена в две строки, между которыми помещено украшение: | محمد | رسول الله.[1] Фельсов с именем Абу Муслима 137 г. х. нам не известно. После гибели Абу Муслима ту же надпись, т. е. указанную часть 22-го стиха, помещает на своих фельсах ближайший сподвижник Абу Муслима и его преемник в качестве наместника Хорасана Абу Да'ӯд Ха̄лид (убит в 140(757) г. х.). Нам известны фельсы этого наместника, отчеканенные в 138(755—756) г. х. На лицевой стороне его фельсов (так же как на фельсах Абу Муслима) помещены выпускные данные; на оборотной в качестве круговой легенды указанный стих.[2] В 143(760—761) г. х., как мы видели, тот же стих Корана использует в свою очередь Да'ӯд, сын Гура̄за. Этот факт свидетельствует об известной преемственности монетного чекана Абу Муслима, Абӯ Да'ӯда и Да'ӯда, сына Гура̄за, а также, вероятно, и об единой их политической линии. Что касается самой легенды (стиха Корана), ее следует рассматривать как своеобразный лозунг (крайне, надо сказать, удачно размещенный) сторонников Аббасидов в момент становления власти Аббасидов, лозунг, впоследствии снятый представителями этой династии. В этой связи надо отметить, что, согласно данным ат-Табари, Да'ӯд принадлежал, как и Абӯ Да'ӯд, к числу ближайших сподвижников Абу Муслима.[1] Хорасанец по происхождению, он присоединяется к Абу Муслиму с первых же дней поднятого последним в Хорасане восстания. Во всяком случае, в 129 г. х. Да'ӯд находился вместе с Абу Муслимом в махуванском лагере и возглавил лагерь рабов в селении Шавваль. Впоследствии известный полководец Аббасидов Да'ӯд принимает активное участие сперва в подавлении восстания против Аббасидов в Ираке в 145 (762—763) г. х., а затем в подавлении восстания населения Хорасана против арабов в (150(767)—151(768) гг. х.). Время и обстоятельства его смерти нам не известны. На других аббасидских фельсах, ни до, ни после, подобная легенда более не встречается и данная преемственность чекана прерывается; вместо нее намечается другая, а именно: на фельсах (на их оборотной стороне), чеканенных в 144(761—762) г. х. в Самарканде от имени преемника Да'ӯда ал-Аша'са, появляется родовой знак ихшидов Согда. Появление родового знака ихшидов на аббасидских фельсах отнюдь не является случайным. Этот факт говорит о попытке арабских (местных) властей узаконить свою власть в глазах местного населения, установить известную преемственность чекана между фельсами и монетами прежних властителей Согда. С чем (с какими событиями, изменениями в политике) это непосредственно было связано — не известно. Тот же ал-Аш'ас до своего назначения в Самарканд находился в Бухаре. Однако на экземплярах, чеканенных от его имени в 143(760—761) г. х. в Бухаре, родового знака бухарских владык он не помещает; тогда как позднее в 148(765—766) г. х. другой арабский чиновник в Бухаре Ма'бад выпускает монету со знаком владетелей Бухары на оборотной стороне. Когда прекращают названные монетные дворы вообще помещать на монетах знаки местных династий — сказать сейчас трудно. Во всяком случае, на монетах 151(768) г. х., отчеканенных в Бухаре, и на монетах 153(770) г. х., отчеканенных в Самарканде, этих знаков уже нет.

В тексте легенд засвидетельствованы термины «а̀миль», «эмѝр» и «халиф». Общепринятое значение термина «а̀миль» ('а̀мил) — 'чиновник, ведающий сбором налогов', 'сборщик налогов', в противоположность термину «эмѝр» (амѝр), обозначавшему лицо, в руках которого сосредоточивалась власть военная. По ат-Табари, то же у Ибн ал-Асира, термин «а̀миль» (во всяком случае, в годы завоевания Средней Азии арабами) прилагался безотносительно к тем и другим. Так, под 93(711—712) г. х. читаем: ثم رجع قتيبة الى مرو . . . وكان عامله على خوارزم اياس بن عبد الله على خرجها و كان ضعيفاً و كان على خراجها عبد الله 'Затем пошел Кутейба на Мерв. . . и был его а̀милем в Хорезме в отношении войн его Аййа̄с, сын Абдаллаха, и был он слабым (в этом деле), а (амилем) в отношении (сбора) его (Хорезма) налогов был Абдаллах'.[1]

При первых Аббасидах и позднее источники, как правило, прилагают наименование «а̀миль» к арабским чиновникам, ведавшим финансовым округом. Так именуют их источники, так именуют себя и они сами. На монетах, выбитых в 151 г. х. в Бухаре (501—512) от имени ал-Джунейда, читаем: «Приказал (выбить) его (фельс) ал-Джунейд, сын Ха̀лида (sic!) 'а̀мил имама̀ ал-Махди»; однако в то же время Да'ӯд именует себя на монетах эмиром. В некоторых случаях источники прилагают термин «а̀миль» к наместникам Мерва, т. е. всего Хорасана (кроме, естественно, ал-Махди). Именно так ат-Табари называет Абӯ Да'ӯда Ха̀лида[2] и Хумейда.[3] Сам Хумейд не именует себя 'а̀милем, а называет себя «халифа», что собственно значит «заместитель», и рассматривает себя как наместника ал-Махди, о чем свидетельствуют его монеты (чекан Мерва 155 и 156 гг. х.) с надписью: «То, что приказал (выбить) эмир Хумейд, сын Кахтаба, халифа ал-Махди». Кажущаяся неустойчивость применения того или иного термина по отношению к различным лицам, по-видимому, объясняется широтой тех полномочий, которые предоставлялись чиновникам центральной властью (халифом или наместником). Такие начальники областей (а̀мили или эмѝры на местах), будучи ответственны за состояние своей области (ее административной подчиненности) и сборы налогов, подчинялись, как известно, непосредственно наместнику Мерва (Хорасана); последний, в свою очередь, подчинялся Ираку. Отмеченная трехстепенная зависимость нашла, как видим, свое отражение также в нумизматическом материале.

Тип монет с именем Хумейда (513—531) достаточно ярко иллюстрирует сказанное: на лицевой стороне монеты Хумейда читаем надпись: «Из того, что приказал (выбить) Хамза, сын 'Амра, в наместничество эмира Хумейда, сына Кахтаба», тогда как на оборотной помещена надпись следующего содержания: «Во имя Аллаха выбит (фельс) в Самарканде в наместничество ал-Махди, в году 153».

Предшественники Хамзы Ма'бад и ал-Джунейд в Бухаре, Да'ӯд, сын Гура̄за, и ал-Аш'ас в Самарканде подчинялись непосредственно ал-Махди, наместнику и Хорасана и Ирака. Фельс Хамзы интересен еще тем, что в его надписи оказалась зафиксированной дата (153 г. х.), когда ал-Махди фактически перестает быть наместником собственно Хорасана и передает непосредственное управление им другому лицу — Хумейду. С этого времени Хумейд именует себя халифа — «наместник» ал-Махди, а на монетах, чеканенных от его имени в Мерве в 155 и 156 гг. х., появляется вышеприведенная надпись.

Из найденных на городище фельсов определено 94; однако среди них экземпляров, принадлежащих одному и тому же областному наместнику, с двумя разными годами чекана нет. Так, все 43 монеты ал-Аш'аса отчеканены в 143 г. х., а 19 монет с именем Хамзы в 153 г. х., что может говорить о том, что срок пребывания этих лиц в должности начальника (а̀миля или эмѝра) финансового округа был кратковременным и чиновники долго не засиживались на одном месте. Правильность такого положения подтверждается материалами источников. Сопоставим их сведения с данными монет: ал-Аш'ас чеканил в Самарканде монету со своим именем в 144 г. х., а в 143 г. х., т. е. в предшествующем году, выпускал от своего имени монеты в Бухаре. Ал-Джунейд, постав-

---

[1] Там же, стр. 179, №№ 34—36 и 37.
[2] В. Тизенгаузен. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873, стр. 68, № 695.

[1] Подробнее об этом фельсе см.: Сборник памяти А. Ю. Якубовского. КСИИМК, 61, 1956, стр. 102—106.

[1] Ибн ал-Асир, IV, стр. 455—456.
[2] «А он амиль Абу Джа'фара Мансӯра» (ат-Табари, III, стр. 128).
[3] «И умер в этом году (159 г. х.) Хумейд, сын Кахтаба, а он амиль аль-Мехди в Хорасане» (ат-Табари, III, стр. 459).

ленный в 151 г. х. амилем в Бухаре, в 163 г. х. отправлен в качестве амиля в Хорезм.[1] Ма'бад в 148 г. х. был амилем Бухары, а в 157 г. х. он, согласно ат-Табари, получает назначение амилем в Синд.[2] Из контекста следует, что в момент своего назначения в Синд Ма'бад уже не был (с какого времени не известно) амилем в Бухаре, а находился в Хорасане, где исправлял какую-то должность; у ат-Табари читаем: فيها ولى معبد بن الخليل السند و عزل عنها هشام بن عمرو و معبد يومئذ بخراسان و كتب اليه بولايته 'И в этом году (157 г. х.) был назначен Ма'бад, сын ал-Халила, в Синд, а Хишам, сын 'Амра, был отстранен оттуда, Ма'бад же тогда (был) в Хорасане'. Для Самарканда этого времени в источниках встречается ряд имен его амилей, в том числе Джабра'ил, сын Йахьи, Сабих, сын Исма'ила, Зунбаг, сын ан-Ну'мана и Зийад, сын Салиха. Эти имена на известных нам монетах не засвидетельствованы, и, наоборот, некоторые из имен на монетах в качестве имен амилей (или эмиров) в источниках не встречены. То же следует сказать относительно другого центра — Бухары. Какие именно лица назначались начальниками монетных дворов и получали право чеканить монеты (медь) от своего имени — нам не известно. Как часто имели место переброски амилей, сказать сейчас трудно. Вероятнее всего, что в должности амиля одного центра (округа) одно и то же лицо не пребывало более года, свидетельство тому монеты.[3] В связи с чем имели здесь место подобные переброски — нам документально не известно. Следует полагать, что делалось это во избежание крупных хищений. Каково же было отношение верховной власти к этим чиновникам, можно судить хотя бы на основании слов ат-Табари касательно ал-Джунейда и Ма'бада (амилей Бухары). Цитирую по ат-Табари: «В этом году (140 г. х.) Абу Джа'фар назначил наместником в Хорасан Абу ал-Джа'бара, сына 'Абд-ар-Рахмана. И он прибыл туда. И схватил он там людей из тех предводителей (кувваД), о которых было упомянуто, что он подозревал их в призыве к сыну 'Али, сыну Абу Талиба; из них: Муджаша', сын Харица ал-Ансари, владелец (сахиб) Бухары, и Абу ал-Мугайра, клиент племени Тамим, а имя его Халид, сын Касира, и он владелец (сахиб) Кухистана, и ал-Хурейш, сын Мухаммеда аз-Зухли, сын дяди Абу Да'уда, и убил их. И заключил в темницу ал-Джунейда, сына Халида, сына Хурейма ат-Таглиби и Ма'бада, сына ал-Халила ал-Музейни после того, как подверг их мучительному бичеванию; и заключил в темницу известное количество сановников Хорасана (мин вуджухи кувваДи ахли Хурасана). И он требовал неотступно взыскания того, что (осталось) на амилях Абу Да'уда из остатков (налоговых) сумм (амвал)».[1] Однако подобное обращение с их особами не помешало позднее одному из этих чиновников (Ма'баду) в 148 г. х., а другому (ал-Джунейду) в 151 г. х. снова выступать в качестве представителей арабской власти в Бухаре. Этот отрывок лишь служит яркой картинкой тогдашних нравов. В этой связи нет ничего удивительного, что собственные имена отдельных амилей встречаются в источниках большей частью только случайно в связи с теми или иными событиями, как например теми, о которых сообщается в вышецитированном отрывке из ат-Табари.

Сказанного достаточно, чтобы уяснить себе тот интерес, который представляет содержание легенд на фельсах из раскопок для выяснения некоторых моментов политики первых Аббасидов в среднеазиатских частях халифата. Отметим также, что исследование ранних фельсов представит интерес и со стороны эпиграфической.

---

[1] Nerchakhy, Mohammad. Description topographique et historique de Boukhara par. . . Texte persan publ. par Ch. Schefer, Paris, 1842, стр. 92.

[2] То же лицо упоминается в «Истории Бухары» Нершахи. Согласно ее тексту, Ма'бад ал-Хейл (معبد الخيل, искаженное معبد بن الخليل) был эмиром Бухары и по его имени названы одни из ворот этого города; по ат-Табари, Ма'бад скончался в Синде в 159 г. х. (ат-Табари, III, стр. 461).

[3] Совпадение года выпуска на монетах одного и того же чиновника может быть объяснено и иначе, а именно: эти выпуски меди являлись серийными; в таком случае медные монеты с одной и той же датой могли выпускаться в течение ряда лет (до смещения или переброски лица, чеканившего данный тип). Однако даже если дело обстояло так, это не меняет существа вопроса, поскольку факт переброски чиновников подтверждается источниками.

[1] Ат-Табари, III, стр. 129.

III. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СОГДА

1. О знаках на монетах

Родовые знаки, или эмблемы, встречающиеся на монетах согдийских правителей, представляют значительный интерес как материал для решения вопросов о династических и родовых связях, уже не раз ставившихся в печати.

На согдийских монетах, происходящих с пенджикентского городища, имеются различные знаки, большая часть которых является вариантами четырех основных: У-образного и трехконечного знаков, знака с ромбовидной средней частью и знака в виде косого креста.

Первый из них, У-образный знак, является эмблемой правителей самаркандского рода, «канского дома» китайских хроник. Различные его варианты встречаются на всех без исключения монетах (17—210) верховных правителей Согда: от первого известного нам ихшида второй четверти VII в., Шишпира, и до последнего Тургара, правившего в середине VIII в., а также на монетах разных типов, принадлежащих удельным князьям (211—213).[1] Позднее, во второй половине VIII в., вариант того же знака, но уже в стилизованном под арабское куфическое письмо виде, помещается на фельсах, чеканенных от имени арабских наместников Самарканда (447—497).

Происхождение У-образного знака нам не известно. По сведениям китайских хроник, самаркандский правящий род кушанского происхождения.[2] У-образный знак на согдийских монетах в его различных вариантах является, как предполагают, дальнейшей эволюцией знака хорезмийских монет.[3] Нумизмат А. К. Марков отметил в свое время известную близость этого последнего с династийным знаком кушанских царей. Сходство знаков представителей самаркандского рода со знаками правителей Хорезма указывает на древние родовые связи согдийских и хорезмийских династий.

Второй знак, трехконечный, с плавно загнутыми в одну сторону концами, встречается на монетах первых четырех представителей самаркандской династии — Шишпира, Вахшумана, Тукаспадака и преемника последнего Мартана(?) — Нинйе-шы-шы китайских авторов (17—88), а также на некоторых монетах вассальных князей, в том числе Ахурадата (155—184 и 211). На остальных монетах ихшидов знак не помещается и, следовательно, не может

Рис. 37. Монета из Топрак-Кала с трехконечным знаком.

Рис. 38. Монета из Мунчак-Тепе с трехконечным знаком.

рассматриваться как эмблема самаркандского рода. Трехконечный знак был присвоен другому роду. Породнившись с ним, согдийские ихшиды присоединяют этот знак к своему и помещают его на монетах рядом со своим родовым знаком — У-образным.

Варианты трехконечного знака встречаются на медных монетах Хорезма и территории северной Бактрии (южный Таджикистан). Хорезмийские монеты с таким знаком на оборотной стороне найдены на Топрак-Кала (рис. 37); на их лицевой стороне находится портрет царя в диадеме из гладкого широкого обруча с низко поставленным над ним полумесяцем.[1] Монеты с трехконечным знаком из северной Бактрии происходят с холма Мунчак-Тепе (Микоянабадского района). Мунчакские монеты (всего 7 экз.) отлиты по китайскому образцу (с круглым центральным отверстием). Знак расположен на лицевой стороне кружка и занимает все его поле (рис. 38); на оборотной стороне на-

---

[1] Ср.: Материалы, стр. 37, №№ 1—16.

[2] «Прозвание государя Вынь. Он происходит из Дома Юечжи» — Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II. М.—Л., 1952, стр. 271, 281, 310.

[3] О знаках на хорезмийских монетах см.: С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 184 и 185, воспроизведение знаков — рис. 109 и 110.

[1] С. П. Толстов, ук. соч., стр. 182, рис. 108.

ходятся сопроводительные к знаку легенды, выполненные неизвестным полукурсивным письмом, близким к письму эпиграфических памятников, в том числе и монет, именуемому Р. Гиршманом тохарским.[1] По нумизматическим данным (тип монеты, полукурсивное письмо легенд), монеты могут быть отнесены к VII — началу VIII в., однако обнаруженная вместе с ними эфталитская драхма (подражание монетам Пероза) и весь археологический комплекс, в котором эти монеты были найдены, определяют их время VI—VII вв. Ареал медных монет в раннем средневековье был, как и позже, ограничен, и потому найденные на Мунчак-Тепе образцы должны принадлежать к определенному кругу монет, обращавшихся на территории северной Бактрии, вероятнее всего, судя по археологическим данным, при эфталитах; знак же трехконечной свастики, как то можно с достаточным основанием предположить, являлся эмблемой одного из правивших на этой территории при эфталитах родов.

Окончательное разрешение вопроса, что сможет иметь место только после дешифровки легенд монет, не меняет его существа: совпадение родового знака на мунчакских монетах с одной из эмблем на монетах ихшидов Согда указывает на родство правящего самаркандского рода (канского дома) с одной из династий северной Бактрии. В конце VII в. трехконечный знак на монетах согдийских ихшидов исчезает и заменяется другим, не имеющим ничего общего с ним по очертаниям и новым для династии, — третьим знаком — ромбовидным.

Этот третий знак отмечен только на монетах ихшида Тархуна (700?—710 гг.), на которых он помещается, в качестве сопровождающего к У-образному, т. е. к эмблеме самаркандского рода.

Лицевая сторона монет Тархуна обычно стерта, и знаки на ней плохо различимы, в связи с чем их некоторые особенности не привлекали к себе внимания. Среди пенджикентских находок оказалось несколько экземпляров, на которых знаки очерчены с достаточной ясностью. Один из них (левый) представлен особым знаком, имеющим форму ромба, опирающегося нижним острым углом на П-образную подставку; верхний (противоположный) острый угол ромба заканчивается расходящимся округлым завитком и ломаной линией. Этот знак — вариант родового ромбовидного или квадратного (в зависимости от типа монеты) знака правителей Пенджикента (Амогйана, Бидйана и др.) (различные формы пенджикентского знака см. стр. 223). На монетах Тархуна знак имеет (как на монетах Амогйана) ромбовидную форму и несколько вытянут в длину, так как зажат между рамкой квадратного отверстия и ободком кружка. Общность одного из знаков ихшида Тархуна и пенджикентских афшинов указывает на существование родственных связей этого царя с пенджикентской династией. Некоторые, правда косвенные, данные письменных источников свидетельствуют о том же. Так, текст известного арабского документа, найденного на горе Муг, убедительно говорит о существовании каких-то, достаточно тесных связей между пенджикентским афшином Диваштичем и ихшидом Согда Тархуном,[1] которые обрываются с гибелью последнего; во всяком случае, на монетах преемника Тархуна, Гурека, ромбовидный знак более не фигурирует.

Четвертый знак, который условно принято называть крестообразным, встречается на монетах двух ихшидов, Гурека (710—738 гг.) и его сына Тургара (738—не ранее 750 г.), на которых знак, как и предыдущие два (трехконечный и ромбовидный), выступает в качестве добавочной к основной эмблеме рода, к У-образному знаку. Тот же знак имеется на происходящих с Пенджикентского городища монетах с надписью βγу β'mrytk (391—403).

В 1937 г. при обследовании развалин Пайкенда, в Бухарском оазисе, В. Н. Кесаев собрал некоторое количество разных монет домусульманских бухарских государей; на оборотной стороне монет находится крестообразный знак и пояснительные легенды к нему письмом арамейского происхождения (унциальным), по настоящее время не разобранные.[2]

[1] R. Girshman, ук. соч., стр. 63.

[1] В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Древнейший арабский документ из Средней Азии. Согдийский сборник, М.—Л., 1934, стр. 67, 68.

[2] О характере письма на монетах Бухарского района (по материалам Государственного Эрмитажа) см.: М. М. Явич. О неисследованном среднеазиатском алфавите. ТОВЭ, IV, 1947, стр. 210 и сл.; В. А. Лифшиц, К. В. Кауфман и И. М. Дьяконов. О древней согдийской письменности Бухары. ВДИ, 1954, 1/47, стр. 154 и сл.

В последние годы Узбекской Академией наук снова были развернуты археологические работы на городище Варахша того же Бухарского оазиса, во время которых было найдено множество монет разного типа с тем же крестообразным знаком. В. А. Шишкин, возглавляющий эти работы и специально занимавшийся одно время нумизматическими материалами, происходящими с городища, пришел к заключению, что крестообразный (или, согласно его описанию, Н-образный) знак представляет эмблему бухарских правителей. Этот вывод тем более интересен, что китайские хроники отмечают родовые связи между самаркандской и бухарской династиями и говорят о кушанском происхождении последней.

Крестообразный знак встречается на бухарских монетах разного типа и разного времени. К наиболее ранним из них принадлежат медные выгнутые монеты, на лицевой стороне которых изображена голова в профиль вправо, увенчанная диадемой. На оборотной стороне находится изображение пылающего жертвенника и надпись. Вместо жертвенника обычной формы на монете изображен крестообразный знак, что дало повод некоторым исследователям считать его схематическим изображением жертвенника. На некоторых монетах (в том числе на бухарских подражаниях драхмам Варахрана V) этот знак помещается рядом с жертвенником и идентифицирован с ним быть не может. Указанный тип бухарских монет М. М. Явич, основываясь на их связи с аршакидскими, относит к III—IV вв.[1] В. А. Шишкин считает такую датировку возможной.[2] Тот же крестообразный знак свойствен бухарским монетам китайского образца VII в. В середине VIII в. вариант того же знака встречается на монетах представителей арабской власти в Бухаре (498—500). Таким образом, по материалам знаков намечаются еще новые династийные связи Самарканда, на этот раз с Бухарой.

Итак, знаки на согдийских монетах говорят, во-первых, о том, что в Согде царствовала династия, представители отдельных ветвей которой правили во владениях, зависимых от центральной власти; во-вторых, о том, что между отдельными династиями, правившими в различных частях раннесредневековой Средней Азии, существовали определенные родственные и политические связи. О существовании таких династий и о политических и родственных связях между ними свидетельствуют и сведения, которые мы находим в письменных памятниках (китайских хрониках и арабских и персидских исторических сочинениях); нумизматические данные являются важным тому подтверждением. Большим минусом, несомненно, является то обстоятельство, что монеты вассалов ихшидов Согда и удельных его князей не могут быть пока точно датированы и неизвестно, с какими монетами ихшидов они синхронны; то же самое должно сказать и о монетах Хорезма, Бухары и районов северной Бактрии; следовательно, и время указанных связей уточнено быть не может. Мы может только констатировать тот факт, что в пределах VII—VIII вв. таковые существовали.

Знаки и типы монет, с ними связанные, дают известное основание считать, что таких господствующих родов в рассматриваемый период (VII и VIII столетия) было три. Разные сочетания знаков определяют родственные связи самаркандской династии с другими в различные периоды ее существования. Имело ли какое-либо значение место, которое занимал на монете тот или иной знак (справа или слева от центрального отверстия), сейчас сказать трудно; во всяком случае, на монетных выпусках одного государя они не перемещаются. На монетах удельных князей сочетания двух разных знаков встречаются редко; знаки обычно размещены на одной стороне с надписью и занимают второстепенное место на оборотной стороне монеты, в то время как на лицевой находится соответствующее типу изображение.

На основании тех же знаков следует, что в Пенджикенте правила особая местная династия. Особые местные династии царствовали и в районах к северу от Туркестанского хребта, в бассейне Сыр-Дарьи. Материалов для суждения об этих последних, кроме отдельных замечаний в китайских анналах, у нас пока нет. Мы можем отметить лишь то, что, согласно сведениям, которые сообщают китайские чиновники, области бассейна Сыр-Дарьи в VII (с середины VII в.) и в пер-

[1] М. М. Явич, ук. соч., стр. 214—218.

[2] В. А. Шишкин. Варахша (предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.). СА, XXIII, 1955, стр. 108.

вой половине VIII в. находились в зависимости от самаркандского центра.

Схематически взаимоотношение отдельных родов Согда по данным монет (знаком на них) представлена на таблице VI. Истолкование знаков на согдийских монетах как наследственных (родовых) эмблем — своеобразных царских (княжеских) гербов — не может вызвать возражений. О правильности подобного истолкования знаков свидетельствуют прежде всего те подписи, которые

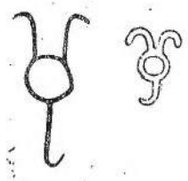


Рис. 39. У-образный знак на сосудах из Пенджикента.

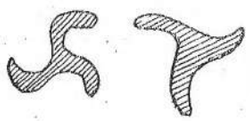


Рис. 40. Трехконечный знак на сосудах из северной Бактрии.

сопровождают знаки и содержат имя и титул царя; подтверждают это и некоторые другие находки. Так, в 1948 г. на цитадели Пенджикентского городища был найден клад, состоящий из небольшого количества разных бус и железного перстня с полудрагоценным камнем, на котором вырезан трехконечный знак, такой же, как на монетах ихшидов Согда. Такие резные камни в Средней Азии, и в частности в Согде, служили личными печатями. Среднеазиатские авторы именуют их обычно «мухр» (مهر), собственно 'печать'. Перстни, в которые были вставлены такие камни (нагин), считались родовыми и переходили по наследству. Царский (княжеский) перстень у согдийцев, так же как и у их юго-западных соседей — персов, был одним из трех атрибутов (символов) царской власти (венец, перстень и пояс).

В этой связи особую ценность для нас имеет документ первой четверти VIII в., перевод которого на персидский язык имеется в труде историка X в. Бал'ами, представляющем среднеазиатскую версию истории ат-Табари и известным под своим обиходным названием «Та'арйхи Табари».

Этот документ не что иное, как договор, заключенный в 93 г. х. (712 г. н. э.) арабским полководцем Кутейбой с ихшидом Согда Гуреком после взятия арабами Самарканда; в договоре зафиксированы условия заключения мира. Одним из этих условий, согласно переводу, помещенному у Бал'ами, было следующее обязательство, взятое на себя Кутейбой: من که قتیبه ام غورک‌را پادشا کردم بر سمرقند و کش و نخشب و حدود آن و شهرها و حصارها بدو تسلیم کردم و مهر انگشتری اورا روان گردانیدم و بعد ازان فرزندان اورا باشد 'Я, который есть Кутейба, поставил Гурека царем над Самаркандом, Кешем и Нахшебом и пределами их. И города и крепости я передал в его власть, и сделал действительной (букв. ходячей) печать его перстня. А после него те (пределы) будут принадлежать его детям'.[1] Сам договор был засвидетельствован согдийскими (?) и арабскими вельможами (михтар), которые скрепили его своими печатями (گواهان مهر خویش بر عهدنامه نهادند 'свидетели приложили свои печати к договору').

О среднеазиатских перстневых печатях (мухр) упоминает другой персидский автор X в. — Фирдоуси — в своей поэме «Шахнамэ» («Книге царей»). Какими были перстневые печати у согдийцев, мы можем судить по тем образцам, которыми были скреплены документы, найденные на горе Муг,[2] по перстню из состава вышеописанного клада и другим, происходящим с Пенджикентского городища, и, наконец, по тем глиняным печатям с изображением слона и с согдийской надписью, которые были обнаружены Л. Р. Кызласовым в развалинах буддийского храма близ городища Ак-Бешим в Киргизской ССР.

Помимо монет, изучаемые знаки представлены на различных сосудах, главным образом глиняных, типа корчаг, на которых они обычно нанесены до обжига острым предметом. Неоднократные находки обломков и целых сосудов с такими знаками свидетельствуют о широком распространении последних в качестве знаков собственности. Так, на Пенджикентском городище найдено несколько фрагментов крупных сосудов и один целый, на плечевых частях которых имеется основной знак самаркандского рода — У-образный (рис. 39).[3] Другой знак, трех-

[1] Рукопись Института востоковедения АН СССР, Д 83, л. 305а.

[2] Фотографию такого документа см.: Согдийский сборник, стр. 34—35, фиг. 1.

[3] Хорезмийский вариант основного знака на согдийских монетах был обнаружен на серебряном сосуде, хранящемся в Шадринском краеведческом

конечный (в его разных вариантах), встречается на керамике с городищ северной Бактрии (южного Таджикистана) (рис. 40). Так, во время работ на городищах Кейкобадшах и Калаи-Мир было найдено несколько фрагментов сосудов с такими знаками. Фрагменты обнаружены в слоях Кобадиан II и частично Кобадиан III,[1] датированных М. М. Дьяконовым в пределах между II в. до н. э. и I в. н. э. Тот же знак повторяется на разных сосудах, фрагменты которых подобраны на поверхности других городищ той же территории. Среди этих последних находок наиболее интересным представляется подъемный материал с безыменного городища в северной части Бишкентской долины (низовья р. Кафирниган), закончившего (по заключению его обследователей) свою жизнь к началу раннего средневековья.[2] Кроме того, трехконечный знак изображен на поверхности кирпичей построек древнего Кобадиана.[3] Отмечаемая массовость находок (керамика, кирпичи) говорит о широком распространении трехконечного знака на территории северной Бактрии в кушанское время. Находок с изображением родового знака самаркандских ихшидов (У-образного) на территории северной Бактрии пока не отмечено.

Таким образом, выводы, которые следуют из рассмотрения археологических материалов, совпадают с теми, которые сделаны на основании монетных данных, а именно:

1) У-образный знак (основной знак на монетах ихшидов) принадлежит представителям династии, правившей в Самарканде, и был распространен в Согде в VII—VIII вв. н. э., а также, вероятно, и ранее.

2) Трехконечный знак (знак сопроводительный к основному на монетах ихшидов) был широко распространен на территории северной Бактрии при кушанах и, позднее, при эфталитах в пределах II в. до н. э. — VII (?) в. н. э., а также в Согде и в Хорезме в VII—VIII вв.[1]

3) Крестообразный знак (сопроводительный к основному на монетах ихшидов) имел широкое распространение на территории бухарского оазиса в пределах: III/IV (?) — VIII вв. н. э., а также в Согде и Хорезме в VII—VIII вв..

2. К хронологии правителей Согда

На основе данных согдийской нумизматики (без учета материалов Пенджикентского городища) и письменных источников была восстановлена хронология верховных правителей (ихшидов) Согда раннего средневековья (VII—VIII вв.).[2] Новые нумизматические материалы существенных изменений в нее не вносят.

Из нижеприведенной таблицы следует, что в течение почти полутора веков (со второй четверти VII в. до середины VIII в.) в Согде правили представители одной династии, имена которых встречаются как на монетах, так и в письменных источниках.

В конце VII в. для Согда и его народа наступает период, обычно называемый периодом арабских завоеваний в Средней Азии. С последней четверти VII в. начинается та серия грабительских и завоевательных войн арабов в Средней Азии, которая привела к середине VIII в. к включению среднеазиатских государственных образований, и в частности Согда, в число владений халифата. Это тяжкое для Согда время

музее (Курганская область); см.: К. В. Сальников. Хорезмийская тамга в Зауралье. Труды Хорезмийской экспедиции, I, М., 1952, стр. 193—196.

[1] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан). МИА, № 37, 1953, стр. 287.

[2] Городище было обследовано в 1955 г. А. М. Мандельштамом. Материалы не опубликованы. Приведенным в статье сведениям автор обязан любезности А. М. Мандельштама.

[3] Что касается знаков, нанесенных на поверхности кирпичей, то изображение их имело и чисто практическое значение: нанесенные острым предметом до обжига, они образовывали пустоты, которые при кладке стен заполнялись ганчем; последний скреплял кирпичи и мешал их скольжению.

[1] Ср. также трехконечный знак и такие знаки, как: на головных уборах некоторых из воинов (свиты царей) на сасанидских рельефах. А. Христенсен (A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Paris, 1936, стр. 203) предлагает видеть в этих знаках отличительные знаки офицеров различных полков. Вместе с тем известно, что у Сасанидов существовали особые войсковые единицы из разных народностей, в том числе кушанов Бактрии и (позднее) хионитов, и вероятнее всего, что знаки на головных уборах являются родовыми. Такие же, видимо, родовые знаки имеются на головных уборах правителей, изображения которых находятся на перстневых сасанидских и других печатях.

[2] ЭВ, VI, 1952, стр. 306.

№№ п.п.	Ихшид	Согдийское написание	Китайская передача имени	Арабская передача имени	Родовые знаки на монетах	Годы правления
1	Шишпир . . .	šyšpyr	Ша-ше-би	—		Не позднее 642 г.— 650/55 г.[1]
2	Вахшуман . .	βγšwm'n	Фу-ху-мань	—		650/55—696 гг.
3	Тукаспадак .	twk'sp'δk	Ду-са-бо-ти	—		696—698 гг.
4	Мартан- . . (?)	m'rtn-. . . (?)	Пинйе-шы-шы	—		698 — не позднее 700 г.
5	Тархун	trγwn	Ту-хунь	طرخون		Не позднее 700—710 гг.
6	Гурек	'wγrk	У-ле-га	غورک		710—721 гг.
	Гурек . . . . Диваштич . .	'wγrk δyw'štyč	» —	» انديواشتى	» (?)	721—722 гг. (двоевластие).
7	Гурек	'wγrk	У-ле-га	غورک		722—738 гг.
8	Тургар . . .	twrγ'r	До-ге	يزيد (?)		738— не ранее 750 гг.[2]

характеризуется рядом народных движений, направленных против завоевателей и той местной знати, которая входила с арабами в те или иные соглашения. Одно из таких движений нашло свое отражение в хронологии ихшидов Согда.

В 710 г. ихшид Согда Тархун был смещен согдийцами за уступчивость свою арабам. Его место занял Гурек. В 93(711—712) г. х., после взятия арабами Самарканда, Гурек был вынужден подписать мирное соглашение с арабами. Условия этого соглашения для Согда были крайне тяжелыми; однако самому Гуреку, как то следует из текста заключенного им договора, они гарантировали сохранение сана верховного ихшида Согда и право наследственной его передачи прямым своим потомкам.[3] Указанное обстоятельство, несомненно, должно было иметь определенное влияние на всю дальнейшую политику Гурека по отношению к арабам. Правда, эта политика проходила, как на то указывал И. Ю. Крачковский,[1] «различные стадии», но в общем она при всей своей неустойчивости была направлена на то, чтобы сохранить мирные отношения с арабами. В 721 г. в Согде началось движение, направленное против арабов, центром которого являлся по всем данным Пенджикент; во всяком случае, возглавил его именно владетель Пенджикента Диваштич. В Согде наступает двоевластие. Под двоевластием здесь имеется в виду то смутное для Согда время, когда титул «ихшид Согда афшин Самарканда» носят два лица: Диваштич, возглавивший антиарабское движение согдийцев и принявший (согласно мугским документам) титул ихшида Согда, и Гурек, заключивший мирный договор с арабами в 93 (711—712) г. х. и оставшийся верным этому договору. Согласно нарративным источникам, смутный период двоевластия продолжался два года, 721 и 722 (год казни Диваштича), а фактически, несомненно, менее. Все это время Гурек, видимо, оставался в Самарканде союзником арабов. После казни Диваштича Гурек продолжал царствовать в Согде до своей кончины, последовавшей в 738 г. Обстоятельства этого периода его царствования нам почти не известны.[1] В этой связи любопытно отметить, что в одном из сочинений на арабском языке, автор которого нам остается не известным,[2] Гурек назван «царем Самарканда во времена неверия и ислама» (غورک ملک سمرقند فى الجاهلية و الاسلام), в чем можно усмотреть указание на то, что мусульманская традиция рассматривает его царствование как то, при котором Согд был включен в число владений халифата (дар ал-ислам), а самого Гурека — как первого царя Согда, признавшего свою вассальную зависимость от халифата. Когда закончила свое существование династия самаркандских ихшидов, мы точно не знаем. В 782 г. имя ихшида Согда Йазида, сына Гурека, еще упоминается в источниках.[3]

[1] В 642 г. посольство от имени Ша-ше-би в Китай. См.: Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-Kiue (turcs) occidentaux recueillis et commentes par. . . Труды Орхонской экспедиции, VI, СПб., 1903, стр. 146.

[2] Посольство от имени До-ге в Китай в 750 г., см.: Ed. Chavannes, ук. соч., 136, прим. 6.

[3] См. выше стр. 262. По другой версии договор был заключен в 94 (112—113) г. х.

[1] В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, ук. соч., стр. 69.

3. О монетном деле Согда

Большое количество и разнообразие монет, найденных на городище, в том числе и монет местного пенджикентского выпуска, свидетельствует о том, что в VII—VIII вв. монетное дело было сильно развито не только в центральных областях Согда, но и в таких провинциальных пунктах, каким являлся Пенджикент по отношению к Самарканду.

Однако до последних лет для этого времени были известны только медные согдийские монеты, что находилось в явном противоречии со свидетельствами письменных источников, и лишь совсем недавно стали известны две серебряные, одна с именем царя Согда Тургара, сына Гурека, обнаруженная на пенджикентском городище (16), и вторая, такая же, — среди монет «бухар-худатов» в нумизматической коллекции Государственного Эрмитажа. Обе эти серебряные монеты, безусловно, чеканены в Согде, в Самарканде.

Об обращении серебра в раннесредневековом Согде свидетельствуют данные письменных источников, в том числе и такие, как архивные материалы канцелярии пенджикентского афшина первой четверти VIII в. Диваштича. Так, в одной из расписок из архива этого феодала (документ 35 А 13) говорится следующее: «От панчикентского сборщика податей (β'zkr'm) и от народа (n'β) тархану и государю (βγy). И когда извещение получите, то дайте от седьмого числа . . . начальнику уделов (pr'mnδ' r wtkwy) 150 драхм (rγm). И это извещение ответом имейте господина Панча Диваштича 14 лет есть».[1] Из содержания приведенной расписки непосредственно следует два вывода: во-первых, слово драхма (δrγm) не только было знакомо согдийцам и вошло в согдийский язык (что известно), но обозначало определенную монетную единицу; во-вторых — налоговые сборы (какие именно — из текста расписки не следует) исчислялись в серебряных драхмах и, следовательно, драхма являлась основной счетной единицей для Согда того времени.[2] Вместе с тем считается, что в самаркандском Согде обращалось только бухарское серебро.

В этой связи обнаруженные две серебряные драхмы с именем Тургара приобретают исключительное значение. Обе они отчеканены в середине VIII в., не ранее 738 г., т. е. после кончины ихшида Гурека и вступления самого Тургара на самаркандский престол. Следовательно, расписка пенджикентского сборщика податей была написана всего за каких-нибудь двадцать—двадцать пять лет до того, как ихшид Тургар в Самарканде выпустил первую драхму со своим именем, и монеты этого последнего могут служить образцом тех драхм, о которых речь идет в расписке. Самаркандские драхмы отчеканены по образцу, восходящему к монетам Варахрана и, естественно, сохранили за собой название того номинала, который послужил для них образцом. Средний вес самаркандских (согдийских) драхм, как то можно судить по двум имеющимся в нашем распоряжении монетам, соответствовал среднему весу бухарских драхм

[1] О Гуреке и о личности Диваштича и характере возглавленного им движения см.: В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, ук. соч., стр. 61—70; О. И. Смирнова. К хронологии Согда VII—VIII вв. н. э. Бюллетень АН Узб. ССР, № 6, 1945, стр. 28—29; А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, № 15, 1950, стр. 39—41.

[2] О нем см.: R. Frye. City chronicles of Central Asia and Khurasan: A history of Nasal? Melanges Fuad Köprülü. Istanbul, 1953, стр. 167.

[3] The history of Bukhara . . . by Narshakhī. R. N Frye. Cambridge, Massachusetts, 1954. p. 34.

[1] Перевод А. А. Фреймана, см.: Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. Труды ИВ, XVII (Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г.), М.—Л., 1936, стр. 153, 154.

[2] О термине δrγm (гр. δραχμή) см.: H. W. Bailey. Indo-Iranica, II. BSOAS, 13, 1949, стр. 128—129.

начала VIII в. и арабских дирхемов. Какова была покупательная способность согдийских драхм, к сожалению, из текста расписки не выясняется. В этой связи интересны данные других источников. Так, согласно самаркандскому договору 93(711—712) г. х. (см. выше, стр. 262), т. е. относящемуся примерно к тому же времени, стоимость одного мискаля червонного золота (зари сурх) равнялась 20 серебряным драхмам. Согласно тому же самаркандскому договору, средняя стоимость раба, молодого и сильного (средняя, поскольку в договоре идет речь о массовой поставке рабов), была 200 драхм, а стоимость куска ткани дӣба [1] (большого) определялась в 100 драхм;[2] в те же годы в Бухаре кусок китайской шелковой ткани ценился в 150 драхм. На основании этих, правда достаточно скудных сведений все же можно составить себе известное представление о том, какова была покупательная способность серебряной драхмы и даже какова была, хотя бы приблизительно, относительная стоимость серебра как металла.

Приняв за средний вес серебряной драхмы 2.95 г, т. е. вес пенджикентского экземпляра, а за вес золотого мискаля — наибольший вес его в арабском халифате, т. е. 4.25 г, и произведя соответствующий перерасчет на современные весовые единицы, получим следующую таблицу соотношения стоимостей:

№№ п.п.	Товар	Количество	Стоимость в драхмах		Стоимость в мискалях	
			колич.	вес в г	колич.	вес в г
1	Рабы	1	200	590	10	42.5
2	Шелковая ткань . . .	1 кусок	150	342.5	7.5	31.87
3	Ткань дӣба	1 кусок	100	295	5	21.25

Таким образом, стоимость раба равнялась стоимости 590 г серебра или 42.5 г золота; стоимость куска шелковой ткани составляла три четверти стоимости раба и соответствовала стоимости 342.5 г серебра или 31.87 г золота, а стоимость ткани дӣба составляла половину стоимости раба и соответствовала стоимости 295 г серебра или 21.25 г золота. Однако необходимо учесть, что вес денежной драхмы не равнялся драхме как весовой единице, а, естественно, был несколько меньше; так, раннехалифатская весовая драхма равнялась 3.145 г, и, следовательно, согдийские серебряные монеты (драхмы) весили, примерно, на 0.2 г меньше весовой единицы; иными словами, вес серебряной драхмы-монеты =1 драхме минус 0.2 г, т. е. 3.145 — 0.2 = (округляя до сотых) 2.95 г. Совпадал ли вес согдийской весовой драхмы с халифатской, мы сейчас еще не знаем; однако из вышеприведенного примера можно заключить, что разница между весом серебряной драхмы-монеты и драхмой весовой не была настолько значительной, чтобы нарушить сделанные расчеты, и картина в общих чертах остается верной: стоимость раба = стоимости $1^1/_2$ фунтов серебра; куска шелковой ткани = примерно, 1 фунту серебра, а куска парчи = стоимости $^3/_4$ фунта серебра, в то время как стоимость одного мискаля золота равнялась стоимости 59 г серебра из расчета 1 мискаль = 20 драхмам = 2.95 × 20 = 59 г серебра.

На основании тех же данных договора мы можем рассчитать примерное соотношение стоимости золота и серебра для Согда. Из договора нам известно, что 1 мискаль золота = 20 драхмам; в таком случае, как то следует из вышеприведенного расчета, 4.25 г золота = 2.95 × 20 = 59 г серебра. Откуда стоимость 1 г золота = 59 : 4.25, что (округляя до десятых) = 13.6 г серебра. Таким образом, для первой четверти VIII в. соотношение стоимости золота и серебра в Согде было 14 к 1, т. е. оно равнялось тому

[1] В тексте йак парчаи дӣба ки бузург башад 'один кусок (ткани) дӣба, который большой'. Что понимать под тканью дӣба — неясно; парчовой тканной золотом или серебром материей таковая не могла быть, поскольку цена ее, как видно из последующего, ниже цены китайского шелка. Вероятнее всего, что под этим названием понимается шелковая узорчатая ткань местного производства. Толковые персидские словари дают, между прочим, следующее определение ткани дӣба: قماشی از حریر الوان 'ткань из цветного шелка' (Ioan. Aug. Vullers. Lexicon Persico-Latinum etymologicum, t. I, Bonnae, 1855, стр. 946).

[2] Рукопись ИВ АН СССР, Д 82, л. 407а.

соотношению, которое известно для стран арабского халифата начала ислама.[1]

Кроме того, из содержания того же договора следует и еще один вывод: золото в Согде в рассматриваемый период не обращалось и Самарканд золотой монеты не чеканил, в противном случае в договоре не было бы необходимости оговаривать стоимость мискаля червонного золота в серебряных драхмах. Сказанное безусловно относится также к Бухаре, экономическая жизнь которой была тесно связана с Согдом. Сведения других письменных источников, правда относящихся к более позднему времени, говорят о том же.

Сделанные расчеты, естественно, носят предварительный характер, поскольку в распоряжении исследователей для собственно Согда материала еще мало; однако основные два вывода, при возможных уточнениях, останутся неизменными, а именно: в Самарканде в первой половине VIII в. согдийские ихшиды чеканили от своего имени серебряные драхмы одного образца и веса с серебряными драхмами Бухары и с серебряными диргемами раннехалифатскими; соотношение стоимости золота и серебра в Согде выражалось пропорцией 14 : 1.

Медные монеты Согда представлены разнообразными типами; в согдийских письменных памятниках они известны под названием rwδk 'медяк'.

Значительное количество медных однотипных монет позволило заняться их изучением со стороны метрологической. К сожалению, как известно, на согдийских монетах выпускных данных вообще не помещалось, в связи с чем время многих из них остается для нас не известным. Единственный материал, который может быть расположен в определенной хронологической последовательности, это монеты ихшидов Согда, почти все типы монет которых твердо датируются, поскольку время правления ихшидов установлено. В этой связи при исследовании монетного материала в указанном разрезе приходится, естественно, в основном опираться на данные монет группы.

Измерение и взвешивание медных монет, выпущенных от имени ихшидов, дало следующую картину:

№№ п.п.	Тип монеты	Время	Диаметр в мм	Наибольший вес в г	Наименьший вес в г	Средний вес в г	Количество экз.
1	Шишпир	Первая четв. VII в.	25—19	5	1.1	3.65	14
2	Вахшуман . . .	650/655—696	26—17	2.6	0.8	1.1	47
3	Тукаспадак . .	696—698	22—19	2.5	1.1	1.7	8
4	Нинйе-шы-шы .	698—700(?)	23—21	2.3	1.4	2.0	9
5	Тархун	700/710	24—22	4.3	3.7	3.1	14
6	Гурек	710—738	23—22	4.2	2.9	3.1	12
7	Тургар, тип а .	738 — не ранее 750	22—21	2.5	1.4	2.1	12
8	Тургар, тип б .	738 — не ранее 750	19—18	3.1	1.7	2.3	29

При рассмотрении данных таблицы прежде всего обращают на себя внимание значительные колебания в весе монет, принадлежащих к одному и тому же типу, и в их диаметре. Так, наименьший диаметр монет Шишпира 19 мм, наибольший — 25 мм, при колебании в весе от 5.0 г до 1.1 г, т. е. в 3.9 г; наименьший диаметр монет Вахшумана 17 мм, наибольший — 25 мм, при разнице в весе 2.6—0.8 г=1.8 г. Несколько меньшую, но все же весьма ощутимую разницу в весе и в размере дают монеты таких ихшидов, как Тукаспадак, наименьший вес которых 1.1 г, а наибольший 2.5 г, что составляет разницу в 1.4 г, при диаметре 22—19 мм, и Нинйе-шы-шы — вес которых 2.3—1.4 г, при диаметре 23—21 мм; монеты Тархуна, весом в 4.3—3.7 г, при диаметре 24—22 мм, Гурека, весом 4.2—3.1, при диаметре 23—22 мм и, наконец, два типа монет Тургара. Такова та картина, которая рисуется по данным монет ихшидов.

[1] Encyclopédie de L'Islam, I, Leyde-Paris, 1913, стр. 1006.

Такое же значительное отклонение от среднего веса дают и другие, недатированные, монеты, как например монеты афшинов Панча (Пенджикента):

№№ п.п.	Тип монеты	Время	Диаметр в мм	Наибольший вес в г	Наименьший вес в г	Средний вес в г	Количество экз.
1	Амогйан	VII в.	27—24	5	4	4.6	9
2	Бидйан[1]	Первая четверть ? VIII в.	22—17	3.8	1.3	2	101
3	Безыменная царица (?)	?	20—17	2.9	1.3	1.7	17
4	» » (?)	?	19—16	1.9	1.0	1.3	23

Такое же отклонение от среднего веса наблюдается у монет с надписью 'wkr prtrm'wk' MLK' и с именем Вамритак; первые по своему весу (5.5—1.75 г; ср. вес 4.1 г) и размеру (29—23) приближаются к монетам ихшида Шишпира и афшина Панча Амогйана; вторые (2.7—1.0 г; средний вес 1.6 г; диаметр 20—17 мм) к монетам Тургара (второго типа) и афшина Панча Бидйана.

Такое значительное отклонение от среднего веса могло явиться следствием только или деградации монетного типа, т. е. падения веса монеты и уменьшения ее диаметра, или отсутствия определенного весового стандарта для меди, или того и другого вместе. Рассмотрим каждый вопрос в отдельности. Для того чтобы составить определенное суждение о том, имела ли место деградация монетного типа, следовало бы прежде всего расположить весь материал в хронологической последовательности внутри каждого типа; однако, как выше было указано, на согдийских монетах дата выпуска не помещалась и сделать этого нельзя. Поэтому приходится ограничиться тем материалом, который представлен в вышеприведенной сводной таблице монет ихшидов Согда, чья датировка, а следовательно, и хронологическая последовательность, хотя бы по типам, сомнений не вызывают.

Систематизированный в таблице материал ясно показывает, что за период между первой четвертью VII в. и серединой VIII в. имели место значительные колебания веса медной монеты и ее диаметра при сохранении основного типа и с общей тенденцией к падению веса и уменьшению диаметра. Так, в середине VII в. средний вес медной монеты падает с 3.6—3.7 г до 1.1—1.7 г (т. е. на 1.6—2.7 г); в конце VII в. наблюдается уменьшение наибольшего диаметра монетного кружка и (правда, незначительное) повышение среднего веса монеты до 2 г (т. е. на 0.3 г). Таков средний вес монет Тукаспадака (696—698 гг.). В царствование Тархуна, т. е. в начале VIII в., средний вес медных монет возрастает до 3.1 г; в царствование его преемника Гурека этот средний вес остается неизменным (3.1 г). Но уже при сыне Гурека наблюдается новое понижение среднего веса медной монеты до 2.1 и 2.3 г (т. е. на 1 г). Таким образом, если для первой четверти VII в. характерны крупные монеты средним весом в 3.6—3.7 г, то для середины VIII в. основная масса монет представлена экземплярами значительно меньшего диаметра (19—20 мм) при среднем весе в 2.1 г. Правда, среди монет первых двух ихшидов самаркандской династии (Шишпира и Вахшумана) оказалось несколько монетных кружков малого размера (д. 20—17 мм) и соответственно меньшего веса, в связи с чем было высказано предположение, что в указанных экземплярах следует видеть монеты разного достоинства, основным отличительным признаком которых был размер.[1] Однако результаты обработки всего материала не позволяют провести

[1] При взвешивании однотипных монет из клада было установлено, что их вес колеблется от 1.5 до 3.4 г при среднем весе 2.4 г. Цифры эти несколько отличаются от тех данных, которые получены в результате обработки монет, найденных единичными экземплярами. Вероятно, эти расхождения объясняются тем, что монеты из клада в основной своей массе хорошей сохранности, те же, данные которых послужили для составления настоящей таблицы, в большинстве своем сохранности ниже средней.

[1] О них см.: КСИИМК, 55, 1954, стр. 51 (воспроизведение см. стр. 50, рис. 12, *5—6*).

между предполагаемыми номиналами четкой грани, и вопрос до получения новых данных остается открытым. Возможно и то, что столь значительное колебание в весе и диаметре монет этих двух правителей есть результат деградации монетного типа; это тем более представляется вероятным, что подобная деградация для всего изучаемого периода в целом несомненно намечается. Однако для окончательного суждения о том, имела ли такая деградация место внутри каждого типа в отдельности, у нас данных нет. Все же возможность существования двух номиналов учесть необходимо. В таком случае таблица весовых данных монет ихшидов примет следующий вид:

№№ п.п.	Тип монеты	Диаметр в мм	Наибольший вес в г	Наименьший вес в г	Средний вес в г	Количество экз.
1	Шишпир	25—22	5	3.2	3.6—3.7	12
2	Шишпир	20—19	2.4	1.1	1.7	2
3	Вахшуман	26—22	2.6	1.3	2	19
4	Вахшуман	21—17	1.6—0.9	0.8	1.2	21
5	Тукаспадак	22—19	2.5	1.1	1.7	8
6	Шийо-шы-шы	21—22	2.3	1.4	2	9
7	Тархун	24—22	4.3	3.7	3.1	14
8	Гурек	23—22	4.2	2.9	3.1	12
9	Гургар, тип а	22—20	2.5	1.4	2.1	12
10	Гургар, тип б	19—18	3.1	1.7	2.3	29

Данная таблица, составленная с учетом двух возможных номиналов, каких-либо существенных дополнительных данных для рассматриваемого вопроса не дает. Отметим только, что, согласно этой таблице, наиболее значительное понижение веса медной монеты приходится не на середину VII в., а на его конец (монеты Тукаспадака).

Перейдем теперь в вопросу о весовом стандарте медных номиналов. При определении среднего веса различного типа монет ихшидов выявились такие значительные отклонения от него (см. выше таблицы), что одно это уже говорило о том, что медь, вероятно, не имела определенного весового стандарта и что вес монеты имел только относительное значение. И действительно, попытка установить «весовой стандарт для медных номиналов по среднему весу большей группы монет» не дала положительного результата.[1] То обстоятельство, что для меди не было определенного стандарта, говорит о том, что медь не была валютным металлом наравне с серебром и золотом. Это не значит, что диаметр и вес медной монеты был произволен. Известная нормировка, конечно, имела место. Эта нормировка выражалась в том, что из определенной весовой единицы меди изготовлялось определенное количество монет, и вес медной единицы имел лишь относительное значение, зачастую завися от чисто технических причин. Отсюда следует, что стоимость медного номинала не соответствовала рыночной стоимости меди как металла, и говорить о медной полноценной монете для этого времени не приходится. Не будучи полноценной, медная монета должна была обладать такими чертами, которые сближали ее с кредитными деньгами со всеми особенностями, характерными для обращения последних. Таким образом, представляется несомненным, что для медных монет весового стандарта не существовало. Вместе с тем имела, видимо, место и известная деградация монетного типа, что выразилось в отмеченной выше тенденции к падению среднего веса и уменьшению диаметра медной монетной единицы. Если в первой половине VII в. из 1 кг меди изготовлялось в среднем 1000:3,5 = = 286 монет, то в середине VIII в. 1000:2,3 = = 444, т. е. почти в 2 раза больше.

Какова была сфера обращения медных денег — нам не известно, но, по-видимому, весьма обширной; во всяком случае, на внутреннем рынке медь, несомненно, господствовала; об этом можно судить как по огромному количеству медных монет, так и по данным письменных источников.

Широкое обращение меди в Средней Азии, связанное с потребностями внутреннего рынка, — явление уже отмеченное нумиз-

[1] Имеется в виду графический метод, который с успехом был применен Е. А. Давидович, при определении весового стандарта медных динаров (Доклады АН Тадж. ССР, IX, 1953, стр. 36).

матами для более раннего периода — для первых веков нашей эры,[1] и для более позднего — XV—XVI вв.[2]

Никаких данных для суждения о покупательной способности медных монет у нас нет.

Право выпуска медных монет, как то доказывают прочтенные на них имена, имели не только ихшиды, т. е. верховные государи средневекового Согда. Таким правом обладали в равной мере зависимые от ихшидов местные правители. К последним принадлежали владетели средневекового Пенджикента и различных мест Усрушаны и Чача, т. е. бассейна Сыр-Дарьи. Разнообразие же монетных типов позволяет судить о степени развития внутренней торговли Согда.

Разные типы монет имели разные ареалы. Эти ареалы определяются пока на основании раскопочных данных. Других источников, кроме археологических, у нас по этому вопросу нет. Судя по топографии находок, монеты ихшидов обращались и сохраняли покупательную способность на всей территории Согда, а также за его пределами, тогда как монеты других владетелей вне пределов их владений не обращались; так, монеты пенджикентских афшинов нигде, кроме района Пенджикента, до сих пор не были обнаружены. Однако необходимо оговорить, что ареал монет разных типов в какой-то мере зависел и от размеров эмиссий, а эмиссии ихшидов были, несомненно, значительно крупней, чем эмиссии других зависимых от них правителей. Районы обращения монет ихшидов в свою очередь были разными. Монеты Тархуна обнаружены в бассейне реки Сыр-Дарьи при раскопках холма Мунчак-Тепе (Беговат) и при раскопках на Ак-Тепе (район Ташкента); единичные находки монет того же ихшида и его преемника Гурека имели место в районах Бухарского оазиса.[3] Иначе обстояло дело с монетами, принадлежащими к выпускам пенджикентских афшинов. Археологические работы на городище Афрасиаб (древний Самарканд) не дали ни одного экземпляра монет с именами афшинов Пенджикента, в то время как раскопки на Пенджикентском городище дают богатые коллекции монет самых разнообразных типов, в том числе и медных монет ихшидов. Выше было отмечено, что древний Пенджикент являлся той границей, за пределами которой монеты Усрушаны и Чача обращения не имели. Действительно, образцы разных типов, относящиеся к выделенной группе, к западу от Пенджикента (в том числе и в Самарканде) не найдены.

Из вышеизложенного следует, что, во-первых: основной счетной единицей Согда являлась серебряная драхма весом 2.95 г, при соотношении стоимости золота и серебра 14 : 1 (1 мискаль золота = 20 драхмам); во-вторых: внутренний рынок обслуживался главным образом медными монетами, стоимость которых была выше рыночной стоимости меди как металла. Эти медные монеты вне пределов своего обращения теряли свою покупательную способность. Золотой же монеты Согд, видимо, не чеканил.

Эти выводы прекрасно увязываются с последующими, хорошо всем известными сведениями арабских географов, которые нам сообщают, что «деньги жителей Бухары — дирхемы, динары подобны товару. . . торгуют же они между собой на фельсы».[1] Нумизматические материалы рисуют такую же картину для Согда самаркандского.

Особое же значение они приобретают, если учесть то обстоятельство, что до последнего времени данных, позволяющих составить суждение о монетном деле Согда рассматриваемого периода, не было.

4. О датировке древнего Пенджикента по нумизматическим материалам[2]

Раскопками на городище вскрыты остатки города раннего средневековья, датированные археологами в пределах между началом VII в. (или концом VI в.) и первой четвертью VIII в., без какого-либо более дробного деления. Хронологические рамки жизни города определялись на основании археологических комплексов и сведений письменных источников, а также нумизматических данных, не в полной мере использованных исследователями.

Между тем на городище найдено множество разнообразных монет, учет которых

[1] В. М. Массон. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным. ВДИ, 1955, № 2, стр. 45.

[2] Е. А. Давидович. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии. Известия АН Тадж. ССР, вып. III, 1953, стр. 45—71.

[3] По неопубликованным материалам из раскопок на городище Варахши, знакомству с которыми я обязана любезности В. А. Шишкина.

[1] BGA, II, стр. 383.

[2] Пользуюсь случаем принести благодарность археологу С. С. Сорокину за ряд ценных замечаний по статье и, в частности, по данному ее разделу.

в свете стратиграфических наблюдений должен дать важные материалы для уточнения наших представлений о жизни города и внести определенные коррективы в установившиеся мнения по этому вопросу.

Как было уже сказано, основную массу находок на городище составляют согдийские медные монеты VII и VIII вв. и арабские фельсы третьей четверти VIII в. (760—770 гг.). Всего согдийских и арабских монет на городище за истекшие полевые сезоны (1950—54 гг.) найдено 962 экземпляра, из которых разных согдийских 644, а арабских 153. Остальные находки (кроме 12 монет, которые из-за плохой сохранности не могут быть отнесены к какой-либо определенной группе) представлены единичными экземплярами: кушанская монета Кадфиза I, несколько небольших серебряных монет — согдийские подражания образцам, восходящим к античным монетам, эфталитское подражание драхмам Пероза (первая половина VI в.), китайская монета династии Северных Чжоу (557—581 гг.), согдийские и аббасидские подражания образцам, восходящим к драхмам Варахрана V (VII—VIII вв.), монета тюргешей (вторая половина VIII в.) и, наконец, фрагмент саманидского дирхема начала X в. и караханидский дирхем с именем Ахмеда, сына ʿАлй (1013—1014 гг.), отчеканенный в Согде (ас-Сукд).

Разместив имеющиеся у нас нумизматические материалы в хронологическом порядке, мы получим приведенную здесь таблицу.

Количественное соотношение монет разных по времени групп и типов указывает на две основные стадии в жизни городища в целом.

Первая стадия (ранняя) представлена единичными монетами разного типа. Правда, такие единичные экземпляры могли быть занесены извне при строительно-ремонтных работах в городе, тем более, что нам не известно, откуда (из каких мест на городище или вне его) брался для этих работ материал. Однако повторяющиеся находки однотипных согдийских серебряных монет с изображением лучника (2—5) на разных объектах говорят о том, что такие находки не случайны. Они указывают на существование слоя более раннего времени, чем средневековый слой, вскрытый раскопками; монеты из этого слоя при различных обстоятельствах, вероятнее всего, как указывалось выше, при строительно-ремонтных работах, для

Время	I в. н. э.	I—IV вв. н. э.	V—VI вв. н. э.	VI в. н. э. (вторая половина)	VII (первая половина)—VIII в. н. э.	VIII в. н. э. (первая половина)	VIII в. н. э. (вторая половина)	760—770 гг.	X в. (начало)	XI в. (первая четверть)
Определение	Кушанская монета	Согдийские подражания античным монетам	Эфталитские подражания сасанидским драхмам	Китайская монета дин. Сев. Чжоу	Монеты ихшидов Согда и других его правителей	Согдийские подражания сасанидским драхмам	Аббасидские подражания сасанидским драхмам	Аббасидские фельсы	Саманидские дирхемы	Караханидские дирхемы
Металл	Æ	AR	AR	Æ	Æ	AR	AR	Æ	AR	AR
Количество экз.	1	5	1	1	644	3	6	153	1	1

которых, несомненно, в какой-то мере использовались старые пахсовые постройки, перемещались в верхний слой. На вероятность существования раннего слоя указывал в своих работах А. Ю. Якубовский.[1] Этот слой имеется на объекте II, где А. И. Тереножкин в 1948 г. обнаружил «остатки монументального здания, превращенного в террасу, пол которого лежал на 2.40 м ниже пола верхнего изучаемого здания».[2] До получения новых археологических данных установить хронологические рамки этого слоя, естественно, нельзя. Можно лишь предположить, что основным датировочным монетным материалом для него являются монеты с изображением лучника. Что касается монеты Кадфиза I, то находка ее должна обратить на себя внимание археологов, так как она может быть связана с тем, что в пределах городища имеются необнаруженные остатки слоя соответствующего времени.

Вторая стадия (поздняя) определяется в основном двумя группами монет: медными согдийскими монетами VII—VIII вв. (644 экз.) и арабскими (153 экз.).

В свете этих материалов устанавливается, что средневековый город начал свою жизнь не позднее второй четверти VII в., на что указывают находки монет ихшида Шишпира (17—23), царствовавшего перед Вахшуманом (760/65—796 гг.). Кроме согдийской меди, на городище была найдена эфталитская драхма (подражание Перозу) и китайская монета второй половины VI в., что говорит о возможности того, что средневековый Пенджикент начал свою жизнь уже в конце VI в. Напомним, что А. И. Тереножкин по керамическим изделиям для внутреннего укрепления кухендиза прослеживает «две стадии в истории материальной культуры: первая, восходящая к концу VI—началу VII в., и вторая, обнимающая вторую половину VII—первую половину VIII в.».[3] Верхний предел жизни средневекового города и пригородного поселения определяется в соответствии с нумизматическими данными (аббасидские фельсы) третьей четвертью VIII в.

Рассмотрим этот вопрос подробней.

Как неоднократно уже указывалось, единственным нумизматическим материалом, имеющим сейчас твердо установленную датировку, являются монеты ихшидов Согда, и в этой связи естественно прежде всего обратиться к ним. Бо́льшая часть монет ихшидов принадлежит к двум типам: с именем Вахшумана (665—696 гг.) и Тургара (после 738 г.). Довольно часты также находки монет Шишпира, предшественника Вахшумана. Таким образом, VII век хорошо представлен монетами Шишпира и Вахшумана. Период после смерти ихшида Гурека также представлен многими монетами его сына Тургара, занявшего престол Самарканда после кончины своего отца, и позднее аббасидскими фельсами. В то же время среди находок оказалось очень мало монет таких государей, как Тукаспадак (696—698 гг.) и Нинйе-шы-шы (698—700 ? гг.), Тархун (700 ? — 710 гг.) и преемник последнего — Гурек (710—738 гг.). Так, за время раскопок обнаружены: одна монета с именем Тукаспадака, пять монет Тархуна и две монеты Гурека. Между тем царствование этих ихшидов охватывает довольно значительный и важный в историческом аспекте период времени от конца VII в. (698 г.) по конец 30-х годов VIII в. Если в отношении монет Тукаспадака и его преемника указанное обстоятельство можно об яснить, учитывая кратковременность правлений этих ихшидов, то в отношении двух других правителей, Тархуна и Гурека, такое объяснение неприемлемо. Об этом говорят находки на Афрасиабе и на Тали-Барзу, большинство которых состоит из медных монет этих правителей.

Следовательно, в соответствии с монетными показателями представляется возможность выделить три этапа в экономической жизни раннесредневекового города:

Первый этап — вторая четверть VII в. до конца 90-х годов VII в.; этап характеризуется чрезвычайной насыщенностью монетным материалом.

Второй этап — с конца 90-х годов VII в. до конца 30-х годов VIII в. — характеризуется почти полным отсутствием монет ихшидов.

Третий этап — с конца 30-х годов VIII в. до конца 60-х или до начала 70-х годов того же столетия — характеризуется (как и первый этап) большим количеством монет ихшидов, а также фельсов.

Однако при этих выводах необходимо учесть и то обстоятельство, что, кроме монет ихшидов, на городище найдено много других согдийских монет, главным образом афшинов Пенджикента, а также монет с надписью 'wkr prtrm'wk' MLK' и монет, подражающих гурековским. Довольно значительную группу составляют разного образца монеты с родовыми знаками государей Усрушаны и Чача, а также Бухары.

Среди перечисленных типов только некоторые, и то относительно, могут быть датированы. Так, монеты с надписью 'wkr prtrm'wk' MLK' находились в обращении в первой четверти VIII в. (см. выше), а подражания монетам Гурека — при ихшиде Тургаре и синхронны монетам последнего;[1] на сравнительно позднее их время указывает также способ их производства (чеканка, а не литье). Монеты местных пенджикентских выпусков не все имеют твердую датировку. Между тем в связи с поставленным вопросом этот материал чрезвычайно важен. К первым по времени монетам этой группы относятся экземпляры с именем Амогйана, к одному из последних — монеты с именем Бидйана, находившиеся в обращении в первой четверти VIII в. (см. выше).

На городище находки монет Бидйана чрезвычайно часты; число их превышает количество монет других типов и даже групп. Более того, они характерны для всех объектов городища. Так, на объекте II (храмовое здание) монет Бидйана, не считая клада в 129 единиц, найдено 42, на объекте III — 24, на объекте VI — 18, а на объекте IX — 21. Рассмотрим подробней основной состав монет на этих объектах. На объекте II в платформе (пахсовой забутовке) одного из его помещений найдены 4 монеты Бидйана (300, 316, 328, 346); монеты обнаружены в глине платформы в непосредственной близости от вкопанных больших корчаг — хумов, примерно на уровне днищ последних. Поблизости от монет Бидйана в глине той же платформы найдена монета (163) с легендой 'wkr prtr m'wk' MLK'. Как те, так и другие могли быть обронены при постановке хумов и забивке платформы, но могли попасть туда и вместе с использованной для ремонтных работ пахсой. Платформа, по неопубликованным данным археолога О. Г. Большакова, относится к последнему ремонту (перестройке) храмового здания. В завале над платформой обнаружены еще 3 монеты Бидйана (299, 350, 365) и 5 монет Укара (?) (155, 156, 157, 158, 168). Кроме того, в том же завале найдено 4 монеты Вахшумана (32, 33, 49, 83). В завале помещения 7 найдены две монеты Вахшумана (63, 68) и две монеты Бидйана (320, 368) и еще одна такая же в завале из пожарища (384). Такие же 5 монет Бидйана найдены на полу другого помещения 9 (322, 323, 342, 387, 388) и три в завале (332, 351, 366). Еще в одном помещении (пом. 3), на полу же лежали 2 монеты Бидйана (321, 373) и монета Вахшумана (39); 1 монета Вахшумана обнаружена в хуме (57); там же найдены в завале 5 монет Вахшумана (28, 59, 70, 71, 80), 2 монеты Тархуна (39, 90), монета Тургара (145), 2 с легендой 'wkrprtrm'wk' (172, 184), монета Амогйана (228) и 6 монет Бидйана (330, 338, 347, 358, 371, 376). В помещении 6 на полу лежала монета с легендой 'wkrprtrm'wk' (182), а в завале обнаружены монеты Вахшумана (43), Тургара (146) и Бидйана (288, 313, 317, 354).

Наконец, в одном из помещений ограды (пом. 2) на пороге лежали 2 монеты Бидйана (282, 377), а в завале найдено еще 3 таких же (303, 310, 374) и монета с легендой 'wkr prtrm'wk' (162). В остальных помещениях и во дворе найдены монеты Вахшумана (29, 43, 75), с легендой 'wkrprtrm'wk' (175, 186), и Бидйана (340, 201). Кроме того, в подвальной (?) части здания была обнаружена монета Вахшумана (65). Аббасидских фельсов на объекте найдено всего 4: один 761 г. в завале одного из помещений (пом. 3), три других на айване; один из этих последних лежал на фрагменте скульптуры, из чего следует, что он попал на айван только тогда, когда храм был окончательно уничтожен.

В завалах монеты располагаются на различных уровнях — от верхних поверхностных слоев до пола.

Для рассмотренного объекта характерны две основные группы монет, одна из которых представлена монетами Вахшумана и относится к середине VII в., другая — монетами Бидйана и соответственно должна быть отнесена к первой четверти VIII в.; единичные экземпляры найденных монет принадлежат

[1] А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, № 15, стр. 34—35; А. Ю. Якубовский. Итоги работ таджикской археологической экспедиции за 1948—1950 гг. МИА, № 37, стр. 19.

[2] А. М. Беленицкий. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. МИА, № 37, стр. 38, раздел «Объект II», составленный А. И. Тереножкиным.

[3] МИА, № 15, стр. 91 и сл.

[1] О них см.: МИА, № 15, стр. 225 и 227.

к концу VII в. и к третьей четверти VIII в. Отметим, что состав монетных находок к моменту последнего ремонта храмового комплекса соответствует составу нумизматической коллекции из замка на горе Муг.

Несколько иная картина рисуется на объекте IX, для которого характерны монеты Бидйана, Тургара и арабские, множество которых было на нем найдено вместе с другими разными поздними монетами. Монеты Бидйана и здесь находились в одних условиях с монетами с легендой 'wkr prtrm'wk' MLK' и с монетами Тургара. Бóльшая часть монет залегала в завалах помещений 16, 17, 18 на разных уровнях малыми и большими группами-гнездами по 2—3, 9—10, 20 и более монет или россыпью на полу (экспед. описи №№ 54-IX-75, 54-IX-122, 54-IX-109, 54-IX-114 и др.). Зачастую такие гнезда в завалах располагаются вдоль стен. В некоторых помещениях на полу лежали монеты Тургара (121, 101, 114) и Бидйана (336). В других на полу найдены аббасидские фельсы 760—770 гг. (436, 473, 514, 521, 529 и др.). Завалы разных помещений объекта насыщены такими же монетами.

Схожую картину дают материалы объекта III, на котором монеты Бидйана (326) и Тургара (147) обнаружены на полу одного из помещений, в то время как в завале там же найдено много фельсов. Монеты Бидйана, кроме того, лежали на полу некоторых других помещений (379 и др.). Несколько монет того же правителя найдены на полу второго этажа (287, 349,372) и на вторичном полу одного из помещений там же (301).

Следовательно, для объекта III в целом, как и для объекта IX, показательны комплексы монет Бидйана и Укара (?), Тургара и арабских.

Для объекта VI, так же как и для объекта II, характерны два типа согдийских монет Вахшумана и Бидйана при почти полном отсутствии арабских; на этом объекте их найдено 3 экземпляра (456, 483, 493), причем один из них (493) обнаружен под дерном на остатках стены. Многие из найденных монет лежали, как и на других объектах, на полу разных помещений. В одном из них (пом. 21) на полу лежали две монеты Вахшумана (42, 58); одна такая же обнаружена под балкой порога (66). В завале того же помещения найдены монеты Бидйана (290, 294, 307). На полу другого помещения (пом. 19) лежали монеты Бидйана (278, 293) и монеты Укара (?) (174); там же в завале найдены еще две монеты Бидйана (306, 337). В другом помещении на полу лежала монета Шиширра (19). В остальных завалах найдены монеты Вахшумана (27, 37, 38, 41, 61, 74, 75) и Бидйана (308, 329, 389, 357, 360, 362, 375, 384) и др. При каких обстоятельствах многие монеты оказывались на поверхности полов разных помещений, не выяснено.

Из изложенного следует, что разработку нумизматического материала в любом аспекте (нумизматическом и археологическом) затрудняет:

1. Большое количество монет на объектах.
2. Значительный хронологический диапазон для монет, обнаруженных в одних и тех же условиях.
3. Расположение монет в определенных участках завалов гнездами (иногда вдоль стен) и россыпью на полах.

Указанные три особенности в распределении монетных находок на городище не могут найти объяснение только в том, что монеты старых выпусков продолжали известное время обращаться наравне с монетами новых выпусков, что само по себе несомненно. Объяснения этим особенностям следует искать в другом.

Пенджикент со своими мощными стенами, таким как он рисуется на основании раскопок, по скупым известиям письменных источников и монетным данным, являлся значительным культурным и экономическим центром Согда. Удачно расположенный на одном из важных караванных путей, из стран Запада в Китай, он играл немалую роль в торговле края и в руках его населения были сосредоточены большие средства в виде значительных накоплений. На внутреннем рынке Пенджикента, как и во всем Согде, в обращении господствовала медь и немалую часть накоплений населения (ремесленно-торговых его слоев) составляла медная монета. В смутное время войн и междоусобиц местные и окрестные жители укрывались в городе, мощные стены которого, сохранившиеся до сегодняшнего дня, представляли надежное убежище. Покидая свои дома, они, естественно, брали с собой ценности, в том числе и деньги. В городе жители стремились надежно укрыть ценности в разных тайниках, существование которых

отмечено на городище. Напомним о находках на городище нескольких кладов, в том числе и небольшого клада из нескольких предметов, положенных в ямку у порога и прикрытых в спешке просто кирпичом. Другой найденный клад был припрятан надежней, как предполагают, в тайнике, в верхних частях одного из помещений (пом. 5) ограды храмового здания (объект II), при обвале которого он упал вместе с рухнувшими стенами постройки.[1] Такие тайники могли быть почти в любом месте (в стенах, кровлях, полах), так как их устройству способствовал материал зданий (сырцовый кирпич, пахса). Так, деньги и предметы могли просто закладываться в неровности пола, стены, кровли, могли замазываться глиной, прикрываться кирпичом и т. д.[2] Если мы к этому добавим, что при грабеже города арабы, при наличии более богатой добычи, вероятно, в какой-то мере пренебрегали медью, многое становится понятным и картина рисуется следующая. Скопление населения в Пенджикенте к моменту его осады сосредоточивало в нем значительные ценности, в том числе и деньги. Предметы и деньги, припрятанные и заблаговременно, и в спешке в различные тайники в стенах, полах и других местах, были только частично обнаружены грабителями. Наименее ценное из награбленного имущества, в том числе медная монета, отбрасывалось, смешивалось с землей и оставалось в пределах города, здания, помещения. Часть кладов не была обнаружена вовсе и осталась в своих тайниках (в зависимости от их местонахождений) до наших дней. Покинутые здания со временем разрушались; стены их обрушивались, а вместе с ними клады; земля растекалась и вместе с ней монеты; они попадали в завалы и на поверхность полов, скользили вдоль стен, где задерживались на различных уровнях. В таком случае причины, вызвавшие насыщенность отдельных участков завалов монетами, становятся понятными, понятна также однородность некоторых монетных групп на отдельных объектах. Таково, по-видимому, происхождение многочисленных монетных находок на объекте IX.

Состав «монетных гнезд» (кладов) указывает на разновременность их происхождения, которое приходится на:

1) середину VII в. (основной состав — монеты Вахшумана);

2) первую четверть VIII в. (основной состав — монеты Бидйана, монеты с легендой 'wkr prtrm'wk' MLK' и подражание монетам ихшида Гурека);

3) третью четверть VIII в. (основной состав — монеты Тургара, тип б и арабские фельсы 760—770 гг.).[1]

Отмеченный состав «монетных гнезд» в свою очередь должен указывать на три разных соответствующих им по времени разрушений города, имевших место в середине VII в., первой четверти VIII в. и третьей четверти того же VIII в. Одно из них нам известно и было связано с антиарабским движением 721—722 гг., возглавленным пенджикентским афшином Диваштичем.

Таким образом, основная масса рассмотренных монет не противоречит выдвинутому положению о трех экономических этапах в жизни города Пенджикента и его районов. Данные монет свидетельствуют и о том, что, во-первых, значительные эмиссии монет пенджикентских правителей первой четверти VIII в. не уходили далеко за пределы города, во-вторых, монеты западных районов, начиная с конца VII в. до конца 30-х годов VIII в., на рынке Пенджикента почти не поступали.

Эти выводы относительно жизни средневекового города подтверждаются так же известиями письменных источников.

---

[1] ЭВ, X, 1955, стр. 1 и сл.

[2] Е. М. Пещерева, участвовавшая в 1950 г. в этнографическом обследовании Таджикистана, собрала интереснейшие сведения о тех способах, к которым прибегало местное население еще на памяти стариков (в смутные времена частых междоусобиц) для того, чтобы сохранить наиболее ценное имущество и оградить себя от голода, грозившего ему в случае осады или полного разорения местности. Медные предметы, считавшиеся семейной ценностью (бисот), обычно топились в водоемах. Зерно на случай голода сохранялось следующим способом: просо замешивалось в глину; из этой глины делалась обмазка (штукатурка). Затем по мере необходимости обмазка снималась со стен, глина распускалась в воде, а оседавшее просо пускалось в пищу. Брелось для этой цели просо, так как оно не прорастало в этих условиях. Записано в районах Исфары и в Кастакове (Чкаловске). Быть может, схожий способ применялся населением и в древности как для зерна, так и для денег.

[1] К сожалению, высказанные соображения сейчас проверить нельзя, так как не выяснен горизонт, соответствующий разрушению города в первой четверти VIII в., о котором мы знаем из письменных источников, и не известно, какие монеты лежат в этом горизонте, какие в других.

На конец VII столетия и первую четверть VIII-го приходится тяжелый период завоевания страны арабами. Именно в эти годы совершают арабы свои большие походы за Аму-Дарью, в глубь края в Согд. В стране начинается период чрезвычайно напряженной жизни. Торговые связи различных центров, в том числе и Пенджикента, ослабевают, возможно и вовсе прерываются на какое-то время. Караванная торговля прекращается, денежное хозяйство нарушается, в обращении остаются только монеты местных выпусков. Жизнь в Пенджикенте замирает. Дехканство вместе со своими дружинами уходит в Самарканд, где согдийцы пытаются соединить свои силы для отпора арабам. Наконец, в 722 г. часть жителей вместе с представителями знати и купечества, не желая подчиниться арабам, ушла в горы. В том же году Диваштич схвачен в замке на горе Муг и впоследствии казнен. Пенджикент разграблен. Однако город уничтожен окончательно не был. К концу 30-х годов VIII в. (быть может, несколько ранее) он вновь оживает и, видимо, отстраивается, во всяком случае, судя по данным монет, в своей северо-восточной части. Отстраиваются и вновь заселяются пригороды. Об этом говорит состав монетных находок в пригородных домах, соответствующий составу монет на объектах III и IX. Наступает новый, хотя и недолгий, расцвет города. По монетным данным конец этого нового периода расцвета (третий этап в жизни средневекового города) приходится на начало 70-х годов VIII столетия, когда город снова был разрушен, на этот раз окончательно. В дальнейшем жизнь на городище носит уже, видимо, случайный характер, о чем можно судить по находкам отдельных саманидских и караханидских монет.

Раскопки не выявили строительно-ремонтных периодов, соответствующих экономическим этапам, наметившимся на основании монетных данных.

Изложенное позволяет судить о том значении, которое имеют нумизматические находки на одном из среднеазиатских городищ — на Пенджикентском, для истории этого края и определяет возрастающее их значение. Количество монетных находок на огромной территории Средней Азии и Кавказа, в Афганистане и Иране позволяет, как известно, сейчас говорить о новой, качественно отличной нумизматике — о нумизматике археологической, разработка круга вопросов которой стоит на очереди. В этой связи особое значение приобретает микростратиграфия.

Оставшиеся неразобранными в 1954 году две надписи на монетах **228—242** и **249—275** в настоящее время прочитаны. О них см. мою статью «О двух группах владетелей Согда VII—VIII вв.» (Известия Отделения общественных наук, XIV, Сталинабад, 1957, стр. 117—128; там же, стр. 127, см. хронологическую таблицу правителей Панча). О знаках (стр. 262 настоящего сборника) ср. статью А. М. Беленицкого «Археологические заметки» (там же, стр. 9—15); см. также статью Е. А. Давидович и Б. И. Литвинского «Археологический очерк Исфаринского района» (Труды АН Тадж. ССР, т. XXXV, Сталинабад, 1955, стр. 121, 152 и сл).

К стр. 246 настоящего сборника: надпись на монете № 211 можно читать: ”γwrpt букв. «конюший»; ср. таджикское м и р о х у р — «конюший» — придворный чин в бухарском ханстве.

К стр. 266: согласно арабскому тексту Самаркандского договора, опубликованному А. Н. Куратом, малый кусок ткани (согласно персидскому тексту — дйба) стоил 60 дирхемов, а кусок шелка (харир) — 80 дирхемов; что касается серебра, то, согласно тому же документу, расхождения между весовой и денежной драхмой в то время не было (A. N. Kurat, Kuteybe bin Müslim' in H'arizm ve Samarkand Zabti (Hicri 93—94—Miladi 712). Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi. Cilt VI, sayd 5, 1948, стр. 385—430). Издание персидского перевода договора см. мою статью «Из истории арабских завоеваний в Средней Азии» (Советское востоковедение, № 2, 1957, стр. 121—134).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК НЕ ОПРЕДЕЛЕННЫХ МОНЕТ ПЛОХОЙ СОХРАННОСТИ (ПО ОБЪЕКТАМ)

№№ п.п.	№ экспед. описи	Место находки	Определение
		Объект II	
1	52-II-18	Пом. 1, в выступе у северной стены.	Согдийская.
2	52-II-32	Пом. 2, завал.	»
3	52-II-38	Там же.	»
4	52-II-39	» »	Фрагменты согдийской.
5	52-II-42	» »	Согдийская.
6	52-II-60	» »	»
7	52-II-62	» »	»
8	52-II-145	Пом. 2, на полу.	»
9	52-II-180	Пом. 2, завал около пола.	Фрагменты не определенной монеты.
10	52-II-181	Там же.	Фрагменты согдийской монеты.
11	52-II-35	Пом. 4, завал.	Согдийская.
12	52-II-36	Там же.	»
13	52-II-82	Пом. 5, завал.	»
14	52-II-117	Пом. 6, завал.	»
15	52-II-234	Пом. 7, завал.	Фрагменты согдийской.
16	52-II-255	Пом. 7, выброс.	Согдийская.
17	52-II-256	Там же.	»
18	52-II-259	Пом. 7, пол.	»
19	52-II-274	Пом. 10 а, выброс.	Фрагменты согдийской.
20	52-II-295	Пом. 10 а, пол.	То же.
21	52-II-296	Там же.	Согдийская.
22	52-II-302	Пом. 10 а, пол.	»
23	52-II-374	Айван, на суфе у входа во двор.	Фельс.
24	52-II-40	Ограда, завал.	Фрагменты согдийской.
		Объект III	
25	49-III-706	Пом. 1, завал.	Не определенная.
26	49-III-707	Пом. 1, на настиле.	»
27	49-III-712	Пом. 1, завал.	Фрагменты согдийской.
28	49-III-723	Пом. 2, завал.	Согдийская.
29	49-III-726	Пом. 1, завал.	Не определенная.
30	49-III-729	Там же.	Фельс, в двух фрагментах.
31	50-III-229	Пом. 15, завал.	Фельс.
32	50-III-217	Пом. 19 завал.	Фрагменты согдийской.
33	50-III-226	Пом. 21, в кладовой под пандусом.	Фельс.
34	50-III-248	Пом. 23, завал.	Согдийская.
35	50-III-250	Пом. 23, выброс.	»
36	50-III-124	—	»
37	50-III-149	—	Фельс.
38	52-III-43	Пом. 6.	Согдийская.
39	52-III-69	Пом. 9, на полу.	Фельс.
		Объект VI	
40	50-VI-202	Пом. 4, зольник.	Фрагменты не определенной монеты.
41	52-VI-67	Пом. 1, пол.	Согдийская.
42	53-VI-11	Пом. 8.	Фрагменты не определенных монет.
43	53-VI-17	Пом. 8, на северной суфе.	Фрагменты согдийской.
44	53-VI-13	Пом. 12, завал.	То же.
45	53-VI-29	Пом. 13, отвал.	Не определенная.
46	54-VI-177	Пом. 5б, завал у поверхности пола.	Фрагменты согдийской.
47	54-VI-137	Пом. 12, завал.	Не определенная.
48	54-VI-7	Пом. 16, завал.	Согдийская монета в двух фрагментах.
49	54-IVI-26	Там же.	Фрагменты согдийской.
50	54-VI-24	Пом. 17, завал.	То же.
51	54-VI-210	Пом. 17, выброс.	Согдийская (?).
52	54-VI-64	Пом. 19, завал.	Монета Бидйана (?).
53	54-VI-61	Пом. 20, 2-й этаж, пол.	То же.
54	54-VI-25	Пом. 20, завал.	Согдийская.

(Продолжение)

№№ п.п.	№ экспед. описи	Место находки	Определение
55	54-VI-83	Пом. 21, завал.	Фрагменты согдийской.
56	54-VI-133	Пом. 21, пол дверного проема.	Согдийская (?).
57	54-VI	Пом. 21, на полу.	Согдийская.
58	54-VI-135	Пом. 22, завал.	Согдийская.
59	54-VI-106	Пом. 23, завал.	Не определенная
60	54-VI-106	Там же.	Согдийская.
61	54-VI-118	» »	Фрагменты согдийской.
62	54-VI-160	Пом. 24, завал.	Фрагменты не определенной.
63	54-VI-161	Там же.	Фрагменты согдийской.
64	54-VI-185	Пом. 24, завал над полом.	То же.
65	54-VI-213	Там же.	» »
66	54-VI-214	» »	» »
67	54-VI-87	Пом. 25, завал в кладовой.	Согдийская.
68	54-VI-89	Пом. 25, выброс.	»
69	54-VI-90	Пом. 25, завал в кладовой.	»
70	54-VI-92	Там же.	Два фрагмента согдийской.
71	54-VI-93	» »	Фрагменты согдийской.
72	54-VI-105	Пом. 25, завал.	То же.
73	54-VI-108	Пом. 25, выброс.	» »
74	54-VI-120	Пом. 25, завал.	Согдийская.
75	54-VI-?	Там же.	»
76	54-VI-140	Пом. 26, в сырцовой кладке.	Фрагменты согдийской.
77	54-VI-184	Пом. 26, на суфе.	То же.
78	54-VI-204	Там же.	Два фрагмента согдийской.
		Объект IV	
79	49-H12-4	Поверхность суфы.	Фрагменты согдийской монеты.
		Объект VIII	
80	52-VIII/2-3	Пом. 1, завал.	Фрагменты согдийской.
81	53-VIII/5-12	Пом. 6, на уровне пола коридора.	Два фрагмента не определенные.
82	53-VIII/9-36	Пом. 1, завал.	Фельс.
83	53-VIII/9-39	Пом. 2, завал.	Фрагмент не определенной монеты.
84	53-VIII/9-52	Пом. 2, завал у пола.	Фельс.
85	53-VIII/9-30	Пом. 2, завал.	Согдийская, с тамгой. (?)
86	53-VIII/9-31	Там же.	Фельс.
87	53-VIII/9-33	Пом. 2, на полу.	Согдийская.
88	53-VIII/9-32	Пом. 3, завал.	Фрагменты не определенные.
89	53-VIII/9-78	Помещения к югу от южного фаса, на полу.	Согдийская.
		Объект IX	
90	52-IX-3	Пом. 1, завал.	Не определенная и фрагменты.
91	53-IX-27	Пом. 2, завал.	Фрагменты согдийской.
92	53-IX-50	Пом. 6, в развале угла западной стены.	Три фрагмента согдийской.
93	53-IX-107	Пом. 6, восточный проход, на уровне пола.	Фельс.
94	53-IX	Там же.	Фельс (?).
95	53-IX-82	Пом. 7, завал.	Согдийская.
96	53-IX-76	Пом. 8, завал.	Два фрагмента согдийской.
97	53-IX-81	Пом. 8, выброс.	Монетный кружок.
98	53-IX-110	Там же.	Согдийская.
99	54-IX-68	Пом. 8 а, завал.	Фельс.
100—102	54-IX-83	Пом. 8 а, пол.	Фрагменты трех согдийских.
103	54-IX-84	Там же.	Фрагменты фельса.

(Продолжение)

№№ п.п.	№ экспед. описи	Место находки	Определение
104	54-IX-12	Пом. 12, пол.	Фрагменты согдийской.
105	54-IX-25	Пом. 13, завал.	Фрагменты фельса.
106	54-IX-28	Пом. 13, завал над полом.	Фрагменты согдийской.
107—108	54-IX-50	Пом. 16, завал.	Фельс и фрагменты не определенной.
109—111	54-IX-60	Пом. 16, завал.	Одна целая и три фрагментированных согдийских.
112—117	54-IX-62	Там же.	Шесть фрагментированных согдийских.
118—121	54-IX-66	» »	Три целых и фрагменты согдийских.
122—128	54-IX-69	» »	Фрагменты согдийских.
129—135	54-IX-73	» »	Семь разных фрагментированных монет (согдийских и фельсов).
136	54-IX-75	» »	Фельс (?)
137	54-IX-109	» »	Фрагмент фельса.
138	54-IX-54	Пом. 17, завал верхнего слоя.	Фрагменты фельсов.
139	54-IX-55	Там же.	Фрагмент не определенный.
140	54-IX-75	Пом. 17, завал.	Монетный кружок.
141—144	54-IX-109	Там же.	Три фельса и фрагменты не определенные.
145—146	54-IX-114	» »	Фрагменты фельсов не определенные.
147	54-IX-114	Пом. 18, завал.	Фельс.
148—152	54-IX-115	Там же.	Пять целых монет и фрагменты; среди них два фельса.
153—154	54-IX-115	» »	Фрагменты двух фельсов.
155—156	54-IX-122	» »	Фрагменты согдийских.
		Объект XII	
157	54-XII-6	Пом. А, завал.	Два фрагмента согдийской.
158	54-XII-13	Пом. Б, завал.	Согдийская.
159	54-XII-84	Пом. 2, завал в южном проходе.	Два фрагмента согдийской.
160	54-XII-49	Пом. 5, пол.	Фрагмент согдийской.
161	54-XII-36	Пом. 6, завал свода.	Согдийская.
162	54-XII-60	К югу от пом. 6.	Согдийская (?).
163	54-XII-95	Пом. 10, пол южного прохода.	Фрагмент согдийской.
164	54-XII-97	Там же.	Монетный кружок.
165	54-XII-120	» »	Фрагменты согдийской.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК МОНЕТ

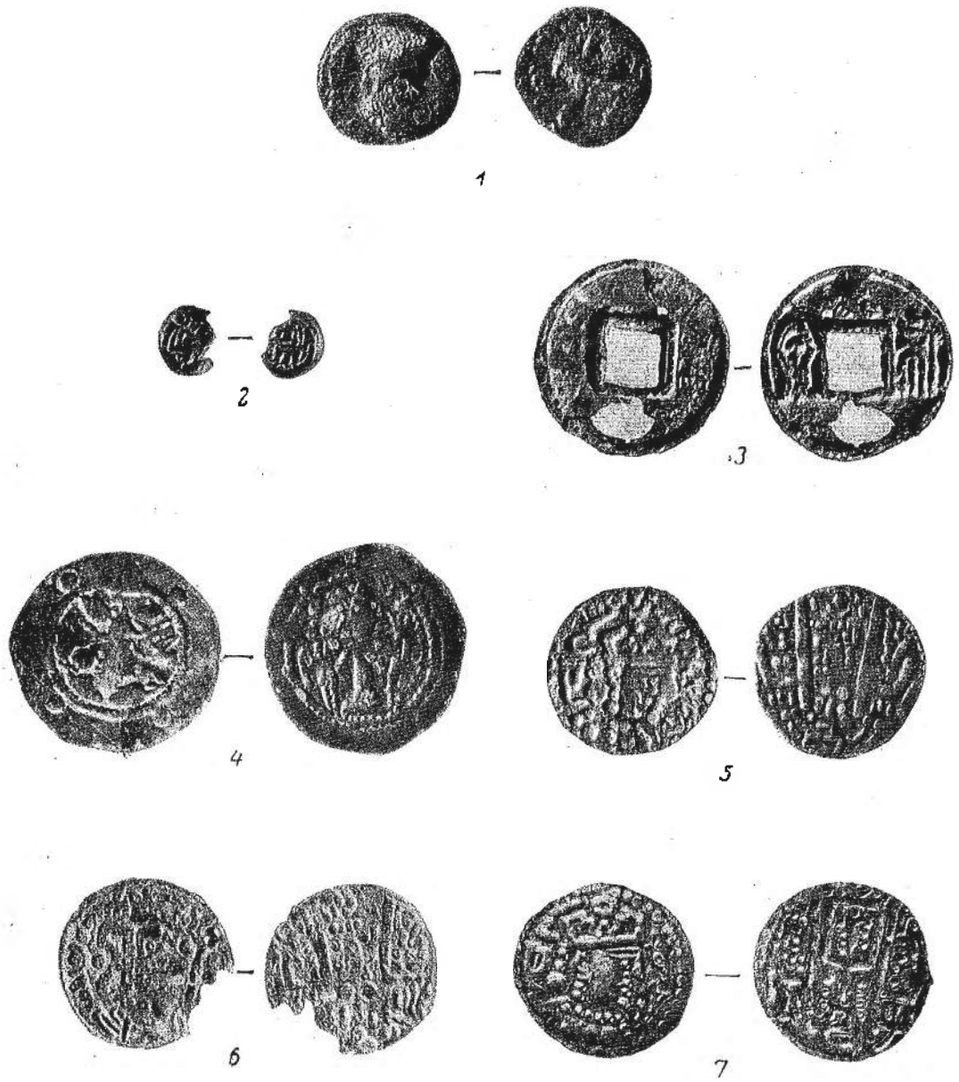
№№ п.п.	Определение	№№ монет данного типа по основному списку	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
1	Вахшуман, 650/55—696, Самарканд?	24—83	Плохая.	50-III-165	Пом. 12, завал.
2	Тукаспадак (?), 696—698 гг., Самарканд.	84	»	53-IX-88	Пом. 7, завал прохода.
3	Тархун, 700 (?)—710 гг., Самарканд.	89—94	»	50-III-165	Пом. 12, завал.
4	То же.	89—94	»	54-IX-69	Пом. 16, завал.
5	Тургар, 738— не ранее 750, Самарканд (тип а)	98—108	»	52-II-164	Пом. 6, завал.
6	То же (тип б)	109—154	Плохая.	52-II-92	Там же.
7			»	58-VIII/4-59	Пом. 1, завал.
8			»	58-VIII/4-60	Пом. 4, у пола.
9			»	52-VIII/4-64	Пом. 6, пол.
10			»	53-IX-54	Пом. 7, завал.
11				54-IX-68	Пом. 8 а, завал.

(Продолжение)

№№ п.п.	Определение	№№ монет данного типа по основному списку	Сохранность	№ экспед. описи	Место находки
12	То же (тип б)	109—154	Фрагмент.	54-IX-68	Там же.
13			Плохая.	54-IX-16	Пом. 13, завал.
14—15			2 фрагмента.	54-IX-17	—
16			Фрагмент.	54-IX-60	Пом. 16, завал.
17			Плохая.	54-IX-75	Там же.
18—23			»	54-IX-83	Пом. 17, завал.
24			»	54-IX-82	Пом. 18, завал.
25			Фрагмент.	54-IX-109	Там же.
26*			Плохая.	54-IX-116	» »
35			»	54-XII-39	Пом. 6, завал свода.
36					
37	Безыменная царица, Пенджикент, конец VII в.	229—249	»	52-VIII/4-61	Пом. 1, завал.
38	То же.	229—249	»	54-IX-28	Пом. 13, пол.
39	Бидйан, Пенджикент, первая четверть VIII в.	276—390	Плохая.	52-II-56	Пом. 2, завал.
40				52-II-61	Там же.
41				52-II-159	Пом. 6, в глине платформы.
42				52-II-безномера	Пом. 8, завал.
43				52-II-297	Пом. 10 а, пол.
44				54-VI-5	Проход между пом. 16 и 17, завал.
45				54-VI-4	Пом. 17, выброс.
46				54-VI-70	Пом. 22, завал.
47				54-VI-202	Пом. 24, выброс.
48				54-VI-168	Пом. 26, завал.
49				54-VI-203	Пом. 27, завал.
50				52-VIII/4-62	Пом. 6, пол.
51				52-VIII/4-63	Там же.
52—53				54-IX-66	Пом. 16, завал.
54				54-IX-115	Пом. 18, завал.
55—56	Да'уд, сын Гураза	435—446	Плохая.	52-II-334	Айван, на фрагменте скульптуры.
57				52-III-1	Пом. 9, в дерновом слое.
58				52-VIII/3-3	Пом. 1, завал.
59				53-IX-42	Пом. 2, завал.
60				53-IX-92	Пом. 7, завал.
61—62				54-IX-114	Пом. 18, завал.
63				54-IX-114	Там же.
64	Ал-'Ашас, сын Йахья, Самарканд, 144 (761—762) г. х.	447—497	Плохая.	54-IX-3	Юго-западное пом., пол.
65	То же.	447—497	Плохая.	54-IX-52	Пом. 16, завал.
66	» »	447—497	»	54-IX-63	Там же.
67	» »	447—497	»	54-IX-114	Пом. 18, завал.
68	Ҳамза, сын Ҳалида, Самарканд, 153 (770) г.	513—531	»	54-IX-114	Там же.

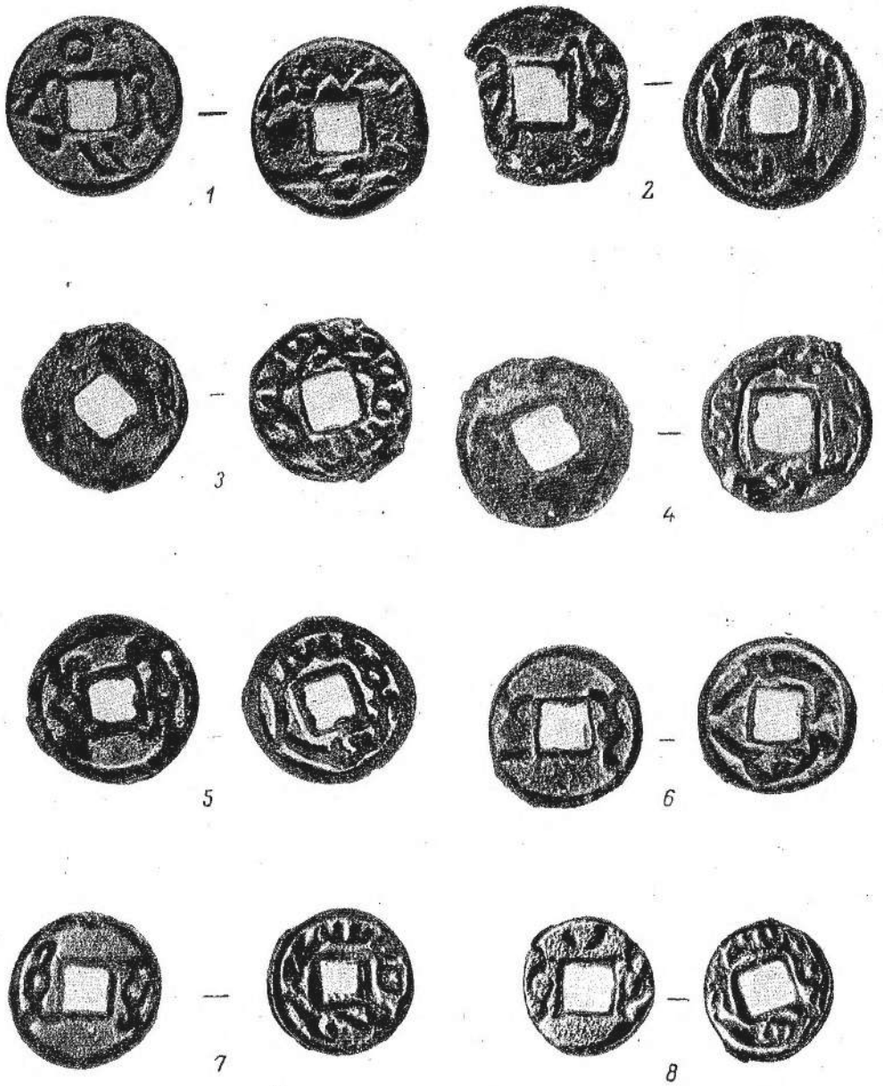
* Номера 27—34 будут опубликованы в подготовляемом к изданию «Каталоге пенджикентских монет».

Таблица I



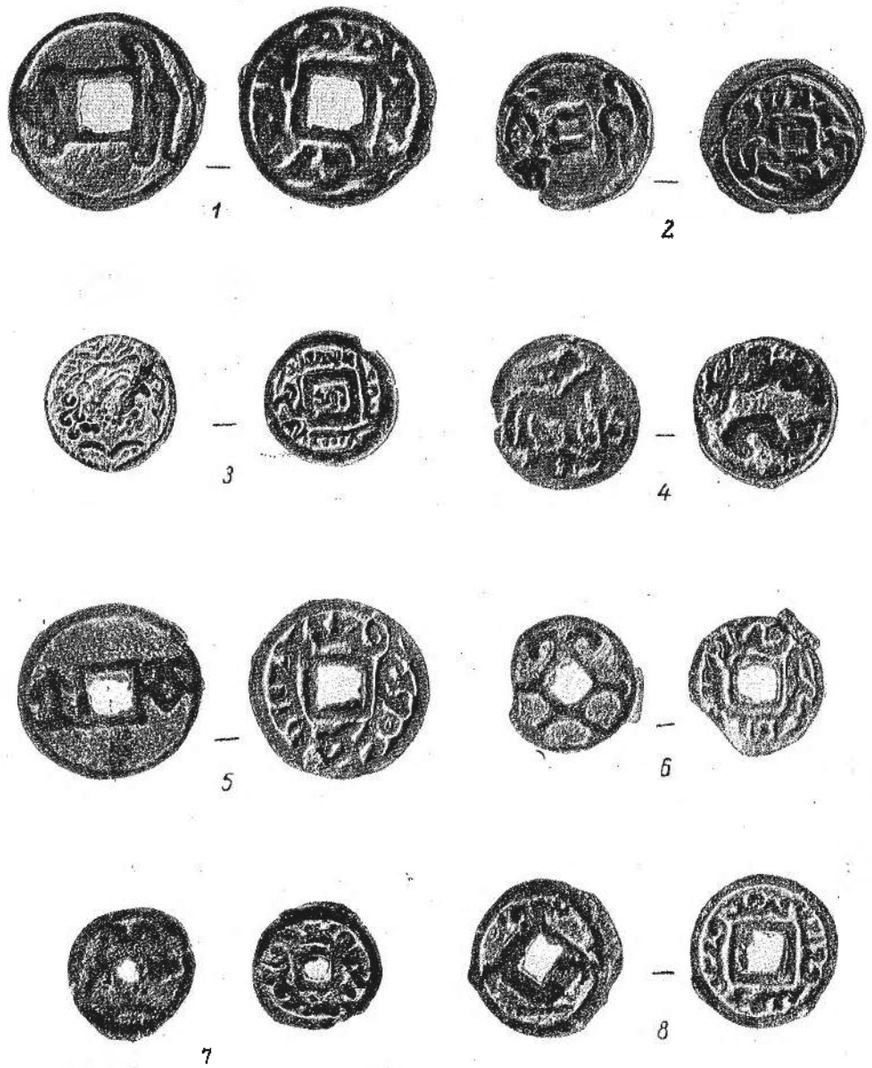
Монеты из раскопок Пенджикента.

Таблица II



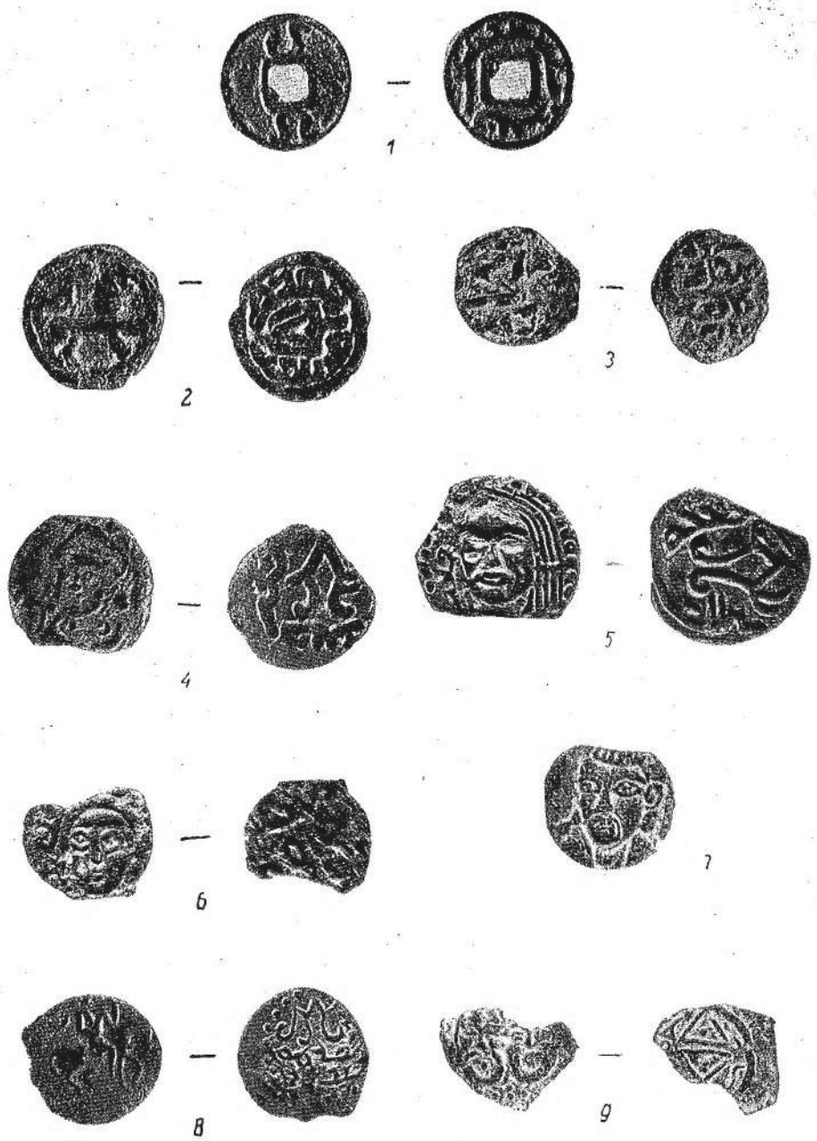
Монеты из раскопок Пенджикента.

Таблица III



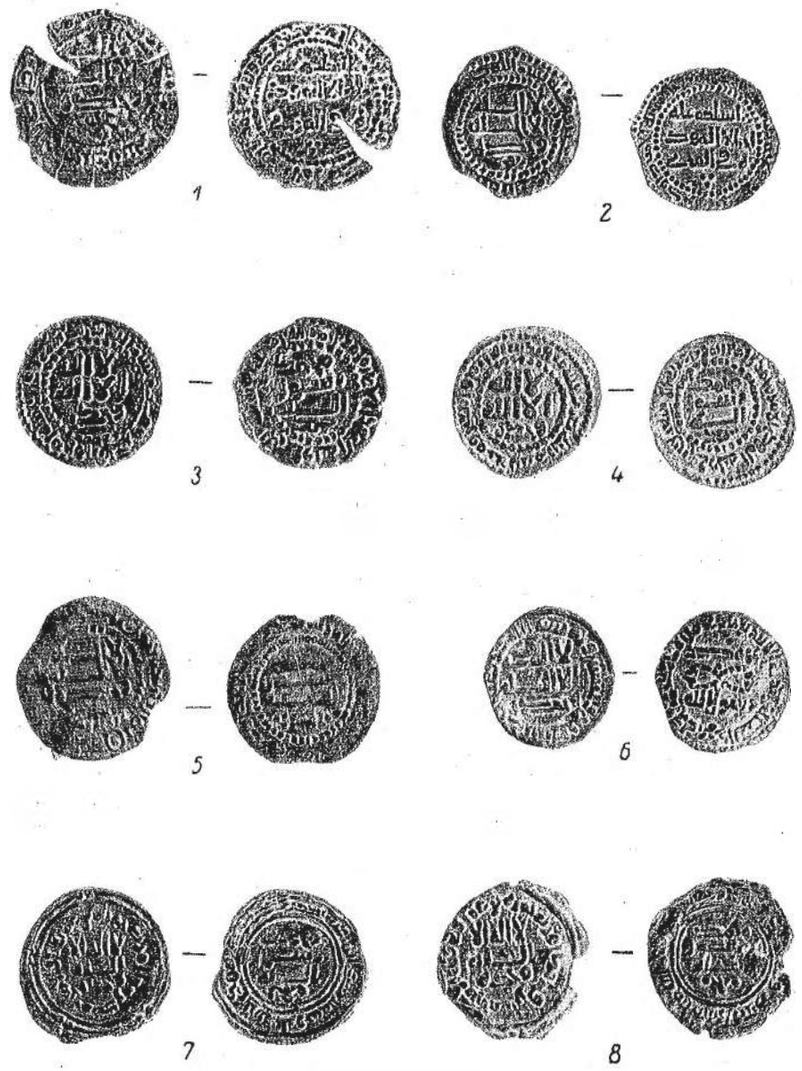
Монеты из раскопок Пенджикента.

Таблица IV



Монеты из раскопок Пенджикента.

Таблица V



Монеты из раскопок Пенджикента.

Таблица VI

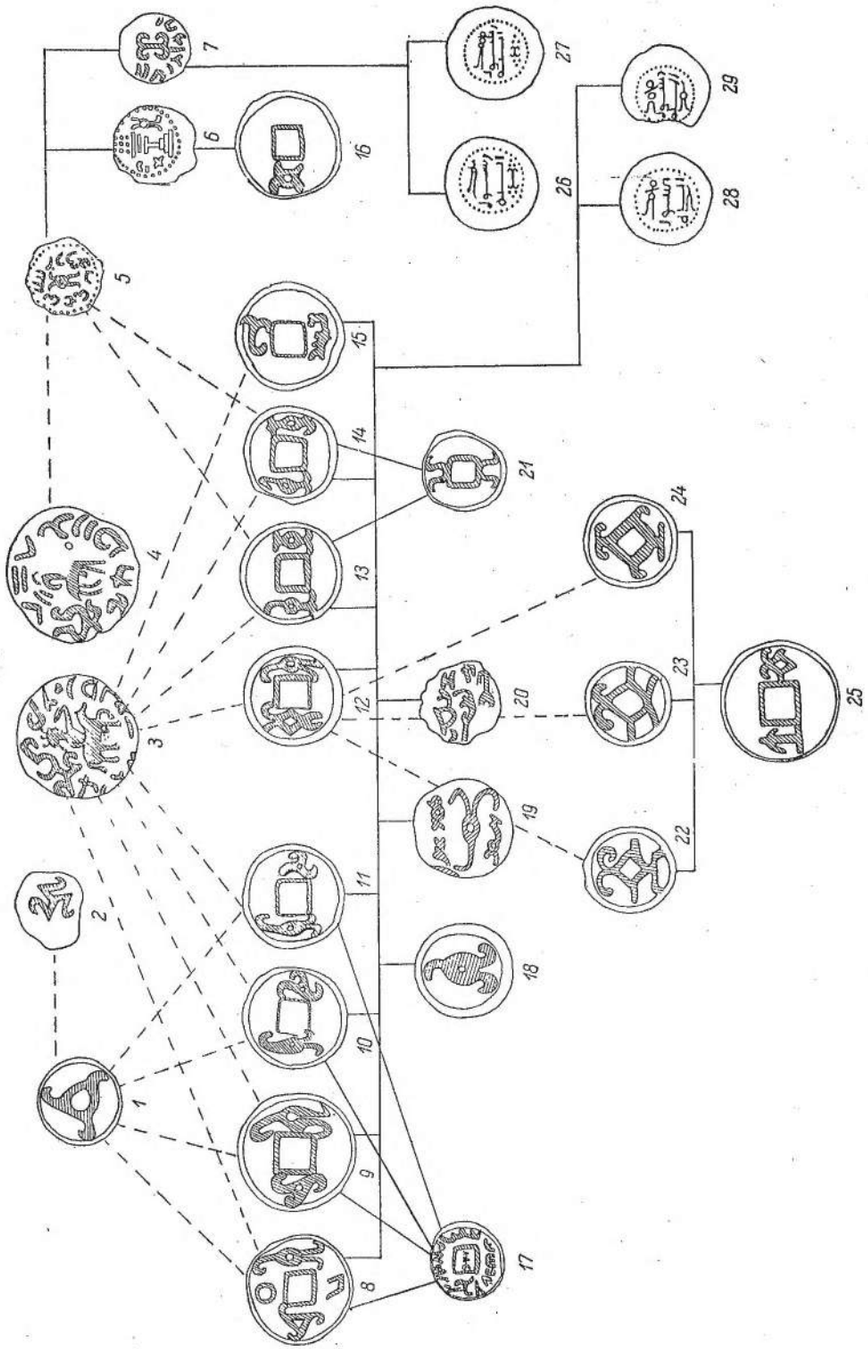


Таблица родовых связей ихшидов Согда (по знакам на монетах).

Сплошная линия — внутренние родовые связи, *пунктирная* — внешние родовые связи, *1* — монета неизвестного правителя, происходящая из северной Бактрии VI—VII вв., медь; *2* — монета неизвестного правителя древнего Хорезма, медь; *3—4* — монеты неизвестных правителей древнего Хорезма, серебро; *5—7* — неизвестные правители древней Бухары, медь; *8—16* — монеты ихшидов Согда VII—VIII вв. Самарканд, медь; *17—20* — монеты удельных правителей Согда, конец VII — VIII вв., медь; *21* — монета неизвестного вассала согдийских ихшидов, медь; *22—25* — монеты государей Пенджикента VII—VIII вв., медь; *26—27* — фельсы с именем аббасидского чиновника ал-Джунейда и родовым знаком бухарских государей, 151 г. х.; *28, 29* — фельсы с именем аббасидского чиновника ал-'Аттаса и родовым знаком самаркандских государей.

В. В. ГИНЗБУРГ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

Таджикской археологической экспедицией в 1952 и 1953 гг. добыты фрагменты человеческих скелетов из погребений в пригородном поселении древнего Пенджикента и из курганных могильников, расположенных на разном расстоянии невдалеке от города.

Можно предполагать, что захоронения в наусах и загородных домах относятся к оседлому ремесленно-земледельческому населению, а захоронения в курганах оставлены скотоводами-кочевниками.

Сопоставление краниологического материала этих двух групп между собой, а также с костными останками жителей самого города поможет пролить свет на происхождение населения долины Зеравшана.

В этом аспекте весьма ценным оказывается исследование и более ранних материалов — из курганов последних веков до н. э.

В предыдущей работе [1] мы изучили костные останки из наусов Пенджикентского некрополя, в котором захоронено городское население. Здесь же рассматривается население окрестностей города. Дополняя опубликованные ранее, эти материалы будут способствовать разрешению вопросов этногенеза населения Согда.

Доставленный для изучения материал невелик и в большинстве плохой сохранности. Поэтому, кроме сводной таблицы, куда внесены данные о наиболее сохранившихся черепах, поддающихся детальному измерению, мы даем самое тщательное описание всех фрагментов, обращая особое внимание на признаки, позволяющие сделать заключение о расовом типе захороненных.

В соответствии с происхождением материала, мы даем раздельные заметки о захороненных в курганах и в пригородном поселении.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ КУРГАНОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ ПЕНДЖИКЕНТА

Курганный могильник Саур-сай, расположенный на западной окраине Пенджикента и частично перекрытый городом, относится по археологическим данным к последним векам до н. э. Этим же временем датируется и курган в урочище Миндана, в 30 км к востоку от Пенджикента, вверх по Зеравшану.

Погребения последних веков до н. э.

Саур-сай. Курган 1. Сохранились фрагменты черепа и некоторых длинных костей женщины зрелого возраста.

Черепная коробка, по-видимому, мезокранного типа. Надпереносье развито средне (3), надбровные дуги — также (2). Горизонтальная профилировка лица значительная (3), с хорошо углубленной клыковой ямкой (3) и с заостренным нижним краем грушевидного отверстия носа. Маленькая альвеолярная дуга. Резко выступающий подбородок. Расовый тип погребенной — несомненно европеоидный.

[1] В. В. Гинзбург. Материалы к краниологии Согда. Труды ТАЭ, т. II. МИА, № 37, М.—Л., 953.

Саур-сай. Курган 2. Сохранились обломки черепа и некоторые осколки других костей скелета, принадлежащие мужчине зрелого возраста.

Черепная крышка мезо- или долихокранного типа со средненаклонным лбом (2), очень сильно развитыми надпереносьем (5) и надбровными дугами (3), особенно в срединной их части. Резко выступающий подбородок. Судя по очень углубленному корню носа, череп, возможно, относится к европеоидному типу.

Саур-сай. Курган 7. Хорошо сохранились кости обеих стоп и несколько обломков других костей скелета, принадлежавших, по-видимому, женщине зрелого возраста.

Саур-сай. Курган 8. Несколько мелких обломков разных костей. Судя по грацильности костей, возможно это была женщина возмужалого или зрелого возраста.

Миндана. Курган 1. Сохранились фрагменты черепа и некоторые другие сломанные кости скелета крупного мужчины возмужалого возраста. Лоб прямой (1), с хорошо выступающими надбровными дугами (3). Нос узкий, с заостренным нижним краем грушевидного отверстия. Клыковые ямки — глубокие (3). Зубы крупные. Расовый тип погребенного европеоидный, возможно брахикранный.

Миндана. Курган 15. Мелкие обломки черепа, несколько костей кисти, первые позвонки и обломки длинных костей мужчины зрелого возраста, по-видимому, брахикранного расового типа.

Из представленных здесь немногочисленных фрагментарных материалов все же можно видеть, что население последних веков до н. э., обитавшее в среднем и верхнем течении Зеравшана, относилось к европеоидному брахи- или мезокранному типу, т. е. было сходно с населением и других районов Средней Азии и Семиречья, в частности с усунями.[1]

Погребения середины I тысячелетия н. э.

Могильник в урочище Муш-хона в 7—8 км к востоку от Пенджикента датируется ориентировочно серединой I тысячелетия н. э. В этом могильнике погребения под курганами в простых грунтовых ямах, без инвентаря. Покойники ориентированы головой на запад.

Муш-хона. Курган 4. Южный костяк (№ 1 в сводной таблице). Частично сломанный череп и обломки других костей скелета. Кости крупные, массивные, принадлежавшие мужчине зрелого возраста. Судя по длине левой лучевой кости (258 мм), рост субъекта — около 170 см.

Череп ясно выраженного долихокранного типа (черепной указатель — 73.3), с прямым лбом, резко выступающим надпереносьем, невысоким, узким лицом со значительно выступающим носом, при средне углубленных клыковых ямках. Нижняя челюсть массивная, с хорошо выступающим подбородком. Расовый тип черепа европеоидный (средиземноморский).

Муш-хона. Курган 4. Северный костяк (№ 2 в сводной таблице). Сломанные череп и другие кости скелета женщины возмужалого возраста. Судя по длине правой плечевой кости (292 мм), рост субъекта около 152 см.

Череп брахикранного типа с прямым лбом, слабо развитыми надпереносьем (2) и надбровными дугами (1), невысоким, узким, средне выступающим горизонтальным профилем лица со средне углубленной клыковой ямкой. Расовый тип черепа европеоидный, может быть Среднеазиатского междуречья.

В кургане 3 Муш-хона обнаружены мелкие обломки скелетов мужчины зрелого возраста, женщины возмужалого возраста и ребенка около двух лет.

Череп мужчины, по-видимому, брахикранного типа со средне углубленной клыковой ямкой.

Череп женщины также брахикранный, с глубокой клыковой ямкой.

Можно предположить, что погребенные в кургане 3 относятся к европеоидному расовому типу Среднеазиатского междуречья.

Погребения в Засуне также относятся к середине I тысячелетия н. э.

Засун. Погребение «П». Череп женщины старческого возраста, брахикранного типа. Расовый тип европеоидный, Среднеазиатского междуречья (№ 5 в сводной таблице).

Засун. Погребение «З». Сломанный череп мужчины зрелого возраста.

[1] В. В. Гинзбург. Древние и современные антропологические типы Средней Азии. Труды Института этнографии АН СССР, т. XVI, 1951.

Черепная коробка мезокранного типа с искусственной теменной деформацией, вследствие чего черепная коробка стала низкой и более длинной. Расовый тип европеоидный (№ 6 в сводной таблице).

Засун. Погребение «Л». Сломанные череп и длинные кости женщины старческого возраста (№ 7 в сводной таблице).

Череп брахикранного типа, с прямым лбом, значительно развитыми надпереносьем (4) и надбровными дугами (3). Корень носа углубленный. Лицо низкое, широкое с глубокими клыковыми ямками. Уплощение в области ламбды. Расовый тип европеоидный, сходный с черепами андроновского типа.

Вычисленная по костям длина тела — около 154 см. Отмечается деформирующий артроз обоих коленных суставов.

Таким образом, все изученные погребения середины I тысячелетия н. э. относятся к европеоидному типу. Большинство из них являются представителями типа Среднеазиатского междуречья. Мужчина долихокранного и женщина андроновского типов не стоят совсем особняком, так как эти типы характерны для населения эпохи бронзы и встречаются в Средней Азии и в более позднее время.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ С ТЕРРИТОРИИ ПРИГОРОДНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

В оссуариях и хуме из загородного дома № 4 обнаружены обломки семи черепов.

Череп 1. Фрагменты очень крупного, массивного черепа мужчины старческого возраста. Черепная крышка широкой брахикранной формы, со слабо развитыми надбровными дугами.

Череп 2. Очень крупная, массивная черепная крышка, широкой брахикранной пентагоноидной формы женщины (?) зрелого возраста. Лоб прямой, надпереносье развито слабо (2), надбровные дуги также (1). Затылок несколько угловатый благодаря вздутой форме верхней части чешуи затылочной кости. Корень носа неуглубленный.

Приводим некоторые измерительные данные, которые можно было получить:

Продольный диаметр черепа	181 мм (?)
Поперечный диаметр черепа	151 мм
Черепной указатель	83.5
Наименьшая лобная ширина	103 мм
Наибольшая ширина лобной кости . .	125 мм
Ширина затылочной кости	125 мм (?)

Возможно, что расовый тип монголоидный.

Позади левого темянного бугра отмечается пробитое отверстие, размерами 16 × × 20 мм. Края отверстия неровные, без каких-либо следов зарастания. Внутрь отверстие воронкообразно расширяется. От края отверстия нижний задний угол темянной кости обломан. Это отверстие — результат удара массивным колющим оружием (может быть копьем), который, возможно, и был причиной смерти.

Череп 3. Фрагменты черепа мужчины зрелого возраста. Кости крупные гиперморфные. Очень большой сосцевидный отросток. На массивной челюсти — резко выступающий подбородок. Лоб средне наклонный (2), со значительно развитым надпереносьем (4) и надбровными дугами (3). Лицо широкое (ширина скуловая — 144 мм), с глубокой клыковой ямкой (3), глубоким переносьем и очень резко выступающим носом (3). Нижний край грушевидного отверстия — заостренный. Значительно выступающий передний носовой шип (4) с подносовым гребнем. Длина нёба — 43 мм; ширина — 41 мм. Длина альвеолярной дуги — 55 мм; ширина — 71 мм.

Расовый тип европеоидный, может быть андроновский.

Череп 4. Фрагменты очень крупного, массивного черепа мужчины старческого возраста. Черепная коробка брахикранного типа. Затылок с вздутым поперечным валиком. Наклон лба — средний (2), надпереносье развито значительно (4), надбровные дуги также (3). Переносье глубокое; нос резко выступает. Лицо широкое (верхняя ширина лица 122 мм). Расовый тип европеоидный, сходный с предыдущим.

Череп 5. Фрагменты черепа женщины зрелого возраста. Лоб прямой, со средне выступающими надбровными дугами. Наименьшая лобная ширина 95 мм. Клыковая ямка средней глубины (2). Передний носовой шип выражен средне (3). Нижний край грушевидного отверстия заостренный. Расовый тип, по-видимому, европеоидный.

Череп 6. Обломки очень массивного черепа мужчины зрелого возраста.

Череп 7. Фрагменты черепа ребенка в возрасте 4—5 лет.

Обращает на себя внимание значительная однородность типа черепов мужчин из загородного дома № 4. Все они крупные,

массивные, резко гипербрахиморфные, с значительно выраженными надпереносьем и надбровными дугами и очень резко выступающими носовыми костьми. Все они европеоидного типа, а по деталям больше всего сходны с более древним «андроновским» типом. Из женщин — одна относится к европеоидному типу, у другой — характерные признаки монголоидного типа.

Может быть, здесь погребены члены одной семьи, с ярко выраженным наследственным сходством. Женщины же (жены) могут быть пришлыми, не из окружающего местного населения. Такой несомненно является женщина с монголоидными чертами лица. Мало вероятно, чтобы это был крайний вариант типа с резко выступающим носом.

В загородном доме № 5 (помещение 1) на уровне пола обнаружены среди разбитых оссуариев и фрагментов хума обломки черепов четырех человек.

Ч е р е п 1. Фрагменты черепа мужчины зрелого возраста. Резко выступающее надпереносье (4) и углубленный корень носа. Клыковая ямка глубокая (3). Заостренный нижний край грушевидного отверстия. Расовый тип черепа европеоидный.

Ч е р е п 2. Фрагменты черепа женщины возмужалого возраста. Лицо невысокое, со средне углубленной клыковой ямкой (2) и заостренным нижним краем грушевидного отверстия. Расовый тип, возможно, европеоидный.

Ч е р е п 3. Череп ребенка около 6—7 лет с совершенно плоским переносьем, но резко выступающим передним носовым шипом и значительно выступающим в горизонтальной плоскости лицом. Расовый тип черепа европеоидный.

Ч е р е п 4. Также принадлежит ребенку около 6 лет. Однако фрагменты не дают возможности определить тип его.

Мы видим, что все захороненные в загородном доме № 5 относятся к европеоидному типу.

Кости из наусов на территории загородного поселения

Ч е р е п и з н а у с а 35. Фрагменты черепа женщины старческого возраста. Черепная коробка искусственно деформирована. Деформация комбинированная: лобно-затылочная и кольцевая. Лицо значительно выступающее в горизонтальной плоскости. Переносье мало углубленное; нос выступает слабо. Нижний край грушевидного отверстия заостренный. Носовые кости широкие. Череп широкий, брахикранный. Продольный диаметр черепной коробки — 168 мм. Поперечный диаметр черепной коробки — 147 мм. Черепной указатель — 87.4. Деформация усиливает брахикранию. Расовый тип европеоидный.

В этом же наусе обнаружены мелкие обломки костей черепов еще пяти человек.

Ч е р е п, н а й д е н н ы й м е ж д у н а у с а м и 36 и 37. Обломки черепа женщины старческого возраста. Черепная крышка мезокранного типа с прямым лбом, слабо развитым надпереносьем (2), средними надбровными дугами (2) и средне углубленным корнем носа. Затылочная чешуя несколько вздута, а в области обелионалямбды небольшое уплощение.

Приводим некоторые измерительные данные этого черепа:

Продольный диаметр черепа	181 мм
Поперечный диаметр черепа	142 мм
Черепной указатель	78.5
Высота черепной коробки (порион-брегма)	126 мм
Наименьшая лобная ширина	105 мм
Наибольшая ширина лобной кости	126 мм
Бигониальная ширина	113 мм

Определение расового типа затруднительно, ибо имеющиеся данные не специфичны.

Ч е р е п и з н а у с а 38. Сохранилась лишь лобная кость ребенка около 3—4 лет.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ДРУГИХ РАЗНЫХ МЕСТ В ОКРЕСТНОСТЯХ ПЕНДЖИКЕНТА

У р о ч и щ е О б - х у р а к. Южный склон. Погребение в оссуарии около городища (№ 3 в сводной таблице).

Частично сломанный череп и кости мужчины возмужалого возраста. Череп небольшой, брахикранного типа с прямым лбом и ниже среднего развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо невысокое, узкое с средне углубленными клыковыми ямками и резко выступающим носом. Подбородок выступает значительно. Расовый тип черепа европеоидный, Среднеазиатского междуречья.

Вычисленная по костям длина тела около 161 см.

Б а т у р - Т е п е. Погребение в центральном коридоре (№ 4 в сводной таблице).

Череп мужчины зрелого возраста. Черепная коробка мезокранного типа, с прямым лбом, средне развитым надпереносьем и слабо выступающими надбровными дугами. Клыковые ямки углублены мало (1), но нос резко выступает. Расовый тип европеоидный, может быть вариант типа Среднеазиатского междуречья.

В заключение даем список всех черепов, по которым можно было в той или иной мере определить расовый тип.

Последние века до н. э.

Саур-сай

Курган 1	ж.	Европеоидный
Курган 2	м.	Европеоидный

Миндапа

Курган 1	м.	Европеоидный (брахикранный?)
Курган 15	м.	(брахикранный?)

Середина I тысячелетия н. э.

Муш-хона

Курган 4 южн.	м.	Европеоидный, средиземноморский
Курган 4 сев.	ж.	Европеоидный, Среднеазиатского междуречья

Засун

Погребение «П»	ж.	Европеоидный, Среднеазиатского междуречья
Погребение «З»	м.	Европеоидный (с теменной деформацией)
Погребение «Л»	ж.	Европеоидный, андроновский

VII—VIII вв. н. э.

Пенджикент, загородный дом № 4

Череп 2	ж.	Монголоидный (?)
Череп 3	м.	Европеоидный (андроновский?)
Череп 4	м.	Европеоидный (андроновский?)
Череп 5	ж.	Европеоидный

Пенджикент, загородный дом № 5

Череп 1	м.	Европеоидный
Череп 2	ж.	Европеоидный(?)
Череп 3	детский	Европеоидный

Пенджикент, наус 35

Череп ж. Европеоидный, брахикранный, деформированный, комбинированная лобно-затылочная и кольцевая деформация

Об-хурак

Череп м. Европеоидный, Среднеазиатского междуречья

Батур-тепе

Череп м. Европеоидный, Среднеазиатского междуречья.

Изученные материалы, несмотря на их немногочисленность, позволяют сделать ряд интересных выводов.

Прежде всего мы видим, что население Зеравшана в последние века до н. э. сходно с населением других районов Средней Азии и Семиречья.[1] Оно также относилось к европеоидной расе с преобладанием мезо-брахикранного типа.

Погребенные в курганах, датируемых серединой I тысячелетия н. э., также европеоидны и в большинстве уже относятся к преобладающему в дальнейшем как в Согде, так и в Бактрии типу Среднеазиатского междуречья.[2]

Наличие черепа долихокранного типа в кургане 4 Муш-хона не противоречит общему положению, ибо небольшое количество долихокранных европеоидов встречается и в других краниологических сериях из разных районов Средней Азии, относящихся к 1 тысячелетию до н. э. и после рубежа н. э. Они отмечены и в Семиречье,[3] и в Фергане, и под Ташкентом,[4] и под Сталинабадом.[5]

Долихокранный европеоидный тип, встречающийся в Среднеазиатском междуречье, появляется здесь в результате проникновения еще в палео- и неометаллическую эпоху населения из-за Аму-Дарьи.[6] Однако это проникновение было незначи-

[1] В. В. Г и н з б у р г. Древние и современные антропологические типы Средней Азии.

[2] Л. В. О ш а н и н и В. Я. З е з е н к о в а. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Сборник Института истории и археологии АН Узб. ССР, 1953.

[3] Г. Ф. Д е б е ц. Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии АН СССР, т. IV, 1948; В. В. Г и н з б у р г. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным. Труды Института этнографии АН СССР, т. XXI, 1954.

[4] В. В. Г и н з б у р г. Материалы к антропологии гуннов и саков. СЭ, № 4, 1946.

[5] В. В. Г и н з б у р г. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии. МИА, № 15, 1950.

[6] В. В. Г и н з б у р г. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. XI, 1950; В. Я. З е з е н к о в а. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. Сб. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии», Ташкент, 1953.

Таблица измерительных и описательных признаков наиболее сохранившихся черепов из окрестностей древнего Пенджикента

Обозначения по Мартину и другим	№№ по порядку	1	2	3	4	5	6	7
	Коллекционный № МАЭ	6096-6	6096-7	6096-13	6096-14	6096-15	6096-8	6096-12
	Происхождение	Муш-хона К. 4 южн.	Муш-хона К. 4 сев.	Засун П. «П»	Засун П. «З»	Засун П. «Л»	Об-хурак	Батур-тепе
	Датировка	Середина I тысячелетия н. э.					VII—VIII вв. н. э.	
	Пол	м	ж	ж	м	ж	м	м
	Возраст	зрелый	возмужалый	старческий	зрелый	старческий	возмужалый	зрелый
1	Продольный диаметр черепа	189	—	174	193	176	173	183
8	Поперечный » »	132	—	145	150	143?	148	139
17	Высотный » (*ba—br*)	—	—	126	—	135	—	136
20	Высотный » (*po—br*)	120	—	113	123	130	119	116
11	Биаурикулярная ширина	127	—	121	124	—	122	128
9	Наименьшая лобная ширина	95	—	92	107	102	88	96
10	Наибольшая ширина лобной кости	120	—	—	131	134	123	116
5	Длина основания черепа	—	—	97	—	—	—	102
40	Длина основания лица	—	—	88	—	—	—	99
47	Полная высота лица (*n—gn*)	120	115	—	—	—	111	118
48	Верхняя высота лица (*n—pr*)	68	64	63	78	66?	67	70?
45	Скуловой диаметр	125?	123?	123	134?	144	125	130
46	Ширина средней части лица (*zm—zm*)	100	92	85	92?	—	94	98
	Зигомаксиллярная ширина (по Абиндеру)	97?	89	84	—	—	95	97
	Выступание субспинальной точки	22?	18.0	23.3	—	—	21.0	19.8
	Зигомаксиллярный угол	131°	136°	122°	—	—	132°	136°
43(1)	Биорбитальная ширина (*fmo—fmo*)	102	—	95	103	—	92	97
	Выступание назиона над линией (*fmo—fmo*)	21(?)	—	19.2	—	—	19.0	14.1
54	Ширина носа	27	27	23	25	—	24	25
55	Высота носа	51	48?	48	60	—	49	53
49a	Дакриальная ширина	—	22.0	22.0	—	—	21.3	23.2
DS	Дакриальная высота	—	—	12.1	—	—	13.2	12.6
	Максиллофронтальная ширина	—	20.0	19.6	—	—	12.3	19.7
	Максиллофронтальная высота	—	—	7.4	—	—	10.2	8.0
SC	Симотическая ширина	9.0	—	—	—	—	8.2	10.8
SS	Симотическая высота	7.0	—	—	—	—	4.3	5.3
51	Ширина орбиты (*mf—ek*)	43	39 пр	42	41?	40? пр	39	41
51a	Ширина орбиты (*d—ek*)	41	37 пр	38	39	—	37	38
52	Высота орбиты	34?	33?	34	42!	29 пр	31	32
62	Длина нёба	42?	—	40	46	—	41	48
63	Ширина нёба	35	—	32	39	—	37	45
66	Бигониальный диаметр	110	94	—	—	115	96	102
23	Горизонтальная окружность	—	—	—	555	—	—	513
32	Угол профиля лба (*n—m*)	—	—	88	92	—	—	90
	Угол профиля лба (*g—m*)	—	—	81	83	—	—	80
72	Угол профиля лица	—	—	89	92	—	—	85
73	Угол профиля средней части лица	—	—	92	—	—	—	87
74	Угол профиля альвеолярной части лица	—	—	79	—	—	—	76
75	Угол носовых костей (к горизонтали)	—	—	63	—	—	—	53
75_1	Угол носовых костей (к профилю лица)	28	—	26	—	—	31?	32

(Продолжение)

Обозначения по Мартину и другим	№№ по порядку	1	2	3	4	5	6	7
	Коллекционный № МАЭ	6096-6	6096-7	6096-13	6096-14	6096-15	6096-8	6096-12
	Происхождение	Муш-хона К. 4 южн.	Муш-хона К. 4 сев.	Засун П. «П»	Засун П. «З»	Засун П. «Л»	Об-хурак	Батур-тепе
	Датировка	Середина I тысячелетия н. э.					VII—VIII вв. н. э.	
	Пол	м	ж	ж	м	ж	м	м
	Возраст	зрелый	возмужалый	старческий	зрелый	старческий	возмужалый	зрелый
	Указатели							
8 : 1	Черепной	69.84	—	83.33	77.72	81.25?	85.55	75.96
17 : 1	Высотно-продольный	—	—	72.41	—	76.70	—	74.32
20 : 1	Высотно-продольный	63.49	—	64.94	63.73	73.86	68.79	63.39
17 : 8	Высотно-поперечный	—	—	86.90	—	94.41	—	97.84
20 : 8	Высотно-поперечный	90.91	—	77.93	82.00	90.91?	80.41	83.45
9 : 8	Лобно-теменной	71.97	—	63.45	71.33	71.33?	59.46	69.06
9 : 10	Лобный	79.17	—	—	81.68	76.12	71.54	82.76
9 : 45	Лобно-скуловой	76.00?	—	74.80	79.85?	70.83	70.40	73.85
48 : 45	Лицевой (верхней части лица)	54.40?	52.03	51.22	58.21	45.83	53.60	53.85
54 : 55	Носовой	52.94	56.25?	47.92	41.67	—	48.98	47.17
52 : 51	Орбитный (*kmf*)	79.07	84.62?	80.95	104.88?	72.50?	79.49	78.05
52:51a	Орбитный (*kd*)	82.93?	89.19?	89.47	—	—	83.78	84.21
40 : 5	Базальный краниофациальный	—	—	90.72	—	—	—	97.06
48 : 17	Вертикальный краниофациальный	—	—	50.00	—	48.89	—	51.47?
	Выступания назиона над биорбитальной линией	20.59?	—	20.21	—	—	20.65	14.54
	Выступания субспинале	22.68?	20.22	27.74	—	—	22.11	20.41
	Максиллофронтальной высоты	—	—	37.76	—	—	82.93	40.61
	Дакриальной высоты	—	—	55.00	—	—	61.97	54.31
	Симотический	77.78	—	—	—	—	52.44	49.07
63 : 62	Ширины нёба	83.33	—	80.00	84.78	—	90.24	93.75
	Форма черепной коробки	Эллипсоид	Бризоид	Овоид	Пентагоноид	Сфероид	Пентагоноид	Эллипсоид
	Наклон лба (0—3)	1	1	1	1	1	1	1
	Развитие надпереносья (1—6)	4	2	2	3	4	3	3
	Развитие надбровья (1—3)	2	1	1	3	3	2	1
	Глубина клыковой ямки (0—4)	2	2	1	3	3	2	1
	Горизонтальный профиль лица (1—3)	3	2	3	3	—	2	2
	Выступание носа (1—3)	2	—	2	3?	—	3	3
	Передненосовая ость (1—5)	3?	2?	2	2	—	—	3
	Нижний край носового отверстия	*F. pr.*	*F. pr.*	*Anthr.*	*Anthr.*	—	*Anthr.*	*Anthr.*
	Форма затылка	Круглая	Круглая	Круглая	Круглая	Угловатая	Круглая	Угловатая
	Деформация черепа (искусственная)	0	0	0	2 теменная	3 уплощение лямбды	0	0
	Типологическая характеристика	Европеоидный, средиземноморский	Европеоидный, Средне-азиатского междуречья	Европеоидный, Средне-азиатского междуречья	Европеоидный	Европеоидный, андроновский	Европеоидный, Средне-азиатского междуречья	Европеоидный, Средне-азиатского междуречья

тельным и почти не оставило следов в современном населении Среднеазиатского междуречья. Брахикранный же европеоидный тип, развившийся, как мы предполагаем, на базе древнего местного населения,[1] является уже в I тысячелетии н. э. типичным для населения Среднеазиатского междуречья; мы его отмечаем у населения Пенджикента в середине I тысячелетия н. э. и VII—VIII вв. н. э.,[2] у жителей Фринкента под Самаркандом в XIII в.[3] и, наконец, у узбеков[4] и таджиков.[5]

Оседлое население пригородов древнего Пенджикента, хоронившее своих покойников, как и горожане, в оссуариях, помещенных в специальных усыпальницах (наусах), а несколько позже использовавших для этого старые, очевидно уже нежилые дома, было также европеоидным по типу. Лишь останки одной женщины среди погребенных в загородном доме № 4 имели черты монголоидного типа.

Важно отметить, что варианты расовых типов загородного населения Пенджикента сходны с типами городского населения. В основном это европеоидный тип Среднеазиатского междуречья. Однако у загородного населения гораздо чаще встречаются гиперморфные формы, благодаря чему в нескольких случаях мы могли отметить сходство с «андроновским» типом, отличающимся от типа Среднеазиатского междуречья более грубыми и резко выраженными чертами европеоидного типа. Такие «андроновские» черты отмечены у погребенных в загородном доме № 4 и в одном из погребений в Засуне. Городское население Пенджикента характеризуется большей грацильностью типа. Мы знаем, что черты «андроновского» типа, характерные для населения Казахстана в бронзовое время, встречаются и у более позднего населения Средней Азии. Это привело нас к предположению, что тип Среднеазиатского междуречья и развился в значительной мере на базе андроновского.[1] Концентрация же этого гиперморфного типа среди погребенных в загородном доме № 4 может быть говорит о семейных чертах и подтверждает предположение о наличии семейных усыпальниц.

Встретившиеся случаи искусственной деформации черепов — у женщины, погребенной в наусе 35 и у мужчины из погребения 3 в Засуне — тоже не стоят одиноко. Деформированный череп, подобный тому, какой находился в наусе 35, отмечен у мужчины из науса 9 Пенджикентского некрополя. Такая комбинированная лобно-затылочная и кольцевая деформация отмечена в погребениях у станции Бревская (Ташкентская область)[2] и в оссуарных погребениях оседлого населения Хорезма.[3] Кольцевая деформация черепов часто отмечается в более ранних погребениях подбойного и катакомбного типа.[4]

Что касается теменной деформации, то она уже была нами отмечена у погребенных в хумах на водохранилище Сасык-булак возле Чимкента.[5]

Все это говорит о том, что население древнего Пенджикента и его окрестностей хотя и развилось на базе древнего местного населения Зеравшанской долины, но к середине I тысячелетия н. э. было в значительной мере смешанным, находясь в родственных связях с населением ряда других районов Средней Азии.

Концентрация некоторых вариантов антропологических типов среди захороненных как в некоторых наусах городского некрополя, так и в загородных поселениях, вероятно, говорит о наличии родовых или семейных усыпальниц.

Наконец, сходство вариантов антропологических типов погребенных в городском некрополе Пенджикента с погребенными в окрестностях города говорит об общих путях развития, т. е. однородности населения города и его округи.

---

[1] В. В. Гинзбург. Древние и современные антропологические типы Средней Азии.

[2] В. В. Гинзбург. Материалы к краниологии Согда. МИА, № 37.

[3] Е. В. Жиров. Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии. Сборник Музея антропологии и этнографии, X, 1949; В. В. Гинзбург. Черепа из зороастрийского кладбища XIII в. в Фринкенте. Сборник Музея антропологии и этнографии, X, 1949.

[4] Б. В. Фирштейн. Материалы к краниологии узбеков Ташкента. Краткие сообщения Института этнографии, вып. XIII, 1951; Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии. Сб. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии», Ташкент, 1953.

[5] В. В. Гинзбург. Горные таджики. М.—Л., 1937; В. В. Гинзбург. Таджики предгорий. Сб. Музея антропологии и этнографии, XII, М.—Л., 1949.

[1] В. В. Гинзбург. Древние и современные антропологические типы Средней Азии.

[2] В. Я. Зезенкова. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. Сб. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии», Изд. АН Узб. ССР, 1953.

[3] В. Я. Зезенкова. Там же; И. Г. Залкинд. Краниологические материалы с территории древнего Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, I, М., 1952.

[4] В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров. Антропологические материалы Кенкольского катакомбного могильника. Сб. Музея антропологии и этнографии, X, 1949; В. В. Гинзбург. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным.

[5] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана. СА, XXI, 1954.

t.me/archeotajik

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ и С. Б. ПЕВЗНЕР

РАБОТЫ КАФИРНИГАНСКОГО ОТРЯДА В 1952—1953 гг.

Работы, проводившиеся Кафирниганским отрядом в 1952 и 1953 гг., являлись продолжением тех исследований, которые велись на территории Кобадианского оазиса в предшествующие сезоны.[1] Основными объектами изучения были два городища: Кей-Кобад-Шах, расположенное на окраине бывшего районного центра — Микоянабада (левый берег р. Кафирниган), и Мунчак-Тепе, лежащее на землях колхоза им. Сталина (правый берег р. Кафирниган). Разведывательные работы производились в очень ограниченных размерах и при этом преимущественно лишь в пределах правобережья р. Кафирниган.

1. Раскопки на городище Кей-Кобад-Шах в 1952 г.

Результаты работ 1950—1951 гг. на двух крупнейших городищах Кобадианского оазиса — Калаи Мир и Кей-Кобад-Шах — показали, что оба эти памятника заслуживают специального систематического исследования. Однако возможности производства раскопок на первом из них по ряду причин оказались весьма ограниченными. Поэтому в 1952 г. работы были продолжены на городище Кей-Кобад-Шах. Основной целью их было изучение оборонительных сооружений, которые подвергались быстрому разрушению в связи с расширением посевов хлопка.

Ввиду того что остатки башен и стен лучше всего сохранились на восточной стороне городища, раскопки производились в этой части памятника. Было произведено раскрытие трех башен — №№ 18, 17 и 16, последняя из которых, как предполагалось на основании рельефа этого участка, примыкала к воротам (см. рис. 1).

Первоначально была раскрыта башня № 18 и противолежащий ей участок внутренней стороны городской стены; кроме того, было произведено исследование лежащего под стеной и башней фундамента. Затем была раскрыта башня № 17 и средняя часть куртины между башнями №№ 17 и 18. Далее была оконтурена башня № 16.

Все три башни выступали на 6 м от поверхности стены и имели приблизительно одинаковую длину: башня № 16 — 12.6 м, № 17 — 13.6 м, № 18 — 13.3 м. Длина куртины между башнями колебалась от 20 до 22 м.

На южном углу башни № 18 и на северном углу башни № 17 были обнаружены небольшие выступы, имевшие несколько более 3 м в длину и вылет около 0.8 м[1] (рис. 2). Однако выяснить их назначение в ходе раскопок не удалось. Выступ башни № 17 был снят при раскопках. Угол башни, открывшийся под ним, сохранился вполне хорошо и не имел никаких следов ремонта. Вследствие этого у нас нет оснований считать выступы пристроенными во время ремонта для укрепления разрушившейся части башни.

[1] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА, № 37, 1953. В 1952 г. в работах Кафирниганского отряда принимали участие: М. М. Дьяконов, С. А. Атаев, В. М. Массон, Е. А. Мончадская, С. Б. Певзнер, М. Д. Корзухина, Е. Е. Кузьмина и Л. П. Матвеева; в 1953 г. М. М. Дьяконов, А. М. Мандельштам, В. М. Массон, Н. Негматов, Ш. Норматов, М. Д. Корзухина, Е. Е. Кузьмина и Л. П. Матвеева.

[1] Выступ башни № 17 имел размеры 3.40×0.80 м, башни № 18 — 3.30×0.90 м.

На башне № 18 были обнаружены остатки небольшого сооружения размерами 5.65 м (по длине башни) × 2.0 м, которое было расположено в 3 м от внешнего края башни. Стены его были сложены, по-видимому, в три кирпича.[1] Судя по характеру завала, оно было перекрыто сводом. Сводчатые завершения имели также два оконных проема в стене, обращенной в сторону поля. Один из проемов — северный — имел в ширину 1.0 м, а второй — южный — 0.8 м. Оба они расположены на высоте 0.40 м от пола помещения. Входной проем не был обнаружен.

Ширину фундамента под стеной и башнями не удалось установить, так как с обеих сторон к стене подходят хлопковые поля и арыки, проходящие по краям их, что и заставило прекратить работу. Было установлено лишь, что с внешней стороны фундамент выдается более чем на 3.50 м от стены.

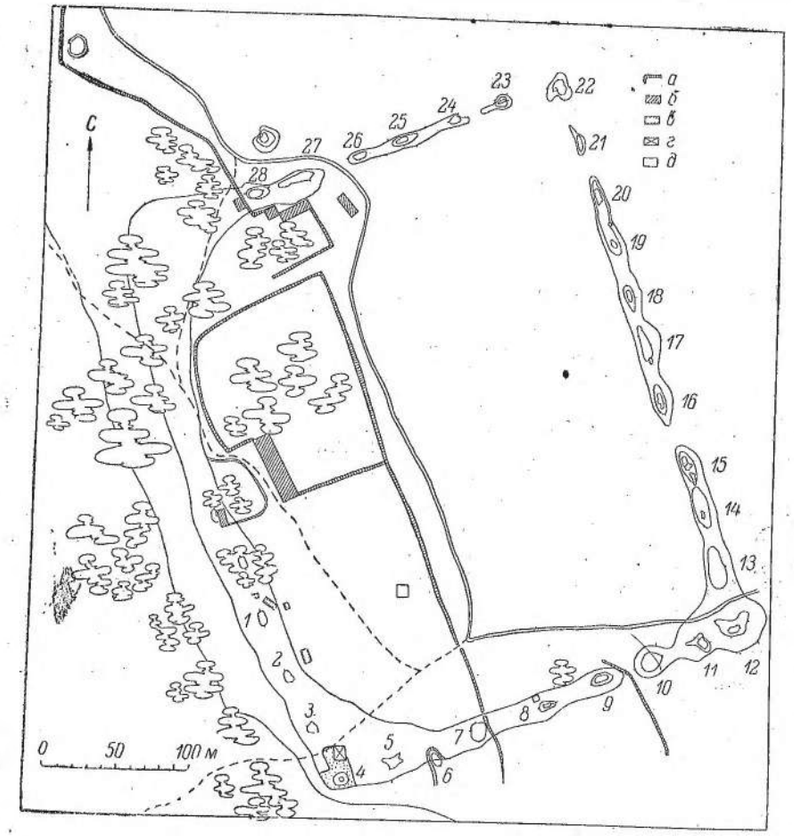


Рис. 1. Городище Кей-Кобад-Шах. План.

а — современные дувалы; *б* — современные постройки; *в* — раскоп 1953 г.; *г* — раскоп 1951 г.

Стена городища сложена следующим образом. Фундамент из ровной битой глины был покрыт двумя рядами кирпичной кладки. На этой площадке уложен слой пахсы, толщиной 0.8 м, перекрытый двумя рядами кирпича. Затем, отступив от края с внутренней стороны на 0.25 м, был уложен еще один слой пахсы толщиной 0.75 м и над ним девять

[1] Такова же была толщина стен помещений, раскопанных на этом городище в 1951 г. (см.: М. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 277). Меньшая толщина стен едва ли могла быть применена при сводчатом перекрытии.

кирпичной кладки, на которых покоился третий слой пахсы толщиной 1 м, уложенный опять на 0.25 м от края (с внутренней стороны). Выше идет кирпичная кладка, от которой сохранилось 12 рядов, считая остатки упомянутого выше сооружения на башне.[1] Таким образом, толщина стены, составляющая в верхней части 3.7 м, у основания равняется 4.2 м.

Башни возведены из сплошной монолитной пахсовой кладки и представляют собой массив без всяких помещений внутри. Бойниц ни в стене, ни в башнях не имеется в силу того, что стена и башни монолитны.

Башни и стена возведены без связи друг с другом, вплоть до верхнего слоя пахсы, и только верхние ряды кирпичной кладки идут сплошь, переходя со стены на башни.

С внешней стороны стена, башни и выступ башни № 18 были облицованы сырцовым кирпичом и покрыты слоем штукатурки толщиной от 15 до 35 мм.

Уклон внешних поверхностей башен и стены весьма незначителен: 5—7°.

При возведении оборонительных сооружений употреблены строительные материалы высокого качества. В пахсе из однородной хорошо обработанной глины не встречается включений обломков сырцового кирпича, старой пахсы и гальки. Сырцовый кирпич изготовлен из однородной глины, иногда с добавкой самана, хорошо просушен, без трещин, вследствие чего обладает высокой прочностью. Размеры его колеблются в пределах от 32×32 см до 35.5×35.5 см при толщине 10—12 см.[2] Наибольшее количество кирпича имело размер 34×34 см, несколько меньшее количество 33×33 см. Кирпич был уложен с перевязкой в вертикальных и горизонтальных рядах; на краях постоянно встречаются специально отбитые половинки.

Раствор применен чисто глиняный. Толщина швов между горизонтальными рядами колеблется от 1 до 7 см. Вертикальные швы между кирпичами в горизонтальных рядах (шириной от 1.5 до 9.5 см) не были заполнены раствором.[1] В растворе попадаются в незначительном количестве мелкие фрагменты керамики. Глина, которая применялась для раствора при кладке, употреблена также в качестве штукатурки, покрывающей внешнюю поверхность стены и башен.

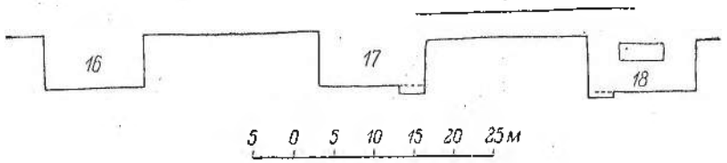


Рис. 2. Кей-Кобад-Шах. План участка восточной стены с башнями №№ 16 17 и 18.

Данные, полученные в результате раскопок 1952 г., позволяют сделать некоторые предположения о порядке возведения оборонительных сооружений городища. По-видимому, в первую очередь была вырыта траншея глубиной 1.5 м, залитая затем глиняным раствором и покрытая двумя рядами сырцовой кладки; на ней были уложены 2 слоя пахсы, разделенные двумя рядами кирпичной кладки. Основная часть стены была выведена из кирпича. Остатком ее являются упомянутые выше 9 рядов кирпичной кладки. Затем, вследствие ли разрушения верхней части стены или вследствие того, что высота стены перестала удовлетворять требованиям обороны, стена была повышена на один слой пахсы (примерно 1 м) и завершена опять

[1] Наиболее детальному обследованию было подвергнуто то место стены, к которому примыкает башня № 18, и сама башня № 18. Поэтому излагаемые наблюдения основываются именно на этом материале.

[2] Квадратный сырцовый кирпич был, по-видимому, широко распространен по всей территории Средней Азии вплоть до IV в. н. э. Он обнаружен раскопками в Хорезме, Парфии, Маргиане, Бактрии. За пределами СССР он отмечен в Беграме (R. Ghirshman. Bégram. Récherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Le Caire, 1946, стр. 16).

[1] Аналогичный факт отмечен при раскопках Старой Нисы (В. А. Левина. Стена и башня Старой Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 140; С. А. Ершов. Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 г. Труды ЮТАКЭ, т. I, стр. 118).

кирпичной кладкой, от которой сохранилось ныне 12 рядов. Последняя идет сплошь по стене и башням, из чего ясно, что ремонт был произведен через сравнительно большой срок после сооружения стены и башен в их первоначальном виде, когда оседание земли под тяжестью башни уже окончилось.

Стена вместе с башнями была облицована кирпичом, причем облицовка, вероятно, велась параллельно на разных участках, так как участок стены к югу от башни № 18 облицован раньше, чем южный фас башни, а участок стены к северу от указанной башни — позже, чем ее северный фас. Выступ с южной стороны башни был пристроен уже после облицовки и в свою очередь облицован кирпичом. Затем уже стена, башня и выступ были обмазаны глиняной штукатуркой.

Облик оборонительных сооружений городища Кей-Кобад-Шах представляется в следующем виде: стена и башни возвышались почти на 6 м. На верхних площадках башен находились небольшие сооружения, служившие скорее всего караульными помещениями и складами оружия.[1] Метательные машины на столь ограниченном пространстве не могли быть установлены; для размещения стрелков они непригодны, так как расположены на большом расстоянии от края башни, в силу чего вести обстрел неприятеля можно было только по очень отлогой траектории, оставляя большое мертвое пространство вблизи стен и башен. В то же время широкие проемы окон (0.8 и 1.0 м) не давали защитникам укрытия от обстрела с поля. Можно предполагать, что над сводчатым перекрытием этого сооружения была устроена площадка, где помещались стрелки.

По краю стены, башен и предполагаемых площадок над сооружениями на башнях, видимо, был устроен сплошной парапет с бойницами или зубцы,[2] за которыми укрывались защитники крепости. Остатками таких упавших со стены зубцов или парапета являются обнаруженные в завале у внешних сторон стены и башен участки регулярной кладки в 2 и 3 кирпича по ширине и до 9 рядов в высоту.

Неясным осталось назначение выступов на углах башен №№ 17 и 18. Как указывалось выше, наличие их нельзя объяснять ремонтом. Вероятнее всего, они имели специальное назначение в системе оборонительных сооружений города. Под почти вертикальными башнями образовывались мертвые пространства, недоступные обстрелу стрелков, находившихся наверху башни. В этих мертвых пространствах могли укрыться осаждающие при подготовке к штурму. Выступы же позволяли размещать дополнительных стрелков, ведших обстрел вдоль фронта башен, чем ликвидировались указанные мертвые пространства.

Изучение находок в завале, а также в в кладке оборонительных сооружений городища позволяет установить время постройки и надстройки городской стены и башен.

Завал с внутренней стороны стены может быть расчленен на 3 слоя. Первый из них — верхний — шел от дневной поверхности до глубины 4.10 м от репера.[1] Он состоял из лёсса, включающего сравнительно небольшое количество обломков керамики, относящейся к этапу Кобадиан V (III—IV вв. н. э.).

Второй слой завала шел до глубины 4.80 м от репера. Он содержал огромное количество фрагментов керамики (до 700 в квадрате 2×2 м на 1 штык), обломков костей коров и баранов, а также много золы. Среди керамики наиболее характерны обломки больших сосудов, украшенных штампованным орнаментом в виде листа в косой сетке; имелось также несколько фрагментов котлов с витыми или гладкими горизонтальными ручками с перехватом в середине. В этом слое были также найдены: глиняная статуэтка, изображающая животное, и две медные монеты, относящиеся ко второй половине I в. до н. э. и первой половине I в. н. э.[2]

[1] Таково было назначение помещений на башнях Старой Нисы (В. А. Левина, ук. соч., стр. 139).

[2] Г. А. Пугаченкова считает, что стены и башни Старой Нисы и других парфянских городов были завершены зубцами. Ср.: Г. А. Пугаченкова. Парфянские крепости Южного Туркменистана. ВДИ, 1952, № 2, стр. 220; Г. А. Пугаченкова. К характеристике крепостных сооружений Старой Нисы. Известия АН Туркм. ССР, 1952, № 1, стр. 20.

[1] За репер принята наивысшая точка холма, скрывающего башню № 18.

[2] В. М. Массон, производивший определение монет, дает нижеследующее их описание:

1. *Лиц.* Бюст государя вправо в точечном ободке.

Об. Государь на лошади вправо с протянутой вперед правой рукой. Точечный ободок. В поле справа знак в виде трезубца.

Вес 1.61 г. Монета сильно потерта. Настоящая монета представляет собой хорошо известный мел-

Бо́льшая часть керамики из второго слоя завала может быть отнесена к этапу Кобадиан IV (II—III в. н. э.); но следует отметить, что наряду с ней имелись также фрагменты тонких сосудов, покрытых красным ангобом и лощением, относящихся к более раннему времени.

Третий слой завала, залегавший на глубине от 4.80 м до 6.05 м от репера, состоял из плотно убитой земли с большим количеством обломков кирпича (до глубины 5.55 м). В нем было обнаружено очень немного фрагментов керамики. Нижняя часть этого слоя лежала непосредственно на фундаменте под стеной (6.05 м от репера) и имела толщину примерно 0.5 м. Она отличалась большой насыщенностью фрагментами керамики, среди которых преобладают обломки красноглиняных лощеных сосудов.

Найдено много фрагментов бокалообразных сосудов, в частности изящно профилированных ножек и большое количество обломков сероглиняных сосудов, иногда украшенных горизонтальными бороздами, а также обломков низких мисок и сосудов с утолщенным венчиком. В числе находок имелся налепной носик от сосуда в виде звериной головы. Керамика из третьего слоя завала относится к этапам Кобадиан II и III (III—II вв. до н. э. и I в. до н. э. — I в. н. э.) — времени наиболее интенсивной жизни города.

В фундаменте под стеной было обнаружено небольшое количество фрагментов керамики этапа Кобадиан II; это позволяет предположить, что оборонительные сооружения были возведены именно в период бытования данного вида керамики, т. е. в пределах III—I в. до н. э.

Надстройка стены, о которой говорилось выше, по-видимому, была произведена в I в. н. э. Об этом свидетельствует то, что в швах кирпичной кладки имелись фрагменты керамики этапов Кобадиан II и III (обломок красноглиняной открытой чашечки, фрагменты бокалообразных сосудов, фрагменты лощеной сероглиняной тарелки), а во втором слое завала, относящемся к периоду жизни города непосредственно после надстройки стен,[1] были найдены монеты Кадфиза I и II.

Заканчивая характеристику основных результатов работ 1952 г., необходимо отметить следующий интересный факт. Более чем на 90% кирпичей из верхних слоев кладки стены и башен имелись различные знаки, прочерченные по сырой глине пальцем (рис. 3 и 4). Число разновидностей их достигает 34. Эти знаки распадаются на две группы. К первой относятся оттиски двух пальцев, прямые и косые кресты, диагональные и поперечные линии и другие знаки геометрического характера. Ко второй группе принадлежат знаки, изображающие буквы греческого алфавита. Среди обнаруженных в 1952 г. знаков встречаются следующие буквы: A, Δ, ζ, E, H, Θ,[2] Λ, M, O, P, S, X, Ψ, ω; наиболее часты — O, H, Δ, X, Ψ и ω. Следует отметить, что начертание «альфы» имеет характер, типичный для легенд на кушанских монетах. Часто встречается также знак Ψ, не принадлежащий непосредственно ко 2-й группе. Он напоминает трезубец — тамгу кушанских царей, неизменно имеющуюся на их монетах.

Знаки на кирпичах известны и в других областях Средней Азии, в частности в Хорезме и в Термезе. В. Л. Воронина, специально разбирающая вопрос о техническом назначении таких знаков, считает, что они указывают на определенные группы ремесленников — изготовителей кирпича.[3] Однако производство сырцового кирпича весьма просто и не требует специальных навыков; поэтому, как кажется, едва ли могло существовать такое ремесло. Скорее можно себе

кий номинал так называемого «безыменного царя», отождествляемого в настоящее время с Кадфизом I.

2. *Лиц.* Стоящий в фас государь в длиннополой одежде и высоком головном уборе. Голова повернута влево. Слева в поле остатки трезубца, справа — четырехзубчатой тамги. Следы круговой легенды.

Об. Стоящий Шива в фас; впереди него буйвол вправо. Вес: 15.64 г. Монета сильно разрушена и потерта. Она является крупным номиналом (с потерями за счет изношенности) бронзового чекана Кадфиза II. Этот крупный номинал отсутствует еще в чекане Кадфиза I и появляется после перехода кушанского монетного дела на новый золотой стандарт.

[1] Верхняя часть третьего слоя завала, содержавшая главным образом битые кирпичи и другие остатки строительства, по-видимому, относится к самому моменту работы по усилению оборонительных сооружений.

[2] Этот знак был обнаружен Р. Гиршманом на кирпичах в Беграме (ср.: R. Ghirshman, ук. соч., стр. 16).

[3] В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг., М., 1952, стр. 90—91.

представить, что строительство оборонительных сооружений велось всеми жителями города и определенной части их было поручено изготовление кирпича. Можно предполагать, что изготовители кирпича были разделены на группы по соседскому, родственному или какому-то иному принципу, причем каждая такая группа метила заготовленные ею кирпичи особым знаком, позволявшим учесть выполненную работу.

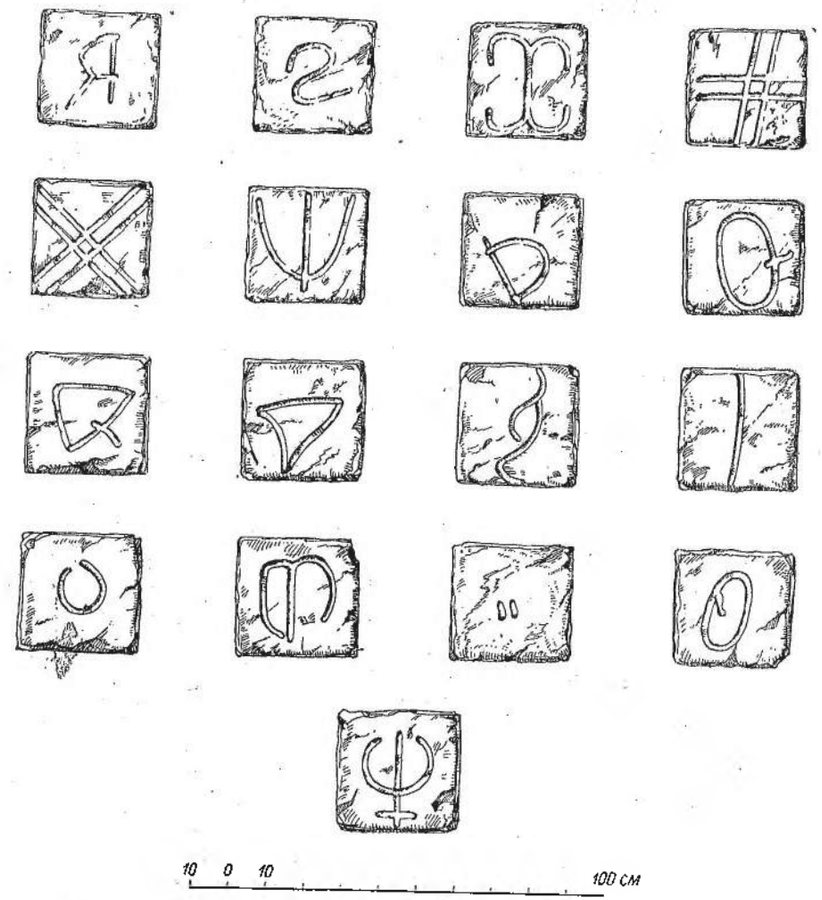


Рис. 3. Кей-Кобад-Шах. Знаки на сырцовых кирпичах.

В кладке кирпичи, помеченные разными знаками, помещены рядом, без всякой системы. На некоторых участках наблюдалось преобладание кирпичей с одним знаком (так, в кладке свода помещения на башне № 18 почти все кирпичи были помечены знаком O), однако всегда было и некоторое количество кирпичей с другими знаками. Поэтому можно полагать, что работы по непосредственному возведению стены и башен велись в определенном отрыве от заготовки кирпича; при непосредственной кладке не имело значения, каким знаком помечен кирпич, а следовательно, какой группой изготовителей он сделан.

Оборонительные сооружения, сходные с укреплениями городища Кей-Кобад-Шах, встречаются на всей территории Средней Азии.

Четырехугольные башни характерны для крепостных сооружений Древнего Хорезма

(например, укрепления городища Аяз-Кала № 3, Кургашин-Кала и др.), тогда как в более позднее время там распространены круглые и овальные башни.[1] Близок к плану городища Кей-Кобад-Шах план нескольких крепостей в Маргиане (например, крепости Дурнали), которые были обследованы ЮТАКЭ.[2] В оборонительных сооружениях Старой Нисы также применены четырехугольные башни.

Крепостные сооружения Беграма, более мощные, чем на городище Кей-Кобад-Шах, представляют весьма близкую аналогию этим последним, приближаясь к ним даже по размерам куртин между башнями.

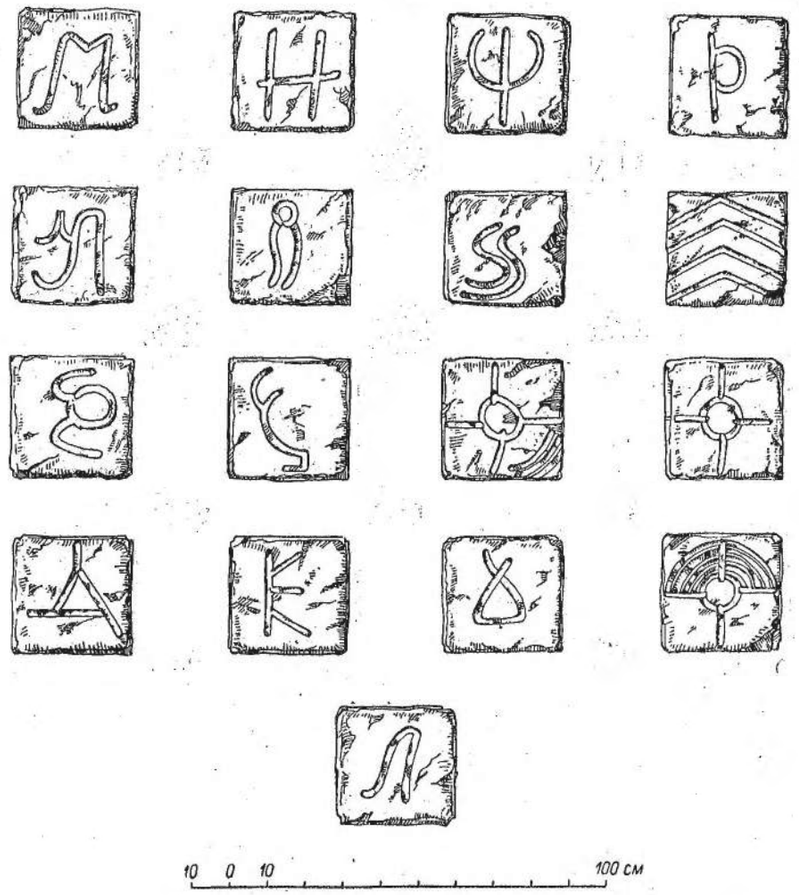


Рис. 4. Кей-Кобад-Шах. Знаки на сырцовых кирпичах.

Укрепления городища Кей-Кобад-Шах и им подобные представляют более развитой этап оборонительных сооружений, чем ранние крепости типа Кырк-Депе[1] и древние укрепления Гяур-Кала,[2] башни которых возвышались над стенами, но не были выведены за их линию. В свою очередь они

[1] С. П. Толстов. Древнехорезмийские памятники Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 184.

[2] М. Е. Массон. Новые археологические данные к изучению Парфии. Известия АН Туркм. ССР, 1952, № 5, стр. 14—15.

[1] М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 92.

[2] Там же, стр. 94.

сменились более совершенной системой укреплений, в которой место прямоугольных башен заняли круглые и овальные, в меньшей степени поддававшиеся разрушению осадными орудиями. Этот тип крепостной архитектуры представлен например, укреплениями городища Аяз-Кала № 1.[1]

2. Раскопки на городище Кей-Кобад-Шах в 1953 г.

Основной задачей работ 1953 г. на городище Кей-Кобад-Шах являлось начало планомерного и систематического раскрытия внутреннего пространства города и изучения его планировки. С этой целью в юго-западном углу его был заложен раскоп размером около 400 кв. м. В северной части он смыкался с разведочным раскопом I А 1950 г.,[2] а южная его часть включала в себя всю угловую башню (№ 4); с запада и с юга раскоп был ограничен руслом ныне действующего арыка.

Выбор места раскопа был обусловлен прежде всего тем, что только здесь, в юго-западном углу, имелся сравнительно большой незасеянный участок; кроме того, в данном случае представлялась возможность попутно установить форму угловой башни, т. е. решить один из частных вопросов, оставшихся невыясненным при изучении системы оборонительных сооружений в 1952 г.

До начала работ рельеф участка был таков: всю юго-западную часть его занимал обширный холм, от которого на север и на восток отходили широкие валы; северо-восточная часть представляла собой сравнительно ровную площадь, имеющую, однако, значительный уклон в северном направлении. Холм, скрывавший в себе остатки угловой башни, был частично разрушен руслом канала, окаймлявшим его с двух сторон.

Раскопки на избранном участке были проведены в два приема: сначала была раскрыта северо-восточная, относительно ровная его часть до нижнего горизонта, на котором находились остатки сооружений, частично выявленных в раскопе 1950 г.; затем раскрыты наружные фасы башни и примыкающих к ней участков стен.[1]

В северо-восточной части раскопа под сравнительно тонким, не превышающим 15—20 см, дерновым слоем начался мягкий лёссовый грунт, насыщенный обломками квадратного сырцового кирпича и содержавший значительное количество случайных фрагментов керамики XVIII—XIX вв. Во многих местах раскрылись небольшие, неправильные по форме ямы с вольным заполнением.

Уже на сравнительно небольшой глубине были выявлены верхние части городской стены и другой, более тонкой, внутренней стены, которая шла параллельно ей. Как выяснилось при дальнейшем углублении, частью последней является наружная стена «помещения 1», раскрытая в 1950 г.

В центре раскопа, на глубине 0.7—0.5 м от поверхности, раскрылся хозяйственный «дворик». На поверхности его лежал тонкий культурный слой, насыщенный органическими остатками. Несколько фрагментов керамики, найденные в нем, датируют «дворик» XV—XVI вв. н. э.

Ниже уровня его по всей площади северо-восточной части раскопа шел сравнительно плотный завал, состоявший из обломков квадратного сырцового кирпича; фрагменты керамики и другие культурные остатки встречались в нем в очень ограниченном количестве.

В результате произведенных раскопок в пределах раскрытого участка были выявлены остатки сравнительно тонкой внутренней (0.86 м) стены, которая идет параллельно оборонительной городской стене (рис. 5).

Частью пространства между этими стенами, которое можно назвать межстенным коридором, оказалось «помещение I», не полностью раскрытое в 1950 г. В 1953 г. в южной стене данного помещения был выявлен входной проем шириной 0.80 м, соединяющий это помещение с остальной частью коридора, лежащей южнее.[2] Северная стена

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 103.

[2] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган. МИА, № 37, стр. 277.

[1] Участок был разбит на квадраты размером 2×2 м. В качестве репера была взята точка, служившая репером при работах 1950 г. Отвалы концентрировались главным образом восточнее раскрываемого участка; сюда же были перемещены отвалы 1950 г.

[2] Межстенный коридор, за исключением «помещения I», получил условное наименование «поме-

в пределах раскрытого участка обнаружена не была.

К внутренней стене изнутри примыкает ряд небольших помещений, из которых в 1953 г. удалось раскопать только четыре: два полностью (III и IV) и два лишь частично (V и VI). В заполнявшем межстенный коридор кирпичном завале культурные остатки попадались очень редко. Однако несколько

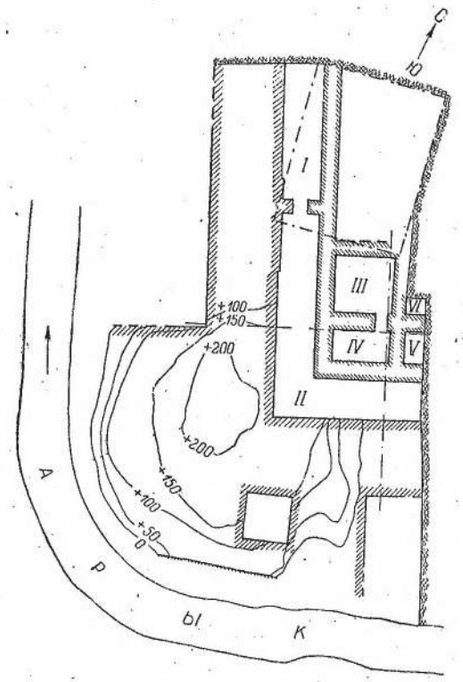


Рис. 5. Кей-Кобад-Шах. План раскопа 1953 г.

случайных предметов, найденных в нем, заслуживают упоминания. В пределах западной части «помещения I» (в 1950 г. была раскрыта лишь восточная часть) на глубине 1.5 м от поверхности был найден фрагмент бокаловидного сосуда (верхняя часть и ножка отсутствуют), покрытого красным ангобом с залощенной поверхностью. В восточной половине межстенного коридора на глубине 0.6 м от поверхности, в обломке кирпича была найдена небольшая бронзовая монета так называемого безымянного царя — «великого спасителя». В южном конце северной половины коридора, также вблизи от внутренней стены (среди обломков кирпича), обнаружена вторая такая же, но более крупная бронзовая монета.

Межстенный коридор не имел специального пола; на глубине 2.78—2.82 м от репера шла неровная плотная поверхность пахсового фундамента. Стены коридора были покрыты несколькими слоями серой глиняной штукатурки, хорошо сохранившейся на больших участках. В некоторых местах на внутренней поверхности оборонительной стены видны были следы мелкого ремонта — замены выпавших кирпичей и т. д. На «полу» залегал культурный слой, в котором прослеживалось несколько сравнительно твердых, по-видимому утоптанных, поверхностей, имевших, однако, ограниченную площадь. Натеки в этом культурном слое отсутствовали. В южной половине коридора были обнаружены три ямы, выкопанные уже после того, как образовался упомянутый культурный слой. Заполнение их ничем не отличалось по своему составу от культурного слоя.

Весь юго-западный угол коридора занимало большое скопление культурных остатков, представлявшее собой расплывшуюся кучу обломков керамики, перемешанных с лёссом и органическими остатками.[1] Оно лежало непосредственно на культурном слое, причем граница между ними прослеживалась только в виде утоптанной поверхности последнего.

Образовалась указанная «свалка», по всей видимости, в результате того, что в какой-то определенный период в угол межстенного коридора выбрасывали различные отбросы и пришедшие в негодность предметы. О том, что она нарастала постепенно, свидетельствует наличие натека, частично прорезающего ее на глубине около 2.45 м от репера.

Культурный слой, лежавший на «полу» коридора, не превышал по своей толщине 10—12 см, но был чрезвычайно насыщен различными культурными остатками и в первую очередь фрагментами керамики. Обилие последних позволяет выделить следующие основные формы сосудов.

Бокаловидные сосуды. Подавляющее большинство этих сосудов имеет

щения II» с разделением на две части: северную и восточную.

[1] Толщина его в углу достигала 1.45 м, но резко уменьшалась к периферии.

высокое, расширяющееся наверху тулово с небольшой конической нижней частью и устойчивую профилированную ножку; переход от нижней части тулова к верхней обычно имеет вид четкого перегиба (рис. 6, *1—3*).

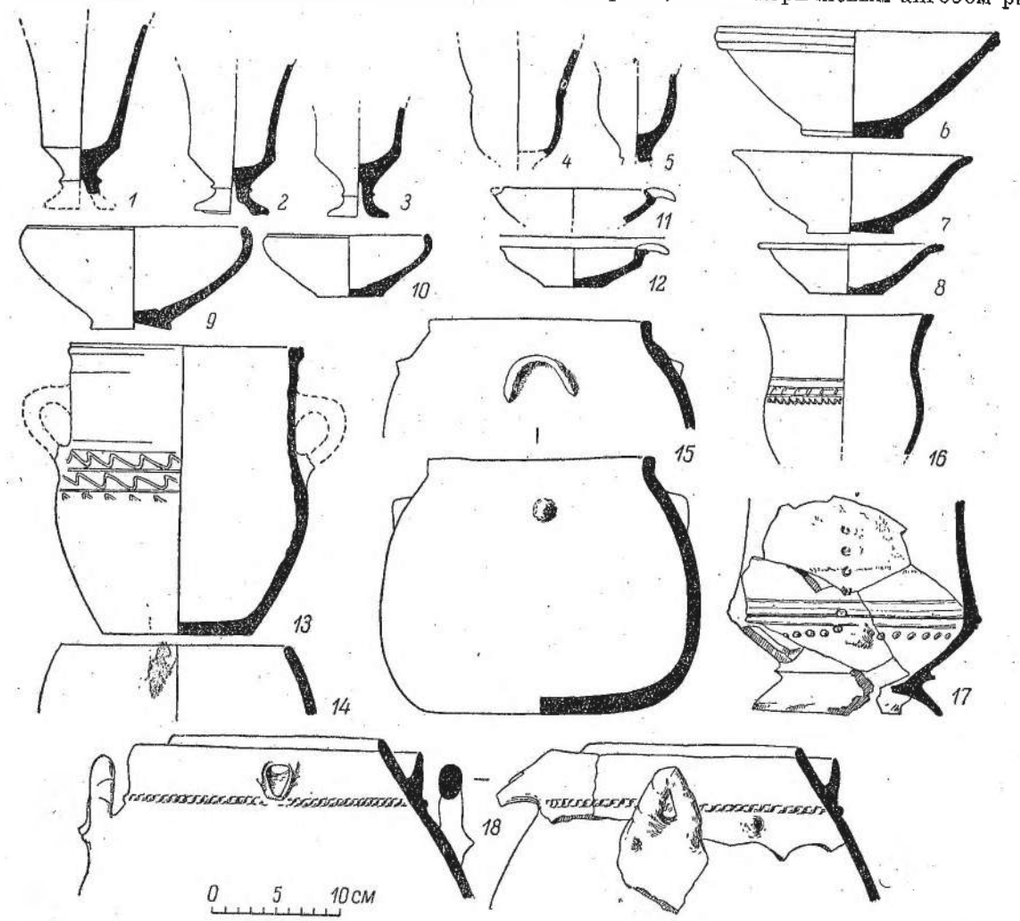


Рис. 6. Кей-Кобад-Шах. Керамика из культурного слоя на полу коридора.

1—5 — бокаловидные сосуды; *6—10* — миски; *11—12* — светильники; *13* — горшок с двумя ручками; *14—15* — котлы; *16* — горшок; *17* — сосуд в виде большого бокала; *18* — котел с «двойным венчиком» и сливом.

Однако имеются и фрагменты таких сосудов несколько иной формы. Один из них происходит от бокаловидного сосуда с сильно расширяющимся туловом и сравнительно большой округлой нижней частью, ограниченной сверху валиком (рис. 6, *4*). Второй фрагмент представляет собой нижнюю часть сосуда аналогичного типа, но в данном случае она отделена от верхней впадиной, а не валиком (рис. 6, *5*).

Поверхность всех бокаловидных сосудов покрыта красно-коричневым или, значительно реже, темно-коричневым ангобом различных оттенков и имеет горизонтальное полосчатое лощение.

Миски (рис. 6, *6—10*). Основная масса мисок имеет отогнутые наружу края. Как правило, на внутренней поверхности их, приблизительно на одной трети высоты от края располагается незначительный перегиб, вероятно чисто декоративного характера.

Сравнительно небольшим является число мисок другой разновидности — с вогнутыми внутрь краями. Отмеченный выше перегиб на внутренней стороне у них отсутствует.

У подавляющего большинства мисок обеих разновидностей внутренняя поверхность покрыта красным или, реже, темно-коричневым ангобом различных оттенков. Ограниченное количество мисок покрыто черным ангобом (часть из них сероглиняная, часть из светлой глины). Орнамент на мисках из рассматриваемого культурного слоя отсутствует.

Светильники (рис. 6, *11—12*). Они представляют собой круглые низкие мисочки с вогнутыми внутрь краями, имеющие небольшой заостренный носик и расположенную напротив него ручку в виде слегка оттянутого вниз выступа. Внутренняя поверхность их обычно покрыта белым ангобом.

В качестве светильников, очевидно, употреблялись иногда и простые миски; на некоторых фрагментах последних имеется толстый слой сажи.

Амфоровидные сосуды. О формах и размерах их можно судить лишь по многочисленным фрагментам, так как ни один сосуд собрать не удалось. Но изучение обломков позволяет прийти к заключению, что этих сосудов имелось несколько разновидностей, отличающихся друг от друга как размерами, так и формой. Наиболее крупные из них имели высоту около 0.8 м, вытянутое, слегка сужающееся книзу тулово, невысокую, сравнительно узкую горловину и две массивные ручки. Сосуды средних и малых размеров близки по форме к горшкам вытянутых пропорций и имеют широкое горло (рис. 6, *13*).

Крупные сосуды в большинстве случаев покрыты белым или зеленовато-белым ангобом. Сосуды средних и малых размеров в верхней части обычно покрыты красным или коричневым ангобом; изредка плечики их украшены несколькими поясками волнистого орнамента.

Котлы. Обломки котлов встречены в большом количестве, но собрать из них хотя бы один целый сосуд не удалось. Тем не менее форма их устанавливается с полной несомненностью: все они были плоскодонные со сравнительно широким устьем (рис. 6, *14—15*). Венчик в подавляющем большинстве случаев очень слабо выражен; значительная часть имеет просто вогнутые внутрь края.

Все котлы изготовлены на гончарном круге из плотного теста, имеющего относительно мало примесей; но при этом наружная часть днища и примыкающие к нему участки стенок содержат очень большое количество дресвы.

На плечиках некоторых котлов имеются две небольшие полукруглые плоские ручки — «подхваты», расположенные друг против друга; между ними, также друг против друга, находятся небольшие конические выпуклости. Следует заметить, что подавляющее большинство фрагментов котлов — за исключением обломков днищ — не закопчено. Это свидетельствует о том, что они использовались на очагах, имевших специальный отвод дыма.

Горшки (рис. 6, *16*). Эти сосуды имеют вытянутое, несколько сужающееся книзу тулово и высокую, широкую горловину. Размеры их, как правило, невелики; черепок тонкий и хрупкий. Верхняя половина их в большинстве случаев покрыта красным или коричневым ангобом разных оттенков; на плечиках часто имеются пояски волнистого или линейного орнамента.

Прочие сосуды. Из них в первую очередь следует отметить весьма своеобразный сосуд с массивным фигурным основанием и сложным туловом, имеющим коническую нижнюю и цилиндрическую, по-видимому расширяющуюся верхнюю часть (рис. 6, *17*). По форме он напоминает большой бокаловидный сосуд. Нижняя часть тулова украшена рядом кольцевидных наколов и плохо сохранившимися выступами; верхняя его часть была украшена, судя по сохранившемуся фрагменту, несколькими вертикальными рядами таких же наколов.

Поверхность этого сосуда покрыта красно-коричневым ангобом.

Большой интерес представляет верхняя часть котлообразного сосуда. Ниже слегка вогнутого внутрь венчика, параллельно ему проходит высокий валик, составляющий как бы второй, наружный венчик (рис. 6, *18*). В последнем имеется небольшой слив, не соединенный с внутренней полостью самого сосуда. Под нижним краем «второго венчика» расположен узкий валик, украшенный косыми насечками; вплотную к нему примыкают две массивные ручки (сохранилась лишь одна, но местоположение второй — напротив — очевидно по остаткам ее), представляющие собой два коротких массивных валика, прилепленных к стенке в вертикальном положении и соединенных наверху под острым углом. Поверхность этих валиков

Рис. 7. Кей-Кобад-Шах. Терракота из культурного слоя на полу коридора.

украшена косыми насечками; на нижних частях валиков имеются небольшие конической формы выступы. Такие же выступы располагаются с обеих сторон от каждой ручки, на некотором расстоянии от нее. Поверхность сосуда покрыта белым ангобом и местами закопчена.

Желобок между венчиком и «вторым венчиком», очевидно, должен был предотвращать выплескивание кипящей жидкости из сосуда и стекание ее вниз по стенкам: только этим можно объяснить наличие слива, не соединенного с полостью сосуда.

Данный сосуд является единственным, и более того, уникальным; никаких аналогий ему не имеется. Вполне возможно, что он не являлся обычным кухонным котлом, а имел какое-то специальное назначение.

Кроме фрагментов керамики, в культурном слое на «полу» межстенного коридора было найдено несколько терракот: одно изображение человека и четыре изображения животных. Первое из них заслуживает специального внимания, несмотря на сравнительно плохую сохранность. Это — нижняя часть (торс) от плоской статуэтки, изображающей женщину (рис. 7). В правой руке ее, согнутой в локте и прижатой к груди, помещается какой-то неясный предмет; кисть левой руки лежит на нижней части живота. Покрой одежды не может быть установлен ввиду сильной потертости статуэтки; но прослеживается несомненная попытка передать фактуру ткани или ее узор рядами небольших выпуклостей, валиками и ромбической сеткой. Статуэтка была покрыта коричневым ангобом, сохранившимся, однако, только на небольших участках оборотной стороны.

Чрезвычайно интересной является терракота — изображение фантастического животного с двумя головами (рис. 8). Одна из них — с длинной вытянутой мордой и заостренными ушами; вторая имеет большой гребень, начинающийся у спины и заканчивающийся над мордой нависающим выступом, уши также заостренные. Поверхность терракоты покрыта, правда неполностью, красно-коричневым ангобом, местами имеющим почти темно-коричневый

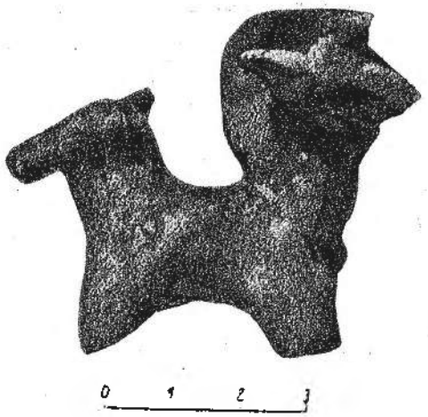


Рис. 8. Кей-Кобад-Шах. Терракота из культурного слоя на полу коридора.

оттенок. Аналогий эта статуэтка с двумя головами в среднеазиатских терракотах не имеет.

Второе изображение животного (рис. 9) представляет собой длинную массивную

ручку какого-то крупного сосуда, заканчивающуюся звериной мордой с небольшими вертикально расположенными заостренными ушами и крупными налепными кружками — глазами. По тыльной стороне ее проходит широкий острый гребень. На лицевой стороне внизу — шесть выпуклостей (одна от-

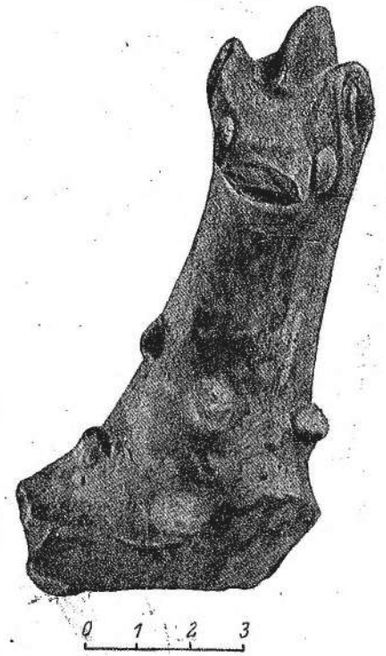


Рис. 9. Кей-Кобад-Шах. Ручка от сосуда в виде животного — из культурного слоя на полу коридора.

бита), располагающихся в два ряда, по три в ряд. Поверхность терракоты покрыта краснокоричневым ангобом, некоторые участки тыльной стороны заглажены, по-видимому, от частого употребления.

Остальные две терракоты являются изображениями лошадей: у одной из них отбита морда.

Прочие находки из культурного слоя межстенного коридора, за исключением пастовой подвески в виде кулака (рис. 10), не представляют особого интереса: это мелкие обломки бронзовой чашечки (?), маленькая пастовая бусина и осколок синего стекла. Недалеко от угла в культурном слое было найдено несколько обломков тонких обожженных глиняных плиток зеленоватого цвета; на одной из них заметны следы красной краски. Тут же был обнаружен небольшой кусок глиняного лепного скульптурного украшения (?), наружная поверхность которого была окрашена той же ярко-красной краской. Оборотная сторона его гладкая, зеленоватого цвета; это позволяет предполагать, что он был прикреплен к одной из вышеупомянутых плиток, по-видимому применявшихся для облицовки стен.

Следует отметить, что на стенах коридора не имелось никаких признаков облицовки плитками; поэтому надо предполагать, что они происходят из какого-то другого места.

Из скопления культурных остатков, занимавшего юго-западный угол коридора, было извлечено чрезвычайно большое количество фрагментов керамики, более десяти целых или почти целых сосудов, несколько очень интересных терракот и ряд других предметов.

Керамика из этой «свалки» чрезвычайно близка к керамике культурного слоя, лежащего на «полу» межстенного коридора, и характеризуется теми же основными формами сосудов (рис. 11, *1—19*). Различия сводятся к нижеследующим, в общем, второстепенным моментам:

1. в керамике из «свалки» меньше черноангобированных мисок, чем в керамике из культурного слоя на «полу»;

Рис. 10. Кей-Кобад-Шах. Подвеска из культурного слоя на полу коридора.

2. некоторое количество мисок из «свалки» снабжено штампованным орнаментом в виде трехлучевых вихревых знаков и розеток, расположенных около дна, который отсут-

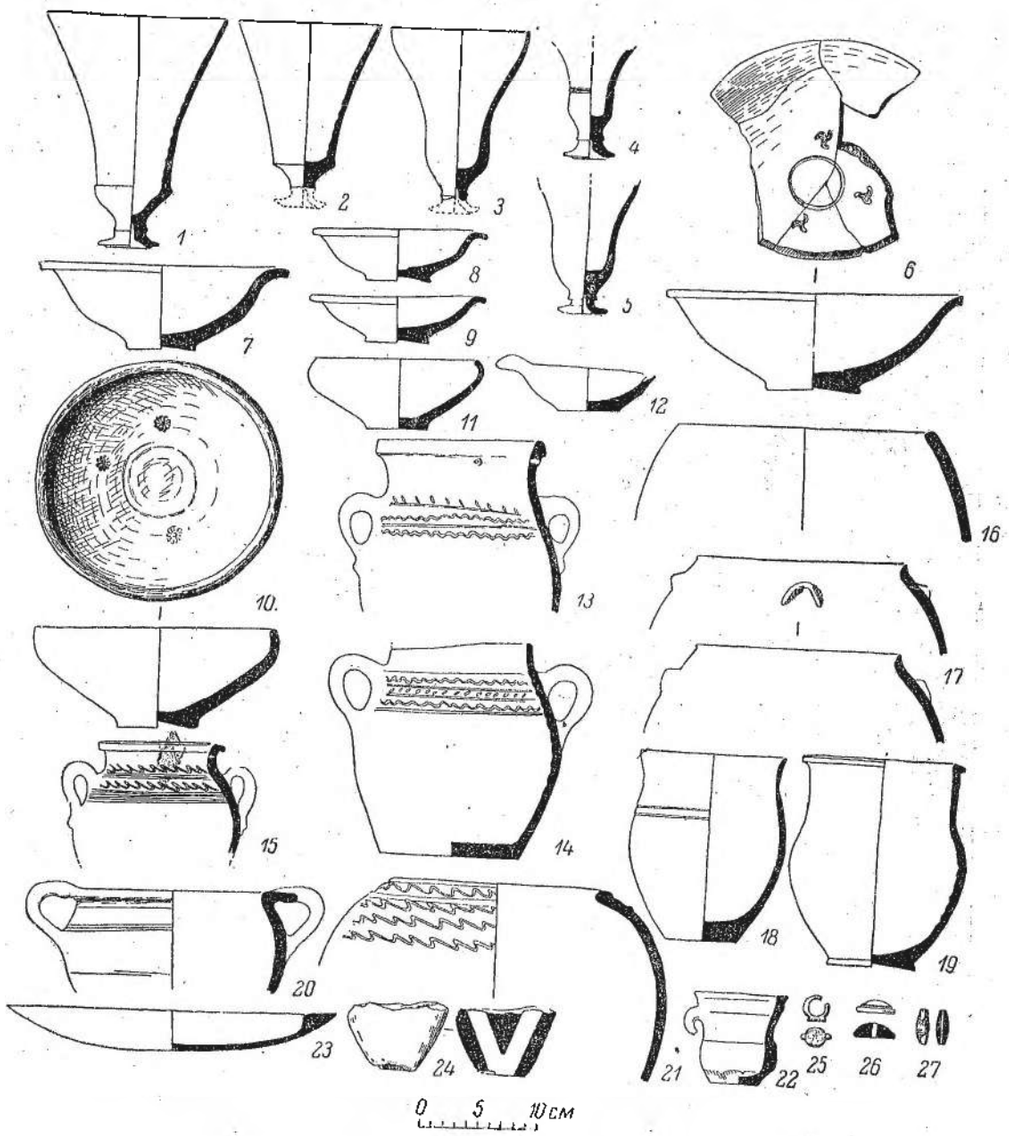


Рис. 11. Кей-Кобад-Шах. Керамика из «свалки» в углу коридора.

1—5 — бокаловидные сосуды; *6—11* — миски; *12* — светильник; *13—15* — горшки с двумя ручками; *16—17* — котлы; *18—19* — горшки; *20* — миска с двумя ручками; *21* — сосуд с вогнутыми краями; *22* — кружка; *23* — каменное блюдо; *24* — обломок глиняного сопла; *25* — железный перстень; *26* — каменное пряслице; *27* — бусина.

ствует на мисках из указанного культурного слоя;

3. на амфоровидных сосудах из «свалки» чаще встречается волнистый орнамент.

Следует отметить также наличие нескольких единичных сосудов, не представленных в керамике культурного слоя. Это:

Рис. 12. Кей-Кобад-Шах. Терракота из «свалки» в углу коридора.

1) большие миски, или чаши, с сильно отогнутым наружу краем и широкими ручками, отходящими непосредственно от него (рис. 11, *20*); поверхность этих сосудов обычно покрыта белым или красным ангобом.

2) большой сосуд округлой формы с вогнутым внутрь краем, украшенный четырьмя поясками волнистого орнамента, идущими по плечикам, и снабженный четырьмя небольшими отверстиями под венчиком (рис. 11, *21*); поверхность его покрыта темно-красным ангобом.

3) небольшая кружка с двумя ручками (одна из них отбита, но сохранились следы ее прикрепления), покрытая в верхней части красно-коричневым ангобом (рис. 11, *22*).

Из числа остальных вещей, найденных при разборке «свалки», заслуживают внимания в первую очередь терракоты:

1. статуэтка (рис. 12), изображающая сидящую женщину, держащую в правой, прижатой к груди руке какой-то не вполне ясный по форме предмет; левая рука опущена вниз и кисть ее лежит на нижней части живота. Вполне четко переданы контуры просторной одежды с запахнутым правым краем.

Лицо данной статуэтки имеет овальную, несколько сужающуюся книзу форму; нос длинный и прямой с некоторым расширением в нижней части; глаза крупные, овальной формы с заостряющимися концами; рот очень небольшой, но губы сравнительно толстые. С обеих сторон лицо обрамлено широкими, спадающими вниз прядями волос.

Нижний, а частью и боковые торцы статуэтки подрезаны ножом. Оборотная сторона неровная с отпечатками трех пальцев в нижней части, образовавшимися в результате вдавливания изготовителем глины в форму. Поверхность, как лицевая, так и тыльная, была покрыта темно-коричневым ангобом, сохранившимся, однако, только на небольших участках.

2. торс статуэтки (рис. 13), очень близкой к вышеописанной (рис. 12); отличия заключаются в отсутствии ног и несколько иных размерах. Положение рук и одежда на этой терракоте те же, как и на первой. Но предмет, находящийся в правой руке, здесь более четок по своим контурам: по всей вероятности, это бокаловидный сосуд.

Нижний и частично боковые торцы этой терракоты также подрезаны ножом. Поверхность ее покрыта красновато-коричневым ангобом, имеющим в некоторых местах темный оттенок.

3. Головка от статуэтки, характеризующаяся более тщательной проработкой деталей (рис. 14). Лицо имеет овальную форму, лоб высокий, несколько покатый, глаза большие, овальной формы с заостренными концами; нос длинный, прямой с некоторым расширением в нижней части; рот крупный, губы толстые; подбородок округлый, отделенный от нижней губы небольшой впадиной. Брови переданы четким перегибом, зрачки глаз не обозначены.

Тыльная сторона головки неровная, со следами нажима пальцами. Поверхность ее, как лицевая, так и тыльная, покрыта коричнево-красным ангобом.

Рис. 13. Кей-Кобад-Шах. Терракота из «свалки» в углу коридора.

Кроме этих трех терракот, из скопления культурных остатков в углу коридора было извлечено также несколько изображений животных — по-видимому, лошадей.

Из прочих находок следует отметить нижеследующие: обломки серого каменного блюда (рис. 11, *23*); обломок (концевая часть) глиняного сопла с двумя круглыми в сечении, сходящимися на конце каналами (рис. 11, *24*); плоско-выпуклое пряслице из белого мраморовидного известняка (рис. 11, *26*); железный перстень с круглым щитком (рис. 11, *25*); несколько бус, в том числе одна крупная веретенообразной формы из стекла с цветными «прожилками» (рис. 11, *27*); маленькие, сильно окисленные бронзовые предметы шаровидной формы, возможно являющиеся бусами или подвесками серег.

Наиболее интересной и ценной находкой в указанном скоплении культурных остатков является обол Герая хорошей сохранности, о котором подробнее будет сказано ниже.

Вдоль южной части внутренней стены, как уже указывалось выше, расположен комплекс небольших помещений (рис. 5). Севернее его, как об этом свидетельствует отсутствие следов построек во всей восточной части раскопа 1950 г., находится незастроенное пространство — улица или двор. Из последнего первоначально можно было попасть в межстенный коридор через проем во внутренней стене, который впоследствии был заложен.

Данный комплекс был возведен одновременно с внутренними стенами города; об этом свидетельствует тот факт, что кладка разделяющих помещения стен имеет перевязку с ними.

Полы всех раскрытых помещений — глинобитные, с твердой ровной поверхностью. Расположены они значительно ниже уровня «пола» межстенного коридора — на глубине 3.54 м от репера, причем около внутренних стен наблюдалось некоторое их повышение. О причинах последнего будет сказано несколько ниже.

Стены помещений были покрыты белой штукатуркой, сохранившейся на отдельных участках сравнительно хорошо. Но сохранность самих стен была далеко не одинакова: разделяющие помещения стены и северная,

Рис. 14. Кей-Кобад-Шах. Головка статуэтки из «свалки» в углу коридора.

общая для всего комплекса, стена прослеживались в основном только в самых нижних своих частях.

Помещения III и IV соединены между собой хорошо прослеженным проемом. Ле-

жащие восточнее их помещения V и VI с ними не связаны; никаких признаков проемов в разделяющей стене не обнаружено. В силу этого помещение III, безусловно, должно было иметь в северной стене проем, соединяющий его со двором. Но обнаружить этот проем из-за плохой сохранности стены не удалось.

Помещение III имеет почти квадратную форму; размеры его 2.50×2.56 м. Заполнение составляла плотная смесь лёсса и обломков квадратного сырцового кирпича, содержавшая лишь единичные фрагменты керамики (только на глубине 2.7—3.1 м от репера было встречено сравнительно много мелких фрагментов бокаловидных сосудов на устойчивой профилированной ножке и чаш с отогнутыми наружу краями, покрытых красным ангобом).

Пол данного помещения, как и всех остальных помещений рассматриваемого комплекса, располагался на глубине 3.54 м от репера; стены его были покрыты белой ганчевой штукатуркой. В южной части западной стены (т. е. внутренней городской стены) в трех местах имелись замурованные в кладке и перекрытые штукатуркой, отвалившейся при расчистке поверхности, фрагменты керамики. Посредине восточной стены находилась «каминообразная» выемка, высотой около 1.0 м и шириной 0.55 м при наибольшей глубине (в средней части) 0.12 м, с полукруглым завершением; к ней примыкали остатки очага, когда-то обмазанного снаружи белым ганчем. Поверхность выемки сильно обгорела и закопчена; вокруг очага, на полу — пятно обгоревшего лёсса и золы. Нижняя часть выемки, очевидно уже после разрушения очага, была заделана каменной плитой.

К северной стене в западной ее части примыкало какое-то возвышение высотой 1.16 м и шириной 0.2 м, сооруженное из кирпича, уложенного вперевязку с кладкой стены. Назначение его, как и форма, остались невыясненными ввиду недостаточной его сохранности. Возможно, что мы имеем здесь следы ремонта северной стены. На полу помещения залегал тонкий (менее 10 см) культурный слой, содержавший органические остатки, золу, мелкие угольки, обломки костей животных и фрагменты керамики.[1]

[1] При разборе его был найден небольшой железный трехперый черешковый наконечник стрелы.

Расположенное южнее помещение IV имеет правильную прямоугольную форму; размеры его 2.50×2.02 м. В разделяющей их стене сделан проем, шириной 0.78 м, расположенный почти у самой восточной стены.

Заполнение данного помещения также составляла плотная смесь лёсса с обломками квадратного сырцового кирпича, в которой попадались только единичные, мало выразительные фрагменты керамики.

На глубине 3.30—3.40 м от репера имелся слой натеков, из которого было извлечено сравнительно большое количество фрагментов керамики.

Пол помещения IV лежал на глубине 3.54 м от репера; поверхность его ровная, твердая, но с некоторым повышением уровня у западной и южной стен. На поверхности северной стены, на расстоянии 0.4 м от проема, наблюдался сильно закопченный участок, шириной около 0.6 м и высотой до 1.3 м. Недалеко от него на полу были найдены обломки обгоревшего кирпича; аналогичный обломок был обнаружен и около южной стены. Указанное большое пятно копоти и эти обломки обгоревшего кирпича свидетельствуют о том, что у северной стены располагался очаг.

Культурный слой, залегавший на полу, не превышал на основной части помещения 8 см, но несколько утолщался у северной стены; характер его тот же, что и культурного слоя в помещении III. В нем было найдено сравнительно небольшое количество фрагментов керамики.

Помещения V и VI, лежащие восточнее помещений III и IV, были раскрыты в 1953 г. только частично. Вследствие этого форма и размеры их остаются неизвестными. Ширина помещения V совпадала с шириной помещения IV; очевидно, то же имело место и в отношении помещений III и VI.

Полы помещений V и VI лежали на том же уровне, что и полы помещений III и IV; стены их также покрыты белой ганчевой штукатуркой. По полу залегал тонкий культурный слой, состоящий из органических остатков, золы, мелких угольков, обломков костей животных и фрагментов керамики.

Характер перекрытия всех четырех помещений остался невыясненным, так как никаких остатков его в заполнении не имелось, а верхние части стен не сохранились.

Оба раскрытые целиком помещения III и IV, несомненно, являлись жилыми:

об этом свидетельствует наличие в них очагов. Но при этом они, очевидно, имели разное назначение. Судя по составу находок, помещение III было, вероятнее всего, хозяйственным и кухонным: здесь явственно преобладает керамика, связанная с хранением запасов и приготовлением пищи.

Определить назначение помещений V и VI трудно, так как раскрыты они только в незначительной части.

Для того чтобы выяснить причины неровности «пола» межстенного коридора и характер подстилающей субструкции, в восточной части его был заложен небольшой шурф (1.5×1.5). Он был доведен до глубины 3.61 м от репера и показал, что поверхность «пола» коридора является одновременно поверхностью пахсового фундамента, выступающего за края оборонительных стен не только наружу, но и вовнутрь.[1] Основание кладки этих стен располагалось на глубине 2.93 м от репера. В шурфе четко выявились границы отдельных слоев пахсы, свидетельствующие о том, что она заливалась в котлован в несколько приемов — очевидно, с целью предотвратить растрескивание и усадку при высыхании. Пахса содержала некоторое количество фрагментов керамики — преимущественно очень мелких. Здесь попадались главным образом обломки мисок, покрытых красным и черным ангобом, и больших амфоровидных сосудов, иногда украшенных волнистым орнаментом.

Исследование нижней части внутренних стен показало, что и они были возведены на этом же фундаменте одновременно с внешними, оборонительными стенами. Обнаруженный в 1950 г. выступ («завалинка»), идущий вдоль северной части внутренней стены во дворе, оказался краем фундамента. Повышение пола в помещениях III, IV и V у внутренних стен, как это выяснилось, было обусловлено некоторым выступанием фундамента за внутренние стены (выступающая часть, по-видимому, была здесь частично срезана при возведении жилого комплекса).

Чем объясняется значительное возвышение поверхности фундамента над уровнем внутригородского пространства и обусловленная этим разница между уровнями полов жилых помещений и «пола» межстенного коридора — остается не вполне ясным. Но

[1] Углубление до материка не производилось в силу того, что толщина фундамента (1.5 м) была установлена еще в 1952 г. (см. выше).

усматривать тут какую-то случайность или ошибку строителей нет оснований.[1]

Время образования культурного слоя в помещениях жилого комплекса и межстенном коридоре, а также большой «свалки», находившейся в углу последнего, может быть установлено сравнительно точно.

Прежде всего «свалка» датируется найденным в ней оболом Герая не позднее I в. н. э., так как эти монеты, несомненно, вышли из обращения вскоре после образования Кушанского государства. Такую же датировку дает и извлеченная из нее керамика; вся она может быть без колебаний отнесена к концу этапа Кобадиан II—этапу Кобадиан III. Культурный слой, лежавший на полу межстенного коридора, естественно, должен быть отнесен к несколько более раннему периоду. Содержавшаяся в нем керамика, несомненно, относится к этапу Кобадиан II, что позволяет этот культурный слой датировать II в. до н. э. — первой половиной I в. до н. э. Нарастание его, вероятно, началось вскоре после постройки города.[2]

Культурный слой помещений жилого комплекса датировать несколько труднее, так как находок здесь мало. Однако общий характер керамики и факт находки фрагментов одного и того же сосуда в помещении III и в верхней части «свалки» позволяют считать временем ее возникновения I в. до н. э.—I в. н. э. При этом в силу тонкости культурного слоя можно предполагать, что он отражает только последний этап использования раскрытых помещений: все, что накапливалось на полах до этого, по-видимому, периодически выбрасывалось, весьма возможно — в межстенный коридор.

Следов жизни в более поздний период во всех раскрытых помещениях и коридоре не имеется: отдельные фрагменты керамики, встреченные в завале, случайно попали в него.

Вторым этапом работ в юго-западном углу городища было раскрытие башни. Вследствие того, что западный и южный фасы ее были разрушены арыком, удалось раскрыть только северный и восточный фасы,

[1] Вполне допустимо, что строителями или, вернее, составителями плана было предусмотрено неизбежно происходящее постепенное повышение уровня улиц и дворов ввиду накопления наносов и различного мусора.

[2] О датировке ее см. ниже.

сохранившиеся также не на всем своем протяжении.

Башня, как это было установлено с полной несомненностью, охватывала угол и имела прямоугольную форму. Размеры ее могут быть рассчитаны на основе данных, полученных в результате изучения других неугловых башен: если принять за основу повсеместно выдержанное у них выступание

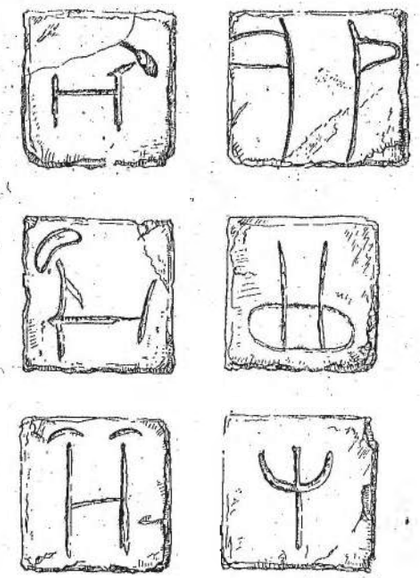


Рис. 15. Кей-Кобад-Шах. Знаки на сырцовых кирпичах (раскопки 1953 г.).

в 6 м, то длина западного фаса угловой башни составляла 15.8 м, а длина южного — 16.5 м.

В восточной части башни было обнаружено прямоугольное, почти квадратное помещение, не сообщающееся, однако, насколько это было возможно установить, ни с межстенным коридором, ни с пространством, лежащим за пределами городских стен. Назначение его осталось невыясненным, так как трудности выброса завала с большой глубины не позволили расчистить его до пола.

Башня, как и все стены, была сложена в верхней своей части из квадратного сырцового кирпича. Снятые на некоторых участках после расчистки кирпичи двух верхних (сохранившихся) рядов кладки неизменно имели на обращенной вниз плоскости различные знаки — в большинстве случаев иные, чем зарегистрированные в 1952 г. Наиболее интересны из них знаки, представляющие собой, по-видимому, стилизованные изображения козлов (рис. 15, *4—6*).

Иные знаки были обнаружены на кирпичах верхнего (сохранившегося) ряда кладки северной части городской стены (рис. 15, *4—6*). Кирпичи с одним и тем же знаком обычно лежали в одном ряду и на определенном, ограниченном участке.

Невыясненным остался вопрос о том, как и где поднимались на угловую башню: со стороны межстенного коридора никаких признаков лестницы не имелось. По всей вероятности, на нее попадали со стен.

В 1953 г. был решен один частный вопрос планировки города. Между башнями №№ 15 и 16 в восточной стене городища не имеется сплошных остатков стен, что позволяло предполагать наличие здесь ворот. Чтобы проверить правильность данного предположения, на этом участке была заложена траншея. В ней удалось выявить нижнюю часть оборонительной стены, сохранившуюся лишь на незначительную высоту почти на всем протяжении пространства между указанными башнями, за исключением небольшого участка, где она полностью разрушена руслом современного арыка. Таким образом, было установлено, что ворот между башнями №№ 15 и 16, а соответственно и вообще в восточном фасе городища не имелось.

Несмотря на сравнительно небольшой объем, работы 1953 г. на городище Кей-Кобад-Шах дали некоторые ценные и интересные результаты. Прежде всего следует отметить, что основная задача их — выяснение характера застройки внутригородского пространства — была разрешена, конечно, в тех пределах, которые возможны при сравнительно небольшом размере раскопа.

Мы имеем основания утверждать, что застройка внутреннего пространства города носила правильный характер и производилась, по-видимому, в соответствии с определенным, заранее выработанным планом. Об это свидетельствует то, что внутренняя стена и примыкающий к ней жилой комплекс были выстроены одновременно с сооружением внешних оборонительных стен города.

Межстенный коридор является новой, до сих пор не известной деталью планировки, хотя, конечно, пока не известно: был ли он типичным для всех городов северной Бактрии кушанского периода. Назначение его не вполне ясно. Он, несомненно, имел перекрытие: об этом говорит отсутствие на «полу» и в покрывавшем его культурном слое натеков.[1] Каким было это перекрытие — не известно, так как никаких остатков его ни в завале, ни в верхних частях стен не обнаружено; но можно предполагать, что оно было не сводчатым, а плоским с деревянной основой — иначе в завале должны были бы иметься хоть какие-нибудь остатки свода. Наиболее вероятным представляется, что данный коридор играл какую-то пока неясную роль в оборонительной системе города.

Результаты работ 1953 г. позволяют уточнить время постройки города.[2] Керамический материал, содержавшийся в пахсе фундамента и на этом участке, относится только к этапу Кобадиан II. Это заставляет считать временем постройки города не начало соответствующего этому этапу промежутка времени III—I вв. до н. э., а середину его, т. е. примерно II в. до н. э.

Как было установлено еще в 1950 г., жизнь на городище замерла после IV в. н. э.: никаких материалов, относящихся к более позднему времени (исключая остатки какой-то деятельности человека в XIV—XV вв.), не имеется. Результаты работ 1953 г. свидетельствуют, что в юго-западном углу города жизнь замерла, вероятно, еще раньше — в I в. н. э.

Многочисленные находки, происходящие из коридора, безусловно представляют значительную ценность, поскольку расширяют и углубляют наши сведения о материальной культуре северной Бактрии периода II в. до н. э.—I в. н. э. Керамика должна стать предметом специального исследования. Здесь же следует остановиться лишь на двух других группах находок: монетах и терракотах.

Монет было найдено в 1953 г. только три (рис. 16).

1. Серебряный обол, найденный при разборке верхней части скопления культурных остатков в межстенном коридоре.

Лиц. Бюст государя вправо; лицо безбородое, но с усами; волосы перехвачены узкой диадемой. Позади головы имеется какой-то неясный по своей форме знак. Все изображение заключено в ободок из небольших круглых выпуклостей.

Об. В центре стоящая мужская фигура, повернутая вправо, с вытянутыми вперед руками; голова ее стерта. Справа

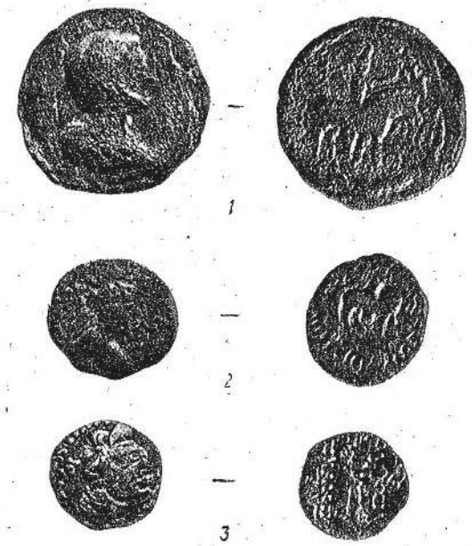


Рис. 16. Кей-Кобад-Шах. Монеты, найденные при раскопках 1953 г.

и слева от нее легенда греческим шрифтом: [?] A [? ?] OV [K]OKANOV

Диаметр 11.5 мм.

Несмотря на неясность имени (или титула), эта монета без колебаний может быть отнесена к категории оболов Герая, поскольку изображения на лицевой и оборотной ее сторонах почти полностью совпадают с соответствующими изображениями на оболах, у которых правая часть легенды более или менее твердо читается как Герай.

2. Медная монета небольшого размера, найденная в обломке кирпича в завале восточной части коридора.

Лиц. Бюст государя вправо; волосы перехвачены диадемой; вокруг головы радиально расходящиеся «лучи»; правая рука согнута в локте и приподнята вверх; она держит какой-то предмет удлиненной

---

[1] Не исключена возможность, что перекрытие имелось только в угловых частях — для облегчения доступа на башни.

[2] По результатам работ 1950 г. оно предварительно относилось к этапу Кобадиан II без уточнения.

формы. Позади головы — неясная ввиду стертости монограмма.

Об. Всадник на лошади вправо; отдельные детали стерты. Кругом легенда греческим шрифтом, не поддающаяся чтению ввиду сильной стертости.

Диаметр 12 мм.

Несмотря на то, что легенда не поддается чтению, характер изображения на обеих сторонах этой монеты позволят ее с уверенностью относить к чекану так называемого безымянного царя «великого спасителя».

3. Медная монета средних размеров, найденная в завале в северной части коридора, недалеко от угла внутренних стен.

Лиц. Бюст государя вправо; верхняя часть головы сильно разрушена окислами, вследствие чего неясно, есть ли диадема; вокруг головы радиально расходящиеся «лучи»; правая рука согнута в локте и приподнята вверх; она держит какой-то предмет удлиненной формы. Позади головы — остатки стертой монограммы.

Об. Всадник на лошади вправо, держащий в вытянутой вперед руке какой-то предмет. Кругом остатки стертой и разрушенной окисью легенды греческим шрифтом.

Диаметр 19 мм.

Как и предшествующая, данная монета может быть отнесена на основании характера изображения к чекану безымянного царя — «великого спасителя».

Описанный выше обол Герая является первой находкой монет этого типа в слое при археологических работах, что придает ему особую ценность. Комплекс керамики, с которым он был найден, относится к концу этапа Кобадиан II—этапу Кобадиан III, т. е. к периоду I в. до н. э.—I в. н. э. Вследствие этого данная находка является первым и притом очень веским археологическим подтверждением правильности датировки монет Герая серединой I в. до н. э., предложенной А. Н. Зографом на основе анализа стилистических, палеографических и других моментов.[1]

Монеты безымянного царя — «великого спасителя», к сожалению, найдены в завале (одна в обломке кирпича, другая, вероятно, также первоначально находилась в кирпиче, распавшемся при падении). Это обстоятельство не позволяет уточнить время их чекана. Как известно, М. Е. Массон, подвергший тщательному исследованию все доступные ему монеты этой категории, пришел к выводу, что они принадлежат чекану Кадфиза I в ранний период его правления.[1] Находки 1953 г. на городище Кей-Кобад-Шах, во всяком случае, не противоречат этому.

Найденные в 1953 г. на городище Кей-Кобад-Шах терракоты, изображающие женщин, являются первыми находками такого рода терракот в пределах северной Бактрии; до этого мы имели только изображения животных. Эти терракоты интересны в первую очередь в силу своего значительного иконографического сходства с терракотами Согда того же периода. При определенных различиях в позе и деталях у них наблюдается то же положение рук: правая рука неизменно поддерживает какой-то предмет, судя по наиболее сохранившимся изображениям, — сосуд.

Это сходство терракот дает нам основание говорить о том, что в кушанский период как в Согде, так и в Бактрии имел широкое распространение культ одного и того же женского божества, облик которого был в значительной степени канонизирован. По всей вероятности, этим божеством является Анахит, хотя доказать это при современном состоянии изученности религиозных взглядов населения Средней Азии в древности и средневековье пока еще невозможно.

3. Раскопки 1952 г. на городище Мунчак-Тепе

Небольшое городище Мунчак-Тепе, находящееся в правобережье р. Кафирниган на землях колхоза им. Сталина, привлекло к себе внимание еще в 1950 г. Обильный подъемный материал позволил отнести его к рабовладельческой эпохе, а находка капители дала основание предполагать, что холм в центре этого памятника, вероятно, скрывает в себе остатки какого-то интересного архитектурного сооружения.

В 1952 г. на этом холме, в пределах его северо-восточной четверти, был заложен небольшой раскоп площадью 88 кв. м (рис. 17).

[1] А. Н. Зограф. Монеты «Герая». Ташкент, 1937, стр. 28.

[1] М. Е. Массон. Происхождение безымянного «царя царей — «великого спасителя». Труды САГУ, новая серия, вып. XI, Ташкент, 1950.

На сравнительно небольшой глубине от поверхности были обнаружены остатки стены, имевшей направление с востока на запад. Эта стена была сложена из продолговатого сырцового кирпича размером 48×24×8 (10) см; основание ее располагалось на глубине 1,05 м от репера, высота сохранившейся части составляла около 0,6 м. Других строительных остатков в верхнем слое, получившем условное наименование «Мунчак I», в пределах раскопа проследить не удалось; вследствие этого назначение указанной стены осталось невыясненным.

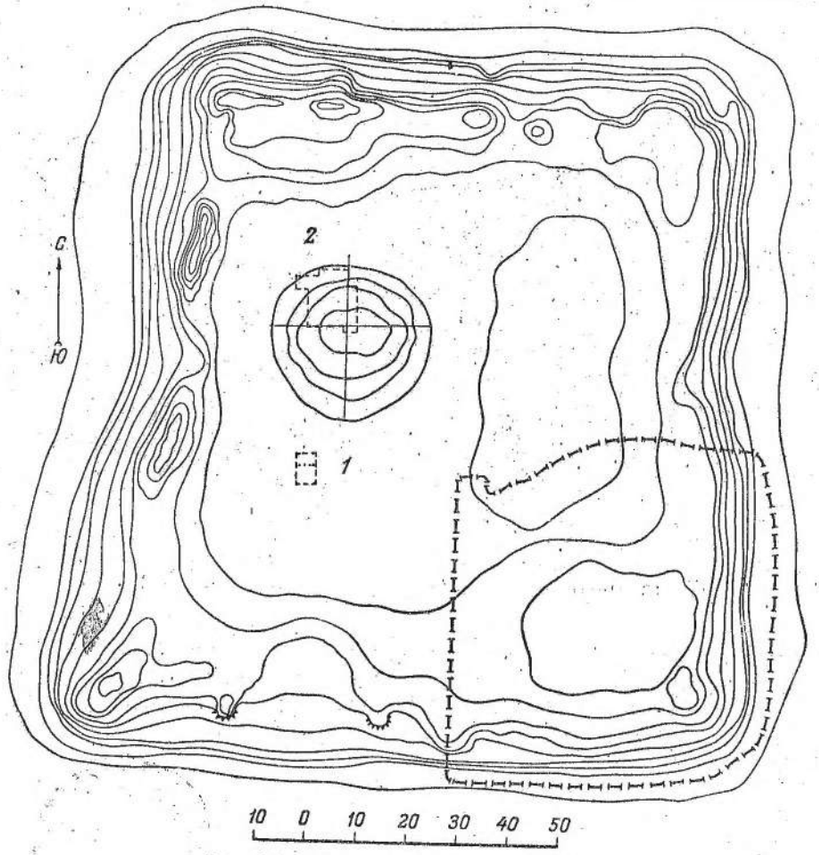


Рис. 17. Городище Мунчак-Тепе. План.
1 — шурф 1952 г.; 2 — раскоп 1952—1953 гг.

В слое Мунчак I было обнаружено сравнительно много фрагментов керамики, в том числе и поливной. Состав находок свидетельствует о том, что этот слой в значительной степени нарушен; в нем попадалась керамика, относящаяся явно к разным периодам. Однако основная масса, несомненно, должна быть отнесена к раннему средневековью. Датирующими являются фрагменты мисок, покрытых белой поливой с орнаментом желтого, зеленого и коричневого цветов. Эти находки, судя по аналогиям, позволяют датировать слой Мунчак I приблизительно VIII—IX вв. н. э. Данная датировка находит подтверждение также в форме и размерах кирпича, из которого сложена упоминавшаяся выше стена.

Из числа находок в слое Мунчак I определенный интерес представляет половинка каменного сосуда, наружная поверхность которого, включая и днище, украшена гео-

метрическим орнаментом, нанесенным каким-то острым предметом (рис. 18).

Под слоем Мунчак I при углублении были раскрыты остатки небольшого, почти квадратного в плане помещения (5,20×5,40 м) с купольным перекрытием. Купол был поставлен на квадрат стен без переходных частей. Нижний диаметр его несколько больше расстояния между стенами, вследствие чего у пяты имеются сегментовидные полочки. Такая система позволила сделать свес купола на углах меньше длины кирпича; купол при этом опирается на две стены, образующие угол.

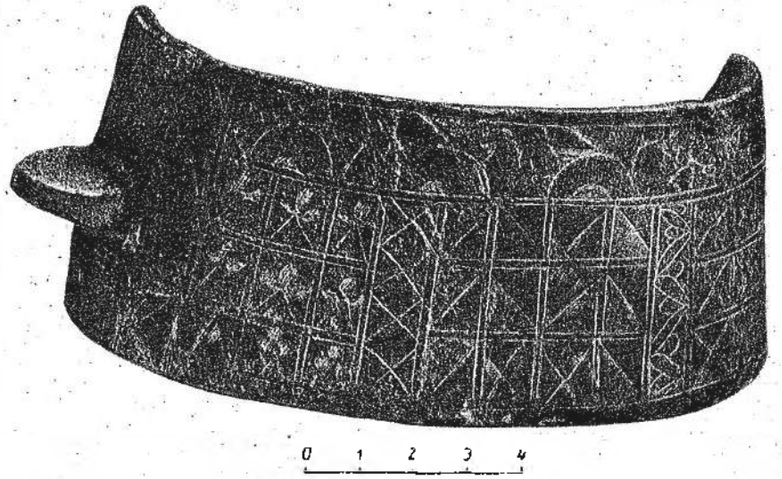


Рис. 18. Часть каменного сосуда из слоя Мунчак-Тепе I.

Рядом с этим купольным помещением располагались другие помещения, форму и размеры которых ввиду ограниченности площади раскопа в 1952 г. установить не удалось.

Слой, который соответствует этим остаткам архитектурного комплекса (Мунчак II), также дал сравнительно большое количество находок — главным образом фрагментов керамики. В числе последних имелся значительный процент обломков сосудов, изготовленных без гончарного круга. Характерные формы по материалам, полученным в результате работ 1952 г., выделить было трудно. Однако с полной несомненностью установлено отсутствие в керамике слоя Мунчак II форм, характерных для культурных слоев исследованных городищ левобережья р. Кафирниган, которые дали обильный материал для значительного промежутка времени от середины I в. до н. э. — до III—IV вв. н. э.

Из прочих находок из слоя Мунчак II следует упомянуть в первую очередь 6 медных монет с круглым отверстием в середине, имеющих круговую легенду алфавитом на арамейской основе, близким к согдийскому (рис. 19). Три из этих монет были обнаружены над полом помещений, прилегающих к помещению с купольным перекрытием; остальные три на разных уровнях в завале, заполнявшем данное помещение и вне пределов его. Такие монеты обнаружены на

Рис. 19. Монета из слоя Мунчак-Тепе II.

территории Средней Азии впервые и представляют, без сомнения, очень большой интерес. По типу они весьма близки к согдийским монетам VII—VIII вв.; сближает их также характер букв. Существенным отличием, однако, является круглое, а не квадратное отверстие. Легенды на описанных монетах до настоящего времени не удалось прочесть, вследствие чего как содержание их, так и язык, на котором они написаны, остаются пока неизвестными.

Заслуживают внимания также некоторые другие предметы, найденные в рассматриваемом слое: обнаруженные на полу помещения с купольным перекрытием, каменный жернов и глиняный предмет аналогичной формы, который может быть условно назван «керамическим жерновом» (рис. 20), небольшой стеклянный сосуд (рис. 21), бронзовый перстень с бирюзовой вставкой, два обломка перстней, вероятно того же типа, игральная кость (рис. 22) и бусы из сердолика, горного хрусталя и стеклянной пасты. Следует отметить также глиняное грузило от ткацкого станка, имеющее вид усеченной пирамиды (рис. 23).

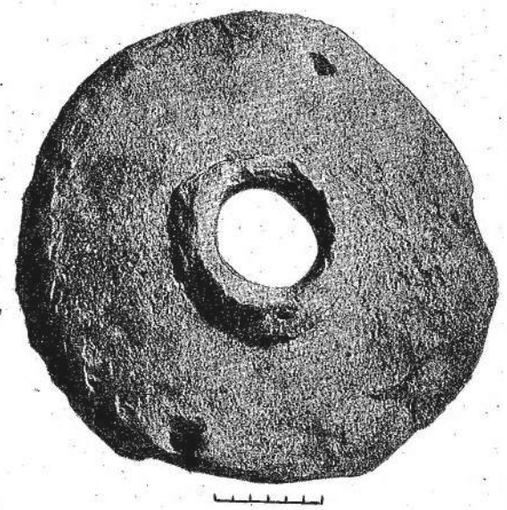


Рис. 20. «Керамический жернов» из слоя Мунчак-Тепе II.

Датировка слоя Мунчак II по результатам работ 1952 г. могла быть дана только в рабочем порядке и требовала проверки. Стратиграфические данные, прежде всего наличие над ним слоя, давшего материал VIII—IX вв., и некоторые находки (керамика и монеты) позволяли относить его примерно к VI—VII вв. н. э. С такой датировкой согласовалось и отмеченное выше отсутствие в этом слое керамики, известной по раскопкам на городищах Кей-Кобад-Шах и Калаи-Мир.

Рис. 21. Стеклянный сосуд из слоя Мунчак-Тепе II.

Под строительным комплексом Мунчак II при углублении раскопа были обнаружены остатки другого, более раннего архитектурного сооружения. Однако планировку последнего, ввиду ограниченности площади раскопа в 1952 г., не удалось выяснить. В пределах раскопа были раскрыты части трех помещений, два из которых имели прямоугольную форму, а третье представляло

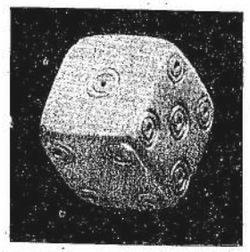


Рис. 22. Игральная кость из слоя Мунчак-Тепе II.

собой узкий коридор. Стены одного из первых двух были покрыты белой штукатуркой. Пол был достигнут только в этом помещении.

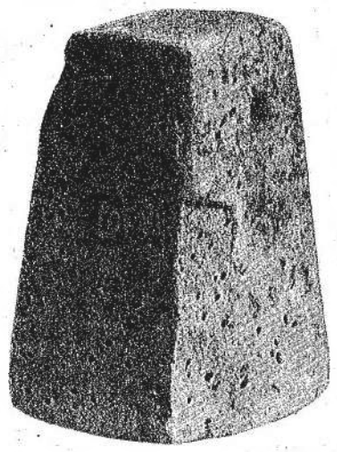


Рис. 23. Пирамидальное грузило из слоя Мунчак-Тепе II.

Находки в слое, соответствующем этому строительному комплексу (Мунчак III), были весьма немногочисленны. Это были фрагменты тонкостенных сосудов, покрытых красным ангобом с лощением; в числе их имелись также небольшие обломки бокалообразных сосудов. Однако формы их установить не удалось.

Вследствие ограниченности числа находок датировать слой Мунчак III в 1952 г. не представлялось возможным. Можно было лишь предполагать, что он относится ко времени VI в н. э.

Для выяснения стратиграфии городища к югу от центрального холма был заложен шурф размером 4×6 м². В нем слои VIII—IX вв. отсутствовали: сразу же под поверхностью начались культурные слои со смешанным материалом типа Мунчак II и Кобадиан IV и V. На глубине 2. 5 м были обнаружены остатки трех помещений, стены которых возведены из квадратного сырцового кирпича и покрыты белой алебастровой штукатуркой. В этих комнатах (из которых ни одна не попала в шурф полностью) были найдены многочисленные фрагменты керамики, в частности обломки мисок, покрытых серым и красным ангобом, характерных для этапов Кобадиан II и III городищ левобережья р. Кафирниган. Кроме керамики, в этом слое были найдены терракотовые статуэтки, изображающие лошадей, и глиняные грузила от ткацкого станка (рис. 24). Ниже этого здания шел слой, совершенно лишенный находок. Уже непосредственно на материке (песчаные и аллювиальные отложения) было найдено значительное количество керамики (в основном фрагменты хумов), близкой по форме к керамике этапа Кобадиан I. Таким образом, шурф показал, что 1) оседлое население на Мунчак-Тепе возникло очень рано, видимо, в середине I тысячелетия до н. э. (это второй пункт в низовьях долины Кафирнигана, давший материал этапа Кобадиан I) и 2) центральный холм Мунчак-Тепе возвышается над окружающей поверхностью в силу того, что он скрывает в себе крупные строительные остатки периодов Мунчак I и Мунчак II, в то время как к югу от него строительных остатков этого времени не существовало. Вопрос о синхронизации помещений Мунчак III и помещений с белой штукатуркой в шурфе в ходе работ 1952 г. остался открытым.[1]

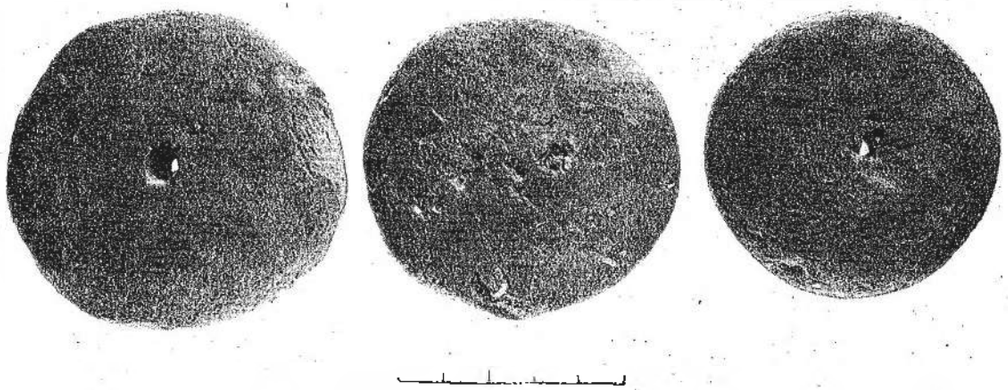


Рис. 24. Мунчак-Тепе. Дисковидные грузила из шурфа.

4. Раскопки 1953 г. на городище Мунчак-Тепе

Основной задачей работ 1953 г. на этом памятнике было продолжение исследований строительного комплекса Мунчак III и, при возможности, доведение раскопа до материка с целью уточнения стратиграфии всего памятника в целом. Для этого в первую очередь потребовалось увеличение площади раскопа до 150 кв. м (см. рис. 17).

При раскрытии новых участков удалось уточнить планировку строительного комплекса Мунчак II (рис. 25). Выяснилось, что севернее центрального помещения, перекрытого куполом, располагались два узких коридорообразных помещения, шириной около 2 м; восточнее его лежало еще одно, прямоугольное по своей форме помещение, вдоль стен которого шла суфа. В пол этого помещения были вкопаны хумы. Уровень пола центрального помещения оказался выше, чем уровень полов остальных помещений, на 0.56 м. Стена, разделяющая коридорообразные помещения, имела толщину 0.8 м, в то время как толщина стен центрального помещения составляла 1.2 м. Разница в толщине, очевидно, объясняется тем, что стены центрального помещения были рассчитаны под тяжелое купольное перекрытие. Этим же следует объяснять и тот факт, что основания стен данного помещения располагались ниже, чем основания других стен. Что касается перекрытия остальных помещений, то оно, вероятнее всего, было деревянным; во всяком случае, в заполнявшем их завале никаких остатков сводов не имелось.

На полах раскрытых в 1953 г. помещений комплекса Мунчак II был обнаружен тонкий культурный слой, содержавший золу и пятна обожженного лёсса. В северном коридорообразном помещении на полу была найдена медная монета с круглым отверстием того же типа, что и найденные в 1952 г. Там же, несколько выше уровня пола, был обнаружен кувшин, имеющий в нижней части два небольших круглых отверстия (рис. 26 и 27, *1*), и почти целый котел ручной работы грушевидной формы с уступом в нижней части, по-видимому предназначенным для установки на края очага (рис. 27, *2*).

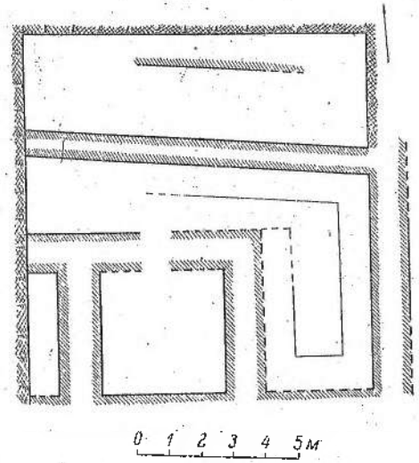


Рис. 25. План раскрытых в 1953 г. строительных остатков слоя Мунчак-Тепе II.

Слой, относящийся к этапу Мунчак II, как и в 1952 г., дал сравнительно большое количество различных находок — главным образом фрагментов керамики.

Эти находки заслуживают внимания, поскольку характеризуют определенный этап жизни не только городища Мунчак-Тепе, но и всего Кобадианского оазиса, который, в соответствии с принятой хронологической классификацией, может быть условно назван Кобадиан VI.

Кроме упомянутых выше сосудов, в слое Мунчак II были найдены: обломки котлов грушевидной формы, сходных с найденным в северном помещении; обломки широкогорлых котлов с горизонтальными ручками, украшенными косыми насечками (рис. 27, *3*), фрагмент крупного сосуда неясной формы, снабженного в нижней части массивными ножками (рис. 27, *4*); часть светильника, имеющего вид овальной мисочки с прямыми

[1] В 1954 г. он был решен отрицательно, так как Мунчак III относится к периоду более позднему, чем Кобадиан II и III.

стенками и небольшим выступом-ручкой (рис. 27, *5*); небольшой кувшинчик (ручка отбита), горло которого покрыто темно-коричневым ангобом (рис. 27, *6*); фрагмент миниатюрной чашечки (?) с небольшой ручкой без сквозного отверстия, расположенной под самым венчиком (рис. 27, *7*); фрагмент

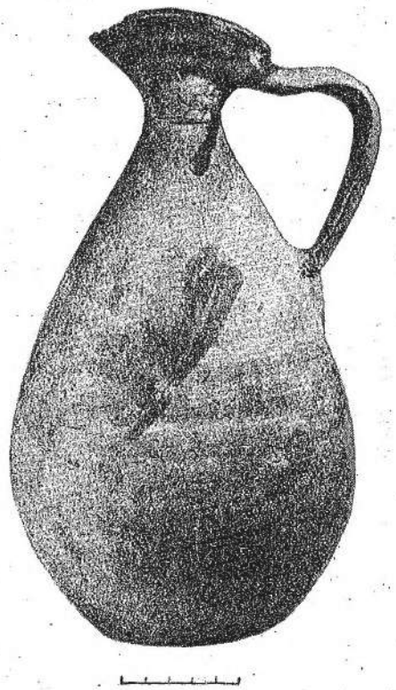


Рис. 26 Кувшин из слоя Мунчак-Тепе II.

крупного сосуда (возможно, кувшина), покрытого белым ангобом и украшенного резным растительным геометризованным орнаментом (рис. 27, *14*); обломок ручки кувшина (?), украшенной в верхней части налепом сложной конфигурации (рис. 27, *8*); фрагменты небольших тонкостенных сосудов с широким туловом и одной ручкой, покрытых красным ангобом (рис. 27, *10*, *11*); обломок миниатюрной мисочки (рис. 27, *9*); фрагменты тарелок большого диаметра, имеющих резко отогнутые стенки (рис. 27, *13*); обломок подставки (?) или основания крупного сосуда, украшенной концентрически расположенными валиками (рис. 27, *12*).

Особо следует отметить большую вьючную флягу с двумя ручками (рис. 28).

В этом слое были найдены также некоторые изделия из железа: крупный трехгранный наконечник стрелы (рис. 27, *19*); два небольших ножа сравнительно хорошей сохранности (рис. 27, *20*, *21*); обломок концевой части лезвия крупного ножа (рис. 27, *22*); большой обломок серпа (рис. 27, *23*).

Из прочих находок заслуживают внимания нижеследующие: овальная плоская печать из черного камня (?) со сквозным отверстием по длинной оси, на лицевой стороне которой имеется изображение козла (?), стоящего перед деревом (рис. 27, *16* и рис. 29); верхняя часть небольшой терракоты — изображения человека, — выполненной от руки с очень условной передачей черт лица (рис. 27, *15*); две медные монеты с круглым отверстием уже упомянутого выше типа (рис. 30, *1*, *2*); обломки сасанидской монеты (рис. 30, *3*); мелкие обломки стеклянных сосудов; крупное плоское пряслице из белого мраморовидного известняка (рис. 27, *17*) и шесть глиняных пряслиц различной формы (рис. 27, *18*).

Не исключена возможность, что некоторые из перечисленных предметов попали в слой Мунчак II случайно при рытье каких-то ям или иных земляных работах и относятся к более раннему[1] или более позднему периоду, но установить это в настоящий момент невозможно.

Под полами помещения строительного комплекса Мунчак II шел толстый слой забутовки, заполнявшей помещения предшествующего по времени комплекса Мунчак III. В нем встречались различные органические остатки, зола, угольки, обожженный лёсс и пр., но никаких прослоек не имелось.

При углублении в забутовке была найдена небольшая база колонны из белого известняка (рис. 31), лежавшая в перевернутом положении. Очевидно, она попала сюда случайно наряду с различным мусором, собранным для заполнения помещений комплекса Мунчак III.

Участок, на котором был возведен комплекс Мунчак II, после нивелировки имел в центре возвышение; это объясняет указанную выше разницу между уровнем полов центрального

[1] Упомянутую печать по стилистическим особенностям изображения можно было бы отнести и к периоду ранее VI в. н. э.

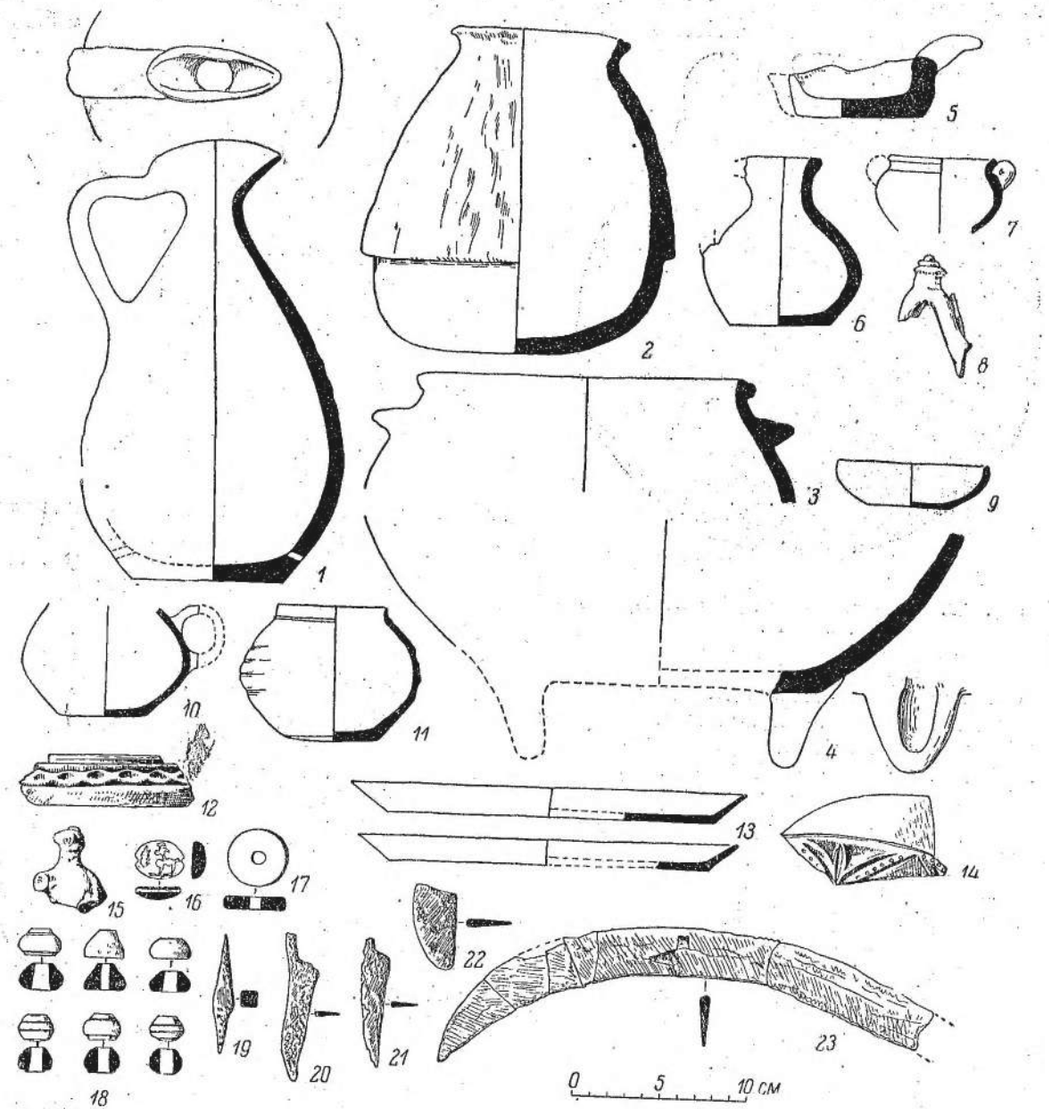


Рис. 27. Керамика из слоя Мунчак-Тепе II.

1 — кувшин; *2* — котел; *3* — верхняя часть котла; *4* — нижняя часть сосуда с ножками; *5* — светильник; *6* — кувшинчик; *7* — чашечка; *8* — обломок ручки кувшина; *9* — миска; *10—11* — кружки; *12* — подставка или основание сосуда; *13* — тарелки; *14* — обломок сосуда; *15* — терракотовая фигурка; *16* — печатка; *17—18* — пряслица; *19* — наконечник стрелы; *20—22* — железные ножи; *23* — железный серп.

помещения и уровнем полов остальных помещений. Чем обусловлено наличие данного возвышения, не вполне ясно. Возможно, что

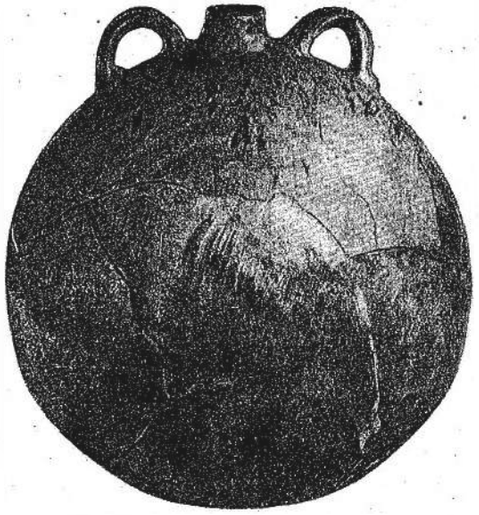


Рис. 28. Глиняная фляга из слоя Мунчак-Тепе II.

оно связано со стремлением выделить центральное, перекрытое куполом помещение: по всей видимости, последнее возвышалось над остальной частью комплекса.

Рис. 29. Печать из слоя Мунчак-Тепе II.

Раскрытая в результате работ 1952 и 1953 гг. часть строительного комплекса Мунчак III (рис. 32) имеет очень интересную планировку и, как это выяснилось в последние дни работы, довольно сложную историю.

Центральное место в ней (очевидно, и во всем комплексе) занимает прямоугольное, почти квадратное помещение размером 5.1×4.8 м, имеющее сообщение только с одним

Рис. 30. Монеты из слоя Мунчак-Тепе II (раскопки 1953 г.).

из остальных помещений данного комплекса, лежащим восточнее его. Соединяющий их проем расположен строго посредине стены и имеет большую ширину — 2.2 м.

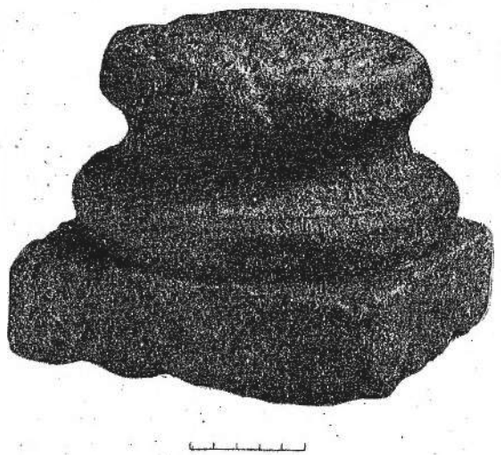


Рис. 31. Мунчак-тепе. Каменная база из забутовки.

Восточное помещение имеет прямоугольную форму; длина его равна ширине центрального (4.8 м), а ширина составляет 3.18 м. В северной части восточной стены этого помещения, являющейся одновременно наружной, расположен узкий проход, ведущий на улицу или во двор.

Севернее центрального и восточного помещений проходит длинный узкий (0.75 м) коридор, ведущий в третье помещение, лежащее западнее центрального. Это западное помещение имеет также прямоугольную форму (6.70×3.08 м). Севернее коридора находятся еще два помещения, форма и размеры которых из-за ограниченности площади раскопа остались невыясненными.

Юго-восточная часть комплекса Мунчак III включала в себя угол какого-то более раннего сооружения. Северная стена последнего составляет часть южной стены центрального помещения и, по-видимому, всю южную стену восточного (известная неясность существует в силу того, что южная половина последнего раскрыта только частично). Западная стена его уходит в обрез раскопа и, очевидно, продолжается далее на юг; это свидетельствует о том, что планировка южной части комплекса была иной, чем планировка северной, — вместо коридора здесь располагаются помещения.

В центральном помещении, в юго-восточной его четверти, были обнаружены остатки квадратного возвышения (80×80 см) из сырцовых кирпичей, имеющих явственные следы длительного воздействия огня. Сохранилась только нижняя часть его — ряд из четырех кирпичей, но наличие прокаленных обломков вблизи от него свидетельствует о том, что первоначально оно было значительно выше. Боковые поверхности этого возвышения, а также пол и стены всего помещения были покрыты несколькими слоями белой ганчевой штукатурки. Большое количество обломков этой штукатурки было найдено на полу, преимущественно около стен.

Никаких находок на полу этого помещения, за исключением обтесанного белого камня, не было.

В восточном помещении пол и стены также были покрыты несколькими слоями белой штукатурки. Находок на полу его тоже не имелось.

В западном помещении вдоль трех стен — восточной, южной и западной — идет широкая (до 1.0 м) суфа; боковые поверхности ее имеют несколько слоев штукатурки — под верхней серой глиняно-саманной имеется белая, ганчевая. Серой глиняно-саманной штукатуркой были покрыты также и стены этого помещения.

Суфа, примыкающая к восточной стене, имеет в северной части перерыв; здесь расположено небольшое возвышение, покрытое сверху глиняными, сильно прокаленными плитками; стена над ним покрыта толстым слоем копоти, на полу вокруг него имелось зольное пятно. На данном возвышении, несомненно, разводился огонь, но с какой целью — неясно.

На поверхности суфы обнаружены обломки — в том числе днища — не менее

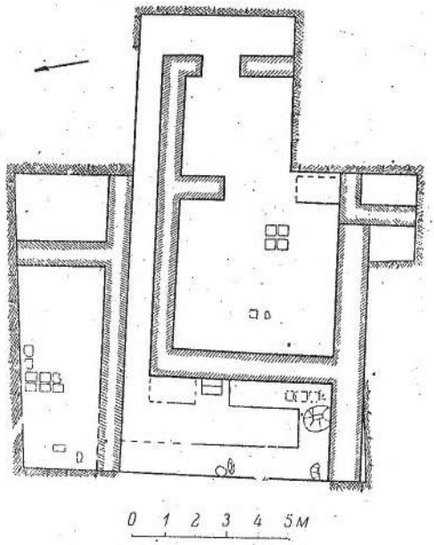


Рис. 32. План раскрытых в 1953 г. строительных остатков слоя Мунчак-Тепе III.

шести хумов с выпуклым дном. Эти хумы, как выяснилось, стояли на суфе; для устойчивости под края днища подкладывались обломки кирпичей. Обмазка поверхности суфы была произведена уже после установки хумов.

На полу этого помещения было найдено большое количество обломков хумов и некоторое число фрагментов других сосудов: обломки низкой миски, покрытой белым ангобом (рис. 33, *1*); нижняя часть и боковина маленького сосуда грушевидной формы со сравнительно широким прямым горлом, покрытого красно-коричневым ангобом (рис. 33, *2*); несколько обломков боковины крупного, вероятно амфоровидного сосуда, покрытого в верхней части красно-коричне-

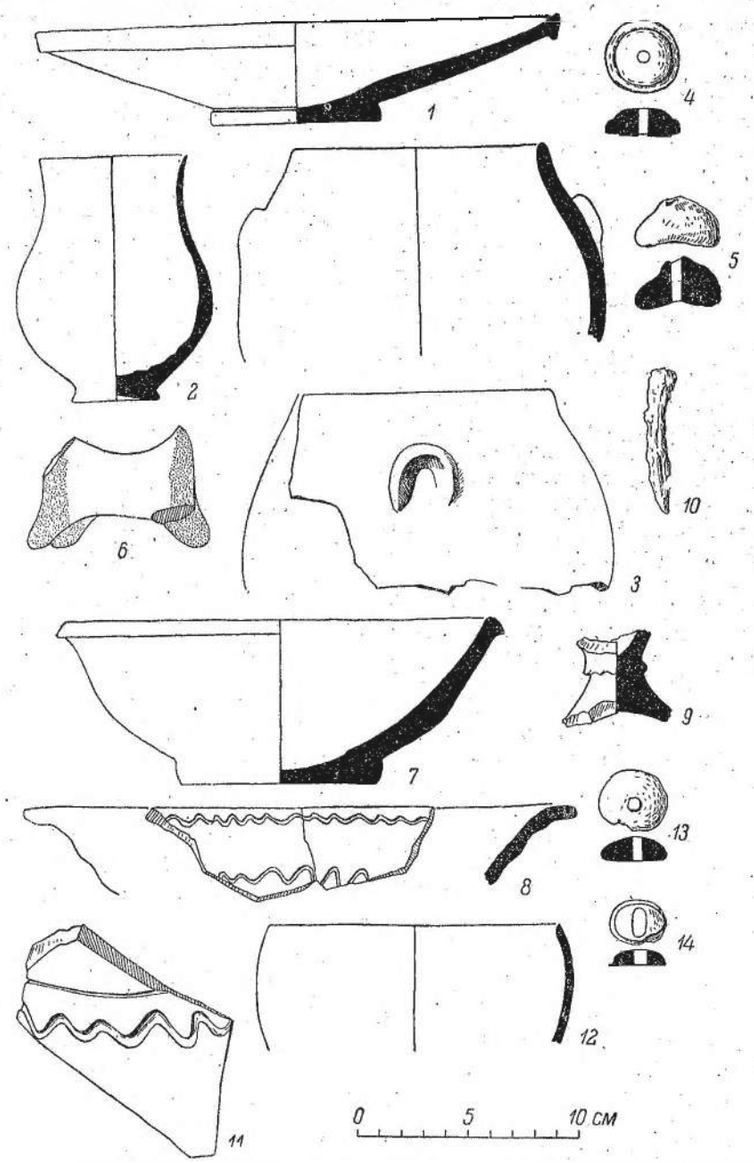


Рис. 33. Керамика из слоя Мунчак-Тепе III.

1 — миска; *2* — сосуд с грушевидным туловом; *3* — котел; *4—5* — пряслица; *6* — фрагмент статуэтки; находки под полами; *7* — миска; *8* — обломки миски. *9* — ножка от бокаловидного сосуда; *10* — железный предмет; *11* — обломок сосуда; *12* — фрагмент чаши; *13* — пряслице; *14* — предмет из известняка.

вым, шелушащимся ангобом и украшенного на уровне основания ручек пояском волнистого орнамента, и боковина небольшого котла с прямым вертикальным краем и маленькой ручкой-подхватом (рис. 33, *3*).

Кроме того, здесь же было найдено плоско-выпуклое пряслице из белого мраморовидного известняка (рис. 33, *4*) и фрагмент какого-то гипсового предмета со сквозным отверстием посредине, возможно также являвшегося пряслицем, но иной формы (рис. 33, *5*).

На полу «раннего» сооружения, вошедшего в рассматриваемый строительный комплекс, была обнаружена глиняная статуэтка — изображение какого-то животного с отбитой головой (рис. 33, *6*). Любопытной особенностью ее является покрытие красно-коричневым ангобом только передней и задней частей.

Конструкцию перекрытия раскрытых помещений не удалось установить, так как никаких остатков его в завале и на полах не имелось, а стены сохранились только в нижней своей части. Но наиболее вероятным представляется, что все они имели плоское деревянное перекрытие, отдельные части которого после запустения были сняты и унесены для дальнейшего использования (такая практика наблюдается сейчас в Средней Азии почти повсеместно).

То обстоятельство, что комплекс Мунчак III не удалось раскрыть целиком, в значительной степени затрудняет определение его назначения. Но все же некоторые, и как это представляется, существенные данные для этого уже имеются. Если мы обратимся к его планировке, то здесь сразу же бросается в глаза несомненное выделение центрального помещения: оно изолировано от остальных помещений и соединяется только с одним из них, являющимся для него своего рода «вестибюлем». Эти два помещения отличаются от остальных наличием белой штукатурки на стенах и на полах, в чем нельзя не усмотреть свидетельства об их особом положении и назначении. За это говорит и полное отсутствие в них находок.

Остатки кирпичного возвышения в центральном помещении, имеющие явные следы длительного горения на нем огня, весьма вероятно являются остатками специального сооружения, на котором поддерживался священный огонь.

Что касается западного помещения, то оно, судя по планировке и составу находок, вряд ли может считаться жилым, но назначение его остается неясным.

В целом данное сооружение имеет очень скромный облик и, конечно, вряд ли может быть названо храмом — в том смысле, как мы его привыкли понимать. Это, вернее, небольшое святилище маленького, сельского типа поселения.

Датировка описанного комплекса ввиду чрезвычайной малочисленности находок и невыразительности их является сложным вопросом. Можно было надеяться, что нижележащие слои дадут нужные для этого данные; но углубление привело лишь к раскрытию остатков двух более ранних сооружений, состоявших из небольших помещений, на полах которых никаких находок не имелось (за исключением камней).

Но непосредственно под полом центрального помещения комплекса Мунчак III было обнаружено несколько фрагментов керамики: половина глубокой миски на сплошном поддоне с прямым краем (под краем ее снаружи проходит узкий валик, на дне внутри имеется кольцевидный валик, соответствующий по своему положению краю поддона, внутренняя поверхность покрыта красным ангобом, наружная — белым) (рис. 33, *7*); обломок миски с отогнутым краем, покрытой белым ангобом и украшенной внутри двумя рядами очень небрежно выполненного волнистого орнамента (рис. 33, *8*); обломок нижней части тулова бокаловидного сосуда с профилированной ножкой, покрытого красно-коричневым матовым ангобом (рис. 33, *9*). Здесь же был найден сильно окисленный железный предмет, имеющий утолщение на одном конце.

Под полом западного помещения также было сделано несколько находок: небольшой фрагмент крупного сосуда, покрытого серо-белым ангобом и украшенного волнистым орнаментом (рис. 33, *11*); несколько небольших фрагментов тонкостенных чаш со слегка вогнутыми внутрь краями, покрытых красно-коричневым ангобом и с лощеной поверхностью (рис. 33, *12*); плоско-выпуклое пряслице из белого известняка (рис. 33, *13*); небольшой овальный предмет из белого известняка, имеющий посредине большое сквозное отверстие продолговатой формы (рис. 33, *14*); несколько мелких обломков бронзового зеркала (?).

Все эти предметы, судя по условиям находки, попали сюда случайно в период возведения комплекса Мунчак III. Датировать их более или менее определенно не представляется возможным; судя по материалам с городищ левобережья Кафирнигана, они должны быть отнесены к периоду, во всяком случае, позднее I в. н. э.

В силу всего вышеуказанного датировка строительного комплекса Мунчак III может быть дана только приблизительно.

Верхний предел ее устанавливается сравнительно легко; поскольку вышележащий комплекс Мунчак II относится к VI—VII вв. н. э., им является V в. н. э. Известное уточнение его дает нам анализ истории запустения и разрушения интересующего нас комплекса. На полах помещений было обнаружено большое количество обломков штукатурки, упавших с верхних частей стен; над ними — несколько слоев плотных натеков; выше залегал тонкий слой завала, образовавшегося в результате разрушения верхних частей стен; над ним шла уже забутовка. При нивелировке участка под комплекс Мунчак II верхние части стен комплекса Мунчак III были срублены. На остатках стен центрального и восточного помещений белая штукатурка прослеживалась до самого верха; это свидетельствует о том, что в момент начала строительства комплекса Мунчак II заброшенный комплекс Мунчак III еще находился в сравнительно хорошей сохранности. Данное обстоятельство, а также небольшая толщина завала указывает на то, что время строительства комплекса Мунчак II не может быть отделено большим промежутком времени от периода, когда комплекс Мунчак III пришел в запустение.

Находки, сделанные в западном помещении и под полами, могут быть отнесены только к периоду позднее I в. н. э. — вероятнее всего к III—IV вв. н. э. Соответственно и время сооружения строительного комплекса Мунчак III следует ориентировочно относить к этому же периоду и притом, учитывая все вышесказанное о времени его запустения, вернее к IV в., чем к III в. н. э. Уточнение датировки, конечно, может дать только продолжение работ на этом памятнике.

Что касается остатков нижележащих сооружений, то их можно ориентировочно относить к первым векам н. э.

5. Разведывательные работы

Как уже указывалось выше, разведывательные работы в 1952—1953 гг. проводились в очень ограниченном размере. Основное внимание было уделено обследованию правобережья Кафирнигана между пос. Шаартуз и вторым объектом стационарных работ — городищем Мунчак-Тепе. Здесь, в 10—13 км севернее Шаартуза, еще в 1950 г. была обнаружена чрезвычайно интересная группа так называемых «безымянных развалин».[1]

При дополнительном обследовании территории удалось установить, что в нее входит не шесть, а семь зданий; вновь обнаруженное здание располагается во впадине недалеко от здания 3, восточнее его, на берегу старого арыка. Особенностью его является наличие двух башнеобразных выступов — на северо-восточном углу и на северной стене около северо-западного угла. Южнее «безымянных развалин» было обнаружено большое городище, именуемое жителями близлежащих селений Кзыл-Тепе. Оно имеет неправильную подпрямоугольную форму и возвышается над окружающей местностью на незначительную высоту. В северной его части расположен высокий (около 6 м) холм конической формы, на вершине которого стоит мазар Ходжа-Кочкар.[2] С севера, с запада и с юга городище окружено неглубокой, но широкой впадиной, по-видимому являющейся остатками заплывшего рва. Восточная часть его прорезана арыком, подводящим воду к Шаартузу. Восточный край городища лежит вблизи от края террасы. Поверхность городища сравнительно ровная, без сколько-нибудь четко прослеживаемых впадин и возвышений, но по краям имеются небольшие всхолмления, которые, вероятно, являются остатками оборонительных сооружений.

В составе собранного здесь подъемного керамического материала имеется сравнительно большое количество фрагментов керамики кушанского периода; есть также фрагменты керамики VI—VIII вв. н. э.[3] и IX—XII вв. н. э. Керамика монгольского периода отсутствует.

[1] Ср.: МИА, № 37, стр. 266 и сл.

[2] Из расспросов жителей близлежащих селений выяснилось, что местность, на которой расположены «безымянные развалины», носит название Кала (или Кыз-Кала). Городище лежит на расстоянии 9.1 км от Шаартуза.

[3] Эта керамика, насколько можно судить по собранным фрагментам, близка к керамике того же периода из древнего Пенджикента.

На обширной территории севернее городища в нескольких местах прослеживаются правильно расположенные всхолмления, являющиеся, по-видимому, остатками построек. Здесь обнаружено относительно большое количество фрагментов керамики (преимущественно поливной, относящейся в основном к периоду IX—XIII вв. н. э.).

На территории, расположенной между Шаартузом и городищем Кзыл-Тепе, обнаружено еще одно, небольшое по размеру, городище подпрямоугольной формы (в 7.7 км от Шаартуза) и небольшое тепе (в 8.6 км от Шаартуза, напротив сел. Чоршамбе). Названия их установить не удалось.

В 1953 г. было также начато обследование северной половины Бишкендской долины, лежащей западнее долины Кафирнигана и отделенной от нее небольшой горной грядой Арук-Тау. Около северной оконечности этой гряды обнаружен ряд колодцев кяриза, проведенного из Кафирнигана в северную часть долины. Эти колодцы прослеживаются непрерывной цепочкой на протяжении 6 км. На расстоянии 14 км от северной оконечности Аруктау имеются оплывшие остатки вала, перегораживавшего долину. Возможно, он был сооружен для задержания силевых и весенних вод. Дело в том, что северная часть Бишкендской долины имеет явственно различимое постепенное понижение в направлении с севера на юг; вал же расположен там, где это понижение заканчивается.

Наличие кяриза с несомненностью свидетельствует о былой возделанности северной части Бишкендской долины и возможности использования ее под посевы и ныне.

Вблизи от северной оконечности Арук-Тау обнаружен небольшой курганный могильник. Большинство курганов — низкие, полусферической формы, каменные насыпи.

В 16 км южнее северной оконечности у самых подножий Арук-Тау расположен второй, также очень небольшой, курганный могильник. Все насыпи его каменные, небольших размеров, полусферической формы.

В 19—22 км, также у подножий, имеется очень большой могильник; здесь наряду с полусферическими каменными насыпями встречаются и многочисленные «кольца» — полностью разграбленные курганы.

Наконец, в 21 км от северной оконечности Арук-Тау в западной части долины было обнаружено небольшое городище.

Наличие трех[1] курганных могильников на сравнительно небольшой территории северной части Бишкендской долины (а обследована только восточная ее окраина) свидетельствует об обитании неподалеку от нее значительной группы кочевников. Однако кто были эти кочевники и когда они здесь обитали, остается совершенно неизвестным до проведения раскопок. Отмеченные выше могильники еще раз указывают на то, что в древности, когда именно мы пока не знаем, кочевники были непосредственными соседями оседлого населения Бактрии.

В левобережье Кафирнигана некоторое внимание удалось уделить III Кафирниганской группе курганов, отмеченной уже в предшествующие сезоны. Она расположена приблизительно в 2—3 км юго-западнее Микоянабада у подножий горного кряжа Ходжа Газиен и состоит из более чем 20 сравнительно небольших курганов со сферическими каменными насыпями (диаметр большинства их составляет 3—4 м, а высота не превышает 0.5 м); почти все они имеют явственные признаки ограбления.

Ввиду недостатка времени и рабочей силы пробные раскопки были проведены только на одном — самом маленьком кургане, диаметром около 2.0 м и высотой 0.15 м. Древний горизонт был обнаружен на глубине около 0.10 м от современной поверхности. Под каменной насыпью, приблизительно посредине, располагалась могильная яма почти правильной прямоугольной формы (1.70×0.9 м), вытянутая с севера на юг; дно ее находилось на глубине 0.68—0.70 м от поверхности. Она была вырыта в плотном лёссе и засыпана им же, вследствие чего края ее прослеживались лишь с большим трудом.

Никаких остатков костяка и никаких предметов на дне ямы не было обнаружено. В засыпи же было найдено 8 очень мелких

[1] А. П. Окладниковым во время обследования правобережья Кафирнигана с целью выявления памятников каменного века была отмечена еще одна группа курганов — севернее оконечности Арук-Тау.

фрагментов керамики, принадлежащих двум сосудам. Одним из них, судя по тесту и окрашенности одной стороны в черный цвет, был котел, изготовленный на гончарном круге. Форму второго установить невозможно, так как фрагменты его очень малы. Датировать этот курган по имеющимся фрагментам керамики, вполне естественно, не представляется возможным.

Работы 1952—1953 гг. показали, что район нижнего течения Кафирнигана представляет, пожалуй, даже большие перспективы для дальнейшей работы, чем это представлялось по обследованиям предыдущих лет. Большая насыщенность памятниками оседлых земледельцев и кочевников, датируемых от второй половины I тысячелетия до н. э. и до предмонгольского времени, позволяет изучать в пределах этого района ряд вопросов, связанных с разными периодами жизни древней Бактрии — Тохаристана.

---

t.me/archeotajik

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР · № 66

Л. С. БРЕТАНИЦКИЙ

ОБ ОДНОМ МАЛОИЗВЕСТНОМ ПАМЯТНИКЕ ТАДЖИКСКОГО ЗОДЧЕСТВА

Советскими учеными проведена огромная работа по всестороннему исследованию большого количества малоизученных и ранее науке совсем не известных памятников зодчества — богатейшего архитектурного наследия братских народов, издревле населяющих Среднюю Азию.

В результате разысканий ряда последовательно проводившихся комплексных экспедиций, которые возглавлялись А. Ю. Якубовским, С. П. Толстовым, М. Е. Массоном, А. Н. Бернштамом, М. М. Дьяконовым и другими видными советскими учеными, в научный обиход прочно введено большое количество выдающихся по своим художественным достоинствам архитектурных памятников. Тем самым значительно расширен круг общих представлений о древней и самобытной архитектурно-строительной культуре среднеазиатских народов, тесно связанных своими историческими судьбами.

В итоге проведенных работ все более и более отчетливо прослеживается многовековый, сложный и поучительный путь последовательного развития среднеазиатского зодчества. Помимо того, определилось то значительное место, которое по праву принадлежит ему в истории архитектуры стран Ближнего Востока, а лучшим его произведениям — в золотом фонде мирового архитектурного наследия.

С каждым годом в истории среднеазиатского зодчества остается все меньше и меньше «белых пятен», связанных с недостаточной изученностью отдельных ее периодов. И в этом отношении трудно переоценить историко-архитектурную и художественную значимость результатов археологического изучения среднеазиатских античных и ранних средневековых городищ — Нисы, Пенджикента, Варахши, Хорезма и других областей.

Отнюдь не меньшую научную ценность представляют результаты изучения памятников несколько более поздних периодов развития среднеазиатской средневековой архитектуры. С памятниками этих периодов, кстати, шире всего связаны антиисторические панираниские, пантюркистские и панисламские «концепции», по-прежнему широко распространенные в зарубежном востоковедении.

По своему существу подобного рода концепции, вольно или невольно, лишают народы Востока той яркой самобытности, которая органически присуща культуре, и в частности зодчеству, любого из них. При этом нельзя не отметить, что этих недочетов не лишен ряд наиболее капитальных и сравнительно недавно изданных работ. Необходимо также отметить, что очень мало расширился круг привлекаемых к исследованию памятников архитектуры, находящихся на территории Советского Востока. Приходится с сожалением отметить, что работы советских ученых в области изучения архитектурного наследия народов Закаспия и Закавказья до настоящего времени мало или совсем не известны зарубежным ученым, сведения которых в этой области подчас ограничиваются данными конца 20-х годов. В этом отношении весьма наглядно сопоставление изданий, относящихся к рубежу XIX—

XX вв.,[1] довоенному,[2] да и послевоенному периодам.[3]

Естественно, что положенные в основу исследований неверные отправные положения и отсутствие необходимых сведений об огромном новом фактическом материале препятствовали успешному разрешению возникавших проблем.

Обстоятельства эти способствовали «устойчивости» отмечавшихся научно несостоятельных концепций, отрицающих роль отдельных народов в длительном и сложном процессе развития архитектуры феодального Востока.

В связи с этим особый интерес и научную ценность представляют те значительного объема и территориального охвата работы, которые проводились в послевоенные годы в области изучения архитектурных памятников Таджикистана. Едва ли не большая их часть выполнялась комплексной Согдийско-Таджикской экспедицией, возглавлявшейся покойным А. Ю. Якубовским. Экспедиция ставила перед собой задачу «систематически регистрировать и изучать все наземные памятники архитектуры, материальной культуры (например, развалины древних замков, поселений, крепостей и проч.) и изобразительного искусства, встречаемые во время работ экспедиции».[4]

Среди довольно многочисленных хронологически разновременных памятников таджикского зодчества, более или менее детально изучавшихся за последние годы и уже нашедших известное отражение в специальной литературе,[5] по своей общей историко-архитектурной значимости и бесспорно выдающимся художественным достоинствам самого пристального внимания исследователей заслуживают так называемый мавзолей Мухаммада Бошшаро в кишлаке Мазари-Шариф и два центрально-купольных мавзолея Ходжа-Машад в кишлаке Саят.

До самого последнего времени эти выдающиеся памятники среднеазиатского зодчества не получили должного освещения в специальной литературе. Мавзолеям Ходжа-Машад посвящена только небольшая публикация А. М. Беленицкого,[1] мавзолей же Мухаммада Бошшаро, в сущности, лишь упоминается в различных общего характера археологических и иных обзорах. Такой примечательный памятник, как мавзолей Мухаммада Бошшаро, бесспорно заслуживает глубокого и всестороннего изучения. Отнюдь не претендуя на разрешение многочисленных тесно с ним связанных историко-архитектурных проблем, в настоящей статье ставится задача рассмотрения только некоторых, представлявшихся наиболее важными вопросов, которые возникли в связи с изучением этого сооружения на месте.

Мазар Мухаммада Бошшаро высится на правом берегу горной речки, пересекающей небольшой кишлак Мазари-Шариф, и находится примерно в 9 км от районного центра Колхозчион.

В описании этого мавзолея А. Ю. Якубовский справедливо отмечал, что «даже самое поверхностное знакомство с ним дает право сказать, что мы имеем первоклассный памятник средневековой архитектуры и лучший памятник ее в Таджикистане».[2]

Так называемый мавзолей Мухаммада Бошшаро, как отмечалось, кратко упоминался различными исследователями памятников архитектуры народов Средней Азии. Наиболее ранние из известных нам сведений об этом сооружении принадлежат А. А. Семенову. В одном из примечаний к своей работе «Происхождение термезских сейидов и их древняя усыпальница Султан Саадат» А. А. Семенов отмечал: «Гробницы, украшенные совершенно такого же типа изразцами, с глубоко вырезанными на них надписями я видел в кишлаке Мазари-Шариф

---

[1] F. Sarre. Denkmäler persischer Baukunst. Berlin, 1901—1910.

[2] Celal Essad Arseven. L'art turq. Istanbul, 1939; A Survey of Persian Art. London—New-Jork, 1939—1941.

[3] Donald N. Wilber. The architecture of islamic Iran. The Ilkhanid period. Princeton, 1955.

[4] А. Ю. Якубовский. Введение. Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, т. I, МИА, № 15, 1950, стр. 10.

[5] Б. В. Веймарн. Мечеть Кок-Гумбез в Ура-Тюбе. Новые исследования по истории архитектуры народов СССР. Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 8, М., 1947; Б. А. Литвинский. Архитектурный комплекс Ходжа-Нахшран. Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова, Сталинабад, 1953.

[1] А. М. Беленицкий. Мавзолей у селения Саят. КСИИМК, 33, 1950; А. М. Беленицкий. Мавзолей у селения Саят. МИА, № 15.

[2] А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, № 15.

(Ходжа-Ахмад-Бичора) в Зарафшанских горах, верстах в 25 от Пенджикента. Там есть древняя мечеть с превосходной аркой, покрытой терракотовой вязью арабских письмен; в ней стоят в нише за деревянною решеткою две названных гробницы. На порталах мечети местами разбросаны вставки из зеленовато-голубых, с углублением внутри, изразцов. Дата постройки, насколько помню, 743 (1342—1343)».[1] Последующее упоминание мазара, также принадлежащее А. А. Семенову, ничего не добавляет к описанию памятника и сообщает лишь сведения о Ходже-Мухаммаде-Бошшаро — известном знатоке хадисов в первые века ислама (род. в 167/782—783 г., ум. в 252/866 г.).[2] Работа эта, переизданная в 1945 г., повторила уже упоминавшиеся сведения.[3]

Памятник затем упоминается в работах М. Е. Массона. В статье, посвященной происхождению покрытых художественной резьбой древних деревянных колонн горных кишлаков Зеравшанского края, М. Е. Массон отмечал «прекрасное здание первой половины XIV столетия — мазар Ходжа Мухаммад Башара» как свидетельство жизненности традиций древней высокой культуры этой местности.[4] Кроме того, М. Е. Массон упоминает этот мазар в связи с описанием колонны из Старого Сайрама, находя аналогию ее формам в «угловых полуколонках портала мавзолея 743 г. (1342—3 г. н. э.) в селении Мазари-Шариф в горах Самаркандской области».[5]

Интересна небольшая заметка В. Р. Чейлытко, напечатанная в 1937 г. в газете «Коммунист Таджикистана». В ней впервые высказывается предположение о разновременности в строительстве различных частей сооружения — мавзолей построен в XII в., а портал переделан в XIV в. Кроме того, в этой заметке также впервые упоминается михраб памятника, выполненный из необожженной глины.[1]

Б. П. Денике упоминал мавзолей Мухаммада Бошшаро при рассмотрении архитектурного орнамента памятников Средней Азии XIV в. дотимуровской эпохи (до 1370 г.).

Рассматриваемый памятник был известен Б. П. Денике лишь из «вторых рук». В этом отношении показательно, что в сравнительном разборе особенностей широко известных изразцовых надгробий Средней Азии Б. П. Денике не упоминает великолепные надгробия мавзолея Мухаммада Бошшаро, хотя некоторые черты орнаментальных плетений, так же как и палеографические особенности надписей, в известной мере роднят их с надгробиями мавзолеев Наджм-ад-дин Кубра в Куня-Ургенче и Куссама ибн Аббаса в Самарканде.

Мавзолей был также упомянут при перечислении архитектурных памятников Таджикистана в помещенной в «Большой советской энциклопедии» статье Б. В. Веймарна, посвященной таджикскому искусству.[2]

Краткое описание памятника, сопровождающееся впервые опубликованным планом, дано в работе сводного характера Б. Н. Засыпкина об архитектуре Средней Азии.[3]

Высокие художественные достоинства памятника заслуженно привлекли внимание А. Ю. Якубовского. Памятник был кратко упомянут в одном из его сообщений отчетного характера о результатах работ Согдийско-Таджикской экспедиции.[4]

А. Ю. Якубовскому также принадлежит наиболее развернутое описание памятника, поднимающее ряд весьма важных и интересных историко-архитектурных вопросов, которые связаны как непосредственно с этим примечательным сооружением, так и общими проблемами развития архитектуры народов Средней Азии.[5]

---

[1] ПТКЛА, ч. XIX (на титуле XVIII), 1914, стр. 6, прим. 1.

[2] А. А. Семенов. Материальные памятники арийской культуры. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925.

[3] А. А. Семенов. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. Сталинабад, 1945, стр. 23.

[4] М. Е. Массон. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в горах Самаркандской области. Сб. «По Таджикистану», Ташкент, 1927, стр. 7.

[5] М. Е. Массон. Старый Сайрам. Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 30.

[1] В. Чейлытко. Мавзолей XIV в. Коммунист Таджикистана, 1937, 21 декабря.

[2] Б. В. Веймарн. Таджикское искусство. БСЭ, т. 53, М., 1946, стр. 452.

[3] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948. Опубликованный в книге схематичный план памятника, принадлежащий Самкомстарису, неточен.

[4] А. Ю. Якубовский. Работы Согдийско-Таджикской археологической экспедиции 1947 г. КСИИМК, 28, 1949.

[5] А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции

Рассматриваемому мавзолею посвящена также небольшая заметка во втóром издании «Большой советской энциклопедии», не лишенная, к сожалению, досадных ошибок.[1] Повторяя высказывавшееся раньше предположение о возведении памятника «возможно в XII веке» и последующей (датированной надписью) перестройке его в 1342—1343 гг., автор сообщает затем, что фасад памятника «облицован терракотовыми и майоликовыми плитками». На самом деле подобное декоративное убранство в настоящее время имеется лишь на портале мавзолея. Также не соответствует истине и дальнейшее сообщение автора заметки о том, что в кишлаке Мазари-Шариф якобы имеется «мечеть 14 в. с редким образцом михраба (ниши в стене, обращенной к Мекке) из резной глины». Мечети XIV в. в кишлаке, как известно, нет, а упоминаемый михраб, относящийся, кстати, к значительно более раннему времени, находится в самом мавзолее.

Принимая участие в работах Согдийско-Таджикской экспедиции, автору этих строк довелось ознакомиться с памятником на месте. Настоящая публикация является результатом проводившегося им обследования и архитектурного обмера,[2] которые были выполнены по предложению А. Ю. Якубовского.

Как уже отмечалось, так называемый мавзолей Мухаммада Бошшаро находится в Зеравшанских горах, на берегу горного сая (рис. 1). На противоположном берегу живописно раскинулись строения небольшого кишлака Мазари-Шариф.

Своеобразным основанием мавзолея служит сравнительно небольшая площадка мыса, значительно возвышающегося над довольно пологими берегами сая. Почти отвесная верхняя часть крутого склона этой возвышенности, образующей небольшую террасу перед главным фасадом сооружения, тщательно обложена крупным булыжным камнем.

Непосредственным окружением памятника является прекрасная арчевая роща. Вся территория густо занята захоронениями, повидимому весьма древнего мусульманского кладбища.

Деревья обступили памятник тесным кольцом с трех сторон; на темно-зеленом фоне густо поросших можжевельником склонов отчетливо воспринимается эффектный, богато декорированный портал, за которым четко вырисовывается несколько заостренного очертания белый купол с характерным своеобразным навершием.

Обращенным к востоку задним фасадом здание мазара почти совершенно вошло в склон. Крутой подъем рельефа местности полностью скрывает его, и оно возвышается над поверхностью земли всего лишь на несколько десятков сантиметров.

Запоминающийся художественный образ мавзолея весьма выразителен. Из плоскости скупо прорезанных сравнительно небольшими проемами и в настоящее время гладко оштукатуренными стенами главного, северо-западного, фасада выступает объемно и декоративно подчеркнутый портал. Высоким совершенством своего композиционного решения и эффектного декоративного убранства портал этот не уступает лучшим архитектурным памятникам Средней Азии XIII—XV столетий.

За последние десятилетия памятник неоднократно, но неумело подновлялся. Поэтому далеко не всегда представляется возможным восстановить первоначальный облик его архитектурных элементов.

Кустарно проводившимися ремонтными работами последних лет значительно искажен, например, наружный абрис центрального купола. Под слоями позднейшей обмазки на фасаде почти теряется сферическая (с несколько заостренной макушкой) оболочка, в интерьере обращающая на себя внимание своим превосходно найденным объемом и красивыми очертаниями.

В настоящее время отсутствует значительная часть богатого архитектурного декора верхней части портала. Разновременно и неоднократно наносившийся штукатурный слой, покрывающий остальные плоскости фасада, не позволяет установить характер его былой декоративной обработки. Во время ремонтных работ ряд, по-видимому, случайно подобранных декоративных элементов появился в совершенно неожиданных местах. Относится это как к некоторым терракотовым и покрытым поливой плиткам в верхней, наиболее поврежденной части портала, так и к цепи квадратных глазурованных «бантиков», которая проходит поверху западной части главного фасада. Не удалось пока восстановить, по-видимому, несложный рисунок былого профиля карниза, образованного выступающими рядами кирпича. Незначительные остатки карниза прослеживаются только в той же западной части фасада и на одном из торцов здания.

в 1946—1947 гг. Опубликованные в данном томе обмеры памятника выполнены автором настоящей статьи.

[1] Мазари-Шариф. БСЭ, изд. 2-е, т. 26, стр. 67.

[2] Пользуюсь возможностью поблагодарить С. Вознесенского, С. Б. Певзнера, Л. Е. Куббеля и А. М. Мандельштама за их ценную помощь в проводившейся работе.

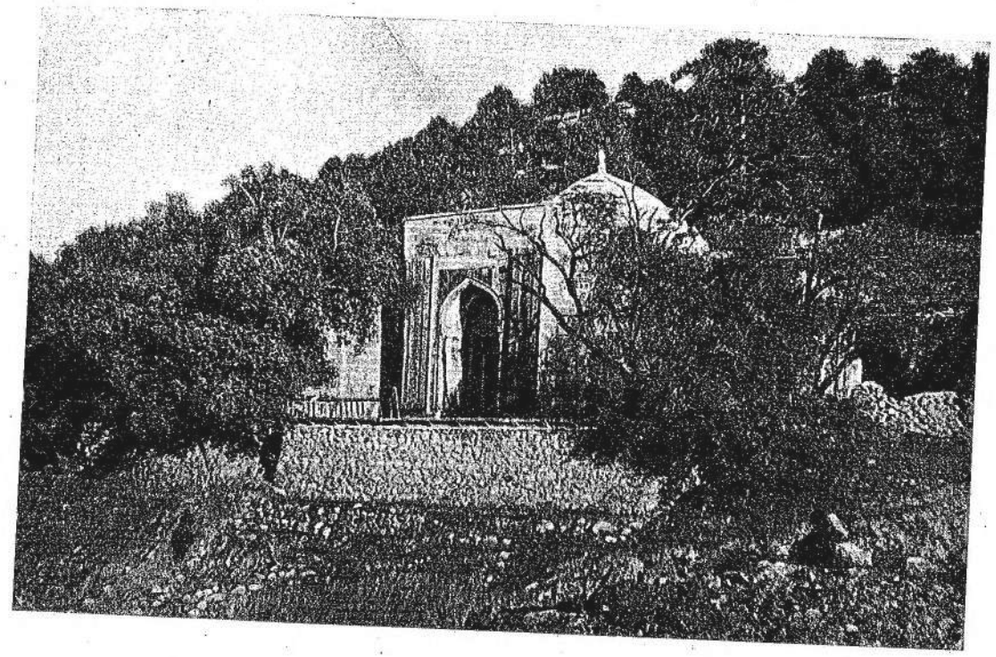


Рис. 1. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Общий вид.

Таким образом, можно прийти к заключению, что искажения художественного образа памятника ограничиваются преимущественно сильно поврежденным декоративным убранством верхней части портала и абрисом центрального купола. Композиция архитектурных масс и организация внутреннего пространства существенных изменений, очевидно, не претерпели.

Значительный интерес представляет своеобразная, тщательно продуманная организация внутреннего пространства памятника. Все, хорошо между собой связанные, основные помещения расположены по трем параллельным осям, и все без исключения обладают четкими прямолинейными очертаниями (рис. 2). Основные три группы помещений разделены мощными стенами, в пространстве между которыми на различных уровнях расположено несколько небольших полупотайного характера комнаток, назначение которых в настоящее время трудно установить.

Расположенный в портале сравнительно небольшой входной проем ведет в просторный купольный зал — композиционный центр всего сооружения (рис. 3). По оси каждой из стен подкупольного квадрата расположены стрельчатые подпружные арки одинаковых габаритов и очертаний. Арки эти разнятся по своему функциональному назначению. Левая арка служит своего рода проходом, который соединяет центральный зал с группой помещений, расположенных в этой части сооружения. Значительный по своей общей глубине проход трехчастен. Его компартименты перекрыты взаимно перпендикулярными стрельчатыми сводами. Два богато декорированных изразцовых надгробия, расположенные в глубине прохода, несомненно принадлежат к лучшим образцам

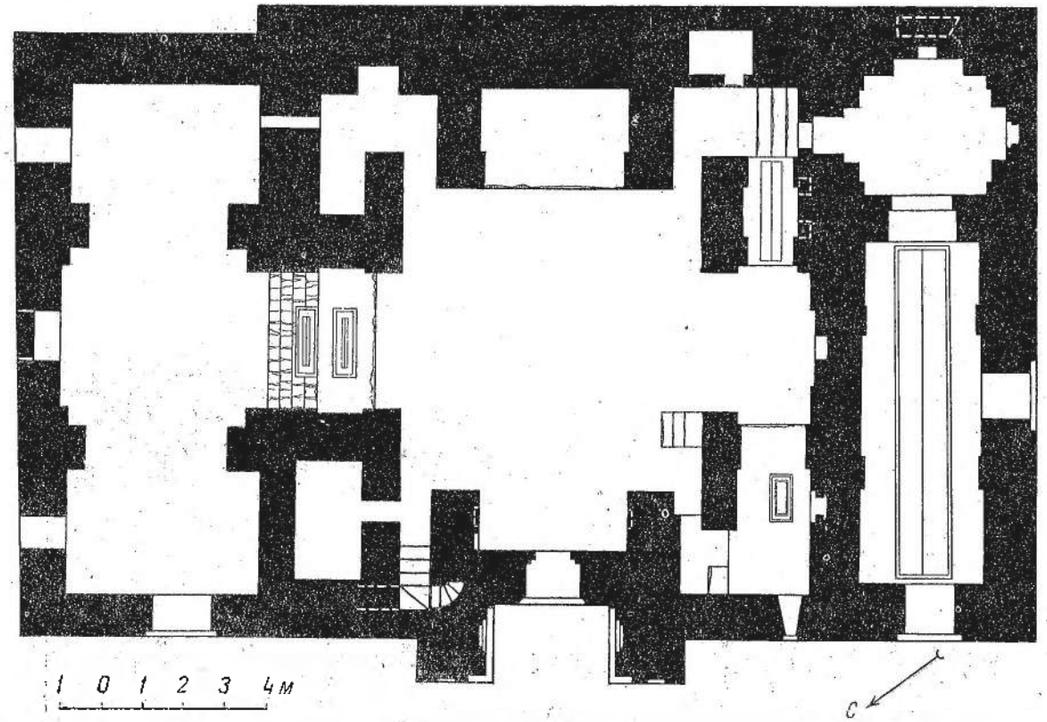


Рис. 2. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. План.

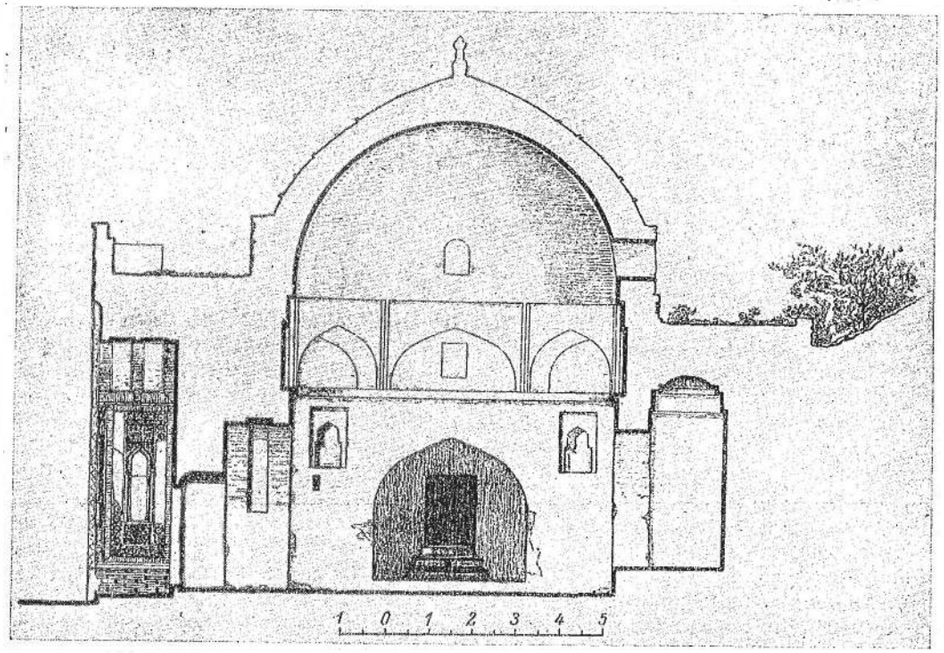


Рис. 3. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Поперечный разрез.

подобного рода надгробий, сохранившихся в памятниках среднеазиатского средневекового зодчества (Куня-Ургенч, Самарканд).

Находящаяся на противоположной стороне подкупольного квадрата стрельчатая арка служит как бы обрамлением для михраба, виднеющегося в глубине небольшого помещения, которое перекрыто куполом своеобразного очертания (рис. 4). Купол этот несколько необычного для рассматриваемого памятника построения. По своей схеме он напоминает так называемые сомкнутые своды. В отличие от других элементов архитектурного декора рассматриваемого памятника, превосходно прорисованные орнаментальные плетения убранства михраба выполнены с незаурядным мастерством в необожженной глине.

Стрельчатая арка, расположенная против ведущего в зал главного входа, также служит своеобразным обрамлением для находящегося в глубине небольшого, вытянутого в плане, прямоугольного помещения, в котором находится несколько захоронений, по-видимому значительно более поздних. В этом помещении привлекает внимание плоское перекрытие, центр которого отмечен рельефно выполненной крупной многолепестковой розеткой.

Кроме этих главных стрельчатых проемов, которые соединяют центральный зал сооружения с основными помещениями, непосредственно к нему примыкающими, в его углах находятся еще четыре небольших проема, также со стрельчатыми завершениями, но несколько иного характера и назначения.

Один из них, расположенный в правом углу, ведет в правую группу помещений, также связанных между собой по продольной оси. Так же, как и проем, расположенный напротив, он ведет, кроме того, в небольшие камеры. Эти симметрично расположенные камеры своими открытыми торцовыми сторонами, забранными невысокими деревянными решетками, обращены к помещению, где находится уже упоминавшийся выполненный из необожженной глины михраб. В левой из этих небольших камер находится, по-видимому, не очень давнее захоронение — сагона, а в противоположном — массивное каменное надгробие, поверхности которого покрыты орнаментальной резьбой и надписями.

Подобное же очертание и назначение имеют проемы, расположенные с противоположной стороны зала, которые также ведут в небольшие, но несколько иного характера помещения — совершенно темные потайного и полупотайного характера камеры. Находящийся в левом крайнем углу зала проем ведет в две небольшие совершенно темные комнатки. Первая, бо́льшая из них, перекрытая сводом «балхи»,[1] связана вверху небольшим крайне узким лазом с левой группой помещений мавзолея. Примыкающая к ней маленькая, прямоугольная в плане

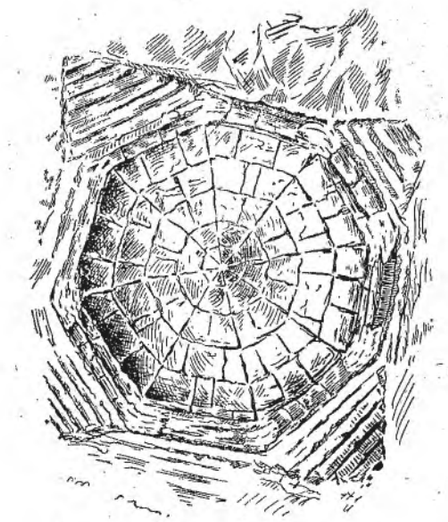


Рис. 4. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Помещение с михрабом. Купол.

комнатка, перекрытая стрельчатым сводом, совершенно темная.

Находящийся напротив проем также ведет в сравнительно небольшие по своим размерам помещения, но сгруппированные несколько иначе и расположенные на различных уровнях, одно над другим. Внизу находится наиболее просторное помещение прямоугольных очертаний. Ведущий в него из основного коридора ход (лаз) мало заметен и легко маскируется. В глубине коридора находится лестница. В самом ее торце с левой стороны расположен вход на узкую

[1] Балхи — своды, строившиеся без лесов, кладка которых идет наклонными, стрельчатого очертания рядами от углов помещений к их центру, образуя таким образом два взаимно перпендикулярных шва, пересекающихся в середине купола. Встречные ряды кладки в местах смыкания образуют своеобразный «елочный» узор.

винтовую лестницу, ведущую на крышу. С другой, правой, стороны открывается перекрытый стрельчатым сводом узкий проход, освещенный выходящей на главный фасад небольшой смотровой щелью. Находящийся в конце этого прохода стрельчатый проем ведет в небольшое, прямоугольное в плане, потайное помещение, перекрытое сводом «балхи». В противоположных стенках этого тайничка имеются два небольших отверстия. Одно из них — несколько большее — служит средством сообщения тайничка с одной из комнат левой группы помещений. Второе отверстие представляет собой мало заметную, узенькую смотровую щель, обращенную в главный зал.

Нельзя не отметить еще одной особенности главного зала. В его центре находится огромный ствол арчи. До необходимого археологического обследования подземелья мавзолея не представляется возможным исчерпывающе ответить на вопросы, поставленные А. Ю. Якубовским: «Каково назначение этой арчи? Подготовлена ли она здесь в целях ремонта, производившегося не раз, или это остаток священной арчи, которая стояла здесь некогда и по старой традиции была заменена новым стволом?».[1] Однако от первого предположения, что ствол служил своего рода основой для ремонтных лесов, следует отказаться. Вторая гипотеза А. Ю. Якубовского представляется значительно более убедительной. Известным ее подтверждением служит место, занимаемое арчевым стволом, характер его крепления и некоторые аналогии с довольно обычными шестами — «тугами» — в многочисленных погребальных сооружениях Средней Азии. Возможно, что этот «туг», так же как и окружающая памятник «священная» арчевая роща, связаны со значительно более древним местным культом, нежели ислам.

Левая группа помещений мавзолея обладает самостоятельным входом, расположенным на главном фасаде. Вход этот с ведущим во внутрь проемом стрельчатого очертания и несложным прямоугольным обрамлением был, по-видимому, и в своем первоначальном облике весьма скромен.

Композиционным центром этой группы помещений служит просторная, квадратная в плане, комната, перекрытая сферическим куполом. Купол опирается на систему конструктивных сталактитов, образующих переход от квадратного плана к опорному кольцу. Два остальных крайних помещения этой группы расположены на общей продольной оси и соединяются между собой большими стрельчатого очертания арочными проемами. Помещения эти перекрыты сводами «балхи». Все три помещения имеют обращенные на восток большие световые проемы с архитравными перемычками. Проем центрального помещения сравнительно недавно заложен.

Правая группа помещений мавзолея не имеет в настоящее время самостоятельного входа, а связана с центральным залом посредством упоминавшегося небольшого прохода в его правом углу, который ведет в промежуточную, прямоугольных очертаний комнату, перекрытую сводом «балхи».

В отличие от ранее рассмотренной левой группы помещений, правая состоит из четырех комнат, несколько меньших габаритов. Крайняя из них, перекрытая сферическим куполом, обладает наиболее замкнутым пространством и служит своего рода преддверием для трех остальных, соединенных между собой по продольной оси большими арочными проемами с обычными стрельчатыми завершениями.

Купол первой небольшой комнаты опирается на конструктивную систему сталактитов, образующую переход к его опорному кольцу.

Обращает внимание, кроме того, существенная разница в отметках пола помещений этой группы. В рассмотренном помещении — крайнем из них — она значительно выше, нежели во всех остальных.

Так же как и в левой группе помещений, центральная комната, выделенная из системы остальных подпружными стрельчатыми арками, перекрыта куполом, опирающимся на аналогичную систему конструктивных сталактитов. Примыкающие непосредственно к ней помещения перекрыты стрельчатыми сводами.

Рассматриваемая группа помещений освещается двумя большими проемами со стрельчатыми завершениями. Один из них находится в центральной комнате, а другой, обращенный на главный фасад, — в крайнем помещении. Также заслуживает внимания несколько необычное, огромных размеров надгробие — сагона, которое занимает собой три крайних помещения.

[1] А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, № 15, стр. 47.

Таким образом, в общей довольно сложной, но весьма четкой композиции плана в первую очередь обращает на себя внимание характерная ее трехчастность. Несмотря на наличие такого организующего и главенствующего «ядра», как просторный главный зал, с его отчетливыми, взаимно перпендикулярными осями, в организации внутреннего пространства вполне ощутимы две оси, организующие боковые группы помещений, параллельные основной — поперечной (рис. 5). Следует также обратить особое внимание на разницу отметок пола, наблюдающуюся в большинстве помещений памятника.

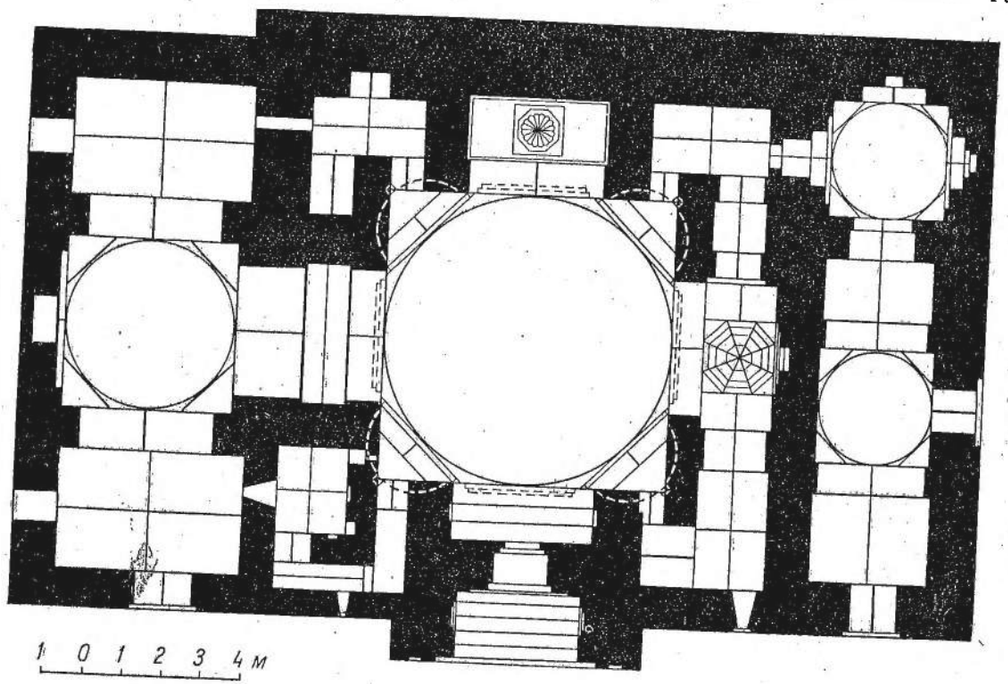


Рис. 5. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. План. Схема перекрытий.

Как уже говорилось, с этим памятником связан обширный круг вопросов, не получивших ответа до настоящего времени. На некоторых из них и следует несколько остановиться.

Наиболее интересными и сложными вопросами являются вопросы установления первоначального архитектурного облика этого памятника и достаточно обоснованной датировки его составных элементов.

Большинство исследователей, как правило, отмечало его разновременность. Однако более или менее серьезной попытки разобраться в этом сложном и ответственном вопросе сделано не было.

В настоящее время, впредь до завершения работ, связанных с всесторонним исследованием памятника на месте, трудно высказывать какие-либо категорические суждения в этой области. Однако поделиться некоторыми соображениями по этому вопросу представляется уместным и целесообразным. Памятник действительно многослоен, и предположение о разновременности его составных частей достаточно убедительно подтверждается при ознакомлении с использованными при его возведении строительными материалами, архитектурными конструкциями, композиционными приемами, архитектурными формами, средствами декоративного убранства и т. д.

В первую очередь следует отметить, что квадратной формы тонкий и в общем хорошо обожженный кирпич, из которого возведено

сооружение, не обладает едиными размерами. Стены, ограничивающие крайние группы помещений, сложены, в основном, из кирпича размером 21×21×4 см. Однако в некоторых местах этих групп помещений встречается кладка из кирпича размером 25×25×4 см. Кладка же основания портала здания выполнена из кирпича 30×30×4 см. Велась эта кладка, кроме того, несколько необычным для остальных частей сооружения методом. Шахматный рисунок ее лицевой поверхности, напоминающий характерную кирпичную кладку «бантиками» среднеазиатских памятников XI—XII столетий, образован рядами спаренных, имеющих шлифованную поверхность кирпичей, между которыми расположены квадратные вставки. Лицевую поверхность этих вставок покрывает бирюзовая глазурь, на которую невысоким рельефом нанесен несложный геометрический узор.

Совершенно аналогичная узорчатая кладка имеет место и в основании расположенного в торце главного зала стрельчатого проема, открывающего небольшое помещение, где размещена большая группа захоронений.[1]

Также обращает на себя внимание значительно разнящаяся толщина различных стен памятника. Сравнительно небольшие колебания в толщине фасадной стены можно, по-видимому, объяснить изменениями архитектурной трактовки ее первоначального наружного облика и неаккуратностью, с которой накладывались на нее слои штукатурного намета при проводившихся впоследствии ремонтах. Образующее же сильный перепад резкое утончение задней стены мавзолея связано, очевидно, с какой-то значительной перестройкой, имевшей место в левом крыле сооружения.[2] Перестройка эта, по-видимому, не коснулась наиболее древнего в этом крыле центрального помещения, сохранившего характерную архаичную конструкцию поддерживающих купол сталактитовых парусов.

Известным подтверждением проводившейся перестройки левого крыла мавзолея является и то обстоятельство, что именно задняя стена сооружения является наиболее мощной и что в ее солидной толще скрывается ряд довольно просторных тайников. В одном из обнаруженных в правом крыле стены тайников была ведущая на крышу здания узкая винтовая лестница.

Попутно следует несколько остановиться на характере оснований стен мавзолея. Вопрос субструкций сооружения не может быть разрешен исчерпывающим образом впредь до еще предстоящего детального исследования подземелий мавзолея. Проникнуть в эти подземелья пока не представлялось возможным, но об их наличии свидетельствует целый ряд признаков: характерные звуки при простукивании полов ряда помещений, существенная разница в их отметках, особенности расположения некоторых надгробий и тому подобные детали. Конструкции стен подземельных камер представляют несомненный интерес, поскольку они на протяжении нескольких столетий без заметного ущерба выдерживают весьма значительную нагрузку мощных стен, воспринимающих в свою очередь весьма солидную нагрузку сводов и куполов сооружения.

Заложенные вдоль главного фасада мавзолея шурфы позволили выявить довольно обычную для среднеазиатского средневекового зодчества картину: при возведении здания внимание строителя было обращено не столько на устройство его оснований, сколько на выбор тех условий возведения самого сооружения в целом, которые должны были обеспечить длительное его существование.[1] Общая глубина основания, по данным шурфов, не превышала 0.60—0.70 м. Кладка стены продолжалась в глубь на два ряда кирпича, по обыкновению без какого-либо уширения. Затем идет, примерно полуметровой толщины, слой крупного булыжника, сложенного на обычном для всего сооружения растворе; под булыжником находилась плотно слежавшаяся своего рода лёссовая «подушка».

[1] Л. Н. Воронин. Кирпичная фактура стены. Сб. «Элементы архитектуры Узбекистана», Труды Среднеазиатского индустриального института, вып. 4, Ташкент, 1939.

[2] Утончение задней стены мавзолея не отмечено в плане, опубликованном В. Н. Засыпкиным (ук. соч., рис. 47).

[1] М. Е. Массон, например, высказывал предположение, что фундаменты, в современном их понимании, в среднеазиатских сооружениях домонгольского времени вообще отсутствуют (М. Е. Массон. Краткое сообщение о результатах исследования фундаментов мавзолея «Ходжа Ахмеда» в группе Шах-и Зинда в Самарканде в 1922 г. Известия Туркестанского отделения Русского географического общества, 1924, т. XVII, стр. 159).

По-видимому, антисейсмическим целям служили скрепленные железными кованными скобами деревянные брусья (0.10×0.10 м), которые уложены в нижней части портала. Отсутствие подобного деревянного пояса в остальных частях сооружения является дополнительным подтверждением их несколько более древнего происхождения по отношению к позднее пристроенному порталу.[1]

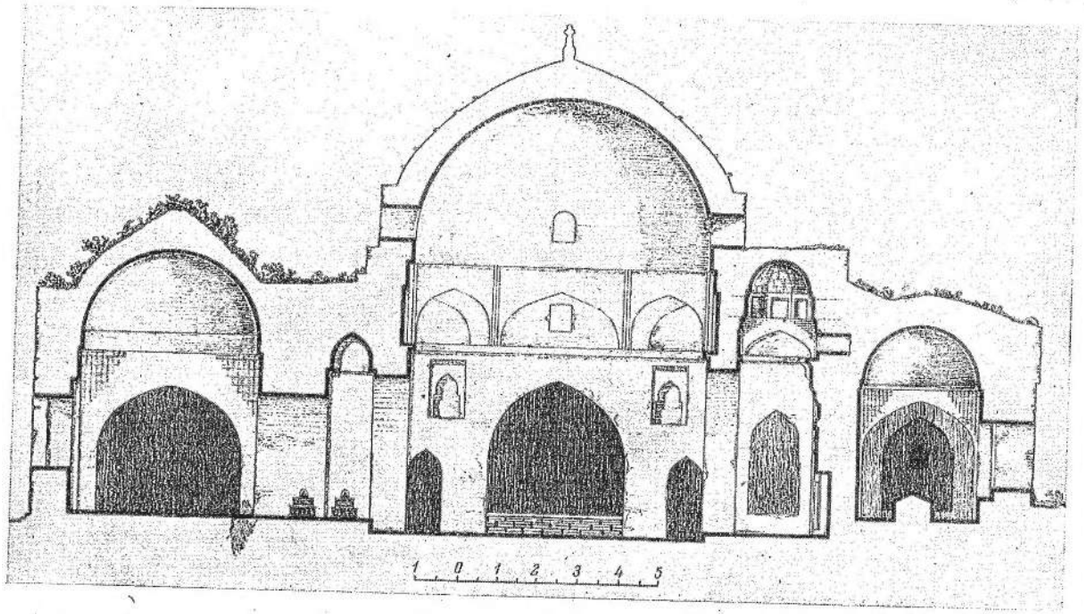


Рис. 6. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Продольный разрез.

О разновременности отдельных элементов сооружения свидетельствует также ряд других его особенностей. В первую очередь нужно остановиться на разнообразии архитектурных конструкций, использованных при перекрытии различных помещений. В этом отношении наиболее показательны конструктивные приемы, посредством которых образован переход от квадратных в плане помещений к опорному кольцу перекрывающих их куполов.

В центральном зале переход к основанию большого сферического купола осуществлен посредством тромпов, образованных перекинутыми в углах зала диагональными арками (рис. 6). Таким образом, создан восьмигранник, служащий основанием для подкупольного кольца. Конховые заполнения образовавшихся угловых ниш остались при этом ничем не декорированными. В качестве весьма близкой аналогии перекрытию этого зала как в конструктивном, так и в архитектурном отношении следует отметить центральный зал мавзолея-мечети Талхатан-Баба в районе современного Мерва.[1]

В трех боковых комнатах, также квадратных в плане, переход к куполу образован иначе — при помощи конструктивной системы сталактитов (рис. 7). Нависающие один над другим ряды кирпичной кладки, последовательно выпущенной в углах этих

[1] Л. Н. Воронин отмечает, что подобного рода конструкция получила распространение в архитектурных памятниках Бухары, примерно, только с XVI столетия (мечети Балянд, Халифа Худойдод, медресе Диван-Беги) и не встречается в памятниках XIII—XIV вв. (мавзолеи Буян-Кули-Хана, Сайфиддина Бохарзи), не говоря уже о более ранних сооружениях (Л. Н. Воронин. Устройство оснований в памятниках архитектуры Средней Азии. Сб. «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. I, М., 1950, стр. 20).

[1] А. М. Прибыткова. Мавзолей Талхатан-Баба. Сб. «Новые исследования по истории архитектуры народов СССР», М., 1947.

помещений, образуют переход от квадратного плана к перекрывающим их сферическим куполам. Подобного рода переход также имеется в небольшом помещении, перекрытом куполом, напоминающим сомкнутый свод; в этом помещении находится выполненный из глины-сырца михраб.

Остальные помещения мазара перекрыты либо обычными стрельчатого очертания сводами, либо сводами «балхи».

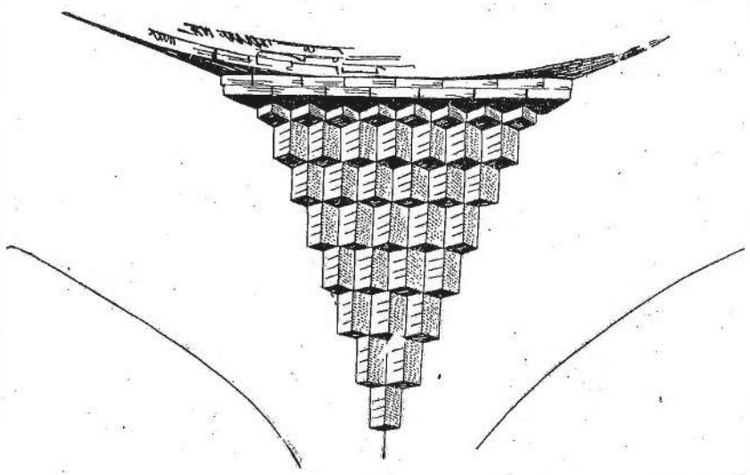


Рис. 7. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Сталактитовый парус.

Среди отмеченных конструктивных решений наибольший интерес представляет своеобразная система конструктивных сталактитов — сталактитовый парус.

Представляется, что эта весьма тектоничная по замыслу и исполнению, но выразительная в своем незатейливом убранстве система сталактитов является ранним прообразом многообразных и совершенных по своему художественному облику сталактитовых композиций, которые получили повсеместное распространение в зодчестве Средней Азии. Вполне тектоничные в своем раннем прототипе сталактитовые композиции постепенно теряют первоначальное конструктивное значение, превращаясь в многочисленных памятниках XVII—XVIII столетий в чистую декорацию, к тому же подчас плохо связанную с конструктивной основой сооружений.

Характеризуя среднеазиатскую архитектуру позднего периода ее развития, Б. Н. Засыпкин справедливо отмечал, что она «. . . с XVII века уже теряет тонкость связи чисто декоративных элементов с подлинно-конструктивными и декорация начинает занимать превалирующее положение; начинается упадок зодчества, который мы наблюдаем в Средней Азии в XVIII—XIX вв.».[1]

Сравнительно редко встречающаяся в памятниках среднеазиатского средневекового зодчества (при этом в пределах хронологически довольно четко локализующего периода), эта архитектурная конструкция может быть рассмотрена в качестве элемента, достаточно убедительно датирующего те компартименты сооружения, в которых она имеет место.

Почти совершенно аналогичные конструктивные системы сталактитов известны нам по весьма немногочисленным архитектурным памятникам Средней Азии, среди которых наиболее изучены мечеть Деггарон в селении Хазара[2] и караван-сарай Дая-Хатын.[3]

---

[1] Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. Сб. «Памятники реставрации», т. I, М., 1926, стр. 144.

[2] В. Воронина. Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана. Архитектурное наследство, вып. 3, М., 1953; В. А. Нильсен. Мечеть Диггарон в сел. Хазара. Труды Института истории и археологии Узбекистана, Ташкент, 1955.

[3] А. Прибыткова. Караван-сарай Дая-Хатын. Архитектурное наследство, вып. 3.

Одну из наиболее близких аналогий рассматриваемой архитектурной конструкции мавзолея Мухаммада Бошшаро представляет сталактитовый парус помещения 4 караван-сарая Дая-Хатын, возведение которого датируется А. Прибытковой не позднее первой половины XI в.[1] (рис. 8). Мечеть Деггарон, совершенно тождественная по своему функциональному назначению и аналогичная по архитектурному облику конструкция, датируется А. Ю. Якубовским первой половиной IX в.[2] (рис. 9). Предложенная А. Ю. Якубовским датировка разделяется и Б. Н. Засыпкиным.[3] В. Л. Воронина предлагает несколько более позднюю датировку памятника, относя возведение мечети к первой половине XI в.[4] Началом XI в. датирует памятник и В. А. Нильсен.[5]

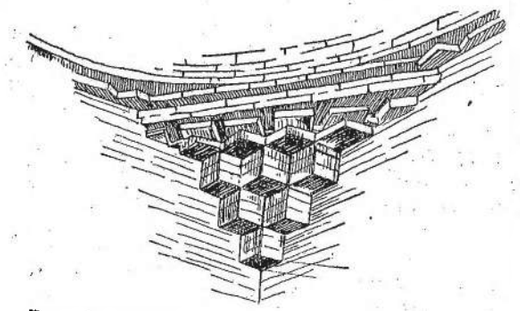


Рис. 8. Караван-сарай Дая-Хатын. Переход к куполу.

Следует, однако, остановиться еще на двух сооружениях Средней Азии, архитектурные конструкции которых представляют не менее, если не более близкие аналогии рассматриваемой. Одно из них принадлежит к группе сырцовых зданий древнего Термеза. На парусе здания № 4 сохранились «примитивные сталактиты» — ячейки, выполненные консольной кладкой[6] (рис. 10).

---

[1] Там же, рис. 13, стр. 101.

[2] А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину в 1934. Труды Отдела Востока Эрмитажа, т. II, Л., 1939, стр. 137.

[3] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, рис. 10, стр. 34.

[4] В. Воронина, ук. соч., рис. 12, стр. 119.

[5] В. А. Нильсен. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. Ташкент, 1956, стр. 37.

[6] Н. М. Бачинский. Сырцовые здания древнего Термеза. Труды АН Узб. ССР, Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 215, рис. 5.

Почти совершенно тождественная архитектурная конструкция сохранилась и в среднем из трех мавзолеев Касана. Конструкция эта, несколько небрежно выполненная из обожженного кирпича, обратила на себя внимание зарисовавшего ее Н. Крамаренко-Щербины, отметившего «прямоугольные сталактиты», имеющие вид медового сота в несколько ярусов».[1] По преданию, возведение этой группы приписывается Султану Сейиду Джелал-ад-дину и датируется, таким образом, началом XIII в.[2] (рис. 11). Справедливо отмечая разновременность строительства мавзолеев этой группы, Б. Н. Засыпкин относит их все же к общему, но значительно более

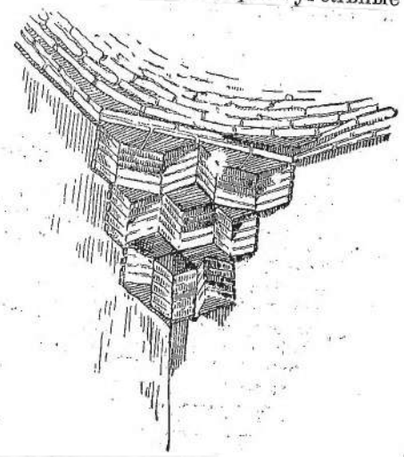


Рис. 9. Кишлак Хазара. Мечеть Деггарон. Сталактитовый парус.

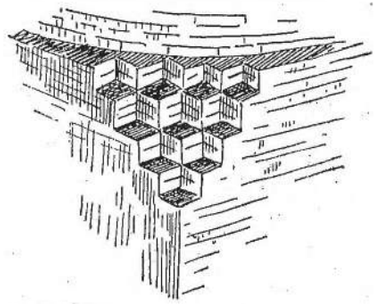


Рис. 10. Мавзолей Аламбердара XI в. Сталактитовый парус.

---

[1] Н. Крамаренко-Щербина. По развалинам Средней Азии. «Зодчий» вып. 5, СПб., 1896, стр. 36.

[2] Там же.

позднему строительному периоду XIV в., как нам представляется, без достаточных к тому оснований.[1]

Отметим также находящийся в 15 км севернее города Керки Чарджоуской области мавзолей Аламбердара (XI в.), недавно опубликованный А. М. Прибытковой. Переход к опорному кольцу купола мавзолея

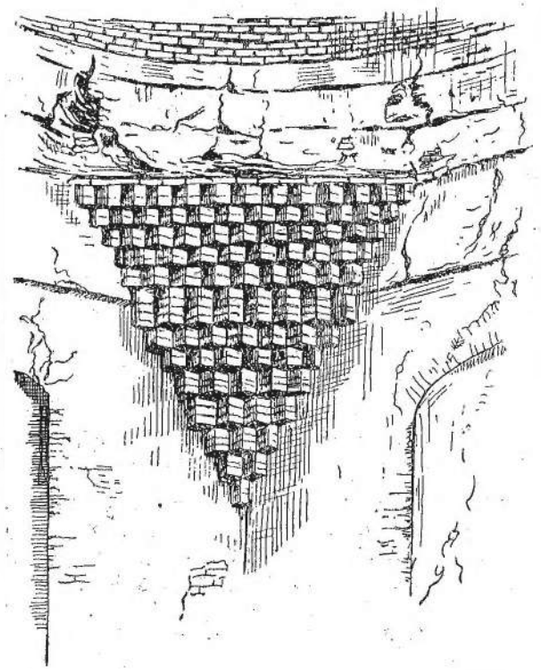


Рис. 11. Касан. Мавзолей. Сталактитовый парус.

также образован парусами упоминавшейся консольной системы[2] (рис. 11).

В архитектуре фасадов среднеазиатских средневековых сооружений принципиально весьма сходная архитектурная конструкция имеет место в наиболее древней, датируемой XII в., части мавзолея Чашма-Аюб в Бухаре.[3] Нависающий над барабаном свес наружного перекрытия конического очертания поддерживается несложным карнизом, выполненным из обычного строительного кирпича.[1]

Таким образом, рассматриваемую архитектурную конструкцию — консольный или ячеистый парус (А. М. Прибыткова), консольный ячеистый парус (Б. Н. Засыпкин),[2] сталактитовый парус (В. Л. Воронина) — известные по специальной литературе весьма близкие аналогии позволяют, по нашему мнению, с необходимой достоверностью датировать никак не позднее концом XI—началом XII в.,[3] т. е. значительно более ранним периодом, нежели пристроенный впоследствии к зданию эффектный портал. Как уже отмечалось, сооружение портала точно датируется надписью, хорошо сохранившейся в нижней левой части, обрамляющей портальную арку основной орнаментальной полосы.

В сравнительно хорошей сохранности дошла до наших дней еще одна архитектурная деталь, которая по технике своего исполнения и стилистическим особенностям декоративного убранства также может быть с достаточной уверенностью отнесена к значительно более раннему периоду, нежели XIV век, когда к зданию был пристроен портал.

Среди различных приемов и средств архитектурного декора мазара наиболее древним бесспорно является художественная резьба по глине-сырцу, украшающая михраб, находящийся в упоминавшемся небольшом купольном помещении, расположенном с правой стороны центрального зала. Помещение, где расположен михраб, интересно, кроме того, уже отмечавшимся своеобразием купольного покрытия. Переход к последнему

[1] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Ферганы. Искусство Средней Азии. РАНИОН, М., 1930, стр. 66, табл. XI, рис. 6.

[2] А. М. Прибыткова. Памятники архитектуры XI в. в Туркмении. М., 1955, стр. 69, рис. 77.

[3] В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, стр. 48; Г. Пугаченкова, Л. Ремпель. Бухара. М., 1949, стр. 24.

[1] Т. С. Страмцова. Формы и детали феодальной архитектуры Узбекистана. Сб. «Элементы архитектуры Узбекистана», Труды Среднеазиатского индустриального института, Строительный факультет, вып. IV, Ташкент, 1939, стр. 15, фиг. 8 и 9.

[2] Отметим, что в своей ранней работе Б. Н. Засыпкин именует эту конструкцию «ячеечно-сталактитовый тромп» («Архитектурные памятники Ферганы», стр. 66), а в более поздней — «консольный ячеистый парус» (Б. Н. Засыпкин, Архитектура Средней Азии, стр. 36).

[3] Г. А. Пугаченкова считает, что о применении ячеистых парусов пока можно говорить начиная лишь с XI—XII вв. См.: Г. А. Пугаченкова. Некоторые архитектурные памятники левобережья Аму-Дарьи. Известия АН Туркм. ССР, Ашхабад, 1955, № 4, стр. 11.

образован системой выпущенных в углах рядов кирпичной кладки, нависающих один над другим (рис. 12).

В общей композиции михраба обращают на себя внимание две детали, несколько выпадающие по своему масштабу и характеру выполнения из его целостного художественного облика: не масштабны крупные элементы завершающего композицию развитого сталактитового карниза, также выполненного из необожженной глины, неожиданно груб и примитивен рисунок граненых полуколонок, поддерживающих пяты небольшой стрельчатой арки, расположенной в композиционном центре.

Не останавливаясь на характеристике деталей орнаментации михраба, следует все же отметить несомненную стилистическую ее близость к выполненному в терракоте орнаментальному декору портала. Сходные черты в трактовке узоров, да и сама манера исполнения убедительно свидетельствуют об устойчивости, по-видимому издревле слагавшихся художественных традиций, оставшихся реально ощутимыми, несмотря на изменение материала. В этом отношении особо обращает на себя внимание довольно узкая верхняя полоса, напоминающая декор отдельных блоков колонок портала. Не менее характерна и расположенная под ней значительно более широкая полоса, поле которой покрыто превосходно прорисованной куфической надписью и живописно скомпанованными растительными плетениями.

По схеме общего построения в качестве одной из довольно сходных, в своих общих чертах, параллелей михрабу мазара можно отметить широко известный деревянный михраб из Искодара.[1] Следует при этом сказать, что разница в материале, из которого исполнены эти михрабы, — дерево и необожженная глина — отразилась на их трактовке и на отдельных деталях так же, впрочем, как и на некоторых других архитектурных деталях мазара, выполненных, однако, уже из обожженной глины. В деталях декоративного убранства портала также ощутимы черты, роднящие их с формами, присущими среднеазиатскому деревянному зодчеству. Материал, из которого исполнен михраб, позволяет ориентировочно датировать его сооружение не позднее XI столетия. В качестве подтверждающих эту датировку моментов следует отметить черты своеобразия плоскостной резьбы геометризованного орнамента и палеографические особенности вплетенной в композицию узоров куфической надписи.

Известную аналогию по примененному материалу — необожженной глине — представляет весьма интересный памятник Ферганы, датируемый XI—XII вв., — михраб из Ашта.[1]

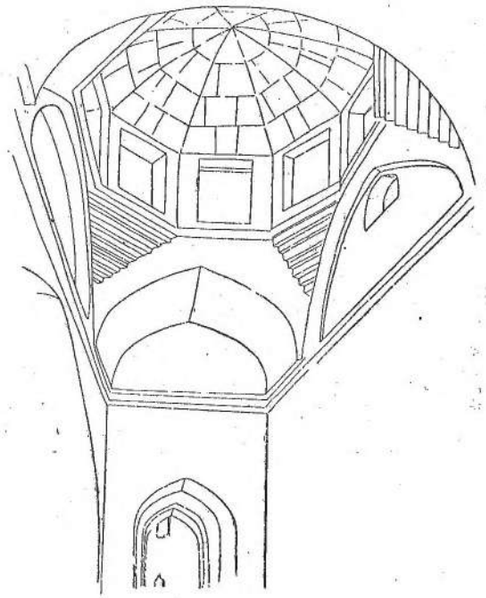


Рис. 12. Мавзолей Мухаммеда Бошшаро. Помещение с михрабом. Переход к куполу.

Прежде чем перейти к рассмотрению портала, относящегося к значительно более позднему периоду, следует хотя бы кратко остановиться на некоторых особенностях планового решения мавзолея. Внутреннее пространство этого довольно крупного сооружения превосходно организовано, и, несмотря на значительное количество помещений различного размера, рисунок плана привлекает внимание ясностью и четкостью хорошо продуманной общей схемы. Как уже отмечалось, организующим центром

[1] В. Л. Воронина. Резное дерево Зеравшанской долины. МИА, № 15, табл. 18 и 19.

[1] Г. А. Пугаченкова. Резной михраб из Ашта. Сообщения Таджикского филиала АН СССР, вып. XXV, Сталинабад, 1950.

плана является главный зал, связанный с довольно многочисленными помещениями. Внутренние объемы сооружения определили характер композиции архитектурных масс, и следует сразу же отметить то незаурядное мастерство, с которым в нее впоследствии был включен объем пристроенного в XIV в. портала.

При рассмотрении композиции планового решения следует особо остановиться на двух вопросах: во-первых, соответствует ли первоначальному назначению памятника укрепившееся за ним в специальной литературе наименование мавзолея? Во-вторых, встречаются ли в среднеазиатском зодчестве произведения, которые по характеру планового решения могли бы быть отмечены как принадлежащие к типологически общей группе архитектурных сооружений? Вопросы эти тесно между собой связаны.

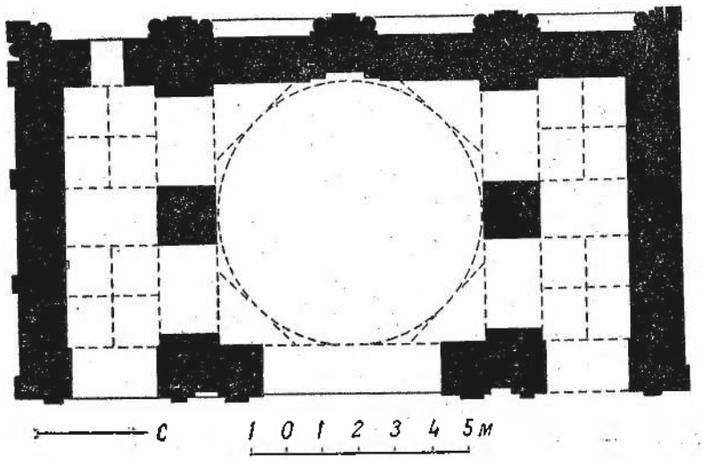


Рис. 13. Мавзолей Талхатан-Баба. План.

До очистки главного фасада здания от позднейших слоев штукатурки трудно представить и восстановить его первоначальный архитектурный облик. Однако совершенно очевидно, что портал, включенный в XIV в. в организм сооружения, отразил все особенности, присущие архитектурным композициям XIV в., т. е. периода значительно более позднего, нежели время возведения основного массива сооружения, которое, по нашему мнению, следует отнести к XI столетию.

Припоминая характерную плоскостность сравнительно немногочисленных архитектурных фасадов сооружений караханидского времени, сохранившихся до наших дней, можно предположить, однако, что массив пристроенного в XIV в. портала появился на месте другого, более раннего, который также выделялся бы своим объемом из общей пространственной композиции.

Наиболее близкой аналогией для рассматриваемого планового решения представляется уже упоминавшийся памятник, находящийся южнее современного Мерва мавзолей, известный под названием Талхатан-Баба[1] (рис. 13).

При сопоставлении планов этих двух сооружений невольно обращает на себя внимание сходство в методах организации внутреннего пространства — та же четкость трехосевой системы распределения помещений, хорошо связанных с композиционно подчеркнутым и объемно выделенным главным купольным залом, являющимся своего рода общим, организующим центром. План мазара Мухаммада Бошшаро отличается от плана мавзолея Талхатан-Баба, в сущности, лишь тем, что он несколько более развит и усложнен, однако на принципиально общей для обоих сооружений основе.

Черты стилистической общности не менее отчетливо прослеживаются при сопоставлении продольных разрезов сооружений, отчетливо выявляющих место и значимость купола в архитектурном организме зданий. При этом следует подчеркнуть тождество системы тромпов, посредством которых образован переход от подкупольного квадрата к опорному кольцу купола (рис. 14).

В своем исследовании Талхатан-Баба

[1] В. А. Жуковский. Развалины Древнего Мерва. МАР, № 16, СПб., 1894; С. А. Судаков. Архитектура Сельджуков в Средней Азии. Социалистическая наука и техника, № 10, Ташкент, 1935; А. М. Прибыткова. Мавзолей Талхатан-Баба. Сб. «Новые исследования по истории архитектуры народов СССР», М., 1947.

А. М. Прибыткова[1] справедливо связывает его по особенностям архитектуры с так называемыми караханидскими памятниками, датируемой XII в. мечетью Мухаммада Ханапья в Древнем Мерве[2] и мавзолеем в ансамбле Султан-Саадат в Древнем Термезе,[3] время сооружения которого она относит также к XII столетию.

Некоторыми чертами стилистической общности с упомянутыми памятниками среднеазиатского зодчества обладает архитектура и мавзолея-мечети Ходжа-Иса, находящегося неподалеку от Ширабада Сурхан-дарьинской области Узбекской ССР; этот мавзолей исследован и опубликован В. Л. Ворониной.[4]

Подчеркивая черты общности, несомненно роднящие упомянутые сооружения, следует все же отметить, что характер разработанности наиболее богатого из них архитектурного декора мавзолея Талхатан-Баба позволяет отнести возведение основной части мавзолея Мухаммада Бошшаро к несколько более раннему периоду.

Известную аналогию рассмотренным сооружениям, по нашему мнению, представляет и обследованный Г. А. Пугаченковой мавзолей-мечеть Шир-Кабир, находящийся неподалеку от крепостных стен городища Месториан.[1] Реконструкция плана этого интересного и мало известного памятника позволяет отметить уже указывавшиеся характерные особенности: четкость трехчастного членения и наряду с этим композиционно главенствующий, квадратный в плане, боль-

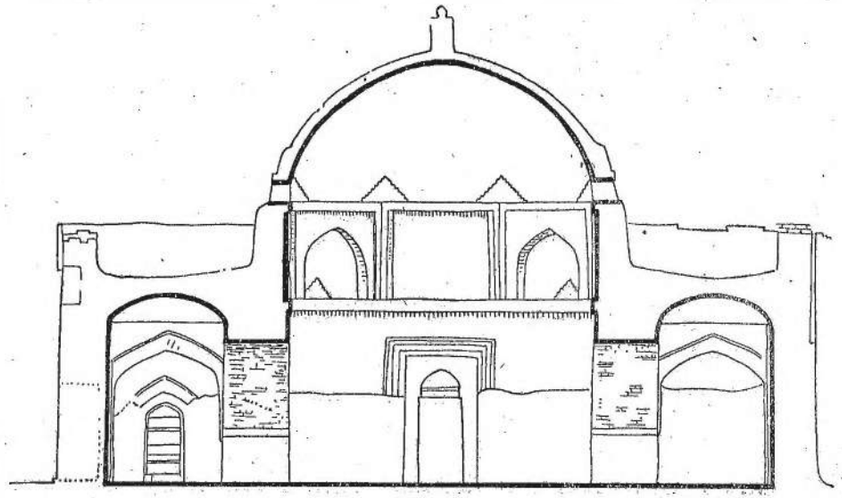


Рис. 14. Мавзолей Талхатан-Баба. Продольный разрез.

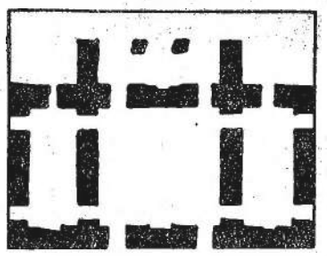


Рис. 15. Месториан. Мавзолей-мечеть Шир-Кабир. Реконструированный план.

[1] Пользуемся возможностью выразить благодарность А. М. Прибытковой за любезно предоставленный материал по памятнику.

[2] Н. М. Бачинский. Архитектурные памятники Туркмении. Ашхабад, 1939, стр. 33.

[3] З. Б. Засыпкин. Памятники архитектуры Термезского района. Сб. «Культура Востока», вып. II, М., 1928, стр. 33.

[4] В. Л. Воронина. Неизвестные памятники Средней Азии. Сб. «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. I. М., 1950.

[1] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 221, рис. 20—23.

шой зал, хорошо связанный арочными проходами с остальными помещениями (рис. 15). Центральный зал также перекрыт одинарным, почти полусферическим куполом, слегка заостряющимся к макушке. Следует упомянуть, что «переход от восьмигранника к круглому основанию купола сглажен системой „сотовых" сталактитов, образованных напуском выступающих кирпичей».[1]

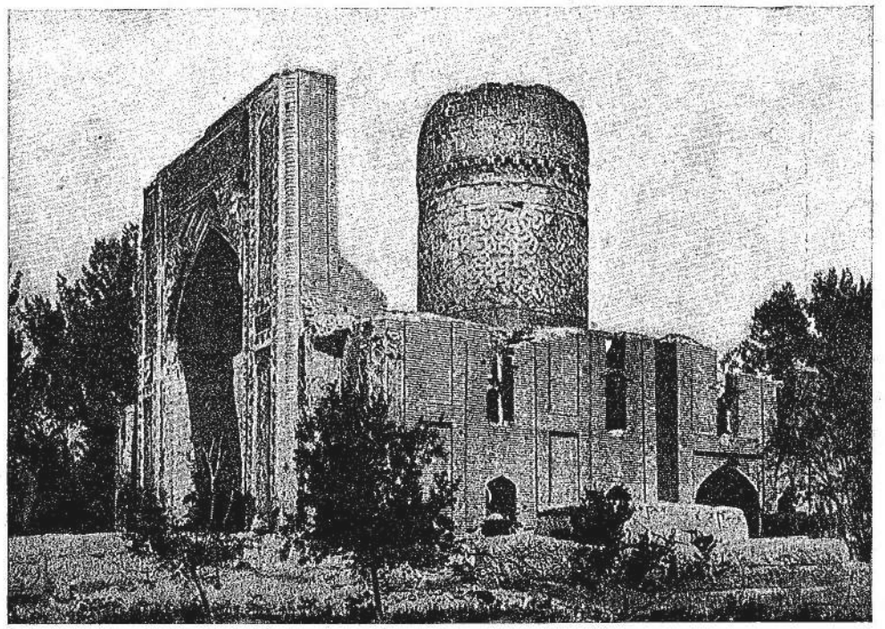


Рис. 16. Самарканд. Ишрат-Хона. Общий вид.

Не вызывает сомнений предложенная датировка здания — XI—XII вв.

К известным, сравнительно еще немногочисленным, памятникам среднеазиатского зодчества, которые благодаря своеобразию планового решения в большей или меньшей степени типологически родственны плану мавзолея Мухаммада Бошшаро, принадлежит также и мавзолей Ишрат-Хона в Самарканде, относящийся, правда, к значительно более позднему периоду[2] (рис. 16).

Ишрат-Хона был сооружен в 1464 г. для захоронения дочери Тимурида Абу-Саида, сначала являвшегося правителем Самарканда, а впоследствии ставшего главой всего тимуридского государства и перенесшего свою резиденцию в Герат.

Несмотря на то, что общая конфигурация плана Ишрат-Хона несколько изменилась (его очертания вместо вытянутого по продольной оси прямоугольника приблизились к квадрату), он все же обладает уже отмечавшимися особенностями (рис. 17). Внутреннее пространство сооружения четко организовано анфиладами помещений, группирующихся по трем взаимноперпендикулярным осям. При этом по-прежнему сохранено композиционно главенствующее значение купольного зала, опять-таки хорошо связанного со всем комплексом остальных помещений. Следует особо выделить то обстоятельство, что эти особенности планового решения сохранены в Ишрат-Хона, несмотря на то, что разрыв во времени возведения этого памятника и ранее рассмотренных сооружений превышает два с лишним столетия. Кроме того, запоминающийся архитектурный образ Ишрат-Хона весьма ярко отразил художественные и технические особенности нового этапа развития среднеазиатского зодчества.[1] В Ишрат-Хона существенным образом изменен характер архитектурной композиции. На главном фасаде появился господствующий в его композиции торжественный пештак-портал, обычный для среднеазиатского зодчества тимуридовского периода. Композиционное «ядро» сооружения — главный купольный зал — отмечен подчеркнуто богато декорированным барабаном вытянутых пропорций. Завершенный стрельчатым куполом, стройный силуэт барабана превосходно воспринимается издалека. Субструкцией барабана служит система перекрещивающихся стрельчатых арок, вытесняющая в XV в. систему парусов.

[1] Г. А. Пугаченкова, ук. соч., стр. 22.
[2] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, стр. 105.

Характерна двойная оболочка перекрытия центральной части купольного зала, появление которой вызвано не столько задачами повышения прочности сооружения, сколько эстетическими соображениями. Богато декорированная внутренняя оболочка в данном случае способствует лучшей организации внутреннего пространства зала, закрывая собой полый, узкий, внутренний объем барабана (рис. 18).

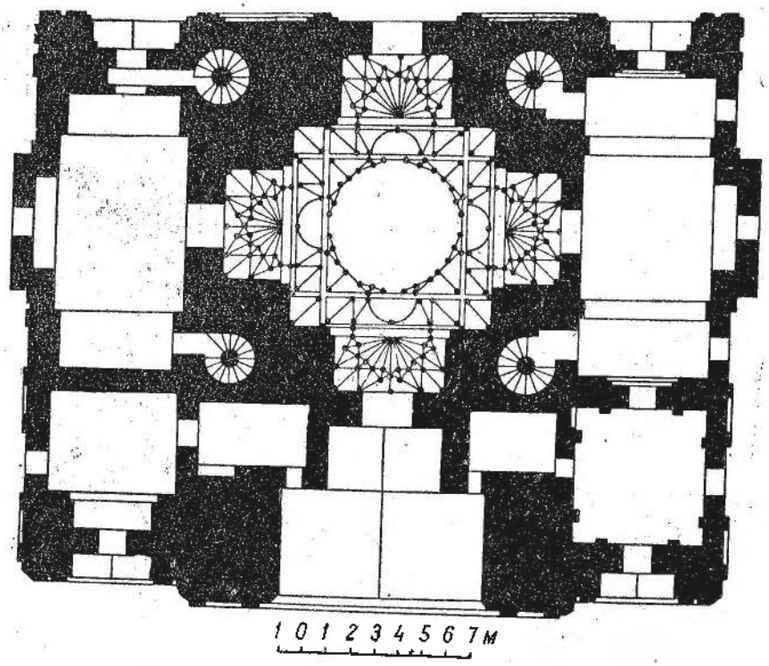


Рис. 17. Самарканд. Ишрат-Хона. План.

Неизмеримо расширен здесь и арсенал средств художественной выразительности, обогатившийся за счет ряда новых видов архитектурной декорации, и т. д. В связи с этим существенно обогащается художественный облик возводимых монументальных сооружений — их фасадов, в особенности главных, а также интерьеров. Выполненные в кладке из обычного или в лучшем случае фасонного кирпича относительно скромные монохромные орнаментальные узоры вытесняются великолепными многоцветными керамическими облицовками. Неприхотливые геометрического характера мотивы орнамента постепенно уступают место сложным

[1] Составленный Г. А. Пугаченковой убедительный проект реконструкции мавзолея Ишрат-Хона опубликован в книге С. Н. Полупанова «Архитектурные памятники Самарканда» (М., 1948, рис. 102—107). Текст книги, сопровождающий превосходно исполненные репродукции, подвергся заслуженно резкой критике в рецензии З. Х. Алпысбаева в «Трудах Среднеазиатского государственного университета» (Археология Средней Азии, Ташкент, 1953).

орнаментальным композициям, основой которых служат стилизованные растительные плетения. Усложняется рисунок надписей, продолжающих играть важную роль в декоративном убранстве сооружений: различ-

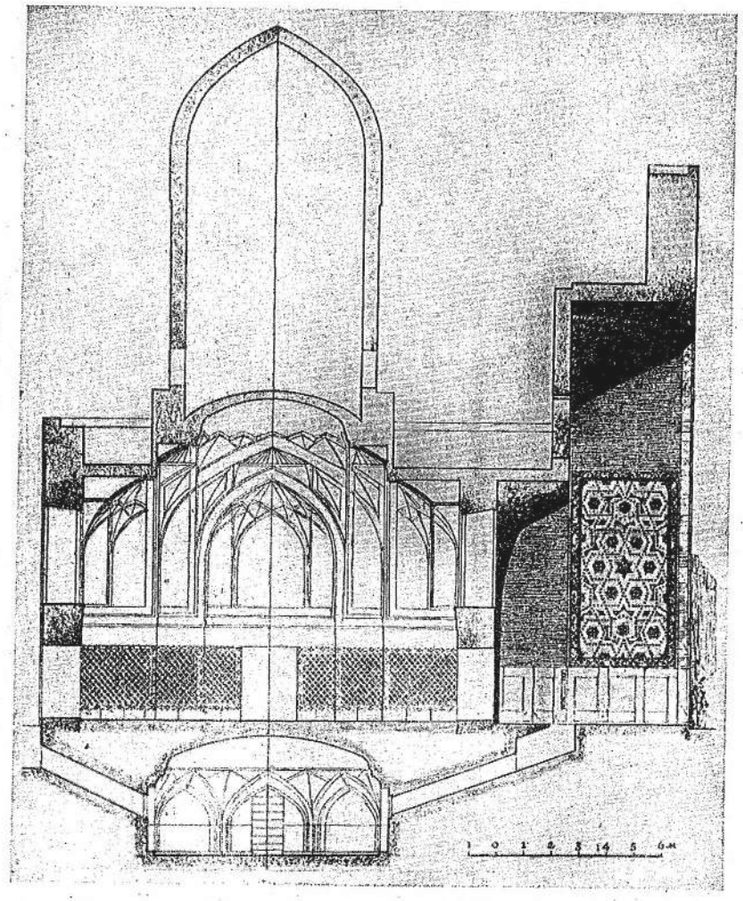


Рис. 18. Самарканд. Ишрат-Хона. Продольный разрез.

ные вариации характерного угловатостью своих очертаний куфического почерка вытесняются прихотливыми плетениями несха. Характерно появление и распространение новой декоративной техники монументально-декоративной живописи «кундаля» [1] и т. п. Важно отметить, что все эти явления существенным образом отразились на художественном облике Ишрат-Хона, знаменуя собой принадлежность памятника к новому этапу развития среднеазиатского зодчества. Однако отмеченные новшества лишь дополнительно оттеняют устойчивость ранее выкристаллизовавшихся приемов организации внутреннего пространства и общей схемы планового решения.

К рассматриваемой группе архитектурных памятников, объединяемых отмеченными чертами типологической общности своих плановых решений, принадлежит и составленный неизвестным узбекским мастером XVI в. план сооружения, который

[1] А. В. Виннер. Материалы и техника монументально-декоративной живописи. М., 1953, стр. 515.

был обнаружен в свертке архитектурных чертежей и рисунков Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки Узбекской ССР (№№ 16—23) и издан Н. Б. Баклановым [1], (рис. 19).

Кроме этого плана, чертежи отмеченного свертка содержат своего рода «типовые» образцы планов культовых и общественных сооружений, которые получили наиболее широкое распространение в средневековом зодчестве Средней Азии, — мечети, мазары и сардобы.

План этого сооружения, справедливо определяемого Н. Б. Баклановым как мавзолей, представляет, по его мнению, дальнейшее развитие и некоторое усложнение выше отмечавшегося плана Ишрат-Хона в Самарканде и некоторых других центрических сооружений мемориального характера — мавзолея Ак-Сарай в Самарканде и мавзолея Абдул-Азиза в Богауддине близ Бухары.[2]

Примечательно, что и здесь особенностью плана является центрально-купольный зал, хорошо связанный с окружающими его многочисленными, хотя и значительно более мелкими, помещениями. По сравнению с ранее рассмотренными планами несколько менее четко выражена организация всего внутреннего пространства посредством трех взаимноперпендикулярных осей, группирующих все помещения.

Представляется, что изображенный на чертеже план является своего рода вариантом, который вобрал в себя особенности, присущие плановым решениям двух функционально близких групп мемориальных сооружений, но типологически разнящихся между собой и ни в коем случае не тождественных. В одну группу входят центрально-купольные гробницы типа мавзолеев Ак-Сарай в Самарканде и Абдул-Азиза в Богаудлине, в другой группе объединяются сооружения типа мавзолея Талхатан-Баба, мазара Мухаммада Бошшаро, мечети Шир-Кабир и Ишрат-Хона.

Каково же было назначение сооружений последней группы? Нам кажется не случайным то обстоятельство, что некоторые исследователи именуют их мавзолеями, а некоторые мечетями. Останавливалась вскользь на этом вопросе и А. М. Прибыткова, отмечая, например, в одной из своих характеристик Талхатан-Баба, что «по легендам, здание является мавзолеем, но наличие михраба заставляет отнести его к типу мавзолея-мечети».[1] В последующей своей работе А. М. Прибыткова приходит к выводу, «что данное здание является мечетью, это подтверждается также наличием михраба».[2] К сожалению, другие основания А. М. Прибытковой не приведены.

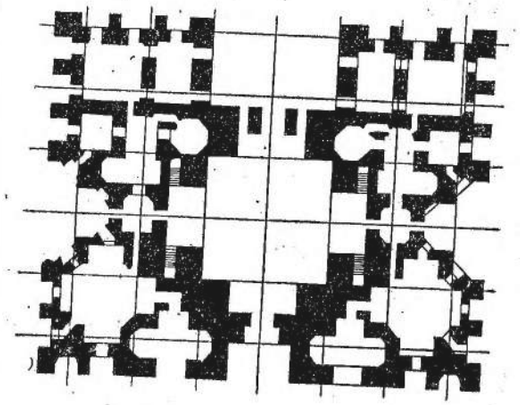


Рис. 19. Мавзолей. План. Чертеж узбекского зодчего XVI в.

С. А. Судаковым высказывалось предположение о том, что тот же Талхатан-Баба являлся мечетью намазго,[3] т. е. принадлежал к своеобразному типу открытых мечетей, предназначавшихся для проведения молений в два больших годовых праздника — фитр и курбан, собиравших большое количество народа, стекавшегося со всего города и тяготевших к нему отдаленных местностей.[4]

[1] Н. Б. Бакланов. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI века. Материалы по истории архитектуры народов СССР; Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 4, М., 1944, стр. 5, рис. 1 и 5.

[2] Там же, стр. 6.

[1] А. М. Прибыткова. Мавзолей Талхатан-Баба, стр. 29.

[2] А. М. Прибыткова. Памятники архитектуры XI века Туркмении, стр. 89. — Разрядка наша, — *Л. Б.*

[3] С. А. Судаков. Архитектура сельджуков в Средней Азии. Социалистическая наука и техника, Ташкент, № 10, 1935.

[4] В качестве своеобразной параллели, несколько сходной с мечетями типа намазго по непосредственному функциональному назначению, позволим себе отметить войсковую церковь в Алаязе (начало XIV в.). Стена с алтарем и двумя приделами пред-

Разновременно возведенные мечети этого типа сохранились в ряде среднеазиатских городов — Бухаре, Карши, Самарканде, Кермине.

Вопрос об отражении назначения мечети в архитектурно-пространственной композиции фасада рассматривался В. Л. Ворониной в ее характеристике мечети намазго в Карши.[1]

По нашему мнению, тип мечетей намазго[2] существенным образом отличается от совершенно иной группы сооружений, в основном погребального назначения, к которым

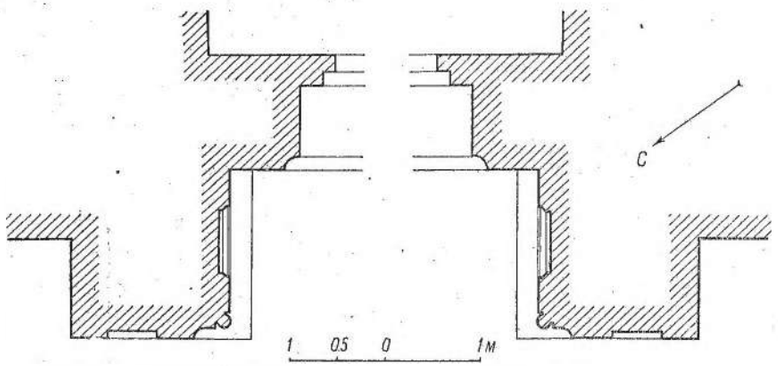


Рис. 21. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Деталь плана портала.

принадлежат мавзолеи Мухаммада Бошшаро и Талхатан-Баба.

В сооружениях типа мавзолея Мухаммада Бошшаро помещения, четко группирующиеся по самостоятельным боковым ветвям, обладают неизмеримо большей композиционной и функциональной значимостью в общей структуре плана. Представляется, что сооружения этой группы — в первую очередь мавзолеи Талхатан-Баба, Мухаммада Бошшаро, Ишрат-Хона — правильнее именовать мавзолеями-мечетями или же поминальными мечетями, т. е. сооружениями, сочетавшими в себе наряду с функциями надгробного мавзолея, возведенного в честь той или иной персоны, функции мечети поминального характера. Можно предположить также, что к подобной группе сооружений следует отнести и архитектурно единый комплекс Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане.[1]

Рассмотрев в общих чертах основную, наиболее древнюю часть мавзолея-мечети Мухаммада Бошшаро, возведенную, по нашему мнению, никак не позднее XI или же самого начала XII столетия, следует остановиться на пристроенном в 1332 г. портале сооружения. В настоящее время портал является наиболее ярким в архитектурно-художественном отношении и наиболее запечатлевающимся в памяти элементом общей композиции.

Портал мавзолея Мухаммада Бошшаро принадлежит к тому архитектурному типу порталов, который получил чрезвычайно широкое распространение в архитектуре среднеазиатских мавзолеев периода зрелого средневековья начиная примерно с XII в. (рис. 20). При параллельном его рассмотрении с порталами памятников Узгента, Самарканда и другими нетрудно отметить ряд сближающих их родственных черт. В этом отношении показательны характер пространственной композиции объемов, трак-

назначалась для произнесения проповеди перед большим открытым пространством, где собиралось большое по тому времени количество людей (см.: Материалы по археологии Кавказа, т. XIII, 1916, стр. 103—104 и табл. XXIV; Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, стр. 315).

[1] В. Л. Воронина. Неизвестные памятники Средней Азии, стр. 93.

[2] См. реконструкцию мечети намазго в Бухаре. В. А. Нильсен. Бухарский намазго. Труды Института истории и археологии АН Узб. ССР, т. II, Ташкент, 1950; см. также: Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 250.

[1] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии, стр. 89, рис. 61—64.

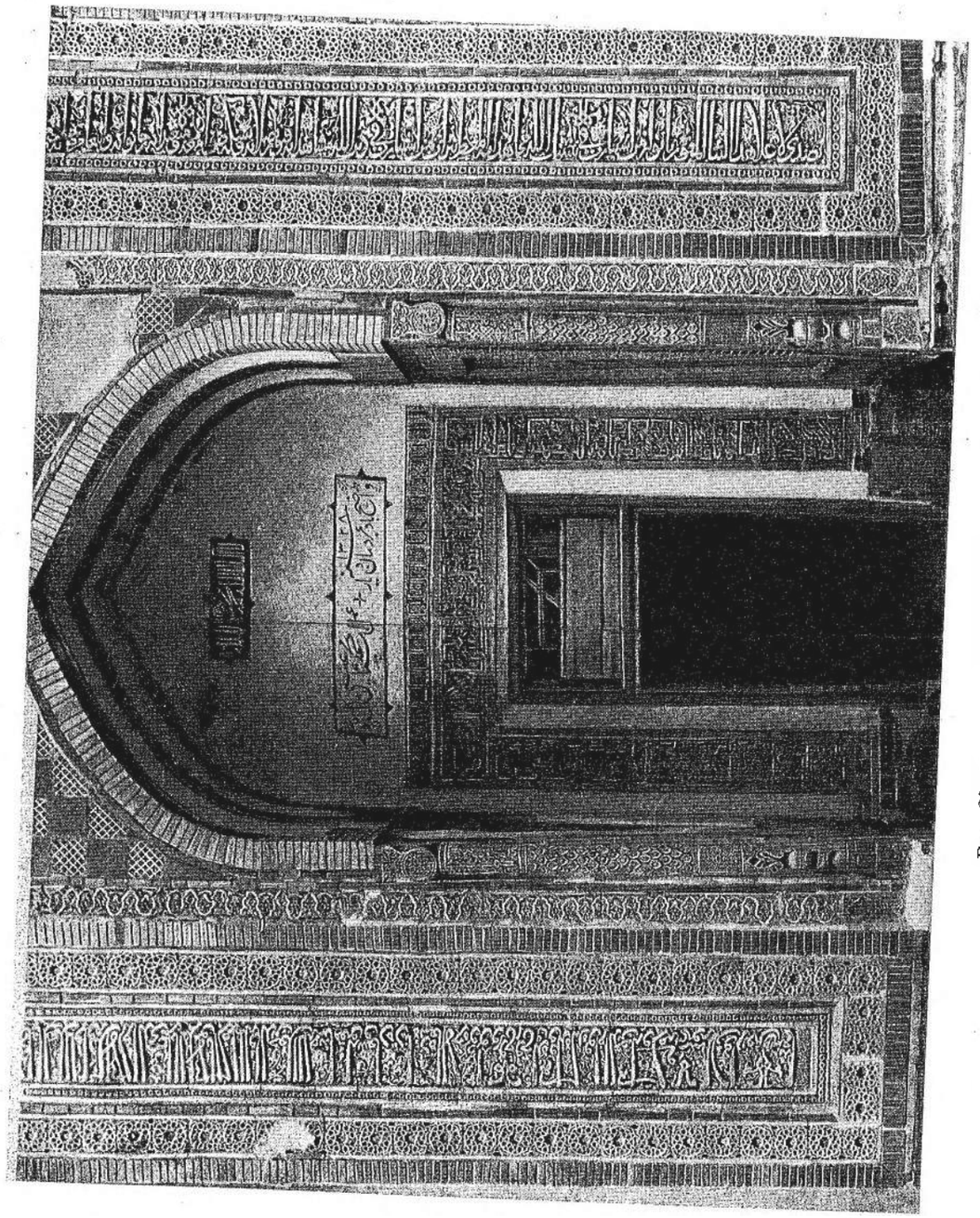


Рис. 20. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Портал.

товка архитектурных форм приемы декоративного убранства и т. д. Тем не менее каждый портал, как правило, обладает присущей ему индивидуальностью художественного облика, в которой нашли своеобразное преломление как самобытность местных архитектурно-строительных традиций, так и творческая индивидуальность зодчего. Особенностями, выделяющими его из стилистически общего круга памятников, обладает и портал мавзолея Мухаммада Бошшаро.

При рассмотрении портала в первую очередь необходимо отметить тот большой художественный вкус, который был проявлен его неизвестным строителем. Массивный объем портала органически вошел в уже сложившуюся пространственную композицию, существенно ее дополняя и обогащая (рис. 21).

Композиция мавзолея построена на контрастах (рис. 22). Глади стен и купола мавзолея, на фоне которых отчетливо вырисовывается портал, противостоит его богатое убранство. Плоскостность трактовки фасадов, в настоящее время гладко оштукатуренных, оттеняет глубоко затененную порт альную нишу. Стрельчатость прочного завершения и вертикальная направленность рисунка орнаментальных полос контрастирует с горизонтальными линиями боковых объемов. Строгость трактовки фасадов, подчеркиваемая небольшими оконными проемами, служит средством дополнительного раскрытия богатства многообразных орнаментальных композиций, играющих едва ли не первостепенную роль в создании художественного облика портала. Орнамент выявлен светотенью и искрящейся на солнце бирюзовой поливой.

Общая схема композиционного построения и характер орнаментального убранства портала соответствуют характеру почерка его надписи и стилистически роднят с рядом памятников среднеазиатской архитектуры примерно того же периода (рис. 23). В этом отношении одной

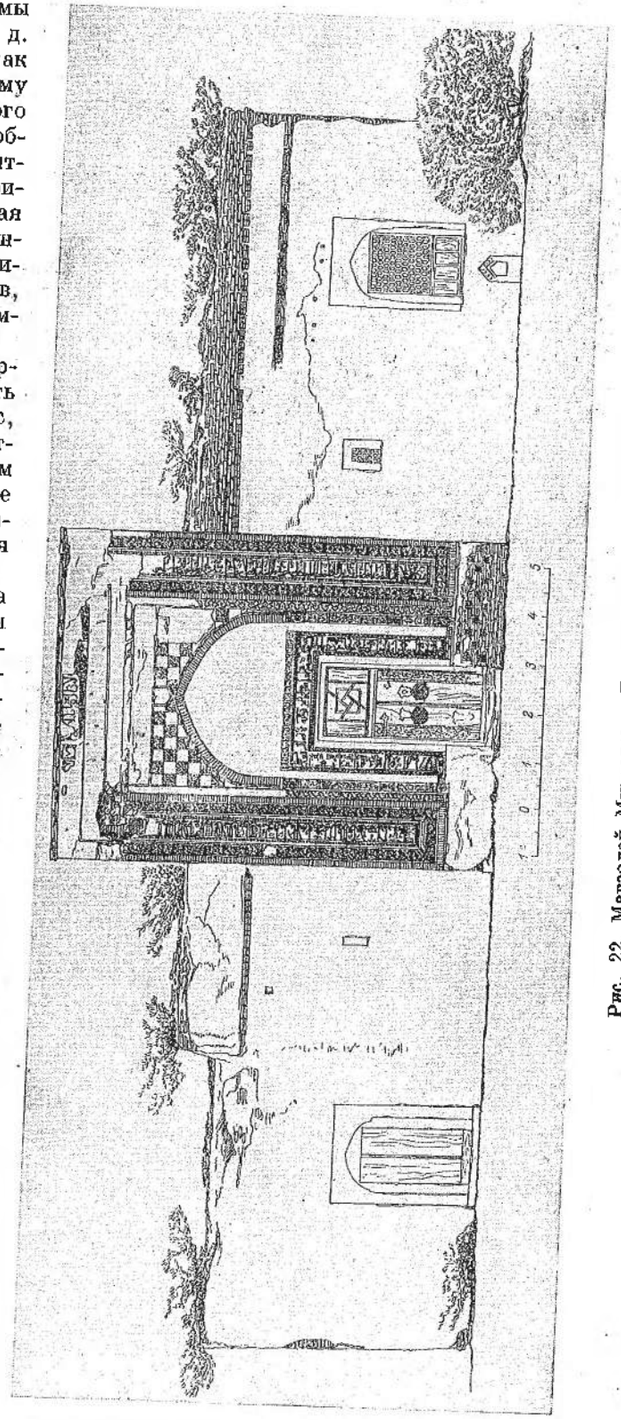


Рис. 22. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Главный фасад.

t.me/archeotajik

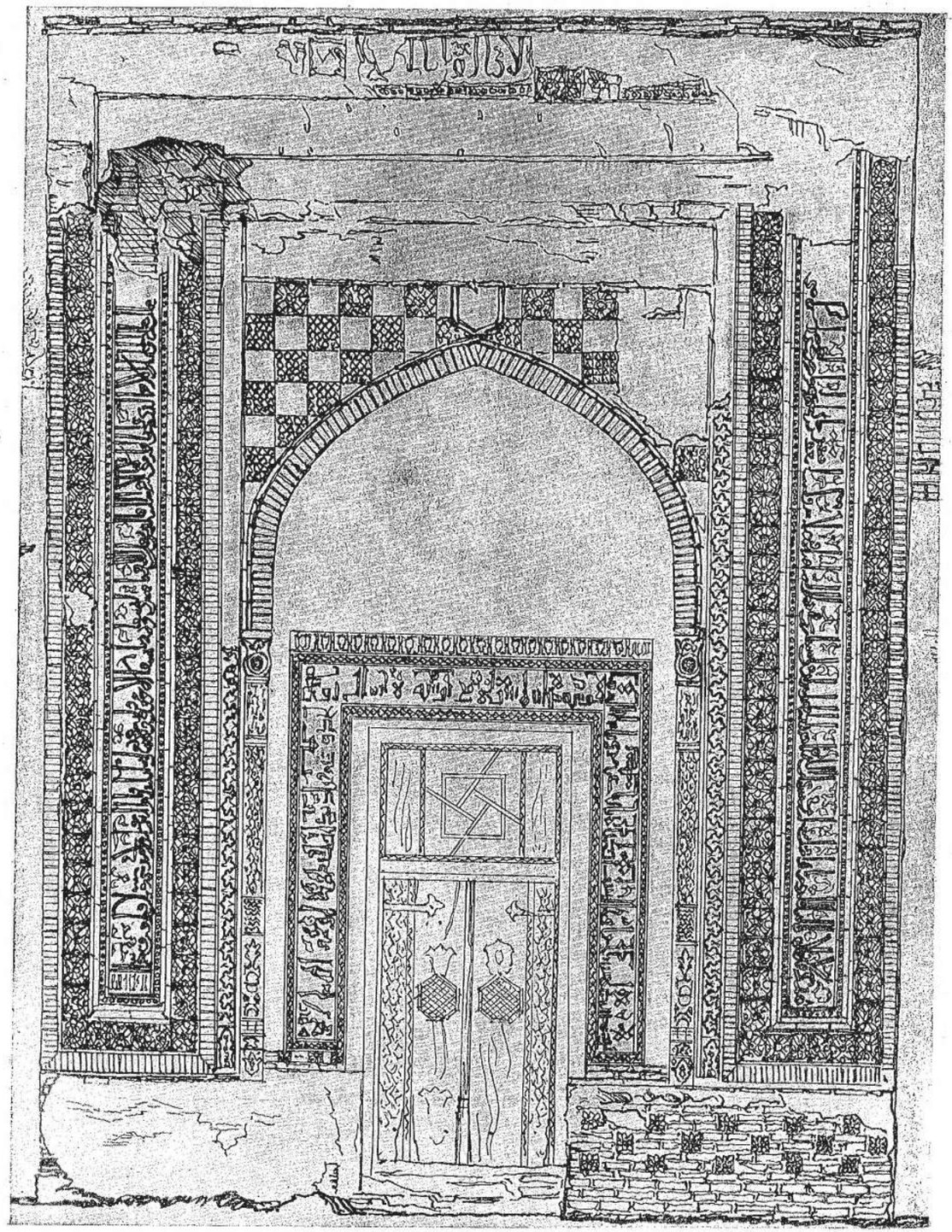


Рис. 23. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Портал. Схема

из наиболее близких аналогий представляется уже упоминавшийся мавзолей Ходжа-Ахмада в ансамбле Шахи Зинда в Самарканде[1] (рис. 24).

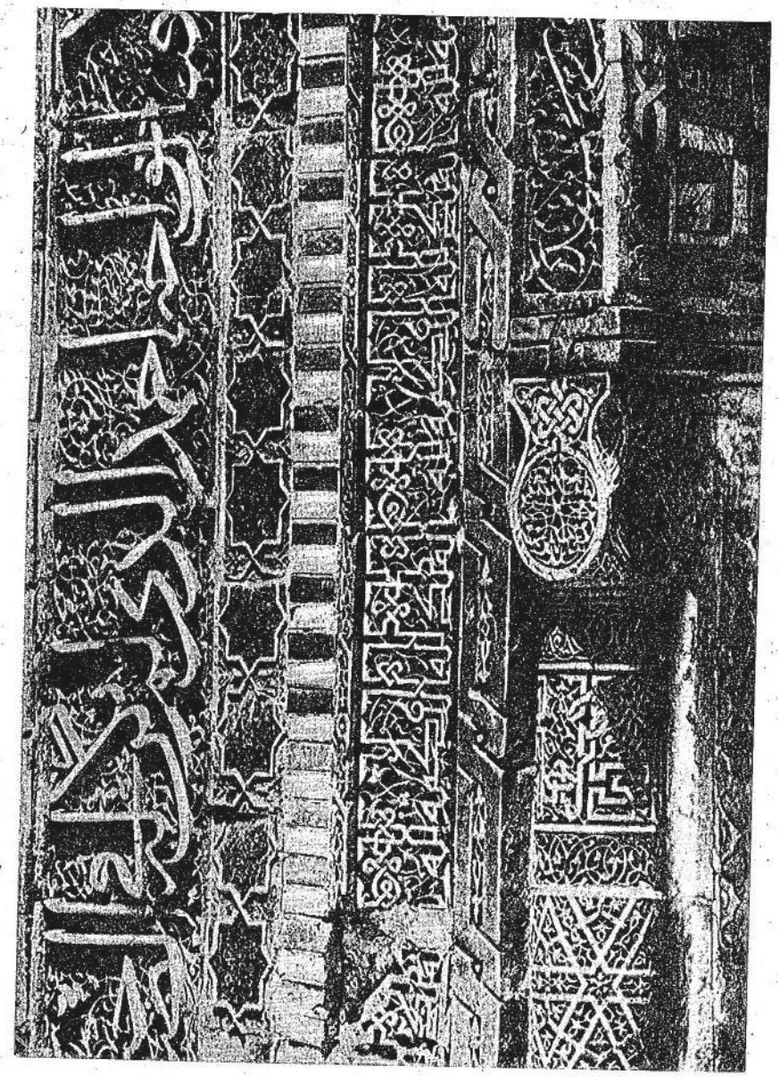


Рис. 24. Самарканд. Шахи Зинда. Мавзолей Ходжа-Ахмада XIII в. Деталь портала.

В мавзолее Мухаммада Бошшаро удачно найдены пропорции массивного объема портала, прорезанного хорошо прорисованной аркой стрельчатого очертания. Пяты этой арки опираются на оригинальные вазообразные капители изящных трехчетвертных колонок, вписанных во внутренние углы его устоев.

Состояние верхней, сильно поврежденной и к тому же неоднократно и неумело ремонтировавшейся части портала позволяет

[1] С. Н. Полупанов. Архитектурные памятники Самарканда. М., 1948, табл. 97, 98.

лишь предположительно говорить о характере былого декора. Одиночные его фрагменты, однако, дают возможность отметить, что хорошо сохранившиеся на пилонах полосы орнаментальных плетений образовывали типичное для подобного рода портальных композиций замкнутое прямоугольное обрамление стрельчатого проема.

При рассмотрении портала с относительно большого удаления внимание привлекает слегка заглубленная полоса орнамента, выполненного в двух планах. В этой полосе отчетливо воспринимается свободно начертанная монументальным декоративным несхом эффектная надпись. Тонко промоделированные растительные мотивы и орнаментальные украшения служат своеобразным фоном, заполняющим свободные пространства между вытянутыми «алифами», «лямами» и «кяфами» надписи.

Подобный прием особо характерен для надписей, начертанных более контрастным и угловатым куфическим почерком. В связи с этим следует отметить замечание В. А. Крачковской о том, что в Средней Азии сосуществовали и соперничали, каждый в своем художественном совершенстве, два стиля декоративных почерков куфи и несха.[1]

Отметим, что М. Е. Массон указывал на большое сходство почерка рассматриваемой надписи с надписями мечети при мазаре Куссама в Самарканде (1334—1345) и на так называемом гумбезе Манаса, построенном примерно в это же время.[2]

Наряду с отмечавшимися украшениями и мотивами растительного характера в надписи рассматриваемого портала изредка встречаются малоприметные стилизованные изображения рыбок. Поле надписи окаймлено лентой «перлов», воспринимающихся лишь на небольшом удалении. Прихотливый рисунок несколько орнаментализованной надписи дополнительно оттеняется строгим геометрическим раппортом обрамляющих ее с обеих сторон полос.

В композиции портала с большим вкусом применена глазурь, посредством которой резко очерчены контуры основных членений портала. Ленты уложенных плашмя глазурованных кирпичиков отбивают вертикальные кромки устоев портала. Полосой таких же кирпичиков подчеркнут упругий абрис архивольта арки.

Не менее сложный, превосходно исполненный в терракоте орнамент также довольно высоким рельефом нанесен на выкружку, отделяющую стволы колонок от массива пилонов. Композицию плетения организует ритмически повторяющийся стрельчатый трехлепестковый мотив, широко применявшийся в орнаментальных плетениях ряда хронологически и стилистически близких архитектурных памятников Средней Азии. Внутренние пространства раппорта заполнены тонким растительным узором.

Как уже отмечалось, современное состояние верха портала позволяет высказать лишь некоторые предположения о характере его былого декоративного убранства. Очевидно, что обрамляющие проем полосы огибали под прямым углом его арочное завершение. В настоящее время хорошо сохранился только декор плоскостей арочных тимпанов несколько неожиданного характера, над которыми, по-видимому, некогда была расположена надпись, содержавшая имя и титулатуру заказчика (рис. 25). Плоскости тимпанов заполнены расположенными в шахматном порядке квадратными керамическими плитками различного рисунка. Гладкие, ровно покрытые бирюзовой глазурью плитки чередуются с плитками, покрытыми темно-синей поливой. На поверхности последних тоненькими полосками молочно-белой глазури нанесены несложные геометрические узоры. В верхней полосе плиток тимпана помещен широко распространенный в Средней Азии узор геометрического построения, повторяющий рисунок терракотовых плит обрамления портала. Поле плиток остальной поверхности тимпана покрыто сеткой более мелкого ренейчатого рисунка. Следует отметить любопытную, напоминающую инкрустационную, технику нанесения этих узоров.

Наряду с современным состоянием верхней части портала восстановлению его первоначального облика препятствует и отсутствие более или менее близких аналогий среди достаточно хорошо сохранившихся завершений различных портальных композиций. Можно лишь предположить, что отсутствие надписи, которая, например, в северном узгентском мавзолее проходила по архивольту арки, в портале рассматриваемого памятника, возможно, возмещалось имевшейся прежде, но не сохранившейся надписью, располагавшейся в горизонтальной филенке. Сохранившиеся на строительном растворе следы позволяют установить местоположение этой филенки между полем тимпана и повернутой под прямым углом орнаментальной полосой, расположенной по выкружке, выделяющей несколько заглубленную центральную плоскость портального объема.[1]

Неотъемлемой частью портальной композиции, превосходной по целостности художественно законченного замысла, а также тщательности и тонкости исполнения, являются расположенные во внутренних углах устоев изящные трехчетвертные колонки.

Обладая чертами общности с аналогичными архитектурными деталями стилистически и хронологически близких памятников среднеазиатского зодчества, колонки эти выделяются, однако, ярко выраженной художественной индивидуальностью, определяющейся своеобразием орнаментального узора, полностью покрывающего их стволы.[1]

Тонко орнаментированные вазообразные капители поддерживают пяты архивольта стрельчатой арки, подчеркнутого бирюзовой поливой. Отдельно изготовлявшиеся блоки-барабаны, составляющие стройные стволы колонок, покрыты тремя различного характера узорами. Весьма своеобразен рисунок развитых баз колонок, элементы которых свидетельствуют о несомненных генетических связях их форм с деталями, присущими среднеазиатской деревянной архитектуре.

В многообразии орнаментальных узоров, сплошь покрывающих плоскости всех эле-

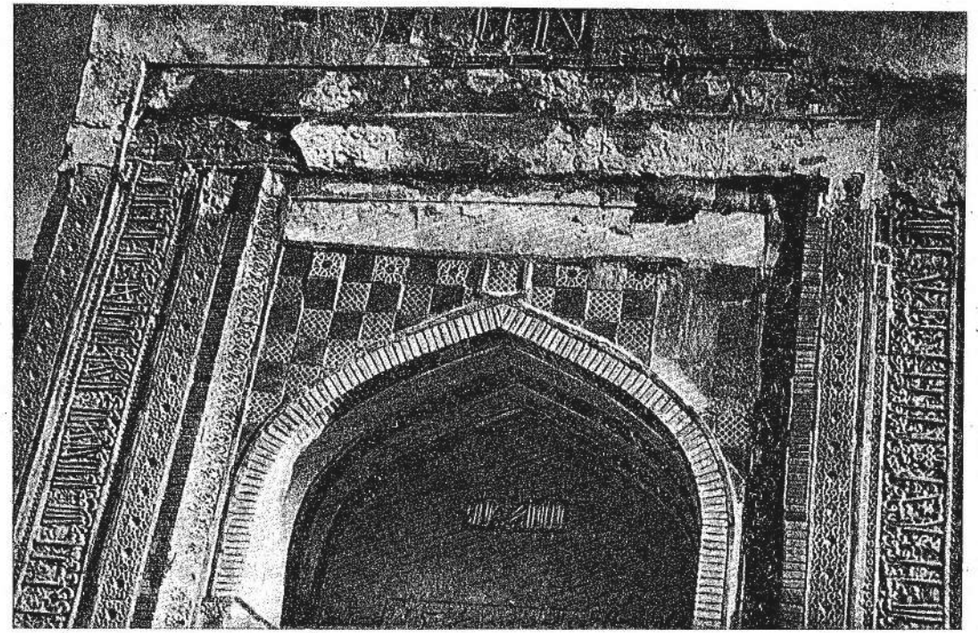


Рис. 25. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Верхняя часть портала.

[1] V. Kratchkowskaja. Notices sur les inscriptions de la mosquée Djouma à Veramine. Extrait de la Revue des Études Islamiques, 1931, стр. 25.

[2] М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 37.

[1] Для предстоящих работ по составлению проекта реконструкции верхней части портала несомненный интерес представляет проект реконструкции фасада Гумбеза Манаса, выполненный Г. А. Пугаченковой (См.: М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса).

[1] Вопросу развития каменной и кирпичной колонны в зодчестве Средней Азии посвящена специальная работа В. Л. Воронциной: Каменная колонна. Труды Среднеазиатского индустриального института, Строительный факультет, вып. 4, сб. «Элементы архитектуры Узбекистана», Ташкент, 1939.

ментов колонок, внимание привлекает их подчеркнутая индивидуальность. Стилистически эти узоры объединяет лишь свободный характер рельефной резьбы по глине-сырцу, в которой они были первоначально выполнены. Присущая резьбе по глине игра светотени, отсутствие жесткой повторяемости составных элементов этих узоров придают деталям колонок живописность, несмотря на четкость контуров их архитектурных очертаний. Характерная индивидуальность мотивов орнаментального декора колонок дополнительно подчеркнута тем, что все их составные элементы — капители, барабаны стволов, покрытые различными узорами, и базы — отделены друг от друга такими же поясами «перлов», которые разделяют ленты орнаментальных полос устоев портала. Пояса эти, соединяясь с обрамляющими стволы колонок длинными лентами таких же «перлов», создают своеобразную общую рамку, связывающую воедино несколько разнохарактерные мотивы узоров.

Среди довольно многочисленных стилистических родственных колонок памятников мемориального зодчества Средней Азии (мавзолеи Узгента, Самарканда и др.) наиболее близкой известной нам аналогией представляются детали уже упоминавшегося мавзолея Ходжа-Ахмада в самаркандском ансамбле Шахи-Зинда.

Центром взаимоперпендикулярных плоскостей капителей колонок мавзолея Мухаммада Бошшаро служит хорошо вписанная в круг и тонко выполненная орнаментальная композиция несколько стилизованного растительного характера. Верхняя часть капители также покрыта растительным узором.

В убранстве поверхности верхнего барабана ствола отчетливо воспринимаются выполненные крупным планом орнаментализованные буквы куфического почерка. Своеобразным фоном для последних служат тонкие плетения хорошо скомпанованных, прихотливых по рисунку растительных элементов.

Своеобразен несколько архаичный рисунок, покрывающий поверхность следующего, наиболее крупного барабана ствола. Рисунок образован сочетанием тесно расположенных округлых розеток, в центре которых вкомпанованы небольшие элементы опять-таки растительного характера.

Поверхность последнего барабана — предшествующего базе — покрыта несложным узором, четкого, геометрического построения. Тоненькие терракотовые полоски, образующие плетенку орнаментального рисунка, подчеркнуты резкими тенями сильно заглубленных мелких ячеек узора. Несколько архаичный мотив многоугольников неправильной формы, композиционно связанных между собой, примечателен тем, что является одним из сравнительно немногих геометрических узоров богатого декоративного убранства портала.

В общем характере узоров, покрывающих плоскости нижних барабанов колонок, как, впрочем, и некоторых других деталей, отчетливо прослеживаются черты, свойственные узорам, выполняющимся в технике резьбы по необожженой глине.

Весьма своеобразные и довольно сложно разработанные базы колонок состоят из нескольких самостоятельно воспринимающихся крупных элементов, объединенных рамкой неширокой терракотовой полосы, обрамленной, в свою очередь, вереницей «перлов». Плетения этой ленты служат своеобразной подосновой для декоративных узоров, выделяющих составные части базы. Характерна подчеркнутая скульптурность решения деталей баз, отличающая их от значительно более плоскостной трактовки остальных элементов архитектурного декора портала (рис. 26).

Основой декоративного убранства верхних частей баз являются интересные своей великолепной моделировкой и пластичной трактовкой крупные пятилистники. Пространство между упругими линиями контуров пятилистников заполнено живописными растительного характера плетениями. Подчеркнуто мелкие членения этих узоров оттеняют и пластичность основных архитектурных форм.[1]

Расположенный ниже составной элемент композиции базы представляет собой шар, разделенный по диаметру лентой так называемой «сельджукской цепи». Сверху шар

[1] Г. А. Пугаченкова считает этот мотив чрезвычайно оригинальной, несколько трансформированной формой акантового листа. Г. А. Пугаченкова. О каменных колоннах из Таласской долины. Труды Института языка, литературы и истории Киргизск. филиала АН СССР, вып. 2, Фрунзе, 1948, стр. 153; Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. Труды Института истории и археологии АН Узб. ССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 31.

выделен традиционной полосой «перлов», а снизу несложным плетением терракотовой ленты.

Шар в свою очередь опирается еще на одну полусферу. Основанием для последней служит небольшой восьмигранник, плоскости которого покрыты разнообразными резными узорами растительного характера.

В качестве довольно близкой по своей общей структуре аналогии М. Е. Массон справедливо отмечал базу колонны, хранящейся в мечети Идрис-Пейгамбар селения Сайрам, выполненную, однако, из желтого песчаника.[1] Некоторое, в основном чисто структурное сходство можно отметить и в каменном основании угловой колонки южного мавзолея известного комплекса в Узгенте.[2]

Вся пространственно сложная композиция базы покоится на выступающем углу портала, плоскости которого соответственно обработаны филенками уже значительно более крупного масштаба. Внутренние плоскости последних также покрыты живописными растительными узорами, организующим центром которых служит хорошо прорисованный крупный трилистник.

Следует особо остановиться на некоторых чертах своеобразия трактовки составных частей баз и некоторых элементов их декоративного убранства. Если в орнаменте, декорирующем поверхности нижних барабанов стволов колонн, явственны черты, свидетельствующие о манере, присущей резьбе по необожженной глине, то общая композиционная структура и характер трактовки большинства декоративных элементов говорят о генетических связях с иным материалом. Известное распространение подобные формы и мотивы получили на богато декорированных рельефной художественной резьбой деревянных колоннах, великолепные образцы которых, кстати, одна из самых древних в Средней Азии, сохранились в ряде горных селений — Раргве, Фатмеве, Урмитане, Оббурдоне, расположенных сравнительно неподалеку от кишлака Мазарии-Шариф.[3]

Таким образом, можно подчеркнуть, что терракотовая декоровка возведенного во второй четверти XIV столетия портала изобилует рядом элементов, особенности художественного облика которых наглядно свидетельствуют о несомненных и прочных связях с относительно архаичными архитектурно-конструктивными приемами и мотивами декоративного убранства, присущими, кроме того, и иным строительным материалам.

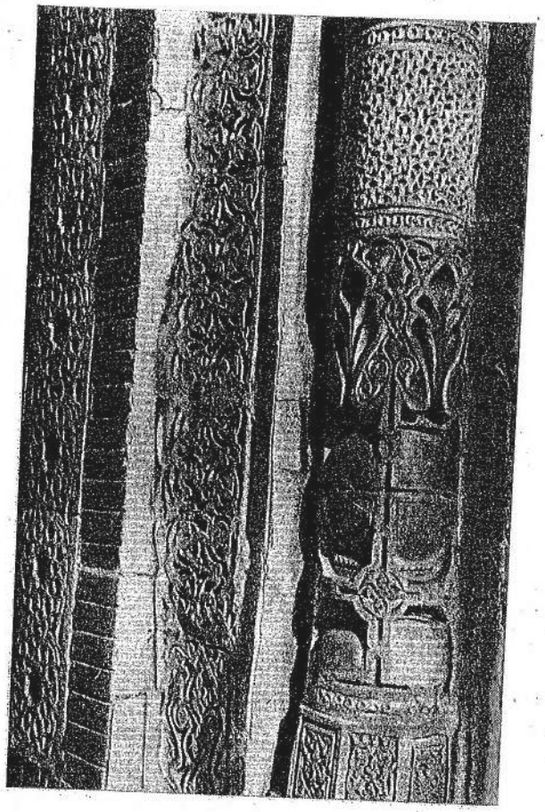


Рис. 26. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. База угловой колонки.

Характеризуя декоративное убранство колонок в целом, нельзя не отметить широкий круг примененных мотивов орнамента, изысканность линий точного и в то же время

[1] М. Массон. Старый Сайрам. Известия Средазкомстарис, вып. II, Ташкент, 1928, стр. 30.
[2] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, рис. 92.
[3] М. Е. Массон. К вопросу о происхождении памятника древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в горах Самаркандской области. Ташкент, 1927; В. Л. Воронина. Резное дерево Зеравшанской долины. МИА, № 15.

свободного рисунка. В особенности следует отметить тонкость уверенной художественной резьбы.

Наиболее сильно пострадало декоративное убранство внутренней торцовой стены портала. Здесь имеется сравнительно не-

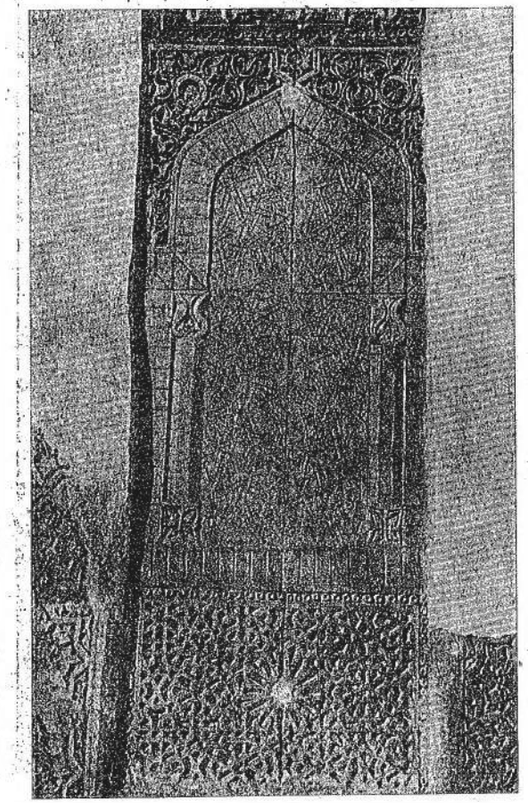


Рис. 27. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Щековая плоскость (южная)

большой входной проем с глухой фрамугой. Проем закрывается в настоящее время целыми дверными полотнищами, выполненными из мощных арчевых пластин.

По аналогии с порталами стилистически и хронологически близких среднеазиатских мавзолеев можно предположить, что ныне гладко оштукатуренная подъарочная плоскость была некогда декорирована.

В настоящее время из предполагаемого былого декора этой плоскости сохранилась лишь обрамляющая дверной проем, выполненная в терракоте широкая орнаментальная полоса, узор которой в основном образован вязью хорошо прорисованной куфической надписи. Подчеркнуто угловатые очертания букв этой надписи оттенены изящными растительными плетениями. Как и ряд отмеченных ранее элементов декоративного убранства портала, полоса обрамления дверного проема окаймлена, в свою очередь, лентами «перлов».

Поверх горизонтальной части обрамления входного проема проходит выполненная в аналогичной технике и манере более узкая полоса, раппорт которой своеобразно имитирует несколько угловатые очертания куфического почерка.

Несколько случайный характер носит включение керамических плиток в ленту этого узора. Эти плитки покрыты темно-синей поливой, на которой нанесен «инкрустационной» техникой узор четырехконечных «крестов» и многолучевых звезд. Он аналогичен узору плиток, заполняющих плоскость тимпанов арки, что подтверждает ранее высказанное предположение о наличии былой архитектурной декорации на этой, ныне гладко оштукатуренной плоскости.

Особого внимания заслуживает организация и характер архитектурного декора внутренних боковых плоскостей портальной ниши. Контуры стрельчатого свода образуются своеобразной рамкой полос кирпичной кладки. Лицевая поверхность кирпичей покрыта бирюзовой поливой. Подобная же полоса членит поверхность свода посредине. Декор щековых плоскостей портальной ниши, расположенных под несколько нависающими «пятами» свода, организован в качестве стилистически единых, но вполне самостоятельных композиций (рис. 27). Наружным их обрамлением служат бирюзовые ленты поливной кирпичной кладки. Расположенная внутри замкнутая широкая орнаментальная полоса также состоит из отдельно изготавливавшихся терракотовых «блоков». Нанесенный на поверхность «блоков» тщательно выполненный высоким рельефом рисунок является шагом общего раппорта и вместе с тем обладает известной композиционной законченностью (рис. 28).

Общее построение узора орнамента связано с уже упоминавшимся мотивом равноконечных «крестов» и восьмилучевых звезд, получившим чрезвычайно широкое распространение в самых различных отраслях декоративного искусства стран Ближнего Востока. Однако относительно самостоятельный характер декора «блоков» при этом не потерян. Он определяется крупным масштабом самих «звезд», заполняющих, в сущности, все поле «блока». Центричность узора подчеркнута и расположенным внутри абриса «звезд» венком крупных стилизованных трилистников, которые подчеркивают направленность их лучей. В центры звездчатых построений некоторых «блоков» вкомпанованы покрытые бирюзовой поливой кусочки строительной керамики, по-видимому появившиеся в один из поздних ремонтов. Находящиеся вне «звезд» небольшие свободные пространства заполнены орнаментом растительного характера.

Габариты находящегося в центре композиции прямоугольника, который непосредственно обрамлен рассмотренной орнаментальной полосой, не дали возможности разместить по периметру кратное количество «блоков». Мастер-орнаменталист нашел выход, расположив по осям коротких — верхних и нижних — сторон «блоки» несколько большего размера. Узоры их удачно скомпанованы из элементов спаренных обычных «блоков».

Обрамленная рамкой несложного профиля плоскость центрального прямоугольника несколько заглублена в толщу портального массива. Декоративное убранство этой плоскости состоит из трех, в сущности совершенно несвязанных один с другим, компонентов.

Верхний из них представляет собой большую плиту хороших пропорций, обрамленную по периметру полосой небольших, поставленных на угол квадратиков. Поверхность плиты покрыта великолепного качества бирюзовой поливой и декорирована превосходно скомпанованной и хорошо прорисованной куфической надписью, содержащей изречение: «Здешняя жизнь — дом испытаний».[1]

Плоскость центрального компонента декорирована изображением сравнительно небольшой стрельчатой арки, выполненным невысоким рельефом. Пяты арки опираются на граненые колонки с вазообразными капителями и квадратного очертания базами.

Представляется, что эта хорошо задуманная композиция осталась незавершенной. Обращает на себя внимание резкий контраст различной степени доработанности ее эле-

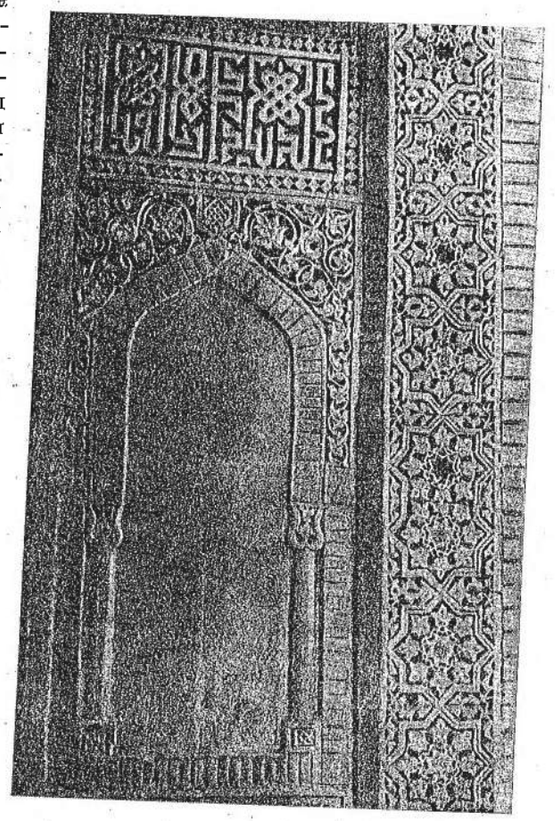


Рис. 28. Мавзолей Мухаммада Бошшаро. Щековая плоскость портальной ниши (северная).

ментов. Несколько тяжеловесный архивольт арки служит в этом отношении своеобразным рубежом. Плоскости тимпанов арки заполнены изящными растительными плетениями. В тонкие спирали вьющихся стеблей вкомпанованы трилистники, выполненные более крупным планом. Живописность этих композиций и тонкость проработки элементов отличает их от значительно более грубо выполненного узора наружной орнаментальной полосы обрамления.

[1] Чтение надписи дано по работе В. А. Крачковской: Эволюция куфического письма в Средней Азии. ЭВ, III, М.—Л., 1949, стр. 23. В. А. Крачковскую ввели в заблуждение, указав местонахождение надписи «над михрабом».

Подъарочная плоскость и пространство между колонками заполнены лишь сеткой намеченной схемой узора геометрического характера, которая, по-видимому, должна была явиться основой для исполнения врезного плетения.

Следует при этом отметить, что в исполнении терракотового декоративного убранства мавзолея имеют место два вида техники. Одна из них была связана с заблаговременным изготовлением декоративных деталей и последующим их креплением на соответствующих местах сооружения. Эта техника получила распространение в элементах декора фасадной части портала. Вместе с тем можно отметить такие декоративные элементы, узор которых исполнялся на месте резьбой по сравнительно слабо обожженной глине.

Нельзя не отметить высокое мастерство исполнения ряда мелких орнаментов центрального компонента. Оно проявилось в небольших самостоятельных композициях, покрывающих плоскости капителей и баз колонок, в рисунке небольшого медальона, расположенного над замком арки.

Нижний компонент представляет собой составленную из двух плит большую плоскость, обрамленную лентой «перлов». Поверхность плит покрыта четким геометрическим плетением несложного построения, по манере исполнения чрезвычайно напоминающего технику резьбы по дереву.

Рассматривая многочисленные резные терракотовые детали портала, безотносительно от места их расположения, следует сказать, что они далеко не равноценны по своим художественным достоинствам. Некоторые из них весьма совершенны как по композиции, так и по технике исполнения. Это относится как к основным лентам обрамления арочного проема, так и к самостоятельным медальонам, которые декорируют отдельные небольшие плоскости. В этих элементах декоративного убранства памятника, вне зависимости от их размеров, особенно ярко проявились высокая композиционная изобретательность и неистощимая фантазия мастера, превосходно их исполнявшего. В декоре портала встречаются, однако, и детали, выполненные примитивно.

К ним относятся «блоки» геометрического плетения на фасаде портала и широкие орнаментальные полосы щековых плоскостей. Существенная разница в художественных достоинствах этих элементов позволяет предполагать, что в составе декорировавшей сооружение артели были мастера различной квалификации.

В создании выразительного художественного облика портала мавзолея большое место принадлежит мастерскому использованию цвета и светотени. Подчеркнутый клинчатой кладкой ярких бирюзовых кирпичиков архивольт арки дополнительно оттенен, с одной стороны, глубокой тенью портальной ниши, а с другой — четкостью шахматного рисунка поля тимпана. Рисунки орнаментальных полос взаимно дополняют друг друга. Высокий рельеф монументального декоративного несха оттеняется строгим ритмом четких геометрических узоров, обрамляющих его с обеих сторон.

Несомненно, что декоративное убранство портала также претерпело существенные изменения во время, по-видимому, неоднократных ремонтов. Впредь до составления окончательного проекта реставрации его первоначального облика можно отметить лишь некоторые элементы, определенно являющиеся наиболее поздними вкраплениями в первоначальную художественную композицию.

По нашему предположению, к ним относятся в первую очередь майоликовые плитки, заполняющие плоскости тимпана портала, существенно отличающиеся по технике своего исполнения и несколько выпадающие из общего стиля целостной по своему общему замыслу архитектурного декора.

Высокие художественные достоинства портала бесспорны. Выполненный в лучших традициях среднеазиатских портальных композиций подобного рода, он одновременно обладает ярко выраженной художественной индивидуальностью. Незаурядное мастерство исполнявших его зодчего и художников-орнаменталистов позволило создать блестящее архитектурное произведение, с большим вкусом и тактом включенное в ранее созданную композицию.

В заключение данной работы, не претендующей, как это отмечалось, на разрешение суммы сложных историко-архитектурных проблем, связанных с этим великолепным памятником архитектуры таджикского народа, следует, однако, отметить некоторые предварительные выводы.

В настоящее время представляется возможным уверенно датировать основную часть

сооружения (существовавшую до пристройки к ней в 1343 г. портала) никак не позднее самого начала XII в. и даже, вернее, второй половиной XI в.

В своем первоначальном облике здание принадлежало к весьма своеобразной типологически общей группе архитектурных сооружений, получившей известное распространение в строительстве Средней Азии XI—XV столетий. Одновременное сочетание в этих сооружениях функций мемориальных и культовых — надгробного мавзолея и поминальной мечети — определяло в известной степени своеобразный характер их архитектурного облика.

Характеризуя архитектуру народов Средней Азии, академик А. В. Щусев подчеркивал, что в ее «памятниках сквозит очень много своеобразных черт, присущих народам Средней Азии и отличающих от народов Персии, Кавказа и других стран. Мало того, даже архитектура отдельных среднеазиатских республик, как Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан имеет целый ряд отличий, которые поверхностным взглядом не могут быть уловлены и доступны только при глубоком изучении».[1]

Дальнейшее изучение рассмотренного памятника совместно с типологически и стилистически с ним родственными сооружениями позволит глубже проникнуть в недостаточно еще исследованную историю архитектуры народов Средней Азии, внесших немалый вклад в сокровищницу мирового архитектурного наследия.

[1] А. В. Щусев. Архитектура Советского Востока. Архитектура СССР, 1934, № 8, стр. 8.

t.me/archeotajik

И. Б. БЕНТОВИЧ

НАХОДКИ НА ГОРЕ МУГ

(Собрание Государственного Эрмитажа)

ВВЕДЕНИЕ

Весной 1933 г. в верховьях р. Зеравшан, в развалинах на горе Муг, недалеко от селения Хайрабад, местный пастух случайно обнаружил корзинку из ивовых прутьев и рукопись на неизвестном языке.

Эти находки были переданы в Захматабадский райком партии, а затем доставлены в Сталинабад. Отсюда рукопись была направлена для определения известному советскому иранисту проф. А. А. Фрейману, который установил, что это письмо написано на согдийском языке и адресовано какому-то лицу, связанному с Самаркандом. Это была первая находка согдийской рукописи на территории Согда: все ранее известные согдийские документы были обнаружены вне пределов ее. Учитывая огромный научный интерес этих рукописей, Академия наук СССР организовала осенью 1933 г. специальную экспедицию для обследования места, где они были найдены.

Гора Муг расположена на левом берегу Зеравшана в небольшой излучине; с севера и запада она ограничена руслом реки, а с востока узким ущельем горного сая Кум. Доступ на нее имеется только с юго-запада по узкой тропке. На вершине этой горы, представляющей труднодоступную естественную оборонительную позицию, расположены развалины небольшого замка.

Замок этот имеет неправильную четырехугольную форму и, как следует из отчета А. И. Васильева, который производил в 1933 г. раскопки замка, состоял из четырех сводчатых помещений, соединенных между собой с севера коридором и открытой с запада террасой.

А. И. Васильев утверждал, что замок не имел южной стены — с этой стороны к нему примыкала открытая терраса и таким образом помещения получали освещение.[1]

Однако В. Л. Воронина, производившая обмеры остатков замка в 1946 г., полагает, что южная стена была, но рухнула, так как находилась на краю откоса; «терраса», по мнению В. Л. Ворониной, представляла собой также комнату, перекрытую сводом, но более короткую, чем остальные.[2] Изучив остатки замка, В. Л. Воронина делает попытку реконструкции его плана. Размеры замка таковы: восточная сторона имеет длину 19.5 м, северная — 18.5 м. В замке было пять параллельно расположенных комнат: четыре — равные по величине, примерно 17.2—17.5 м в длину и 1.8 м в ширину (одна из комнат более широкая — 2.2 м.), и пятая — западная, более короткая — 10.5 м; на севере все эти помещения соединялись одним узким (1.15 м) сводчатым коридором.

Экспедицией 1933 г. были обнаружены более 400 предметов материальной культуры и архив, состоящий из 90 рукописных документов.

[1] А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг. Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 20.

[2] В. Л. Воронина. Изучение архитектуры Древнего Пянджикента. МИА, № 15, 1950, стр. 190.

Предметы материальной культуры поступили в Государственный Эрмитаж и частично в Республиканский историко-краеведческий музей в Сталинабаде; рукописи хранятся в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР.

В 1934 г. предварительные итоги работ экспедиции были опубликованы в специально выпущенном «Согдийском сборнике».[1]

В дальнейшем в печати появились отдельные статьи и заметки о рукописях и находках с горы Муг.[2]

Специально изучением рукописей занимается А. А. Фрейман.

Исследование документов показало, что они были написаны в первой четверти VIII в. Таким образом, устанавливается почти точное время существования замка. Кроме того, документы дали возможность выяснить обстоятельства его гибели. Это представляет определенный интерес и для выяснения происхождения найденных здесь вещественных памятников.

В данной работе ставится задача дать краткое описание коллекции вещей, найденных на горе Муг, и хранящейся в отделе Советского Востока Государственного Эрмитажа.

Необходимость в ближайшем будущем всестороннего изучения этих вещей возрастает еще больше в связи с результатами археологических работ на городище древнего Пенджикента, которые широко развернулись в последние годы.

Судьба замка и города Пенджикента тесно связаны между собой: документы являются архивом Диваштича — владетеля Пенджикента, бежавшего в 722 г. от преследования арабов в крепость Абгар. С. Волин установил, что эта крепость, название которой следует читать Абаргар, идентифицируется с замком на горе Муг.

Описание вещей, найденных в 1933 г. в замке на горе Муг, дается ниже с разделением их на категории, о которых необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Природные условия здесь оказались настолько благоприятными, что сохранились изделия из дерева, кожи, ткани и т. д. Таким образом, материальная культура согдийцев VII—VIII вв., известная нам по находкам и стенным росписям Пенджикента, в значительной степени дополняется материалами из этой горной крепости, существовавшей в тот же период.

Понятно поэтому, что по предметам материальной культуры Пенджикента и замка на горе Муг можно проследить единство культуры.

[1] Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР, Л., 1934: А. А. Фрейман. Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане; А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг; А. А. Фрейман. Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматабадском районе Таджикской ССР; В. А. и И. Ю. Крачковские. Древнейший арабский документ из Средней Азии; А. С. Поляков. Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане.

[2] А. А. Фрейман. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. Труды ИВ АН СССР, XVII, М.—Л., 1936, стр. 137; А. А. Фрейман. Согдийский рукописный документ астрологического содержания (календарь). ВДИ, 1938, № 2(3), стр. 34; А. А. Фрейман. К имени согдийского ихшида Гурека. ВДИ, 1938, № 3(4), стр. 147; А. А. Фрейман. Согдийский рукописный документ на коже 6В5 из собрания документов с горы Муг. ВДИ, 1940, № 1(10), стр. 99; А. И. Васильев. Согдийцы и их вооружение. Автореферат диссертации, Л., 1936; С. Волин. К вопросу о замке на горе Муг. Труды Тадж. базы АН СССР, IX, серия «история—язык—литература», М.—Л., 1940; В. В. Данилевский, В. Н. Кононов, В. А. Никитин. Исследование растительных остатков из раскопок согдийского замка VIII в. на горе Муг в Таджикистане. Труды Тадж. базы АН СССР, VIII, М.—Л., 1940; И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. Избранные труды, т. I, М.—Л.; М. М. Дьяконов и А. Стрелков. Выставка иранского искусства. Искусство, 1936, № 7, стр. 32; С. В. Иванов. О находках в замке на г. Муг (керамика, плетеные и кожаные изделия, ткань). Известия Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 2, Сталинабад, 1952; В. А. Крачковская. Международный конгресс иранского искусства и археологии. Вестник АН СССР, 1936, № 1, стр. 66; К. Г. Рудо. К вопросу о вооружении Согда VII—VIII вв. Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР, вып. 1, Сталинабад, 1952; А. С. Стрелков. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Советская археология, II, 1937, стр. 212; А. Ю. Якубовский. Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в. ТОВЭ, т. II, 1940; А. Ю. Якубовский. Культура и искусство Средней Азии (путеводитель по выставке), Л., 1940; А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. Труды СТАЭ, т. I, МИА, № 15; А. Ю. Якубовский. Древний Пенджикент. Сб. «По следам древних культур», М., 1951.

Рассматривая группы вещей, найденных при раскопках крепости, мы постараемся одновременно отметить сходство и аналогии с находками в Пенджикенте.

ДЕРЕВО

Интересной и ценнейшей находкой в Средней Азии являются изделия из дерева. Здесь имеются несколько экземпляров тщательно и умело вырезанных двусторонних гребней, посуда — в виде фрагментов чашек различных размеров, вырезанных из одного куска дерева, блюдо на ножках, ложка. Найдена также большая лопатка на короткой ручке. В изготовлении всех деревянных изделий чувствуется мастерство и длительная традиция в обработке этого материала. Из дерева делались не только хозяйственные принадлежности. Уже широко известен найденный в замке на горе Муг деревянный щит, обтянутый кожей с цветным изображением всадника. Уместно будет отметить, что в одном из помещений объекта VI в Пенджикенте была обнаружена роспись, изображающая воина верхом на коне, которая почти в точности повторяет мотив изображения на мугском щите.[1]

В коллекции имеется деревянный предмет, оклеенный белой кожей (рукописью). По внешнему виду он, действительно, похож на ножны кинжала, но все же это определение сомнительно, так как деревянные ножны металлического кинжала, оклеенные тонкой кожей должны были быть очень непрактичными. Кроме того, вряд ли была необходимость оклеивать их именно старой рукописью. Скорее всего этот предмет мог быть пеналом или какой-нибудь другой письменной принадлежностью.

Интересен деревянный предмет в виде маленького гребня из шести зубьев на длинной ручке. По всеми данным — это гребень для прибивания утка на ткацком станке.

Сходные предметы, правда очень отдаленные по времени, найдены в Фергане,[2] в Большереченском могильнике на Верхней Оби (VII—VI вв. до н. э.)[3] и на поселении эпохи ранней бронзы — Узерлик-Тепе в Азербайджане (середина II тысячелетия).[1]

К категории изделий из дерева относятся древки стрел, представленные главным образом обломками. Тем не менее среди них можно различить два типа: целиком камышевые и составные. В составных стрелах часть, примыкающая к тетиве, — деревянная, а передняя — камышевая. Один конец деревянной части заострен и для присоединения вставляется в камышевую, которая с этой стороны сделана полой изнутри.

Та часть древка, которая примыкает к тетиве у прорези, имеет обмотку тонкими сухожилиями, шириною от 1 до 8 см. Часто можно видеть следы оперения. Эта же часть дерева окрашивалась поперечными полосами, шириной в 2—3 см, черного, желтого и красного цветов.

Полосы отделялись друг от друга черной узкой полосой. В нескольких случаях на стрелах можно проследить и незамысловатый орнамент, состоящий из нескольких полосок и точек.

Как установил А. И. Васильев, специально занимавшийся вопросом вооружения согдийцев, длина стрелы была около 90 см, а дальность ее полета составляла 500 м.[2] Диаметр древка — 0.7—1.2 см.

Нельзя не сказать о несколько более сложном орнаменте, в некоторых случаях украшавшем древко. Этот орнамент шириной 1.5—4 см наносился на деревянную часть древка в месте соединения с камышевой.

Орнамент представляет собой цветную полоску, на которой нанесен узор. В одном случае — это четыре ромбика зеленого цвета с черно-красным «глазком» внутри, на красном фоне; под ромбиками — узкая полоска черного цвета с четырьмя маленькими черно-красными «глазками». Ширина всего орнамента 1.5 см.

---

[1] Б. Я. Ставиский. О двух памятниках согдийского изобразительного искусства. КСИИМК, 61, М., 1956.

[2] В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3, стр. 69—76, рис. 8, 2—3.

[3] М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, № 48, 1956, стр. 76.

[1] К. Х. Кушнарева. Поселение ранней бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама. Сообщение, сделанное на отчетном пленуме ИИМК (секция Кавказа) 5 апреля 1956 г.

[2] А. И. Васильев. Согдийцы и их вооружение. Автореферат диссертации. Л., 1936; К. Г. Рудо. К вопросу о вооружении Согда VII—VIII вв. Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР, вып. I, Сталинабад, 1952; А. Джалилов. Войско и вооружение согдийцев накануне и в период борьбы с арабским нашествием. Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР, 1956, № 8.

В другом случае орнамент представляет собой красную полоску шириной 1 см с четырьмя желтыми точками. В третьем случае — голубая полоска 4 см шириной, по краям которой расположено по четыре белых точки. И в последнем случае — орнамент представляет собой красную полоску 2 см шириной, на которой белой краской нанесен орнамент из четырех белых узких полосочек с двумя и тремя точками на каждом конце.

Раскопки Пенджикента, давшие коллекцию наконечников копий и стрел, вместе с богатыми настенными росписями в значительной мере дополнили представление о вооружении древних согдийцев: мы имеем здесь изображения мечей, копий, луков, щитов и т. д. Все вместе взятое — находки на г. Муг, находки в Пенджикенте и пенджикентские росписи — дает уже большой материал для суждения о вооружении Согда VII—VIII вв.

Замечательной находкой являются плетенья из ивовых прутьев: корзин и крышек для них. В собрании Эрмитажа хранится несколько круглых крышек от корзин и одна четырехугольная крышка, сплетенная из прутьев и плоских палочек. Можно допустить, что круглые крышки закрывали не только корзины, но и горла хумов. В находках 1954 г. в Пенджикенте найдена обугившаяся крышка плетеной корзины.

В замке было найдено очень много различных деревянных отходов и остатков: коры, ореховой скорлупы, хлопка, семян и т. д.

Интересно отметить деревянную продолговатую игральную «кость». В раскопках объекта VI в Пенджикенте была найдена часть длинной костяной четырехгранной палочки с вырезанными по краям точками. На пенджикентской росписи, изображающей игру, одно из действующих лиц держит в руке предмет, напоминающий игральную кость. Таким образом, вопрос об игральных палочках может быть предметом специального исследования.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ

Металлические изделия обнаружены в замке в небольшом количестве и находят себе полные аналогии в изделиях из металла Пенджикента.

Серповидный нож с плоским треугольным черешком может теперь считаться характерным для Согда этого времени: в Пенджикенте такие ножи представлены уже в большом количестве.

Имеется маленькое четырехугольное изделие, очевидно пряжка, состоящая из двух пластинок с четырехугольной прорезью на одной из них, соединенных шпеньками, и медный наконечник, одевающийся на конец ремня. Эти вещи также находят себе полные аналогии в вещах из Пенджикента. Можно отметить еще железный крючок на фигурной петле, одевавшийся на пояс.[1]

СТЕКЛО

Немногочисленны, но характерны изделия из стекла. Так, в замке найдена верхняя часть узкого высокого горлышка небольшого стеклянного флакона с остатками налепа, который располагался по тулову сосудика. В Пенджикенте, в одном из помещений жилого комплекса, в 1952 г. был найден стеклянный флакон, который позволяет точно реконструировать флакон из замка на горе Муг. Это был сосуд с шарообразным туловом на маленьком круглом поддоне с невысоким узким горлышком. Вокруг тулова несколько раз обвивается налеп с легкими насечками, изображающий змею. Стекло непрозрачное темно-серого или бурого цвета с белыми пятнышками. Фрагменты подобных флаконов и в последующие годы неоднократно находились в различных местах городища. Имеются также и обломки других стеклянных изделий, но они мало выразительны.

КАМЕНЬ

Изделия из камня представлены также в очень малом количестве: небольшим точильным камнем и каменной палочкой для сурьмления. Палочки эти широко были распространены по всей Средней Азии. В Пенджикенте нам уже хорошо известны эти заостренные маленькие палочки с отверстием на одном конце.

---

[1] Обзор монетного материала в данную статью не включен. Перечень монетных находок и их определение см. настоящий том, статью О. И. Смирновой, стр. 261.

КОЖА

Обработка кожи была хорошо известна согдийцам. Уже упоминалось о прекрасно обработанной тонкой белой коже, которая служила материалом для письма. На такой коже, например, написан известный документ на арабском языке. Тонкой желтоватой кожей обтянут деревянный щит; черной кожей с золотистыми розетками обтянуты фрагменты маленького ящичка; очень искусно обшита цветной кожей крышка четырехугольной корзины. Интересна находка кожаного сапога. Покрой его в точности повторяет те кожаные сапоги «муки», которые носят в горных районах современные таджики.

КЕРАМИКА

Ассортимент посуды, найденной в замке, — обычный, главным образом это толстостенные хумы, лепные плоскодонные котлы; мелкая посуда делалась на круге; но и она тоже довольно груба. В отличие от посуды Пенджикента надо отметить кувшины, изготовленные не на круге, а вылепленные от руки. Орнаментация сосудов очень примитивная: на сосудах, сделанных на круге, орнамент состоит из нескольких врезных параллельных линий. На ручках лепных сосудов имеются маленькие круглые налепы. Но в общем грубая керамика из замка на горе Муг близка керамике этого типа из Пенджикента. Сходна она и по тесту, и по технике обработки, близки формы сосудов. Однако обращает на себя внимание почти полное отсутствие в коллекции тонких сосудов из хорошего теста. Создается впечатление, что бо́льшая часть посуды производилась на месте, причем изготовлялись предметы очень примитивные, необходимые в повседневном быту, не ремесленниками, а живущим здесь населением.

ТКАНИ

Редкой археологической находкой в условиях Средней Азии являются ткани, которые богато представлены в коллекции из замка на г. Муг (около 150 фрагментов). Здесь в большом количестве были найдены ткани хлопчатые, шелковые и значительно меньше шерстяных. Все они очень в изношенном и фрагментарном состоянии. В большинстве случаев это грубые некрашеные ткани полотняного переплетения. Переплетение тщательное, аккуратное, но иногда нити утка перебрасываются через несколько нитей основы и регулярность нарушается. Плотность ткани достигается благодаря толщине нитки или плотности плетения. Как правило, ткань довольно редкая (примерно 18—20 нитей утка на 10—11 нитей основы в 1 см²). Нити ткани имеют неравномерную толщину и слабо скручены. Фрагменты представляют в подавляющем большинстве обрывки одежды, мешков и других поделок; интересно отметить несколько обрывков матерчатых детских чулок. Ткань, не бывшая в употреблении, новая, встречается только в очень маленьких фрагментах. На сшитых кусках ткани, а таких довольно много, можно наблюдать применявшиеся типы швов. «Встык» сшиты куски, сходящиеся кромками, шов «вперед иголку», пожалуй, распространен более всего. Этим швом нашивались заплаты, нашивался один кусок материи на другой, сшивалось два куска и т. п. В шитье одежды часто применялся также шов «запошивка».

Состояние изделий, к сожалению, не дает возможности установить хотя бы самый примерный покрой согдийской одежды. Но здесь во многом помогает пенджикентская роспись, которая дает представление о покрое одежды древних согдийцев.

От шелковых тканей сохранились лишь мелкие фрагменты. Способы переплетения различны. Гладкие ткани исполнены полотняным переплетением или реже — репсовым.

Есть ткани, узор которых выткан из этих же ниток. Это достигается путем перевода полотняного плетения на киперное.

Ткани цветные — двусторонние, у них различного цвета нити основы и утка. Выполнены они киперным переплетением и образуют орнамент с обеих сторон.

Узоры, вытканные на шелковых тканях, уже знакомы нам по орнаменту на одежде согдийцев в росписях древнего Пенджикента. Интересно отметить также и близость с некоторыми оттисками орнаментальных штампов на посуде, такими, как, например, окруженная перлами четырехлепестковая розетка, оттиснутая на дне глиняной мисочки.

Очевидно, несколько излюбленных орнаментов варьировалось согдийцами в различных видах прикладного искусства. На примерах вытканного узора на материи, узора ткани на росписях Пенджикента и штампов на керамике хорошо видно общее направление и характер орнамента, распространенного в древнем Согде. Среди шелковых различаются ткани местного производства и ткани привозные — очевидно китайские.

Шерстяных материй, как указывалось, очень мало. Можно отметить фрагмент ткани темно-красного цвета с голубыми и белыми полосами полотняного переплетения из грубых толстых ниток.

Войлоки представлены только незначительными обрезками.

К текстильным изделиям надо также отнести изделия плетеные. Это, прежде всего, три замечательных узорного плетения головных убора — сетки, выполненные очень искусно и, к счастью, очень хорошо сохранившиеся.[1] Следует отметить также обрывки сети, сплетенной из трех прядей слабо крученых ниток.

Имеется целый ряд шнуров и веревок, свитых из хлопчатых нитей слабого кручения в 3 или 4 пряди. Другой тип шнуров — плетеные косичкой и более сложные — плетеные из нескольких нитей. При последнем способе шнур получается квадратным в сечении. Один такой шнурок продернут в маленький матерчатый мешочек.

Из грубых шерстяных ниток свито несколько тонких крепких веревочек.

В заключение следует сказать, что фактическое наличие вещей, находящихся в эрмитажной коллекции и коллекции Республиканского музея в Сталинабаде,[2] расходится с перечислением их в предварительном отчете А. И. Васильева. В коллекции, например, отсутствуют железные наконечники стрел, хотя А. И. Васильев дает их описание, медные пластинки представлены всего в одном экземпляре, нет деревянных пуговиц и различных других вещей.[3]

Просматривая вещи, нельзя не отметить, что часть их выделяется из общей массы по характеру и исполнению. Таковы фрагменты деревянной чашечки, покрытой черным лаком, на фоне которого изображены желтые и оранжевые человеческие фигурки, и тонкие шелковые ткани узорного тканья.

Эти предметы, очевидно, следует считать привозными, вероятно китайскими. Не решен окончательно вопрос и о происхождении плетеных ажурных головных сеток.

Излишне говорить о значении этих вещей. Теперь в связи с материалами, полученными при раскопках древнего Пенджикента, мы имеем два комплекса вещей, не только близких по характеру и дополняющих друг друга, но и близко связанных между собой конкретными историческими событиями.

[1] И. Б. Бентович. Ажурные плетеные изделия с горы Муг. КСИИМК, 61, 1956, стр. 65.
[2] С. В. Иванов. О находках в замке на г. Муг. Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР, 2, Сталинабад, 1952, стр. 37.
[3] А. И. Васильев, ук. соч., стр. 27.

СПИСОК ВЕЩЕЙ

Деревянные изделия

Предметы быта

СА 9125. Деревянное изделие в виде стержня с расширяющимся концом, на котором вырезано шесть коротких зубьев. На противоположном конце стержня небольшая прорезь. Это изделие представляет собой, очевидно, гребень для прибивания утка в ткацком станке. (Рис. 1, *3*).

Общая длина 13 см, ширина конца с зубьями 3 см, другого 1.5 см, толщина стержня 1.5, длина зубьев 1.5 см.

СА 9121. Гребень деревянный, двусторонний. С одной стороны — частые ровные, короткие зубья, с другой стороны — редкие, толстые. Редкие зубья значительно длиннее частых. Несколько частых зубьев обломано. (Рис. 1, *5*).

Длина 8 см, ширина 5.5 см.

СА 9123. То же. Сохранились только частые зубья на одной стороне и следы редких толстых зубьев — на другой. (Рис. 1, *6*).

Длина 7.5 см, ширина 7.1 см.

СА 9124. То же. Зубья одинаковой толщины у основания и на концах. Некоторые частые зубья обломаны. (Рис. 1, *4*).

Длина 9 см, ширина 7 см.

СА 9092. Деревянная лопата на короткой плоской ручке. Сторона, к которой прилегает ручка, закруглена. Рабочая сторона лопаты слегка подстругана. Лопата хорошей сохранности, вырезана из одного куска дерева. (Рис. 2, *3*).

Длина 45 см (с ручкой), ширина 25 см.

СА 9113. Деревянная ложка. К глубокой полусферической чашечке примыкает круглая в сечении ручка с загнутым под прямым углом концом. Ложка хорошей сохранности, вырезана из одного куска дерева. (Рис. 2, *2*).

Длина 30 см, диаметр чашечки 6.3 см.

СА 9021. Половина деревянного блюда с высоким бортом, на трех ножках. Снаружи, по краю борта и по середине его проходят два рубчика, придающие сложный профиль всему изделию. Ножки (на фрагменте их сохранилось две) имеют форму усеченного конуса и располагаются по дну блюда на некотором расстоянии от края. Вырезано из одного куска дерева. (Рис. 2, *1*).

Длина фрагмента 32.5 см, ширина 16 см, высота 4 см. Диаметр (реконструированный) блюда 39—40 см.

СА 8796. Фрагмент деревянного круглодонного сосуда, вырезанного из одного куска дерева.

Диаметр 21 см, ширина 8.5 см.

СА 8832. То же.

СА 8833. То же, с утолщением по бортику.

СА 8753. Фрагмент деревянного сосуда. На поверхности проступила краска сиреневого цвета.

СА 8760. То же.

СА 8806. То же.

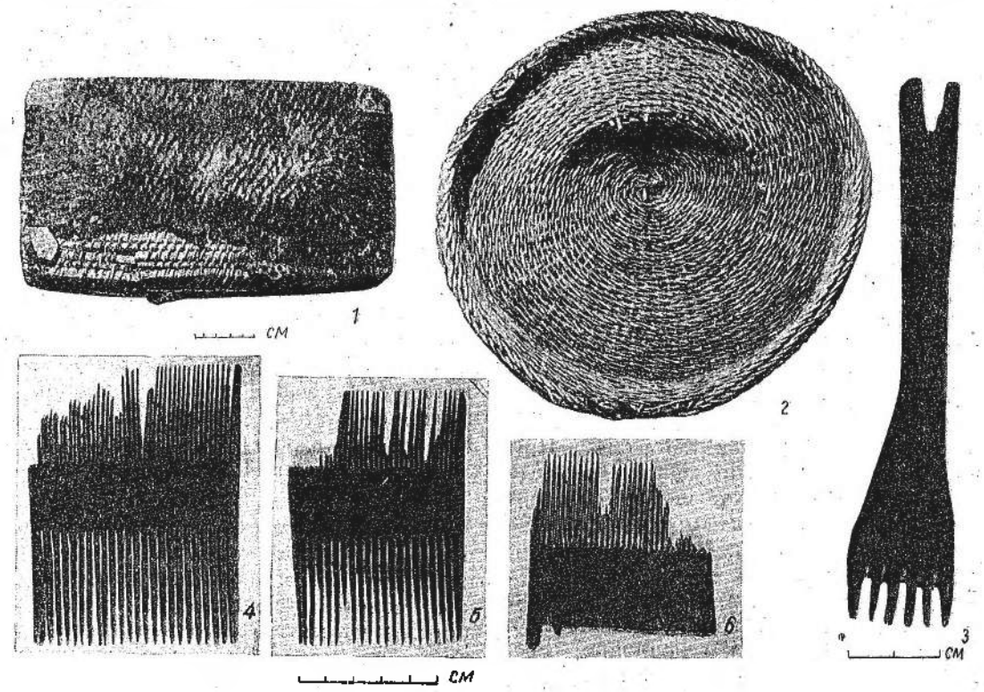


Рис. 1. Деревянное плетение и гребни.

1 — плетеная крышка, обтянутая кожей; *2* — круглая плетеная крышка; *3* — гребень для прибивания утка; *4—6* — гребни.

СА 8855. Фрагменты круглодонной деревянной чаши. С наружной стороны под бортиком рубчик.

СА 8752. Игральная деревянная палочка, квадратная в сечении. На четырех сторонах черной тушью нанесены точки: на одной стороне — одна, на другой — две, на третьей — три, на четвертой — четыре.

Длина 7.6 см, ширина 3 см.

СА 8852. Фрагмент деревянного обруча, составленного из нескольких частей. Части скреплены между собой ивовыми прутьями.

Длина 19.6 см, ширина 2.1—2.4, толщина 0.9 см.

СА 9068, СА 9122, СА 9129. Четыре фрагмента деревянного ящичка, обтянутого кожей. Два фрагмента представляют собой части крышки ящика. Они покрыты черной тонкой кожей. В середине каждой части крышки находится розетка в виде восьмиконечной звезды, нанесенной на кожу краской. В центре звезды прикреплена металлическая петелька, с привязанным шнурком. Две другие детали — более крупные (очевидно, от боковых стенок ящика) с пазами и шпеньками для скрепления между собой: один из этих фрагментов также обтянут кожей, местами облинявшей, другой же фрагмент бесформенный, кожей не обтянут. (Рис. 3, *1*, *2*).

Размеры фрагментов: 1) 29×4 см, толщина 4 см; 2) 26×4 см, толщина 3.5 см; 3) 11×8 см, толщина 1 см; 4) 12×10 см, толщина 1 см.

СА 9150—9154. Пять фрагментов небольшой и неглубокой деревянной чаши, покрытой черным лаком. Три фрагмента представляют собой части стенок, два других — части плоского дна, на котором желтой и оранжевой краской поверх черного лака даны изображения человеческих фигур. На одном фрагменте сохранилось изображение ноги, согнутой в колене и части одежды. Рисунок одежды нанесен таким тонким слоем желтой краски, что лак просвечивает. На другом фрагменте сохранились остатки изображения одежды (также нанесенной тонким слоем желтой краски) с оранжевой каймой.

Размеры фрагментов: 1) 9×2.5 см; 2) 8×2 см; 3) 6×4 см; 4) 5.5×3 см; 5) 3×1.5 см.

Плетеные изделия

СА 9130. Четырехугольная крышка, сплетенная из расщепленных пополам ивовых прутьев и деревянных палочек различной ширины (3—7 мм). Палочки уложены вдоль по длине крышки, а прутья перевивают их поперек. С внешней стороны крышка обтянута кожей темно-коричневого цвета, пришитой по краям толстыми нитками. Углы для большей прочности обтянуты кусочками красной кожи, пришитой тонкими нитками частыми стежками. (Рис. 1, *1*).

Длина 32 см, ширина 18 см, высота 2.5 см.

СА 9120. Круглая крышка из ивовых прутьев. Плетение сложное: на внутренней стороне мелкое, очень плотное, но в один прут; на наружной стороне — в три прута и очень редкое. По краям крышка имеет борт, благодаря которому она плотно держалась. (Рис. 1, *2*).

Диаметр 32, высота 5 см.

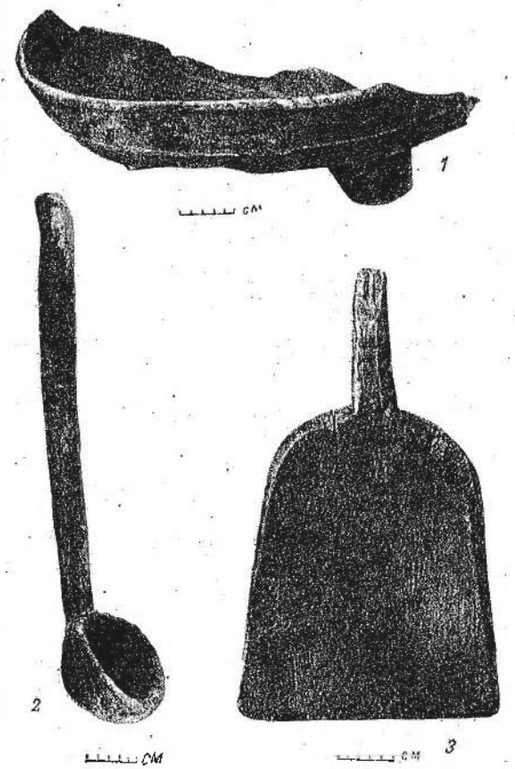


Рис. 2. Предметы быта.

1 — фрагмент деревянного блюда на ножках; *2* — ложка; *3* — лопата.

СА 9082. Фрагмент круглой плетеной крышки. Радиально расходящиеся от центра прутья концентрически переплетены прутьями той же толщины через два прута основы.

Диаметр (реконструированной) крышки 23 см.

СА 8755. Обломки крышки, сплетенной из тонких прутьев.

СА 8759. Пуговица для корзины, свитая из коры дерева.

Диаметр 3 см.

СА 9138. Жгут-веревка, витая из коры.

Длина 25, толщина 0.5 см.

СА 9136. Пучок веревки, витой из растительного волокна.

Толщина веревки 0.7 см.

Предметы вооружения

СА 9093. Щит деревянный, обтянутый тонкой кожей с красочным изображением лошади и всадника.[1]

СА 9114. Деревянное изделие в виде ножен кинжала, оклеенное снаружи согдийской рукописью, написанной на белой коже. (Рис. 3, *3*).

Длина 42 см.

СА 9094. Камышевое древко стрелы с выемкой для насаживания на тетиву и обмоткой тонкими сухожилиями. Стрела окрашена поперечными полосами.

Длина 63 см.

СА 9097. То же.

Длина 47 см.

СА 9107. То же.

Длина 35.5 см.

СА 9104. То же с остатками оперения.

Длина 35 см.

СА 9096. То же.

Длина 32 см.

СА 9095. То же со следами оперения. На одном конце полоса 1 см шириной, окрашенная красной краской с желтыми точками.

Длина 30 см.

СА 9105. То же. Комбинировалось с деревянной частью. У места соединения полоса 4 см шириной, окрашенная голубой краской с белыми точками.

Длина 33 см.

СА 9109. То же, с выемкой, обмоткой сухожилиями и следами оперения. Окрашено чередующимися полосами: 2 красные, 3 черные. Окрашенная часть занимает 10 см.

СА 9108. То же, окрашено красными и черными поперечными полосами, отграниченными друг от друга черным контуром. Окрашенная часть занимает 13 см. На последней красной полосе — четыре черные точки.

Длина 43 см.

СА 9110. То же, с выемкой и обмоткой, со следами окраски.

Длина 43.5 см.

СА 8821. То же, с прорезанной выемкой на одном конце для насаживания на тетиву. Оба конца обмотаны тонкими сухожилиями.

Длина 31 см.

СА 8818. То же. Около выемки четыре поперечных цветных полосы: одна серая и три красных.

Длина 21 см.

СА 8820. То же, с остатками белой краски.

Длина 30 см.

СА 8826. То же. Около выемки два ряда обмотки тонкими сухожилиями.

Длина 15.5 см.

СА 8824. То же, со следами красной краски. Окрашенная часть отграничена от остального древка черной линией. Выемка для тетивы выжжена раскаленным металлом.

Длина 10 см.

СА 8822. То же, со следами красной краски.

Длина 8.7 см.

СА 8817. То же, со следами поперечных полос красного и желтого цвета. Полосы оконтурены черной линией.

Длина 25,5 см.

СА 8828. То же, со следами поперечных полос красного, желтого и серого цвета. Цветные полосы разделены черной линией. На одном конце — остатки обмотки тонкими сухожилиями.

Длина — 12.2 см.

СА 8829. То же, со следами поперечных полос серого и красного цвета.

Длина 5.5 см.

СА 8825. То же, с остатками обмотки тонкими сухожилиями.

Длина 16.5 см.

СА 8853. То же.

Длина 23.2 см.

[1] См. литературу о замке на горе Муг на стр. 261.

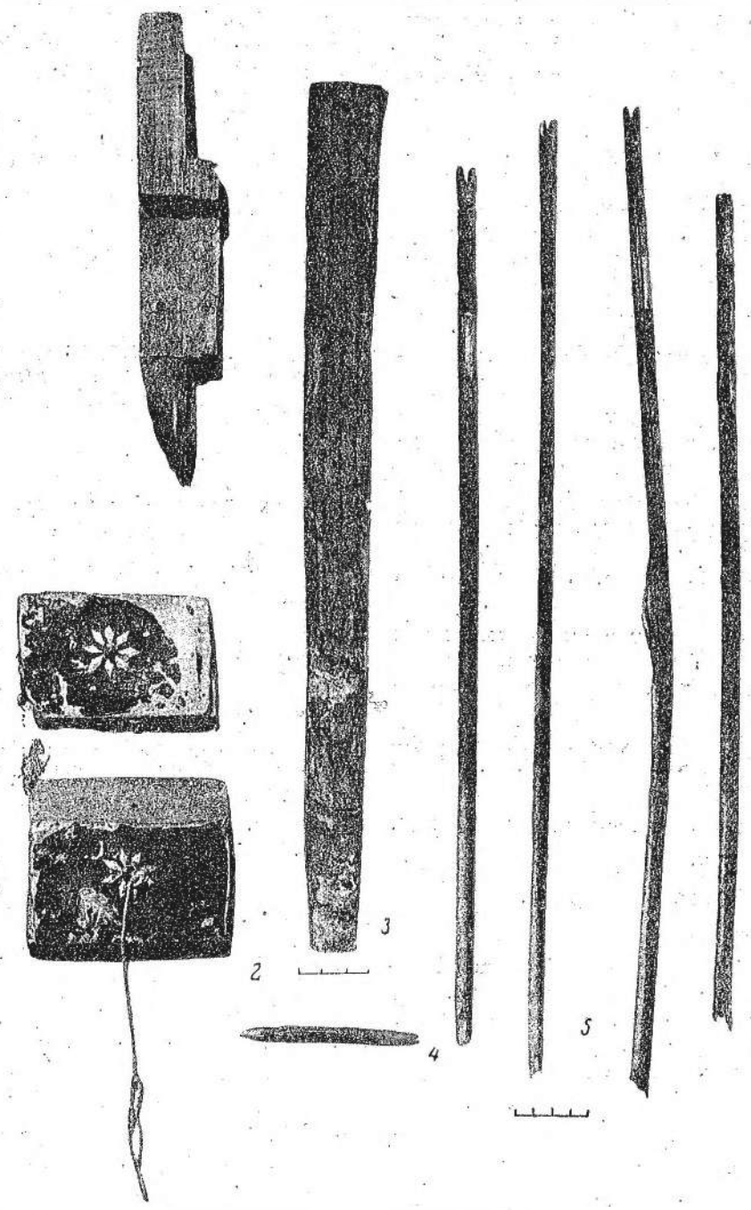


Рис. 3. Изделия из дерева и стрелы.

— деталь ящичка; *2* — детали ящичка, обтянутого кожей; *3* — ножны, обтянутые рукописью на коже; *4* — палочка-засов; *5* — стрелы.

СА 910. Стрела составная — камышевая с деревянной частью. Выемка и 2 ряда обмотки на деревянной части.

Общая длина 45 см, длина камышевой части 20 см.

СА 9099. Стрела составная — камышевая с деревянной частью. В месте соединения заметны следы обмотки. На конце камышевой части орнамент, нанесенный белой краской. Он состоит из четырех белых полос шириной 2 см и пяти точек, расположенных по краям. Выемка — на деревянной части, которая окрашена черной краской.

Общая длина 20 см, длина камышевой части 12 см.

СА 9111. Стрела составная — камышевая с деревянной частью. Выемка на деревянной части. Обмотка проходит широкой полосой — от прорези до соединения с камышевой частью. Заметны следы красной краски и оперения.

Общая длина 14 см, ширина обмотки 8.5—9 см.

СА 9098. Стрела составная — камышевая с деревянной частью. У выемки и в месте соединения — обмотка. Заметны следы черной краски.

Общая длина 46, камышевой части — 36—37 см. Ширина обмотки у края 1.2 см, у соединения — 2 см.

СА 9101. Стрела деревянная без обмотки.

Длина 31 см.

СА 9100. То же, с обмоткой.

Длина 31 см.

СА 8819. То же, с широкой полосой обмотки и окраской оранжевого цвета. Поверх обмотки — следы оперения с четырех сторон. Часть древка, следующего за обмоткой, утолщается и сходит на нет.

Длина 17 см, ширина обмотки 7 см.

СА 9103. То же, с выемкой на конце. По всей длине заметны следы оперения с четырех сторон. Один конец заострен. На древке перед заостренной частью (вставлявшейся в камышевую) нанесен орнамент, состоящий из четырех зеленых ромбов с вписанными в них окружностями черного и желтого цвета. Ромбы расположены на красном фоне. Под ромбами также имеется четыре окружности на черном фоне.

Длина 18 см, ширина орнаментальной полосы 1.5 см. Длина заостренной части 1.5 см.

СА 9102. То же, с выемкой на конце. Около выемки — обмотка, следы черной краски и оперения.

Длина 17 см.

СА 8827. То же, с выемкой на конце.

Длина 6.5 см.

СА 8797. То же, со следами серой краски. У выемки с четырех сторон заметны остатки оперения.

Длина 7 см.

СА 8823. То же, заостренная на одном конце (для вставки в камышевую часть). На другом конце — следы окраски синего цвета.

Длина 10.3 см.

Отдельные фрагменты и отходы дерева

СА 8884. Деталь деревянного изделия в виде прямоугольной дощечки со стесанными гранями. На одном конце вырезан паз, на котором сохранились два шпенька.

Длина 14 см, ширина 2.4 см, толщина 1.5 см.

СА 9069. Плоский, прямоугольный необработанный кусок дерева.

Длина 17 см, ширина 15 см, толщина 2.4 см.

СА 9062. Прямоугольная дощечка.

Длина 22 см, ширина 10 см, толщина 0.3 см.

СА 9063. Фрагмент узкой дощечки, утончающейся к одному краю. Гладко обтесана с трех сторон.

Длина 10.5 см, ширина 15 см и 9 см.

СА 9140. Подпрямоугольная дощечка с одним закругленным краем, на котором имеются три сквозных отверстия.

Длина 10 см, ширина 1.4 см, толщина 3.5 см.

СА 9061. Прямоугольная дощечка. Одна сторона поверхности рыхлая.

Длина 39 см, ширина 4 см, толщина 1.2 см.

СА 8751. Фрагмент дощечки, стесанной на нет, по краям. В середине дощечки два маленьких отверстия. Через одно из них протянута полоска белого войлока, завязанная с одной стороны узелком.

Длина 4 см, ширина 1.5 см, толщина 3 см, диаметр отверстий 0.4 см.

СА 8756. Прямоугольная дощечка из твердого дерева.

Длина 9.5 см, ширина 6.5 см, толщина 1.5 см.

СА 8798. Фрагмент прямоугольной дощечки.

Длина 6.5 см, ширина 10 см, толщина 0.3 см.

СА 8799. Фрагмент дощечки, резко суживающейся к одному краю.

Длина 4.2 см, ширина 2.5 см, 1.2 и 0.3 см.

СА 9137. Дранка деревянная, расщепленная с одного конца до середины на две полоски. Полоски согнуты накрест и в месте перекрещения перевязаны узким куском коры.

Длина 12.5 см, ширина 2.5 см.

СА 8800. Бесформенный кусок дерева.

Длина 6 см, ширина 3 см.

СА 9087. Фрагмент пористого дерева (кора?), полусферической формы с остатком стебля.

Диаметр 6 см, высота 1.7 см.

СА 8785. Палочка, округлая, с прорезью на слегка уплощенном конце.

Длина 9.5 см, толщина 1.5 см.

СА 9067. Палочка, округлая с одной стороны и плоская — с другой. Один конец обожжен, другой обточен. По ребру палочки, около обточенного конца нанесено ножом четыре насечки, шесть таких же насечек имеется и на округлой поверхности.

Длина 18.8 см, толщина 0.7 см.

СА 9065. Фрагмент круглой палки, обломанной с одного конца. Второй конец заострен.

Длина 14.5 см, толщина 2.4 см.

СА 9064. Палочка, заостренная с обоих концов. Очевидно, служила запором для корзины (вставлялась в петлю). (Рис. 3, *4*).

Длина 13.3 см, толщина 1 см.

СА 8830. Палочка, аккуратно обстроганная.

Длина 28 см, диаметр 0.5—0.9 см.

СА 8831. Палочка, аккуратно обстроганная, заостренная с обоих концов, с засечками (вставлялась в петлю).

Длина 12.5 см, диаметр 1 см.

СА 8831. Палочка с незачищенной корой и засечками, сделанными ножом. Заострена с обоих концов. Очевидно, служила запором для корзины (вставлялась в петлю).

Длина 13.2 см, толщина 1 см.

СА 8785. Палочка из мягкого дерева, утонченная с одного конца и уплощенная с другого. На уплощенном конце — выемка.

Длина 11.5 см, толщина 1.5 см.

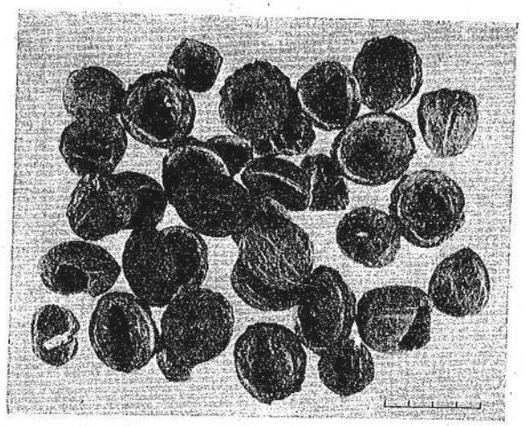


Рис. 4. Скорлупа грецкого ореха.

СА 8830. Палочка, обстроганная, с обломанными концами.

Длина 27.2 см.

СА 9089. Палка из дерева твердой породы с незачищенной корой, но аккуратно обрезанными сучками. Один конец заострен, второй конец заглажен, словно служил для растирания.

Длина 49.5 см, толщина 2.1—2.3 см.

СА 9090. Палка, слегка изогнутая, с пятью просверленными сквозными отверстиями.

Длина 51 см, толщина 2.5 см, диаметр отверстия 1.2—0.6 см.

СА 8754. Палочка камышевая, заостренная и расщепленная с одной стороны.

Длина 7 см, толщина 1.1 см.

СА 9071. Куски толстой древесной коры.

СА 9083. Плоское изделие из древесной коры в виде неправильной окружности.

СА 8804. Два куска корня растения. На одном куске проступила сиреневая окраска.

Длина 8 см, ширина 0.9—2.0 см.

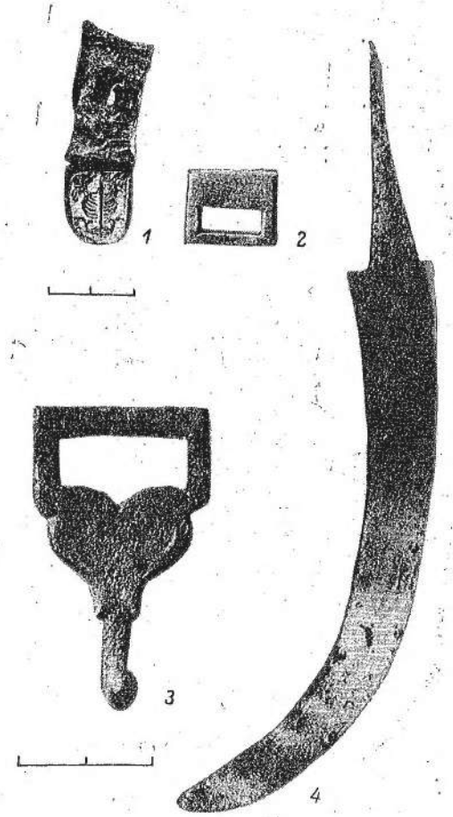


Рис. 5. Металлические изделия.

1 — наконечник ремня; *2* — наременная пряжка; *3* — крючок; — изогнутый нож.

СА 6760. Фрагмент стенки деревянного сосуда.

4×3 см, толщина 0.5 см.

СА 8835. Прут от плетеной корзинки, согнутый с двух концов.

Длина 6.5 см, диаметр 0.5 см.

СА 8876. Скорлупа грецкого ореха, частично с высохшей кожицей (35 половинок). (Рис. 4).

Металлические изделия

СА 9150. Железный изогнутый нож. Черешок плоский, заостряющийся к концу. (Рис. 5, *4*).

Общая длина 11.5 см, длина черешка 3.5 см.

СА 9141. Железная пластина прямоугольной формы, с шестью небольшими отверстиями. Отверстия группируются парами: две пары расположены по краям длинных сторон пластины, несколько отступя от остальных отверстий. Предмет, очевидно, представляет собой пластину от панциря и нашивался на кожу или толстую ткань. Два края пластины деформированы.

Длина 7.5 см, ширина 2.5 см.

СА 8810. Бронзовая наременная пряжка (?), состоящая из двух тонких прямоугольных пластинок со сквозной прорезью. Пластинки скреплены между собой четырьмя шпеньками. (Рис. 5, *2*).

Длина 2 см, ширина 1.7 см.

СА 9142. Два бронзовых наконечника пояса. Каждый состоит из двух соединенных между собой пластин полукруглой формы, между которыми и зажимался конец пояса. На поверхности пластин выгравирован орнамент. В одном наконечнике сохранился обрывок узкого кожаного ремня. (Рис. 5, *1*).

Длина 1.8 см, ширина 1.5 см.

СА 9143. Крючок круглый в сечении с сердцевидным основанием, от которого отходит прямоугольная рамка. (Рис. 5, *3*).

Общая длина 5 см, ширина рамки 1.8 см, длина рамки 3 см.

СА 9147. Бронзовое полусферическое изделие с отверстием в центре. Возможно, что это был колпачок, который надевался на пастовую бусину (СА 9146, стр. 373).

СА 9070. Фрагмент тонкой медной пластины с загнутыми краями.

Длина 4.3 см, ширина 3.3 см.

СА 9144. Два фрагмента металлического предмета.

Изделия из стекла, рога и камня

СА 9145. Верхняя часть стеклянного шарообразного сосуда с узким горлом. На стенках — налеп в виде узкого валика с насечками, изображающий, очевидно, змею.

Стекло темно-бурого цвета, непрозрачное, с мелкими светлыми пятнышками. Аналогичный флакон, сохранившийся полностью, найден при раскопках древнего Пенджикента. Его шарообразное тулово также обвивает змейка.

Высота фрагмента 4 см; высота горла 2 см, диаметр отверстия 1.5 см.

СА 8762. Два плоских, прямоугольных фрагмента сосуда зеленоватого прозрачного стекла.

1) 2.5×2 см; 2) 3×1.5 см.

СА 8763—8766. То же.

1) 2.8×2.5 см; 2) 3×2.5 см; 3) 5.5×3 см; 4) 3×2 см.

СА 8837. Фрагмент серого непрозрачного стекла.

СА 8833. Бусина стеклянная, удлиненной формы со стертыми гранями из прозрачного стекла, с остатками голубой краски.

Длина 1 см, ширина 0.6 см.

СА 8761. Шестигранный стерженек из прозрачного стекла, заостренный на одном конце.

Длина 1.5 см, толщина 0.6 см.

СА 8834. Круглая бусина из стеклянной пасты оранжевого цвета.

Диаметр 0.6 см.

СА 9146. Бусина из стеклянной пасты (?), круглая, голубого цвета (половина).

Диаметр 1.9 см.

СА 9139. Рог с просверленным отверстием для продергивания (амулет).

Длина 10 см, ширина 2.5 см.

СА 9148. Точильный камень с отверстием на одном конце. Второй конец сточен.

Длина 9.8 см, ширина 1.8 см, толщина 1.2 см.

СА 9149. Каменная палочка для сурьмления. Один конец заострен, на втором конце отверстие для подвешивания.

Длина 5.3 см.

Кожаные изделия

СА 9135. Сапог из кожи черного цвета. Сшит из нескольких частей. Верх сапога состоит из: 1) передней части, покрывающей всю ступню, 2) узкой полосы кожи, приходящейся на подъеме, 3) короткого голенища и 4) высокого треугольного задника, доходящего почти до верхнего края голенища. Все части сшиты между собой швами наружу, а передок голенища встык. Подошва из более толстой кожи (сыромятной) желтоватого цвета пришита к верху сапога наружными швами. (Рис. 6, *1*).

Рис. 6. Изделия из кожи.

1 — сапог; *2а* — кусочек необработанной кожи; *2б* — кусочек белой кожи, прошитой нитками.

Длина стопы 28 см, высота стопы 18 см, ширина голенища 15 см.

СА 9115. Два фрагмента изделия из тонкой черной кожи. На поверхности — семь несимметрично расположенных узких прорезей. Хорошо видны следы прикрепления четырехугольных пластин.

Длина 34.5 см, наибольшая ширина 40 см.

СА 9086. Фрагмент тонкой белой кожи. В одном месте прошит белыми нитками.

Длина 7.5 см, ширина 5.7—2.8 см.

СА 9132. Кусок необработанной кожи с остатками шерсти рыжего цвета.

Длина 75 см, ширина 19 см.

СА 8843. Кусочек необработанной кожи с остатками белой шерсти. (Рис. 6, *2а*).

Длина 12 см, ширина 4 см.

СА 8842. Кусочек белой кожи, пришитой белыми нитками. (Рис. 6, *2б*).

Длина 11 см, ширина 3.5 см.

Керамика

СА 9128. Лепной плоскодонный котелок с прямым низким венчиком, слегка отогнутым наружу. На плечиках небольшие, витые горизонтальные ручки.

Высота сосуда 12 см, диаметр горла 19 см.

СА 8841. Маленький горшочек из хорошо отмученной глины, изготовленный на круге. Венчик слегка отогнут наружу.

Диаметр отверстия 9 см.

СА 9118. Фрагмент стенки лепного кухонного котла с большой лунообразной ручкой и невысоким вертикальным венчиком.

Диаметр отверстия 26 см.

СА 8863. Фрагмент стенки лепного кухонного котла. Снаружи покрыт светлым ангобом.

СА 8870. Фрагмент горлышка грубого лепного сосуда из красной глины.

СА 8868. Фрагмент тонкостенного лепного сосуда из грубого теста.

СА 8869. То же.

СА 9072. Фрагмент лепного горшочка из грубого теста с ручкой. На ручке у венчика маленький круглый налеп. Изготовлен небрежно.

СА 8867. Фрагмент стенки лепного грубого сосуда с коротеньким сливом.

СА 8789. Фрагмент стенки небольшого сосуда с отогнутым венчиком, из грубого теста. Снаружи покрыт светлым ангобом.

Диаметр отверстия 10 см.

СА 9074. Фрагмент венчика лепного сосуда из грубого теста, покрытого ангобом.

Диаметр отверстия 16 см.

СА 9117. Фрагмент тонкостенного лепного сосуда. На нем сохранилась часть процарапанного неясного знака.

СА 9077. Фрагмент горлышка лепного сосуда темно-коричневого цвета.

Диаметр отверстия 13 см.

СА 9127. Фрагмент стенки лепного сосуда из грубого теста, покрытого красным ангобом.

СА 8866. Венчик узкогорлого лепного сосуда из грубого теста с примесью.

Диаметр отверстия 5 см.

СА 8788. Венчик и ручка лепного кувшина из грубого теста с примесью. Снаружи сосуд покрыт красным ангобом.

Диаметр отверстия 4 см.

СА 9116. Фрагмент грубого лепного кувшина. На ручке около горлышка имеется вмятина для упора пальца.

СА 8865. Фрагмент ручки кувшина (в разрезе — овальная).

СА 8781. Фрагмент ручки кувшина с частью горлышка (в разрезе — круглая).

СА 9080. Венчик и стенка хума, орнаментированного вмятинами пальцев. На стенке сохранились остатки толстого слоя гипса.

Диаметр горла 25 см.

СА 8772. Фрагмент венчика хума, орнаментированного защипами. Снаружи покрыт ангобом.

Диаметр отверстия 35 см.

СА 9075. Фрагмент профилированного венчика хума из грубого теста с примесью.

Диаметр отверстия 17 см.

СА 9076. Фрагмент котла, изготовленного на круге из грубого теста. На плечиках орнамент в виде прочерченных параллельных линий.

Диаметр отверстия 20 см.

СА 9113. Фрагмент горшка, изготовленного на круге из грубого теста. Венчик резко отогнут наружу. На плечиках прочерченный орнамент в виде дугообразных линий.

СА 8793. Фрагмент тонкостенного горшочка, изготовленного на круге из теста с примесью. Край венчика отогнут наружу.

Диаметр отверстия 10 см.

СА 8787. Фрагмент небольшого горшочка, изготовленного на круге из хорошо отмученной глины с примесью толченого камня. Снаружи покрыт светлым ангобом.

Диаметр отверстия 12 см.

СА 8792. Фрагмент сосуда с небольшими ручками, изготовленный на круге из теста с примесью.

Диаметр отверстия 21 см.

Ткани[1]

Хлопчатобумажные

СА 8877. Фрагмент белой хлопчатобумажной ткани. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 20 нитей утка, 12 нитей основы.[2] Длина 18 см, ширина 14 см.

СА 8878. То же. Синий из двух кусков одинакового качества. Один из кусков с кромкой. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 21 нить утка, 9 нитей основы. Длина 16 см, ширина 11.5 см.

СА 8879. То же. Сохранность плохая. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 23 нити утка, 13 нитей основы. Длина 16 см, ширина 8 см.

СА 8880. То же. Сохранность плохая. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 22 нити утка, 17 нитей основы. Длина 16 см, ширина 3.6 см.

СА 8881. То же. Сохранность хорошая. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 17 нитей утка, 11 нитей основы. Длина 7 см, ширина 4 см.

СА 8882. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 11 нитей основы. Длина 12.5 см, ширина 2.6 см.

СА 8883. То же. Сохранность удовлетворительная.

Плотность ткани 18 нитей утка, 10 нитей основы. Длина 71 см, ширина 23 см.

СА 8884. То же. Сохранность удовлетворительная.

Плотность ткани 18 нитей утка, 10 нитей основы. Длина 16 см, ширина 12 см.

СА 8885. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 20 нитей утка, 14 нитей основы. Длина 13 см, ширина 2.5 см.

СА 8886. То же. Сохранность хорошая. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 19 нитей утка, 12 нитей основы. Длина 15 см, ширина 3.3 см.

СА 8887. То же. Сохранность хорошая. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 20 нитей утка, 15 нитей основы. Длина 2 см, ширина 1.5 см.

СА 8888. То же. Сохранность хорошая. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 20 нитей утка, 10 нитей основы. Длина 3.5 см, ширина 3 см.

СА 8889. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Длина 3 см, ширина 0.3 см.

СА 8890. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 15 нитей утка и 10 нитей основы. Длина 19 см, ширина 15 см.

СА 8891. То же. Сохранность плохая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая. Кромка образована за счет уплотнения нитей основы.

Плотность ткани 12 нитей утка и 8 нитей основы. Длина 18 см, ширина 6 см.

СА 8892. То же. Сохранность хорошая. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 16 нитей утка и 11 нитей основы. Длина 16 см, ширина 3 см.

СА 8893. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 14 нитей утка, 10—12 нитей основы. Длина 12 см, ширина 5 см.

СА 8894. То же. Сохранность плохая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 15 нитей утка, 10 нитей основы. Длина 28 см, ширина 3.5 см.

СА 8895. То же. Обрывок неправильной формы. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

---

[1] Описание составлено М. П. Винокуровой.

[2] Плотность ткани определяется количеством нитей утка и основы на 1 см².

Плотность ткани 16—17 нитей утка, 10—11 нитей основы. Наибольшая длина 12 см, ширина 6.8 см.

СА 8896. Три куска хлопчатобумажной ткани одинакового качества, сшитые друг с другом. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 16 нитей утка, 8 нитей основы. Длина 12 см, ширина 10 см.

СА 8897. Фрагмент хлопчатобумажной ткани. Сшит из двух кусков одинакового качества. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 22 нити утка, 12 нитей основы. Длина 18 см, ширина 10—11 см.

СА 8898. Фрагмент белой хлопчатобумажной ткани. Сохранность хорошая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 15 нитей утка, 14 нитей основы. Длина 16 см, ширина 1—2 см.

СА 8899. То же. Сохранность хорошая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 13 нитей утка, 13 нитей основы. Длина 7 см, ширина 3.5 см.

СА 8900. То же (сшит из двух кусков одинакового качества). Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 11 нитей основы. Длина 16 см, ширина 4 см.

СА 8901. То же с кромкой. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 18—24 нити утка, 11—12 нитей основы. Длина 11.5 см, ширина 9 см.

СА 8902. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 11 нитей основы. Длина 15.5 см, ширина 7.8 см.

СА 8903. То же. Сохранность плохая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 21 нить утка, 20—21 нить основы. Длина 24 см, ширина 9.5—10 см.

СА 8904. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 13 нитей основы. Длина 14 см, ширина 9 см.

СА 8905. То же. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Исчисление плотности невозможно вследствие плохой сохранности ткани. Длина 7 см, ширина 4.6 см.

СА 8906. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 14 нитей утка, 18 нитей основы. Длина 9 см, ширина 6 см.

СА 8907. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 14 нитей утка, 11 нитей основы. Длина 10 см, ширина 5 см.

СА 8908. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 21 нить утка, 10 нитей основы. Длина 50 см, ширина 2.5 см.

СА 8909. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 17 нитей утка, 10 нитей основы. Длина 21 см, ширина 14.5 см.

СА 8910. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 17 нитей утка, 13 нитей основы. Длина 16 см, ширина 2.8 см.

СА 8911. То же. Сшит из двух кусков одинакового качества. Сохранность плохая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 21 нить утка, 17—14 нитей основы. Длина 18 см, ширина 1.1 см.

СА 8912. То же. Сохранность плохая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 18 нитей утка, 10 нитей основы. Длина 29 см, ширина 9 см.

СА 8913. То же. Сшит из четырех кусков одинакового качества. Сохранность удовлетворительная. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 10 нитей утка, 2 нити основы. Длина 19 см, ширина 15 см.

СА 8914. То же. Сохранность плохая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 14 нитей основы. Длина 10 см, ширина 4 см.

СА 8915. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 16—11 нитей утка, 12 нитей основы. Длина 18 см, ширина 1.5 см.

СА 8916. То же. Сшит из двух кусков. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 17 нитей утка, 16 нитей основы. Длина 13 см, ширина 8 см.

СА 8917. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 18 нитей утка, 16 нитей основы. Длина 30 см, ширина 8 см.

СА 8918. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 11 нитей основы. Длина 29 см, ширина 3—5 см.

СА 8919. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 16 нитей утка, 9 нитей основы. Длина 22 см, ширина 2 см.

СА 8920. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 15 нитей утка, 9 нитей основы. Длина 5 см, ширина 5 см.

СА 8921. То же. Сохранность удовлетворительная. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 12 нитей утка, 8 нитей основы. Длина 5 см, ширина 2.5 см.

СА 8922. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность куска неоднородна 14—21 нитей утка, 9—11 нитей основы. Длина 37 см, ширина 15 см.

СА 8923. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 15 нитей утка, 9 нитей основы. Длина 17 см, ширина 14.5 см.

СА 8924. То же. По краю проходит кромка. Сохранность плохая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 8—10 нитей основы. Длина 47 см, ширина 16—9 см.

СА 8925. То же. По краю проходит кромка. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 16 нитей утка, 8 нитей основы. Длина 11.5 см, ширина 10 см.

СА 8926. То же. Сшит из двух кусков одинакового качества. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 16 нитей утка, 10 нитей основы. Длина 11 см, ширина 10 см; длина 17 см, ширина 10 см.

СА 8927. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 18 нитей утка, 12 нитей основы. Длина 10—7 см, ширина 2.8 см.

СА 8928. То же. Сохранность хорошая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 17 нитей утка, 10 нитей основы. Длина 33 см, ширина 3 см.

СА 8930—8931. Два маленьких фрагмента хлопчатобумажной ткани полотняного переплетения.

СА 8932. Изделие из белой хлопчатобумажной ткани (чулок?). Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 33 нити утка, 19 нитей основы.

СА 8933. Фрагмент белой хлопчатобумажной ткани. Сохранность хорошая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 11 нитей основы. Длина 16 см, ширина 2 см.

СА 8934. Фрагмент ткани из хлопчатобумажных и шелковых нитей, натянутых рядами шириной 1 см. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Основа шелковая, уток — хлопчатобумажный. Пряжа: хлопчатобумажная нить слабокрученая, шелковая — не крученая.

Плотность ткани 24 нити утка, 28 нитей основы. Длина 27 см, ширина 13 см.

СА 8945. Маленький фрагмент хлопчатобумажной ткани.

Длина 3 см, ширина 0.5 см.

СА 8951б. Фрагмент ткани из хлопчатобумажных и шелковых нитей, натянутых рядами шириной 1 см. Сохранность удовлет-

ворительная. Переплетение полотняное. Основа шелковая, уток — хлопчатобумажный. Пряжа: хлопчатобумажная нить слабокрученая, шелковая — не крученая.

Плотность ткани 22 нити утка, 27 нитей основы. Длина 13 см, ширина 3.5 см.

СА 8952. Фрагмент белой хлопчатобумажной ткани (сшит из двух кусков одинакового качества). Сохранность хорошая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 18 нитей утка, 10 нитей основы. Длина 22 см, ширина 20 см.

СА 8953. Фрагмент мешочка из грубой хлопчатобумажной ткани белого цвета, сшитого из двух кусков. Сохранность удовлетворительная. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 12 нитей утка, 13 нитей основы.

СА 8975. Фрагмент белой хлопчатобумажной ткани. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 18 нитей утка, 12 нитей основы. Длина 13.5 см, ширина 2.5 см.

СА 8976. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 12 нитей утка, 8 нитей основы. Длина 8 см, ширина 1.5 см.

СА 8982. Обрывок верхней части мешочка из хлопчатобумажной пряжи на шелковой подкладке. Сохранность удовлетворительная. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 21 нить утка, 11 нитей основы. Длина 6.5 см, ширина 5 см.

СА 8984. Связка, состоящая из двух фрагментов белой хлопчатобумажной ткани и одного шелкового. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани: 1) 17 нитей утка, 14 нитей основы; 2) 16—19 нитей утка, 14 нитей основы; третий шелковый фрагмент затянут в узелок: 1) длина 26 см, ширина 2.2 см, 2) длина 8 см, ширина 1.5 см, 3) длина 15 см, ширина 2.8 см.

СА 8985. Связка из 8 фрагментов ткани очень плохой сохранности.

СА 8986. Фрагмент белой хлопчатобумажной ткани. Сохранность плохая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 18 нитей утка, 9 нитей основы. Длина 46 см, ширина 18 см.

СА 9001. Фрагмент хлопчатобумажной ткани оранжевого цвета. Сохранность очень плохая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 25—23 нити. (Вследствие плохой сохранности ткани отличить утковую нить от основной невозможно).

СА 9002. То же. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 21 нить утка, 13 нитей основы.

СА 9037. Фрагмент белой хлопчатобумажной ткани. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 9 нитей утка, 17 нитей основы. Длина 11 см, ширина 10 см.

СА 9038. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 15 нитей утка, 9 нитей основы. Длина 42.2 см, ширина 6.5 см.

СА 9039. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей основы, 12 нитей утка. Длина 5 см, ширина 4.5 см.

СА 9040. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 15 нитей утка, 9 нитей основы. Длина 20 см, ширина 3.5 см.

СА 9041. То же с кромкой. Сохранность удовлетворительная. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 22 нити утка, 12 нитей основы. Длина 19.5 см, ширина 2.8 см.

СА 9042. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 16 нитей утка, 9 нитей основы. Длина 17.5 см, ширина 9.5 см.

СА 9043. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 17 нитей основы. Длина 16 см, ширина 5.4 см.

СА 9044. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 17 нитей утка, 8 нитей основы. Длина 14.5 см, ширина 6.5 см.

СА 9045. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 17 нитей утка, 8 нитей основы. Длина 43 см, ширина 5 см.

СА 9046. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 12 нитей утка, 7 нитей основы. Длина 33 см, ширина 14 см.

СА 9047. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 21 нить основы. Длина 19 см, ширина 14.5 см.

СА 9048. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 23 нити основы, 14 нитей утка. Длина 21 см, ширина 4 см.

СА 9049. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 20 нитей основы. Длина 36 см, ширина 6 см.

СА 9050. То же с кромкой. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 23 нити утка, 12 нитей основы. Длина 13 см, ширина 3.5 см.

СА 9051. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 18 нитей основы, 12 нитей утка. Длина 14.2 см, ширина 7.5 см.

СА 9052. То же. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 17 нитей утка, 12 нитей основы. Длина 29.5 см, ширина 12.5 см.

СА 9053. То же. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 15 нитей утка, 9 нитей основы. Длина 18 см, ширина 2—2.5 см.

СА 9054. Изделие, изготовленное из хлопчатобумажной ткани, белого цвета (чулок). Сохранность плохая. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 18 нитей утка, 11 нитей основы.

СА 9055. Фрагмент белой хлопчатобумажной ткани. Сохранность хорошая. Переплетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 18 нитей утка, 14 нитей основы. Длина 11 см, ширина 4 см.

СА 9058. Фрагмент хлопчатобумажной ткани бурого цвета. Сохранность удовлетворительная.

Длина 9 см, ширина 3.5 см.

СА 9156. Фрагмент белой хлопчатобумажной ткани. Плетение полотняное. Пряжа слабокрученая.

Плотность ткани 13 нитей утка, 13 нитей основы. Длина 25 см, ширина 18 см.

Шелковые

СА 8935. Фрагмент шелковой ткани желтого цвета, типа чесучи.

Вследствие плохой сохранности определение плотности ткани невозможно.

СА 8936. Фрагмент шелковой ткани белого цвета, типа чесучи. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 40 нитей основы, 38 нитей утка. Длина 13 см, ширина 1 см.

СА 8937. Фрагмент шелковой ткани синего цвета, типа камки. Сохранность удовлетворительная. Орнамент в виде цветочной розетки. Плетение: фон ткани исполнен полотняным переплетением, орнамент проработан при помощи изменения переплетения на киперное.

Плотность ткани 38 нитей утка, 36—38 нитей основы. Длина 12.5 см, ширина 1 см.

СА 8938. Фрагмент шелковой ткани белого (желтоватого) цвета, типа чесучи. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 40 нитей основы, 38—40 нитей утка. Длина 5 см, ширина 3.5 см.

СА 8939. Фрагмент шелковой ткани белого цвета, типа чесучи. Сохранность удовлетворительная.

Плотность ткани 38—40 нитей основы, 38—40 нитей утка. Длина 10 см, ширина 0.8 см.

СА 8940. Фрагмент шелковой ткани темно-красного цвета. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 38 нитей основы, 34 нити утка. Длина 8 см, ширина 2.7 см.

СА 8941. Фрагмент шелковой ткани темно-красного цвета, типа чесучи. Сохранность плохая. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 38 нитей основы, 36 нитей утка. Длина 12.5 см, ширина 6 см.

СА 8942. Фрагмент шелковой ткани зеленовато-сероватого цвета, типа чесучи. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 36—38 нитей основы, 36—38 нитей утка. Длина 8 см, ширина 5 см.

СА 8949. Фрагмент шелковой ткани зеленого цвета, типа камки. Сохранность плохая. Переплетение полотняное.

Орнамент и плотность плетения вследствие плохой сохранности не определены. Длина 2.5 см, ширина 1.2 см.

СА 8950. Фрагмент шелковой ткани зеленовато-серого цвета, типа камки. Сохранность плохая.

Определение плотности вследствие плохой сохранности ткани невозможно. Длина 3 см, ширина 0.7 см.

СА 8955. Фрагмент шелковой ткани синего цвета, типа камки. Сохранность удовлетворительная. Орнамент в виде геометризованных цветочных розеток. Плетение: фон ткани исполнен полотняным переплетением. Орнамент проработан при помощи изменения переплетения на киперное.

Плотность ткани 38—40 нитей утка, 38—40 нитей основы. Длина 12.2 см, ширина 2.8 см

СА 8956. Фрагмент шелковой ткани бледно-фиолетового цвета, типа чесучи. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 39 нитей основы, 40 нитей утка. Длина 11.5 см, ширина 1.5 см.

СА 8957. Фрагмент шелковой ткани. Очень загрязнен. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 39 нитей основы, 40 нитей утка. Длина 24.4 см, ширина 2.5 см.

СА 8958. Фрагмент шелковой ткани белого цвета, типа камки. Сохранность удовлетворительная. Орнамент в виде цветочной розетки, составленной четырьмя ромбовидными фигурами. Плетение: фон ткани исполнен полотняным переплетением, орнамент проработан при помощи изменения переплетения на киперное.

Плотность ткани 39—40 нитей утка, 39—40 нитей основы. Длина 21 см, ширина 4 см.

СА 8960. Фрагмент шелковой ткани синего цвета, типа чесучи. Сохранность плохая. Плетение полотняное.

Плотность ткани 39 нитей утка, 40 нитей основы. Длина 40.2 см, ширина 4.8 см.

СА 8961. Фрагмент шелковой ткани белого цвета, типа камки. Сохранность хорошая. Орнамент в виде геометризованных цветочных розеток. Плетение: фон ткани исполнен полотняным переплетением. Орнамент проработан при помощи изменения переплетения на киперное.

Плотность ткани 31—32 нити утка, 31—32 нити основы. Длина 49.6 см, ширина 1.8 см.

СА 8962. Фрагмент шелковой ткани синего цвета, типа чесучи. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное.

Плотность ткани 40 нитей утка, 38—40 нитей основы. Длина 4.2 см, ширина 2.2 см.

СА 8963. Фрагмент шелковой ткани синего цвета, типа камки. Сохранность плохая. Вид орнамента восстановить нельзя вследствие плохой сохранности фрагмента. Плетение: фон ткани исполнен полотняным переплетением, орнамент проработан при помощи изменения переплетения на киперное.

Плотность ткани 38 нитей утка, 38 нитей основы. Длина 13.5 см, ширина 1.5 см.

СА 8965. Фрагмент шелковой ткани зеленого цвета, типа чесучи. Сохранность хорошая. Плетение полотняное.

Плотность ткани 36 нитей утка, 37 нитей основы. Длина 2.2 см, ширина 1.3 см.

СА 8966. Фрагмент шелковой ткани желтого цвета, типа камки. Сохранность плохая. Вид орнамента вследствие плохой сохранности не устанавливается. Плетение: фон ткани исполнен полотняным переплетением, орнамент проработан при помощи изменения на киперное.

Плотность ткани 39 нитей утка, 38 нитей основы. Длина 12.2 см, ширина 2 см.

СА 8989. Фрагмент шелковой ткани зеленого цвета, типа камки. Сохранность удовлетворительная. Орнамент в виде розеток с округлыми резными листиками. Плетение: фон ткани исполнен полотняным переплетением, орнамент проработан при помощи изменения переплетения на киперное.

Плотность ткани 40 нитей утка, 40—39 нитей основы.

СА 8967. Фрагмент шелковой ткани желтого цвета. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 28 нитей основы, 29 нитей утка. Длина 11 см, ширина 8.8 см.

СА 8968. Фрагмент шелковой ткани желтоватого цвета. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 40 нитей утка, 40 нитей основы. Длина 10 см, ширина 3 см.

СА 8969. Фрагмент шелковой ткани зелено-грязного цвета. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 40 нитей утка, 39 нитей основы. Длина 20.2 см, ширина 5 см.

СА 8970. Фрагмент шелковой ткани зеленого цвета (с кромкой). Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Длина 19 см, ширина 13 см.

СА 8971. Фрагмент шелковой ткани голубовато-серого цвета. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 36—39 нитей утка, 36—39 нитей основы. Длина 23 см, ширина 1.4 см.

СА 8981. Обрывок рукава одежды из двусторонней узорной шелковой ткани. Сохранность удовлетворительная. Орнамент желтого цвета, состоящий из ромбов, насколько можно судить по обрывку, расположен на голубом фоне. Плетение киперное. Нить основы крученая, нить утка не крученая.

Плотность ткани 22 нити утка, 22 нити основы. Длина 21 см, ширина 2 см.

СА 9056. Фрагмент шелковой ткани белого цвета. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное.

Плотность ткани 35—36 нитей утка, 37—38 нитей основы. Длина 6 см, ширина 5.5 см.

СА 9058. Фрагмент шелковой ткани зеленовато-коричневого цвета. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное.

Плотность ткани 30 нитей утка, 30—31 нить основы. Длина 55 см, ширина 9 см.

СА 8973. Фрагмент шелковой ткани красного цвета. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное.

Длина 8 см, ширина 0.3 см

СА 8478. Фрагмент шелковой ткани белого цвета. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 24 нити утка, 24 нити основы. Длина 4.5 см, ширина 3 см.

СА 8979. Фрагмент шелковой ткани красного цвета. Сохранность удовлетворительная. Плетение полотняное. Нить основы желтая крученая, нить утка красная не крученая.

Плотность ткани 18—20 нитей утка, 18—20 нитей основы. Длина 10 см, ширина 3.3 см.

СА 9013. Фрагмент шелковой ткани зеленого цвета, замотанного белыми хлопчатобумажными нитями.

СА 9014. Фрагмент шелковой ткани красного цвета. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное. Нить утка красная не крученая, нить основы крученая коричневого цвета.

Плотность ткани 22 нити утка, 20 нитей основы. Длина 8 см, ширина 5.5 см.

СА 9015. Фрагмент шелковой ткани коричневого цвета. Сохранность удовлетворительная. Переплетение полотняное.

Длина 7 см, ширина 0.3 см.

СА 9160. Фрагмент шелковой ткани красного цвета, типа камки. Сохранность удовлетворительная. Вид орнамента установить трудно. Плетение: фон ткани исполнен полотняным переплетением, орнамент проработан при помощи изменения переплетения на киперное.

Плотность ткани 38 нитей утка, 38 нитей основы. Длина 24 см, ширина 2 см.

СА 9163. Фрагмент шелковой ткани синего цвета. Сохранность хорошая. Переплетение полотняное.

Плотность ткани 39—40 нитей утка, 39—40 нитей основы. Длина 24 см, ширина 2.6 см.

СА 9165. Фрагмент шелковой ткани. Сохранность хорошая. Орнамент в виде белых горохов на голубом фоне, исполнен техникой замотки. Плетение репсовое.

СА 9166. Фрагмент шелковой двусторонней ткани. Сохранность хорошая. Исполнен двумя утками. Орнамент в виде четырехлепестковой розетки светло-коричневого цвета на синем фоне. Переплетение киперное. Нить основы крученая красного цвета, нити утка не крученые синего и светло-коричневого цвета.

Плотность ткани 13 нитей утка, 11 нитей основы. Длина 6 см, ширина 5 см.

СА 9168. Мешок синий из четырех кусков шелка различных цветов одного качества (камки).

1) Ткань типа камки синего цвета. Плетение киперное, ломаное. Орнамент в виде цветочных розеток выполнен обратным расчетом этого же переплетения.

Длина 11 см, ширина 5.5 см.

2) То же. Переплетение полотняное. Сохранность хорошая.

Плотность ткани 39—40 нитей основы, 39—40 нитей утка. Длина 11 см, ширина 3.5 см.

3) То же, красного цвета. Плетение полотняное, орнамент в виде цветочных розеток исполнен изменением плетения на киперное. Сохранность хорошая.

Плотность ткани 39—40 нитей основы, 39—40 нитей утка. Длина 8 см, ширина 3.5 см.

4) То же, белого цвета. Плетение полотняное. Орнамент в виде цветов и веток исполнен изменением плетения на киперное. Сохранность хорошая.

Плотность ткани 39—40 нитей основы, 39—40 нитей утка. Длина 9.5 см, ширина 7.5 см.

СА 9169. Фрагмент шелковой узорной ткани. Сохранность хорошая. Орнамент в виде розеток с перлами. Плетение киперное. Орнамент исполнен при помощи четырехцветной основы (серая, зеленая, коричневая, белая).

Плотность ткани подсчитать не удалось, так как она находится под стеклом на выставке (рис. 7, *2*). Длина 13 см, ширина 10 см.

СА 9170. Фрагмент шелковой ткани красного цвета. Сохранность плохая. Плетение репсовое. Нить не крученая.

Плотность ткани 33 нити утка, 25 нитей основы. Длина 5 см, ширина 4.5 см.

СА 9171. Фрагмент двусторонней шелковой ткани. Сохранность хорошая. Орнамент в виде стилизованных цветов, соединенных между собой побегами зеленого цвета на желтом фоне с одной стороны и желтого на зеленом фоне с другой. Нить не крученая, плетение киперное.

Плотность ткани 31 нить утка, 20 нитей основы. Длина 22 см, ширина 3 см.

СА 9173. То же. Исполнена двумя утками. Сохранность хорошая. Орнамент в виде зубчатых розеток, центр которых заполнен листками в виде сердца или каймой перлов желтого цвета на фиолетовом фоне с одной стороны и фиолетового на желтом с другой. Нить основы крученая красного цвета, нити утков желтая и фиолетовая не крученые. Переплетение киперное (рис. 7, *1*).

Длина 25 см, ширина 6.5 см.

Шерстяные

СА 8980. Фрагмент шерстяной ткани красного цвета. Сохранность удовлетворительная. Орнамент в виде полос синих и желтых (1—2 мм шириною). Переплетение полотняное. Пряжа грубая, хорошо крученая.

Плотность ткани 20 нитей утка, 10 нитей основы. Длина 7 см, ширина 6 см.

Плетение, шнуры, нитки, веревки

СА 9003. Сетка головная узорного плетения. Узор состоит из нескольких рядов ромбов, соединенных между собой редким ажурным плетением. Внутри каждый ромб имеет свой узор, сочетающийся из плотного и редкого ажурного плетения. На плечи спускаются две сужающиеся полосы.

Длина 84 см, ширина 30 см, длина концов 62 см, ширина концов 14.5—9 см.

СА 9004. То же. Узор состоит из нескольких узких продольных рядов плотного плетения, соединенных между собой перекрещивающимися тонкими нитями. На плечи спускаются узкие полосы простого редкого плетения, сходящие на концах на нет.

Длина 60 см, ширина 21 см, длина концов 35 см, ширина концов 7 см.

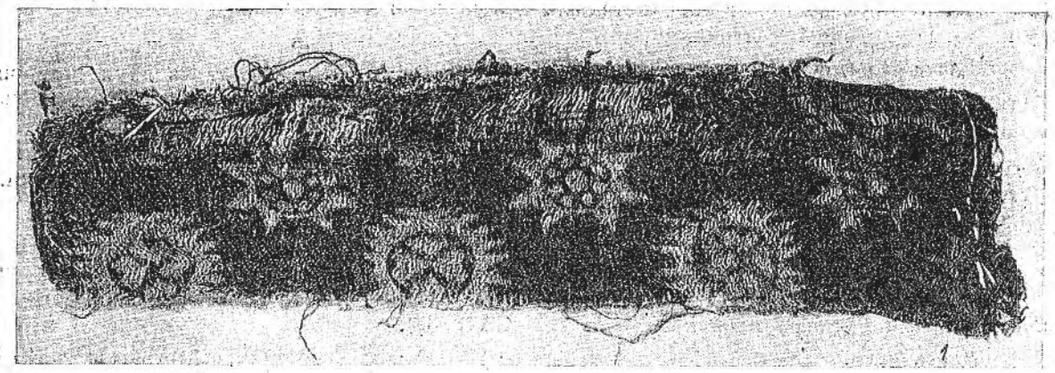
СА 9005. То же. Узор состоит из рядов маленьких ромбиков плотного плетения, соединенных между собой тонкими нитями. Нижняя часть одного ряда ромбов соединяется с верхней частью последующего, таким образом каждый ромб соединяется нитями со всех четырех сторон.

Длина 56 см, ширина 30 см, длина концов 34 см, ширина концов 8 см.

9009. Фрагмент нижней части головной сетки.

Длина 19 см.

9059. То же. Длина 28 см, ширина 10 см.



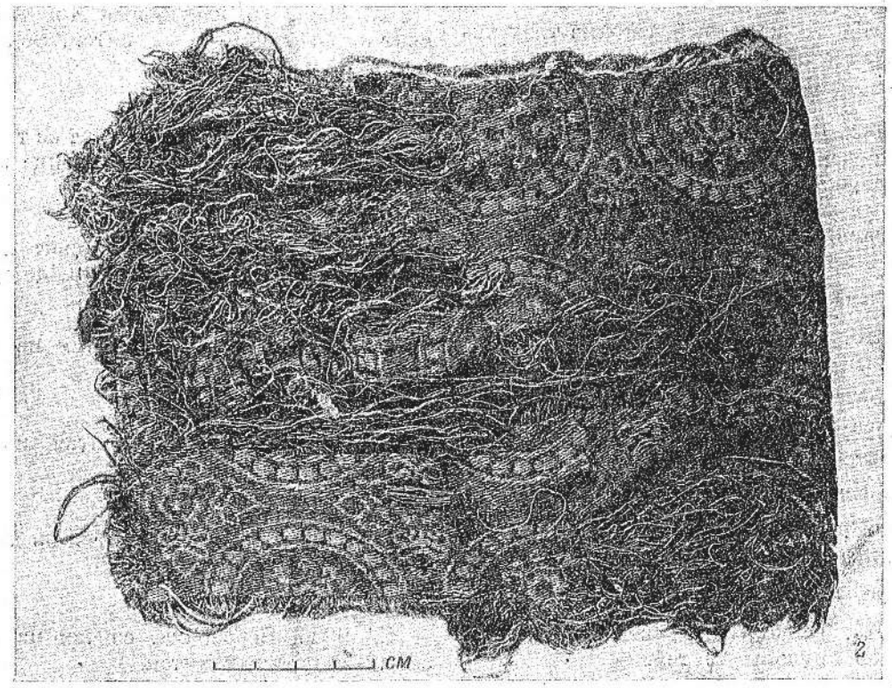


Рис. 7. Фрагменты шелковой ткани.

1 — фрагмент с орнаментом в виде зубчатых розеток; *2* — фрагмент с орнаментом в виде розеток.

9006. Обрывок белой сетки из толстых, слабо крученых нитей, сплетенных крупными ромбовидными ячейками.

Длина 46 см, ширина 6 см.

9007. То же, сплетенный из толстых, слабо крученых нитей.

Длина 41 см, ширина 7 см.

9008. То же, сплетенные крупными ячейками.

Длина 24 см, ширина 9 см.

8944. То же, из витого шнура, сплетена крупными редкими ячейками.

Длина 20 см.

СА 8947. Хлопчатобумажный шнур, белый, свит из четырех слабо крученых нитей.

Длина 48 см.

СА 8945. То же, серый, свит из трех нитей. Связан с обрывком ткани.

Длина 25 см.

СА 8982. Два хлопчатобумажных шнура, белых, продернутых через обрывки маленького мешочка. Один сложного плетения, квадратный в сечении, второй плетен косичкой. На завязанных в узелок концах шнуров имеются кисточки.

Длина первого шнура 42 см, второго 29 см.

СА 9019. Хлопчатобумажный шнур белый, свитый из трех слабо крученых нитей.

Длина 64 см.

СА 9022. То же, не витой, из слабо крученых нитей.

Длина 27 см.

СА 9023. То же, свит из грубых слабо крученых нитей.

Длина 57 см.

СА 9024. То же, серый, свит из двух толстых слабо крученых нитей.

Длина 19 см.

СА 9025. То же, белый, туго свит из двух крученых нитей.

Длина 14 см.

СА 9027. То же, белый, свит из трех нитей.

Длина 37 см.

СА 9028. То же, белый, слабо свит из двух крученых нитей.

Длина 63 см.

СА 9030. То же, свит из двух шнуров, состоящих каждый из 9 слабо крученых нитей.

Длина 18 см.

СА 9032. То же, белый, слабо свит из двенадцати нитей.

Длина 8 см.

СА 9033. То же, белый, из крученых нитей, не закончен плетением (аналогичен СА 8982).

Общая длина 40 см, сплетенная часть 12 см.

СА 8992. То же, белый, свит из восьми слабо крученых нитей.

Длина 4.5 см.

СА 8989. То же, белый толстый (0.5), свит из слабо крученых нитей. Вся поверхность шнура потерта.

Длина 33 см.

СА 8995. То же, белый, свит из трех слабо крученых нитей. На одном конце завязана петля.

Длина 25 см.

СА 8987. То же, белый, свит из слабо крученых нитей различной толщины.

Длина 28 см.

СА 9026. Веревочка, свитая из четырех белых шерстяных нитей.

Длина 8 см.

СА 8988. Веревочка, свитая из белого конского (?) волоса.

Длина 44 см.

СА 8997. Веревочка, свитая из конского? волоса бурого цвета.

Длина 12 см.

СА 9026. Веревочка, свитая из четырех белых шерстяных нитей.

Длина 8 см.

СА 9021. Веревочка, свитая из грубых шерстяных ниток.

Длина 9.5 см.

СА 8988. Веревочка, свитая из белого конского (?) волоса.

Длина 44 см.

СА 8997. Веревочка, свитая из конского (?) волоса бурого цвета.

Длина 12 см.

СА 8983. Пучок ниток, начатый плетением в середине. Сплетены два квадратика размером 0.9×0.9 см, соединенные углом друг с другом. Плетение плотное, производилось со всех четырех сторон квадратов. По одной, внешней, стороне квадратов расположены девять маленьких черных бусин-пронизок, за которыми следует ряд прозрачного, решетчатого плетения.

СА 8943. Пучок белых ниток, перевязанных шнурком.

СА 8991. Пучок ниток различной толщины (рассекшаяся ткань).

Длина 20 см.

СА 8990. Пучок белых ниток различной толщины.

Длина 7 см.

СА 9031. Нитка белая, крученая.

Длина 53 см.

СА 8999. Обрезок белого толстого войлока.

Длина 12 см, ширина 1 см, толщина 0.4 см.

СА 8998. Комок белой непряденой шерсти.

Длина 6 см, ширина 4 см.

СА 9088. Кусок ваты (из подкладки ?).

Длина 43 см, ширина 21 см, толщина 1.5 см.

ХРОНИКА

РАБОТ ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ с 1952 по 1954 г.

1952 г.

Экспедиция проводилась Институтом истории материальной культуры АН СССР, Институтом истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР и Государственным Эрмитажем.

Время работ — июль—сентябрь.

I. Пенджикентский отряд

Объекты работ:
1) Начаты раскопки ограды двора объекта II.
2) Продолжены раскопки объекта III.
3) Продолжены раскопки объекта VI.
4) Продолжены раскопки объекта VIII.
5) Сняты росписи на объекте VI.
6) Снята скульптура на объекте II.

II. Кафирниганский отряд

Объекты работ:
1) Продолжены раскопки городища Кей-Кобад-Шах.
2) Начаты раскопки городища Мунчак-Тепе.

III. Исфаринский отряд

Объекты работ:
1) Исследованы курганы у сел. Ворух.
2) Начаты раскопки крепости Калаи-Боло.
3) Продолжение археологических разведок.
4) Снят эстампаж надписи в Ворухском ущелье.
5) Составлены археологические карты Исфаринского района.

IV. Верхнезеравшанский отряд

Объекты работ:
Раскопки курганов в верховьях Зеравшана.

Итоги работ

В 1952 году в составе экспедиции работало 4 отряда.

В Пенджикенте основные работы производились на объекте II, где вскрыты помещения в ограде. В результате этих работ выявился архитектурный план всего объекта.

В восточной ограде открыт скульптурный фриз.

На объекте VIII (загородная усадьба) обнаружена стеклоделательная мастерская.

На остальных объектах (III и VI) продолжались раскопки.

На юге Таджикистана продолжались работы по раскопкам городища Кей-Кобад-Шах. Изучались оборонительные башни и городская стена. Башни — прямоугольные, с помещением в верхней части. Городская стена имеет полутораметровый фундамент. На кирпичах из кладки обнаружены различные знаки, напоминающие буквы кушанского алфавита. Установлено, что нижние части городских укреплений относятся к III—II вв. до н. э., а в основном они датируются I—IV вв. н. э.

Кроме этих работ, на городище Мунчак-Тепе был заложен стратиграфический шурф, по данным которого можно считать, что поселение здесь возникло в VII—IV вв. до н. э.

В небольшом раскопе, также заложенном на городище, обнаружено несколько строительных комплексов. Верхний датируется VI—VII вв. Под ним находилось помещение, стена которого выложена из «античного» по размерам кирпича.

Изучение курганов Верхнезеравшанским и Исфаринским отрядами дало важный материал по истории кочевников северного Таджикистана, начиная с середины I тысячелетия до н. э. Исфаринский отряд изучал замок Калаи-Боло. Выяснено, что он возник на месте постройки кушанского времени, но основной период жизни в замке относится к XI—XII вв.

1953 г.

Экспедиция проводилась Институтом истории материальной культуры АН СССР, Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР и Государственным Эрмитажем.

Время работ — май—ноябрь.

I. Кафирниганский отряд (май—июнь)

Объекты работ:
1) Раскопки городища Кей-Кобад-Шах.
2) Раскопки городища Мунчак-Тепе.
3) Разведки в Микоянобадском и Шаартузском районах.

II. Отряд по изучению Каменного века (май—июнь)

Исследован ряд районов на юге Таджикистана и в районе г. Сталинабада.

III. Пенджикентский отряд

Объекты работ:
1) Продолжены раскопки объекта III.
2) Продолжены раскопки объекта VI.
3) Начаты раскопки объектов IX и X.
4) Продолжены раскопки объекта VIII.
5) Раскрыта и снята со стен живопись на объекте VI, в помещениях 1, 8, 10, 13.

IV. Верхнезеравшанский отряд

Объекты работ:
1) Раскопки могильника у сел. Зосун.
2) Раскопки городища в сел. Урмитан.
3) Раскопки городища Батур-Тепе у сел. Суджина.

V. Хуттальский отряд

Объекты работ:
1) Разведочные раскопки на городище Хульбук.
2) Раскопки городища Кухна-Кала у Ворошиловабада.

Итоги работ

На юге Таджикистана, на городище Кей-Кобад-Шах, продолжалось изучение фортификационных и жилых строительных комплексов, найдено много бытовых предметов. На городище Мунчак-Тепе обнаружено святилище первых веков н. э.

Изучение Каменного века производилось в нескольких пунктах вблизи Сталинабада, в долинах р. Варааб, в районе Дагана-Киик, в среднем течении р. Вахш и в бассейне р. Кафирниган.

Найдены следы верхнего палеолита в среднем течении Вахша и обнаружена архаическая культура неолитического типа (или ранней бронзы).

Основные работы велись в Пенджикенте. В результате вскрыто много жилых и производственных помещений. Открыта винодельня в пригороде и металлообрабатывающая мастерская при жилом комплексе на объекте III. В пригороде обнаружены также и погребальные сооружения; интереснейшие фрагменты росписи открыты на объекте VI.

В верхнем течении Зеравшана вскрыто 23 погребения, относящихся к раннему средневековью и частично к домусульманскому времени.

Раскопки усадьбы у сел. Суджина дали материал раннесредневековый.

Городище около современного Куляба является остатками столицы Хутталя — Хульбука. К югу от пос. Ворошиловабада открыто интересное городище кушанского времени.

1954 г.

Экспедиция проводилась институтом истории материальной культуры АН СССР, Институтом истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР и Государственным Эрмитажем.

Время работ — июнь—октябрь.

I. Пенджикентский отряд

Объекты работ.
1) Продолжены раскопки объекта III.
2) Продолжены раскопки объекта VI.
3) Продолжены раскопки объекта IX.
4) Начаты раскопки объекта XI.
5) Начаты раскопки объекта XII.
6) Начаты раскопки объекта XIII.

II. Хуттальский отряд

1) Продолжены раскопки городища Кухна-Кала у Ворошиловабада.
2) Проведены раскопки на городище Кум-Тепе (около Кухна-Кала).

III. Каратегинский отряд

1) Проведена археологическая разведка в Гармской области.

IV. Ходжентский отряд

Начато археологическое обследование г. Ленинабада и прилегающих районов.

V. Ворухский отряд

Проведены раскопки курганного могильника у селения Ворух.

Итоги работ

Продолжаются широко развернутые раскопки на шахристане древнего Пенджикента. В результате работ этого года, в связи с раскопками объекта XII, можно предположить, что в восточной части шахристана находились жилища знати, а в западной обитала трудовая часть населения. В помещениях объекта III найдены обуглившаяся деревянная скульптура и большое количество фрагментов обуглившегося резного дерева. Открыта, кроме того, новая по содержанию стенная роспись.

Важные научные наблюдения сделаны в области изучения архитектуры древнего Пенджикента: выяснена конструкция перекрытий, оформление фасадов, устройство вторых этажей и т. д. Раскопки дали большое количество монет и других вещественных находок.

Раскопки городища Кухна-Кала близ Ворошиловабада позволили установить, что застройка города не была завершена.

Работы на городище дали новые данные для характеристики строительного дела и древней фортификации.

Каратегинский отряд обследовал среднюю часть долины Сурхоба и отметил около 25 укрепленных пунктов, относящихся к позднему средневековью.

Ходжентский отряд произвел пробные раскопки на территории городской крепости. Найденная керамика датируется серединой I тысячелетия до н. э.

Заложенные шурфы на территории современного города установили непрерывность культурных наслоений с VIII по XIX в.

Ворухский отряд вскрыл 33 кургана в могильнике у сел. Ворух. Выяснены устройство могильных сооружений и обряд захоронения. Полученный материал (керамика, железо, бронза и др.) характеризует культуру кочевников северного Таджикистана в первые века н. э. и свидетельствует о связи кочевников с местным населением и с кочевыми племенами Поволжья и южной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЯ

ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ за 1953—1954 гг.

I. Материалы и исследования

Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Беленицкий А. М. Из археологических работ в Пянджикенте в 1951 г. СА, XVIII, М., 1953.

Беленицкий А. М. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954.

Беленицкий А. М. Археологические работы в Пенджикенте. КСИИМК, 55, 1954.

Беленицкий А. М. Раскопки в Пянджикенте. Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов, М., 1954.

Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов). Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.

Бентович И. Б. Керамика Пянджикента. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Воронина В. Л. Древняя строительная техника Средней Азии. Сб. «Архитектурное наследство», 3, М., 1953.

Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Таджикистана. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Гинзбург В. В. Материалы к краниологии Согда. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Давидович Е. А. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954.

Джалилов А. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабов в первой половине VIII века (по материалам письменных и археологических источников). Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1954.

Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951). Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Дьяконов М. М. Предварительные итоги работ Таджикской археологической экспедиции в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954.

Дьяконов М. М. Древняя Бактрия. Сб. «По следам древних культур», т. III, Госкультпросветиздат, 1954.

Дьяконов М. М. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.

Дьяконов М. М. Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, XIX, 1954.

Дьяконов М. М. и Литвинский Б. А. Литература по археологии Таджикистана, опубликованная в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 11. Сталинабад, 1954.

Забелина Н. Н. Раскопки на городище Калаи-Мир. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Колпаков А. П. Из недавнего прошлого Кобадиана. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Костров П. И. Техника живописи и консервация росписей древнего Пянджикента. Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.

Литвинский Б. А. Полевые археологические работы ТАЭ в 1952 г. Известия АН Тадж. ССР, вып. III, 1953, стр. 160.

Литвинский Б. А. Новые материалы по археологии Таджикистана. КСИИМК, 55, 1954.

Литвинский Б. А. Основные этапы изучения археологии Таджикистана советской наукой. Известия Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 6, 1954.

Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). АН Тадж. ССР, Труды, т. XXVI, 1954

Литвинский Б. А. и Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954.

Литвинский Б. А. и Давидович Е. А. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954.

Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работах Верхнеэравшанского отряда в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954.

Мандельштам А. М. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, вып. 11, Сталинабад, 1954.

Негматов Н. Усрушана в VII—X вв. (по материалам письменных и археологических источников). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.—Л., 1952.

Негматов Н. Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Смирнова О. И. Археологические разведки в верховьях Зеравшана в 1948 г. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Смирнова О. И. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Смирнова О. И. Монеты древнего Пянджикента. КСИИМК, 55, 1954.

Ставиский Б. Я. Раскопки жилого здания на шахристане древнего Пянджикента в 1950 г. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Ставиский Б. Я. Пянджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII—VIII вв. Автореферат диссертации. Л., 1954.

Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пянджикентский некрополь. Труды ТАЭ, т. II, МИА № 37, М.—Л., 1953.

Шейнина Е. Г. Консервация и реставрация стенных росписей древнего Пянджикента. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Якубовский А. Ю. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948—1950 гг. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953.

Якубовский А. Ю. Вопросы изучения пянджикентской живописи. Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.

II. Информации, рецензии и научно-популярные статьи

Бадигин. У нас в Таджикистане. Сталинабад, 1954.

Беленицкий А. М. Кумода шудани ёдгориҳои нави мадани-модди ва санъат дар Панҷакент. Коммунисти Панҷакент, 1953, № 83, 18 октября.

Беленицкий А. М. Доир ба таърихи суғдиёни қадим. Ҳақиқати Ленинабод, 1954, № 244 (3665), 10 декабря.

Беленицкий А. ва Литвинский Б. Тоҷикистонде янги археологик кошфиётлар. Кизил Тоҷикистон, 1954, № 262 (7285), 4 ноября.

Беленицкий А. М. и Литвинский Б. А. Новые археологические открытия в Таджикистане. Коммунист Таджикистана, 1954, 26 октября.

Беленицкий А. ва Литвинский Б. Тадқиқоти археологи дар Тоҷикистон. Тоҷикистони Сурх, 1954, № 289 (7641), 7 декабря.

Воробьева М. Г. Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II, 1948—1950 (рецензия). Вопросы истории, 1954, № 8.

Живопись древнего Пянджикента. (Аннотация). Вестник АН СССР, 1954, № 12.

Заднепровский Ю. А., Массон В. М. Новые материалы по археологии Таджикистана. Труды ТАЭ, т. II, МИА, № 37, М.—Л., 1953 (рецензия). ВДИ, 1955, № 1.

Колпаков А. П. Тараккиёти илм дар Тоҷикистон дар зарфи 25 сол. Ҳақиқати Ленинабод, 1954, № 169 (3590), 25 августа.

Колпаков А. П. Пешрафти илм дар Тоҷикистон. Мактаби Совети, 1954, № 6.

Леонов Н. Памятники древней культуры. Правда Востока, 1954, 11 декабря.

Литвинский Б. А. Полевые археологические работы Таджикско-согдийской археологической экспедиции в 1952 г. (Отчет о заседании Ученого Совета Института истории, археологии, этнографии). Известия Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 3, 1953.

Литвинский Б. А. О происхождении человека. Коммунист Таджикистана, 1954, № 49 (7017), 27 февраля.

Литвинский Б. А. Ценные археологические находки. Коммунист Таджикистана, 1954, № 74 (7042), 27 марта.

Литвинский Б. А. Аз гузаштан районҳои Исфара. Коммунисти Исфара, 1954, № 10 (2152), 22 августа.

Литвинский Б. А. Дар наздиҳаритаи археологии Тоҷикистон. Ҷавонони Тоҷикистон, 1954, № 111 (2361), 15 сентября.

Литвинский Б. А. Ёдгориҳои қадим. Пионер, 1954, № 1.

Литвинский Б. А. Талабагон дар омузиши таърихи республикамон чӣ тавр ери расонда метавонанд. Мактаби Совети, 1954, № 6.

Литвинский Б. А. Аз натиҷаҳои омузиши археологии Тоҷикистон дар соли 1953. Бадахшони Сурх, 1954, № 46 (1858). 16 апреля; Газетаи Муаллимон, 1954, № 11 (1126), 14 марта.

Материалы и исследования по археологии СССР, № 37, Труды ТАЭ, т. II. (Аннотация). Вестник АН СССР, 1954, № 6.

Семенов А. А. О работе Института истории, археологии и этнографии Академии наук Тадж. ССР. Коммунист Таджикистана, 1954, № 75 (7013), 28 марта.

Сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований в 1953 г. СЭ, 1954, № 3, стр. 83—94.

Сечкина. Л. Заседание отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Известия Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, вып. 2, 1952.

Славептантор Д. Вторая жизнь произведений искусства. Вечерний Ленинград, 1954, 8 октября.

Славептантор Д. Мастера реставрации. Советская культура, 1954, 16 ноября.

Славептантор Д. На холме Пянджикента. Вечерний Ленинград, 1955, № 125 (2905), 28 мая.

Стеценко И. Из глубины веков. Кулябская правда, 1954, № 58 (1361), 14 мая.

t.me/archeotajik

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
Ибн ал-Асир	— Ibn al-Athiri Chronicon quad perfectissimum inscribitur, t. VI. Ed. Garl Johannes Tornberg, Lugduni Batavorum, 1871.
ИВ	— Институт востоковедения.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
Каталог	— А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Государственного Эрмитажа.
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК.
Материалы	— О. И. Смирнова. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. ЭВ, X, 1955.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
Монетные находки	— Е. А. Давидович. Монетные находки на территории Таджикистана в 1953 г.
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА	— Советская археология.
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет.
Самкомстарис	— Самаркандский комитет по изучению старины и искусства.
Средазкомстарис	— Среднеазиатский комитет по изучению старины и искусства.
СТАЭ	— Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция (название до 1953 г.).
СЭ	— Советская этнография.
ат-Табари	— Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammad ibn Djarir at-Tabari. Ed. M. J. De Goeje, Lugduni Batavorum. Tertia series, 1879—1880.
ТАЭ	— Таджикская археологическая экспедиция (название с 1953 г.).
ТИИА	— Труды Института истории и археологии.
ТОВЭ	— Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТХЭ	— Труды Хорезмийской экспедиции.
ЭВ	— Эпиграфика Востока.
ЮТАКЭ	— Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
Якуби	— ал-Якуби. Китаб ал-Булдан. BGA, VII.
BGA	— Bibliotheca Geographorum Arabicorum, éd. M. J. De Goeje.
BSOAS	— Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.
JRAS	— The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain, London.
MDAFA	— Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan.
TS	— Textes sogdiens. Édités, traduits et commentés par E. Benveniste (Mission Pelliot en Asie Centrale, III). Paris, 1940.
В	— вес.
Д	— диаметр.
с/шт.	— соотношение штемпелей.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
А. М. Беленицкий. Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1951—1953 гг.	5
А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана (Предварительное сообщение о работах 1948, 1952—1954 гг.)	11
Е. А. Давидович. Раскопки замка Калаи-Боло (Из работ Исфаринского отряда ТАЭ в 1951—1952 гг.)	72
А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.)	104
О. Г. Большаков и Н. Н. Негматов. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента	155
В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента (Итоги работ 1952—1953 гг.)	193
О. И. Смирнова. Монеты древнего Пенджикента	216
В. В. Гинзбург. Антропологические материалы из окрестностей древнего Пенджикента	281
А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг.	290
Л. С. Бретаницкий. Об одном малоизвестном памятнике таджикского зодчества	325
И. Б. Бентович. Находки на горе Муг (Собрание Государственного Эрмитажа)	358
Хроника работ Таджикской археологической экспедиции с 1952 до 1954 г.	384
Библиография Таджикской археологической экспедиции за 1952—1954 гг.	386
Список сокращений	388

ТРУДЫ ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, т. III

*

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Л. Л. Викторова*
Технический редактор *Р. А. Аронс*
Корректор *Г. А. Аухимович*

Сдано в набор 11/VI 1958 г. Подписано к печати 18/XI 1958 г. РИСО АН СССР № 102—82В. Формат бумаги $84 \times 108/_{16}$. Бум. л. $12^3/_{16}$. Печ. л. $24^3/_8$=39.97 усл. печ. л. + 9 вкл. Уч.-изд. л. 40.11 + 9 вкл. (1.35). Изд. № 529. Тип. зак. № 692. М-37241. Тираж 1300.

Цена 27 р. 10 к.

Ленинградское отделение Издательства АН СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Колонка*	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
48	Левая	9 снизу	зазубрены	зазубрины
100	Левая	11 »	обороне	в обороне
117	Правая	2 сверху	Надполный	Надпольный
122	Правая	23–24 »	четырехстенный	четырхколонный
135	Подпись к рис. 33		ажурны индрик;	ажурный цилиндрик;
143	Правая	7 »	меча	меча,
153	Левая	9 »	пенджикенсткую.	пенджикентскую.
161	Правая	13–14 »	сводом с лестницей	сводом, с лестницей
162	Правая	6 снизу	1.8 м;	1.08 м;
222	Левая	8 сверху	wγrk	'wγrk
222	Правая	1 »	γwrêt	»γwrêt
242	Правая	29–30 »	(97—107 и 108—153),	(98—108 и 109—154),
254	Левая	9 »	(армейская	(арамейская
254	Левая	11 »	γ't(twn)h (?).	γ't(twn)h «царица» (тюрк.)
291	Правая	1 снизу	девять	девять рядов
328	Правая	21 сверху	оштукатуренными стенами	оштукатуренных стен
338	Левая	17 снизу	(рис. 11).	(рис. 10).
340	Правая	5 сверху	можно	трудно
341	Левая	7 снизу	З. Б. Засыпкин.	Б. Н. Засыпкин.
347	Левая	23 снизу	прочного	арочного
352	Левая	24–25 сверху	стилистических	стилистически
353	Левая	8 снизу	Мазарин-Шариф.	Мазари-Шариф.
356	Правая	22 »	целостной	целостного
367	Подпись к рис. 3		и стрелы	и древки стрел
368	Левая	всюду	стрела составная	древко стрелы составное